ХРЕСТОМАТИЯ ПОСТПРИВЫЧНОГО ВРЕМЕНИ

ХРЕСТОМАТИЯ ПОСТПРИВЫЧНОГО ВРЕМЕНИ

Под редакцией ЗИЯУДДИНА САРДАРА

МИИМ
Центр постпривычной политики
и исследований перспектив будущего

The Centre for
Postnormal Policy
& Futures Studies

Впервые книга на английском была издана в Великобритании в 2017 году
Центром поспривычной политики и исследований перспектив будущего.

www.iiit.org
www.cppfs.org
www.postnormaltim.es

© Copyright 2019 International Institute of Islamic Thought,
and Centre for Postnormal Policy & Futures Studies.
Все права защищены.

Статьи из журнала «*Futures*» воспроизводятся с разрешения
издательства Elsevier.

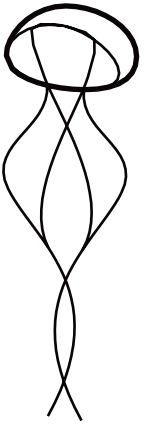
Никакая часть данной книги не может быть использована или
воспроизведена каким бы то ни было образом без письменного разрешения
издателя, за исключением кратких цитат, включаемых в критические статьи
и обзоры.

ISBN 978-1-56564-991-0

eISBN 978-1-64205-244-2

Переводчик и редактор
Елена Музыкина

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

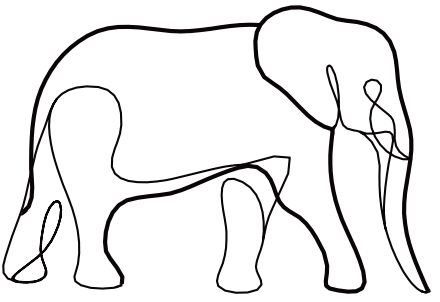
“Что же только что произошло?” 9
Зияуддин Сардар

ИСТОКИ И ТЕОРИИ

Наука постпривычной эпохи 33
С. О. Фунтович и Дж. Р. Равец

Добро пожаловать в постпривычное время 59
Зияуддин Сардар

Еще раз о постпривычном времени 87
Зияуддин Сардар

МЕТОДЫ И ВОПРОСЫ

«Три завтра» постпривычного времени 129
Зияуддин Сардар и Джон Суини

Заразительное подключение: зарисовки к «трем завтра» 158
Джон Суини

Невежество, неопределенность и «А что, если?» 182
Джером Р. Равец

«Здесь обитают драконы»: исследуя “непознанное неизвестное” 192
Шрин Элахи

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Постпривычные артефакты 211
Зияуддин Сардар

Глобальное постраннение 228
Джон Суини

Отношения Восток — Запад в постпривычное время 237
Зияуддин Сардар

Противоречия Европейского Союза 248
Джорди Серра

Постпривычная Америка в кино 257
Скотт Джордан

Постпривычное правление 272
Джорди Серра

Постпривычная Япония 283
Скотт Джордан

Ближний Восток в постпривычное время 293
Зияуддин Сардар

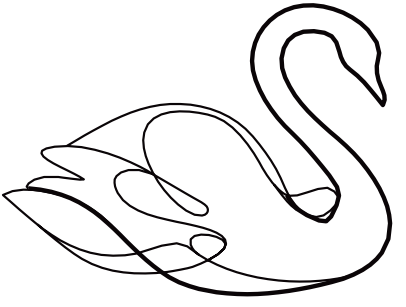
ЖИЗНЬ И РАБОТА

Игра религиозных престолов 313
Скотт Джордан

Перспективы будущего ислама в постпривычное время 332
Зияуддин Сардар

Наука и ученые в постпривычную эпоху 375
Джерри Равец

Творчество и лидерство в постпривычное время 396
Альфонсо Мантури и Габриель Доннелли

Об авторах 418

Слова благодарности 422

ЧТО ЖЕ ТОЛЬКО ЧТО ПРОИЗОШЛО?

Введение Зияуддин Сардар

Вы там, сзади, слушаете? Ли Гейтс хочет вам сказать кое-что важное. Если не знаете, он — телеведущий из фильма «Денежный монстр» (2016), который дает безумные финансовые советы аудитории, находящейся на пике возбуждения. И вот что он говорит: «Ты и представления не имеешь, где твои деньги. Знаешь, когда-то было время, когда ты мог прийти в свой банк, открыть свое хранилище и указать на слиток золота. Но это время прошло. Твои деньги, то, за что ты дерешь свою задницу, это всего лишь несколько фотонов энергии, проходящих через огромную сеть волоконно-оптических проводов. Почему мы это сделали? Мы сделали это, чтобы ускорить их, потому что ваши деньги должны быть быстрыми. Быстрее, чем у других. Но порой, когда вам нужны более быстрые рынки с более быстрой торговлей, более быстрой прибылью, более быстрым всем, у вас могут лопнуть покрышки».

Весьма здравое и своевременное наблюдение. За исключением того, что дело не в случайной шине, которая была кое-где проколота. Конкретно машина и сама дорога находятся в совершенно плачевном состоянии. Разрывы происходят повсюду, и кажется, что происходят они одновременно, со страшной регулярностью. В 2016 году мы стали свидетелями череды беспрецедентных событий. Продолжающиеся конфликты в Сирии, Ливии и Ираке привели к небывалому по масштабам кризису беженцев. Во Франции, Германии и США происходили массовые перестрелки, инициированные террористами и одиночками. Попытка государственного переворота в Турции. И Турция, и Франция на несколько месяцев оказались в состоянии чрезвычайного положения. Левый популизм привел к тому, что Джереми Корбин стал лидером лейбористской партии в Великобритании, а Берни Сандерс возглавил волну политического возмущения в США. Во Франции, Австрии, Голландии, Польше, Венгрии

растет правый популизм, который может привести крайне правые силы к власти в Европе. Вирус Зика. Отказ от прорывного мирного соглашения в Колумбии. Обострение напряженности между Китаем и Японией в Южно-Китайском море. Президент Родриго Дутерте, заявивший, что убийство бедняков, получающих быстрые деньги от продажи наркотиков, необходимо для разрушения «аппарата» [наркомафии] в его амбициозной войне с наркотиками на Филиппинах. Рост спектра и реализации отрицательных интересов. Брэксит. Раскол в Евросоюзе. И конечно же, Дональд Трамп — 45-й президент США, избранный при поддержке ультраправых (или, как некоторые предполагают, ультрафашистов).

Быстрее стали перемещаться не только деньги. Все ускоряется. Как отмечает Роберт Колвайл в книге «Великое ускорение»[1], новые тенденции, идеи и кризисы возникают в мгновение ока, ускоряя развитие средств массовой информации, промышленности, политики и общества. Устоявшиеся и лелеемые идеалы могут быть опрокинуты молниеносно. Непривычные и необычные понятия и события могут умножаться и становиться доминирующими. Международным словом года, по версии Оксфордского словаря английского языка, в 2016 году стало «*постправда*», «относящееся к обстоятельствам, в которых факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем апелляция к эмоциям и личным убеждениям»[2]. Стремясь не уступать конкурентам, словарь Merriam-Webster выбрал словом года «*сюрреалистично*», поскольку «в 2016 году пользователи стали на него чаще обращать внимание, чем это было в предыдущие годы, а также потому, что было много случаев, когда именно это слово заставляло людей обращаться именно к их словарю»[3].

ЭТО НЕ ПРОСТО МГНОВЕНИЕ. МЫ СЕЙЧАС ЖИВЕМ В ОБЩЕСТВЕ, КУЛЬТУРЕ И МИРЕ ПОСТИСТИНЫ, ГДЕ СФАБРИКОВАННОЕ ВАЖНЕЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОВ, РАЦИОНАЛЬНЫХ АРГУМЕНТОВ ИЛИ НЕОБХОДИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

Обычно мы рассматривали науку как область в основном объективного знания, но теперь научные данные можно отбросить как не относящиеся к делу. Вся история, в которой мы считали истину первоочередной

---

[1] Robert Colvile, *The Great Acceleration*, Bloomsbury, London, 2016.

[2] См. https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016.

[3] Word of the Year 2016. www.merriam-webster.com/words-at-play/woty2016-top-looked-up-words-surreal.

ценностью, перевернута с ног на голову. Поскольку истина связана со свободой («И познаете истину, и истина сделает вас свободными», — сказал Иисус в Евангелии от Иоанна 8:32), теперь мы обнаружили свободу во лжи и должны противостоять распаду правления, который приходит вместе с укоренением данной аксиомы. Как предупреждала Ханна Арендт, «идеальный подданный тоталитарного режима — это не убежденный нацист или убежденный коммунист, а человек, для которого более не существует различия между фактом и фикцией (т. е. реальности опыта) и между истиной и ложью (т. е. нормы мысли)»[4]. Якобы Европа отправила фашизм на свалку истории. Цивилизованные люди не увлекаются фашизмом, однако ультраправые движения процветают по всей Европе. Что-то не то происходит с этим миром. А что же с ним происходит?

Многие ученые, мыслители, писатели и комментаторы пытаются выяснить это уже более десяти лет. Например, британский левый социолог, ныне покойный Зигмунт Бауман, описал странные события нашего времени в серии книг, в названии которых присутствует слово «текучий». Он предполагает, что мы живем в эпоху текучего времени[5], продукта текучей современности[6], которая привела к состоянию перманентного кризиса[7]. В книге «Вавилон»[8], представляющей собой сборник бесед между Бауманом и итальянским журналистом Эцио Мауро, два мыслителя предполагают, что кризис носит всеобъемлющий характер и «врезается во все». «Как захватническая армия, вторгающаяся в спящее королевство, – говорит Мауро, – кризис с удивительной легкостью распространяется по всей материальной, институциональной и интеллектуальной системе демократических структур» Запада. Все, что было создано после Второй мировой войны, — «правительства, парламенты, посреднические органы, социальные субъекты, антагонизмы, государство всеобщего благосостояния, партии, национальные, международные и континентальные движения»[9] — находится в состоянии острого кризиса. Более того, эта череда кризисов действует как независимая сила. «Это сила, — говорит Мауро, — которая утверждает свою автономию без какой-либо вразумительной теории самой себя и своих действий, без какой-либо программы, но с такой силой, последствия которой болезненно видимы»[10].

---

[4] *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с анг. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Послесл. Ю. Н. Давыдова. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996, С. 615.

[5] Zygmunt Bauman, *Liquid Times*, Polity, Cambridge, 2007.

[6] *Бауман З.* Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.

[7] Zygmunt Bauman, *State of Crisis,* Polity, Cambridge, 2014.

[8] Zygmunt Bauman and Ezio Mauro, *Babel*, Polity, Cambridge, 2016.

[9] Ibid., p. 51.

[10] Ibid., p. 6.

Амори Ловинс, американский физик, эколог и соучредитель Института Роки-Маунтин, придумал термин «глобальное постраннение» для описания изменений, происходящих в планетарном масштабе[11]. В своей недавно вышедшей книге «Спасибо за опоздание»[12] неолиберальный американский комментатор Томас Фридман отмечает, что все меняется так быстро, что у нас просто не хватает времени задуматься над этим или приспособиться к изменениям. Множество «ускорений» взаимодействуют друг с другом, создавая новые кластеры, которые делают мировой кризис неустойчивым. Британский режиссер-документалист Адам Кертис предполагает, что мы живем в период «гипернормализации», когда мы теряемся в фальшивом мире и не можем видеть реальность извне[13]. Геологи спорят, вступили ли мы в новую геологическую эпоху, *антропоцен*, когда деятельность человека оказывает значительное глобальное влияние на экологию и геологию Земли[14]. Изменение климата, закисление океанов, увеличение темпов исчезновения видов — это всего лишь три примера того, как мы меняем планету. Великий британский физик Стивен Хокинг и его коллега-астроном из Кембриджа Мартин Рис указывают, что цифровые технологии позволяют очень небольшим группам людей очень быстро получать огромную прибыль. Искусственный интеллект может уничтожить целый ряд профессий, в том числе «синих воротничков» и «белых воротничков». Следовательно, неравенство будет расти. Хокинс заявляет: «Мы живем в самый опасный момент развития человечества»[15]. Рис считает, что XXI век вполне может стать нашим последним веком[16].

Сегодня все эти голоса представителей научных и гуманитарных сообществ, исходящие как с левой, так и с правой стороны политического спектра, бьют прямо в точку. Но дух времени не может быть описан ни одной из этих отличительных индивидуальных оценок. Различные подходы, основанные на разных точках зрения, приводят к описанию разных частей анатомии пресловутого слона. Чтобы получить более полную картину, т. е. увидеть слона целиком, нам нужно сделать шаг назад.

По сути, все они говорят, что

---

[11] ed.ted.com/lessons/a-40-year-plan-for-energy-amory-lovins.

[12] Thomas Friedman, *Thank You for Being Late*, Allan Lane, London, 2016.

[13] Alan Curtis, 'HyperNormalisation', available on bbc iPlayer.

[14] 'The Anthropocene epoch: scientists declare dawn of human-influenced age', *The Guardian*, 29 August 2016.

[15] Stephen Hawking, 'This is the most dangerous time for our planet', *The Guardian,* 1 December 2016; available on theguardian.com.

[16] Martin Rees, *Our Final Century: Will Civilization Survive the Twenty-First Century*, Arrow, London, 2004.

МЫ ЛИБО УЖЕ ПОТЕРЯЛИ, ЛИБО ТЕРЯЕМ ВЕРУ И ДОВЕРИЕ К ТОМУ, ЧТО МЫ СЧИТАЛИ ТАКИМ ПРИВЫЧНЫМ, ОБЫЧНЫМ И ОРТОДОКСАЛЬНЫМ.

Общепринятая политика не приносит наибольшего блага наибольшему количеству людей. По словам Баумана, дистанция «между голосующими и теми, кто пришел к власти благодаря их голосам, растет»[17]. Политика стала прерогативой богатой элиты и, похоже, служит только их целям. Демократия превратилась в правительство тех, кто предложил самую высокую цену, и часто превращается в тиранию большинства. Ортодоксальная капиталистическая экономика делает богатых только еще богаче ускоренными темпами. Хваленый эффект просачивания так и не материализовался. Даже такому самому заветному понятию, как «права человека», похоже, приходит конец. Оно было описано британским академиком международных отношений Стивеном Хопгудом как форма светского христианства, которое Запад превратил сначала в общемировое правило с помощью имперской власти, а затем в международное право и организации[18]. Ныне «права человека» все чаще оспариваются развивающимися державами, которые ставят под сомнение притязания на власть доминировавших до сих пор западных государств. Поэтому привычное, как бы мы его ни определяли, испаряется. Мы движемся к тому, что я назвал «постпривычным временем». Настоящая «Хрестоматия» описывает развитие теории постпривычного времени, уходящего корнями в науку о постпривычных явлениях, и объединяет на своих страницах ряд ключевые статей и работ. Моя цель в данном случае — представить обзор теории постпривычного времени и показать, как недавние события можно понять через эту призму.

Но сначала несколько слов о структуре «Хрестоматии». Она состоит из четырех разделов: «Истоки и теория», «Методы и вопросы», «Пространство и время», «Жизни и работа». Раздел «**Истоки и теория**» представляет собой подборку основополагающих материалов по постпривычной науке и постпривычному времени. В статье Сильвио Фунтовича и Джерри Равеца за 1993 год «Наука для постпривычной эпохи» впервые была описана элементарная структура постпривычной науки и предложен убедительный аргумент в пользу научной демократизации. Они утверждали, что наука стала постпривычной, когда «факты сомнительны, ценности спорны, ставки высоки, а решения неотложны». Концепция «расширенного коллегиального сообщества» была впервые представлена в упомянутой статье; она предшествует

[17] Zygmunt Bauman and Ezio Mauro, op. cit., p. 10.
[18] Stephen Hopgood, *The Endtimes of Human Rights*, Cornell University Press, 2015.

понятию полилога, который является центральным компонентом теории постпривычного времени. Работа Зияуддина Сардара «Добро пожаловать в постпривычное время», опубликованная в 2010 году, представляет компоненты постпривычного времени как теоретической основы для понимания настоящего и расширения нашей способности мыслить возможное будущее. Именно эта статья впервые определила основную структуру постпривычного времени: комплексность, хаос и противоречия. В работе «Еще раз о постпривычном времени» Сардар возвращается к исходным аргументам, одновременно отвечая на критику, появившуюся в ответ на его оригинальную статью. Он дополняет свое утверждение о постпривычном времени новыми примерами и дает перспективный анализ того, как динамика нашей современной эпохи может повлиять на будущие поколения.

Раздел «**Методы и вопросы**» представляет множество точек зрения на подходы к расширению охвата и масштабов постпривычного времени как теоретической основы при использовании будущего. В статье «Три завтра постпривычного времени» Зияуддин Сардар и Джон Суини описывают подход, который подчеркивает невежество и неопределенность при исследовании и моделировании альтернативных вариантов будущего, разработанных Центром постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS). В работе также вводится и раскрывается такое понятие, как *звринец постпривычных возможностей*. В эссе «Заразительная взаимосвязь» Дж. Суини представлено применение метода «Трех завтра» при исследовании сценариев будущего, касающихся интернета. Он рассматривает явления электромагнитной гиперчувствительности как назревающую проблему, которая может привести нас к поистине неожиданному будущему. В своем эссе 1997 года «Наука вопроса “а что, если?”» Равец утверждает, что научное исследование должно включать упреждающий и перспективный способ анализа, который он формулирует вопросом «а что, если?». Именно в этой статье Равец подчеркивает важность невежества и неопределенности, которые стали столпами анализа эпохи постпривычного времени. В статье «Здесь обитают драконы: исследуя “неведомое неизвестное”» Шрин Элахи занимается постпривычной наукой, неразрешимыми проблемами и «черными лебедями», чтобы провести убедительный анализ того, как неопределенность недооценивается в широком спектре когнитивных, научных и организационных парадигм.

В следующих двух разделах, «**Пространство и время**» и «**Жизнь и работа**», рассматривается ряд вопросов и институтов, формирующих перспективу постпривычного времени, включая изменение климата, госуправление, Японию, Европейский Союз и Ближний Восток, а также науку, религию, ислам и кино. В заключительной статье Альфонсо Мантури и Габриэль Доннелли «Творчество и лидерство в постпривычное

время» утверждается, что в эпоху ускоряющихся изменений, комплексности и хаоса нам срочно нужны новые идеи и радикальная смена образа мышления, что поможет найти истоки наших предположений и проблем.

Ускоряющийся, глобализированный и взаимосвязанный

Итак, как мы понимаем природу изменений в это постпривычное время?

Мы должны признать, что не все изменилось. Но довольно многое поменялось и продолжает меняться. Постпривычное время лучше всего определить как «промежуточный период, когда старые ортодоксы умирают, новые еще не родились, и кажется, что очень немногое имеет смысл»[19]. Или, как выразился Эцио Мауро: «Мы зависли между "уже нет" и "еще нет", и поэтому мы неизбежно находимся в состоянии нестабильности: ничто вокруг нас не является постоянным, даже направление нашего движения»[20]. Чтобы понять природу современных изменений и к чему они могут нас привести, нам нужно постигнуть характер и динамику постпривычного времени.

Начнем с очевидных наблюдений: наш мир глобализирован и взаимосвязан, и это имеет определенные последствия. В глобализированном мире вещи, как правило, имеют глобальный масштаб и размах. Локальное событие, такое как появление вируса, подобного вирусу Зика, или банковский кризис в конкретной стране, быстро приобретает глобальный характер и проникает даже в самые отдаленные уголки планеты. Поскольку мир взаимосвязан, все движется с большой скоростью. Таким образом, локальная инфекция может очень быстро превратиться в глобальную пандемию. Анонимы теперь оказались в центре международного внимания благодаря тому, что предыдущие поколения сочли бы ошеломляющими. Малала Юсуфзай стала всемирной знаменитостью всего за несколько месяцев: нападение талибов на нее произошло в октябре 2012 года, а в октябре 2014 года она получила Нобелевскую премию мира. Между этими двумя событиями она выступила в ООН, опубликовала автобиографию и путешествовала по всему миру, ратуя за образование девочек. Терри Джонс, пастор небольшой экстремистской церкви на юге США, объявил, что сожжет Коран, чем обратил на себя внимание госсекретаря, который попросил его не рисковать жизнью военнослужащих и женщин. Через несколько дней после того, как эта история была опубликована, Джонс привлек к себе то внимание, которого он так отчаянно жаждал, но связанные с этим беспорядки вспыхнули во многих странах.

Помимо скорости, масштаба и охвата, существует еще одновременность. По мере того, как события развиваются с огромной скоростью и

---

[19] Ziauddin Sardar, 'Welcome to Postnormal Times', *Futures*, 42 (5), pp. 435–444 (2010).

[20] Zygmunt Bauman and Ezio Mauro, op. cit., p. 20.

приобретают глобальный масштаб и размах, они также имеют тенденцию происходить одновременно, на что впервые обратил внимание бывший генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. В речи, произнесенной в июле 2009 года в Дублине, он предположил, что «мы живем в эпоху, не похожую ни на какую другую. Существует ряд кризисов: продовольственный, топливный; кризис, связанный с заболеванием гриппом, и финансовый кризис. Каждый из них — это кризис, которого мы не видели много лет, даже поколений. Но на этот раз они поражают мир вместе. Мы никогда не знали эпохи, когда бы нас настигали все эти многочисленные кризисы одновременно»[21].

ЭТА ОДНОВРЕМЕННОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ ОСОБЕННОСТЬЮ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ, ПЕРЕПЛЕТЕННЫХ СИСТЕМ. И ВОТ КАК ТЕПЕРЬ МЫ ДОЛЖНЫ СМОТРЕТЬ НА НАШ МИР: КАК НА ВЗАИМОСВЯЗАННУЮ, ПЕРЕПЛЕТЕННУЮ СИСТЕМУ, ГДЕ ВСЕ БЫСТРО УСКОРЯЕТСЯ, ЧАСТО ОДНОВРЕМЕННО, И СТАНОВИТСЯ ГЛОБАЛЬНЫМ ПО СВОЕМУ МАСШТАБУ.

Именно это произошло, например, при голосовании по Brexit в Великобритании, за которым последовало избрание президента Трампа, что привело к голосованию «против» на референдуме в Италии, и все это теперь влияет на рост голосов ультраправых в Европе. Внутренние и внешние силы меняют природу национальных государств. Данный шаг предвещает ощутимый сдвиг в управлении и говорит об изменении динамики жизни в постпривычное время, особенно потому, что, по словам министра иностранных дел Дании, «эти компании стали своего рода новыми нациями, и нам нужно противостоять этому»[22].

Приведем еще один пример одновременности событий: посмотрите, сколько войн ведется одновременно сегодня. «Холодная война» между Россией и Западом возобновилась с удвоенной силой. «Прокси-войны» между Россией и Западом, а также между Саудовской Аравией и Ираном велись на полях сражений в Сирии и Ираке. Идут «гибридные войны» между государствами с использованием кибератак и пропаганды, когда сайты выборов в других странах могут быть взломаны, а политические

[21] 'United Nations peace missions in peril, says Ban Ki-moon', *The Guardian*, 7 July 2009.
[22] In world first, Denmark to name a 'digital ambassador'. January 27, 2017. www.thelocal.dk/20170127/in-world-first-denmark-to-name-a-digital- ambassador.

процессы подорваны. Присовокупим открытые «кибервойны», в которых государства, шпионы, преступники, террористы, мошенники, воры и хакеры пытаются украсть информацию и/или нанести ущерб государствам, корпорациям, банкам, больницам и отдельным лицам. Не забудьте «твиттер-войны»: сражения всех против всех с участием 140 персонажей. У нас есть не только новые разновидности войн, с которыми нужно бороться, но и одновременность их реализации со старыми.

Помимо масштаба, скорости и одновременности, у постпривычного времени есть другие важные особенности, которые мы называем КПХ[23]: комплексность, противоречия и хаос.

Взаимосвязанные, взаимозависимые, переплетенные системы, как правило, взаимодействуют множеством способов, следуя локальным и разнообразным правилам. Другими словами, они имеют тенденцию быть комплексными. Действительно, почти все, с чем нам приходится иметь дело в настоящее время, комплексно, то есть связано со множеством других взаимозависимых вещей и встроено в них. Чтобы решить одну проблему, мы должны решить ряд других, которые взаимодействуют друг с другом по-разному. Однако не все разделяют эту точку зрения.

27 января 2017 года президент Трамп издал указ, запрещающий въезд всем беженцам на 120 дней (прямое нарушение Женевской конвенции), тем самым остановив поток приезжающих из Сирии и шести других стран: Ирана, Ирака, Судана, Ливии, Сомали и Йемена. В отношении (неконституционного) приказа Трампа ясно одно: он должен был стать сенсацией, тактическим приемом, призванным оглушить, и «простым» решением сложной ситуации. Хотя Трамп проводил кампанию с позиции, предусматривающей полный запрет на въезд мусульман в США, это модифицированное предложение, хотя и столь же ужасающее, похоже, было сделано исключительно для умиротворения экстремистски настроенного электората президента; это говорит о способах неправильного понимания комплексности или, что еще более вопиюще, используется в политических целях. В пространном и широко распространившемся на Facebook посте Хизер Ричардсон, профессор истории Бостонского колледжа, назвала запрет на въезд мусульман «шоком» и отметил, что данный феномен находится в «зависимости от скорости и хаоса, потому что требует инстинктивной реакции, чтобы разделить людей по четко установленным линиям»[24]. Было бы безрассудно недооценивать подобного рода хитрый ход.

---

[23] В английском оригинале текста используется термин «3Cs», образованный из начальных букв слов, соответствующих русским эквивалентам «комплексность — противоречия — хаос» (complexity — contradictions — chaos). — *Прим. пер.*

[24] www.dallasnews.com/opinion/commentary/2017/01/31/americans-can-turn-tables-steve-bannons-shock-event.

Простых проблем или простых решений нет. Мир не является одномерным и предсказуемым. Когда граждане требуют быстрых решений, простых ответов на их неразрешимые взаимозависимые проблемы, мы сталкиваемся с противоречием. Ни один честный политик не может разработать четких и простых планов или дать простые и понятные ответы. При этом он также не желает сказать: «Это сложная проблема, мы не знаем, что делать». Итак: они лгут. А избиратели предпочитают политиков с простыми, сфабрикованными из постправды ответами. Как однажды пошутил американский политолог и футуролог Джим Дейтор, «будущее не в счет, потому что будущее не голосует». Все чаще мы сталкиваемся со сложными проблемами, которые затрагивают разные поколения.

Рассмотрим пример самой большой в мире подвижной конструкции: стального купола, который недавно был установлен над поврежденным ядерным реактором в Чернобыле. После десятилетий согласованных усилий новый кризис утих, но решение не было простым или краткосрочным. То же самое, вероятно, будет иметь место на Фукусиме, но ситуация там на самом деле может оказаться еще хуже. Спустя пять лет уровень радиации остается настолько высоким, что роботы, посланные для сбора данных, ломаются рекордными темпами[25]. Комплексность ситуации на Фукусиме нельзя недооценивать, и, как в случае с Чернобылем, она наверняка будет иметь последствия для нескольких поколений. У наших потомков не будет другого выбора, кроме как разгребать эти проблемы, а мы колонизировали их и без того сложное будущее и оставили им множество противоречий.

И эта комплексность усугубляется противоречиями, окружающими нас, выражающимися в социальном неравенстве, конкурирующих требованиях и явных конфликтах между бесчисленными сталкивающимися друг с другом интересами и различными сообществами со своими взглядами, идеологиями, замыслами и желаниями, тянущими общество в разные стороны. В комплексном, переплетенном мире противоречия — естественный продукт многочисленных антагонистических социальных и культурных взаимосвязей, борющихся за первенство. Противоречия также являются результатом того факта, что каждая политика имеет свои издержки и негативно влияет на что-то или кого-то еще.

Происходит нечто интересное...

Присущие постпривычному времени противоречия прекрасно отражены в цитате, приписываемой профессиональному маркетологу Тому Гудвину, которая разошлась на Facebook в мае 2016 года:

---

[25] www.independent.co.uk/news/world/robots-fukushima-nuclear- disaster-dying-probe-clean-up-tepco-toshiba-reactor-nuclear- radiation-a7612396.html?cmpid=facebook-post.

UBER, КРУПНЕЙШИЙ ТАКСИ-ПЕРЕВОЗЧИК В МИРЕ, НЕ ИМЕЕТ СОБСТВЕННОГО ТАКСОПАРКА. FACEBOOK, САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ В МИРЕ, НЕ СОЗДАЕТ СОБСТВЕННОГО КОНТЕНТА. У «АЛИБАБЫ», САМОЙ ОБШИРНОЙ СЕТИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ, НЕТ ИНВЕНТАРИЗАЦИОННОГО СПИСКА. А AIRBNB, КРУПНЕЙШАЯ В МИРЕ КОМПАНИЯ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ЖИЛЬЯ, НЕ ВЛАДЕЕТ НИКАКОЙ НЕДВИЖИМОСТЬЮ. ПРОИСХОДИТ ЧТО-ТО ИНТЕРЕСНОЕ.

Когда объединяются такие бросающиеся в глаза противоречия и комплексность, общий результат — хаос. Переплетенный, комплексный мир противоречий и ускоряющихся изменений открыт для положительной обратной связи, когда явления и объекты могут быстро и опасно умножаться в геометрической прогрессии и становиться хаотичными. Даже небольшие, незначительные события могут спровоцировать потрясения и с неимоверной скоростью привести к огромным изменениям в глобальном масштабе. Один твит, компьютерный взлом, забастовка или единственная отставка могут вызвать цепную реакцию с непредвиденными последствиями.

Итак, чтобы понять, что же только что произошло и что может произойти в будущем, нам нужно увидеть вещи в рамках постпривычного времени. СГМО[26] и КПХ действуют как независимые, автономные силы, которые могут быть запущены и активированы любым небольшим возмущением. Всегда существует опасность быстрого роста событий в геометрической прогрессии. Происходящие кризисы часто случаются одновременно, группами, кластерами. Комплексные сети генерируют положительную обратную связь, которая может привести к хаотичным событиям, таким как *Brexit* или тому, что журнал *New Statesman* назвал «апокалипсисом Трампа»[27].

---

[26] В английском тексте используется термин «4Ss», образованный из начальных букв английских слов Speed, Scope, Scale, Simultanity, переведенных на русский как «скорость», «границы», «масштаб» и «одновременность». — *Прим. пер.*

[27] *New Statesman*, Cover Story, 10 November 2016.

С точки зрения постпривычности в популизме нет ничего удивительного. Это продукт ряда противоречивых и комплексных тенденций и явлений, вызревавших годами, которые, благодаря новым технологиям, взаимосвязаны и происходят одновременно. Например, гнев и негодование, вызванные растущим неравенством. Или укрепление деструктивного этоса как рынком, так и средствами массовой информации, например, огромным количеством реалити-шоу на телевидении, пропагандирующих безжалостность, жадность и неприкрытый консьюмеризм. Очевидная неспособность политических систем предоставить механизмы для рассмотрения жалоб меньшинств, будь то афроамериканцы в США, аборигены в Австралии или шииты в Ираке. Все эти тренды способствовали возникновению чувства отчужденности и одиночества. И наконец, конечно же, демографические изменения, создавшие новое меньшинство: бесправные и маргинализированные белые рабочие и средний класс в США и Европе, люди, которые традиционно имели преимущества и не привыкли видеть себя в нижней части пищевой цепочки. Затем есть социальные сети, которые, как и многое другое в постпривычное время, имеют внутреннее противоречие: они подключаются и отключаются одновременно. Вы окружаете себя теми, кто разделяет ваши взгляды, и отрезаете себя от тех, кто с вами не согласен. Таким образом разделения усиливаются. И левый популизм Берни Сандерса и Джереми Корбина, и правый популизм варианта Трампа и Ле Пен являются продуктом крайней маргинализации и разочарования, которые, в свою очередь, являются результатом безразличия. Победитель получает всю политическую систему, безжалостную жестокость «реалити-шоу» и культуру, основанную на знаменитостях, а также технологии социальных сетей, позволяющие людям создавать комплексные взаимосвязи, которые могут быстро генерировать хаотические события. *Brexit* послужил спусковым крючком, чтобы активизировать эти силы и ввергнуть их в хаос.

То же самое можно сказать и о силах, которые подтолкнули нас к построению общества постправды. В конце концов, именно в этом была цель постмодернизма, который торжественно заявил нам, что «великие нарративы бессмысленны», что все истины, независимо от их источника, полностью относительны и как таковые ничем не лучше, чем любые другие[28]. Примерно последние тридцать лет эта идеология подпитывала академические круги, архитектуру, кино, телевидение и даже торговые центры. На этом учении выросло целое поколение. Политики, неспособные справиться с комплексностью и неопределенностью, систематически экономили на истине. Корпорации и лоббистские группы финансировали и производили невежество. Те, кто отрицает изменение климата, и

[28] Ziauddin Sardar, *Postmodernism and the Other*, Pluto Press, London, 1998.

лоббисты, выступающие за курение, — только видимая вершина этого айсберга. Правые экстремисты и исламофобы на протяжении многих лет распространяют ложь и дезинформацию. Новые коммуникационные технологии позволили всем этим трендам слиться в глобальную силу и превратиться в комплексную сеть. Трамп предстал в роли катализатора, позволившего этим сетям вырваться наружу.

Постпривычное время подорвало представления о том, как должно функционировать общество. Допущения, служившие основой мирового порядка, также испарились. Мы оказываемся лицом к лицу с новыми и только нарождающимися реалиями, которые нам еще предстоит осознать. Чтобы иметь хоть какую-то надежду выбраться из постпривычной турбулентности, мы должны начать с признания того, где мы находимся на данном конкретном историческом этапе.

В НАРОЖДАЮЩЕМСЯ ПОСТПРИВЫЧНОМ МИРЕ ВЛАСТЬ ЭВОЛЮЦИОНИРОВАЛА, ТРАНСФОРМИРОВАЛАСЬ, РАССЕЯЛАСЬ И ПЕРЕМЕСТИЛАСЬ С ЗАПАДА НА ВОСТОК И В ЛЮБУЮ ТОЧКУ МЕЖДУ ЭТИМИ ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ ЗОНАМИ.

Мы перешли от однополярного мира к многополярному, в котором конкурирующие сверхдержавы враждуют друг с другом. Цифровая революция открывает перед развивающимися странами новые возможности для консолидации собственных сфер влияния[29]. Появились новые негосударственные субъекты, которые функционируют как сетевые системы с огромным влиянием. А отдельные индивидуумы, которые могут вольно или невольно запустить цепную реакцию, обладают огромной силой, способной вызвать хаос. Киберугрозы со стороны государств, негосударственных субъектов, сетей хакеров и преступников ставят под вопрос все источники власти. Россия якобы вмешивалась в выборы не только в США, но и в Грузии и в Украине. В июне 2016 года суперпрофессиональный колумбийский хакер сфальсифицировал выборы в восьми странах Латинской Америки в пользу кандидатов правого крыла[30]. Другие государства последуют по тому же пути. Сдвиг в сфере власти, а также появление новых ее источников не только увеличили комплексность и противоречивый характер геополитики, но и породили множество

[29] Taylor Owen, *Disruptive Power: The Crisis of State in the Digital Age*, oup, 2015.
[30] Jess Staufenberg, 'Political cyberhacker Andrés Sepúlveda reveals how he digitally rigged elections across Latin America', *The Independent*, 2 April 2016.

неопределенностей. Редко можно проследить прямую причинно-следственную связь между решением или действием и его последствиями. Если вы решитесь уничтожить посредствам политических публикаций своих противников в постпривычное время, то жареные факты могут обжеть вас так же сильно, как и намеченную цель.

В результате глобальных перемен в сфере власти предполагаемое моральное превосходство западной культуры испарилось[31]. Когда Ганди предположил, что «западная цивилизация — неплохая идея», он указал тем самым на то, что цивилизационный аспект западной культуры является поверхностным. Мы уже стали свидетелями роли ультраправых в избрании Дональда Трампа. Ультраправые партии в других европейских странах, таких как Австрия, Голландия, Венгрия, Польша, Норвегия и Германия твердо стоят на ногах и набирают силу. Следующим президентом Франции может стать Ле Пен от фашистского национального фронта. В постпривычное время Европа может вернуться к своему недавнему фашистскому прошлому с поразительной скоростью, в региональном масштабе и во многих странах одновременно. Таким образом, бо́льшая часть послевоенной международной инфраструктуры, от Всемирного банка до «Конвенции по правам человека», основанной на западной культуре и морали, будет все чаще подвергаться сомнению и оспариваться. В постпривычное время все человеческие культуры потеряли свои ориентиры. И каждое социальное, культурное, политическое, философское и религиозное мировоззрение, известное на сегодня человечеству, должно заново учиться тому, как взаимодействовать со своими собственными моральными и этическими принципами.

Как указывает немецкий социолог Вольфганг Штрик, предположение о том, что капитализм в том виде, в котором он существует сегодня, можно реформировать или изменить, чтобы обеспечить равенство, является «утопическим идеалом». Сегодня очевидно, что капитализм, как и коммунизм, содержит семена саморазрушения. Дело не в том, что рынок отвратителен или что частная собственность и создание богатства — это плохо. Дело в том, что капитализм в его нынешней необузданной форме по самой своей сути предназначен для увеличения неравенства все более быстрыми темпами. По оценкам Oxfam[32], в начале десятилетия 388 самых богатых людей в мире владели таким же богатством, что и 50 процентов самых бедных. В 2014 году это количество самых богатых людей упало до 80. Год спустя их число сократилось до 62 человек. В 2016 году

---

[31] Pankaj Mishra, *The Age of Anger*, Allan Lane, London, 2017.

[32] ***Oxfam*** — основанная в 1942 году в Великобритании и возглавляемая Oxfam International конфедерация 20 независимых благотворительных организаций, основной целью которой является сокращение глобальной бедности. Официальный сайт: https://www.oxfam.org/en — *Прим. пер.*

только восемь людей на планете владели таким же богатством, как и те, что находились среди самой бедной половины населения (3,5 миллиарда человек). Сегодня с этими цифрами можно поспорить, но сама тенденция очень устойчива. Более того, мир слишком сильно изменился, чтобы традиционный капитализм мог функционировать привычным образом. Мервин Кинг, бывший управляющий Банка Англии, указывает в своей книге «Конец алхимии»[33], что мы больше не живем в мире, где можно было бы точно определять риски. Вместо этого мы находимся в состоянии «радикальной неопределенности»: существует слишком много известных и неведомых неизвестностей, с которыми приходится иметь дело капиталу, с учетом взвешенного риска. Таким образом, капитализм подошел к концу срока своей годности. В конце концов он умрет. Но, «Как закончится капитализм?», спрашивает в своей книге Стрик[34]. Ответ: не с шумом и гамом. Прежде чем капитализм исчезнет, он в обозримом будущем будет продолжать пребывать в нашей среде, причем в коматозном состоянии. И даже после своей смерти, его разлагающееся тело будет источать зловоние на протяжении многих поколений.

Национальное государство попало в ловушку противоречий: оно стало слишком сложным, чтобы им можно было адекватно управлять, при этом оно не может справиться с комплексностью взаимозависимого мира. Государство потеряло способность защищать свободу и равенство всех своих граждан. Его институциональные структуры неспособны справиться с противоречивыми требованиями этих граждан, различия между которыми все возрастают. Небольшое возмущение, например, демонстрация против экономического неравенства, митинг против непопулярной политики правительства, может привести к большим непреднамеренным хаотическим последствиям, которые в состоянии разрушить государство. Как мы видим на YouTube, именно такие искры вызвали серьезные волнения в Венесуэле, а также в Египте и Украине. Посмотрите, как быстро Греция была поставлена на колени и превратилась в государство «третьего мира» в Европе. Некоторые государства вообще не могут функционировать как таковые. Очевидными примерами являются Ирак и Сирия. Во всем мире государство [как институт] все настойчивее стремится приблизиться к границе хаоса. Популизм подчеркивает разочарование в современном государстве и его неспособность пережить постпривычное время.

В постпривычное время то, что технически возможно, будет реализовано и станет реальностью независимо от того, действительно ли это необходимо, законно и этично. Новые технологии всегда продаются ради выгоды. Но в постпривычное время у всех этих технологий есть темная

---

[33] Mervyn King, *The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of Global Economy*, Little Brown, London, 2016.

[34] Wolfgang Streeck, *How Will Capitalism End*, Verson Books, London, 2016.

сторона, которую нельзя игнорировать. Возьмем, к примеру, два назревающих тренда: использование кода и ДНК в качестве оружия. Взаимодействие нескольких технологий, таких как социальные сети, облачное хранилище данных, большие данные и искусственный интеллект, создаст новые возможности для профилирования и сосредоточения внимания на конкретных группах и сообществах людей. Достижения в разработке так называемых автономных систем оружия летального действия (сокращенно АСОЛД), то есть систем, способных идентифицировать и выбирать цель на основе расового профиля, поведения и других человеческих черт, повышают возможность появления роботов-убийц, специально предназначенных для выделения определенной группы в качестве мишени.

Не все подобного рода разработки могут быть целенаправленными. Некоторые из них могут стать вторичным результатом невинных технических достижений. Рассмотрим, например, судьбу Тэй, искусственного чат-бота, созданного, чтобы в разговоре подражать девочке-подростку и улучшить обслуживание клиентов компании Microsoft. Через несколько часов после публикации в твиттере Тэй превратился в фашиствующую сущность, радостно рапортовавшую в Твиттере «Хайль Гитлер»[35]. Взаимодействие с людьми может дать совершенно новый импульс развивающимся технологиям. Нечто подобное может произойти с экспериментами по редактированию ДНК, финансируемыми известными инвесторами, такими как Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Google Ventures и DuPont, и продвигаемыми как панацея от уменьшения страданий человечества. На данный момент основное применение данного процесса ограничено генной инженерией, моделированием болезней и биомедициной. Но его конечные последствия для человеческого общества могут быть огромными, поскольку в состоянии легко привести к генетическому конструированию младенцев (что уже происходит в Индии), повышению физических и интеллектуальных способностей определенных людей и другим формам евгеники.

Одержимость расовой чистотой легко превратить в одержимость генетикой, как учит нас история. Эти эксперименты также можно использовать для развертывания генетической войны против определенных групп, таких как мусульмане, арабы, гомосексуалы, или для разрушения отдельных экосистем во «враждебных» государствах. Более того, можно создать специальные бактерии, паразитов, вирусы и грибы, чтобы выборочно сосредоточить внимание на отдельных сообществах. Все это может стать реальностью, потому что технически это осуществимо. Несмотря на регулирующие органы и «комитеты по этике», реальных проверок, способных помешать такому развитию событий, не существует.

---

[35] Helena Horton, 'Microsoft deletes 'teen girl' ai after it became a Hitler- loving sex robot within 24 hours', *The Telegraph*, 24 March 2016.

ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ НЕ ОГРАНИЧИВАЕТСЯ «ФЕЙКОВЫМИ НОВОСТЯМИ», «АЛЬТЕРНАТИВНЫМИ ФАКТАМИ» И ПРОИЗНЕСЕНИЕМ «ПОСТПРАВДЫ». ОЧЕВИДНО, ЧТО НЕВЕЖЕСТВО ВОЗНИКЛО КАК НОВЫЙ ВЫСОКОЦЕННЫЙ, УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТОВАР, КОТОРЫЙ МОЖНО ЛЕГКО СКОНСТРУИРОВАТЬ, ИЗГОТОВИТЬ И РАСПРОСТРАНИТЬ В ГИГАНТСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ МАСШТАБАХ.

Невежество бывает разного рода, выступая в качестве инструмента власти и манипуляции, как агент противоречия и хаоса, как стратегия отвлечения внимания и порождения неопределенности. Оно представляет собой ценный инструмент для государств, групп, сетей, а также отдельных лиц. Все могут его использовать для генерации крупных хаотических событий. Хороший пример — недавняя фейковая история, в которой между двумя ядерными державами возникла напряженная переписка в Твиттере. В декабре 2016 года был распространен твит, озаглавленный «Министр обороны Израиля: если Пакистан отправит сухопутные войска в Сирию под любым предлогом, мы уничтожим эту страну ядерным ударом». Министр обороны Пакистана ответил собственным твитом: «Пакистан тоже является ядерным государством». Дальнейшая эскалация ситуации была предотвращена, когда израильское правительство быстро отреагировало, указав, что история была «полностью вымышленной», а цитата — выдуманной. В постпривычное время изучение невежества так же важно, как и распространение знаний.

Не существует обобщенного, статичного общественного мнения. Движение людского мнения подобно маятнику — из одной крайности в другую: то оно стремится к большей свободе, то к большей безопасности, то требует государственного вмешательства в помощь нуждающимся, то обвиняет это государство в том, что оно контролирует их жизнь. В условиях демократии почти каждое общество глубоко раздроблено: существует непреодолимая пропасть между левыми и правыми, секуляристами и поборниками религии, либералами и фундаменталистами, модернистами и традиционалистами, а также между множеством других точек зрения и мировоззрений, расположенных между этими крайностями. Каждая группа существует в своей изолированной цифровой эхо-камере, где ее мнения и предрассудки реверберируют до бесконечности. Цифровые технологии также позволяют отдельным лицам и группам

действовать анонимно, на расстоянии. Видимой связи между агентом и действием нет. Следовательно, чувство ответственности отсутствует, либо слабо выражено. В результате люди, которые бы никогда сознательно не приняли фанатичных взглядов и не действовали бы в соответствии с ними, оказываются под их влиянием на глубоком подсознательном и эмоциональном уровне, проецирую собственную «тень». Таким образом, постоянно возникают проблемы предрассудков, фанатизма, ненависти и разногласий. Неудивительно, что наблюдается быстрый рост оскорбительного поведения в социальных сетях и троллинга, усиливаемых отсутствием ответственности.

С учетом комплексных, противоречивых и хаотических характеристик постпривычного времени должно быть очевидно, что его нельзя контролировать и им нельзя управлять. Действительно, постпривычное состояние невозможно понять даже в рамках абсолютных перспектив, в рамках определенности, дисциплинарных и отраслевых границ, инженерных и технических перспектив или геополитических полярностей. Когда нет ничего определенного, по-настоящему гарантированного или полностью безопасного, а ускорение является единственной константой, самое бо́льшее, на что мы можем надеяться, — это проложить себе путь через эти бурные пороги, не упуская при этом из виду наше предпочтительное будущее. Хотя можно легко почувствовать себя подавленным вихрем постпривычных явлений вокруг нас, мы никогда не должны терять надежду и стремиться сделать все возможное, чтобы способствовать позитивным, устойчивым и улучшающим жизнь изменениям. Такие проекты, как «Семена добрых антропоценов» (Seeds of Good Anthropocenes)[36], демонстрирующие малоизвестные экологические инициативы, являются сильным противовесом широко распространенному пристрастию к антиутопии. *Appropedia*[37], вики-сайт, предлагающий решения по устойчивому развитию с открытым исходным кодом, может похвастаться более чем 7000 инструментов и ресурсов для тех, кто в них нуждается. Он представляет собой еще одно свидетельство вероятности того, что за пределами постпривычного времени возможно другое будущее. Но, как отмечает Джим Дейтор, мы должны, научиться преодолевать цунами — подходящая метафора для жизни в постпривычное время.

Для навигации в постпривычное время необходимы определенные условия. Нам нужно знать различные варианты будущего: какие альтернативы могут скрываться за линией горизонта. Бдительность в отношении будущих последствий может усилить инициативность в эпоху радикальной неопределенности и поддержать дух грамотности в отношении будущего. Как говорит Мервин Кинг, лучше быть почти правым, чем

[36] https://goodanthropocenes.net/

[37] www.appropedia.org.

совершенно неправым. Это означает, что вместо того, чтобы пытаться предсказать, нам нужно предвидеть. Во взаимосвязанном, взаимозависимом мире события могут быстро перерасти в хаос. Мы должны понимать, что не существует единственного или простого решения любой проблемы. Большинство наших проблем комплексны, взаимосвязаны и «неразрешимы». Для их решения необходимы способности и методы, основанные на всеобъемлющих и множественных способах познания, существования и действия. Нам необходимо перейти от общепринятого решения проблем, основанного на иллюзорной точности математики, такой как формула ВВП[38], производные и непрозрачные алгоритмы[39], к системному управлению, и начать работать «над созданием условий, в которых взаимодействующие в системе агенты будут адаптироваться к социально желаемым результатам»[40]. Нам необходимо связать знания с ценностями и задаться вопросом об этических последствиях непрерывного технического прогресса. Самым главным для навигации в постпривычное время является приверженность некоторым довольно старомодным добродетелям, которые глобализированное общество игнорирует. Среди них скромность, ответственность, смирение и общность. И есть одна ценность, которую нам нужно срочно усвоить: как бороться с ошеломляющим разнообразием, слушать множество голосов, ценить множество точек зрения, приспосабливаться к различным способам существования, действия и знания и синтезировать инклюзивное продвижение вперед.

Вот где в уравнении появляется полилог. Полилог — это пространство, где, как предполагает теоретик культуры Юлия Кристева[41], многочисленные логики, точки зрения, голоса и способы бытия объединяются, чтобы создать новые комбинации.

ПОЛИЛОГ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАНИЕМ ТАКОЙ РЕАЛЬНОСТИ, В КОТОРОЙ ДИАЛОГ УЖЕ НЕДОСТАТОЧЕН ДЛЯ МИРА НЕИМОВЕРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И ПЛЮРАЛИЗМА.

---

[38] Ehsan Masood, *The Great Invention: The Story of* GDP *and the Making and Unmaking of the Modern World*, Pegasus Books, New York, 2016.

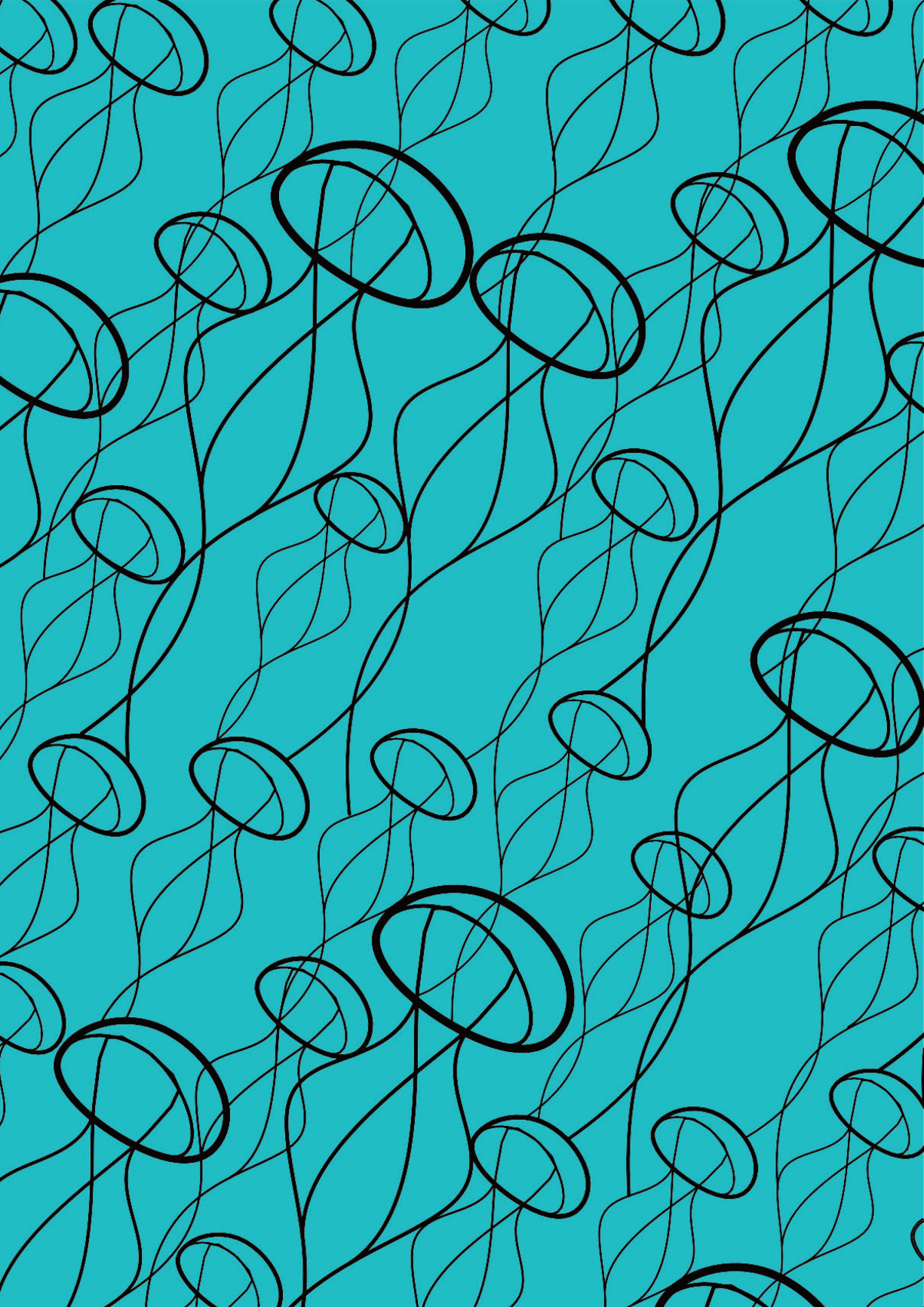
[39] Cathy O'Neil, *Weapons of Math Destruction*, Allan Lane, London, 2016.

[40] Eric Beinhocker, 'New economics, policy and politics' in Tony Dolphin and David Nash, editors, *Complex New World*, Institute for Public Policy Research, London, 2012, p. 143.

[41] Julia Kristeva, *Polylogues*, Seuil, Paris, 2008 (in French).

Данная концепция также возникает из осознания того, что противоречия нельзя разрешить, их можно только переступить; и новые комбинации и знания производятся в сообществах посредством энергичного и структурированного обмена идеями. Полилог занимает центральное место в нашей работе над постпривычным временем.

«Хрестоматия постпривычного времени» воплощает в себе и говорит о ценностях полилога, важного инструмента для выхода из пробки, которая возникает на пути в будущее. Работа над дискурсом постпривычного времени продолжается. Следовательно, «Хрестоматия» со временем будет меняться и развиваться, от выпуска к выпуску. Но она всегда будет состоять их текста, в основе которого лежит разнообразие и множественность, а также пространство, которое может с удовольствием включить и ваши работы.

ИСТОКИ И ТЕОРИИ

НАУКА ПОСТПРИВЫЧНОЙ ЭПОХИ

Сильвио О. Фунтович и Джером Р. Равец

Наука находится в процессе постоянного развития, решая свои основные проблемы по мере их возникновения на протяжении истории. После столетий триумфа и оптимизма наука сегодня призвана исправить патологии мировой промышленной системы, основу которой она составляет. Если раньше наука воспринималась как нечто, неуклонно продвигающееся вперед к торжеству уверенности в имеющихся у нас знаниях и к контролю над миром природы, то теперь ее характеризуют иначе — как вынужденную справляться со множеством неопределенностей в вопросах политики, связанных с рисками и проблемами окружающей среды. В ответ разрабатываются новые типы научной деятельности. Редукционистское аналитическое мировоззрение, разделяющее системы на все более мелкие элементы, и, в свою очередь, изучаемое все более эзотерическими специалистами, заменяется системным, синтетическим и гуманистическим подходом. Преодолена древняя дихотомия между фактами и ценностями, а также знанием и невежеством. Естественные системы признаны динамичными и сложными. А те, которые включают взаимодействие с человечеством, являются «эмерджентными», демонстрируя свойства отражения и противоречия. Наука, соответствующая этим новым условиям, будет основана на предположениях о непредсказуемости, неполном контроле и множестве вполне вероятных перспектив.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕТ СОГЛАСОВАННОГО ОПИСАНИЯ ТОГО, ЧТО ПРИНЕСЕТ С СОБОЙ БУДУЩЕЕ, НО ЕСТЬ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ НАШЕГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ГЛУБОКО УХОДИТ КОРНЯМИ В ПРОШЛОЕ.

«Постмодерн» широко используется как термин для описания современных культурных явлений[1]. Он имеет отношение к подходу, выражающему безудержную критику допущений, лежащих в основе нашей доминирующей культуры, и заигрывает с нигилизмом и отчаянием. В противоположность ему мы вводим термин «постпривычный». В нем есть отголоски основополагающей работы Куна о современной науке[2]. По его мнению, «привычная наука» относится к неинтересному, поистине антиинтеллектуальному процессу решения рутинных задач, благодаря которому она неуклонно продвигается от одной своей концептуальной революции к другой. В этом «привычном» состоянии неопределенности регулируются автоматически, ценности не выражены, а фундаментальные проблемы не слышны. Феномен постмодерна можно рассматривать в каком-то смысле как реакцию на крах данной «привычности» как нормы для науки и культуры. Мы демонстрируем, что в качестве альтернативы постмодерну развивается новое, расширенное понимание функций и методов науки. И самой подходящей наукой для настоящей эпохи является «постпривычная».

Эта нарождающаяся наука способствует появлению новой методологии, которая помогает направлять ее развитие. В данном случае неопределенность не исключается, ею управляют, а ценности не носят гипотетическое выражение, а декларируются открыто. Моделью научной аргументации является не формализованный вывод, а интерактивный диалог. Парадигматическая наука уже больше не та, для которой локация (место и время) и процесс не имеют значение в объяснении. Историческое измерение, включая размышления о прошлом и будущем человечества, становится неотъемлемой частью научной характеристики Природы.

Наш вклад в эту новую методологию сосредоточен на двух аспектах. Один из них — качество научной информации, анализируемой с точки зрения как различных типов неопределенности в знаниях, так и предполагаемых функций информации. До сих пор тайной за семью печатями было то, что качество научных «фактов» может быть разное. И осознанное понимание этой человеческой составляющей науки является ключом к ее обогащению для решения задач в будущем. Другая наша разработка касается стратегий решения проблем, анализируемых с точки зрения неопределенностей в знаниях и комплексности этики. Когда научный подход применяется к вопросам политики, он не в состоянии обеспечить определенность политическим рекомендациям, а противоречивые ценности в любом процессе принятия решений нельзя игнорировать, даже в

---

[1] S. O. Funtowicz and J. R. Ravetz, 'The good, the true and the post-modern', *Futures,* 24 (10), December 1992, pp. 963–976; Z. Sardar, 'Terminator 2: modernity, postmodernism and the "Other"', *Futures,* 24 (5), June 1992, pp. 493–506.

[2] Кун, Т. Структура научных революций. Перевод с английского И. З. Налетова; общая ред. и послесл. С. П. Микулинского и Л. А. М.: Прогресс, 1975. — 287 с.

самой работе по решению проблем. Для обеспечения качества информации мы разработали прозрачную систему обозначений (NUSAP[3]), с помощью которой могут быть выражены различные типы неопределенности, влияющие на научную информацию. Таким образом, ее можно описать как для традиционных, так и для расширенных коллегиальных сообществ, кратким, ясным и подробнейшим образом. Подход NUSAP воплощает принцип, согласно которому неопределенность не может быть изгнана из науки; при этом высокое качество информации зависит от правильного управления ее неопределенностями[4].

Мы используем взаимодействие системных неопределенностей и факторов, влияющих на принятие решений, в качестве руководства для выбора соответствующих стратегий решения проблем. Этот эвристический инструмент представляет собой набор графических изображений трех связанных стратегий: от наиболее узко определенной до наиболее широкой. Два из них знакомы по прошлому опыту научной и профессиональной практики. Последний график, где системные неопределенности и ставки в решении проблем высоки, соответствует практике наук постпривычной эпохи[5]. Одним из способов дифференциации разных видов исследования может быть их деление согласно целям. Например, прикладная наука «ориентирована на миссию», профессиональное консультирование — на «обслуживание клиентов», а постпривычная наука «сосредоточена на проблемах». Этим трем категориям можно противопоставить фундаментальную науку, т. е. традиционные «чистые» или «фундаментальные» исследования, которые «мотивированы любопытством». В области постпривычной науки проблемы обеспечения качества научной информации стоят особенно остро, и их решение требует новых концептуализаций научной методологии.

В этом новом виде науки оценка научного вклада в процесс принятия решений требует наличия «расширенного коллегиального сообщества»[6]. Это расширение легитимности на новых участников политического диалога имеет важные последствия как для общества, так и для науки.

---

[3] NUSAP — обозначение научного подхода, разработанного С. Фунтовичем и Дж. Равецом, одновременно учитывающего количественные и качественные аспекты неопределенности. Его название представляет собой аббревиатуру английских слов Numeral (цифровой), Unit (единица), Spread (распространение), Assessment (оценка) и Pedigree (происхождение). — *Прим. пер.*

[4] S. O. Funtowicz and J. R. Ravetz, *Uncertainty and Quality in Science for Policy* (Dordrecht, Kluwer, 1990).

[5] S. O. Funtowicz and J. R. Ravetz, 'A new scientific methodology for global environmental issues', in R. Costanza (editor), *Ecological Economics The Science and Management of Sustainability* (New York, Columbia University Press, 1991).

[6] S. O. Funtowicz and J. R. Ravetz, 'Three types of risk assessment and the emergence of postnormal science', in D. Colding and S. Krimsky (editors), *Theories of Risk* (New York, Greenwood Press, 1991).

При наличии взаимоуважения различных точек зрения и форм познания появляется возможность для развития подлинной и эффективной демократии в научной жизни. Тогда новые сложности для науки могут стать преемниками более ранних великих «завоеваний», как в сфере исследований болезней, так и освоения космоса, — это имеет символическое значение и рождает обновленное предчувствие будущих приключений у грядущего поколения новобранцев от науки.

Природа вновь вторгается в научную лабораторию

Место науки в промышленно развитом мире хорошо описал Бруно Латур[7], когда представил Пастера, расширяющего свою лабораторию до границ французской сельской округи, тем самым завоевывая ее для науки и для себя. Согласно такому видению, к самой Природе больше не нужно подходить как к дикой и опасной, но с помощью методологии науки ее можно приручить и сделать полезной для человечества. Чудо современного естествознания состоит в том, что лабораторный опыт, изучение изолированного участка природы, который поддерживается в неестественно чистом, стабильном и воспроизводимом состоянии, может быть успешно расширен до понимания и контроля Природы в чистом виде. Вместе наши технологии и медицина сделали Природу предсказуемой и отчасти управляемой, и тем самым позволили многим людям наслаждаться более безопасной, более комфортной и приятной жизнью, чем та, которую когда-либо можно было представить в истории человечества. Обратной стороной этого достижения является то, что оно может оказаться неустойчивым не только с точки зрения справедливости, но даже с точки зрения простого выживания.

Триумф научного метода, использующего технически эзотерические знания его экспертов, привел к доминированию данного подхода над всеми другими способами познания. Это относится как к нашему познанию Природы, так и многому другому. Опыт разумного мышления и унаследованные навыки работы и жизни утратили свои притязания на авторитетность. Они были вытеснены теоретически сконструированными объектами научного дискурса, которые необходимы для работы с невидимыми вещами, такими как микробы, атомы, гены и квазары. Несмотря на формальную демократичность (поскольку в настоящее время нет видимых препятствий для подготовки к подобного рода опыту), наука на самом деле является прерогативой тех, кто может пройти длительный и защищенный курс обучения, и, следовательно, достоянием тех социальных групп, к которым они принадлежат. Согласно традиции, восходящей к эпохе Просвещения XVII века, рациональность принятия общественных решений должна казаться научной. Следовательно, интеллектуалы с

[7] B. Latour, *The Pasteurization of France* (Cambridge, ma, Harvard University Press, 1988).

научным стилем мышления (включая преимущественно экономистов) стали рассматриваться как ведущие авторитеты, по сути, обладатели и распространители практической мудрости. Существует универсальное предположение, пусть даже поверхностное и пропитанное цинизмом, что научная экспертиза является важнейшим компонентом принятия решений, касающихся Природы и общества.

Теперь те самые силы, созданные наукой, привели к новым отношениям самой науки с миром. Расширение пределов лаборатории вышло за рамки мелкомасштабного вмешательства, типичным примером которого является победа Пастера над сибирской язвой. Мы не просто наблюдаем привычное серьезное разрушение окружающей среды как результат использования современных промышленных и сельскохозяйственных методов. Методология успешного решения новых проблем не может копировать ту, которая помогла их создать. Бо́льшая часть успеха традиционной науки заключается в ее способности абстрагироваться от неопределенности в знаниях и ценностях. Это проявляется в доминирующей традиции преподавания в науке, которая создала вселенную неоспоримых фактов, догматически представленных для усвоения некритичными учениками. Сегодня научный опыт ведет нас к политическим дилеммам, которые он сам по себе не может решить. Мы не просто потеряли контроль и, более того, лишились предсказуемости. Ныне мы сталкиваемся с радикальной неопределенностью и даже невежеством, а также с этической неопределенностью, лежащей в основе вопросов научной политики.

Чтобы понять новые задачи и методы науки, мы можем успешно перевернуть метафору Латура и представить, что это природа вновь вторгается в лабораторию. Мы видим, как это происходит разными способами. Например, наша научно обоснованная технология, которая какое-то время казалась новой искусственной природой, доминирующей над старой, теперь оценивается как критически зависимая от более крупной экосистемы, в которую она встроена. И она рискует разрушить саму себя, если данная матрица серьезно нарушится или деградирует. Точно так же распространение современных технологий среди всего человечества, что необходимо для достижения равенства между народами в рамках нынешней системы, ускорило бы саморазрушительные тенденции технологической системы. Таким образом, Природа вновь заявляет о себе сквозь все наше научное планирование, как с технической, так и с человеческой точек зрения.

В истории были и другие эпизоды трансформации науки, когда какое-то особенно успешное действие по решению проблем вытесняло старые формы, превращаясь в парадигматический научный пример. Подобные преобразования были связаны с именами таких великих ученых, как Галилей, Дарвин и Эйнштейн. В основном эти изменения затронули теоретическую науку, потому что до недавнего времени на технологии и

медицину в краткосрочной перспективе, как правило, не влияли результаты научных исследований. Проблемное поле науки в основном лежало в сфере идей. Сегодня, когда власть науки породила угрозу самому выживанию человечества, решения следует искать не только в ее социальных практиках, но и в интеллектуальной структуре самой науки.

Центральная роль неопределенности и качества

Итак, в наше время, когда политические вопросы риска и окружающей среды представляют собой наиболее важные научные проблемы, нуждающиеся в срочном решении, а неопределенность и качество оставляют свои периферийные позиции, можно говорить о том, что прежние малозначимые вопросы научной методологии стали центральными, объединяющими концепциями. До сих пор методология занимала маргинальные позиции в понимании науки, как у неспециалистов, так и у самих ученых. Новая же роль ученых будет включать управление этими критическими неопределенностями; в этом заключается задача обеспечения качества научной информации, предоставляемой для принятия решений в отношении способа действий.

У этих новых вопросов, касающихся линии поведения, есть общие черты, которые отличают их от традиционных научных проблем. Они универсальны по своим масштабам и долгосрочны по своему воздействию. Данные об их воздействии и даже данные об исходных условиях «не подвергшихся воздействию» систем абсолютно неадекватны. Эти явления, будучи новыми, сложными и изменчивыми, сами по себе недостаточно изучены. Наука не всегда может представить теории, серьезно экспериментально обоснованные, для объяснения и предсказания. Зачастую, в лучшем случае, она может дать только математические модели и компьютерное моделирование, которые, по сути, не поддаются проверке. На основе таких неопределенных исходных данных необходимо принимать решения в условиях некоторой срочности. Следовательно, правила действий не могут основываться на фактологических предсказаниях, а только на прогнозах в отношении политики поведения.

Компьютерные модели — наиболее широко используемый метод для формулирования утверждений о будущем на основании прошлых и настоящих данных. Для многих компьютеры по-прежнему обладают магическими характеристиками, поскольку считается, что они безупречно и быстро выполняют логические операции. Но то, что получается в результате работы программы, не обязательно является научным предсказанием. Это может быть даже не очень хороший политический прогноз. Числовые данные, используемые для ввода, не могут быть получены на основании экспериментальных или полевых исследований. Лучшие цифры, как и во многих исследованиях промышленных рисков,

могут представлять собой простые предположения, сделанные экспертами. Вместо теорий, которые дают более глубокое представление о рассматриваемых естественных процессах, могут просто применяться стандартные программные пакеты, включающие наиболее подходящие числовые параметры. А вместо экспериментальных, полевых и исторических данных, как это обычно предполагается для научных теорий, может быть использовано только сравнение расчетных результатов с теми, которые были получены с помощью других столь же непроверенных компьютерных моделей.

Несмотря на огромные усилия и ресурсы, затраченные на разработку и применение таких методов, предпринималось мало согласованных попыток увидеть, вносят ли они значительный вклад в знания и правила действий. В исследованиях, связанных с политикой рисков и окружающей средой, которая так важна для нашего благополучия, недостаточно прилагалось усилий по обеспечению качества, воспринимаемого как должное в традиционной практике экспериментальной науки. В то время как в принципе компьютеры могут использоваться для повышения уровня навыков и расширения творческого потенциала человека, выполняя всю рутинную работу быстро и без усилий, их работой зачастую стали подменять дисциплинированное мышление и научную скурпулезность[8].

Даже имеющиеся эмпирические данные о проблемах по вопросам политики поведения не поддаются обработке с помощью традиционных статистических методов. Как сказал Дж. К. Байлар:

> Вся статистическая алгебра и все статистические вычисления имеют ценность постольку, поскольку они вносят вклад в процесс получения вывода. Часто они не помогают делать здравые выводы; на самом деле они могут работать наоборот, и, по моему опыту, это происходит потому, что виды случайной изменчивости, которые мы видим в серьезных проблемах современности, имеют тенденцию быть небольшими по сравнению с другими неопределенностями. Это верно, например, в отношении данных о бедности и безработице, международной торговле; сельскохозяйственном производстве и основных показателях здоровья и выживания человека. По мере приближения к окончательному выводу, случайная переменная – набор значений *p* и доверительных интервалов – просто заслоняется другими видами неопределенностей при оценке рисков для здоровья от воздействия химических веществ, отслеживания перемещения загрязняющего вещества в окружающей среде, воздействия деятельности человека на глобальную температуру и озоновый слой[9].

---

[8] S. Mac Lane, 'Letters', *Science,* 241 (1988), pp. 1144; and 242 (1988), pp. 1623-1624.

[9] J. C. Bailar, *Scientific Inferences and Environmental Problems*: *The Uses of Statistical Thinking* (Chapel Hill, nc, Institute for Environmental Studies, The University of North Carolina, 1981, p. 19.

Таким образом, по традиционным критериям научного метода качество исследования данных проблем, связанных с практикой действий, в лучшем случае сомнительно. Задачи управления неопределенностью и обеспечения качества, решаемые в традиционной науке индивидуальными навыками и коллективной практикой, в этой новой области приходят в замешательство. Необходимо разработать новые методы, которые позволили бы использовать наше невежество[10]. Для этого необходимо радикальным образом отойти от исключительного доверия технике и оставить методологические, социальные и этические соображения, до сих пор характеризовавшие традиционную «привычную» науку.

Комплексный подход к проблемам неопределенности, качества и ценностей обеспечен системой NUSAP. В его терминах можно выразить различные виды неопределенности и использовать их для оценки качества научной информации. Необходимо различать технический, методологический и эпистемологический уровни неопределенности, что соответствует неточности, ненадежности и «состоянию, пограничному с невежеством» соответственно[11]. Неопределенность управляется на техническом уровне, когда достаточно стандартных процедур. Они обычно выводятся из статистических данных, являющихся, по сути, символической манипуляцией, и дополняются методами и условиями, разработанными для конкретных областей. Методологический уровень задействуется в том случае, когда важны более сложные аспекты информации, такие как ценности и надежность. Затем требуются личные суждения в зависимости от навыков более высокого уровня. А изучаемой практикой является профессиональный консалтинг, «усвоенное искусство», такое как медицина или инженерия. Наконец, эпистемологический уровень задействуется в том случае, когда в основе проблемы лежит безнадежная неопределенность, например, то, что разработчики компьютерных моделей признают как «комплектность неопределенностей», которая может исказить всю работу, или, в более общем смысле, постпривычную науку. В NUSAP эти уровни неопределенности выражаются категориями распространения, оценки и происхождения соответственно.

Обеспечение должного уровня качества для науки так же важно, как и для промышленности. В то же время, если в традиционной исследовательской науке качеством можно неформально управлять через экспертное сообщество, в отношении новых стратегических вопросов рисков и окружающей среды проблема обеспечения качества науки должна решаться в срочном порядке. Неадекватность традиционной экспертной оценки была

---

[10] J. R. Ravetz, 'Usable knowledge, usable ignorance: incomplete science with policy implications', in J. R. Ravetz, *The Merger of Knowledge with Power* (London, Cassell, 1990).
[11] S. O. Funtowicz and J. R. Ravetz, *Uncertainty and Quality in Science for Policy* (Dordrecht, Kluwer, 1990).

тщательно проанализирована для различных областей «фундаментальной науки»[12], «санкционированной науки»[13] и «нормативной науки»[14]. Как мы видим, оценка качества в этом новом контексте науки не может ограничиваться только вниманием к результатам исследований. Необходимо в нее включить также процесс и людей, а в крайнем случае и цели. Такой «четверичный» подход к обеспечению качества науки обязательно предполагает участие людей, не являющихся технически квалифицированными исследователями. В действительности, все заинтересованные в проблеме стороны образуют «расширенное коллегиальное сообщество», призванное разрабатывать эффективные стратегии решения проблем глобальных экологических рисков.

Стратегии решения проблем

Чтобы охарактеризовать проблему, связанную с риском и окружающей средой в рамках того, что мы называем

«ПОСТПРИВЫЧНОЙ НАУКОЙ», МЫ МОЖЕМ ПРЕДСТАВИТЬ ЕЕ СЕБЕ КАК ТО, В ЧЕМ ФАКТЫ НЕОПРЕДЕЛЕННЫ, ЦЕННОСТИ СПОРНЫ, СТАВКИ ВЫСОКИ, А РЕШЕНИЯ БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНЫ.

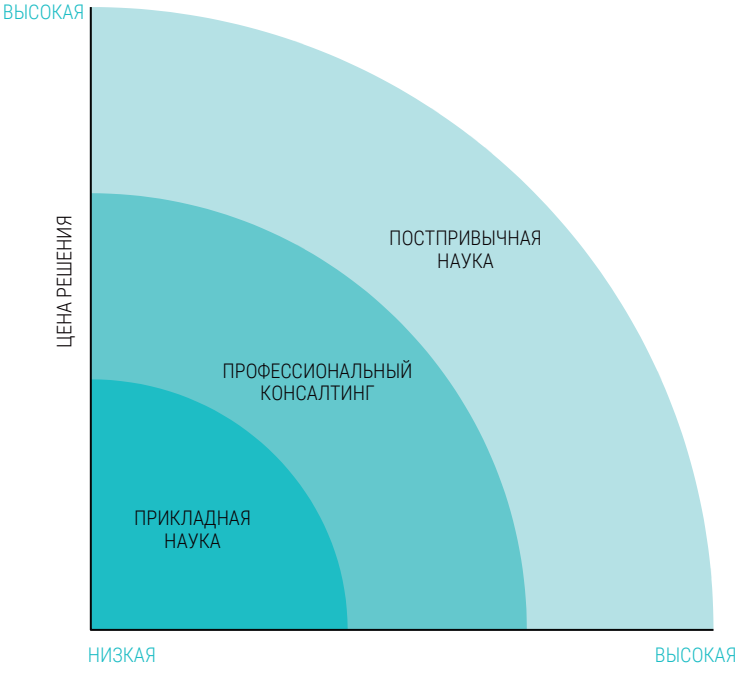
В таком случае термин «проблема» с его отсылкой к действию, когда определенная методология может привести к четкому решению, менее уместен. Мы бы оказались в глубоком заблуждении, если бы сохраняли образ процесса, в котором истинные научные факты просто определяют правильные выводы в отношении политики. Однако новые проблемы не делают традиционную науку менее актуальной. Задача состоит в том, чтобы выбрать подходящие стратегии решения проблем для каждого конкретного случая.

Рисунок 1 представляет собой демонстрацию трех отличительных особенностей. Во-первых, и это является нововведением для научной методологии, отображено взаимодействие эпистемологического (познания) и аксиологического (ценностного) аспектов научных проблем. Они изображены в виде осей рисунка, представляющих интенсивность неопределенности и цены решения, соответственно. Можно заметить, что неопределенность и цена решения — это противоположности атрибутов, которые традиционно считались характеристиками науки, а именно ее несомненности и ценност-

[12] J. Turney, 'End of the peer show?', *New Scientist*, 22 September 1990, pp. 38–42.
[13] L. Salter, *Mandated Science* (Dordrecht, Kluwer, 1988).
[14] S. Jasanoff, *The Fifth Branch* (Cambridge, ma, Harvard University Press, 1990).

ной нейтральности (и это вторая новаторская особенность нашего анализа). Наконец, оба измерения сами отображаются как состоящие из трех дискретных интервалов. Таким образом, мы получаем диаграмму, которая имеет три зоны, представляющие и характеризующие три вида стратегий решения проблем.

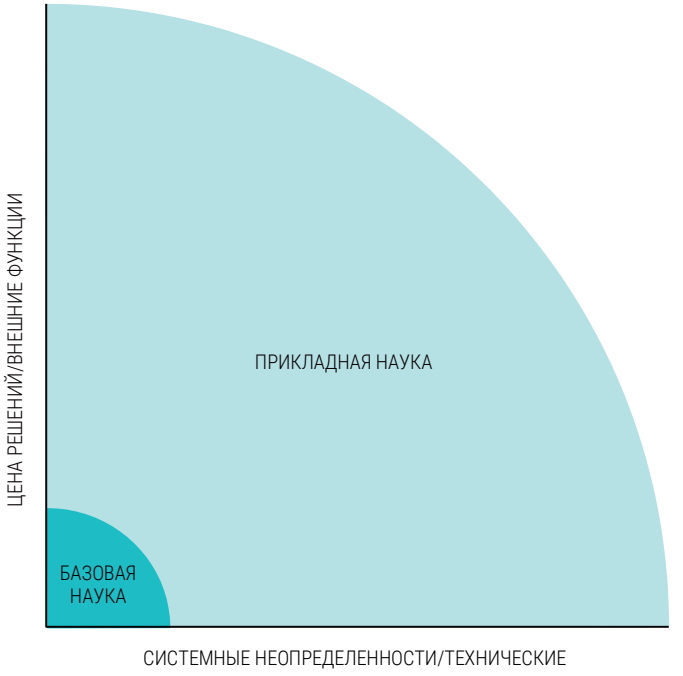
Рис. 1. Стратегии решения проблем

Термин «системные неопределенности» передает принцип, согласно которому проблема кроется в понимании и управлении реальностью, комплексной по своей сути. Под «ценой решений» мы понимаем всевозможные затраты, выгоды и ценностные обязательства, которые связаны с определенной проблемой и возникают у различных заинтересованных сторон в связи с ней. У нас нет необходимости сейчас пытаться составить подробную карту того, как они возникают с точки зрения технических и социальных аспектов диалога по любому конкретному вопросу политики. Для настоящего концептуального анализа достаточно того, что в принципе возможно определить, какие элементы являются ведущими или доминирующими, а затем использовать их для характеристики системы в целом.

Пояснение диаграммы различных стратегий решения проблем начинается с наиболее знакомой стратегии. Мы называем ее прикладной наукой. Она задействуется в том случае, если и системные неопределенности, и цена принятия решения невысоки. Системы неопределенности находятся на техническом уровне и будут управляться стандартными процессами и процедурами. Они будут включать особые методы для обеспечения надежной работы инструментов, а также статистические инструменты и пакеты для обработки данных. Цена решения будет простой и невысокой. В исследование были вложены определенные ресурсы, потому что его результаты имеют определенную прямую внешнюю функцию. Полученная информация будет использована для более масштабной инициативы, не представляющей интереса для исследователя, занятого данной работой. Мы иллюстрируем эту ситуацию на рисунке 2.

Рисунок 2. Прикладная наука

На рисунке 2 традиционную «чистую», «основную» или «базовую» науку можно рассматривать как сосредоточенную вокруг пересечения осей. По определению, в исследованиях, порождаемых любопытством, на карту не ставятся внешние интересы, поэтому цена принятия решений

невелика. Кроме того, подобного рода исследование обычно не проводят, если нет уверенности в том, что неопределенности невелики, то есть проблема, вероятно, будет решена с помощью обычного подхода, характерного для решения головоломок. Ясно, что высокоинновационные и революционные исследования, будь то базовые или прикладные, не относятся к этой категории, поскольку системные неопределенности по своей природе высоки, и также высока цена принятия решений. Так астрономические исследования Галилея затрагивали широкий спектр вопросов, от вселенских техник до религиозной ортодоксии. И хотя их нельзя было напрямую применить к решению промышленных или экологических проблем, но исследования астронома явно были из ряда вон выходящих как по своей неопределенности, так и по цене принятия решений. То же самое можно сказать и о работе Дарвина «Происхождении видов». В этом отношении можно говорить о существовании преемственности между классической «философией природы» и развивающейся в настоящее время постпривычной наукой.

Нам полезно будет сравнить фундаментальную и прикладную науки в отношении обеспечения качества. Там, где и неопределенность, и внешняя цена принятия решения низкие, традиционные процессы экспертной оценки проектов и рецензирования статей работают достаточно хорошо, несмотря на их общеизвестные проблемы. Однако, когда результаты исследования становятся важными для некоторой внешней функции, соответствующее коллегиальное сообщество выходит за пределы какого-то конкретного исследовательского сообщества, включая пользователей всех типов, а также управленцев. Ситуация с оценкой качества становится больше похожа на ситуацию, возникающую между производителями и потребителями, приходящими на рынок с отличными друг от друга планами и навыками. В качестве примера того, как критерии качества могут различаться у производителей и потребителей, мы можем рассмотреть вопрос о безопасности продукции. Практически любая авария имеет столь же большое значение для производителей, что и для потребителей, особенно если законы об ответственности за качество продукции четко не прописаны. В случае прикладной науки результат, полученный в одних условиях, и считающийся достоверным, может быть неприемлемым при переходе к другим условиям. Таким образом, если измерения концентрации отравляющих веществ даны как средние по времени, пространству и численности населения, подвергшейся воздействию, этого может быть достаточно для общих регулятивных целей. Однако такое положение может игнорировать результаты по разрушительным пиковым концентрациям и по тому, какой вред причиняется группам риска.

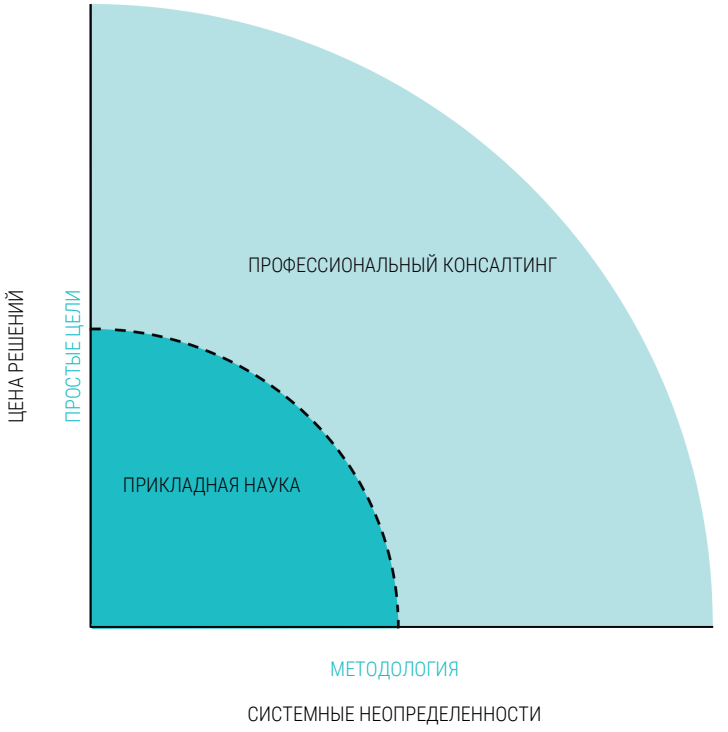
ЧАСТО ПРОИСХОДИТ ТАК, ЧТО РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОЕКТА ИЗ ОБЛАСТИ ПРИКЛАДНОЙ НАУКИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ «ОБЩЕСТВЕННЫМИ ЗНАНИЯМИ», НАХОДЯЩИМИСЯ В СВОБОДНОМ ДОСТУПЕ ДЛЯ ВСЕХ КОМПЕТЕНТНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ, НО ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ «КОРПОРАТИВНОЕ НОУ-ХАУ», «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ» ЧАСТНОГО БИЗНЕСА ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АГЕНТСТВА, СПОНСИРУЮЩЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ РАБОТУ.

Если информация имеет отношение к какому-либо вопросу из сферы политики, задача обеспечения качества может обрести противоречивый характер, включая конфликтную ситуацию по поводу конфиденциальности; и цена решения этой проблемы может повыситься из-за этого ненаучного аспекта. В таком случае реальная стратегия решения проблем больше не является прикладной наукой, поскольку проблема может включать борьбу за административную и политическую власть и конституционный принцип граждан на «доступ к информации» (например, об опасностях для окружающей среды или технологических рисках). Таким образом, соответствующее коллегиальное сообщество выходит за рамки непосредственных производителей, спонсоров и пользователей исследования и включает всех, кто заинтересован в продукте, процессе и его последствиях как на локальном, так и глобальном уровне. Такое расширенное коллегиальное сообщество может включать журналистов-расследователей, юристов и группы лоббистов. Следовательно, проблема, кажущаяся совершенно простой с научной точки зрения, может превратиться в такую, которая выйдет за рамки прикладной науки. Такая ситуация приведет к более сложной стратегии решения проблем, и такой стратегией может стать «постпривычная наука». Порой, когда ученые с традиционалистским мировоззрением сетуют на вредное влияние СМИ, это происходит из-за того, что им трудно понять новую особенность науки — ее участие в политике.

Профессиональный консалтинг

Диаграмма профессионального консалтинга (Рис. 3) состоит из двух зон, внутри которых находится прикладная наука.

Рисунок 3. Профессиональный консалтинг

Это означает, что профессиональное консультирование включает прикладную науку, но при этом имеет дело с проблемами, требующими иной методологии для их полного решения. С неопределенностью нельзя справиться на обычном техническом уровне, потому что важны более сложные аспекты проблем, такие как надежность теорий и информации. Далее, требуются личные суждения в зависимости от навыков более высокого уровня, а неопределенность находится на методологическом уровне.

Связь между системными неопределенностями и ценой решения хорошо иллюстрируется задачей включения затрат, связанных с ошибкой, в само решение. Что касается занятия прикладной наукой, оно обычно подспудно относится к стандартным статистическим методам. Пределы достоверности и границы для двух типов ошибочных выводов обычно используются для заранее заданных постоянных значений, без всяких раздумий. Но при решении профессиональных задач цена ошибки может быть настолько велика, что в состоянии поставить под угрозу дальнейшую карьеру ученого. Следовательно, такого рода задачи следует рассматривать как риски, когда производить некоторые расчеты вполне допустимо,

но при этом обязательно будут преобладать суждения. В подсудной ситуации профессионал должен будет принять во внимание необходимость доказать наличие конкретной проблемы, отражающей ценности конкретного общества (чей вред важнее предотвратить?). То же самое можно сказать и о любом политическом вопросе. Следовательно, проблема загрязнения окружающей среды будет решаться по-разному в зависимости от того, считается ли процесс безопасным, пока не будет доказано что он опасен, либо наоборот. В качестве альтернативы мы могли бы спросить, интерпретируется ли отсутствие доказательств причинения вреда как доказательство отсутствия вреда как такового. Хотя подобного рода методологические вопросы выходят за рамки прикладной науки, в профессиональном консалтинге они серьезным образом влияют на всю работу. Приведенное здесь простое описания работы не охватывает все тонкости упорного поиска доказательств, используемого на практике.

Профессиональное консультирование имеет много общих черт с прикладной наукой, отличающих их от науки фундаментальной. И консалтинг, и прикладная наука работают в условиях ограниченного времени и ресурсов, при этом проекты финансируются и управляются извне. Результаты часто находятся за пределами сферы «общедоступных знаний». В большинстве случаев профессиональные задачи могут быть сведены к рутинным упражнениям, поскольку работа по части техники и управления неопределенностью становится стандартизированной. Однако профессиональный консалтинг подразумевает готовность преодолевать новые и неожиданные ситуации и нести ответственность за их исход. Проектирование занимает промежуточную позицию, поскольку бо́льшая часть проектировочных работ выполняется внутри организаций, а не для индивидуальных клиентов. И все же возникающие проблемы не могут быть полностью сведены к рутине, так что «проектировочная оценка» является хорошо известным аспектом рабочего процесса. В отношении проектирования можно сказать, что бо́льшая часть рутинной практики — это вопрос практических навыков, основанных на результатах прикладной науки, однако на самом высоком уровне они становятся настоящим профессиональным консалтингом.

Особняком стоит роль «эксперта», занимающего промежуточное положение. Обычно им является тот, кто консультирует, но чья ответственность определяется положением сотрудника. Следовательно, его роль формируется не интересами клиента, а интересами его работодателя. Поэтому для него цена принятия решения не такая высокая, как у профессионального консультанта, и системные неопределенности, которые он видит, соответственно уменьшаются. Один человек может играть все три роли поочередно и даже (до некоторой степени) одновременно, вызывая замешательство среди своей аудитории или, возможно, даже у самого себя! Академический исследователь может давать советы по вопросам, связанным с политикой; его престиж и легитимность поло-

жения проистекают из его репутации в области исследований, будь то фундаментальная или прикладная наука; вынося свои суждения, он берет на себя авторитет профессионального консультанта; и если его исследовательский процесс слишком жестко контролируется какой-либо финансирующей организацией, то на самом деле он будет выступать в качестве эксперта от ее имени. Вот почему возникает вероятность «конфликта интересов», когда ученые делают публичные заявления, и никто не ставит под сомнение их личную честность, то, как они сами себя воспринимают.

В качестве подхода к решению проблем, профессиональный консалтинг имеет важные отличия от прикладной науки. Результаты работы прикладной науки, как и фундаментальной, обладают характеристиками воспроизводимости и предсказания. То есть, в принципе, любой компетентный практикующий специалист должен быть в состоянии воспроизвести в любом месте любой эксперимент, поскольку он работает на изолированных, контролируемых природных системах. Таким образом, результаты представляют собой прогноз будущего поведения природных или технических систем в аналогичных условиях. Напротив, профессиональные задачи связаны с уникальными ситуациями, даже если в целом они похожи. Соответственно, личный элемент обретает особо важное значение. Таким образом, законным становится запрос другого мнения, при этом, например, компетентность и добросовестность врача, занимающегося данным медицинским случаем, не ставятся под сомнение. Как вариант: кто может ожидать, что два архитектора создадут одинаковые проекты для одного задания? Точно так же было бы нереалистично рассчитывать на то, что два инженера по безопасности разработают одну и ту же модель анализа рисков сложной установки или сделают одинаковые выводы по ней. Общественность может прийти в замешательство или разочароваться при виде того, что ученые категорически расходятся по проблеме, явно относящейся только к прикладной науке. Да и сами ученые могут быть сбиты с толку! Но когда есть понимание, что данные вопросы деятельности связаны с профессиональным консалтингом, тогда такие разногласия рассматриваются как неизбежные и здравые. Внесение большей ясности должно с лихвой компенсировать утрату мистического налета научной непогрешимости.

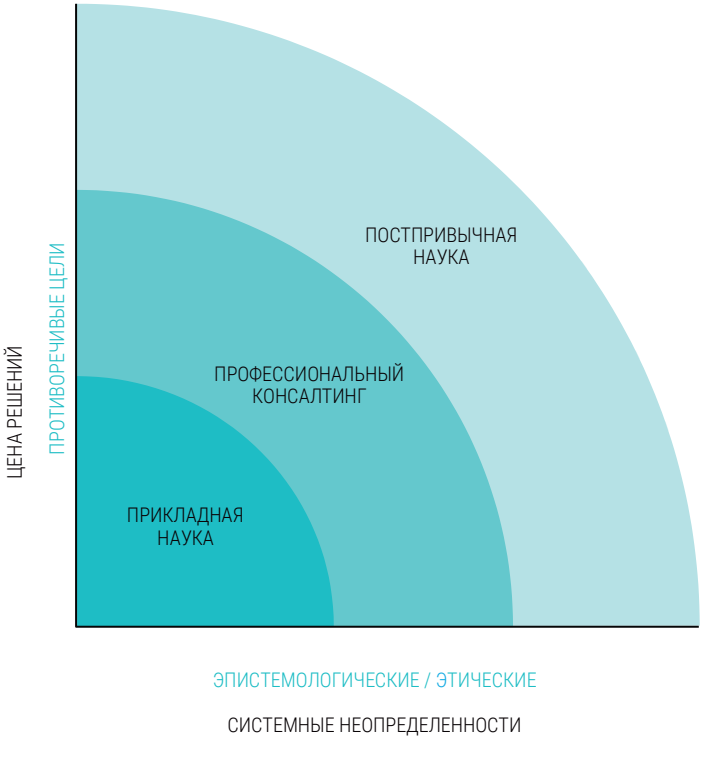
Это последний феномен напоминает нам о различиях в обеспечении качества, которые возникают, когда мы переходим от прикладной науки к профессиональному консалтингу. Можно выделить четыре компонента в решении проблем: процесс, продукт, человек и цель. Этот «четверичный» подход к обеспечению качества упомянут выше. В фундаментальной науке основное внимание при оценке качества уделяется процессу. Оценка производится на основании отчета об исследовании, и для ее осуществления требуется коллегиальное предметно-специализирующееся сообщество (которое может «читать между строк» отчет об исследовании). В прикладной науке оценке подвергаются продукты, как если бы она выполнялась

пользователями, поскольку исследования проводятся от их имени. В этом случае контроль качества не является таким уж эзотерическим, поскольку пользователям не нужно вдаваться в подробности процесса исследования. Таким образом происходит автоматическое расширение коллегиального сообщества с предоставлением законного права участвовать в процессе оценки. В профессиональном консалтинге не может быть простых, объективных критериев или процессов для обеспечения качества (помимо обычной компетентности). Клиенты становятся важной частью сообщества, которое оценивает качество работы, хотя у них нет соответствующих технических знаний. Таким образом, в этих трех случаях мы видим расширение «коллегиального сообщества», участвующего в обеспечении качества. В этом отношении «расширенное коллегиальное сообщество» постпривычной науки является естественным продолжением наметившейся тенденции.

Постпривычная наука

Теперь рассмотрим третью разновидность стратегии решения проблем, когда неопределенность системы и цена принятия решений высоки (Рис. 4).

Рисунок 4. Постпривычная наука

Стратегические вопросы, лежащие в основе постпривычной науки, могут включать в себя крупные научные компоненты, иногда такие обширные, что для их описания требуется использование научного языка. В этом смысле они аналогичны проблемам «транс-науки», впервые заявленным Элвином Вайнбергом[15]. Однако, на наш взгляд, лучше всего отделять анализируемые здесь проблемы от более раннего типа, поскольку Вайнберг работал с проблемами, отличными от тех, что присущи прикладным наукам, только масштабом и технической осуществимостью. При этом они очень схожи с профессиональным консалтингом в нашем понимании[16]. В терминах нашей диаграммы,

ПОСТПРИВЫЧНАЯ НАУКА ВОЗНИКАЕТ ТОГДА, КОГДА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НОСЯТ ЛИБО ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ, ЛИБО ЭТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР, ИЛИ КОГДА ЦЕНА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ОТРАЖАЕТ КОНФЛИКТУЮЩИЕ ЦЕЛИ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН.

Мы называем такую науку «постпривычной» для того, чтобы указать, что действия по решению головоломок, типичные для привычной (в куновском смысле) науки, которые так успешно вышли за пределы лаборатории и покорили природу, больше не подходят для решения стратегических вопросов, касающихся рисков и окружающей среды. Можно заметить, что на рисунках 2–4 прикладная наука встречается трижды, а профессиональный консалтинг — дважды. Обозначают ли эти термины одни и те же понятия, если они включены в более широкую стратегию решения проблем или если они стоят особняком? В смысле их повседневной практики — да. Но при включении их в более широкую стратегию поиска решения проблем, вся деятельность интерпретируется заново. Проблемы формулируются, а решения оцениваются согласно критериям расширенных сообществ. Таким образом, постпривычная наука действительно является разновидностью науки, а не просто политикой или формой общественного участия. Как бы то ни было, отличаясь от укоренившихся сегодня и ставших традиционными вариантов решения проблем, это вполне эффективная форма исследования, соответствующая потребностям настоящего момента.

---

[15] A. Weinberg, 'Science and trans-science', *Minerva*, 10, 1972, pp. 209–222.
[16] A. Weinberg, 'Letters', *Science*, 180, 1972, p. 1124.

Примеры проблем, сочетающих в себе высокую цену поиска решения и высокую системную неопределенность, знакомы из современного набора вопросов политики, связанных с рисками и окружающей средой. Действительно, к этому классу относятся любые проблемы, связанные с серьезными технологическими опасностями и широкомасштабным загрязнением. Постпривычная наука имеет парадоксальную особенность: в ее деятельности по решению проблем традиционное преобладание «неопровержимых фактов» над «мягкими ценностями» обращается вспять. Из-за высокого уровня неопределенности, приближающегося в некоторых случаях к абсолютному невежеству, и высочайших ставок при принятии решения, мы могли бы даже в некоторых случаях поменять местами оси координат нашей диаграммы, сделав независимой переменной значения горизонтальной оси.

Хорошим примером такой инверсии являются действия, которые необходимо будет предпринять в рамках подготовки к смягчению последствий повышения уровня мирового океана в результате глобального изменения климата. «Причинно-следственная цепочка» здесь начинается с различных результатов деятельности человека, вызывающих изменения в биосфере, приводящих к изменениям в климатической системе, а затем и к изменению уровня океана (все они взаимодействуют сложным образом с различными временными задержками). Из всех этих данных должен быть составлен набор прогнозов, которые обеспечат научный характер процессу принятия решений. Они будут способствовать появлению рекомендаций по выработке политики, которая затем должна быть широкомасштабно реализована. Но все причинные элементы имеют крайне неопределенный характер. Однако ждать, пока будут выявлены абсолютно все факты, было бы еще одной формой безрассудства. На карту может быть поставлено многое из антропогенной среды и вариантов расселения человечества. Рано или поздно может потребоваться провести массовую миграцию из низинных районов, что приведет к экономическим, социальным и культурным потрясениям.

Такая далеко идущая социальная политика будет определяться на основе научной информации, которая по своей природе является крайне неопределенной. И даже более того! Связано это с тем, что планы по смягчению последствий должны выстраиваться далеко наперед, чтобы можно было начать масштабные программы по восстановлению и переселению. Повышение уровня мирового океана будет не похоже на медленный прилив, а будет напоминать скорее наводнение — явление, которое становится все более частым и разрушительным. Неподготовленные прибрежные города (как и большинство мировых политических и финансовых центров) могут быть разрушены. Может возникнуть новая форма легитимации кризиса, поскольку, если власти попытаются

основывать свои призывы к жертвованию на традиционных принципах прикладной науки, например, на модели Пастера, то у них наверняка ничего не получится. Общественное согласие и участие, проистекающие в основном из ценностных обязательств, будут иметь решающее значение для оценки рисков и определения действий. Таким образом, традиционные научные данные становятся «мягкими» в контексте «жестких» ценностных обязательств, которые будут определять успех предпринимаемых шагов по смягчению последствий возможного повышения уровня мирового океана. Таким образом, мы видим, что «системы», вовлеченные в вопросы экологической политики, действительно «эмерджентны», и включают в себя определенные аспекты познания и ценности, выходящие за пределы предметного поля, изучаемого традиционной теорией систем и ее методами моделирования. Таким образом, постпривычная наука соответствует обогащенной теории систем, извлекая из нее аналитическую строгость и предоставляя взамен опыт и идеи.

Традиционное различие между фактами и ценностями не просто опрокинуто. В постпривычной науке эти две категории категорически не могут быть разделены. Неопределенности текущего момента выходят за рамки системных неопределенностей и включают также этику. Все вопросы, касающиеся политики действий, и связанные с рисками и окружающей средой, включают новые формы капитала, ранее считавшиеся «внешними факторами» по отношению к реальному бизнесу научно-технического предприятия, то есть производству и потреблению товаров. Эти новые вопросы политики касаются благополучия новых заинтересованных сторон, таких как будущие поколения, другие живые виды и планетарная среда в целом. Тесная связь между неопределенностью в сфере знаний и этикой хорошо иллюстрируется проблемами исчезновения видов, будь то по отдельности или в глобальном масштабе. Невозможно найти простого обоснования для решения противоречия между правами людей, которым будет выгодно определенное развитие, и правами тех видов животных и растений, которым будет причинен вред.

Однако этическая неопределенность не должна удерживать нас от поиска решений. Лица, принимающие решения, также не должны игнорировать политическую силу людей, прилагающих значительные усилия в заботе о тех, кто не может попросить или проголосовать. Только диалог между всеми участниками процесса, при котором научные знания занимают должное место за столом, наравне с местными и экологическими проблемами, может привести к творческому решению подобных проблем, которые затем найдут свою реализацию и обеспечение. В противном случае будет преобладать грубое коммерческое давление, глупые бюрократические правила и контрпродуктивные протесты, что в конечном итоге нанесет ущерб всем заинтересованным сторонам.

Все эти сложности не мешают разрешению вопросов стратегических действий в постпривычной науке. Нашу диаграмму следует рассматривать не как статичную, а скорее как динамичную. Различные аспекты проблемы, расположенные в разных зонах, взаимодействуют и приводят к ее окончательному решению. Существует модель эволюции проблемы, при которой на первый план последовательно выходят различные стратегии ее решения, что обеспечивает средства, с помощью которых диалог может в конечном итоге способствовать их разрешению. И по мере развития дебатов из своей начальной запутанной фазы, позиции проясняются, а новые исследования получают стимул. Хотя определение проблем никогда не бывает полностью свободно от политического влияния, открытые дебаты гарантируют, что такие фомрулировки не будут ни односторонними, ни скрытыми. А по мере того, как работа прикладной науки в конечном итоге начнет приносить новые факты, профессиональный консалтинг будет становится все более эффективным. Хорошим примером такой закономерности эволюции является уровень содержания свинца в бензине, когда, несмотря на отсутствие убедительных экологических и медицинских фактов, в конечном итоге был достигнут консенсус о его неприемлемости и опасности для здоровья населения. Такое решение не всегда приходит легко и быстро. Некоторые вещества могут быть названы «йо-йо рисками» из-за того, как их показатели взлетают и рушатся в восприятии экспертов. Например, диоксин может быть одним из них. В таких случаях эффективную государственную политику лучше основывать на оценке присущих ей неопределенностей, а не на иллюзии, будто на этот раз прикладная наука вынесла нам истинный вердикт, провозгласив «безопасно» или «опасно».

Расширенные коллегиальные сообщества

Динамика решения вопросов, связанных с принципами работы, в условиях постпривычной науки предполагает включение в процесс обеспечения качества результатов научной деятельности постоянно растущего круга его законных участников. Как мы видели, в прикладной науке и профессиональном консалтинге коллегиальные сообщества уже больше не включают только тех, кто занимается исключительно фундаментальной наукой. В постпривычной науке многочисленные неопределенности, характерные как для продуктов, так и для процессов, требуют, чтобы повышалась относительная важность людей. Следовательно, для установления легитимности и компетентности участников неизбежно будут задействованы все более широкие общественные и культурные институты и движения. Например, те, кого экологическая проблема непосредственно затронула, будут лучше осведомлены о ее симптомах и будут более серьезно озабочены качеством официальных заверений, чем лица, выполняющие любую другую роль[17].

[17] S. Krimsky, 'Epistemic considerations on the value of folk-wisdom in science and technology', *Policy Studies Review*, 3, 1984, pp. 246–262.

Таким образом они выполняют функцию, аналогичную той, которую их коллеги-профессионалы выполняют в традиционной науке в процессе рецензирования и вынесения вердикта, что в противном случае могло бы не произойти в новом контексте.

Иногда законная деятельность расширенных коллегиальных сообществ может даже выходить за рамки реактивных задач оценки качества и обсуждения правил. В новую область так называемой «народной эпидемиологии» вовлечены заинтересованные граждане, проводящие дисциплинарные исследования, которые могли бы и должны были быть проведены авторитетными учреждениями, но этого не произошло[18]. В таких случаях они могут столкнуться с профессиональным неодобрением и враждебностью; их будут критиковать либо за отсутствие сертифицированного опыта, либо за то, что они имеют личную заинтересованность в проблеме. Творческий конфликт между народной и экспертной эпидемиологией не только ведет к лучшему контролю над экологическими проблемами, но и к улучшению качества научных знаний. Классическим случаем является «болезнь Лайма». Вначале местные жители выделили особенности отдельных симптомов, которые позже стали характеризовать ранее неизвестное, но широко распространенное заболевание, передаваемое клещами.

КОГДА ПРОБЛЕМЫ НЕ ИМЕЮТ ЧЕТКИХ РЕШЕНИЙ, КОГДА ВАЖНЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ, КОГДА САМИ ЯВЛЕНИЯ НЕОДНОЗНАЧНЫ, И КОГДА ВСЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТКРЫТЫ ДЛЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ, ТОГДА ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ КАЧЕСТВА НЕ ПОДКРЕПЛЯЮТСЯ ИСКЛЮЧЕНИЕМ ВСЕХ, КРОМЕ СПЕЦИАЛИСТОВ-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ЭКСПЕРТОВ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ РАСШИРЕНИЕ КОЛЛЕГИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ЯВЛЯЕТСЯ НЕ ПРОСТО ЭТИЧЕСКИМ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЕМ. ЭТО МОЖЕТ ВНЕСТИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В ПРОЦЕСС НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

[18] P. Brown, ‘Popular epidemiology: community response to toxic waste-induced disease in Woburn, Massachusetts’, *Science, Technology and Human Values*, 12, 1987, pp. 78–85.

Знание местных условий может определить, какие данные являются надежными и актуальными, а также может помочь в определении проблем политики. Такая конкретная, индивидуальная информация не появляется естественным образом у специалистов-предметников, подготовка и работа которых предрасполагают к принятию абстрактных, обобщенных концепций подлинности проблем и актуальности информации. А вот те, чья жизнь и средства к существованию зависят от решения конкретных проблем, имеют углубленное понимание того, как эти общие принципы реализуются у них на «задворках». В их распоряжении также будут находится «расширенные факты», включая подробности частной жизни, результаты неофициальных опросов и официальная информация, опубликованная неофициальными источниками. Можно, конечно, поспорить, что этим людям не хватает теоретических знаний и что они руководствуются личными интересами. Но с таким же успехом можно утверждать подобное об экспертах: им не хватает практических знаний, и у них есть свои собственные бессознательные формы предвзятости.

Новая парадигма постпривычной науки, предполагающая расширенное коллегиальное сообщество в качестве ключевого актора, четко прослеживается в отношении СПИДа. В этом случае ученые-исследователи работают в условиях всеобщей гласности с участием инфицированных, лиц, осуществляющих уход, журналистов, специалистов по этике, активистов и групп взаимопомощи, а также традиционных учреждений, занимающихся вопросами финансирования, регулирования и коммерческого применения. Выбор исследователями проблем и оценка их решений в равной степени подвергаются критическому анализу, а их споры о приоритетах аналогичным образом становятся достоянием общественности. Но за это приходится платить. Так, ученым уже затруднительно осуществлять свой диктат из добрых побуждений над пассивными подопытными при проведении двойного слепого исследования, когда некоторые не получают лечения. Однако если мы не считаем правильным, что люди, страдающие этой ужасной болезнью, должны полностью зависеть от рвения и самоотверженности исследователей, производителей и регулирующих органов, то данная группа должна быть включена в диалог по поводу конкретной проблемы, каким бы спорным он ни был.

Пока такие случаи являются редкостью. Расширенные коллегиальные сообщества, как правило, действуют изолированно, решая особые политические вопросы в изолированных местах, без систематических средств финансирования и при незначительной подготовке в сфере специальных навыков. Во многих случаях присутствует недостаточная компетентность в диалоге и общении с другими заинтересованными сторонами[19]. В разных

[19] L. Salter, *Mandated Science* (Dordrecht, Kluwer, 1988), reference 12.

странах их роль признается по-разному. Так, в США, с их традициями передачи власти на местный уровень, «вмешивающимся» в процессы принятия решений оказывается поддержка; в других странах их могут игнорировать или активно препятствовать их деятельности. Внутри таких расширенных коллегиальных сообществ будет присутствовать обычная напряженность между теми, у кого есть особые интересы, и внешними активистами с далеко идущими планами, наряду с неизбежным разделением по классовой, этнической, половой и образовательной принадлежности. Однако вся эта путаница неизбежна и действительно полезна для нарождающегося движения, способствующего переходу к новой эре в науке. Возможно, что в области здравоохранения, где индивидуальные «потребительские предпочтения» могут действовать более эффективно в массовом масштабе, чем это происходит в отношении экологических проблем, подъем постпривычной науки будет происходить более плавно. «Нетрадиционная медицина» во многих отношениях может считаться образцом постпривычной науки: несмотря на неизбежное внешнее сопротивление и внутреннюю сумятицу, она неуклонно растет.

Важно понимать, что постпривычная наука дополняет прикладную науку и профессиональный консалтинг. Она не заменяет традиционные формы науки и не выдвигает претензии на предоставление надежных знаний и сертифицированной экспертизы, которые делаются от имени науки в ее законном контексте. Техническая экспертиза квалифицированных ученых и профессионалов в признанных сферах деятельности не оспаривается. То, что может быть поставлено под сомнение, так это качество работы в этих новых условиях, особенно в отношении ее экологических, социальных и этических аспектов. Ранее господствовало предположение, что данные факторы были «внешними» в работе науки и техники, и что, когда возникают такие проблемы, «общество» каким-то образом находит нужный ответ. Сегодня задача состоит в том, чтобы увидеть, какие изменения в практической деятельности науки и ее институтов повлечет за собой признание неопределенности, комплексности и качества в рамках политически значимых исследований.

Как в случае любых коренных перемен, настоящий момент содержит не только семена разрушения, но и обновления. Некоторые участники экологической борьбы видят в ученых простых наемников, которые должны предоставлять данные, которые нужны «нам», и соглашаться на сокрытие всего остального. Другие будут лично отторгать любые аргументы и свидетельства, которые могут ослабить их предвзятое мнение. Законно ли включать подобных участников в расширенное коллегиальное сообщество? Даже традиционная наука никогда не избегала таких людей. Но существовала негласная этическая приверженность честности, благодаря чему научное сообщество в целом поддерживало высокое качество

своей работы[20]. Поддержание надлежащего качества, без которого все усилия по решению проблем политики рисков и окружающей среды обречены на провал, является главной задачей методологии науки будущего.

Заключение

В каждую эпоху формирование науки происходит вокруг определенных основных проблем, вместе с которыми она и развивается.

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РИСКОВ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ЯВЛЯЮТСЯ ГЛОБАЛЬНЫМИ НЕ ТОЛЬКО ПО СВОИМ МАСШТАБАМ, НО И ПО СВОЕЙ КОМПЛЕКСНОСТИ, РАСПРОСТРАНЕННОСТИ И НОВИЗНЕ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

До сих пор, в условиях преобладания прикладной науки, рациональность редукционистских естественнонаучных исследований принималась в качестве модели рациональности интеллектуальной и социальной деятельности в целом. Какие бы успешные результаты она не показывала в прошлом, но признание принципиальных вопросов рисков и окружающей среды показывает, что данный идеал рациональности больше не является универсально приемлемым.

Научная деятельность в настоящее время охватывает управление нарастающей неопределенностью в сфере знаний и этики, а также признание различных перспектив и способов познания, являющихся законными. Таким образом, научная практика становится все более похожей на работу демократического общества, для которого характерно широкое участие различных слоев и терпимость к разнообразию. Поскольку сегодня в политическом процессе признается наша ответственность перед будущими поколениями, другими видами живой природы и даже перед глобальной окружающей средой, наука также расширяет сферу своих интересов. Мы живем, полностью погруженные в быстро происходящий и радикальный переход, поэтому мы не можем предсказать его исхода. Но мы можем помочь создать условия и интеллектуальные инструменты, с помощью которых можно управлять процессом изменений с максимальной пользой для глобальной окружающей среды и человечества в целом.

---

[20] J. R. Ravetz, *Scientific Knowledge and its Social Problems* (Oxford, Oxford University Press, 1971).

Демократизация данного аспекта науки не является вопросом благожелательного отношения со стороны определенных групп, но (как и в сфере политики) достижением системы, которая, несмотря на свои недостатки, является наиболее эффективным средством предотвращения бедствий, возникающих в результате длительного подавления критики. Недавний опыт показал, что наличие критических высказываний важно не только для общества, но и для процесса решения ключевых вопросов рисков и окружающей среды. Проясним нашу позицию: мы не выступаем за демократизацию науки на основе общего стремления к максимально возможному распространению демократии в обществе. Эпистемологический анализ постпривычной науки, основанный на практических задачах обеспечения качества, показывает, что такое расширение коллегиальных сообществ при соответствующем росте фактологической базы необходимо для эффективности науки в решении новых задач глобальных экологических проблем.

Представленный здесь анализ дополняет тот, который был дан в нашей предыдущей статьи о постмодерне[21]. Оба касаются потери единым мировоззрением своей гегемонии, основанной на определенном видении науки. Феномен постмодерна — явление углубляющегося разочарования и, как следствие, фрагментация на всех уровнях, включая идеологический и социальный. Одним из видов реакции на это, как и у некоторых ведущих представителей постмодерна, является отчаяние. Другая реакция — найти заверения в «нормальности» происходящего. Таким образом, некоторые ведущие ученые утверждают, что решением наших экологических проблем может стать финансирование их обширной программы соответствующих фундаментальных исследований, ни коим образом не упоминающих неопределенность[22]. Действительно, подавление неопределенности в «привычной» науке ставит ее на один уровень с весьма экстремальными реакциями на современные условия. Так, было замечено, что некоторые религиозные фундаменталисты без колебания обращаются к научной экспертизе различного рода, поскольку эти два вида догматизма могут комфортно сосуществовать при проведении соответствующих границ[23]. И наконец, постпривычная реакция заключается в осознании проблемы со всеми ее опасностями и перспективами, а затем в проведении реинтеграции через принятие неопределенности и поощрение разнообразия.

---

[21] S. O. Funtowicz and J. R. Ravetz, 'The good, the true and the post-modern', *Futures,* 24 (10), December 1992, pp. 963–976.

[22] J. Lubchenko at al., 'The Sustainable Biosphere Initiative: an ecological research agenda (A report from the Ecological Society of America)'. *Ecology,* 72, 1991, Dazes, pp. 371–412.

[23] Z. Sardar, *Explorations in Islamic Science* (London, Mansell: 1989, chapter 2, 'Anatomy of a confusion'.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ

Зияуддин Сардар

«Беда не приходит одна» — гласит пословица. И в последнее время их приходит все больше и больше. Если многочисленных угроз, вызванных изменением климата, было недостаточно, чтобы обеспечить нам бессонные ночи, то вот вам сверху еще и одна из самых страшных рецессий в истории, переживаемых нами сегодня. В одночасье банки рухнули, как карточные домики, гигантские страховые компании сдулись, а названия, бывшие у всех на слуху, начали исчезать с главных улиц. Нашему правительству пришлось вложить гигантскую сумму в 1,3 триллиона фунтов стерлингов в качестве гарантий и количественно облегчить нашу финансовую систему только для того, чтобы она продолжала работать. Прежде чем мы успели отдышаться, возникла пандемия свиного гриппа, угрожающая поглотить земной шар. За всем этим маячит энергетический кризис, истощение природных ресурсов, таких как нефть (возможно) и рыба (однозначно), сохраняется угроза распространения ядерного оружия и не исчезает угроза терроризма. Не говоря уже о пенсионном кризисе, кризисе организованной преступности и поножовщины на наших улицах, а также кризисе, с которым столкнулась «матерь всех парламентов». Мы ненавидим банкиров, не доверяем нашим политикам, постоянно беспокоимся о сохранении наших рабочих мест, переживаем за безопасность наших детей и бедственное положение наших сообществ. Нет ничего определенного, абсолютно гарантированного и совершенно безопасного.

Добро пожаловать в постпривычное время! Это время, когда мало чему можно доверять, и мало что придает нам уверенности. *Espiritu del tiempo* (дух времени) характеризуется неопределенностью, быстрыми

изменениями, перераспределением власти, переворотами и хаотичным поведением. Мы живем в промежуточный период, когда старые ортодоксии умирают, новые еще не родились, и кажется, что очень немногое имеет смысл. Наше время — переходный период, время без уверенности в том, что мы можем вернуться в любую точку знакомого нам прошлого, время без уверенности в то, что какой-либо путь приведет нас к желаемому, достижимому и устойчивому будущему. Это время, когда любой выбор кажется рискованным, ведущим к краху, если не в совершенную бездну. В наше время можно мечтать о чем угодно, рисовать себе любое провидческое будущем, но почти невозможно поверить, что у нас есть возможности и стремление воплотить мечту в реальность. Мы живем в состоянии непрерывного движения, омраченного повсеместной нерешительностью: как выбрать, что лучше, что хуже? Мы лишены силы из-за риска, страшно запуганы необходимостью выбора, который нам нужно будет сделать, или мы будем вынуждены его сделать.

В привычных обстоятельствах мы знаем, где мы находимся. Зимой холодно, а летом жарко, времена года сменяют друг друга: весна приходит первой, а потом наступит осень. Все работает как часы, в естественном режиме. Экономический прирост происходит стабильно, темпами, варьирующимися от вялых до резких, но они гарантируют надежный общий подъем благосостояния и безопасности. Рынки работают (куда они денутся!), регулируют цены, и мы доверяем нашим финансовым учреждениям. Политики, эти никогда не заслуживавшие доверия представители рода человеческого, признают и в целом придерживаются устоявшихся принципов поведения при принятии эффективных законов для управления делами в обществе. Когда мы сталкиваемся с новой болезнью или опасностью, наука и медицина спешат нам на помощь. Глобальный баланс сил, при всем его несовершенстве, способствует поддержанию закона и порядка, направленных на мирное сосуществование. Поместные диктаторы, опасаясь последствий своих действий, знают, когда нужно остановиться. Мы живем в сплоченных и взаимосвязанных сообществах, абсолютно уверенные в том, что будущее наших детей надежно обеспечено.

В привычные времена, когда что-то идет не так, как это часто бывает, мы знаем, что нужно делать. Мы выявляем и изолируем проблему и применяем наши материальные и интеллектуальные ресурсы, чтобы найти жизненно важный ответ. Прочные основания и проверенные теории наших академических дисциплин, от экономики и политологии до биологии и естественных наук, направляют нас к потенциальному решению. Авторитет и абсолютная сила интеллектуальной, академической и политической ортодоксии гарантируют, что мы успешно совладаем с ветрами перемен.

Сегодня мало что из этого осталось в реальности. Многое из того, что мы воспринимали как привычное, обыденное или общепринятое, просто

больше не работает. На самом деле, сама привычность оказывается корнем всех наших бед. Возьмем, к примеру, текущий экономический кризис. Он является убедительным свидетельством разрушения старой бизнес-модели, на которую мы опирались веками. Мало того что свободный рыночный капитализм опасно устарел, отрасль экономики, предоставлявшая теоретическое обоснование этой конструкции, также является интеллектуальным банкротом[1]. Экономический человек, ментальная конструкция, лежащая в основе всего этого построения, вид, некогда восхваляемый за свою рациональность, вымер[2]. Рынки, движение которых мотивировано исключительно прибылью, стали неуправляемыми. Они основываются только на личностной наживе и бессовестном накоплении невообразимого частного богатства, сосредотачиваемого в руках единиц. Конкуренция и свободный приток капитала в либерализованном и дерегулируемом мире представляет собой бесконечную историю о нищем, моем ближнем, производящем все более дешевые потребительские товары. Это, в свою очередь, превращает все больше и больше сообществ «ржавого пояса» в деиндустриализированные пустоши, в то время как перестройка глобального торгового дисбаланса увеличивает нестабильность и взаимное недоверие внутри и между странами[3].

Сам мир теперь стал куда более неопределенным, чем он был во второй половине XX века. Дело не только в том, что наша собственная политическая система, основанная на саморегулировании и договорных правилах джентльменских клубов, развалилась и не подлежит восстановлению. Чем больше политики занимаются законотворчеством, реформированием и поправками к законодательству, и чем менее значимыми и эффективными кажутся законы в достижении и предоставлении ощутимых социальных выгод, тем больше появляется непредвиденных и нежелательных последствий. Глобальный геополитический ландшафт также быстро меняется. Вряд ли найдется страна, где к политикам любого толка испытывают доверие и уважение. Даже циклу времен года больше нельзя доверять. И все из-за глобального потепления, сопровождающегося повышением температуры и уровня мирового океана, изменением состава водных ресурсов и трансформацией экосистем.

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА БЫЛО НАПОЛНЕНО ЧЕРЕДОЙ ТРЕВОЖНЫХ ЗВОНКОВ,

[1] Graham Turner, *The Credit Crunch*, Pluto, London, 2008.

[2] Alex Brummer, *The Crunch: How Greed and Incompetence Sparked the Credit Crisis*, Random House, London, 2009.

[3] David Boyle and Andrew Simms, *The New Economics*, Earthscan, London, 2009.

говорится в рекламе IBM. «Среди них системные кризисы: от безопасности до изменения климата, нехватки продовольствия и воды, энергии, краха финансовых рынков и т. д.»[4]. Уникальность этих кризисов в том, что они происходят одновременно. «Мы никогда не переживали такой эпохи, когда бы нас поражали множественные кризисы одновременно», — сказал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун[5]. Дело не только в том, что что-то идет не так. Все дела идут неимоверно плохо, в глобальном масштабе, причем всеми возможными способами, да еще и одновременно. Таким образом, мы попадаем в ситуацию, которая далека от привычной и ведет нас на территорию постпривычности.

Понятие «постпривычного» впервые было введено в оборот Джерри Равецом, знаменитым британским философом науки, и аргентинским математиком Сильвио Фунтовичем[6]. Работая над математикой рисков, они заметили, что старые представления о науке, когда эмпирические данные приводили к верным выводам, а научные рассуждения вели к правильной стратегии действий, больше не являются правдоподобными. В научной работе царила серьезная неопределенность, которая вместе с изменениями в финансировании, коммерциализацией, социальной озабоченностью по поводу достижений в науке и сложными вопросами безопасности означала, что научная деятельность больше не функционирует «привычным» образом. «Всякий раз, когда возникает вопрос научной политики, — писали Равец и Фунтович, — мы обнаруживаем, что факты носят неопределенный характер, комплексность является нормой, ценности спорны, ставки высоки, требуются срочные решения, и существует реальная опасность того, что антропогенные риски выйдут из-под контроля»[7]. Они определили нарождающееся явление как «постпривычную науку», которая теперь стала устоявшейся областью исследований.

Многое из того, что Равец и Фунтович говорили о науке в 1990-х годах, теперь одинаково верно и для других дисциплин, а по сути, для общества в целом. Все, от экономики до международных отношений, от рынков до товаров в местных магазинах, от политики до инакомыслия, стало постпривычным. Для такого положения вещей есть очень веские причины. Все они связаны с тремя составляющими: комплексностью, хаосом и противоречиями (КХП) — силами, формирующими и стимулирующими постпривычное время. Для нас важно разобраться в этих силах, чтобы найти успешный способ продвижения вперед.

---

[4] www.ibm.com/ibm/responsibility/agenda.shtml

[5] *The Guardian, 8 July 2009.*

[6] Jerome R. Ravetz, Science for the post-normal age, *Futures,* 25/7, September 1993, pp. 735–755.

[7] Jerome R. Ravetz and S. O. Funtowicz, Post-Normal Science: an insight now maturing, *Futures*, 31/7, 1999, pp. 641–646.

Комплексность

Начнем с первой составляющей КХП. Почти все, с чем мы сталкиваемся сегодня, обладает комплексным характером. Совершенно непросто наладить экономику, или обеспечить безопасность наших энергоресурсов, или даже справиться с наводнениями, которые, кажется, случаются в Великобритании раз в два года. Одна из причин этого заключается в том, что мы небольшая, и как утверждают некоторые, не такая уж значимая часть глобализированного мира. Чтобы «наладить» ситуацию здесь, в Британии, нам также нужно что-то предпринимать в других странах, а также на глобальном уровне. Например, чтобы гарантировать поставки энергоресурсов, мы должны уделять внимание как местным, так и международным проблемам, связанным с эти вопросом. Местные касаются обеспечения потребителей энергией по разумной цене и недопущения непреднамеренных перебоев в электроснабжении в результате несчастных случаев и умышленных сбоев. Международные задачи включают гарантии того, что наша внешняя политика не должна являться слишком враждебной по отношению к тем, на кого мы полагаемся в нашем обеспечении энергоносителями, а также выражаться в стремлении избегать энергетической зависимости от небольшой группы стран. Но это только половина уравнения.

Нам также необходимо принять меры по сокращению выбросов углерода в атмосферу, способствовать повышению энергоэффективности, ускорить внедрение низкоуглеродных технологий и обеспечить достаточную конкурентоспособность энергетических рынков, чтобы они не подвергались деструктивным манипуляциям со стороны спекулянтов. Совместить все эти различные элементы нашей энергетической безопасности в единую политику — дело непростое. Комплексность является естественным побочным продуктом того факта, что большинство наших проблем имеет мировой масштаб.

БОЛЕЕ ТОГО, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ УВЕЛИЧИВАЕТ КОМПЛЕКСНОСТЬ НЕ ТОЛЬКО ЗА СЧЕТ ТОГО, ЧТО МЫ ВЗАИМОЗАВИСИМЫ, НО И ЗА СЧЕТ РАСШИРЕНИЯ НАШИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ.

В глобализированном мире все со всем взаимосвязано. Ничто не существует и не происходит изолированно. Возьмем, к примеру, недавнюю вспышку свиного гриппа. Это не просто проблема здравоохранения и медицины. Это также проблема интенсивного фермерства. Вероятнее всего не случайно, что эпицентр вспышки заболевания, мексиканский город Ла-Глория, находится всего в пяти милях от гигантского промышленного свиноводческого

комплекса, принадлежащего крупнейшему в мире производителю свиней *Smithfield Foods*. Но, конечно, компания *Smithfield Foods* не стала бы массово производить дешевое мясо, выращенное на заводских фермах, если бы потребители с удовольствием не поглощали его. Таким образом, свиной грипп также представляет собой проблему. Это одно из последствий того, что и как мы потребляем по доступным ценам, в соответствии с требованиями потребителей: все более дешевое, в большем количестве, доступное круглый год, независимо от сезона. Более того, такой товар оставался бы локализованным, если бы отдыхающие и бизнесмены-путешественники не совершали перелеты по всему миру. Фактически локальный эндемик превратился в пандемию благодаря скорости, с которой мы перемещаемся в разные части земного шара. Как только пандемия распространилась, она стала проблемой просвещения из области здравоохранения. Отсюда и социальная реклама по телевидению, призывающая нас прикрывать рот, когда мы чихаем, и внезапное появление антисептического геля для мытья рук в общественных местах.

Если этого недостаточно, есть еще один тренд, который все усложняет значительно больше. В постпривычное время все меняется очень быстро, причем изменения происходят одновременно. Обратите внимание, как, например, мировая экономика трансформировалась за одни выходные 13-14 сентября 2008 года. Правительство США, боровшееся со слабостью и нестабильностью финансового сектора, обнаружило, что коллективная задача является грандиозной. Сложные взаимосвязи между банками и финансовыми учреждениями не допускали ограниченных и разрозненных решений. После спасения одного банка, и отказе при этом в спасении банку «Lehman Brothers», возник волновой эффект общего коллапса. Американские банки терпели крах в то же время и по тем же причинам, что и банки в Великобритании и других странах. Как только действительно рухнул один банк, закрыв свои двери для бизнеса, крах финансового сектора стал как глобальным, так и одновременным.

Одновременно с этим происходят события и на геополитическом горизонте. Американская мощь сокращается по мере того, как Китай примеряет мантию новой сверхдержавы, по мере того, как Индия демонстрирует свои экономические мускулы, по мере появления сил у Бразилии, по мере того, как Россия восстанавливает свое уверенное положение на мировой арене, по мере того, как падает влияние Японии, по мере того, как Европа консолидируется в своем эксперименте по совместному суверенитету, по мере роста силы и влияния негосударственных субъектов (от транснациональных корпораций до Аль-Каиды), и по мере того, как относительное богатство и власть перемещаются с Запада на Восток[8]. Когда так много изменений происходит одновременно, и когда

[8] Martin Jacques, 'No one rules the World', *New Statesman*, 30 March 2009, pp. 22-23.

происходит объединение множества новых явлений и моделей, мы обнаруживаем, что нам сложно понять нарождающуюся комплексность, и почти невозможно справиться с ней.

Природу проблемы, с которой мы сталкиваемся, искусно объяснил австралийский философ Пол Сильерс. Он пишет: «Чтобы полностью понять комплексную систему, нам нужно понять ее во всей ее сложности. Более того, поскольку комплексные системы являются открытыми, нам прежде необходимо понять среду существования этой системы, и тогда мы сможем понять саму систему. И конечно же, сама по себе среда является комплексной. Человеческими средствами это сделать невозможно. Наши знания о комплексных системах основаны на моделях, которые мы создаем *для* этих систем. Но *для* того, чтобы функционировать как модели, а не просто как повторение системы, в них должна быть *уменьшена* комплексность основной системы. Это означает, что некоторые аспекты системы всегда остаются неучтенными. Проблема усугубляется еще и тем фактом, что то, что не учтено, взаимодействует с остальной системой нелинейным образом, и поэтому мы не можем предсказать, каковы будут последствия нашего снижения комплексности. Особенно потому, что система и ее среда существования развиваются и трансформируются во времени»[9].

Таким образом, комплексность, оказывающая такое же влияние на физику и биологию, как и на экологию, экономику, безопасность и международные отношения, преподает нам важный урок: понятия контроля и определенности устаревают. Не существует единой модели поведения, образа мышления или метода, которые могли бы дать ответ на все наши взаимосвязанные сложные недуги. «Свободный рынок» представляет собой такой же мираж, как и предположение, что наука или либеральный секуляризм выведут нас из нынешнего тупика. Мир всегда был комплексным, всегда взаимосвязанным. Однако эпоха глобализации, которую мы переживаем, отличается масштабами, глубиной взаимосвязью и непосредственностью последствий и реакций. Сегодня мы больше не можем позволить себе роскошь размышлять, наблюдать и откликаться на нежелательные результаты, создавая некоторую видимость порядка при обсуждении и управлении. Простое признание того факта, что все наши проблемы по своей сути комплексны, учит нас старомодной и часто игнорируемой ценности: смирению.

---

[9] Paul Cilliers, 'Complexity, deconstruction and relativism', *Theory, Culture & Society*, 22 (5), 2005, pp. 255–267.

Хаос

Комплексность является предшественником и необходимым условием второго компонента КХП: хаоса. Постпривычные времена существуют в эпоху хаоса, когда ускорение является нормой, предсказания сбываются не часто, а небольшие изменения могут привести к серьезным последствиям[10]. Хаотичное поведение не является редкостью. Оно всегда существовало в наших погодных условиях. Но довольно необычно наблюдать, как цивилизации, целые общества или даже все население земного шара ведет себя в соответствии с условиями теории хаоса.

Основная причина этого связана с изменением характера, масштабов и способов функционирования взаимосвязанных сообществ (сетей). Сегодня мы связаны и переплетены намного больше, чем когда-либо в истории. Весь земной шар представляет собой взаимосвязанное сообщество, в котором пересекаются сети людей, групп, сообществ, организаций, постоянно связанных друг с другом посредством электронной почты, электронных списков, новостных групп в интернете, мобильных телефонов, текстовых сообщений, видеоконференц-связи, блогов, Twitter, Facebook, MySpace, интерактивного цифрового телевидения и круглосуточных выпусков новостей. Вряд ли найдется место в мире, где мы могли бы побыть в одиночестве. Мобильный телефон, находящийся при вас, сообщает тем, кто хочет точно знать, где вы находитесь, и позволяет вам общаться с кем угодно в любое время (почти) в любом месте. Все больше и больше общение становится мгновенным, всеобъемлющим и вездесущим. Действительно, кажется, что в наши дни мы общаемся не для того, чтобы жить, а живем, чтобы общаться.

Конечно, постоянно на связи находятся не только отдельные личности. Все основные институты общества теперь объединены в сеть. Мировая экономика полностью цифровизирована, поэтому теперь торгуют не трейдеры, а компьютерные программы, разработанные для мгновенного реагирования. Электрические сети, коммунальные услуги, транспорт и даже органы управления объединены в сети. Все более-менее значимое связано с той или иной сетью, а это означает, что понятие «национальная безопасность» приобретает совершенно новое значение[11].

Поскольку все связано и объединено в единую сеть со всем, сбой в любом месте создает эффект домино, нарушая работу других частей сети и даже разрушая ее полностью. Более того, потенциал для положительной реакции, т. е. быстрого и опасного увеличения в геометрической прогрессии событий или вещей, огромен. Вот тут и выходят на авансцену незаметные, малозначимые начальные условия: они могут вызвать серьезные потря-

---

[10] Ziauddin Sardar, *Introducing Chaos*, Icon Books, London, 1999.

[11] Neyla Neyla Arnas, ed., *Fighting Chance: Global Trends and Shocks in the National Security Environment*, National Defence University Press and Potomac Books, Washington DC, 2009.

сения. Даже небольшое изменение в состоянии привести к коллапсу со все возрастающей скоростью. Компьютерный вирус, забастовка, простая отставка могут вызвать цепную реакцию, которая приведет к полной остановке в жизнедеятельности нации, а то и всего мира. Только подумайте, сколько конкурирующих компаний, регулирующих органов, учреждений здравоохранения и безопасности, правительственных министерств и групп пассажиров составляют сетевое сообщество британской железной дороги. И у всех у них разные интересы, соперничающие планы и разные средства защиты. Незначительный сбой в одной конкретной точке сети, например, занесенные листьями рельсы, оказывает влияние на все сообщество, а иногда и многократно, не говоря уже о многострадальных пассажирах.

Самым наглядным примером хаотичного поведения являются фондовые рынки. Благодаря компьютерной сети, все они объединены в единый глобальный рынок. Инвестирование, перевод капиталов, операции с акциями происходят в мгновение ока с помощью электронных сигналов. Есть постоянная обратная связь со всеми частями глобальной экономической системы. Небольшие изменения имеют значение. Взлеты и падения вызывают определенные реакции. Компьютерные программы, запускающие сделки, реагируют на цифры, независимо от причины их появления. Дискреционные силы вытесняются из системы в пользу мгновенной, неизбежной реакции, даже если это совершенно контрпродуктивно. Мы не всегда знаем, какое малое изменение является значимым, какие именно местные условия сделали его возможным или к чему оно приведет. Настроения рынка, находящиеся под влиянием компьютерных заказов на покупку или продажу, реагируют на небольшие изменения, которые при мультипликативном эффекте могут быстро превратиться в серьезный экономический кризис. С точки зрения хаоса нынешний экономический кризис был случайностью, которую только и следовало ожидать. При этом он предсказывался многими экспертами в различных областях.

Так Дж. К. Гэлбрейт, опытный экономист, отточивший свое мастерство еще на Великой депрессии и Новом курсе, больше чем за десять лет до своей смерти в 2006 году предупреждал, что экономический мыльный пузырь неизбежно лопнет[12]. Книги, в которых описываются экономические мыльные пузыри, возникавшие в истории человечества, наряду с разновидностями тюльпанов в XVII веке и Южным морем в XVIII веке, стали модными закодированными предупреждениями, доступными в книжных магазинах.

Поведенческий хаос в социальной и культурной сфере различить труднее. Высказывались определенные подозрения о хаотическом пове-

[12] John Kenneth Galbraith and Nassim Nicholas Taleb, *The Great Crash: 1929*, Penguin, London, 1992 (original edition, 1954).

дении во время «оранжевой» революции 2004 года в Украине, «кедровой» революции 2005 года в Ливане и совсем недавно во время попытки «зеленой» революции в Иране. Когда протестующие начинают вести себя как взаимосвязанное сообщество и создают положительную обратную связь благодаря интернету и мобильным телефонам, их число быстро увеличивается и приобретает постоянный импульс.

Самым ярким примером того, как социальные сети могут превратить обычную ситуацию в хаотичную для Британии, являются бензиновые протесты в сентябре 2000 года. Они начались как простая неорганизованная демонстрация. Но каждый протестующий дальнобойщик общался по своему мобильному телефону и отправлял электронные письма или текстовые сообщения другому дальнобойщику. Мгновенное общение превратило серию протестов во взаимосвязанную сеть с положительным откликом. Таким образом, одна и та же небольшая группа водителей грузовиков могла быстро и легко перемещаться от одной автобазы к другой и останавливать грузовики, покидающие свою автобазу. Это пример спонтанной самоорганизации в действии. Подобно погоде, протест дальнобойщика выглядел одинаково с любой точки зрения: и правительство, и общественность рассматривали его как коллективное, импульсивное, беспорядочное событие, которое не следует воспринимать слишком серьезно. Но когда протест достиг масштаба хаоса, он почти остановил жизнедеятельность Великобритании.

Благодаря мобильным телефонам, электронной почте, блогам, твитам и круглосуточным новостям, мы постоянно в курсе событий. Таким образом, мы готовы мгновенно реагировать, будучи оснащены необходимыми средствами для запуска новых моделей цепных реакций. Чем больше расширяются коммуникационные технологии, чтобы сделать общение более легким, быстрым, мгновенным и рефлексивным, тем больше мы, вероятно, будем вызывать самоорганизованную панику и жить на грани хаоса. Разновидности самоорганизованной паники, такие как самоорганизующиеся народные революции, становятся все более вероятными явлениями, которые невозможно предсказать. Они представляют собой потенциальную возможность, маячащую на горизонте ожидания, которая должна учитываться при рассмотрении нестабильного и дестабилизированного социального ландшафта. Они создают, влияют и изменяют процессы и расчеты по управлению и принятию решений, независимо от того, выдвигают ли [стихийные лидеры] на первый план вопросы, которые являются жизненно важными, второстепенными, исключительно частными и корыстными или даже тривиальными, — поэтому оправдывают и производят существенные изменения. Но это совсем другое дело.

КАК И КОМПЛЕКСНОСТЬ, ХАОС ТОЖЕ МОЖЕТ ПРЕПОДАТЬ НАМ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ УРОК: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПОДОТЧЕТНОСТЬ ИМЕЮТ ПЕРВОСТЕПЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НАШЕГО КОЛЛЕКТИВНОГО ВЫЖИВАНИЯ.

Действия любого человека или группы лиц, от недобросовестных политиков до безответственных социальных работников, могут вызвать серьезную нестабильность и потрясения. С другой стороны, индивидуализм и представление о том, что человек может заниматься самореализацией и делать все, что захочет, — рецепт катастрофы. Культ индивидуализма существует в контексте власти и иерархии, сложных взаимосвязанных сетей и диспропорций. Индивидуализм дает власть сильным, тем, кто наиболее искусен в использовании рычагов власти и может передавать власть самоизбранным группам. Нет необходимости или незыблемого правила, согласно которому такое индивидуальное наделение полномочиями будет инклюзивным, обширным и справедливо распределенным, или же оно будет подразумевать коллективную выгоду. Обратите внимание, что действия относительно небольшой группы алчных банкиров привели к обрушению экономики всего мира. Атака еще меньшего числа террористов вызвала 11 сентября цепную реакцию, возвысившую неоконсервативную идеологию в США и Европе, изменившую ход истории Ирака, Афганистана и Пакистана, переписавшую понятие безопасности, выявившую пределы американской мощи и спровоцировавшую массовые протесты и инакомыслие во всем мире, не говоря уже о миллионах убитых, искалеченных и бездомных. В постпривычное время мир действительно может быть разрушен действиями нескольких опасных индивидов.

Противоречия

Комплексный, объединенный во множественные сети мир с бесконечным числом конкурирующих интересов и идеологий, с замыслами и желаниями, ведущими себя хаотично, не может сделать ничего иного, как только извергнуть противоречия, третью составляющую КХП. Это естественный продукт многочисленных антагонистических социальных и культурных сетей, борющихся за господство. В конце концов, как указывал Ньютон, каждое действие имеет равное по силе и противоположное по направлению противодействие. «Противоречия также указывают на то, что все и вся, каждая политика, имеет свою цену», — сказал Равец, отпраздновавший

в прошлом месяце свое 80-летие. «Независимо от того, как мы воспринимаем прогресс, насколько он полезен, он всегда имеет пагубные побочные эффекты. Невозможно достичь добра, не породив зла»[13]. И противоречия могут иметь различную степень истинности: они могут быть взаимодополняющими, когда противостоящие силы поддерживаются в динамическом равновесии; или деструктивными, когда борьба приводит к краху; или творческими, когда противоречия разрешаются через трансформацию.

В постпривычное время есть два противоречия, которые требуют нашего особого внимания.

Первое касается перемен. Сегодня модно утверждать, что мы переживаем невиданные ранее перемены. Все всегда менялось, но изменения никогда раньше не происходили в таком ускоренном темпе, который мы наблюдаем сегодня. Возьмем, к примеру, информационные технологии, которые каждый год удваивают свою мощность, измеряемую ценой, производительностью и пропускной способностью. Через 25 лет эта мощь возрастет в миллиард раз по мере того, как мы переходим от транзисторов к более мощным технологиям, таким как нанотехнологии и молекулярная компьютеризация. Точно так же наша способность секвенировать генетические данные с каждым годом удваивается. Секвенирование вируса ВИЧ заняло 15 лет, а секвенирование вируса SARS — всего 31 день. Так что изменения не просто происходят быстро, но изменяется сама фактическая скорость изменений, и экспоненциальное ускорение теперь стало нормой.

Тем не менее обширные сегменты планеты и сферы нашей социальной жизни квазистатичны. Структура британского общества с его классовыми привилегиями и укоренившимся предпочтением Итона и Оксбриджа [Оксфорда и Кембриджа] не меняется на протяжении веков. Недавно созданный Верховный суд Великобритании состоит из лордов, среди которых только двое — представители Шотландии и Северной Ирландии — не получили образования в колледжах Оксбриджа. Ужасающая нищета в современной Африке ничем не лучше колониальных времен, а для многих даже еще хуже. Распределение богатства внутри наций, как всегда, смещает баланс в сторону элиты[14]. На самом деле, нарастает сама динамика диспропорции. В период после Второй мировой войны наблюдался рост экономических стандартов в сочетании с более широким распределением богатства, что позволило создавать более справедливые общества, особенно в промышленно развитых странах. С 1980-х годов распределение богатства не только вернулось к образцам девятнадцатого века, но и продолжило экспоненциально расти сверх этих норм. Разница между зарплатой генерального директора компании и тем, что получает большинство сотрудников велика:

---

[13] Jerome R. Ravetz and Silvio O. Funtowicz, 'Emergent complex systems', *Futures*, 26 (6), 1994, pp. 568–582.

[14] John Hills, *New Inequalities: The Changing Distribution of Income and Wealth in the United Kingdom*, Cambridge University Press, Cambridge, 1996.

в настоящее время обычно имеется разрыв от трех- до четырехсоткратного. Большая часть богатства таких стран, как Великобритания и США, сосредоточена в руках 1% самых богатых, и превышает владения 90% остального населения вместе взятого. В мире современного изобилия еды около 850 миллионов человек каждую ночь ложатся спать голодными[15]. Хотя женщины, как правило, являются основными производителями продуктов питания в развивающихся странах, именно они составляют более 60 процентов голодающих во всем мире. Войны и жестокие военные конфликты происходят как никогда чаще. Чем больше что-то меняется, тем больше кажется, что оно остается прежним.

Второе противоречие касается знания.

В ТО ВРЕМЯ КАК НАШИ ЗНАНИЯ РАСТУТ, ПРИЧЕМ КАК НА ДРОЖЖАХ, И ПОЧТИ ВО ВСЕХ СФЕРАХ, КАЖЕТСЯ, ЧТО МЫ СТАНОВИМСЯ БОЛЕЕ НЕВЕЖЕСТВЕННЫМИ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО.

Обратите внимание, насколько ограничены наши знания о других культурах, например, об исламе, коренных культурах Латинской Америки или культурном суперразнообразии Индии и Китая. Рост ксенофобии во всем мире является не только тревожным сигналом, но и представляет собой свидетельство глубокого невежества. В то время как нас засыпают информацией почти по любому явлению, мы обладаем очень ограниченной способностью различать, что важно, а что тривиально.

Более того, постпривычное время добавило дополнительные измерения нашему невежеству. Многие современные проблемы имеют внутреннюю неопределенность, которую можно будет решить только когда-нибудь в будущем. Возьмем к примеру вирус свиного гриппа. Мы не знаем точно, как этот вирус будет мутировать в ближайшем будущем. Это то, чего мы не можем знать, пока вирус не пройдет мутацию, а это может происходить в разных формах и разными способами. То же самое относится и к генно-модифицированной пище. Мы не можем быть абсолютно уверены в том, что такая пища полностью безопасна, пока она не пройдет через пищевую цепочку и не станет частью нашего повседневного рациона. Это то, что откроется нам только через десять-двадцать лет. То же самое можно сказать о нанотехнологиях и многих потребительских товарах, в которых используются наноматериалы, от кремов для кожи до дезинфицирующих средств. Только благодаря их постоянному использо-

[15] Per Pinstrup-Anderson and Fuzhi Cheng, 'Still hungry: one-eighth of the world's people do not have enough to eat', *Scientific American*, September 2007, pp. 96–103.

ванию в течение определенного периода времени мы обнаружим их истинные побочные эффекты второго и третьего порядка. До этого мы должны жить в условиях риска и с нашим невежеством.

Учитывая, что мы не можем изолировать взаимосвязанные проблемы и решить их в определенном порядке, мы обнаруживаем, что какие бы решения не предлагались, всегда есть те дополнительные части, которые остаются без решения, и не могут быть решены сейчас. Часто мы даже не осознаем нерешенные компоненты проблемы, пока они либо не проявятся в другой форме, либо не будет слишком поздно. Кризис в автомобильной промышленности является хорошим тому примером. Большая часть наших усилий была направлена на спасение таких производителей автомобилей, как Дженерал Моторс, Опель и LDV. Это важнейшая часть производственного сектора, жизненно важная часть нашей экономики, поскольку от нее зависят тысячи рабочих мест. Мы знаем, что выхлопные газы играют важную роль в глобальном потеплении, а дешевый бензин быстро исчезает, поэтому мы требуем, чтобы производители автомобилей переходили на производство электромобилей и гибридный автотранспорт. Но, пытаясь решить проблемы производителей, экономики, занятости, окружающей среды и природных ресурсов, мы упускаем из виду жизненно важный компонент взаимосвязанных проблем: сам автомобиль. В конце концов, сколько машин мы физически можем вместить на планете? Что может заменить автомобиль как жизнеспособный вид транспорта в будущем? Как бы выглядел мир без машин? Как показывают Кингсли Деннис и Джон Урри в своем блестящем исследовании «После машины» (*After the Car*)[16], мы просто не знаем ответы на эти вопросы, потому что данный аспект проблемы полностью выпал из нашего поля зрения. Чтобы обнаружить альтернативы, мы должны думать о *немысленном* и задавать вопросы, порожденные нашим невежеством. В целом мы остаемся в неведении об альтернативах, и шансы получить новые знания таят. Невежество не исчезает под воздействием привычных исследований, поэтому мы не имеем представления о его существовании.

ИТАК, МЫ СТАЛКИВАЕМСЯ С ТРОЙНЫМ УДАРОМ НЕВЕЖЕСТВА ИЛИ, ЕСЛИ ХОТИТЕ, НЕВЕЖЕСТВОМ В КУБЕ: НЕВЕДЕНИЕ НАШЕГО НЕВЕЖЕСТВА, СОПУТСТВУЮЩЕЕ НЕВЕЖЕСТВО В ОТНОШЕНИИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ПОСЛЕДНИХ РАЗРАБОТОК,

[16] Kingsley Dennis and John Urry, *After the Car*, Polity, Oxford, 2009.

А ТАКЖЕ НЕВЕЖЕСТВО, ПОРОЖДЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПЕРЕГРУЗКОЙ. НЕВЕЖЕСТВО ТРЕБУЕТ ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВЫХ СПОСОБОВ МЫШЛЕНИЯ. В ОТЛИЧИЕ ОТ ОБЫЧНОГО НЕВЕЖЕСТВА, КОТОРОЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВОСПОЛНЕНО ИССЛЕДОВАНИЯМИ И ЗНАНИЯМИ, РАБОТА С НЕВЕЖЕСТВОМ В КУБЕ ТРЕБУЕТ РАДИКАЛЬНО НОВЫХ СПОСОБОВ МЫШЛЕНИЯ.

Противоречия могут быть парадоксальными, но они выполняют очень полезную функцию. Они предоставляют нам перспективу, препятствующую упрощенному анализу проблем и ситуаций. Мы вынуждены рассматривать противоречащие друг другу тенденции, точки зрения, факты, гипотезы и теории и осознавать, что мир не поддается наивным одномерным решениям. Хотя это ни в коем случае не является предначертанным выводом. Наиболее лаконичное изложение предположений о невежестве в кубе было сделано бывшим министром обороны США Дональдом Рамсфелдом, который сформулировал заданное условие без изменения одномерного безжалостного курса политики, о котором он впервые задумался[17]. Как комплексность, так и противоречия предполагают, что любая существующая проблема имеет множество измерений, и что никакое частичное представление не может охватить целое. Отсюда следует, что данная проблема не обязательно имеет «правильный» или «неправильный» ответ. В самом деле, в постпривычное время аристотелевская логика является частью проблемы, а не ответом. Чтобы лучше понять проблему, мы должны учитывать, что ответы могут включать оба варианта (хорошие и плохие), в также ни один из них. Такая четырехступенчатая логика позволяет нам мыслить многопланово и, таким образом, лучше справляться с комплексными проблемами, отягощенными противоречиями. А лучшим способом мышления, когда имеешь дело со множествами, является диалог и обсуждение.

Большинство незападных философий основано на подобного рода образе мышления и придерживается его. Мы могли бы, если бы захотели, многое выиграть, серьезно отнесись мы к данным традициям. Даже самое базовое понимание проблемы требует диалога по ее различным аспектам,

---

[17] http://en.wikipedia.org/wiki/Unknown_unknown; and www.youtube. com/watch?v=_RpSv3HjpEw

включая целый ряд точек зрения и интересов, в том числе экспертов, неспециалистов и детей, людей разного социального и культурного происхождения, с разными этическими представлениями, и даже учет потребностей нечеловеческих видов. Противоречия нельзя разрешить путем дебатов и дискуссий, но они, безусловно, могут быть урегулированы и согласованы посредством консенсусного диалога.

Неопределенность

Когда противоречия, комплексность и хаос соединяются с усиливающимися изменениями, единственным определенным результатом является неопределенность. В привычные времена неопределенности невелики и управляемы. Но в постпривычное время неопределенность занимает центральное место[18]. Поскольку все взаимосвязано, комплексно, хаотично и быстро меняется, на самом деле ничего нельзя описать с какой-либо достоверностью. Старомодные прогнозы, на которые так сильно полагается наша экономика и политика, не имеют ценности в ситуациях быстрых, резких и неизвестных изменений. Прогноз роста доходов Казначейства на следующие шесть месяцев будет немедленно опровергнут Банком Англии, в то время как ряд престижных аналитических центров будут делать разные, противоречивые прогнозы на основе собственных исследований. И все они правы и неправы, и то и другое, а также ни то и ни другое. Нам нужно бороться с неопределенностями, присущими этим прогнозам, чтобы понять их смысл. Неопределенность, скорее всего, то единственное, в чем мы можем быть уверены, но пока она не является удобной, а также политически или социально приемлемой основой при принятии действительно трудных решений.

В любом вопросе политики есть множество неопределенностей, с которыми нам приходится сталкиваться. Рассмотрим случай губчатой энцефалопатии крупного рогатого скота (ГЭКРС), болезни, поражающей мозг коров (коровье бешенство), которая вспыхнула в Великобритании в 1980-х годах. Сегодня известно, что она была вызвана интенсивным сельским хозяйством и неестественными методами кормления (травоядный скот кормили останками овец и коров). По мере распространения эпидемии научным консультантам приходилось жонглировать неопределенностями в отношении ее конечных экономических издержек, цены контроля ситуации путем массового забоя и маловероятной, но все же мыслимой возможности ее распространения на людей. Даже после того, как в 1990 году заразились этой болезнью кошки, все еще не было уверенности в ее опасности для человека. К 1996 году, когда была подтверждена человеческая форма болезни, воцарилась краткая всеобщая паника, и

[18] Gabriele Bammer and Michael Smithson, *Uncertainty and Risk: Multiple Perspectives*, Earthscan, London, 2009.

нация осталась ждать и наблюдать, наступят ли отдельные трагедии или разразится массовый кошмар. К февралю 2009 года в Великобритании умерли 164 человека в результате заражения человеческой формой ГЭКРС, известной как болезнь Крейтцфельдта-Якоба.

Неопределенности становятся серьезными практически при любом планировании. Например, после наводнения в Великобритании в 2008 году застройщики должны были оценить будущую возможность наводнений в одних и тех же районах, перспективы конфликтной ситуации между разными районами (предотвращение наводнений вверх по течению может увеличить угрозу в нижних районах), оценить угрозу причинения вреда собственности и бизнесу, а также они столкнулись с проблемами страхования и ответственности за прошлый и будущий ущербы. Каждый компонент проблемы имел встроенную неопределенность, с которой необходимо было бороться.

В глобальном масштабе неопределенности представляют собой огромные возможности и риски. Делая ставку на исход неопределенности, некоторые организации, такие как хедж-фонды и валютные манипуляторы, могут получать гигантские прибыли. В постпривычное время отдельные личности, действующие как глобальные игроки, могут приобретать астрономические богатства с поразительной скоростью. Обратите внимание на внезапный рост миллиардеров в последнее время. В своей книге «Суперкласс»[19] [19] Дэвид Роткопф, исследователь из Фонда Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*), подсчитал, что за последние два десятилетия чуть больше 6000 человек стали чрезвычайно богатыми. Эти люди, занятые в основном в сфере бизнеса и финансов, обладают «гораздо большей властью, чем любая другая группа на планете». Данный новый суперкласс создал себя сам и, как и все самостоятельно возникшие плутократы прошлых эпох, присоединяется к установленным иерархиям власти, порожденным наследственным богатством и привилегиями. В результате усиливаются искажения и диспропорции, присущие социальному порядку. Но этот новый суперкласс отличается тем, что он «глобально ориентирован, глобально зависим, глобально активен». Он существует за рамками национальной приверженности и обязательств, которые можно использовать и изменять в качестве стратегических средств для дальнейшего повышения собственного благосостояния. Их богатство создается в основном за счет того, что они являются членами взаимосвязанных сообществ и играют на глобальных неопределенностях.

Хотя возможности ограничены несколькими индивидами, риски разделяет вся остальная планета. Экономическое процветание для избранных означает финансовые и экологические катастрофы для большинства.

---

[19] David Rothkopf, *Superclass: The Global Power Elite and What they are Making*, Farrar, Straus and Giroux, New York, 2008.

В постпривычном обществе неопределенность и риски, реальные и предполагаемые, превращаются в доминирующие черты повседневной жизни населения планеты. В бедных сообществах новые и назревающие риски становятся проблемами жизни и смерти и приводят к краху существующие институты и системы жизнеобеспечения. Например, воздействие изменения климата гораздо более драматично для развивающихся стран. Согласно новому отчету Глобального гуманитарного форума (*the Global Humanitarian Forum*), повсеместное потепление в настоящее время является причиной 300 000 смертей в год и напрямую затрагивает 300 миллионов человек в наименее развитых странах[20]. Опасность грозит более половине бедняков в мире, а около 500 миллионов человек подвергаются чрезвычайному риску погодных стихийных бедствий, приносящих голод, болезни, нищету и потерю средств к существованию. Сочетание невежества и неопределенности, а также склонность к хаотичному поведению, противоречивый анализ и комплексность вопросов безопасности и рисков, — все это означает, что наши нынешние варианты «жизни по-старинке» опасно устарели. В постпривычное время привычный образ мышления и поведения — не более чем приглашение к надвигающейся катастрофе. Некоторые идеи, лежащие в основе западного капиталистического общества, такие как «прогресс весьма важен», «модернизация — это хорошо» и «эффективность необходима», уже давно просрочили свой срок годности.

Прогресс, модернизация, эффективность

Рассмотрим идею прогресса, основанного на непрерывном и непрекращающемся экономическом росте. Существует естественный предел тому, как долго мы можем расти, а именно — конечные границы нашей планеты и пределы наших ресурсов. Но именно неконтролируемый линейный прогресс и ускоряющийся рост привели нас к краю пропасти: дальнейший линейный прогресс с сопутствующими ему монументальными глобальными рисками ввергнет нас в хаос. Нам нужно перейти от понятия прогресса к идее устойчивого состояния. Например, деревья не продолжают расти после того, как достигли своей естественной высоты. В противном случае это означало бы самоуничтожение. Многие археологические исследования показывают, что такая судьба постигала человеческие сообщества и раньше: древние цивилизации, переросшие пределы возможностей экологической, технологической, политической и социальной несущей способности, неизбежно приближались к наступлению катастрофы и коллапсу[21]. Было бы наивысшей глупостью предполагать, что наши экономики будут продолжать расти ускоренными темпами вечно.

---

[20] Global Humanitarian Forum, Human Impact Report: counting the human cost of climate change, Geneva, 2009.

[21] Brian Fagan, *The Great Warning: Climate Change and the Rise and Fall of Civilizations*, Bloomsbury Press, New York, 2008.

В идее ограничения роста нет ничего нового. Это старое мальтузианское положение, которое в XIX веке поколебалось под воздействием индустриализации и сельскохозяйственной революции, не говоря уже об искажающей и определяющей силе колониального господства. Основополагающий отчет «Пределы роста», подготовленный Римским клубом в 1960-х годах, сделал данную концепцию частью нашего повседневного сознания[22]. Тем не менее за публикацией отчета последовало величайшее в истории человечества расширение потребительского достатка — с сопутствующим расточительным использованием природных ресурсов для создания все большего количества одноразовых, легко заменяемых и ежегодно обновляемых гаджетов, и возникновение потребляющего ресурсы образа жизни[23]. И сегодня некоторые нации с самой высокой плотностью населения на земле вполне естественным образом понимают, как они могут удержать свое место в этой потребительской нирване. Их поиск, основанный на стремлении вывести миллиарды людей из бедности, не находит ответа ни с этической, ни с гуманистической точек зрения. Однако это стремление, каким бы этическим и обоснованным оно ни было, воздвигает перед каждым огромные дилеммы. То, что считалось привычным раньше, теперь не работает.

Модернизация теперь тоже стала опасным понятием. Посмотрите, к чему привела так называемая модернизация Национальной службы здравоохранения (НСЗ): чем больше она модернизируется, тем менее эффективной становится. Чем больше вы объединяете в сеть такую организацию, как НСЗ, тем в более сложную и хаотичную она превращается, тем больше противоречий и невежества выходит на первый план, тем более она становится подверженной рискам и неудачам. Это внутренние риски, которые порождаются исключительно современными институтами; а риски, в свою очередь, поражают эти самые современные институты бумерангом, прежде чем поглотить всех нас.

Более того, модернизировать — значит лишить какой-то институт его социальной функции и осознанности. В основе модернизации лежит бюрократизация, и, как указывает классическая формулировка Макса Вебера, бюрократия намеренно, по самому своему замыслу безлика и безлична в смысле беспристрастности, пропуская всех через одни и те же рутинные процедуры. На определенном уровне это способствует справедливости и равенству. Тем не менее, как указывали комментаторы от Кафки[24] до Зигмунта Баумана[25], безликие, безличные, безжалостные аспекты бюрокра-

---

[22] Donella H. Meadows, Dennis L. Meadows, Jorgen Randers, and William W. Behrens III, *The Limits to Growth*, Universe Books, New York, 1921.

[23] Eleonora Barbieri Masini and Sam Cole, editors, 'Limits to Growth Revisited', *Futures* (Special Issue), 33 (1), 2001.

[24] Franz Kafka, *The Castle*, Penguin Modern Classics, London, 2007 (original edition, 1926).

[25] Zygmunt Bauman, *Modernity and Holocaust*, Polity, Oxford, 1991.

тии могут бросать вызов человечеству, разуму и логике и работать как на абсолютное зло, так и на общее благо. Те, кто работает в бюрократическом аппарате, следуют процедурам и правилам без чувства личной ответственности, и им запрещается проявлять осмотрительность перед лицом человеческих реалий, предстающих во всей своей красе. Они не владеют институтами и не направляют их работу. Те, кого обслуживают бюрократические учреждения, в равной степени чувствуют себя отчужденными и бессильными перед чрезмерной мощью безликого чудовища. Чем больше мы модернизируем бюрократические органы, тем более недовольными, отчужденными, бесправными и разгневанными становятся люди.

Современные институты, такие как банки и корпорации, представляют собой сильно разветвленные организационные структуры, лишенные морали и не испытывающие угрызений совести. Их функция — максимизировать прибыль за счет процесса сокращения, накопления все большего и большего количества власти и ресурсов, чем они и занимаются, все больше и больше рискуя среди невежества, неопределенности и хаоса. В Индии выращивалось 130 000 различных сортов риса до того, как в 1970-х годах ее сельское хозяйство было модернизировано. После модернизации индийское разнообразие риса сократилось до 3000 сортов. Модернизация сокращает разнообразие, а бюрократия по определению предлагает единый набор правил. Когда бюрократия стремится сдержать себя, чтобы охватить сложное разнообразие человеческих обстоятельств, она становится более удаленной, более неподатливой, менее прозрачной, понятной и гибкой. Модернизация и бюрократия превращают все в нейтральную и бессердечную рутину, которая поддерживает и способствует эгоистичному бизнесу, увеличивая риски для всех. Учитывая, что в современных институтах кроется причина рассматриваемой проблемы, они не могут быть частью ее решения.

То же самое можно сказать и об эффективности — концепции, тесно связанной с модернизацией.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ О ТОМ, ЧТО МЫ, ОТДЕЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ, ДОЛЖНЫ СТАНОВИТЬСЯ ВСЕ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМИ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВСЕ НАШИ РЕСУРСЫ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНО, НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ЯВЛЯЕТСЯ АБСУРДНЫМ.

Существует естественный предел эффективности чего-либо, включая Национальную систему здравоохранения. Бюрократия является агентом эффективности, работающим на основе редуцирующего выбора и постоянно растущего уровня управления, которые, однако, не могут обеспечить более эффективного контроля. Как это ни парадоксально, но в понятии эффективности уже заложено нечто, что на самом деле порождает неэффективность. Наиболее ярко это видно на примере движения по автомагистрали. Чтобы уменьшить заторы на двухполосной автомагистрали, мы строим две новые полосы движения. Но четырехполосная автомагистраль не уменьшает поток машин, а увеличивает его. Поэтому мы строим шесть полос движения. Но поток снова растет. Теперь уже восемь полос, а движение продолжает расти. Как следствие, мы начинаем разрабатывать более энергоэффективные автомобили. Но владельцы автомобилей увеличивают свое вожделенное время: по мере улучшения характеристик автомобиля количество пройденных миль увеличивается.

Это простое наблюдение о том, что повышение эффективности использования ресурса приводит к росту использования данного ресурса, известно как «парадокс Джевонса». Впервые описанный Уильямом Стэнли Джевонсом в 1865 году применительно к углю, он недавно был использован, чтобы показать, что стремление к повышению эффективности во многих областях, например, в отношении ископаемых видов топлива, скорее ухудшает положение, чем улучшает его. В книге «Миф об эффективности использования ресурсов: парадокс Джевонса»[26] Джон М. Полимени вместе с соавторами приводят многочисленные примеры из области экономики и экологии, плоть до технологий и окружающей среды. Например, повышение эффективности производства продуктов питания в Индии не решило проблему голода, а только усугубило ее (не в последнюю очередь за счет сокращения разновидностей посевных культур). Холодильники стали эффективнее, но и больше по размеру. Поощрение повышения энергоэффективности на микроуровне (домашние хозяйства и отдельные потребители) увеличивает потребление энергии на макроуровне (общество в целом). Это означает, что мы не можем полагаться на будущие технологические инновации, которые помогут нам сократить потребление ресурсов и, таким образом, как-то вступить в более устойчивый мир. Эффективность увеличивает сложность и хаотичность поведения и может привести к всевозможным непредвиденным бедствиям.

Либеральный свободный рынок и нерегулируемый капитализм, вершина предполагаемых привычных времен, стали постпривычными, и превратились в своего рода рецепт бедствия. Сама система теперь

[26] John M. Polimeni, Kozo Mayumi, Mario Giampietro and Blake Alcott, *The Myth of Resource Efficiency: The Jevons Paradox,* Earthscan, London, 2009.

является проблемой, из которой мы должны найти выход. Данная ситуация породила институты, формы и практики, которые противоречивы и комплексны, и выходят за рамки реальных перспектив эффективного управления и контроля. Это стимулировало желания и стремления, которые могут быть выполнены исключительно единицами. Возникает стремление к индивидуальным свободам, что маскирует устойчивую диспропорцию стремления к власти на все более высоких уровнях потребления, а это еще больше укрепляет устойчивые иерархические структуры. Средний класс, который когда-то в западном мире был главным бенефициаром системы, теперь оказывается в тисках, и его уровень жизни падает, в то время как непреходящая сравнительная и абсолютная бедность низших слоев населения никуда не исчезает. Очевидно, что «прогресс», «модернизация» и «эффективность» стали излишними, если не опасно устаревшими терминами.

Добродетели

Необходимо договориться о том, какой путь мы изберем для движения к новым привычным временам. Проблема, однако, заключается в том, что для участия в когерентных дебатах стало меньше пространства, времени и желания; все становится более сложным, противоречивым и хаотичным. Либеральная демократия и ее исторические формы организации — от активности избирателей до членства в политических партиях — остаются привлекательными для все меньшего числа граждан. Спонтанный самоорганизующийся активизм, выражающийся, например, в глобальных антикапиталистических протестах, хотя и привлекателен, но носит избирательный характер. Его членство и повестка дня часто временны. Такие движения могут исчезнуть так же быстро, как и зародиться, при этом их деятельность не обязательно будет что-то менять. Будучи спонтанными и реактивными, они могут возникать и исчезать без создания каких-либо новых и прочных политических структур, не изменяя и уже существующие.

Более того, самоорганизующиеся сети и движения могут порождаться паникой, страхом и ксенофобией, рецептом популистской мобилизации и фашистского активизма, а также требованием социальной справедливости. Таким образом, самоорганизующиеся сети не дают никаких гарантий: не существует естественного закона, гласящего, что активизм будет, должен и обязан быть посвящен исключительно общему благу. Также не существует правила, согласно которому в нем должно присутствовать сбалансированное мнение, а риски и преимущества повестки дня должны быть продуманы. В самом деле, такова природа многих самоорганизующихся сетей, которые возникли, чтобы запутать живущих в наше время, предлагая упрощенную, единую проблему, одномерные рецепты, тем самым увеличивая токсичность, враждебность и недовольство общества в целом.

Чтобы договориться о выходе из постпривычного существования, мы должны научиться договариваться, как преобразовывать стремления в изменения. Как нам организовать, выслушать и разумно вовлечь всех в обсуждение действий, направленных на получение взаимной выгоды?

МОРАЛЬ, КОТОРУЮ СЛЕДУЕТ ИЗВЛЕЧЬ ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК ПОСТПРИВЫЧНОГО ВРЕМЕНИ, СТАРА КАК МИР И УКАЗЫВАЕТ НА ИЗВЕЧНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ: СМИРЕНИЕ, СКРОМНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Мы должны начать с осознания того, что во многих отношениях мы не знаем и не можем знать, как наша безопасность, будь то индивидуальная, общественная или вида в целом, будет поставлена под угрозу.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, ЧТО ПРОЦЕССЫ МОЖНО ПОЛНОСТЬЮ «КОНТРОЛИРОВАТЬ» И ИМИ МОЖНО «УПРАВЛЯТЬ», АБСОЛЮТНО БЕССМЫСЛЕННО В СИТУАЦИИ, КОГДА ПРОБЛЕМЫ НЕ ИМЕЮТ «ПРАВИЛЬНЫХ» ИЛИ «НЕПРАВИЛЬНЫХ» РЕШЕНИЙ, И ТРЕБУЕТСЯ НАЛИЧИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПЕРСПЕКТИВ, ЧТОБЫ МЫ ПРОСТО ОСОЗНАЛИ ИХ ИСТИННЫЙ РАЗМАХ.

Смирение, скромность и ответственность являются обязательными добродетелями, необходимыми качествами жизни в условиях неопределенности и комплексности[27]. Поскольку мы никогда не сможем устранить неопределенность и полностью контролировать любую ситуацию, наши требования по определению должны быть скромными. Точно так же мы никогда не сможем получить полное представление о комплексной системе, оно всегда будет приблизительным и условным. Мы должны признать присутствие невежества во всем, что, как нам кажется, мы знаем. Поэтому мы должны быть скромны в отношении заявлений, которые делаем о

[27] Stephen Chan, *The End of Certainty*, Zed Books, London, 2009.

подобного рода знаниях. Неспособность признать неопределенность и сложность конкретной ситуации является не только технической ошибкой, но и, как отмечает Поль Силье, *этической*[28].

Действительно, именно этика и только этика может вывести нас из постпривычного тупика. Новая привычность, реализуемая в условиях постпривычного времени, должна быть основана на этическом дискурсе, если мы хотим задействовать необходимые добродетели. Этика не является ни удаленной перспективой, ни безличной. Она может быть применима как к индивидуальному, так и к глобальному. Именно ее способность преодолевать масштабы делает ее такой приоритетной для концептуализации новой привычности. Этика может послужить руководящим принципом для объединяющего чувства направленности на всех уровнях организации, закрепляя те добродетели (смирение, скромность и ответственность), которые должны быть в центре внимания. Необходимый нам дискурс должен прояснить, какие этические принципы налагают на нас ответственность, какими мы должны руководствоваться, когда делаем выбор, проявляя полное смирение и скромность в понимании стоящих перед нами проблем, ища решения в условиях многочисленных неопределенностей и, следовательно, рисков и недостатков, принимаемых нами как рутинные элементы нашей деятельности.

Этический ответ на наши постпривычные дилеммы отнюдь не прост, и для многих это может показаться возвращением к старомодным ценностям, коренящимся в религиозных убеждениях. В данном случае стоит помнить, что модерн, являющийся основой привычности, сам во многих отношениях является системой убеждений. Модернизация, прогресс, бюрократия, наука и все дисциплины современной системы знаний возникли вместе с богатой, поддерживающей их мифологией, чьим основным принципом было иллюзорное представление о том, что она ценностно нейтральна, универсальна и по своей сути хороша. Мы пришли к постпривычности отчасти благодаря тому, что позволили этому образу мышления убедить нас, что построенные нами системы неизбежно, неизменно сами по себе будут отвечать всем потребностям процесса совершенствования человека. Короче говоря, мы сделали этику излишней. Мы дожили до того, что наконец поняли, что это утверждение больше не является разумным. Логика и рациональность, достоинства современности, сами по себе не обеспечат изменений, которые нам необходимо внести в наш образ жизни для противостояния вызовам постпривычного времени. Этическая ответственность, подчеркивающая как ценности, так и добродетели, должна прийти на помощь логике и разуму. Без превалирующего чувства этической ответственности трудно представить, как

[28] Paul Cilliers, 'Complexity, deconstruction and relativism', *Theory, Culture & Society*, 22 (5), 2005, pp. 255–267.

можно убедить богатых и влиятельных людей стать более скромными в своих требованиях и образе жизни, более смиренными, действительно готовыми умерить расточительность своего образа жизни и непропорциональное использование ограниченных глобальных ресурсов, которые для этого требуются.

Необходимо отметить еще один важный момент. Любое социальное, культурное, политическое, философское и религиозное мировоззрение, известное человечеству, должно заново научиться взаимодействовать со своими собственными этическими принципами. И это подводит нас к еще одному слону в посудной лавке, который на самом деле больше похож на чудовищного мохнатого мамонта. Предполагалось, что ценностно-нейтральные универсалии, встроенные в системы знаний, прогресса, модернизации и бюрократизации, позволят нам преодолеть неразрешимые проблемы разнообразия верований. Различные формулировки убеждений, каждая со своими особенностями и ограничениями, и каждая из которых заявляет исключительное право обладать единственно верным ответом, рассматривались как препятствия для обширного критического исследования и, следовательно, как сдерживающая сила развития человечества. В каком-то смысле узы светской современности сделали свое дело, поставив весь земной шар перед единой дилеммой: постпривычная диспенсация. Этические дебаты и ответственность, которые нам необходимо создать, должны выходить за рамки ограничений как традиции, так и современности. Они должны начинаться с принятия постпривычной аксиомы о том, что нет монополии на истину и, следовательно, нет гарантии обладания средствами для поиска ответов на все вопросы.

Признание того, что нет правильных и неправильных ответов, не означает, что мы отказываемся от поиска истины или решений. Однако это полностью меняет сам процесс и тип целей, которые мы ставим в наших стремлениях. Когда нет правильных и неправильных ответов, любой человек, любая точка зрения может быть важной, и каждый может внести свой посильный вклад в принятие потенциального решения. Вместо того, чтобы возвращаться к присущим старым временам исключительности и детерминизму, мы переходим к новому виду приспособляемости и гибкости, каждая точка зрения и мировоззрение участвуют в поиске решений наших коллективных проблем. В действительности, мы не ищем одного единственного ответа, ответа на все вопросы. Серьезно воспринимая неопределенность, риск и невежество, делая смирение и скромность важнейшими атрибутами нашего подхода к поиску подходящих ответов, мы позволяем себе легче обнаруживать альтернативы. Становится возможным иметь общие цели, реализуемые разными способами, отвечающие местным условиям, и понимать общие, разделяемые всеми принципы через различия.

Мы не можем начать все с чистого листа. Путь к новой привычности начинается с многочисленных сложностей и противоречий нашей беспорядочной реальности. Ответственность начинается с принятия обязательств за то, что мы знаем и ценим, что связано со всем разнообразием наших культур, историй и верований. К этому мы должны добавить этическую ясность и настрой ума, который признает, что мы все одержимы невежеством и никто не является носителем всех правильных ответов.

Новая привычность не может искать упрощенных универсалий. Ей необходимо договариваться с многочисленными и разнообразными формулировками всех существующих универсалистских взглядов. Она должна учитывать сложность человечества также, как учитывается комплексность глобальной окружающей среды, в которой мы по-разному существуем. Только этическая ясность в отношении ответственности человека согласно каждого отдельного мировоззрения может подтолкнуть нас к лучшему пониманию, позволяющему нам обеспечить синхронный перевод, видение общего принципа через различия, что будет способствовать эффективным переговорам на глобальном уровне. В постпривычных условиях гибкость, адаптивность и чувствительность к заметно различающимся начальным условиям требуют от нас развития этической проницательности для увеличения разнообразия нашей реакции. Мы ищем не единого решения, а множество альтернатив, создающих положительную обратную связь и стимулирующих общие принципы. Данный подход требует нового мышления, усилий и участия со стороны каждого.

Воображение

Наиболее важными характеристиками в борьбе с постпривычным временем, как предполагает Пол Силье, и я соглашусь с ним, являются воображение и творчество. Почему? Потому что у нас нет другого способа справиться с комплексностью, противоречиями и хаосом. Воображение — главный инструмент, и, на самом деле, я бы предположил единственный, который ведет нас от простого аргументированного анализа к более высокому синтезу. Хотя воображение нематериально, оно создает и формирует нашу реальность; будучи ментальным инструментом, оно влияет на наше поведение и ожидания. Нам для начала необходимо представить пути выхода из постпривычного времени. От особенностей нашего воображения будет зависеть то будущее, которое мы представляем за пределами постпривычного времени. Учитывая, что наше воображение встроено и ограничено нашей собственной культурой, нам придется высвободить широкий спектр типов воображения, присущих богатому разнообразию человеческих культур, а также множество способов представлять, являющихся альтернативными традиционным, ортодоксальным способам существования и деятельности.

В значительной степени наш нынешний тупик является результатом провала работы воображения. Вернее, подчиненность воображения ортодоксии. История, как сказал историк и социолог XIV века Ибн Халдун[29], развивается циклично. Арнольд Тойнби[30], историк цивилизаций, живший в XX веке, согласился с ним. Ни один из них не указал, что циклический импульс истории на самом деле сохраняет ортодоксальность. Когда боль и страдания утихают и все, кажется, вновь становится привычным, смирительная рубашка ортодоксии возвращает общество к конформизму. Обратите внимание, как быстро финансовые рынки вернулись к старым вредным привычкам: рецессия почти закончилась, во многих местах появляются зеленые ростки нового, и, как нам говорят, мы можем вернуться к привычной жизни, встряхнувшиеся, но невозмутимые. Конечно, мы будем учиться на своих ошибках, и будущее станет лучше, более процветающим. Но это опасная иллюзия. Легкое возвращение в безопасное состояние и соответствие прошлому слишком часто означает, что мы создаем условия для повторения исторических ошибок. Традиционное мышление и ориентированный на рынок потребительский способ существования, как это ярко описывает в своей книге «Процветание без роста» Тим Джексон[31], а Комиссия по устойчивому развитию Великобритании постоянно утверждает, стали настолько патологическими и опасными, что кризис выхода, или очередной экономический кризис, или следующая пандемия, или новый эффект глобального потепления действительно будут означать конец цивилизации в том виде, в котором мы ее знаем. Нам нужно найти лучшие решения. Мы все нуждаемся в более точном и прочном этическом компасе, который мы больше никогда не захотим упрятать в дальний ящик на чердаке, чтоб отдохнуть от него, наслаждаясь самодовольным самовосхвалением, что выстроенная нами система позаботится о нас, о себе, а также о нашем хрупком и ограниченном земном доме, от которого мы все зависим.

Постпривычный мир — это мир диспропорций. Непропорциональное распределение власти, богатства, ресурсов и платежеспособного спроса на использование этих ресурсов соответствуют только непропорциональной силе, которую наши знания и методы дают нам для разрушения окружающей среды, от которой зависит наше благосостояние. Нас убедили, что прошлое — это иная реальность, и она больше не может говорить о мощи и изощренности нашей сегодняшней жизни, а также о

---

[29] Ibn Khaldun, *The Muqaddimah: An Introduction to History*, Routledge and Kegan Paul, London, 1967 (original, circa 1380).

[30] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории: сборник [т. 1–7] / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001.

[31] Tim Jackson, *Prosperity Without Growth: Economics for a Finite Planet*, Earthscan, London, 2009.

сложности мира, в котором мы живем сейчас. Если мы не сможем усвоить уроки истории, то нам понадобится еще один источник воображения для представления более устойчивого и достижимого будущего.

НАМ НЕОБХОДИМО НЕ ПРОСТО ВООБРАЖЕНИЕ, А ЭТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ В СОСТОЯНИИ ПРИЗНАВАТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И РИСКИ, С КОТОРЫМИ МЫ СТАЛКИВАЕМСЯ, И РАБОТАТЬ СО СЛОЖНОСТЬЮ И РАЗНООБРАЗИЕМ, БЕРЕЖНО ОТНОСЯСЬ К ТЕМ ДОБРОДЕТЕЛЯМ, В КОТОРЫХ МЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО НУЖДАЕМСЯ: СМИРЕНИЕ, СКРОМНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Самая прекрасная надежда состоит в том, что мы возьмем на себя ответственность за решения, которые должны будем принять, что гарантирует нам достижение нашего воображаемого будущего, приведя к нему все человечество и планету, в целости и сохранности.

ЕЩЕ РАЗ О ПОСТПРИВЫЧНОМ ВРЕМЕНИ

Зияуддин Сардар

В статье «Добро пожаловать в постпривычное время»[1] я утверждал, что мы вступаем в эпоху, когда комплексность, хаос и противоречия станут доминирующими темами, а неопределенность и невежество резко возрастут. Работа была написана в ознаменование конца моей пятнадцатилетней редакторской деятельности в журнале *Futures* и задумывалась как краткое изложение того, что я узнал в результате внимательного изучения сотен одобренных и отвергнутых статей, присланных в журнал. Текст, написанный Роландом Бартесом[2], представляет собой набор цитат, собранных в многочисленных культурных центрах. «Добро пожаловать в постпривычное время» — попытка синтезировать идеи, извлеченные из ткани форсайта и исследований перспектив будущего. Конечно, то, что другие футурологи думают об этом, придаваемое тексту значение, совершенно не зависит от автора. Оно зависит от того, что читатели вкладывают в текст, а не от того, что я намеревался сказать, что сказал и что опустил. Тем не менее я был приятно удивлен реакцией и дискуссией, вызванными моей статьей. Это привело к изданию специального выпуска журнала *Futures,* посвященного «Постпривычному времени»[3], да и сам термин приобрел определенную популярность. Постпривычный анализ теперь вышел за рамки науки, где он хорошо известен, и распространился на исследования

---

[1] Sardar, Z (2010) 'Welcome to Postnormal Times' *Futures* 42 (5): 435–444 June.

[2] Barthes, Ronald (1967), 'The death of the author', *Aspen* 5-6.

[3] Davies, Merryl Wyn (2011), Guest Editor, 'Postnormal Times', Special Issue, *Futures* 43 (2): 136–227.

перспектив будущего, политический и экономический анализ, архитектуру и культурное наследие.

В данной работе я бы хотел с критических позиций разобрать некоторые возражения, высказанные по поводу предыдущей статьи, попытаться ответить на некоторые из поднятых вопросов, обозначить отдельные характеристики постпривычного состояния, вычленить скрывающееся за горизонтом постпривычное и исследовать, что значит «быть постпривычным».

ППВ и его (не)содержание

Очевидный вопрос, который задавался много раз: как мы можем находиться в постпривычном состоянии, когда нет такого понятия, как привычность? Да и кто определяет, что есть привычное? Ясно одно: то, что сегодня можно считать привычным, сильно отличается от того, что считалось привычным, скажем, в Средние века или в колониальный период. Когда-то рабство и крепостное право считались нормой, а колониальные подданные считались людьми низшего сорта с недоразвитой культурой по сравнению с Европой.

К счастью, мы двинулись дальше или, вернее, эволюционировали морально. Более того, то, что считается привычным в одной культуре, может показаться отклонением в другой. Печаль в одной культуре может представлять собой привычное явление, в то время как другая может классифицировать ее как «депрессию», требующую клинического вмешательства. Таким образом, «привычность» может иметь множество значений, что хорошо известно психологам. Противоположностью привычного состояния является не постпривычное, а аномальное.

В ПОСТПРИВЫЧНОМ АНАЛИЗЕ МЫ СЧИТАЕМ ПРИВЫЧНОЙ НОРМОЙ ТО, С ЧЕМ ЧАЩЕ ВСЕГО СТАЛКИВАЕМСЯ. ЭТО ТО, ЧТО ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ, ДЕЛАНИЯ И ЗНАНИЯ, ПОВСЕМЕСТНО РАССМАТРИВАЕМЫЙ КАК СТАНДАРТ, ПРОДИКТОВАННЫЙ УСЛОВНОСТЯМИ И ТРАДИЦИЯМИ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫЙ ДИСЦИПЛИНАРНЫМИ СТРУКТУРАМИ И НАУКОЙ, И ТО, ЧТО МЫ СПОСОБНЫ ПРЕДСКАЗАТЬ И КОНТРОЛИРОВАТЬ.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПРИВЫЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СПОСОБЫ МЫШЛЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ:

модерн, постмодернизм, хищнический капитализм, рыночный фундаментализм, иерархические структуры общества, институты и организации, стандартные научные процедуры, признанные академические дисциплины, такие как экономика и политология, а также дисциплинарные структуры, политика, спускаемая сверху вниз, нефункциональное правительство, загрязняющие окружающую среду отрасли промышленности, бесконтрольные технологии, маргинализация огромных слоев человечества, ксенофобия, расизм и женоненавистничество, несправедливая социальная и международная политика, сциентизм и все остальное, что сформировало и определило «современный мир».

Центральное положение теории постпривычного времени (ППВ) заключается в том, что в нынешнюю эпоху, когда, как гласит формула, разработанная в дискурсе постпривычной науки, «факты сомнительны, ценности спорны, ставки высоки, а решения неотложны»[4], привычная норма не работает. Базовые концепции и предположения о привычности, такие как прогресс, модернизация, рост, развитие и эффективность, опасно устаревают[5]. Фактически привычность теперь стала областью старых, отмирающих аксиом, тезисов, условностей и канонов. То, что с современным миром происходит нечто в корне неправильное, что мы движемся к «смене парадигмы», быстро становится распространенным аргументом и позицией. Джеймс Гэлбрейт просто описывает это как «Конец привычного»[6], а Майкл Харрис оплакивает «Конец отсутствия»[7].

«“Сигналы”, постоянно генерируемые в глобальной системе», как отмечает Ричард Слотер, собираются в «*Величайший сигнал тревоги в истории*»[8]. Генри Киссинджер утверждает, что «имплицитный расчет» более ранних периодов сегодня потерял актуальность. Изменения, происходящие сейчас, являются быстрыми и мгновенными и «вовлекают человечество в сферы, до

---

[4] Ravetz, J. R. and Funtowicz, S. O. (1999), ‘Postnormal science: an insight now maturing’ *Futures* 31 (7): 641–646.

[5] Sardar, Z. (2010) ‘Welcome to Postnormal Times’ *Futures* 42 (5): 435–444, June.

[6] Galbraith, James (2014), E*nd of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth*, Simon and Schuster, New York.

[7] Harris, Michael (2014), *The End of Absence: Reclaiming What We’ve Lost in a World of Constant Connection,* Current, New York.

[8] Slaughter, Richard (2011) *The Biggest Wakeup Call in History*, Foresight International, Brisbane.

сих пор необъяснимые, даже неосознанные»[9]. По словам Ульриха Геманна, мы живем в «период времени, когда возникают новые представления о мире, когда наши релевантные способы осознания "мира" в общем и того, что он значит для нас в целом, подвергаются драматическим изменениям»[10]. Элизабет Колберт отмечает, что «ни одно существо не изменило жизнь на планете» так, как это сделали люди, поэтому сегодня мы являемся свидетелями великой трансформации, когда-либо происходившей в истории жизни планеты[11]. Были придуманы различные термины для описания того, что мы переживаем и с чем должны столкнуться. Ульрих Геманн и Мартин Райх назвали это эпохой «реальной виртуальности». Кольберт описывает наше время как «*Шестое вымирание*», что дало название ее книге. А американский биолог Майкл Соул дает название «катастрофозойской» эры[12]. Голландский химик и лауреат Нобелевской премии Пауль Куртцен называет это веком антропоцена[13], подчеркивая масштабы человеческой деятельности, оказавшей значительное влияние по всему миру. Питер Аллан и Лиз Варга предположили, что настоящий период «разделен нестабильностью, разрушением и крахом старых структур, по мере появления новых функций, технологий, переменных и характеристик, ведущих к новому периоду качественной стабильности», напоминающему «длинные волны» Кондратьева и идею Шумпетера о волнах «созидательного разрушения»[14]. Другие называют нашу эпоху «глобальным постраннением»[15] и «глобальным копошением»[16].

Те из нас, кто работает над теорией ППВ, выбрали «постпривычное время» по пяти основным причинам. Во-первых, для него не свойственны апокалиптические настроения. Это довольно нейтральный термин, который не означает, что мировая система «вступила в фазу Омега», как предположил Гэри[17]. Фактически ППВ было сознательно определено как переходное: «промежуточный период, когда старые ортодоксы умирают,

---

[9] Kissinger, Henry (2014), *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*, Allan Lane, London.

[10] Gehmann, Ulrich (2014) 'The Frame Context' in Ulrich Gehmann and Matin Reiche, editors, *Real Virtuality*, Transcript, Bielefeld.

[11] Кольберт, Э. Шестое вымирание. Неестественная история. Пер. с англ. — М: АСТ: CORPUS, 2019.

[12] Там же.

[13] Curtzen, Paul J (2002), 'Geology of Mankind' *Nature* 415: 23.

[14] Allen, Peter and Varga, Liz (2014), 'Modelling sustainable energy futures for the uk', *Futures* 57: 28–40.

[15] Sweeny, John (2014) 'Command-and-Control: Alternative Futures of Geoengineering in an Age of Global Weirding' *Futures* 57 1–13.

[16] Walsh, Bryan (2014), 'Invasive Species' *Time* 184 (4) 20–26 July 28.

[17] Gary, Jay E. (2011) 'Toward a new macrohistory: An extension to Sardar's 'postnormal times' *Futures* 43: 48–51.

новые еще не родились, и кажется, что очень немногое имеет смысл»[18]. «Постпривычное» предполагает, что ему предшествовало нечто, называемое «привычным», а после этого наступит новая привычная норма.

Во-вторых, термин подчеркивает важность деятельности. То, что следует за ППВ, не обязательно является функцией опасностей и угроз, с которыми мы сталкиваемся. Но новая привычность, фундаментально отличная от старой, и может быть сознательно сформирована так, чтобы быть лучше, быть более разумной, более глобальной и экологически значимой, более плюралистической, более гуманной и более мирной альтернативой. В-третьих, данный термин привлекает и фокусирует наше внимание на комплексности, противоречиях и неопределенности, которые необходимы для реального понимания того, как меняется мир. ППВ также не является «двоичной метафорой». Действительно, теория ППВ настаивает на том, что (бинарная) «аристотелевская логика является частью проблемы, а не ответом», утверждая, что нам срочно необходимо выйти за рамки бинарной логики и найти новый способ мышления и анализа наших текущих проблем и новые методы поиска жизнеспособных решений. В-четвертых, ППВ имеет прочную теоретическую базу благодаря десятилетиям работы в области постпривычной науки, комплексных эмержентных систем и более поздних попыток теоретизации, предпринятых самой теорией ППВ. В-пятых, теоретическая работа позволяет нам разрабатывать политику для множества сфер и проблем, чтобы фактически направить постпривычное время в сторону развития положительных перспектив будущего.

Ракеш Капур утверждает, что ППВ является западной теорией и концепцией[19]. Нет ничего более далекого от истины. Это и не западная, и не восточная концепция, а просто теоретическая основа, которая описывает и объясняет нашу эпоху. И, как большинство теорий, она должна иметь некоторый элемент предсказательности, должна быть в состоянии предвидеть возникновение постпривычных феноменов. Как я уже писал в одной из своих статей,

> Говорить о четком разделении между Востоком и Западом в глобализованном, разнообразном, взаимозависимом мире общих проблем и общей человеческой судьбы опасно и абсурдно. Границы и разделительные линии Востока и Запада не только изменились, но стали размытыми и неразличимыми. На Западе столько же Востока, сколько Запада на Востоке. Запад не может продолжать воспринимать Восток как нечто абсолютно отличное от себя. Классическая тирада против Запада, пропагандирующая невиновность и хвастаю-

[18] Sardar, Z. (2010) 'Welcome to Postnormal Times' *Futures* 42 (5): 435–444, June.

[19] Kapoor, Rakesh (2011) 'Is there a postnormal time? From the illusion of normality to the design for a new normality' *Futures* 43: 216–220.

щаяся превосходством Востока, бессмысленна. Сила идей, которые двигали западный империализм, жива и здравствует, и Восток управляет ею внутри себя, сам по себе.

Поиск исконного злодея и распределение вины представляет собой способ продолжить игру непримиримой оппозиции и, таким образом, сохранить все необходимое при себе: подозрительность, военную готовность, манипулирование общественным мнением, двойные стандарты и пренебрежение насущными человеческими потребностями. Восток был причастен к увековечиванию духа бинарных оппозиций. Чем больше Восток беспрекословно стремится присвоить средства Запада, некритически и рабски стать современным, тем больше он требует, чтобы его считали другим, тем больше он романтизирует высшее совершенство своих собственных традиций и ценностей. Но независимо от того, насколько плохи дела, на Востоке есть повод к немедленному отступлению, благодаря преобладающему пониманию мира в духе Киплинга. Это осуждение Запада за совершенные им действия (колониализм, неоимпериализм, политическое и экономическое господство) и бездействие (неспособность понять и воспринять, а также открытое противостояние значимости восточных ценностей и идей). Так покрываются все непредвиденные обстоятельства и избегается необходимость Востока исследовать свои собственные внутренние недостатки. “Восток есть Восток, а Запад есть Запад” устраивает всех[20].

Однако утверждение Капура о том, что мир выглядит совсем иначе «с точки зрения человека, сидящего в Нью-Дели» или других частях Азии, таких как Китай и Вьетнам, верно. Страны «развивающихся рынков» не достигли того уровня развития, который имеют западные промышленно развитые государства. Но «конкретный мир» — это также глубоко взаимосвязанная, глобализованная система. Части такой планетарной системы не могут избежать последствий того, что происходит в других подсистемах. Индия не может быть защищена от глобальных экономических потрясений; изменение климата не знает границ; новые технологии коммуникации оказывают такое же социальное, культурное и экономическое влияние на незападные страны, как и на Запад; новые разработки в сфере синтетической биологии изменят социальную ткань в промышленно развитых странах в той же степени, как и в «развивающихся». Сам факт того, что власть сейчас переходит от так называемого «Запада» к Бразилии, России, Индии и Китаю (странам БРИК), и мы движемся к многополярному, мультицивилизационному миру, является постпривычным явлением.

---

[20] Sardar, Z. (2013a) ‘Editorial: East-West in Postnormal Times’ *East-West Affairs* 1: 3–12, January.

А как насчет такого аргумента? Что если мы сталкивались с подобными препятствиями и «странными временами» в прошлом и, как утверждает Сэм Коул[21], с учетом наших «достаточных скрытых резервов знаний» и нашего продвинутого эволюционного состояния, мы можем решить все наши проблемы и, следовательно, должны продолжать двигаться в том же направлении? Это, как отмечает Меррил Вин Дэвис, «оптимизм монументального характера, основанный на предположении, что, поскольку нам удавалось решать наши проблемы в прошлом, мы будем продолжать делать это всегда»[22]. Суровая правда, которую необходимо осознать здесь и сейчас, заключается в том, что наши «достаточные скрытые запасы знаний», под которыми, как я полагаю, Коул подразумевает доминирующие структуры академических дисциплин, не подходят для постпривычного времени. Экономика в том виде, в котором она существует сегодня, является основной причиной наших проблем и основным фактором, увеличивающим неравенство. Исследования проблем развития систематически разоряли незападные общества в течение последних нескольких десятилетий. Политология является, пожалуй, самой европоцентристской дисциплиной, когда-либо созданной человеком[23].

Многие проблемы в науке стали постпривычными, начиная от конкретных дисциплин, таких как изменение климата и научные исследования в области рыбного промысла, до самой структуры научной деятельности[24]. Как утверждает Стивен Хили, ученым сегодня следует отказаться от «идей контроля и управления» и «стать слугой результатов, сформулированных, прежде всего, в социетальных терминах»[25]. Традиционные дисциплины являются частью проблемы, поскольку именно они довели нас до нынешнего проблемного состояния. Хотя не все знания неуместны, многое из того, что произвела современность, пропитано невежеством, например, незнанием традиционных культур и местных способов познания и существования. Фактически теория ППВ постулирует три разновидности невежества: общее незнание комплексности окружающего мира, а также других культур и сообществ; врожденное невежество, проявляющееся в определенных проблемах, с которыми мы

---

[21] Cole, Sam (2011) 'Alliterative Logic: A Theory of Postnormal Times' *Futures* 43 (2): 209–215 March.

[22] Davies, Merryl Wyn (2011B) 'Postnormal Times: Are we There Yet?' *Futures* 43 (2) 136–141 March alexander-cyberwar/all/

[23] Lummis, Douglas (2002), 'Political theory: why it seems universal, but isn't really', Futures 34: 63–73 February.

[24] Ravetz, J. R. (2013) 'The Structure of Science in Postnormal Age', *East-West Affairs* 3-4 July.

[25] Healy, Stephen (2011) 'Postnormal Science in Postnormal Times' *Futures* 43 (2): 202–208, March.

сталкиваемся, решение которых может быть найдено только в будущем («известные неизвестные»); и то, что в теории ППВ называется «немысленным», невежество, которое у нас есть и которое мы пропагандируем, потому что неспособны или не желаем смотреть в определенных направлениях (во многом благодаря установленным дисциплинарным структурам) или мыслить за пределами доминирующих парадигм («непознанные неизвестные»). Мы никогда не сталкивались с таким количеством проблем одновременно. Мы никогда не испытывали таких ускоренных темпов изменений и не имели таких глобальных взаимосвязей и комплексности. И мы никогда не были настолько одолеваемы невежеством относительно вещей, имеющих такие далеко идущие последствия, что они выходят за рамки нашего собственного контекста. Установленные способы познания, действия и бытия просто не подходят для того, чтобы вывести нас за пределы постпривычного времени и сохранить нашу человечность, здравомыслие и планету.

Коул также игриво жонглирует тремя составляющими постпривычного анализа: комплексностью, хаосом и противоречиями. Он предполагает, что данная триада составляют аллитерационную логику, и прослеживает ее истоки вплоть до Черной смерти XIV века. Критика основана на предположении / утверждении, что «при отсутствии эмпирической связи между идеями люди теоретизируют через аллитерационные триады слов»[26]. К счастью, у сторонников постпривычности нет недостатка в доказательствах «эмпирической связи». Равец и Функтович, а также все большее число исследователей, занимающихся постпривычной наукой, в течение нескольких десятилетий трудились над накоплением действительно внушительных свидетельств ее постпривычности[27]. Доказательства комплексности нашего мира сегодня неопровержимы. И количество доказательств в пользу ППВ в большинстве дисциплин неуклонно растет. Я бы сказал, что более продуктивно было бы смотреть на «эмпирическую связь» между идеей ППВ и тем, что на самом деле происходит вокруг нас, чем играть с сомнительными теориями аллитерационной логики. Между

---

[26] Cole, Sam (2011) 'Alliterative Logic: A Theory of Postnormal Times' *Futures* 43 (2): 209–215, March.

[27] Jerry Ravetz (2004), 'The post-normal science of precaution' *Futures* 36 (3): 347–357; Healy, Stephen (2011) 'Postnormal Science in Postnormal Times' *Futures* 43 (2): 202–208, March; Ravetz, J. R. and Funtowicz, S. O. (1999), 'Postnormal science: an insight now maturing' *Futures* 31 (7): 641–646; Ravetz, J. R. and Funtowicz, S. O. (1994), 'Emergent complex systems' *Futures* 26 (6) 568–582; O'Connor, M., 2000. Pathways for Environmental Valuation: A Walk in the (Hanging) Gardens of Babylon, *Ecological Economics*, 34(2): 175–194; Martinez-Alier, J (2002), *The Environmentalism of the Poor: a study of Ecological Conflicts and Valuation.* Edwards Elgar, London; Laugharne, Richard and Laugharne, Jonathan (2002), 'Psychiatry, postmodernism and postnormal science', *Journal of the Royal Society of Medicine* 95 (4): 207–210.

прочим, аллитерация, как указывает сам Дэвис, является «точкой, с которой начинается мысль, а также эмоции и воспоминания». Это понятие разработано для того, чтобы «побуждать людей останавливаться и задумываться и, что более важно, помнить о жизненно важных связующих линиях между информацией и аргуметацией»[28].

Тем не менее Коул, Гэри и Капур внесли полезный вклад в развитие теории ППВ. Нам следует прислушаться к предупреждению Коула о том, что любая попытка исследовать будущее не должна становиться литанией, формой молитвы. Утверждение Гэри о том, что теория ППВ требует дополнительной работы и надежной основы, является вполне законным замечанием. Капур справедливо подчеркивает, что большие территории Индии и Азии, не говоря уже об Африке и Южной Америке, не были затронуты современностью. В сельских районах Индии неграмотность является привычным явлением, сельское хозяйство находится в плачевном состоянии, в городах и деревнях отсутствуют основные блага цивилизации, такие как электричество, вода и объекты здравоохранения. Но система, которая не объединена в сеть или полна внутренних противоречий, не может демонстрировать хаотическое поведение и превращаться в постпривычную, не так ли? Ответ на данный вопрос заключается в ответе на другой вопрос, поднятый Мэррил Вин Дэвис: «А мы уже прибыли в пункт назначения?» И да и нет. Мы уже там и все еще не там. Постпривычность не является однородным явлением: она не наступает одновременно во всех уголках планеты. Она проявляется в определенных глобальных и региональных событиях, но не везде. В одних странах она определяет развитие ряда тенденций, а в других нет. Так что не весь мир превратился в постпривычный, но любая часть земного шара *может* стать таковой. Постпривычность можно распознать в определенных системах, например, экологических, экономических, социальных, политических и культурных, но не во всех. Все зависит от того, удовлетворяет ли система основным условиям взаимосвязанности, комплексности, положительной обратной связи и наличию противоречий. По мере того, как мы становимся все более и более связанными, поскольку сети становятся все более и более доминирующими, мы будем все ближе и ближе подходить к постпривычному состоянию.

Постпривычное состояние

Постпривычное состояние представляет собой особый способ существования, в котором мы находимся. Мы сталкиваемся с проблемами, которые сильно различаются по своим масштабам, они взаимосвязаны и встроены в нарастающие темпы перемен. Масштаб, сетевая организованность и ускорение порождают комплексность, хаос и противоречия (КХП) ППВ,

[28] Cole, Sam (2011) 'Alliterative Logic: A Theory of Postnormal Times' *Futures* 43 (2): 209–215, March.

которые ведут нас к неопределенности и невежеству. В качестве примера постпривычного феномена возьмем Грецию, относительно богатое государство, которое почти мгновенно превратилось в крайне нищую страну. Подумайте, как быстро изменился политический ландшафт Ближнего Востока. Тунисский диктатор был свергнут за 28 дней и заменен парламентской демократией. За три года Египет переходил от диктатуры к демократии и вновь возвратился к диктатуре[29]. Сирийское повстанческое движение началось с четко определенного круга участников: демократической оппозиции жестокому режиму президента Асада. Вскоре оно превратилось в сложное переплетение, состоящее из множества действующих лиц: демократов, революционеров, исламистов, ливанской «Хезболлы», иранских ополченцев, шиитов, суннитов, алавитов, про- и антиправительственных групп, предъявлявших противоречивые требования и боровшихся друг с другом. Стало невозможно сказать, кто есть кто, или кого и какую сторону должен поддерживать Запад[30]. Конфликт в Сирии породил неизвестную до тех пор группировку, которая назвала себя Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ). В течение нескольких месяцев она стала контролировать территорию размером больше, чем Великобритания: от Алеппо в Сирии до Мосула в Ираке. Эта группировка стала, как выразилась газета *Guardian*, «самой мощной военной силой на Ближнем Востоке за пределами Израиля», накопила миллиарды долларов наличными, трансформировав само понятие терроризма, говоря словами государственного секретаря США Чака Хейгела, «сверх всяких наших предыдущих представлений»[31]. Поистине поразительны масштаб и скорость форсирования основ для существенного финансового, военного и политического роста, достигнутые отчасти за счет грамотного использования цифровых и глобальных средств массовой информации экстремистами «Исламского государства», которые однако вели себя настолько по-варварски, что даже старые террористические группы, такие как «Аль-Каида», избегали их. Как отмечает Пол Данахар, «определенности старого Ближнего Востока… рухнули» всего за несколько месяцев[32]. На другом конце света Россия смогла аннексировать Крым в течение недели. Конкурирующие и противоречивые интересы в самой Украине представляют не менее сложную ситуацию. Чтобы решить проблему талибов в Афганистане и Пакистане, нужно иметь дело с сотнями различных типов талибов, охватить весь племенной и политический спектр. А у каждой группировки свои особые требования.

---

[29] Sardar, Z. (2013b) 'The Future of Arab Spring in Postnormal Times' *American Journal of Islamic Social Sciences* 30: 125–136, Fall.

[30] Sardar, Z. and Yassin-Kassab, R. (2014), *Critical Muslim 11: Syria*, Hurst, London.

[31] Chulow, Matin (2014) 'The Isis offensive aims to split Syria in two', *The Guardian* 23 August p. 4.

[32] Danahar, Paul (2014), *The New Middle East*, Bloomsbury, London.

Последние политические события демонстрируют, что мы больше не имеем дело с изолированными последовательностями событий, локальными по своей природе, разделенными во времени, затрагивающими горстку людей или небольшое сообщество, и нарушающими незначительное количество процессов. Изменения, которые мы наблюдаем сегодня, стремительны и глобальны. Они обращаются к каждому аспекту индивидуальной человеческой жизни и социальных, политических, экономических институтов. Сам «мировой порядок» меняется, отмечает Киссинджер, «за небольшим исключением, если таковые имеются», настолько сложным образом, что не существует «общей интерпретации или даже понимания»[33]. Тем не менее в постпривычных условиях события и ситуации быстро развиваются, становясь хаотичными, охватывая весь мир. Богатые, например, становятся еще богаче с огромной скоростью. Сейчас миллиардеров больше, чем до глобального финансового кризиса 2008/9 годов: в 2012 году их число возросло до 1126 человек по сравнению с 739 миллиардерами в 2009 году. В апреле 2013 года биткойн был оценен в 213 долларов. Через восемь дней его цена было 63 доллара. А спустя несколько месяцев — 1200 долларов. Через год после запуска сайт *Wikileaks* собрал 1,2 миллиона конфиденциальных документов[34]. Твиттер появился на ровном месте, и в течение семи лет его рыночная стоимость выросла до 34,7 миллиарда долларов (по правде говоря, никто не знает, сколько он стоит на самом деле). Извержение вулкана в Исландии в апреле 2010 года вызвало хаос в Европе и остановило воздушное сообщение более чем на неделю. Малала Юсафзай, школьница, которую расстреляли талибы, за шесть месяцев превратилась из малоизвестного блогера в кумира миллионов. Через три года она уже выступала с лекциями в Организации Объединенных Наций и опубликовала свою автобиографию[35], а через два года получила Нобелевскую премию мира!

На другом конце политического спектра пастор Терри Джонс, никому неизвестный священник незначительного внеконфессионального христианского просветительского центра в Гейнсвилле, штат Флорида, ставший источником хаоса, когда пригрозил сжечь Коран в сентябре 2010 года. Его угроза транслировалась по всем мировым телеканалам, как если бы они были бесконечно зациклены. Весь мусульманский мир отреагировал на это мгновенно и бездумно: начались демонстрации, поджоги посольств, пострадали ни в чем не повинные люди, поджигали магазины и общественный транспорт. Все это вызвало широкое освещение на телевидении и привело к

---

[33] Kissinger, Henry (2014), *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*, Allan Lane, London.

[34] Leigh, David and Harding, Luke (2013), *WikiLeaks: Inside Julian Assange's War on Secrecy*, Guardian Faber Publishing, London.

[35] Yousafzai, M. (2013), *I am Malala*, Weidenfeld and Nicolson, London.

безумию в социальных сетях. Тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон была вынуждена сказать: «прискорбно», что крохотная община привлекла столько внимания «подозрительным и позорным» поступком[36]. Однако не все хаотические события привлекают «внимание всего мира». Рассмотрим «внезапные сбои», которые могут за несколько минут выбить с фондового рынка триллионы. Один вполне конкретный аварийный сбой произошел 6 мая 2010 года, когда в 14:30 по местному времени случилось нечто неожиданное:

Колебания цен на *E-mini* фьючерсные контракты, инвестиционный инструмент, торгуемый на Чикагской товарной бирже и рассматриваемый как проводник более широких настроений. Их почти никто не замечает, пока колебания не превращаются в дрожь, а затем в спазм на фоне резкого скачка цен, когда головокружительное изменение *E-mini* распространяется на другие фондовые биржи, а индексы начинают стремительно падать.

В считанные секунды индекс Доу потерял 100 пунктов. Финансовые работники возвращаются к своим экранам. Но через несколько секунд было сброшено еще 100 пунктов, и менеджеры вылетают из своих офисов, крича «Вытаскивайте все!», в то время как трейдеры нажимают на кнопки и бьют по клавиатуре, отменяя заказы, пытаясь тем самым ограничить ущерб. В ужасе они собираются в общих залах и наблюдают, как ценовые графики меняются с жуткой, неумолимой инерцией, уподобляясь линиям, нацарапанным разгневанным ребенком.

300 пунктов вниз ...

400 пунктов ...

500 пунктов ...

Упав на 600 пунктов, индекс Доу упал ниже, чем при получении известия о крахе *Lehman Brothers* в 2008 году. Но тогда на крушение ушел целый день, а этот спазм занял считанные минуты ... Даже событиям 11 сентября не удалось так раскачать рынок. Это означает, что произошло что-то катастрофическое ... (никто не может перекрыть систему, потому что) автоматические выключатели, предназначенные для остановки торгов после неестественных колебаний, работают только до 14:30, а сейчас 14:47, при этом индекс Доу-Джонса стремительно приближается к беспрецедентной потере в 1000 пунктов, и почти 11 триллионов исчезли из балансовых отчетов.

Затем происходит что-то еще более странное: при кажущемся приближении Армагеддона, рынок разворачивается на сто восемьдесят градусов и начинает расти так же невероятно, как до этого падал[37].

---

[36] cbs News (2010), 'Hilary Clinton: Qur'an burning not American way', cbs News September 8. www.cbsnews.com/news/hillary-clinton-quran- burning-not-american-way/

[37] Smith, Andrew (2014), 'What Just Happened', *The Guardian Weekend,* 7 June 23–33.

Такие хаотические «внезапные аварии» есть не что иное, как естественный продукт сложной сетевой системы, которая разгоняется с поразительной скоростью. Рынок и экономическая система теперь управляются не обычными трейдерами, а сложными математическими формулами, программными алгоритмами и компьютерными сетями — все это обеспечивает научное респектабельное прикрытие ее интеллектуальным основам. Например, одна широко используемая производная модель, известная как модель Блэка — Шоулза[38], предположительно дает теоретическую оценку европейским опционам. Это обеспечило научную легитимность деятельности Чикагской биржи опционов и привело к впечатляющему буму на опционных рынках по всему миру. Но фондовые биржи уже не те, что были раньше. Традиционный фондовый рынок, как показывает Майкл Льюис в своей книге[39], исчез. Например, Нью-Йоркская фондовая биржа больше не является физическим местом. Это более дюжины «фондовых бирж», разбросанных по всему Нью-Йорку, каждая из которых представляет собой серверную ферму компьютеров, на которых работают алгоритмы. В этом виртуальном пространстве сетевых серверов монументальной сложности акции покупаются и продаются со скоростью света, и даже миллисекунды могут принести огромную прибыль. Алгоритмы *Predator* охотятся на более медленных игроков «так же, как стая пираний может охотиться на быка». Неудивительно, что, как и большинство компьютеров и сетей, они имеют тенденцию к сползанию в хаос и к сбоям.

Климатический хаос

Хаотичное поведение рынка и политические потрясения во всем мире — это лишь две иллюстрации постпривычных явлений, которые мы наблюдаем в настоящее время. Другим очевидным кандидатом является изменение климата. Экстремальные погодные явления теперь так же обычны, как и простуда. Регион Пенджаба в Южной Азии, охватывающий Пакистан и Индию, регулярно затопляется, что приводит к гибели сотен людей ежегодно. В 2013 году в мире был поставлен рекорд — 41 стихийное бедствие, что превысило предыдущий максимум всего за три года до этого. Калифорния уже несколько лет переживает сильную засуху: 2013 год был самым засушливым годом в истории штата с 1580 года. В 2014 году Чикаго испытал исторический «полярный вихрь»: весь город заледенел, включая Великие озера, покрывшиеся льдом. Британия сталкивается с прямо противоположной проблемой: библейским потопом. Великое наводнение на юго-западе Англии в 2013–2014 годах, сопровождавшееся обширным затоплением, побило рекорд 250-летней давности. Река Темза

[38] Black, Fischer and Myron Scholes (1973), 'The pricing of options and corporate liabilities', *Journal of Political Economy* 81 (3): 637–654.

[39] Lewis, Michael (2014), *Flash Boys*, Allan Lane, London.

достигает своего самого высокого уровня с 1883 года. Тайфун Иоланда, прошедший через Филиппины в ноябре 2013 года, двигался с невообразимой скоростью японского сверхскоростного поезда (320 км/ч), уничтожая все на своем пути[40]. Мировой океан становится теплее, в то время как полярные ледяные шапки тают, а площадь ледников во всем мире сокращается. Сочетание этих изменений приводит к повышению уровня моря. Все побережье Флориды подвергается эрозии из-за морских волн, а западное побережье Майами сталкивается с неминуемой опасностью уйти под воду[41]. Мальдивы, описанные как «эпицентр» изменения климата, находятся под угрозой полного затопления водой.

На другом конце спектра огромные регионы мира подвергаются высыханию. Австралия пережила несколько лет сильной засухи. Утверждают, что засуха 2006 года была самой сильной за последние тысячу лет, и от нее пострадало почти 80% территории Квинсленда. Калифорния находится «на грани такой эпической засухи, и ее резервные системы запасов подземных вод настолько истощены, что убытки можно уловить со спутников, вращающихся на орбите в 400 км над поверхностью Земли»[42].

Повышение температуры вызвало дисбаланс в природе, спровоцированный перемещением живых видов, пытающихся найти холодные воды или приспособиться к повышению температуры. Масштаб и скорость, с которой инвазивные виды распространяются по земному шару, беспрецедентны. Только в США насчитывается более 50 000 несвойственных данной территории видов, разрушающих флору и фауну:

«В Карибском море крылатки рыщут по коралловым рифам, обитающим в море; в Техасе дикие свиньи неистовствуют на фермерских полях; на Северо-Западе изумрудные узкотелые златки превращают деревья в лучинки для растопки; в Великих озерах моллюсками обрастают трубы и клапаны, что разрушает электростанции»[43]. У берегов Британских островов более теплое море заставило любимую британцами рыбу, треску, искать холодные воды на севере, а количество других популярных разновидностей рыб, таких как камбала и морской язык, также сокращается. Напротив, потепление морей пошло на пользу медузам: их популяция быстро увеличивается. Если вы путешествуете из Малайзии в Индонезию на корабле, все, что вы видите, — это бесконечные стаи медуз. В 1999 году засор из медуз привел к закрытию угольной электростанции «Суал» в Лусоне на Филиппинах, что вызвало массовую панику. В 2006 году медузы

---

[40] Stevenson, Tony (2013) 'Yolanda's Colour' *East West Affairs* 3 July–September: 21–28.

[41] Mckie, Robin (2014), 'How long before the ocean claims Miami?', *The Observer* 3 August, pp. 20–22.

[42] Goldenberg, Suzanne (2014), 'Why Global Water Shortages Pose Threat of Terror and War', *The Observer*, 9 February: 29–31.

[43] Sweeny, John (2013) 'Signs of Postnormal Times' *East-West Affairs*, 3-4 July: 5–12.

забили систему охлаждения американского авианосца «Рональд Рейган», на тот момент самого совершенного авианосца в мире, выведя из строя корабль стоимостью в 5 миллиардов долларов. В сентябре 2013 года массовый рост популяции лунных медуз привел к засору на атомной электростанции Оскарсхамн в Швеции, что вызвало ее остановку[44]. Поскольку теплая вода заставляет «обычные» косяки рыб искать холодную воду, их миграция затрагивает и другие виды дикой природы. Например, тупики в заливе Мэн вымирают, потому что их птенцы не могут проглотить доступную им там сейчас рыбу. Действительно, повышение температуры уничтожило зоопланктон, поддерживающий всю пищевую цепочку штата Мэн[45]. В других местах «морские звезды превращаются в слизь, и никто не знает почему»[46]. Если данная тенденция сохранится, к 2050 году четверть живых видов на Земле может оказаться на грани исчезновения.

9 мая 2014 года концентрация в атмосфере двуокиси углерода, газа, который вносит наибольший вклад в глобальное потепление, достигла критического уровня в 400 частиц на миллион (ppm), уровня, невиданного в истории. Таким образом, изменение климата — это уже не теоретическая угроза будущего, а реальность постпривычного времени. А в глобализованном, взаимосвязанном мире нельзя найти укрытия от изменения климата.

Климатология — также прекрасная иллюстрация постпривычной науки. Как отмечают Ханс фон Шторх с соавторами во введении к специальному выпуску журнала «Природа и культура» (*Nature and Culture*), посвященному «науке о постпривычном климате», изменение климата «имеет много характеристик, затрудняющих поиск ответов с помощью обычных научных процедур». В общем, решения необходимо принимать задолго до того, как станут доступны убедительные подтверждающие доказательства и цена решения вопроса возрастет: потенциальные последствия неправильных решений могут быть огромными. В таких ситуациях акторы, как правило, резко расходятся во мнениях относительно ценностей, которыми следует руководствоваться при вынесении решений, например, солидарности или экономического роста. Доступные базы знаний обычно характеризуются несовершенным пониманием (и несовершенной редукцией в модели) задействованных комплексных систем. Модели, сценарии и предположения доминируют в оценке этих проблем,

---

[44] Sweeny, John (2013) 'Signs of Postnormal Times' *East-West Affairs,* 3-4 July: 5–12.

[45] Jacobson, Rowan (2014) 'Something is seriously wrong on the east coast—and it's killing all the baby puffins' *Mother Jones,* May-June.

[46] Lunau, Kate (2014) 'B. C. starfish are dissolving into goo, and no one knows why' *Macleans,* June 13.

и многие (скрытые) ценностные нагрузки связаны с проблемными рамками, выбранными индикаторами и выдвинутыми предположениями.

В таких обстоятельствах простые предположения о причине и доказательствах, а также воспроизводимые контролируемые эксперименты не принесут много пользы. Мы сталкиваемся с множеством неопределенностей, которые невозможно разрешить. «Мы не можем провести статистически удовлетворительную серию воспроизводимых экспериментов, чтобы проверить влияние более высоких концентраций парниковых газов в атмосфере, поскольку в нашем распоряжении только одна Земля, но даже и ее мы не можем полностью контролировать». Кроме того,

> научные оценки изменения климата неизбежно основываются на сочетании знаний, предположений, моделей, сценариев, экстраполяций, а также известных и непознанных неизвестных. Из-за ограниченности базы знаний в научных оценках неизбежно используются экспертные суждения и суждения субъективной вероятности. Они состоят из кусков и фрагментов знаний, различающихся по статусу, охватывающих весь спектр от общепринятых знаний до суждений, обоснованных догадок, предварительных предположений и даже грубых спекуляций. Исследования изменения климата включают широкий спектр научных дисциплин, ведущих к широко известной проблеме. Она заключается в том, что, когда количественная информация производится в одном дисциплинарном контексте и используется в другом, важные предостережения, как правило, игнорируются, неопределенности урезаются, а числовые показатели используются номинально[47].

Основной проблемой в данном случае является применение «привычной науки» и ее методологии к постпривычным условиям.

Но наука стала постпривычной не только в своих методах и политиках. Как правило наука финансируется правительствами и корпорациями, что президент Дуайт Эйзенхауэр назвал в своем прощальном обращении в январе 1961 года «военно-промышленно-конгрессным комплексом». Хотя некоторая часть науки по-прежнему финансируется правительствами и транснациональными корпорациями, растущая доля в настоящее время оплачивается отдельными менеджерами хедж-фондов, миллиардерами из области программного обеспечения, воротилами бизнеса, олигархами и магнатами, другими словами, теми, кого журнал *New Internationalists* назвал «дикими богачами»[48]. Такие люди, как Сергей Брин из Google, Пол Аллен из Microsoft, Ричард Брэнсон из Virgin, Джефф Безос из Amazon и многие

---

[47] Werner Krauss, Mike S Schäfer and Hans von Storch, editors, 'Postnormal Climate Science', *Nature and Culture* Volume 7, Number 2, Summer 2012.

[48] New Internationalist (2013a), 'The feral rich' *New Internationalist*, January.

другие, вкладывают в научные исследования ошеломляющие суммы, перевешивающие все фонды, которые может выделить правительство. Конечно, их поддержка не касается всей науки. Только того, что они предпочитают. Возможно, потому, что кто-то из членов семьи умер от определенного вида рака, или исследование открывает новый рынок, или его масштаб разжигает их эго. Этих людей интересуют не фундаментальные исследования, а грандиозные планы, такие как освоение космоса, морская добыча, или как в случае российского олигарха Дмитрия Ицкова, бывшего медиамагната, реалистичные аватары. Как отмечает Стивен Эдвардс из Американской ассоциации содействия развитию науки: «Научная практика в меньшей степени определяется национальными приоритетами или группами рецензентов и в большей степени определяется предпочтениями людей с огромными деньгами»[49].

Все это не будущее. Это постпривычное настоящее: состояние мира, *espiritu del tiempo*, дух эпохи.

Расширенное настоящее постпривычного времени

Тем не менее в ближайшем будущем состояние постпривычности будет увеличиваться. В теории постпривычного времени мы называем это «расширенным настоящим». Данное ближайшее будущее охватывает следующие 10–15 лет, которые будут определяться укоренившимися трендами и событиями, выявляемыми нами сегодня. Это не означает, что данные тенденции не могут сойти на нет или что они представляют нам заранее заданное будущее. Тренд, как уже много раз говорилось, не является чем-то неизбежным. Но можно утверждать, что, если имеющиеся тенденции сохранятся, мы обязательно окажемся в мире, становящимся все более постпривычным. В частности, тренды, связанные с капитализмом, системой здравоохранения и медициной, большими данными и социальным ландшафтом, быстро ведут нас к постпривычному расширенному настоящему. Стоит отметить, что КХП (комплексность, хаос, противоречия) не действуют одинаково во всех ситуациях. В некоторых случаях комплексность может быть ведущим компонентом, в других — хаос или противоречия. Но в целом по мере того, как компоненты КХП ускоряются и растут, они объединяются, чтобы создать постпривычную ситуацию.

Рассмотрим капитализм. Аномалии и противоречия капиталистической системы представляют собой не просто продукт «Великой рецессии 2008–2009 годов». Они глубоко затронули систему, которая стала слишком комплексной, слишком взаимосвязанной, слишком противоречивой, слишком погрязшей в глубокой неопределенности и невежестве,

[49] Broad, William J (2014) 'Face of science is reshaped by billionaires' *The New York Times,* 23.

чтобы быть чем-то другим, кроме хаоса. В самом деле, любая система, основанная на той концепции, что экономика — это сумма раздробленных действий миллионов рациональных, стремящихся к прибыли индивидов, где рынки стабильны, факты достоверны, а ценности ясны, и существует всеобщее равенство, такая система неизбежно рухнет в мире, где «факты сомнительны, ценности спорны, ставки высоки, а решения неотложны»[50].

По словам Бернарда Шварца, эксперта по инвестициям и издателя журнала «*Демократия*», «в финансовой системе произошли коренные изменения». Вместо того, чтобы строить крайне необходимые дороги и мосты или управлять производственными предприятиями, производящими товары и обеспечивающими рабочие места, бизнесмены зацикливаются на сложных долговых обменах и других абстрактных "продуктах", которые приносят деньги только брокеру. Некоторые из них были настолько сложными и загадочными, как мы теперь знаем, что выходили за рамки понимания руководителей инвестиционных компаний». Наиболее частыми комментариями, которые Шварц слышит от «все большего числа людей», являются следующие: «наша первоначальная система развалилась» и «финансовая система не работает»[51]. Но не только финансовый сектор, но и вся эта проклятая экономическая система сейчас не подлежит восстановлению.

По словам Дэвида Саймона, создателя знаменитого телешоу «*The Wire*» («Прослушка»), капитализм превратился в «шоу ужасов»[52]. Банкиры не вышли из-под контроля, они «вне контроля», как говорит Йорис Луендейк, голландский писатель-экономист, ведущий ток-шоу и колумнист газеты *Guardian*[53]. Проведя интервью с более чем 200 банкирами, Луендейк пришел к выводу: «Сотрудники крупных банков сами не верят, что их руководители знают, что происходит. Крупные банки просто стали слишком сложными и слишком большими для управления». В настоящее время управление банком похоже на «игру в русскую рулетку с чужой головой». Вся система «крайне дисфункциональна, глубоко укоренилась и неимоверно жестока как по отношению к своим работникам, так и обществу, в котором она работает». Подобные же аргументы и мнения отражены в ряде недавно изданных книг, таких как «Это меняет все»

---

[50] Ravetz, J. R. and Funtowicz, S. O. (1999), 'Postnormal science: an insight now maturing' *Futures* 31 (7): 641–646.

[51] Schwartz, Bernard (2014), 'Just say Yes.' *Democracy,* 33: 115–120, Summer.

[52] Simon, David (2013), 'There are two Americas. My country is a horror show. Capitalism is not a blueprint for building a society', *The Observer,* 'In focus', 8 December.

[53] Luyendijk, Joris (2013), 'Our banks are not merely out of control. They're beyond control', *The Guardian,* 19 June.

Наоми Кляйн[54], «Положите конец этой депрессии немедленно» Пола Кругмана[55], а также «Семнадцать противоречий и конец капитализма» Дэвида Харви[56]. Все они говорят о том, что

КАПИТАЛИЗМ И ОСНОВАННАЯ НА НЕМ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СЕГОДНЯ БЫСТРО СТАНОВЯТСЯ ПОСТПРИВЫЧНЫМИ. ЭТО ТОЛЬКО ВОПРОС ВРЕМЕНИ, ГОВОРИТ НАМ ТЕОРИЯ ППВ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ МЫ ПОДОЙДЕМ К ГРАНИЦАМ ХАОСА

— и все либо взорвется и рухнет, либо возникнет новый порядок, радикальное преобразование, которое приведет к более жизнеспособному типу ведения бизнеса и коммерции.

В основе экономической системы лежат предположения, представляющие собой основные противоречия. Например, что рост необходим, и он будет продолжаться вплоть до отдаленного будущего. Идеальная цифра, к которой должна стремиться любая страна, составляет 4,5%. Тем не менее, как отмечает инвестиционный банкир Джереми Грэнтэм, «факт в том, что комплексный рост не является устойчивым»[57]. Чтобы показать, насколько это неустойчиво на самом деле, Грэнтэм предлагает представить себе древнюю египетскую культуру, которая стремится к темпам роста в 4,5%. Сколько богатства было бы накоплено через 3000 лет? Ответ: сумма в 2,5 миллиарда миллиардов солнечных систем! При совокупном росте в 1% их богатство невозможно было бы разместить на планете. Даже незначительный рост в 0,1% вывел бы систему из строя. Таким образом, ростки постпривычности заложены в самой идее роста. Чем выше у нас экономический рост, тем более постпривычными мы становимся.

Существует также проблема неравенства, присущего капиталистической системе. Как показывает Томас Пикетти в своем блестящем исследовании «Капитал в XXI веке»[58], за последние два столетия капитализм фактически увеличил неравенство. Главный аргумент Пикетти, подкрепленный обширными данными, заключается в том, что, когда норма

---

[54] Naomi Klein (2014) *This Changes Everything*, Simon and Schuster, New York.

[55] Paul Krugman (2013) *End This Depression Now*, W W Norton, New York.

[56] Harvey, David (2014), *Seventeen Contradictions and the End of Capitalism*, Profile Books, London.

[57] Grantham, Jeremy (2012), 'On the road to zero growth' *GMO Quarterly*, Letter November; www.cfa-sf.org/files/Grantham%20letter%20 Nov%2020.pdf

[58] Piketty, Thomas (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, translated by Arthur Goldhammer, The Belknap Press, Boston.

прибыли на капитал превышает темпы роста производства и дохода, капитализм автоматически порождает произвольное и неустойчивое неравенство. Если продолжить вести дела в привычном режиме, то мы вернемся к уровню неравенства, характерному для Средневековья, и, возможно, во многих странах это уже произошло. Последние прогнозы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) для мировой экономики до 2060 года предполагают именно такой сценарий развития событий[59]. ОЭСР прогнозирует замедление роста до двух третей от нынешних темпов при резком увеличении неравенства, несмотря на то, что мир станет в четыре раза богаче, продуктивнее, глобальнее и образованнее.

Абсурдная разница в заработной плате управленцев и рабочих привлекла большое внимание общественности. Но на горизонте маячит еще один вид неравенства. Людьми, пишущими рыночные алгоритмы и управляющими ими, являются не финансисты, брокеры, инвестиционные банкиры и даже не программисты. Это квантовые физики, климатологи и математики-теоретики, известные как «кванты»[60]. Их технические возможности не только позволяют им обходить общественное регулирование и надзор, но и наделяют огромной властью, что создает новый вид неравенства. А сами алгоритмы разработаны для того, чтобы одни были богаче других, и чтобы отдать предпочтение определенным аспектам глобализируемого мира, пожертвовав более важными, улучшающими жизнь. Как показывает Костас Лапавицас в своей книге «Прибыль без производства: как финансы нас всех эксплуатируют»[61], токсичное финансирование проникло во все аспекты нашего глобализированного мира, от углеродных рынков до биоразнообразных деривативов, и от катастрофных облигаций до погодных производных инструментов.

Более того, алгоритмы, созданные квантами, теперь стремятся захватить большую часть нашей жизни. Они уже используются в сервисах онлайн-знакомств. Вскоре данные алгоритмы будут использоваться при приеме на работу, оценке студентов, предоставлении льгот, в медицинском обслуживании и многом другом. Таким образом, вероятность «внезапных сбоев» и хаотичного поведения возрастет в разы. Как и протесты против

---

[59] Braconier, Henrik (2014), Giuseppe Nicoletti and Ben Westmore, 'Policy Challenges for the Next 50 Years', OECD, Paris.

[60] «***Кванты***» — прозвище квантовых аналитиков, профессионалов, специализирующихся на проектировании, разработке и реализации алгоритмов. Они автоматизируют торги для получения прибыли с частотой, недоступной трейдеру-человеку, и разрабатывают математические и статистические модели, предназначенные для решения сложных финансовых проблем. — *Прим. пер.*

[61] Lapavitsas, Costas (2013), *Profiting Without Producing: How Finance Exploits* us *All*, Verso, London.

неравенства, коррупции и злоупотреблений со стороны правительств. Массовые демонстрации в мире, свидетелями которых мы стали за последние несколько лет, в том числе те, которые привели к «арабской весне», в основном связаны с неравенством. Но это выступления не обычного демоса, а сложной сети: протестующие мгновенно реагируют в социальных сетях, и происходит стремительное движение к краю хаоса. Например, рабочие фабрики холдинга *Yue Yuen* в Дунгуане, на юге Китая, используют приложение для обмена мгновенными сообщениями под названием QQ и Weixin для «создания множества пересекающихся групп», а также сервис *Weibo*, похожий на Twitter, для распространения новостей[62]. Точно так же забастовки дальнобойщиков в Англии, США и других странах подпитываются через социальные сети. Таким образом, вероятность того, что протесты перерастут в хаос, очень высока. Неудивительно, что в некоторых случаях протестующие свергали правительства. Антиправительственные выступления в Таиланде в период с ноября 2013 года по май 2014 года в основном были связаны с ростом социального неравенства и коррупции. Протестующим удалось свергнуть демократически избранное правительство премьер-министра Сутхепа Таугсубана, которое сменила военная хунта. В сентябре 2012 года полмиллиона человек вышли на митинг против правления президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер. Демонстрация была вызвана повышением цен на проезд в общественном транспорте, но вскоре ситуация обострилась по всей стране, что едва не привело к свержению правительства. Протесты в парке Гези в Стамбуле 28 мая 2013 года вызвали хаос и дестабилизировали правительство правящей Партии справедливости и развития.[63] Две массовые демонстрации в Пакистане в августе 2014 года, возглавляемые Имраном Ханом, лидером Партии справедливости, и Тахир-уль-Кадри, священнослужителем, находящимся во главе религиозного движения, были мотивированы неравенством, коррупцией и доминированием элиты в политике. Протесты остановили жизнь Пакистана на несколько месяцев. Все эти протестные выступления, подпитываемые цифровыми СМИ и подстегиваемые круглосуточным освещением в мировых средствах массовой информации, превратились в хаотические события.

Большие данные

Потенциал хаоса еще больше усиливается за счет больших данных, которые собираются, хранятся, копируются и анализируются из всех мыслимых источников. По оценкам экспертов, в 2013 году во всем мире

---

[62] Mason, Paul (2014), 'Striking Chinese workers are using 21-century tools to fight poverty and sweat labour', *The Guardian*, G2, September 15.

[63] Steffey, Gordon Blaine (2013) 'The Postnormal Lady in Red' *East-West Affairs*, 2: 5–11, April.

было доступно 4,4 триллиона гигабайт данных, что эквивалентно 120 DVD-фильмам на каждого человека на планете. Ожидается, что в ближайшем будущем эта цифра будет расти ежегодно на 40%. Но большие данные не только большие по масштабу, это также сложный и высокоскоростной материал. Их нужно собирать и анализировать с той же скоростью, с которой они аккумулируются, чтобы они были полезны. При этом информация представляет собой большое разнообразие: она существует во множестве форм и собрана из множества источников. Однако она может быть большой и быстрой, а может быть неточной и очень ненадежной, а также иметь качества, которые могут со временем меняться. Таким образом, большие данные теперь стали стандартным источником всех видов анализа, используемого для выявления всевозможных корреляций, и предназначены, как следует из подзаголовка недавно появившейся книги, «Преобразить то, как мы живем, работаем и думаем»[64]. Но они также могут привести к большим ошибкам в будущем. Корреляции могут быть полезны для прогнозирования и измерения ранее неизвестного и невидимого поведения при условии, что они надежны. Однако эти корреляции могут вводить в заблуждение. Часто приводимый пример гласит, что знание того, что огромное количество людей использует Google для поиска эпидемий гриппа в определенное время, может быть полезно при продаже лекарств от гриппа, но это ничего не говорит нам о надвигающейся эпидемии самого гриппа[65]. Как отметили Батлер и другие исследователи, такие данные свободны от теории. Другими словами, не существует гипотезы, обеспечивающей полезную связь между такими поисковыми запросами, как «симптомы гриппа», «лекарства от гриппа» и «аптеки в моем районе» и «эпидемия гриппа». Если вы просто возьмете группу основных терминов и запустите алгоритм, вы не получите значимого ответа. Корреляция ничего не говорит нам о причинах гриппа, этой единственной реальной основе для понимания распространения эпидемии.

У этого типа «предсказательной аналитики» есть и другие сопутствующие угрозы. Например, какой-нибудь исследователь терроризма может в конечном итоге сам оказаться подозреваемым в терроризме, как это случилось с Ризвааном Сабиром, аспирантом из Великобритании, который работал над темой по борьбе с терроризмом в Великобритании в Ноттингемском университете[66]. А кто-то, кто коллекционирует ножи в

---

[64] Mayer-Schonberger, Viktor and Cukier, Kenneth (2013), *Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work and Think*, John Murry, London.

[65] Butler, Declan (2013), 'When Google got flu wrong' *Nature,* 494: 155-156, February 13.

[66] Sabir, Rizwaan (2011), 'I won terror compensation, but my struggle for justice continues', *The Guardian*, Comment is Free, 19 September; www.theguardian.com/commentisfree/2011/sep/19/terror-compensation- police-university March.

качестве хобби, может в конечном итоге стать объектом преследований со стороны полиции. Например, после взрыва бомбы во время Бостонского марафона нью-йоркская писательница, искавшая в Google «скороварки» и «рюкзак», обнаружил, что вооруженная полиция стучит в ее дверь[67]. Столичная полиция в Лондоне уже использует анализ больших данных в прогнозной тактике по типу фильма «Особое мнение» для борьбы с взломщиками и грабителями. В упомянутом фильме отдел предварительного следствия останавливает преступников до того, как они совершат свои противоправные действия. Лондонская полиция направляет своих сотрудников в районы «карты преступности будущего», составляемых ежедневно. Для появления таких карт используются компьютерные алгоритмы, объединяющие местные модели преступности, математику и теории пропитания диких животных, чтобы точно определить, где будут совершаться преступления. На каждой такой карте есть «прогнозируемая область» с типичным радиусом в 300 метров, обычно охватывающая несколько определенных улиц[68]. Учитывая тот факт, что сегодня ученые могут различать сканы «обычного» мозга и мозга преступника, хорошо известны тенденции, ведущие нас в новый дивный постпривычный мир, что замечено в новой адаптации романа Джорджа Оруэлла «1984», сделанной Робертом Айком и Дунканом Макмилланом. Уинстон, главный герой, оказывается в двух перекрывающихся реальностях: с одной стороны, мотивы романа с двухминутками ненависти и Министерством любви, с другой — ужасающая Комната 101 и неопределенное ближайшее будущее. Параллели поразительны. Расширенное настоящее, через которое пробирается раздавленный Уинстон, кажется «привычным», но там, где личная жизнь и личная свобода бросаются в глаза из-за их отсутствия, всегда есть камера, наблюдающая за вами, и вы всегда на грани хаоса.

Конфиденциальность испаряется с появлением больших данных. Часто данные собираются автоматически и анонимно, хотя иногда мы вынуждены ставить галочку, чтобы дать свое «разрешение». Как отмечает Джон Нотон, заслуженный профессор дисциплины «Общественное понимание технологий» в Открытом университете Великобритании и обозреватель журнала *Observer*, большие данные имеют высокую цену: «Систематическое устранение неприкосновенности частной жизни, в свою очередь, предполагает появление общества, в котором слежка будет всеобъемлющей и повсеместной. Мы все равно можем двигаться в этом направлении, спасибо спецслужбам и интернет-компаниям... Большие данные — это технология для больших батальонов, но не для всех нас. Они еще больше

[67] Gabbat, Adam (2013), 'New York woman visited by police after researching pressure online', *The Guardian,* August 1.
[68] Leppard, David (2013), 'Crystal ball cops halt the crimes of tomorrow', *The Sunday Times,* September 29.

увеличат власть крупных корпораций и правительств и еще больше лишат власти бедных и социальных маргиналов»[69].

Насколько всеобъемлюще это наблюдение, четко указывается в секретных документах, обнародованных Эдвардом Сноуденом, представителем правых взглядов и подрядчиком Агентства национальной безопасности США (АНБ). Во время холодной войны для шпиона было бы огромным достижением выкрасть пару-тройку документов после нескольких лет, если не десятилетий, шпионской деятельности. В постпривычное время Сноудену удалось украсть ошеломляющие количество — 1,7 миллиона файлов, аккуратно спрятанных на флэш-накопителе. Как показано в книге Люка Хардинга «Файлы Сноудена»[70], Сноуден был особенно встревожен масштабами и комплексностью АНБ, его огромным технологическим охватом, способностью свободно пересекать границы и кооптировать технологических гигантов, таких как *Google, Facebook, Twitter*, а также телекоммуникационные компании, среди которых *Vodafone*. Агентство превратилось в чудовищную машину, автоматически и без разбора поглощавшую все разновидности человеческого общения, обладающее ошеломляющей способностью подглядывать за кем угодно, в любой точке мира, в любое время; при этом казалось, что никто не несет никакой ответственности и не знает, что происходит. Действительно, этот монстр был настолько гигантским и громоздким, что даже не заметил, что задумал Сноуден, хотя он уже находился под подозрением на своем прежнем посту в ЦРУ. Как только данные стали общественным достоянием, никакие мошенники не могли вернуть или стереть их!

По мере исчезновения конфиденциальности, граница между публичным и частным становится все более размытой. Интересно отметить, что, хотя существует большая озабоченность по поводу разрушения конфиденциальности, есть одновременное и противоречивое желание сделать нашу частную жизнь достоянием общественности. Мы постоянно комментируем ее на *Facebook*; мы публикуем каждую свою мысль, какой бы абсурдной она ни была, в *Twitter*; и мы размещаем фотографии наших малышей, дней рождения, кошек, еды и всего остального в *Instagram*. Но в то же время мы хотим, чтобы «неадекватные, нерелевантные или более не актуальные» аспекты нашей жизни были удалены из интернета. Как объявил Европейский суд, мы обладаем «правом на забвение»[71]. Но как мы можем быть «забыты», когда само наше ощущение того, кто мы есть и что для нас важно, теперь встроено в наше сильное желание разделить каждый аспект нашей жизни с другими? К этому относятся изображения

---

[69] Naughton, John (2014), 'We're all being mined for data – but who are the real winners', *The Observer,* June 8.

[70] Harding, Luke (2014), *The Snowden Files,* Guardian Faber Publishing, London.

[71] Travis, Allen et al (2014), 'Europe upholds 'right to be forgotten', *The Guardian,* 14 May.

наших тел, которые обычно рассматривались как самые священные, интимные части. Важность чего-либо, будь то идея, изображение, аргументы или политика, как отмечает Джеймс Грэм, автор пьесы «Конфиденциальность», «больше не измеряется ее качеством, но тем, насколько широко это распространено. Степень вашей значимости в Twitter называется «влиянием», ценностью, определяемой не качеством того, что вы пишете, а тем, сколько людей это увидят. Ценность жизненного опыта сводится к тому, сколько лайков вы получите на Facebook»[72]. Каждая статья в газете или журнале, каждый текст блога или поста просят вас поделиться содержанием и рассказать друзьям, что вы их прочитали.

Чем больше мы полагаемся на цифровые СМИ и интернет, тем больше мы подвергаемся обману, мошенничеству и чаще становимся жертвами преступной деятельности. Неудивительно, что утечка данных становится все более масштабной и частой. В 2013 году было украдено более 800 миллионов записей из целого ряда отраслей: финансовые услуги, здравоохранение, образование, фармацевтика, сфера потребления, энергетика, СМИ, транспорт и розничная торговля. Среди наиболее заметных жертв в США были онлайн торговые розничные корпорации Target и eBay, компании Sony, LinkedIn, RockYou.com и гигант программного обеспечения Adobe. Компьютерный вирус, известный как *Shamoon*, стер жесткие диски десятков тысяч объединенных в сеть компьютеров *Saudi Aramco*, нефтяного и газового гиганта Саудовской Аравии. Убыток от киберпреступности для мировой экономики составляет 455 миллиардов долларов в год, что примерно равно ВВП Австрии[73]. Итак, представьте себе на этом фоне хаотический потенциал «Интернета вещей»: когда ваш холодильник, плита, дымовая сигнализация, дверные замки, домашняя система безопасности, веб-камеры, телевизоры, автомобили, медицинские приборы и многое другое подключены к интернету. «Для начала мы установим камеры на наших кухнях, чтобы получать более точные инструкции», — пишет Евгений Морозов. «Затем продуктовые и потребительские компании начнут уговаривать нас оставить эти камеры для улучшения их товаров. И наконец, мы обнаружим, что данные о наших кулинарных пристрастиях теперь хранятся на сервере в Калифорнии, а страховые компании анализируют, сколько жира мы потребляем, и соответственно корректируют наши страховые взносы. Кулинарное искусство, поощряемое умными технологиями, может стать троянским конем, открывающим путь для гораздо более зловещих планов»[74]. Мы наверняка

---

[72] Graham, James (2014), 'Hey, thanks for sharing, but this has gone too far', *Evening Standard,* 2, May (op ed).

[73] Baker, Stewart and Lewis, James (2013), 'Estimating the cost of cybercrime and cyber espionage', Centre for Strategic and International Studies, London.

[74] Morozov, Evgeny (2013), *To Save Everything Click Here*, Penguin, London.

будем подхвачены волной постпривычного существования. Конечно, все эти кулинарные данные могут быть взломаны без особых труда. Каким бы хорошим ни было программное обеспечение, у него всегда есть свои недостатки. Среди последних (неприятных) открытий — уязвимость, получившая наименование *Heartbleed*, в популярной библиотеке криптографического программного обеспечения OpenSSL. Она позволяет любому пользователю в Интернете читать память системы, определять поставщиков услуг, а также имена и пароли пользователей и фактический контент. Также она позволяет злоумышленникам подслушивать сообщения, красть данные непосредственно у служб и пользователей и выдавать себя за эти службы и конкретных пользователей. Производители программного обеспечения обычно выпускают «патчи» для исправления своего продукта. Но всегда есть временное отставание между обнаружением новой уязвимости и появлением «патча», который ее исправляет. Промежуток времени, когда хакеры впервые начинают использовать уязвимость и создавать хаос, а разработчики понимают, что существует проблема, и выпускают патч для ее устранения, называется нулевым днем. До сих пор нулевые дни были редкостью: уязвимости остаются незамеченными в среднем десять месяцев. Но по мере того, как программное обеспечение становится все более и более сложным, и все больше и больше вещей подключается к интернету, нулевые дни будут учащаться с очевидными постпривычными последствиями.

ПРОСТО ЗАДУМАЙТЕСЬ, КАКАЯ ЧАСТЬ НАШЕЙ КРИТИЧЕСКИ ВАЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОДКЛЮЧЕНА К СЕТИ. ЧЕМ БОЛЬШЕ СЕТЕВЫХ КОМПЬЮТЕРОВ ПРИМЕНЯЕТСЯ В СЕТЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ, НАПРИМЕР, ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ, ГДЕ ЕСТЬ ДАЖЕ «УМНЫЙ СЧЕТЧИК», ВЫПОЛНЯЮЩИЙ РАБОТУ, ТЕМ БОЛЬШЕ «АТАКУЕМЫХ ЦЕЛЕЙ» ТАКАЯ СЕТЬ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ.

Чем больше «атакуемых целей», тем выше вероятность отказа сети. Почти все промышленно развитые страны сейчас вовлечены в кибервойну, и США в этом лидируют[75]. В 2012 году только в Соединенных Штатах число

[75] Bamford, James (2013), 'nsa snooping was only the beginning. meet the spy chief leading us into cyberwar' *Wired* December 6; www.wired. com/2013/06/general-keith.

кибератак на энергетические и ядерные объекты увеличилось на 52%. И снова мы сталкиваемся с системой, которая, согласно теории ППВ, созрела для хаотичного поведения и катастрофических последствий.

Система здравоохранения и медицинского обслуживания

Система здравоохранения также становится постпривычной. За последнее десятилетие, несмотря на многочисленные достижения в области медицины, число современных болезней быстро растет. Конечно, различные болезни сопровождают нас на протяжении всей истории. Они распространяются со скоростью, равной скорости передвижения в определенный период. В течение XIV века расширяющиеся торговые пути стали причиной распространения переносимой крысами Черной смерти по Европе и оспы в Америке, которую туда завозили на кораблях. В последнее время наш переплетенный мир стал свидетелем распространения SARS, свиного гриппа, вируса Западного Нила, птичьего гриппа H5N1 и лихорадки Эбола со скоростью реактивного двигателя. Более того, частота появления патогенных микроорганизмов увеличивается, даже с ростом осведомленности о них и уровня эпиднадзора. Современная эпидемия, вызванная ранее неизвестным вирусом, может охватить земной шар с устрашающей скоростью.

Но озабоченность вызывают не только новые патогенные микробы. Мир сталкивается с целой серией эпидемий, вызванных современным образом жизни: ожирение, диабет, астма, сенная лихорадка, экзема, пищевая аллергия, пищеводный рефлюкс и рак, целиакия, болезнь Крона, язвенный колит и аутизм[76]. В США каждый 13-й ребенок страдает пищевой аллергией, а с 1997 по 2007 год число страдающих аллергией на арахис утроилось. Во всем мире более 1,4 миллиарда человек имеют избыточный вес, из них около 300 миллионов человек страдают ожирением. По оценкам, ежегодно во всем мире диабетом I-го типа заболевают около 800 000 детей. Только в Великобритании 5,4 миллиона человек страдают астмой. С 2001 по 2009 год количество случаев детской астмы в США увеличилось на 50%. Около 30% австралийских детей заболевают экземой в первый год жизни. Пищевая аллергия на арахис, молоко, хлеб, яиц, сою, рыбу и фрукты распространилась повсюду. Число страдающих от воспалительных заболеваний кишечника, включая болезнь Крона и язвенный колит, растет. Эти расстройства свидетельствуют о том, что дети во всем мире испытывают невиданные ранее уровни иммунной дисфункции, замечает Мартин Блазер, автор книги «*Пропавшие микробы: как уничтожение бактерий создает современные моровые язвы*»[77].

---

[76] Blaser, Martin (2014b), 'How antibiotics are making the whole world ill', *The Observer*, 1 June.

[77] Blaser, Martin (2014a) *Missing Microbes: How Killing Bacteria Creates Modern Plagues*, One World, Oxford.

Но это лишь вершина айсберга. В недавнем отчете Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) говорится, что «постантибиотическая эра, когда обычные инфекции и легкие травмы могут убивать, представляет собой не далекую апокалиптическую фантазию, а вполне реальную возможность XXI века»[78]. Эффективные антибиотики были одним из столпов современности, позволяя нам жить дольше, быть более здоровыми и получать пользу от современной медицины. Но устойчивость к антибиотикам, являющаяся «сложной и многомерной», быстро распространяется и «включает ряд механизмов, влияющих на постоянно расширяющийся круг бактерий, большинство из которых могут вызывать широкий спектр заболеваний у людей и животных». Устойчивые патогены легко путешествуют по миру. По данным ВОЗ, пневмония снова может стать смертельным заболеванием, которого нужно будет опасаться, диарея – убийственной, а лекарственно-устойчивый туберкулез, требующий более года лечения, — фатальным. Должна вернуться и устойчивая к антибиотикам гонорея, вместе с устойчивыми к лечению штаммами ВИЧ. Широко распространенная резистентность к фторхинолонам, одному из наиболее широко используемых антибактериальных препаратов для лечения инфекций мочевыводящих путей, вызываемых кишечной палочкой, представляется поистине пугающим сценарием. Новых антибиотиков, чтобы заменить старые, нет. Фактически за последние 25 лет никаких новых антибактериальных лекарств не появилось.

Медицина представляет собой сложную экосистему. Отсутствие антибиотиков повлияет на все отрасли медицины. Оперировать станет рискованно. Лечение рака будет поставлено под угрозу, поскольку больные раком, проходящие химиотерапию, нуждаются в антибиотиках, чтобы справиться с потенциально смертельными побочными эффектами, поскольку их иммунная система расшатывается под воздействием химиотерапии. Антибиотики убивают не только вредные бактерии, но они убивают также и полезные. Злоупотребление антибиотиками означает, что в нашем организме остается все меньше и меньше полезных бактерий, а это ведет к тому, что наша иммунная система все меньше и меньше способна справиться с этим. Таким образом, антибиотики действуют не только на человека, который их принимает. Они влияют на всю планету. Злоупотребление и чрезмерное использование антибиотиков у людей и животных должно подтолкнуть всю нашу систему здравоохранения к постпривычному состоянию.

Появление устойчивых к антибиотикам патогенов – лишь одна из многих причин быстрого роста количества новых больных. Некоторые вспышки заболеваний, такие как рост числа страдающих от аллергии,

---

[78] WHO, *Antimicrobial resistance: global report on surveillance 2014*, World Health Organisation, Geneva.

можно объяснить тем, что мы живем в «вакуумном пространстве, свободном от микробов» и, следовательно, у нашей иммунной системы было мало шансов развить реакцию на аллергию. Но такие однозначные объяснения не продвинут нас далеко. Как утверждает Блазер: «легче понять единственную причину; это проще, экономнее. Но что может стать достаточно серьезной причиной, вызывающей астму, ожирение, рефлюкс пищевода, ювенильный диабет и аллергию на определенные продукты среди всех прочих? Потреблением слишком большого количества калорий может объяснить ожирение, но не астму. Загрязнение воздуха может стать причиной астмы, но не пищевой аллергии». Блазер предполагает, что в основе всего лежит потеря микробного разнообразия, которое «меняет само развитие, влияя на наш метаболизм, иммунитет и, возможно, даже на наш интеллект. Микробы в нашем кишечнике играют важную роль в производстве некоторых строительных блоков мозга, а также молекул, передающих сигналы от одной клетки мозга к другой». Блазер называет этот процесс «исчезающей микробиотой» и прогнозирует, что «в будущем будет еще хуже. Подобно тому, как двигатель внутреннего сгорания, расщепление атома и пестициды породили непредвиденные последствия, то же самое происходит и со злоупотреблением антибиотиками и другими медицинскими или квазимедицинскими практиками». Мы движемся к «антибиотической зиме». Мы знаем, что «хорошие бактерии» защищают нас от «плохих», от патогенов, с которыми мы можем сталкиваться в течение всей жизни. По мере того как популяции наших хороших бактерий истощаются, наша восприимчивость к плохим растет»[79].

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ, ТОЖЕ РАДИКАЛЬНО МЕНЯЕТСЯ.

На протяжении веков Запад считал, что есть только один способ быть человеком: современный. Данное предположение было самым большим препятствием в понимании человеческого разнообразия. Теперь достижения в области генной инженерии и синтетической биологии подрывают общепринятые представления о том, что представляет собой человек вообще. Рассмотрим, например, экспериментальное лечение, называемое заменой митохондрий. Оно включает в себя получение генетического материала от мужчины и женщины и клеточного материала от третьего лица для создания эмбриона. Поврежденные митохондрии матери

[79] Blaser, Martin (2014b), 'How antibiotics are making the whole world ill', *The Observer*, 1 June.

заменяются митохондриями здорового донора. В результате у появившегося плода есть не двое, а трое родителей. Или, в качестве другого примера, подумайте о предимплантационной генетической диагностике (ПГД), которая изначально была разработана, чтобы помочь семьям с серьезным генетическим заболеванием в анамнезе выбрать эмбрионы для ЭКО, не затронутые этим заболеванием. Но в равной степени данный метод может быть использован — и его уже используют — для выбора пола эмбриона. Такая практика широко применяется в Индии и Китае. В Китае на каждые 100 девочек рождается около 118 мальчиков; в Индии средний показатель по стране — 111 мальчиков. Но данный метод также получает распространение в таких странах, как Азербайджан, Армения, Грузия и Албания[80]. Помимо выбора пола, можно еще и «настроить» ребенка. Действительно, в Индии, где богатый средний класс предпочитает белокурых новорожденных, ПГД широко используется для получения «молочно-белых» младенцев. Более того, так же легко можно выбрать, чтобы ребенок родился с ограниченными возможностями!

Развитие бионаук и компьютерных технологий идет настолько быстрыми темпами, что научный культ «трансгуманистов» уже утверждает, что «в течение следующих нескольких десятилетий по земле начнут ходить улучшенные люди».[81] Или как утверждал д-р Уилл Кастер, герой фильма «Превосходство», выпущенного в 2014 году, выступая на конференции *Evolve the Future*, показанной с одном из эпизодов: «В течение 130 000 лет наша способность к рассуждению оставалась неизменной… подключившись онлайн, разумная машина быстро преодолеет биологические пределы. И через короткое время ее аналитическая сила превзойдет коллективный разум всех людей, когда-либо рождавшихся в мировой истории. Представьте себе такую сущность с полным спектром человеческих эмоций, даже с самосознанием. Некоторые ученые называют это сингулярностью. Я называю это превосходством». К середине XXI века, утверждают трансгуманисты, возникнет «сингулярность», благодаря которой появится генетически модифицированный и усовершенствованный постчеловеческий вид, гораздо более сильный, мудрый и способный жить намного дольше, чем простые смертные[82]. Мы можем отмахнуться от этого как от антиутопической фантазии, и фильм «Превосходство», безусловно, должен рассматриваться как такая антиутопия. Он заканчивается полным отключением интернета, в результате чего весь мир погружается в абсолютную тьму. Но это не должно закрывать нам глаза на то, что

---

[80] New Internationalist (2013b), 'Where have all the girls gone', *New Internationalist,* October.

[81] См. Braidotto, Rosi (2013) *The Posthuman*, Policy Press, Oxford; More, Max and Vita-More, Natasha (2013), editors, *The Transhumanist Reader*, Wiley and Sons, New York.

[82] Kurzweil, Ray (2006), *The Singularity is Near*, Penguin, London.

УЛУЧШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИЙ СТАНОВИТСЯ ОБЫЧНОЙ ПРАКТИКОЙ.

За последние два-три года редактировать гены стало быстрее, дешевле и точнее. Когда технология становится дешевой и широко доступной, ей обычно повсеместно пользуются.

Действительно, если верить Крейгу Вентеру, американскому генетику, который был одним из первых, кто секвенировал геном человека, искусственная жизнь уже создана. В книге «Жизнь со скоростью света: от двойной спирали к заре цифровой жизни»[83], Вентер описывает, как он создал первую в мире синтетическую жизнь. Синтетический бактериальный геном конструируется из химического вещества в лаборатории, а затем «загружается» через перемещение его в живую одноклеточную бактерию. Клетка реплицируется в колонию организмов, содержащих только синтетическую ДНК. «Это похоже на совершенно новую концепцию жизни», — говорит Вентер. «Там нет ни одной молекулы оригинала. Это все равно что превратить вас в лягушку». Более сложные организмы можно создать с помощью «соединяемых частей ДНК, называемых *биокирпичами*, которые программируют множество бактерий для выполнения определенных задач. Каждый биокирпич покрыт с обоих концов последовательностями ДНК, позволяющими соединять его с другими блоками и интегрировать в плазмиду, которая может быть вставлена в бактериальную клетку»[84]. Существует даже так называемый «Реестр стандартных биологических частей», которые можно использовать. Вскоре жизнь наконец-то «сможет путешествовать со скоростью света, Вселенная сократится, а наши собственные силы будут расширяться»[85]. В интервью британской газете *Observer* Вентер предостерегает от того, чтобы отвергать данную технологию как фантастику: «Мы на самом деле делаем будущее».

Действительно, то, чем занимается Вентер, — это не специфическое «будущее», а то, что в теории ППВ называется «расширенным настоящим»: последствия его работы можно увидеть в настоящем, и они будут проявляться в ближайшие несколько лет. Как, впрочем, и текущие исследования в области биологии человека, позволяющие нам создавать отдельные части тела, такие как печень, из стволовых клеток, взятых из кожи человека и перепрограммированных на эмбриональную стадию. Возникает вопрос: что такое «тело», когда оно состоит из частей, напечатанных на 3D-принтере? Как отмечает Уоррен Эллис, романист и автор комиксов для компании *Marvel*: «Все говорят о нарушении привычных норм, будь то

---

[83] Venter, Craig (2013), *Life at the Speed of Light*, Abacus, London.
[84] Там же.
[85] Там же.

синтетика, 3D-печать или что-то еще. Люди не понимают, что это необузданный процесс: начавшееся вторжение невозможно остановить. Через 10 лет дети в подсобках будут сидеть и печатать на 3D-принтере дополнительные органы и изобретать способы, как вшить их себе в тело»[86].

Социальный ландшафт и следующее поколение

Наконец, вот-вот радикально изменится сам социальный ландшафт. «Привычные» представления о том, что такое брак, что такое семья, и идея детской невиновности уже ушли или вот-вот уйдут в прошлое. К старой идее брака между мужчиной и женщиной теперь добавилась новая: гомосексуальный брак, по крайней мере на Западе. Можно так же легко иметь двух отцов или двух матерей, как традиционных мать и отца, или даже трех родителей. В самом деле, кажется, что сама моногамия постепенно испаряется. По словам Деборы Анапол, «наша культурная одержимость моногамией продолжается так же, как запреты, рабство, золотой стандарт и обязательная военная служба. Другими словами, в то время как серийная моногамия более популярна, чем когда-либо, пожизненная моногамия в значительной степени устарела, и, что бы там ни было, полиамория набирает обороты»[87].

Дети растут с совершенно другим набором ценностей, чем их родители. Среди того, чем подростки делятся в цифровых медиа, выделяется порнография. Дело не только в том, что «секстинг» теперь стал обычным делом, но и в том, что для подростков, как выразилась *Sunday Times*, это стало своего рода «шведским столом» невообразимых пороков, расположенным на кончиках пальцев. Если учесть, что более 36% интернета посвящено порнографии, каждый четвертый поисковый запрос касается порнографии, и треть всех загрузок — это порноконтент, можно осознать истинную степень проникновения порнографии в повседневную жизнь. Было высказано предположение, что средний возраст первого знакомства с порнографическими изображениями на Западе составляет от восьми до шести лет. Какими бы ни были этические аргументы за или против порнографии, нельзя отрицать тот факт, что она оказывает разрушительное воздействие на неоперившуюся молодежь: «Они думают, что такие грубые сцены — это нормально, и хотят копировать их, делая свои первые шаги в сексуальной жизни»[88].

Шесть лет — это также средний возраст, когда ребенок сегодня осваивает цифровые технологии. В недавнем отчете *Ofcom*, независимого регулятора и антимонопольного органа в области коммуникаций Великобритании, говорится, что дети, рожденные в новом тысячелетии, обладают

---

[86] Ellis, Warren (2014), 'The man whose comics predict the future' *Stuff*, October, p. 44.
[87] Anapol, Deborah (2013) 'The Truth about Polyamory', *Psychology Today*, 18 April.
[88] Mills, Eleanor (2013), 'Generation Porn', *The Sunday Times*, News Review, 16 June.

исключительными технологическими навыками. Поскольку они выросли в эпоху цифровых технологий, их коммуникативные привычки сильно отличаются от привычек старшего поколения. По данным *Ofcom*, подростки от 12 до 15 лет больше общаются, чем спят[89]. Дети возраста от шести до семи лет, те, что выросли на YouTube, Spotify, Facebook и Instagram, обладают исключительно высокими знаниями в области сверхскоростной широкополосной связи, мобильных телефонов 4G, работы с планшетами и приложениями. Их цифровой коэффициент (DQ) даже выше, чем у группы в возрасте от 16 до 24 лет.

Эта возрастная группа будет расти с переносными камерами, записывающими каждое их движение и высказывание, когда жизнь полностью проживается онлайн, когда каждое лицо и каждое слово могут быть мгновенно найдены[90]. Как и изменение климата, цифровые последствия для данного поколения будут глобальными, беспрецедентными и комплексными. Как утверждает Сьюзан Гринфилд, социальные сети на самом деле изменяют мозг, уменьшая эмпатию и способность общаться в среде чрезмерного количества пользователей[91]. Когда эта возрастная категория дорастет до руководящих должностей через 20 лет, ее внимание будет сосредоточено не на том, является ли что-то правдой или ложью, хорошим или плохим, а на том, как и насколько быстро это работает. У данного поколения, воспитанного на глобальном языке эмоджи, будут свои особые желания, ожидания и способ видения и формирования мира: мир мгновенных и непрекращающихся изменений, мгновенного удовлетворения и пользы, где все аспекты жизни объединены в сеть, а комплексность, противоречия и хаос очевидны. Другими словами, поистине постпривычная экосфера.

Будущее науки также может выглядеть совсем иначе, учитывая кризис в физике. Нерешенные проблемы суперсимметрии[92], аномалия протонового радиуса[93], вопросы темной материи и темной энергии, знаменитая информационная проблема черной дыры (если входящие частицы начинаются в чистом квантовом состоянии, расчет Хокинга предсказывает, что черная дыра переходит в смешанное, термическое конечное

---

[89] Ofcom (2014), 'Children and parents: media use and attitudes in the nations', Ofcom, London, http://stakeholders.ofcom.org.uk/market-data-research/other/research-publications/childrens/attitudes-nations/

[90] Singer, Natasha (2014) 'Never forgetting a face', *New York Times International Weekly*, 8, June 2.

[91] Greenfield, Susan (2014), *Mind Change*, Rider, London.

[92] Lykken, Joseph and Spiropulu, Maria (2014) 'Supersymmetry and the Crisis in Physics', *Scientific American*, 310 (5), May.

[93] Bernauer, Jan and Pohl, Randolf (2014), 'The Proton Radius Problem', *Scientific American*, February, pp. 32–39.

состояние, при массовой потере квантовой информации, что нарушает квантовую механику), все это может привести к эпохальному парадигмальному сдвигу в физике. Возможно, мы находимся на пороге радикально новой перспективы и понимания космоса — поистине постпривычное утверждение.

«Будь постпривычным»

Так как же нам сладить с постпривычным временем, учитывая, что понятия прогресса, роста, контроля, эффективности и даже управления становятся все более неуместными? Как можно двигаться вперед, не становясь жертвой хаоса? Как нам выжить в условиях растущей неопределенности и различных разновидностей невежества, с которыми мы сталкиваемся? Как нам преодолеть очевидные недостатки капитализма и продвигать равенство и социальную справедливость? Что должно последовать за распадом «мирового порядка», так проницательно подмеченного Киссинджером? Как мы можем преодолеть опасности «жизни, созданной для определенного порядка»[94]. Как мы решаем проблемы, стоящие перед нашими системами здравоохранения в «постантибиотическую» эпоху?

Ответы на эти и многие другие вопросы, возникшие в постпривычное время, начинаются с их осознания и ведут к применению творческого подхода и воображения.

Нам необходимо знать, что мы не можем управлять постпривычным временем и контролировать его, но мы можем ориентироваться в нем. Нам необходимо учитывать тот факт, что те многочисленные проблемы, которые одновременно обрушиваются на нас, нельзя решать в изоляции друг от друга: рассматривая одну проблему, вы также должны увидеть и все другие проблемы, с которыми она взаимосвязана. Как отмечает Джорди Серра, линейные причинно-следственные связи больше не работают, и «действие только на один элемент не только бесполезно, но часто и весьма опасно. Действие на A вызывает множество реакций у B, C, D вплоть до Z; и многие из этих реакций могут молниеносно приобретать хаотический характер»[95]. Более того, учитывая, что эти проблемы комплексны и встроены в сложную среду, их решения не могут быть простыми. Главный принцип выживания в комплексной среде состоит в том, что механизм, который имеет дело с ней, должен быть сам по себе сложным. Это то, что известно как Закон необходимого разнообразия Эшби[96]. Чем большее разнообразие действий доступно системе, тем большее количество возмущений она способна компенсировать. Другими словами,

---

[94] Caplan, Arthur (2010), 'Life designed to order', *Scientific American*, September, p. 75.
[95] Serra, Jordi (2014) 'Postnormal Governance' *East-West Affairs*, 5, October: 5–13.
[96] Ashby, W. R. (1956) *An Introduction to Cybernetics*, Chapman & Hall, London.

только разнообразие может справиться с разнообразием. Таким образом, плюрализм, разнообразие и множественность перспектив необходимы для понимания и управления постпривычными условиями. Более того,

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ НАШИХ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ ПРОБЛЕМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАСПУТАНО С ПОМОЩЬЮ СТАРОМОДНОЙ БИНАРНОЙ ЛОГИКИ И РАССУЖДЕНИЙ. НУЖНА ВЫСШАЯ ФОРМА ЛОГИКИ

и то, что Дженнифер Гидли называет «постформальным рассуждением»[97]: комплексное мышление, способность рассматривать различные точки зрения с конкурирующими представлениями об истине, навык преодолевать противоречия, и интуиция, необходимая для работы с неоднозначным знанием и эпистемологической неопределенностью. Осознавать эту действительность, значит «быть постпривычным».

Что это означает с точки зрения исследований перспектив будущего, как это происходит и задумывается? Я бы сказал, что будущее должно теперь включать постпривычный ландшафт в сферу своей деятельности, методы и анализ. Учитывая, что в расширенном настоящем и ближайшем будущем будут преобладать постпривычные события, крайне важно, чтобы исследования перспектив будущего и научные исследования вообще были сосредоточены на обнаружении и тщательном изучении постпривычных трендов и событий, чтобы разрабатывались методы и инструменты для анализа комплексных и взаимосвязанных последствий постпривычных явлений.

Уже недостаточно просто исследовать множество возможных вариантов будущего. Нам также необходимо уделить серьезное внимание тому, как мы собираемся ориентироваться в постпривычных условиях, например, постоянно нависающем над нами экономическом коллапсе, катастрофических последствиях изменения климата, маячащих на горизонте, возможном отказе иммунной системы человека, при этом стремясь достигнуть разумного и жизнеспособного будущего. В целом футурологи, как правило, избегают серьезных вопросов (обычно рассматриваемых как предмет философии) и сосредотачиваются на анализе трендов, сканировании горизонта, построении глобальных моделей и создании сценариев, видений, образов альтернативного будущего[98]. Но в постпривычные

[97] Gidley, Jennifer M (2010) 'Postformal priorities for postnormal times: A rejoinder to Ziauddin Sardar' *Futures,* 42: 625–632.

[98] Kapoor, Rakesh (2011) 'Is there a postnormal time? From the illusion of normality to the design for a new normality' *Futures,* 43: 216–220.

времена, когда ставится под сомнение то, что составляет экономическую деятельность, когда меняется само тело человека, когда социальные отношения реконфигурируются и трансформируется сама идея того, что значит быть человеком, в работах по исследованию перспектив будущего нельзя игнорировать глобальные вопросы. Учитывая, что постпривычное время намекает на изменения фундаментального характера, важно, чтобы мы исследовали, *что* эти изменения означают для всего разнообразия человеческих и внечеловеческих культур нашей планеты, и какие радикально противоположные альтернативы могут появиться.

Почти все перемены, происходящие в постпривычное время, имеют глубокий этический подтекст. Это означает, что исследования перспектив будущего должны напрямую обращаться к этическим вопросам. Этика касается не только того, как мы, люди, живем в этом мире; она также касается человека, который таким образом существует. Она не только о бытии в мире, но и о бытии *вместе* с миром. Речь идет о том, как мы связаны с остальным миром, о человеке во взаимопереплетенном сообществе, о ресурсах, которыми мы делимся и распределяем между собой, о наших отношениях с флорой и фауной, природой и окружающей средой, планетой и космосом. Исследование перспектив будущего не может просто ограничиваться познанием того, что вероятно произойдет в будущем или что можно сделать, чтобы сформировать будущее, что возможно, а что нет. Они должны в значительной степени касаться того, что необходимо сделать для сохранения здравого, этического будущего. Или, другими словами: исследования перспектив будущего обязаны исследовать другие способы быть людьми во всех наших возможных вариантах будущего.

Возможно, самым фундаментальным сдвигом, который будет обозначен постпривычным временем, станет открытие силы определения. В эпоху колониализма, модерна и постколониализма Запад определял, что значит быть человеком и что значит быть «современным»: что такое свобода, рациональность, наука и цивилизация, что такое «свободный рынок», «демократия» и «международное право», что такое «права человека» и «гуманитарная деятельность», а также экономика, политология, архитектура, искусство, история и традиции, что священно, а что нет. Настоящая власть Запада основывалась на его способности давать определения ключевым концепциям человечества и человеческого общества. Но постпривычное время утверждает, что «срок годности» этих определений истек. Поэтому в дело вступают творческий подход и воображение.

Альфонсо Монтуори указал, что творчество и воображение трансформируются, как побочный продукт ППВ, от индивидуалистического/атомистического взгляда на современность к более контекстуальному, совместному и комплексному подходу[99]. Шон Кубит утверждает вместе с

[99] Montuori, Alfonso (2011) 'Beyond Postnormal Times: The Future of Creativity and the Creativity of the Future' *Futures*, 43 (2): 221–227, March.

коллегами, что новообразованные сети теперь обладают такой же властью, как страны и рынки, и задача для ППВ состоит в том, чтобы «представить будущее через представление политических последствий признания нечеловеческих структур в качестве политических акторов»[100]. Альфонсо Монтуори и Габриэль Доннелли предложили сосредоточить наше внимание на творческом процессе с «открытым исходным кодом», чтобы перейти от «отношений с нулевой суммой в старом мировоззрении» к «беспроигрышным отношениям», преодолевающим противоречия, различия и конфликты[101]. Мы должны серьезно отнестись к этому предложению.

Но есть еще одна причина, по которой воображение и творческий подход станут весьма важными. Нам понадобятся новые и более всеобъемлющие определения многих вещей, которые мы воспринимали как должное, начиная с того, что есть тело человека, что составляет социальные отношения, что означает хорошее здоровье, что такое свобода, и что значит быть человеком вообще. По мере перехода власти от Запада к Востоку, и по мере того, как мы учимся управлять «разрушительными тенденциями» капитализма, в незападных культурах, которые пробуют сегодня свои силы, начнут появляться новые определения наших фундаментальных понятий. Несмотря на то, что Китай и Индия склонны следовать западной капиталистической модели, они все же могут создать свои, радикально отличные версии, хотя и не обязательно инклюзивные, открытые и плюралистические. Нам необходимо расширить горизонты нашего творчества и воображения, чтобы гарантировать, что необходимое разнообразие, сложность и постпривычность размышлений занимают центральное место в новых определениях. Другими словами, нам нужны креативность и воображение, чтобы сформировать постпривычную этику, которая может провести нас через турбулентность постпривычного времени.

Хорошую иллюстрацию представляет собой Фрэнсис Уайтхед, художница и профессор скульптуры в Школе художественного института Чикаго (*the School of the Art Institute of Chicago*). Она рассматривает городские пейзажи как «сложное, неоднозначное и противоречивое физическое пространство», «символы уходящей эпохи материального процветания», которые «продолжают влиять на локальное сообщество, экосистему и инфраструктуру и, в свою очередь, находятся под их влиянием». Уайтхед сознательно описывает свою работу по возрождению городов и культурного наследия как постпривычную: приставка «пост», как она пишет, «служит напоминанием о встроенной комплексности», описывает «текущее состояние экологических, экономических и социально-культурных дел» и подразумевает, что мы

---

[100] Cubitt, Sean, Hassan, Robert and Volkmer, Ingrid (2010) 'Postnormal network futures: A rejoinder to Ziauddin Sardar' *Futures,* 42: 617–624.

[101] Montuori, Alfonso and Donnelly, Gabrielle (2014) 'Come together...for what? Creativity and Leadership in Postnormal Times' *East-West Affairs* 5, January.

действительно живем в будущем прошедшей эпохи. Этот образ также подразумевает, что мы обращаемся к нашему прошлому как к части нашей нынешней парадигмы: *пост-углеродный, постиндустриальный* и *постколониальный* являются унаследованными культурными ландшафтами, буквально *постпривычным культурным наследием*»[102]. В ее работах подчеркивается взаимосвязь вещей, используется логика локавора[103] и подчеркивается этика и эстетика. В одном из своих проектов в Чикаго под названием «606» (в честь первых трех цифр почтового индекса), включающем в себя преобразование огромной ветхой территории в многоцелевую систему рекреационных троп и парков, Уайтхед представила концепцию «медленной очистки», которая «переносит восстановление окружающей среды от влияния углекислого газа на территорию постпривычной науки, поскольку она задействует общественность Чикаго и привлекает недостаточно используемый капитал (активы) пространства, времени и человеческих возможностей». Другой проект касается исторического центра Лимы, разрушающегося объекта, включенного в список культурного наследия ЮНЕСКО, но являющегося пристанищем городской бедноты. В нем Уайтхед и ее коллеги пытаются создать «значимую программу городского сельского хозяйства, объединяя задачи сохранения архитектуры и удовлетворения потребностей нынешних жителей». Эта связь проводится через исследования связи картофеля с колониализмом, перуанской культурой, современными городскими мероприятиями и пригородной сельской местностью на западе Ирландии. Здесь, отмечает Уайтхед, «мы наблюдаем замыкание полного круга постпривычного культурного наследия, проявляющегося в основополагающей этической и даже прагматической дилемме сохранения пустынного города, возможно, находящегося не в том месте, этого вечного колониального наследия, которое необходимо рассматривать как неустойчивую модель поселения»[104].

Уайтхед буквально создает себя из постпривычного времени. За ней наверняка последуют другие, которые будут использовать свое творчество и воображение для создания новых определений всего: от искусства до архитектуры, от политики до стратегий, от науки до духовности, а также

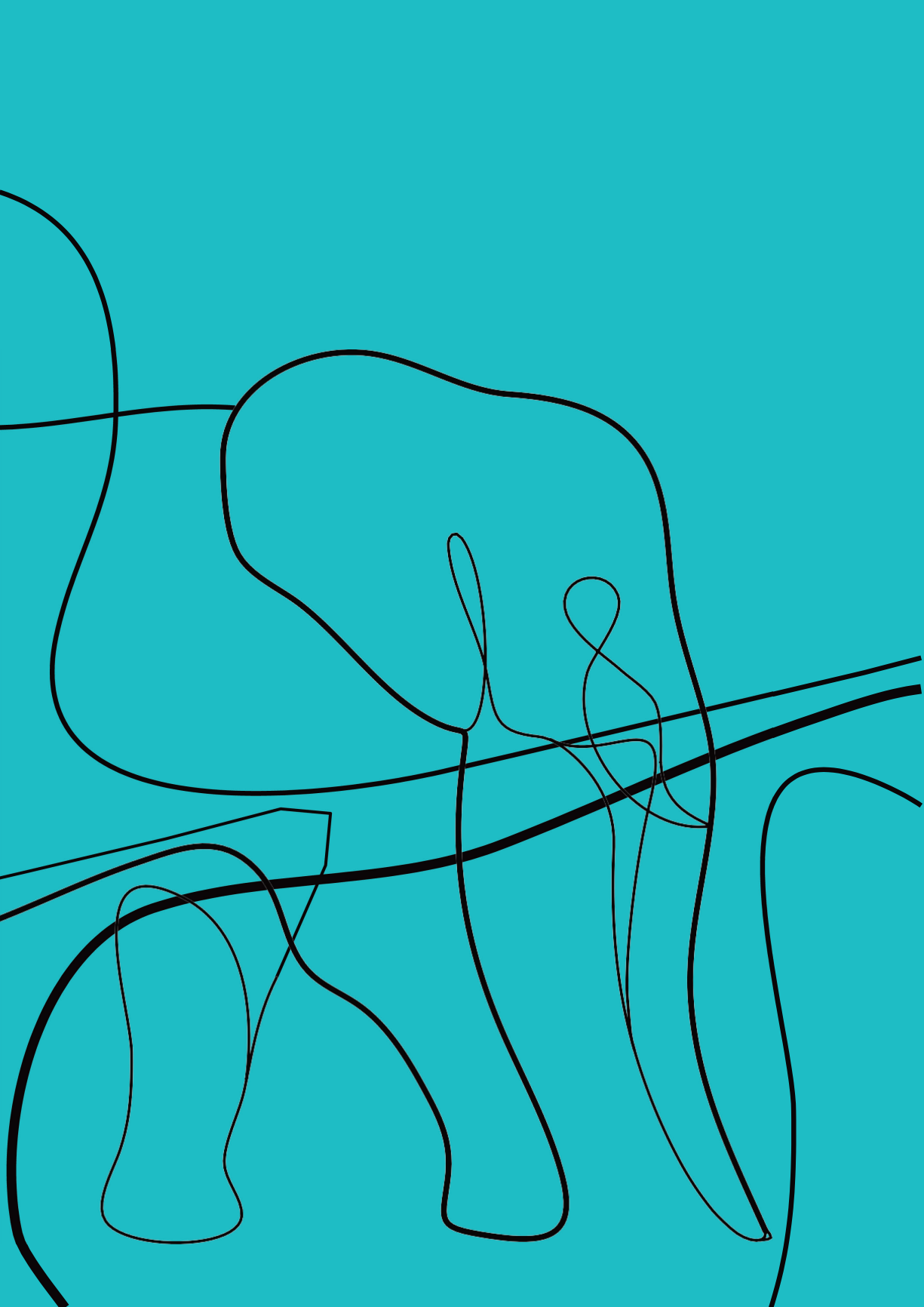
---

[102] Whitehead, Frances (2012) '(Post Normal) Cultural Heritage', *Materials Architecture Design Environment (*made*)*, Wesleyan Student Assembly, p. 5.

[103] Термин «локаворство» представляет собой заимствование из английского языка «locavore», которое в свою очередь является результатом слияния английского «local» — «местный» и латинского «vorare» — «есть». Определение появилось в 2005 году и приобрело широкую популярность, что позволило ему быть занесенным в 2007 году Оксфордский словарь английского языка и быть признанным самым популярным словом года. По сути, локаворство — стремление употреблять в пищу «местные» продукты, выращенные в радиусе от 160 км до пределов страны. — *Прим. пер.*

[104] Whitehead, Frances (2013), 'Post Normal Art' 13 March, The Schuylkill Centre, Environmental Art Department, www.schuylkillcenter.org/ art/?p=705.

того, что значит быть человеком в постпривычное время. Пришло время и мне послушать музыку канадской экспериментальной группы «Post Normal», перевернув вслед за ними страницу прошлого. Их музыка сочетает в себе постпривычную науку, темы и образы из разных этосов, включая культуры коренных народов, с глэм-роком и поп-музыкой, чтобы показать, что нечто ужасное происходит с нашим временем. Нам необходимо стремиться к чему-то лучшему. «Я охочусь за песней, которую могу спеть».

МЕТОДЫ И ВОПРОСЫ

«ТРИ ЗАВТРА» ПОСТПРИВЫЧНОГО ВРЕМЕНИ

Зияуддин Сардар и Джон Суини

Введение

«Всё движется, и ничто не остается на месте». Так, по мнению Платона в «Кратиле», выразился Гераклит более двух тысяч лет назад[1]. Но в настоящее время все меняется более быстрыми темпами на самых разных уровнях: социальном, политическом, культурном, технологическом, в том числе геологическом, как это предполагает понятием «*антропоцен*»[2] или более радикальная концепция «*технопоцен*»[3]. На менее масштабном, но не менее взаимосвязанном уровне, изменение самой идеи человеческого тела и того, что значит быть человеком происходит таким образом, что, по-видимому, мы не в состоянии это контролировать и не способны понять последствия того, к чему такие изменения могут привести в будущем. Как утверждают Энрикес и Гулланс в своей книге «*Развивая себя*» (*Evolving Ourselves*), мы намеренно и непреднамеренно меняем сами условия возможности развития. В то время как для адаптирования нашего бытия в мире мы привыкли использовать артефакты, инструменты и искусственные подпорки, совокупные последствия нашей слишком современной

---

[1] *Платон.* Кратил // Собрание сочинений в четырёх томах. — М: АН СССР Институт философии. Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 636.

[2] P. J. Crutzen and E. F. Stoermer, 'The 'Anthropocene,'' *Global Change Newsletter*, vol. 41, pp. 17-18, 2000.

[3] P. Berthon and B. Donnellan, 'The Greening of it: Paradox or promise?,' *The Journal of Strategic Information Systems*, 20 (1), March 2011, pp. 3–5; J.A. Sweeney, 'Command-and-control: Alternative futures of geoengineering in an age of global weirding,' *Futures*, vol. 57, pp. 1–13, Mar. 2014.

жизни открыли эру «неестественного отбора» и «неслучайной мутации»[4]. С 1980 по 2014 год показатели ожирения среди населения планеты увеличились почти вдвое[5]. Только в США в период с 2001 по 2010 год количество больных аутизмом вырос на 119%[6].

Более того, изменения, с которыми мы сталкиваемся сегодня, не являются постепенными и изолированными, а происходят одновременно, они связаны и взаимозависимы. Как отметил Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, часто, когда эти изменения наступают одновременно, возникает ощущение кризиса. На Генеральной Ассамблее ООН в 2014 году он заявил: «Мир живет в эпоху беспрецедентного уровня кризисов»[7]. В 2014 году мир столкнулся с огромным количеством кризисов, которые невозможно систематизировать, поскольку они хаотичны: лихорадка Эбола, ИГИЛ, Центральноафриканская Республика, Сектор Газа, Ирак, Мьянма, Южный Судан, Сирия, Украина, финансовая нестабильность в ЕС, ухудшение отношений между Россией и Западом в дополнение к давним и абсолютно нерешенным проблемам изменения климата. Что всё это значит?

Всё вышеперечисленное добавляет штрихи к картине нашей жизни в постпривычное время[8]. В свете таких далеко идущих, скоростных и синхронных изменений, которые являются ключевыми характеристиками постпривычного времени (ППВ), перед футурологами, исследователями и практиками форсайта встает новый важный вопрос:

В СОСТОЯНИИ ЛИ СУЩЕСТВУЮЩИЕ МЕТОДЫ СПРАВИТЬСЯ С ПЕРСПЕКТИВАМИ БУДУЩЕГО, КОТОРЫЕ КОМПЛЕКСНЫ, ХАОТИЧНЫ, ПРОТИВОРЕЧИВЫ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫ, И КОТОРЫЕ ОБРУШИВАЮТСЯ НА САМИХ СЕБЯ И НА ВСЕ ОКРУЖАЮЩЕЕ?

---

[4] J. Enriquez and S. Gullans, *Evolving ourselves: how unnatural selection and nonrandom mutation are changing life on earth*. New York, New York: Current, 2015.

[5] World Health Organization, 'who | Obesity and overweight,' who, January 2011. [Online]. Available: www.who.int/mediacentre/factsheets/ fs311/en/ [Accessed: 17-May-2015]

[6] Centers for Disease Control and Prevention, 'Facts About asds,' cdc — *Facts about Autism Spectrum Disorders* — ncbddd, February 2015. Available: www.cdc.gov/ncbddd/autism/ facts.html [Accessed: 17 May 2015].

[7] J. Borger, 'Ban Ki-moon: 'World living in an era of unprecedented level of crises,'' *the Guardian*, 21 September 2014. Available: www.theguardian. com/world/2014/sep/21/ban-ki-moon-world-living-era-undprecedented- level-crises [Accessed: 17 May 2015].

[8] Z. Sardar, 'Welcome to postnormal times,' *Futures*, vol. 42, no. 5, pp. 435–444, June 2010; Z. Sardar, 'Postnormal times revisited,' *Futures*, vol. 67, pp. 26–39, March 2015.

Как правило, исследования перспектив будущего имеют дело со множеством альтернативных вариантов будущего, подразделяя их на *достоверное, вероятное, возможное и предпочтительное* будущее[9]. Но что такое вероятность в мире, где неопределенность и хаос являются нормой? Что является достоверным для будущего, в котором доминируют противоречия? Подходят ли наши обычные методы, такие как прогнозирование, сценарии и моделирование, для использования в ППВ? Учитываются ли в сценариях будущего и в их вариантах изменения изменений? Позволяют ли существующие методы моделирования сценариев адекватно учитывать необходимые для противостояния влиянию ППВ плюрализм и полилог, в том числе среди людей, не-людей и не-человекоподобных? Как мы формулируем жизнеспособные правила, помогающие нам ориентироваться в ППВ? Другими словами, наши истории о будущем/его вариантах доносят ли до нас что-то значимое, что может вызвать к жизни методики и стратегии, справляющиеся с комплексностью, неопределенностью и хаотичным поведением?

«Когда все неопределенно, ничто не является предсказуемым», — пишет Дэн Гарднер в своей книге «Болтовня о будущем» (*Future Babble*)[10]. Достаточное количество, если не большинство, прогнозов неизменно оказывается неверным, как недавно выяснил научно-популярный журнал «*Scientific American*», проведя обзор своих высказываний о будущем, сделанных в прошлом[11]. На самом деле, утверждает Гарднер, экспертные предсказания и прогнозы, несмотря на осторожность с вероятностью, той, которая используется в том числе в Delphi, усугубляют наши проблемы, потому что они «избавляют от сложности, непонимания и неопределенности»[12]. В качестве средства решения данной проблемы часто используется метод сценарного планирования. Но, как утверждают Гленн и Гордон, «сценарий, вероятно, является наиболее злоупотребляемым термином в исследовании перспектив будущего. Сегодня под сценарием обычно подразумевается обсуждение ряда будущих возможностей, включая данные и анализ. … Это все равно что перепутать текст газетной рецензии на пьесу с текстом самой пьесы, написанной драматургом»[13]. Ни один сценарий, как бы тщательно он не был разработан, никогда не примет во внимание достаточное количество, если не большую часть тех изменений, которые готовы произойти в промежутке между настоящим моментом и обозначенным временным горизонтом. Мы считаем, что это относится также и к сценариям, сосредоточенным на достоверном.

---

[9] N. Henchey, 'Making Sense of Futures Studies,' *Alternatives: Perspectives on Society and Environment*, Winter 1978, p. 26.

[10] D. Gardner, *Future babble: why pundits are hedgehogs and foxes know best*. New York, NY: Plume, 2012, p. 139.

[11] U. von Reibnitz, *Scenario Techniques*. Hamburg: McGraw-Hill Book, 1988.

[12] Gardner, Op. cit.

[13] J. C. Glenn, T. J. Gordon, and Millennium Project. *Futures research methodology*. [Washington, dc]: Millennium Project, 2009, p. 2.

Достоверность всегда была спорным понятием в рамках дисциплины исследований перспектив будущего хотя бы потому, что одна из основных целей форсайта состоит в том, чтобы поставить под сомнение нормативные и логические аспекты, с помощью которых мы понимаем, что нас может ожидать впереди. Интересно отметить, что корень английского эквивалента термина «достоверный» (*plausible*) происходит от латинского *plausibilis*, что значит «достойный аплодисментов». В общем, достоверность включает в себя как приемлемость, так и логическую последовательность, то есть она имеет гораздо больше общего с настоящим, чем с будущим. Этот момент хорошо отражен во Втором законе будущего, сформулированном Джимом Дейтором: «Любая полезная идея, касающаяся будущего, должна казаться нелепой»[14].

Это не значит, что существующие методы исследований перспектив будущего являются бесполезными, а просто указывается на их изначальную ограниченность, особенно в условиях ППВ. Если исследования перспектив будущего в первую очередь касаются анализа грез о будущем, тогда перцептивная достоверность, безусловно, должна учитываться при моделировании сценариев, но это не обязательно должно быть единственной и наиболее важной метрикой. В конце концов, цель любого практического задания по сценарному планированию состоит в том, чтобы генерировать действия на будущее, вклиниваясь в настоящее. Но мы не считаем, что методы исследований перспектив будущего должны идти в ногу с силами и движущими факторами, фактически нарушающими ход настоящего, подталкивая нас к немысленному будущему. Анализ набирающего популярность метода «Три горизонта» помогает контекстуализировать нашу точку зрения.

Первоначально разработанный для того, чтобы помочь бизнес-клиентам «одновременно работать с краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными перспективами будущего», этот метод впервые использовался для «туннелирования» стратегий и политических инициатив, используя последовательность S-образных кривых для моделирования изменений, происходящих во времени[15]. Выходя за рамки стандартных управленческих подходов, «Три горизонта» претерпели серьезные изменения благодаря работам Шарпа и Ходжсона, которые переосмыслили данный методологический инструмент, чтобы «увидеть нашу текущую ситуацию с различных перспектив и помочь осветить имеющиеся варианты выбора»[16]. Итак, сначала рисуем ось X, обозначаю-

---

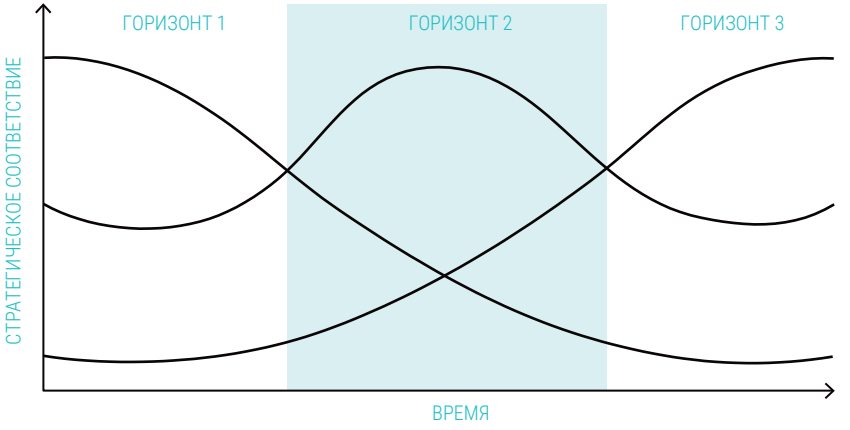
[14] J. A. Dator, J. A. Sweeney, and A. M. Yee, *Mutative Media*. Switzerland: Springer International Publishing, 2015.

[15] A. Curry and A. Hodgson, 'Seeing in Multiple Horizons: Connecting Futures to Strategy,' *Journal of Futures Studies*, vol. 13, no. 1, pp. 1–20, August 2008, p. 4.

[16] B. Sharpe and T. Hodgson, 'Intelligent Infrastructure Futures Technology Forward Look: Towards a Cyber-Urban Ecology,' Foresight Programme, Office of Science and Technology, UK, January 2006, p. 6.

щую время (от настоящего к будущему), и ось Y, обозначающую «стратегическое соответствие» со спектром от наименьшего (снизу) до наибольшего (вверху), как показано на рисунке 1.

Рис. 1. Три горизонта будущего

Затем начинаем разрабатывать три горизонта. Первый горизонт представляет собой преобладающие на данный момент парадигмы и идеологии, которые, согласно данному методу, будут уменьшаться по мере продвижения вперед во времени. Затем намечается третий горизонт, который включает назревающие проблемы или «слабые сигналы», в том числе те, которые наиболее соответствуют предпочитаемому или пугающему нас будущему, и экстраполируемые с помощью модели S-образной кривой роста. Наконец, отображается второй горизонт для моделирования проблем и неопределенностей, связанных с первым горизонтом, включая проблемы, стоящие перед обоими горизонтами. Нет сомнений в том, что это наиболее интересное измерение в методе «Трех горизонтов», тем более что оно является единственным пространством, в котором могут возникнуть действительно постпривычные условия, по крайней мере теоретически. Наше уточнение, и контраргумент, строится на том, что единственно истинная площадка развития конфликта в этом методе возникает в серединном будущем, если его можно так назвать. Можно сказать, что данный подход мало учитывает сложную, ускоряющуюся динамику, которая постоянно, здесь и сейчас, узурпирует наши лучшие практики. Другими словами, «Три горизонта» помогают нам подготовиться к будущему, которое, возможно, уже прошло или, что еще хуже, может непреднамеренно заставить нас предположить, что изменение разворачивается предсказуемым, возможно даже цикличным образом.

Справедливости ради стоит отметить, что ни один инструмент или метод не является идеальным. Но мы считаем, что нужно нечто большее, чтобы помочь нам ориентироваться в ППВ.

Как мы, наряду с другими исследователями, уже утверждали в других работах, ППВ требует, чтобы мы ушли от линейности и сосредоточили наше внимание на взаимосвязях между комплексностью, хаосом и противоречиями. Более того, все наши рассказы о перспективе(ах) будущего, должны подчеркивать их динамичность и неимоверно разнообразную природу, хаотический потенциал, противоречивые возможности, пробуждая воображение и творческий потенциал[17]. Вот почему мы, как, впрочем, и другие, предпочитаем говорить о «глобальном постраннении», а не о «глобальном потеплении», и исследования перспектив будущего выберут правильное направление, если не просто будут вовлечены в нечто странное, но и сами станут странными хотя бы для того, чтобы оставаться актуальными ввиду предстоящих изменений[18]. В свете данного феномена Шульц утверждает, что Второй закон Дейтора должен быть расширен, поскольку «нелепое» только «бросает вызов предположениям», а любая действительно полезная идея о перспективе(ах) будущего должна выглядеть «трансгрессивной (бросать вызов парадигмам) и отталкивающей (бросать вызов ценностям)»[19].

Масштабы и размах глобального постраннения, которые мы до сих пор не полностью осознали, побудили некоторых выступить с манифестами в ответ на постпривычные вызовы современности и вероятные реалии того, что может быть впереди. Основатели акселерационизма, Уилльямс и Сёрничек, утверждают:

«Левые должны воссоединиться с тем, что уходит своими корнями в Просвещение … претендовать на позитивное видение будущего, способное заменить наши нынешние экономические и политические системы такими, которые способствуют общему процветанию человека, а не угнетают его… Ибо только когда левые берут на себя управление будущим, и модернизация снова становится синонимом радикальной левой политики, а не неолиберализации, тогда мы можем коллективно понять наш мир, чтобы изменить его»[20].

---

[17] A. Montuori, 'Beyond postnormal times: The future of creativity and the creativity of the future,' *Futures*, vol. 43, no. 2, pp. 221–227, March 2011.

[18] Sweeney, 'Command-and-control.'

[19] W. L. Schultz, 'Beyond Vision and Eccentricity — Applied Crazy (for Post-Normal Times),' presented at the Crazy Futures ii, Romania, 23 June 2014.

[20] A. Williams and N. Srnicek, '#accelerate manifesto for an Accelerationist Politics,' *Critical Legal Thinking*, 14 May 2013. Available: http://criticallegalthinking.com/2013/05/14/accelerate-0manifesto-for- an-accelerationist-politics/ [Accessed: 17 May 2015].

Хотя «Манифест акселерационистов» (*The Accelerationist Manifesto*) цитирует концепцию шока будущего, его авторы, похоже, совершенно не знают о существовании исследований перспектив будущего, и как академической дисциплины, и как практической области. Хотя, возможно, глупо ожидать от манифеста анализа, основанного на исследовательском подходе, «Манифест свихнувшегося футуриста» (*Gonzo Futurist Manifesto*) Пикарда находится в прямой связи с динамикой ППВ и указывает на потребность в новых способах мышления и действия[20]. Интересной особенностью обоих манифестов является разница в масштабах: в то время как один (акселерационистский) сосредотачивается на макросфере, другой (свихнувшийся) получает удовольствие от «родоплеменного окружения», вашего личного «сообщества по интересам»[21]. Если что-то и является очевидным в ППВ, так это отсутствие простого выбора между грандиозными политическими проектами и шайками подражателей. Что требуется? Полилог разного размаха и масштаба[22].

Созданные в 1977 году Кристевой, у которой есть книга с таким же названием, концепт полилога обозначает «множественные логики, речи и бытийность»[23]. На наш взгляд, полилог требует создания новых физических и ментальных пространств, где разнообразие, плюрализм и конкурирующие точки зрения присутствуют на их собственных условиях, а также генерирует серьезный вклада в привлечение других к созданию и обмену информацией и знаниями. Некоторые подобного рода надежды возлагали на *Википедию*, но ее английская версия была сочтена «колоссальным провалом», поскольку «только крошечная часть пользователей теперь редактирует статьи, и подавляющее большинство этих редакторов — мужчины»[24]. Помимо поиска лучших и более эгалитарных способов делиться тем, что мы знаем и откуда получаем эти знания, мы должны постоянно искать коллективные и динамичные методы для создания и распространения наших историй. Как отмечает Латур, «рассказывание историй — это не просто свойство человеческого языка, но одно из многих последствий [нашего] попадания в этот мир, который сам по себе является полностью артикулированным и активным. Легко понять, почему будет совершенно невозможно рассказать о нашей общей геоистории без того, чтобы всем нам — писателям, генералам, инженерам, ученым, политикам, активистам и гражданам — не сблизиться в единой торговой зоне»[25]. То, что Латур называет «единой торговой зоной»,

---

[21] J. Pickard, 'A Gonzo Futurist Manifesto,' 2012. Available: http:// justinpickard.net/gonzo-futurist-manifesto.pdf [Accessed: 15 March 2015].

[22] Ibid.

[23] J. Kristeva, *Polylogue*. Paris: Seuil, 1977.

[24] H. Chen, 'The Concept of the 'Polylogue' and the Question of 'Intercultural' Identity,' *Intercultural Communication Studies*, vol. xix, no. 3, pp. 54–64, 2010.

[25] B. Latour, 'Agency at the Time of the Anthropocene,' *New Literary History*, vol. 45, no. 1, pp. 1–18, 2014. P. 14.

является именно тем, что мы ищем, ссылаясь на полилог Кристевой. Мы считаем, что данного понятия крайне не хватает во многих, если не в большинстве, современных дискурсов о настоящем и будущем. Установление таких зон посредством формирования полилогов по конкретным событиям и проблемам будет непростой задачей, особенно потому, что это стремление требует от нас переосмысления глубоко укоренившихся традиций, практик и обычаев обмена знаниями и их получения. Таким образом, любой анализ настоящего и будущего также должен признавать, что многие вещи, которые мы принимаем как должное, в том числе множество сложных систем, будут (продолжать) становиться странными. Возможно, правда, что не существует такой вещи, как историческая возможность, но, по нашей оценке, это в значительной степени факт будущих перспектив.

Привычность, постпривычность, постпривычное сползание и взрыв

Первый странный факт, который мы должны признать, заключается в том, что

КАК ПРИВЫЧНОСТЬ, ТАК И ПОСТПРИВЫЧНОСТЬ ПЕРЕПЛЕТАЮТСЯ И НАХОДЯТ ОБЩИЙ ВЫХОД.

Не все системы одинаково и в одинаковой степени подвержены влиянию комплексности, хаоса и противоречий (далее КХП) — «сил, которые формируют и стимулируют постпривычное время»[26]. Точно так же не все системы по своей природе постпривычны и одинаково становятся постпривычными. Например, изолированные сообщества, структуры и организации, которые самодостаточны и не связаны с глобальной экономикой и международной системой, могут и, вероятно, будут более устойчивыми в результате изменения климата. Однако многие «привычные» системы не будут продолжать работать «привычным образом» в ППВ. Рано или поздно КХП окажут на них прямое или косвенное влияние. Более того, есть некоторые системы, которые уже являются постпривычными, например, наука, интеллект, конфиденциальность и другие сетевые системы, в которых вырисовывается постпривычный потенциал, такие как наши автомобили[27] и холодильники[28]. Если остановиться и поразмыслить над изменениями, происходящими вокруг нас, все, безусловно, может показаться постпривычным.

[26] Z. Sardar, 'Welcome to postnormal times,' *Futures*, vol. 42, no. 5, pp. 435–444, June 2010. P. 436.

[27] S. Higginbothan, 'Samsung's smart fridge could be used to steal your Gmail login,' *Fortune*, 24 August 2015.

[28] A. Greenberg, 'Hackers Remotely Kill a Jeep on the Highway— With Me in It,' wired, 21 July 2015. [Online]. Available: www.wired. com/2015/07/hackers-remotely-kill-jeep-highway/ [Accessed: 3 September 2015].

Однако для поколений, рожденных в этой среде, постпривычное будет обыденным, тем миром, который они знают и который населяют.

С учетом сказанного, само понятие привычного звучит несколько странно, особенно в ППВ. Эта привычность не соответствует общепринятым определениям: стандартное, общее, общепринятое, обычное, обыденное и естественное. Скорее, как указывает Рао, это явно «сфабрикованная привычность»[29]. Она «сфабрикована» в том смысле, как указывают Герман и Хомский в «Согласии на фабрикацию» (*Manufacturing Consent*), что ее стандарты были разработаны влиятельными международными учреждениями и организациями, включая средства массовой информации и технологические компании, которые функционируют, полагаясь на рыночные силы, внутренние, неоспоримые предположения и тонкие манипуляции, чтобы порождать идеологические и потребительские желания и мечты. Но что еще более важно, она сфабрикована нашими реакциями и восприятием изменений – как прошлых, так и настоящих. Как отмечает Рао, когда люди сталкиваются с новым технологическим опытом, они прилагают все усилия для поддержания «знакомого ощущения статичного, непрерывного настоящего»[30]. В самом деле, мы меняем наши ментальные модели и стили поведения, пытаясь не замечать или игнорировать изменения, которые происходят на наших глазах. Мы оглядываемся назад, чтобы создавать истории и метафоры, связывающие новые изменения, переживаемые нами, с тем, что мы уже знаем и понимаем. Смартфон использовал метафору телефона, чтобы сделать мобильное сообщение понятным, текстовый редактор использует метафоры страниц и документов, которыми пользовались на протяжении тысячелетий, и «мы воспринимаем Facebook с точки зрения школьных ежегодников»[31]. Затем мы делаем осознанный выбор не придавать особого значения странностям нового. Рао объясняет это на примере авиаперелета:

> Пассажиры авиакомпаний не летают. Они путешествуют в поле сфабрикованной привычности. Когда вы сидите в типичном современном авиалайнере, вы путешествуете со скоростью 500 миль в час в алюминиевой трубе, которая на самом деле способна на довольно страшные акробатические трюки. Включая создание коротких периодов невесомости. Тем не менее типичный путешественник по воздуху никогда не испытывает ничего такого, чего не мог бы испытать один из наших предков, путешествовавший на быстрой колеснице или лодке[32].

---

[29] V. Rao, 'Welcome to the Future Nauseous,' *ribonfarm: experiments in refactored perception*, 9 May 2012. Available: www.ribbonfarm.com/2012/05/09/ welcome-to-the-future-nauseous/ [Accessed: 10 April 2015].

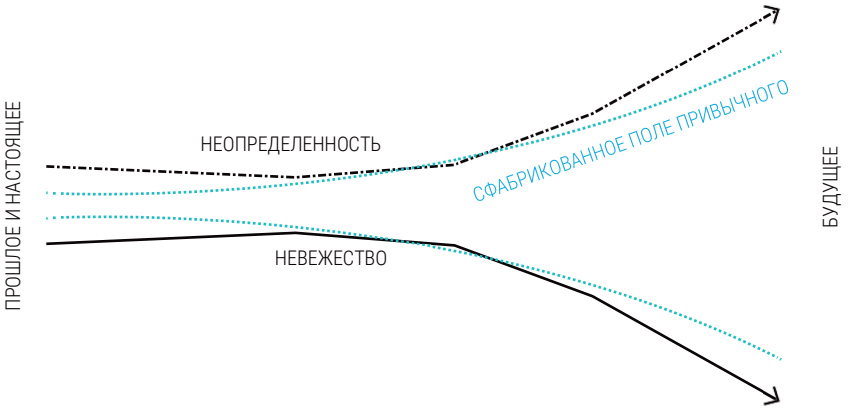
[30] Ibid.

[31] Ibid.

[32] Ibid.

Как поясняет Рао, сфабрикованное поле привычного (далее СПП) — это средство переориентации нашего восприятия того, что является привычным, а что нет. И подобно полю, которое расширяется и сужается относительно нашего индивидуального или коллективного фокуса, СПП формируется силами невежества и неопределенности. На рисунке 2 представлена эта взаимосвязь:

Рис. 2. Возникновение сфабрикованного поля привычного

«Привычное» явление превращается в «поспривычное» через процесс постпривычного сползания (далее ПС): когда системы становятся взаимосвязанными и комплексными, когда социальные сети, круглосуточное телевидение и другие формы технологий используются для создания положительной обратной связи, возникает хаос, порой довольно быстро, и все становится странным. Эта концепция блестяще отражена в удостоенной наград серии BBC «Черное зеркало» (Black Mirror), в которой умело представлены многочисленные и разнообразные изменения, связанные с новыми возникающими технологиями, и объясняются явно человеческие взаимодействия и реакции, лежащие в основе различных «мутационных медиа»[33]. Ряд ученых отмечают диффузную природу способов, с помощью которых «сетевые информационные и коммуникационные инструменты могут служить мощными ускоряющими факторами социального протеста»[34], среди которых волнения на Ближнем Востоке и в Северной

[33] J. A. Dator, J. A. Sweeney, and A. M. Yee, *Mutative Media*. Switzerland: Springer International Publishing, 2015.
[34] D. Isaksson, 'Global Disorders — A New Global Order?,' *Development Dialogue*, no. 62, 2014. P. 6.

Африке, широко известные как «Арабская весна», а также недавние протесты в Балтиморе, Фергюсоне и других городах США, приведшие к появлению движения #blacklivesmatter. Все они являются яркими примерами того, как коммуникационные технологии могут ускорить ПС.

Хотя силы, движущие ПС, могут быть мощными, но не все они в состоянии охватить потоки таких сильных волнений. Есть такие, которые не в состоянии увидеть, или, скорее, которые игнорируют или отрицают появление ПС, цепляясь за искусственно созданную привычность перед лицом странности. Они переживают постпривычное отставание (далее ПО), т. е. перцептивное состояние отрицания. Самый яркий пример — те, кто отрицают изменения климата. В психологии концепция отрицания объясняет, почему человек продолжает отрицать что-то — в данном случае одну из величайших угроз миру — даже перед лицом неопровержимых доказательств. В случае с отрицанием, как и с ПО, человек выбирает, возможно, сознательно, не знать что-то. Таким образом, ПО — это отказ, который можно преодолеть только с помощью постпривычного взрыва (далее ПВ): когда система переходит в полностью постпривычный режим и негде спрятаться.

Рассмотрим случай, когда наша цифровая жизнь постоянно держит нас на грани хаоса. Возьмем, к примеру, социальную сеть *Twitter*, которая требует мгновенной реакции и многократно увеличивает вашу собственную реакцию. Легкомысленный твит может мгновенно увести вас к неизведанным горизонтам, как обнаружила 20 декабря 2013 года Жюстин Сакко, директор по связям с общественностью одного американского издателя. По пути в Кейптаун она написала в *Twitter* своему довольно крохотному количеству подписчиков, всего 170 человек, прямо перед посадкой в самолет в Хитроу следующее: «Лечу в Африку. Надеюсь, СПИД не подцеплю. Шутка! Я белая»[35]. Хотя Сакко рассматривала свой твит как комментарий о привилегиях белых, сообщество твиттеров в подавляющем большинстве расценило это иначе. К тому времени, когда она приземлилась в Кейптауне, а именно, через одиннадцать часов, она возглавила всемирный «трендовый» список. В течение 11 дней Сакко появлялась в поисковике Google 1,22 миллиона раз, а через несколько дней ее уволили. Сакко еще предстоит найти новую работу или парня для встреч[36]. Как показывает пример Сакко, ПВ может оказывать влияние на разных уровнях, в том числе и на очень личном.

---

[35] J. Ronson, *So you've been publicly shamed*. 2015, p. 64.

[36] L. Moses, 'The Justine Sacco redemption tour: Too little too late?,' *Digiday*, 13 February 2015.

Три завтра в рамках поспривычного времени

Учитывая странные особенности нашей эпохи, изучение перспектив будущего в рамках ППВ ставит перед нами определенные задачи. Нам необходимо сосредоточиться на одновременности и комплексности, а также на динамической природе ППВ. Необходимо признать неопределенность, а также различные уровни невежества: в постпривычное время неизвестность не может быть сведена к измеримым рискам. Нам нужно принять во внимание эмпирически наблюдаемые тенденции, теоретически понять механизмы, которые производят ПС и ПВ, и задействовать как можно активнее воображение и творческие навыки во всем этом процессе. Подход, разработанный нами для понимания и навигации по ППВ, а также для изучения будущего, — это ***Три завтра постпривычного времени*** (далее 3З).

В рамках 3З мы должны учитывать, что настоящее динамично, имеет сетевую природу, состоит из сфабрикованных привычных состояний и систем, которые потенциально могут стать постпривычными. Другими словами, настоящее сложно, плюралистично и отчасти постпривычно, и все это должно быть представлено в самом начале нашего исследования будущего. Но настоящее — это не просто то, что есть сейчас. Настоящее «расширено», потому что многие эмпирически наблюдаемые тенденции глубоко укоренились в настоящем и продолжат проявляться в ближайшие годы. Это «*расширенное настоящее*» представляет первое завтра; это то, что имеет в виду большинство людей, когда говорят об «определенном [ожидаемом] будущем». В *расширенном настоящем* преобладают тренды (глобальные, региональные и местные), а также назревающие проблемы или слабые сигналы, которые невозможно предотвратить. Они просто расширяют и распространяют настоящее, чтобы охватывать следующие пять-десять лет, хотя временные особенности эластичны по отношению к тематическому контексту. Другими словами, будущее, представленное *расширенным настоящим*, уже в значительной степени колонизировано[37]. Лучшее, что мы можем сделать в данной ситуации, — это использовать очки ППВ для выявления систем, которые могут постепенно приближаться к постпривычному состоянию или находится на грани ПВ. Предположить, что *расширенное настоящее* уже колонизировано, отдает детерминизмом. Это своего рода анафема для исследований перспектив будущего, которые сами довольно неохотно занимаются предсказания. Однако факт остается фактом: в расширенном настоящем присутствует множество трендов и явлений, которые можно предвидеть, хотя точное знание того, что может быть впереди, остается невозможным.

---

[37] Z. Sardar, 'Colonizing the future: the 'other' dimension of futures studies,' *Futures*, vol. 25, no. 2, pp. 179–187, March 1993; J. Dator, 'De-colonizing the Future,' in *The Next 25 Years: Challenges and Opportunities*, A. Spekke, Ed. Bethesda, Maryland: World Future Society, 1975.

Рассмотрим довольно тривиальный пример, касающийся iWatch компании Apple. В ноябрьском выпуске журнала *T3: The Gadget Magazine* за 2014 год в последнем письме редактора издания (ныне бывшего) было хвастливо заявлено: «Мы предсказали появление "iWatch" в первом выпуске почти четыре года назад ... На достаточно длительном отрезке времени мы все что-то можем угадать. И вот iWatch с нами»[38]. Предсказание Хилла не является исключительным или правильным. К 2008 году тренд «носимых компьютеров» широко распространился[39]. В том, что корпорация, создавшая линейку продуктов «i», сделавших Apple «компанией с оборотом в 1 триллион долларов»[40], выпустила iWatch, не было ничего удивительного, тем более что рынок носимых устройств, по мнению многих, станет следующим большим прорывом. В утверждении Хилла присутствовала небольшая проблема: одна европейская фирма зарегистрировала название iWatch еще в 2008 году, это означало, что умные часы Apple, появившиеся на рынке в апреле 2015 года, не могли быть включены в ее линейку *i*-продуктов. Они просто получили название *Apple Watch*. Интересным в утверждении Хилла и в его значимости для контекстуализации *расширенного настоящего* является то, что он определил устоявшуюся тенденцию, развивавшуюся естественным путем, но упустил или, скорее, неправильно определил ее детали. В рамках расширенного настоящего в принципе возможно точно предсказать или спрогнозировать то, что может произойти в будущем, особенно в области технологического развития. Но нужно выйти за рамки простых экстраполяций, чтобы понять постпривычную динамику этого горизонта.

За *расширенным настоящим* следует ***знакомое будущее*** (его варианты), которое может и, скорее всего, будет длиться от десяти до двадцати лет, но, независимо от временного горизонта, кажется знакомым, потому что оно опосредовано образами и представлениями о будущем (его вариантах): от основанных на многочисленных данных проекциях до научной фантастики. Тренды, заложенные в расширенном настоящем, наряду с образами из рекламы, корпоративных концепций, популярной футурологии и научно-фантастических романов, фильмов и телешоу, экстраполируются и проецируются для создания слишком знакомой картины будущего. Подумайте, например, сколько технологических разработок возникло или вот-вот будет запущено на основе образов из научно-фантастических фильмов: киборги из «Терминатора» (1984) и роботы из «Звездных войн» (1977) превратились в военных роботов Google,

---

[38] M. Hill, 'Editor's Letter,' *T3: The Gadget Magazine*, November 2014.

[39] B. Rhodes, 'A Brief History of Wearable Computing,' 15 February 1997. Available: www.media.mit.edu/wearables/lizzy/timeline.html [Accessed: 10 March 2015].

[40] J. Yarow, 'How Apple Becomes A $1 Trillion Company,' *Business Insider*, 26 November 2014.

таких как Атлас, «маневренный антропоморфный робот» и PETMAN[41], являющийся «роботом-солдатом». Оба находятся в разработке и будут выпущены примерно через десять лет[42]. Или как искусственная среда и урбанизация стали отражать городские пейзажи из таких фантастических фильмов, как «Бегущий по лезвию» (1982) или «Темный город» (1998). Да и сам Диснейленд вдохновил архитектуру множества городов, среди которых Путра-Джая в Малайзии и Мекка в Саудовской Аравии. Также задумайтесь о том, как поведение персонажей «Безумного Макса» (1979, 2015) воспроизводится фанатичными джихадистами «Исламского халифата»[43]. Или возможность слияния технологий, биологии и человеческого тела, описанная в фильме «Из машины» (2014), ставшая предвестником стремления индустрии моды к разработке «цифровой кожи»: нанотехнологии позволят производителям встраивать функции в простейшие предметы одежды, в то время как сеть датчиков внутри и на теле, вводимых или носимых, окутывает тело второй кожей[44]. Подумайте о том, сколько технологий, изображенных в различных фильмах и телешоу «Звездного пути», уже используются в повседневной жизни, и сколько других еще может возникнуть на основе данного сюжета. В самом деле, мы вступаем в варианты будущего, которые одновременно хорошо знакомы и тем не менее скрывают чрезвычайно странную динамику.

Понятие «*отработанного будущего*», введенное Сохейлом Инаятуллой, перекликается с предполагаемыми границами *знакомого будущего* (его вариантами), и предназначено для исследования и оспаривания существующих представлений о том, что может лежать за пределами *расширенного настоящего*[45]. По сути приумножая количество будущего (его вариантов) посредством двойного прочтения, *знакомое будущее* (его варианты) предполагает наличие одновременно как единственного, так и множественного числа. Оно (будущее) единственно в том смысле, что стремится найти то, что знакомо, среди ряда сложных возможностей, и множественно (варианты будущего) в том смысле, что связано с альтернативными, а иногда и диаметрально противоположными представлениями.

---

[41] PETMAN — аббревиатура от английского Protection Ensemble Test Mannequin, робот-гуманоид, разработанный для армии США с целью тестирования специальной одежды, используемой солдатами для защиты от боевых отравляющих веществ. Первый прототип появился в 2009 году. — *Прим. пер.*

[42] M. Peckham, 'Watch: Humanlike darpa Robot Climbs and Leaps from Obstacles with Mad Skills,' *Time*, 26 October 2012.

[43] T. Harnden, 'Mad Max-Style Takeover of Ramadi Leaves Obama and West Floundering' RealClearPolitics, *Chicago Sunday Times*, 30 May 2015.

[44] K. Holmes, 'Is 'Digital Skin' The Future Of Fashion?,' *The Creators Project*, 15 August 2011. Available: http://thecreatorsproject.vice.com/blog/is-digital-skin-the-future-of-fashion [Accessed: 17 May 2015].

[45] S. Inayatullah, 'Six pillars: futures thinking for transforming,' *Foresight*, vol. 10, no. 1, pp. 4–21, February 2008.

За пределами *знакомого будущего* (его вариантов) лежит *немысленное будущее* (его варианты), горизонт чистой возможности, который простирается за пределы следующих 20 лет. *Немыслимое будущее* (его варианты) не является невообразимым, это скорее горизонт, где всегда есть что-то, о чем мы даже не задумывались. Другими словами, оно населено, казалось бы, бесконечными альтернативными вариантами будущего, каждый из которых требует своего собственного полилога, чтобы начать исследовать окружающие его расходящиеся точки зрения. Хотя, по-видимому, существует бесчисленное множество наборов данных об этих мирах — от демографических до экономических прогнозов — есть несколько моделей, если таковые вообще имеются, которые могут дать адекватное представление о том, что может произойти в этом завтра. Таким образом, совместное творчество и «этическое воображение» — это не просто лучшие инструменты для построения сценариев в этом завтрашнем дне, «они — единственные инструменты»[46]. Более того, *немысленное будущее* (его варианты) — это не просто то, чего не ожидают или что не предполагается. Скорее, это что-то вне рамок общепринятого мышления, то, что не позволяет нам сосредоточиться на нем или думать об этом. С другой стороны, немысленное может представлять собой настолько редкую возможность, что будет выглядеть совершенно недостижимым. Таким образом, немысленное не ограничивается только *немысленным будущим* (его вариантами); оно может и, скорее всего, существует в *расширенном настоящем* и *знакомом будущем*. Но только в *немыслимом будущем* (его вариантах) в полной мере проявляются последствия, и мы вынуждены противостоять им лицом к лицу.

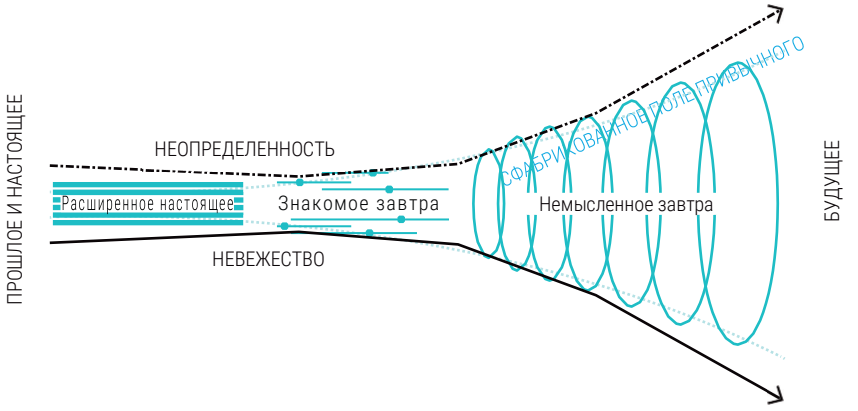
Чтобы поместить наш метод в более широкую канву исследований перспектив будущего и стратегического форсайта, мы адаптировали или, скорее, видоизменили хорошо известный конус перспектив будущего[47], чтобы показать динамику отношений между каждым горизонтом. На рисунке 3 показана предполагаемая взаимосвязь между каждым из трех горизонтов. На этом изображении толщина и траектория линий в пределах каждого горизонта символизируют остроту восприятия, степень, в которой человек способен видеть появление, сохранение и/или нарушение трендов; и потенциал, способность чего-либо двигаться от простой возможности к действительности.

---

[46] Z. Sardar, 'Welcome to postnormal times,' *Futures*, vol. 42, no. 5, pp. 435–444, June 2010. P. 444.

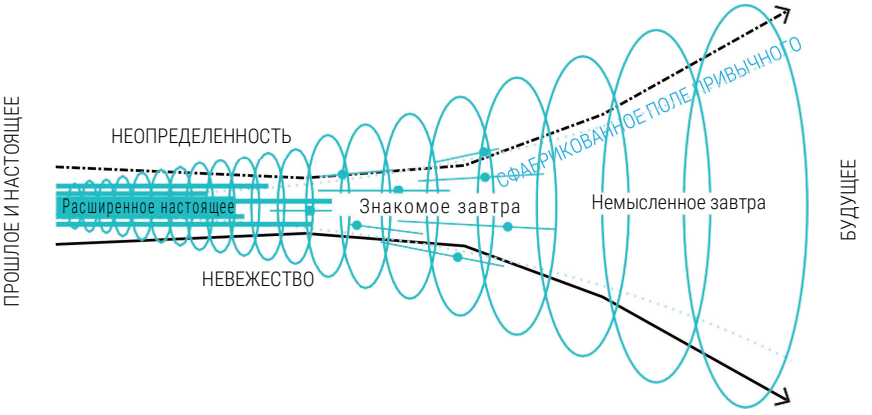
[47] См. S. Candy, 'The Futures of Everyday Life: Politics and the Design of Experiential Scenarios,' University of Hawaii at Manoa, August 2010; T. Hancock and C. Bezold, 'Possible futures, preferable futures,' *Healthcare Forum Journal*, vol. 37, no. 2, pp. 23–29, 1994; C. W. Taylor, *Alternative World Scenarios for A New Order of Nations*. Carlisle Barracks, pa: U. S. Army War College, Strategic Studies Institute, 1993; U. von Reibnitz, *Scenario Techniques*. Hamburg: McGraw-Hill Book, 1988; World Health Organization, 'who | Obesity and overweight,' who, January 2011. [Online]. Available: www.who.int/mediacentre/factsheets/ fs311/en/ [Accessed: 17-May-2015].

Рис. 3. Предполагаемая взаимосвязь Трех завтра

Хотя это двухмерное изображение предполагает разделение ЗЗ, они не являются изолированными сущностями, но глубоко взаимосвязанными пространственными и временными зонами актуальных и перцептивных явлений, оказывающих драматическое влияние здесь и сейчас. *Знакомое будущее* (его варианты) является неотъемлемой частью *расширенного настоящего*; и оба содержат в себе многое от *немысленного будущего* (его вариантов). Также важно подчеркнуть, что любое событие или явление, находящееся за самым дальним горизонтом, имеет реальный потенциал оказать воздействие на текущий момент. В ППВ то, что кажется немысленным, становится частью повседневной жизни завтрашнего дня. Таким образом, исследование перспектив будущего в данном контексте должно вовлекать и включать все ЗЗ одновременно. Более того, есть системы и явления, которые обладают потенциалом стать постпривычными во всех трех случаях. Это означает, что мы должны иметь возможность исследовать компоненты контекста каждого завтра, которые могут демонстрировать ПС или быть на грани ПВ. Таким образом, спектр работы ЗЗ расширяется, как показано на рисунке 4.

Рис. 4. Расширенный спектр существования Трех завтра

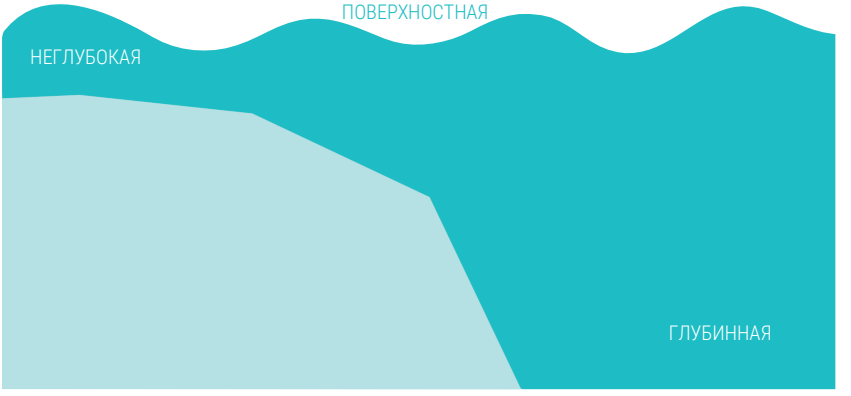

Невежество, неопределенность и зверинец постпривычных возможностей

Каждое завтра связано с конкретным типом неопределенности и невежества. Когда комплексность, хаос и противоречия сходятся вместе, нас не должно удивлять, что в результате возникает неопределенность. Самая базовая разновидность неопределенности возникает, когда известно направление изменения, но невозможно оценить величину и вероятность событий и последствий. С этой ситуацией мы сталкиваемся в *расширенном настоящем*, где будущее в значительной степени колонизировано, а отдельные тренды глубоко укоренены. У нас есть ограниченный набор возможных альтернативных вариантов будущего, из которых один по крайней мере может реализоваться. Мы имеем дело с тем, что называется ***поверхностной неопределенностью***, которой можно до некоторой степени управлять с помощью соответствующих знаний и инструментов форсайта. В *знакомом будущем* (его вариантах) нам представлен широкий спектр альтернатив и множество возможных вариантов будущего. Таким образом, мы мало что можем сказать об общем направлении изменений; и тем более о возникновении постпривычных явлений, когда комплексность, хаос и противоречия сливаются воедино. То, что мы действительно знаем, так это то, что многие из этих вариантов будущего являются простой проекцией общих образов и воображаемых объектов будущего. Управление результирующей в данном случае неопределенностью ставит перед нами сложную, если не сказать неразрешимую проблему, но мы все еще можем до некоторой степени ее понять. Этот вид неопределенности мы называем ***неглубокой***. Наконец, *немысленное будущее* (его варианты), в

котором может произойти все что угодно и ничего не известно, представляет нам ***глубинную неопределенность***. В этом случае мы не только не осознаем направление, величину и влияние изменений, но мы также неспособны знать, что происходит с самой системой, потому что наше мировоззрение и эпистемология совершенно неадекватны. Эти три разновидности неопределенности обосновались в среде, где изменения ускоряются, а инновации, новые процессы, социальные и политические отношения постоянно изменяют возникающий ландшафт. На рисунке 5 показано, как мы отображаем три неопределенности:

Рис. 5. Виды неопределенности

Каждый тип неопределенности связан с конкретной категорией невежества. Простое или ***явное невежество*** (обозначим его **н**[1]) можно определить как отсутствие знаний. Оно относится к тем предметам или явлениям, которые мы не понимаем. Это невежество, с которым мы можем столкнуться в сложной или противоречивой ситуации, которую можно преодолеть, разобравшись в вовлеченных в нее комплексных взаимопереплетениях, или признав наличие одновременно «правды» субъектов-акторов и противоречивость выдвигаемых требований (например, правительство, стремящееся к развитию, и сообщество, желающее сохранить свою окружающую среду, землю и наследие). Данный тип невежества является преобладающим в *расширенном настоящем*. Его можно преодолеть и уменьшить поверхностную неопределенность посредством обучения, исследований, оценки точек зрения других и постановки правильных вопросов.

Знакомое будущее (его варианты) представляет нам более серьезный уровень невежества, связанный с неглубокой неопределенностью, когда мы даже не знаем, какие вопросы задавать. Но у этого невежества есть и

другое измерение: ответы на любые уместные вопросы, если бы мы могли их задать, можно было бы найти только за горизонтом дня сегодняшнего. Например, мы не знаем наверняка, как генетически модифицированные продукты питания повлияют на пищевую цепочку, как генная инженерия повлияет на организм человека, или какое влияние «заразительная взаимосвязь»[48] окажет на человеческий разум. Ответы на подобные вопросы можно будет найти только когда-нибудь в будущем, после того, как, по крайней мере, целое поколение испытает на себе воздействие и последствия этих событий. Мы называем это невежество ***преодолимым*** (обозначим его **н**^{2}): его нельзя победить в настоящем, обучаясь, поскольку здесь нет необходимых знаний, но оно создает осознание того, чего мы не знаем и должны стремиться узнать в будущем. Связанное со *знакомым будущим*, это невежество порождает неглубокую неопределенность, которая в будущем также может быть преобразована в поверхностную. И, наконец, есть «неведомые неизвестные» Рамсфелда, «то, о чем мы не знаем, что мы этого не знаем»[49]. Оно связано с глубинной неопределенностью *немысленного будущего* (его вариантов) и классифицируется как ***непобедимое невежество*** (обозначается как **н**^{3}).

Немысленное лежит за пределами нашего воображения. Мы не можем думать о вещах, лежащих за его пределами, поскольку воображение определяется и ограничивается нашим мировоззрением и рамками наших предположений и аксиом. И часто это происходит потому, что у нас нет слов, чтобы оформить такую мысль. Таким образом, непобедимое невежество — это «незнание нашего невежества, врожденное незнание потенциальных рисков недавних событий», которое «требует радикально нового образа мышления»[50]. Другими словами, непобедимое невежество не может быть преодолено с помощью наших обычных инструментов, поскольку оно связано с немысленными частями нашего собственного мировоззрения. Это невежество, которое заставляет нас действовать с ложным чувством уверенности в существующих парадигмах и способах познания, бытия и действия. Бороться с непобедимым невежеством можно только подвергая сомнению наши аксиомы, критикуя наши основные и давно лелеемые предположения и полностью переосмысливая наше мировоззрение. На рисунке 6 показано, как соотносятся конкретные виды неопределенности и невежества в пределах каждого горизонта:

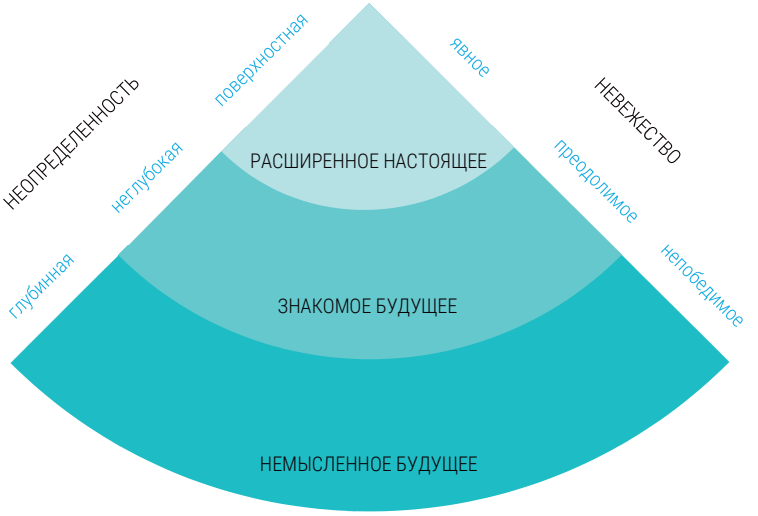
---

[48] J. A. Sweeney, 'Infectious Connectivity: Affect and the Internet in Postnormal Times,' in *Futures of the Internet*, J. Winter and R. Ono, Eds. Switzerland: Springer International Publishing, 2015.

[49] E. Morris, *The Unknown Known*. Participant Media, 2014.

[50] Z. Sardar, 'Welcome to postnormal times,' *Futures*, vol. 42, no. 5, pp. 435–444, June 2010. P. 440.

Рис. 6. Соотношение неопределенности, невежества и вариантов завтра

Три уровня неопределенности и невежества позволяют нам начать понимать и обозначать степень фактической и воспринимаемой постпривычности, окружающей конкретную проблему, систему или горизонт. В *расширенном настоящем* мы пытаемся уменьшить поверхностную неопределенность путем работы с доступной информацией для выработки гипотез, помогающих пролить свет на то, что мы видим в настоящий момент. Если доступной информации недостаточно, нам нужно будет понять, поможет ли сбор дополнительных данных или нет. Если неопределенность продолжит расти, это будет свидетельством того, что мы движемся в сторону преодолимого невежества из *знакомого будущего*. Теперь нам нужно будет определить, какие направления исследования могли бы дать соответствующие знания, а также временные горизонты, необходимые для получения этих знаний. И наконец, если ситуация достигла стадии хаоса, мы понимаем, что имеем дело с глубинной неопределенностью *немысленного будущего*. Теперь нам следует задуматься, а не является ли ошибкой сама наша парадигма, указывающая на присутствие непобедимого невежества. В данной ситуации наиболее подходящим действием является поиск альтернативной, лучшей парадигмы.

Однако все три горизонта — расширенное настоящее, знакомое и немысленное будущее — включают системы и подсистемы, которые либо находятся на грани ПВ, либо, по крайней мере, демонстрируют признаки ПС. Зачастую наша неопределенность и, следовательно, невежество

связаны с появлением постпривычных явлений. Таким образом, помимо понимания неопределенности и невежества, связанных с каждым горизонтом, наше исследование перспектив будущего и любые прогнозы, сценарии и видения, основанные на них, должны также пытаться принимать во внимание и работать с постпривычными возможностями, являющимися неотъемлемой частью всех трех горизонтов.

ПОСТПРИВЫЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ САМЫМИ ЯВНЫМИ И НАИБОЛЕЕ ЛЕГКО ОБНАРУЖИВАЕМЫМИ В *РАСШИРЕННОМ НАСТОЯЩЕМ*. ЭТО КАК **ЧЕРНЫЙ СЛОН** В КОМНАТЕ, КОТОРОГО ЛИБО НИКТО НЕ ВИДИТ, ЛИБО СТРЕМИТСЯ ИГНОРИРОВАТЬ. ИЛИ, ЕСЛИ ЕГО ПРИСУТСТВИЕ ПРИЗНАЕТСЯ, НИКТО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НЕ В СОСТОЯНИИ СПРАВИТЬСЯ С НИМ.

Винай Гупта отмечает: «**Черный слон** — это событие, которое очень вероятно и широко предсказывается экспертами, но люди пытаются выдать его за черного лебедя, когда оно наконец происходит. Обычно эксперты, предсказавшие данное событие — от экономического кризиса до пандемии гриппа — переходят из состояния маргинализации к снисходительному отношению, когда проблема в конце концов поднимает свою голову»[51]. В унисон с концепцией Гупты, Маркли предлагает использовать так называемые «козыри-II», которые представляют собой «высокую вероятность и значительную степень воздействия, по мнению экспертов, если нынешние тенденции сохранятся. При этом они будут обладают низким доверием для заинтересованных сторон, не являющихся экспертами...»[52]. Очевидным примером является концентрация углерода в атмосфере, недавно зафиксированная на уровне 400 пропромилле (ppm), уровень, накапливавшийся у человечества тысячелетиями и предвещающий огромные климатические изменения[53]. Хотя многие, в том числе подавляющее большинство амери-

[51] V. Gupta, 'On Black Elephants,' Available: http://vinay.howtolivewiki.com/blog/flu/on-black-elephants-1450 [Accessed: 27 April 2009].

[52] O. Markley, 'A new methodology for anticipating steep surprises,' *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 78, no. 6, pp. 1079–1097, July 2011. P. 1079.

[53] D. Biello, '400 ppm: Carbon Dioxide in the Atmosphere Reaches Prehistoric Levels,' 9 May 2013. Available: http://blogs.scientificamerican.com/ observations/2013/05/09/400-ppm-carbon-dioxide-in-the-atmosphere- reaches-prehistoric-levels/ [Accessed: 10 March 2015].

канцев, отрицают антропогенное изменение климата, научный консенсус настаивает на этом явлении. И одним из первых, кто озвучил данную проблему изменения климата под воздействием углекислого газа, был президент Джонсон в 1965 году[54].

По существу, черные слоны — это своего рода известные неизвестные, как говорит Рамсфелд, а пропасть между экспертным и общественным мнением добавляет комплексности и неопределенности проблеме[55]. Обычно события с высоким постпривычным потенциалом требуют коллективных глобальных действий, как это было, например, в случае с ликвидацией пандемии лихорадки Эбола в 2014 году. Черные слоны отражают постпривычную динамику *расширенного настоящего* и серьезно зависят от контекста. Их необходимо определять и/или сформулировать с разных точек зрения для того, чтобы уловить противоречия, присущие их возникновению. Наконец, черные слоны указывают на то, что присутствует ПО и, возможно, оно доминирует в определенной системе.

Популярная концепция Насима Николаса Талеба «***черный лебедь***» отражает суть знакомого будущего (его вариантов). В отличие от черных слонов расширенного настоящего, черные лебеди знакомого будущего не осознаются и не описываются даже экспертами. Они выглядят как «изгои» и появляются «неожиданно», как отмечает Талеб, с ними «связана опасность неверной оценки — как правило, мы сильно недооцениваем их, но временами столь же сильно переоцениваем»[56]. Черные лебеди — принципиально неведомые неизвестные и, в отличие от черных слонов, черные лебеди могут и, вероятнее всего, являются положительными феноменами, то есть их влияние может пролить свет на ранее невообразимые возможности, что им подходит более всего в сложной динамике *знакомого будущего* (его вариантов). Действительно, не раз утверждалось, что черные лебеди ответственны за некоторые из величайших социальных изменений в истории. Однако в равной степени они могут также иметь отрицательный характер и служить сигналом для появления ПС или ПВ. Таким образом, работа с черными лебедями требует более сложного уровня анализа.

Постпривычные явления нелегко предвидеть в *немысленном будущем* (его вариантах), но, конечно, они там существуют. Мы представляем постпривычный потенциал данного вида будущего ***черной медузой***. Как черные слоны и черные лебеди, черные медузы обладают высоким уровнем влияния. Но это «привычные» явления, приводящие к постпривычной

---

[54] См. D. W. Keith, 'Geoengineering the Climate: History and Prospect,' *Annual Review of Energy and the Environment*, vol. 25, pp. 245–284, 2000; Royal Society, *Geoengineering the climate science, governance and uncertainty*. London: Royal Society, 2009.

[55] E. Morris, *The Unknown Known*. Participant Media, 2014.

[56] Талеб, Нассим Николас. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. — 2-е изд., доп.; Пер. с англ. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020, стр. 239.

положительной обратной связи или ускоряющемуся росту, ведущему к системной нестабильности. Почему медузы? Изменение климата оказывает драматическое влияние на водные системы мира. Повышение температуры и кислотности океана создает идеальные условия для процветания медуз, что приводит к перебоям в работе прибрежных электростанций по всему миру, в том числе ядерных реакторов[57]. Олицетворяя странность, присущую *немысленному будущему*, медузы также известны тем, что «подрывают крупнейшие в мире вооруженные силы и разжигают политические беспорядки»[58]. Они демонстрируют, как незначительные вещи могут иметь серьезное влияние благодаря положительной реакции. Массовое размножение медуз — идеальная иллюстрация постпривычных явлений в *немысленном будущем* (его вариантах).

В категориях Рамсфелда, черные медузы — это неизвестное известное, которое, как мы думаем, мы знаем и понимаем, но которое оказывается более сложным и неопределенным, чем мы ожидаем. Сосредотачивая нашу концепцию вокруг эскалации размножения медуз, мы стремимся привлечь внимание к масштабу: в *немысленном будущем* нам нужно исследовать мелочи, представлять их крупномасштабное влияние, а также их влияние с течением времени на несколько перекрывающихся систем. По сути, черная медуза рассказывает о том, как привычные ситуации и события становятся постпривычными, как они видоизменяются через ПС, становясь взаимосвязанными, взаимопереплетающимися, комплексными и противоречивыми.

В этом смысле концепция черной медузы глубоко перекликается с основополагающей работой Молитора по анализу назревающих проблем. Мы представляем черную медузу как определенно «каталитическое событие», предвещающее непредвиденные возможности, хотя мы не считаем, что все они должны следовать знаменитой модели изменений S-образной кривой[59]. Эта кривая полезна для картирования воздействия единичного события или влияния, но не улучшает наш «радар/гидролокатор [...] для определения новых элементов, которые либо появились с момента составления карты [исследуемой территории], либо находятся в движении»[60]. Как и в случае с концепцией будущего де Жувенеля, «нет момента, в который мы могли бы “исчерпывающе” перечислить “черных медуз”»[61].

---

[57] L. A. Gershwin, *Stung!: on jellyfish blooms and the future of the ocean*. Chicago: The University of Chicago Press, 2013.

[58] J. A. Sweeney, ‘Signs of Postnormal Times,’ *East-West Affairs: A Quarterly Journal of North-South Relations in Postnormal Times*, vol. 1, no. 3/4, pp. 5–12, December 2013. P. 6.

[59] G. T. T. Molitor, ‘How to Anticipate Public-Policy Changes,’ *S.A.M. Advanced Management Journal*, Summer 1977.

[60] W. L. Schultz, ‘The cultural contradictions of managing change: using horizon scanning in an evidence-based policy context,’ *Foresight*, vol. 8, no. 4, pp. 3–12, July 2006. P. 7.

[61] B. de Jouvenel, *The Art of Conjecture*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1967, p. 19.

В совокупности мы называем черных слонов, черных лебедей и черных медуз «зверинцем постпривычных возможностей» (далее зверинец), цель которого — одновременно сосредоточить наше внимание на постпривычных возможностях 33. Однако зверинец не следует рассматривать как подборку или набор предполагаемых «козырей». Обращаясь к критической важности использования оказывающих разрушительное воздействие примеров в рамках консультативного форсайта, Барбер утверждает: «Моделирование "козыря", расширяющего кругозор клиента, обеспечит необходимую основу, позволяющую выгодно использовать многие другие методы и инструменты форсайта»[62]. Хотя мы считаем, что моделирование постпривычных возможностей имеет решающее значение для надежного и в конечном итоге успешного форсайта, мы избегаем использования термина «козырь», поскольку данное определение немедленно помещает человека в ограничительные рамки управления рисками. Если что-то и является истинным в ППВ, так это то, что наши стремления командовать и контролировать будут только усиливать собственное невежество и укреплять неопределенность, а мы не в состоянии будем управлять рисками или нашим восприятием рисков, начиная с «неизбежных сюрпризов»[63] до вещей, которые остаются непомысленными. В ППВ правила игры изменились до такой степени, что все карты потенциально могут стать козырными. Поэтому мы должны, как утверждает Миллер, получить знания в отношении исследований перспектив будущего и повысить «сложность наших систем прогнозирования», используя «будущее, чтобы задавать вопросы, распаковывать, изобретать то, что происходит в данный момент, и то, что выполнимо сейчас»[64]. Мы верим в то, что наш зверинец, как слаженный коллектив, занимается тем, что ставит под сомнение глубоко укоренившиеся убеждения, выявляет устоявшиеся противоречия и порождает новые идеи.

Работа с 33

Структура 33 выполняет три определенные функции: помогает нам исследовать альтернативные варианты будущего с упором на множественность и постпривычные возможности; формирует критику существующих прогнозов и экстраполяцию; структурирует и форматирует политики, специально предназначенные для навигации в постпривычное время. Будет полезно, если мы сформулируем набор конкретных вопросов для каждого горизонта будущего:

---

[62] M. Barber, 'Wildcards — Signals from a Future Near You,' *Journal of Futures Studies*, 11 (1), August 2006, pp. 75–94. P. 79.

[63] P. Schwartz, *Inevitable surprises: thinking ahead in a time of turbulence*. New York: Gotham Books, 2001.

[64] R. Miller, 'Futures literacy: A hybrid strategic scenario method,' *Futures*, vol. 39, no. 4, pp. 341–362, May 2007. P. 27-28.

Расширенное настоящее:

- Какие тренды заложены в расширенном настоящем?
- Чего мы не знаем? (Простое невежество.)
- Каковы поверхностные неопределенности расширенного настоящего?
- Какие очевидные опасности мы игнорируем?
- Есть ли элементы расширенного настоящего, демонстрирующие ПО?
- О каких проблемах/вещах люди боятся, смущаются и/или считают неудобным говорить? Другими словами, какие черные слоны смотрят прямо на нас?
- Какие полилоги нам нужны, чтобы изучить влияние потенциальных черных слонов?

Знакомое будущее:

- Какие представления о будущем и тренды «тянут» нас к этому горизонту?
- Что эти знакомые варианты будущего говорят нам о том, что нам, возможно, нужно знать, т. е. указывают на преодолимое невежество?
- Что мы понимаем под неглубокой неопределенностью данного знакомого будущего?
- Есть ли в этом будущем элементы с постпривычным потенциалом?
- Что, по мнению людей, никогда не произойдет? Другими словами, что такое черные лебеди?
- Какой полилог нам необходим для изучения влияния потенциальных черных лебедей?

Немысленное будущее:

- Какие аксиомы и предположения выведены в проекциях и прогнозах на данном горизонте?
- Можем ли мы считать эти аксиомы и допущения вескими, столкнувшись с глубинной неопределенностью и непобедимым невежеством?
- Какие элементы немысленного будущего обладают постпривычным потенциалом?
- Что может быстро перерасти во что-то новое, обладающее очень серьезным влиянием? Другими словами, есть ли какие-нибудь черные медузы с признаками ПС?
- Созрели ли условия для ПВ? Что должно произойти, чтобы усилить ПВ?
- Какой полилог нужно развивать, чтобы изучить потенциальные последствия появления черной медузы?

Формирование политики, помогающей выжить в ППВ требует понимания пространственно-временной одновременности 33. Также необходимо понимание невежества и неопределенности, связанных с каждым

горизонтом, а также понимание контекстных элементов, которыми могут быть целые системы или подсистемы с потенциалом постпривычного развития, т. е. то, что мы определили как *черные слоны, черные лебеди* и *черные медузы*. Любая политика, направленная на использование будущих возможностей, должна учитывать все это. В совокупности три разновидности невежества и неопределенности, а также зверинец указывают на ПС, т. е. процесс, в результате которого привычные для нас вещи и события становятся хаотичными, превращаясь постпривычные.

Чтобы изучить ПС, люди, принимающие решения и определяющие политику, должны изучить нюансы комплексности системы, проверить, существует ли в системе взаимосвязь, проявляет ли она очевидные противоречия. Они должны определить потенциальные возможности получения положительной обратной связи. Если эти четыре фактора присутствуют, вполне вероятно, что система станет постпривычной. Во многих системах есть институты и структуры, которые уже настолько комплексны и взаимосвязаны, что могут выйти из строя в любой момент. Среди них, например, финансовые рынки и инфекционные заболевания.

Вообще, ПС развивается в три этапа. На уровне первой фазы система уже является комплексной и взаимосвязанной, но функционирует нормально. Однако это не означает, что она всегда будет продолжать работать в обычном режиме. Любое небольшое изменение или возмущение в ней, которое может возникнуть из-за игнорирования определенного уровня невежества или неопределенности, в состоянии быстро привести к последствиям, которые нельзя будет контролировать, что породит тем самым постпривычность. В системе также могут присутствовать черный слон или черный лебедь. На уровне второй фазы возникает положительная обратная связь, и, возможно, активируется постпривычный потенциал. Тогда система начинает проявлять признаки хаоса. Третья фаза наступает вместе с началом хаоса, и происходит превращение системы в постпривычную. Для каждого этапа необходимы разные политики.

Что мы можем делать, когда система начинает демонстрировать ПС? На первом этапе лучшим вариантом является ее упрощение: комплексность обрекает нас на ограниченные и неопределенные знания и необходимость упрощения. В нашем глобализированном мире нет закрытых систем. Все системы открыты, и открыты они для взаимосвязи. Но даже в открытых системах есть (ненужные) связи, количество которых можно уменьшить, что приведет к снижению их комплексности. Здесь нам необходимо знать о деликатной зависимости: любое вмешательство, такое как плохо продуманная политика, протест, конфликт, акт грубой несправедливости, разрушительное воздействие на окружающую среду, может ускорить переход системы в постпривычное состояние. Более того, нам также необходимо идентифицировать определенные элементы системы с

постпривычным потенциалом: что выступает в роли черных слонов, которых нужно срочно удалить из комнаты. В нашем глобализированном мире все национальные правительства представляют собой комплексные, взаимосвязанные системы, а черные слоны расположились на переломном этапе к постпривычности. Об этом прямо говорит недавнее внимание к возникшему в Европе и Азии кризису с мигрантами. На втором этапе, когда положительная обратная связь сработала, нам нужно обратить внимание на моменты, усиливающие положительную обратную связь. В любой динамической системе будет ряд факторов — политика, противоречия, кампании, протесты, конфликты, цифровые медиа, новые технологии, социальные изменения, смена власти — которые будут создавать и усиливать положительную обратную связь. И именно в их контексте система имеет тенденцию развиваться независимо от начальных условий, а также правильности или неправильности конкретной проблемы.

Чтобы система не перешла в постпривычный режим, нам необходимо определить и, если возможно, заблокировать пути получения положительной обратной связи, исследовать системные взаимосвязи и выявить противоречия. Есть вполне законное чувство настоятельной необходимости, но оно не должно вести к непродуманной реакции. Акцент должен быть сделан на более глубоком анализе, интеграции множественности и разнообразия, а также на качестве. Это требует одновременно как действий по упрощению, так и усложнению системы. Нам нужно «усложнить», потому что сложные системы могут обрабатываться только другими сложными системами[65]. Более того, все это должно происходить в условиях *преодолимого невежества* и *неглубокой неопределенности*. Это требует, как отмечает Стирлинг, «более строгого подхода к оценке неполных знаний, стремления избежать соблазна рассматривать каждую проблему как гвоздь риска, который должен быть уменьшен вероятностным молотком. Вместо этого экспертам следует уделять больше внимания забытым областям неопределенности, а также более серьезным проблемам двусмысленности и невежества»[66]. Когда система достигнет третьей фазы, мы действительно ничего не сможем сделать, кроме как, возможно, продолжить устранение имеющихся в ней противоречий, пытаясь максимально уменьшить положительную обратную связь.

Формирование постпривычной политики (далее ЗП), то есть политики, расширяющей наши возможности для навигации по ППВ, не связано с управлением и контролем. Эти уже излишние и даже опасны для понимания понятия. Скорее цель ЗП состоит в том, чтобы осознать свое невежество в трех его разновидностях, понять комплексность и неопределенности,

---

[65] D. Isaksson, 'Global Disorders — A New Global Order?,' *Development Dialogue*, no. 62, 2014.

[66] A. Stirling, 'Keep it complex,' *Nature*, vol. 468, no. 7327, pp. 1029–1031, December 2010.

связанные с этим, предвидеть постпривычные возможности и, таким образом, наметить жизнеспособный, пусть даже и горький, но путь вперед.

Функция традиционной политики состоит в том, чтобы направлять решения для достижения заранее определенных рациональных результатов, и весь процесс предполагает линейную причинно-следственную связь между действием и результатом. Однако постпривычная политика не предлагает наличие такой роскоши. Ее основная функция — работать с постпривычным сползанием, и, по возможности, предотвращать его, чтобы привлечь внимание к практическим сложностям, ставящим перед нами не только важные вопросы, но и фундаментальные проблемы, и, таким образом, помогать нам выстраивать курс и ориентироваться в постпривычном будущем. Хотя считается, что уже есть ряд примеров новаторских политических инициатив, таких как предоставление статуса юридического лица реке Уонгануи[67] или рост количества омбудсменов будущих поколений, нам еще предстоит увидеть появление постпривычной политики.

Место Трех завтра в сфере исследований перспектив будущего

В то время как исследования перспектив будущего подчеркивают альтернативы, многие методы этой дисциплины, а также форсайта редко включают плюрализм и разнообразие в свои рамки, и еще меньше (если такие вообще есть) подчеркивают динамичный и объединяющий характер будущих возможностей или указывают на невежество и неопределенности, с которыми мы постоянно сталкиваемся. В ответ на возникающую в связи с этим потребность многие практики и исследователи придумали «миксы», «комбинируя и разделяя различные методы для улучшения результатов»[68]. Рамки 3З предлагают именно такой многоуровневый подход, который может служить полезным инструментом критики и изучения критических вариантов будущего или быть использованным для «критического усложнения» альтернативных вариантов будущего[69]. 3З также может служить аналитическим инструментом для локации и контекстуализации трендов, назревающих проблем и представлений о будущем (его вариантах), включая комплексные прогнозы для конкретных горизонтов. Мы считаем, что данный метод может служить дополнением ко многим, если не большинству, другим методам и исследованиям перспектив будущего, включая подход «Три горизонта».

---

[67] D. Isaksson, 'Global Disorders — A New Global Order?,' *Development Dialogue*, no. 62, 2014, p. 52.

[68] A. Curry and W. Schultz, 'Roads Less Travelled: Different Methods, Different Futures,' *Journal of Intercultural Studies*, vol. 13, no. 4, pp. 35–60, May 2009. P. 58.

[69] H. Keune, 'Critical complexity in environmental health practice: simplify and complexify,' *Environmental Health*, vol. 11, no. 1, p. S19, 2012. P. 4.

Начиная с моделирования сценариев и построения *ви*дения, до ретрополяции и кросс-матричного анализа, 3З может усилить процесс анализа, формулирования и/или отображения невежества и неопределенности. Мы уже имеем опыт принятия нашего «зверинца» одним британским правительственным отделом по вопросам форсайта, который интегрировал его в свой процесс взаимодействия с заинтересованными сторонами. Мы разработали структуру 3З так, чтобы она *л*егко воспринималась и была плюралистичной. Как таковая она помещает будущее в контекст одновременно возникающих альтернатив, которые кажутся далекими, но вечно присутствующими. Таким образом подчеркивается сложность и обращается наше внимание на незнание и неуверенность на каждом этапе. Метод 3З стремится постоянно *д*ержать наше внимание на *немысленном*, заставляя нас задаваться соответствующими вопросами, а также подвергая сомнению наши предположения, ценности и основные аксиомы. И наконец, данный подход пытается предоставить нам пространство *д*ля формулирования постпривычных возможностей — черных слонов, черных *л*ебедей и черных медуз — помогающих нам сосредоточиться на противлении, подразумевающем как противоречивое сопротивление определенного контекста, не желающего видеть впереди стоящие задачи, так и в смысле формирования противодействия подобного рода близорукости. Хотя в основе форсайта *л*ежит адаптация к грядущим изменениям и использование их преимуществ, мы также считаем, что важнейший аспект 3З сосредоточен на том, что мы *д*олжны сохранить. И множество коренных народов продолжают воплощать в себе этот *д*ух.

В эпоху постпривычного времени расширение границ вероятного требует нового мышления, подпитываемого творческим подходом и воображением. Мы *д*олжны уметь справляться с комплексностью и неполным знанием, объединять то, что разделено, и заниматься взаимосвязями и взаимозависимостью. Таким образом, наш подход *д*олжен быть одновременно радикальным и скромным, чтобы быть реалистичным и эффективным. А творчество и воображение, как утверждал Монтуори, *д*олжны перейти от индивидуалистического/атомистического взгляда на современность к более контекстуальному, партнерскому, комплексному подходу и порвать с мифом о гениальности и вдохновении, *л*ежащем в основе философии, этики и действий[70]. Это то направление, куда в конечном итоге ведет нас концепция 3З — направление *немысленного*.

[70] A. Montuori, 'Beyond postnormal times: The future of creativity and the creativity of the future,' *Futures*, vol. 43, no. 2, pp. 221–227, March 2011.

Заразительное подключение: иллюстрация «трех завтра»

Джон А. Суини

До 2011 года городок Лерой, штат Нью-Йорк, был известен исключительно тем, что являлся родиной знаменитого, хотя и не самого любимого американского желатинового десерта «*Jell-O*», и тем, что в нем разместился музей этого деликатеса. Но все изменилось, когда группа, включавшая нескольких девочек-подростков и одного парня из средней школы (Leroy High School) начала демонстрировать неконтролируемые спазмы, тики, судороги и заикание. На пике странной вспышки 20 человек, в том числе те, кто не являлся учащимися этой школы, страдали от симптомов синдрома Туретта. Сообщения в местных средствах массовой информации быстро превратились в общенациональную новость, и многочисленные эксперты, мгновенно возникшие, представили множество теорий причины появления симптомов. Среди наиболее популярных были инфекция, загрязнение окружающей среды и болезнь Лайма.

Углубленное исследование, проведенное Департаментом здравоохранения штата Нью-Йорк, показало следующее: «Медицинские сотрудники и учреждения общественного здравоохранения, участвовавшие в настоящем расследовании, считают, что указанная группа случаев является результатом конверсионного расстройства/массового психогенного заболевания»[1]. Диагноз «массовое психогенное расстройство» (далее МПР),

[1] New York State Department of Health. (2012). *Investigation of neurologic symptoms among Le Roy Jr/Sr High School students*, October 2011-January 2012: Interim report. Retrieved from www.health.ny.gov/press/ releases/2012/leroy/docs/investigation_summary.pdf

который раньше назывался массовой истерией, не лишен противоречий (и критики со стороны недоброжелателей), особенно потому, что Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (далее ДСР) не предлагает конкретных рекомендаций. Другими словами, постановка диагноза полностью субъективна.

Действительно, диагноз так же загадочен, как и сама болезнь, и публичное заявление о МПР мало помогло подавить шумиху, поднятую СМИ вокруг вспышки, что только ухудшило ситуацию, послужив фактором, способствующим распространению инфекции[2]. Как сообщил Даймон, «некоторые считают, что вспышка болезни в Леройе была прямым результатом видеороликов, размещенных на YouTube Лори Браунелл, девушкой, страдавшей тяжелыми тиками, и проживавшей в Коринфе, штат Нью-Йорк, в 250 милях к востоку от Лероя»[3]. В первичных отчетах отмечалось, что первая группа девочек-подростков, которые столкнулись с данной проблемой, смотрела видео на YouTube и имитировала увиденное. В разгар инцидента доктор Дэвид Лихтер, профессор неврологии из Университета Буффало, дал следующий комментарий одному местному новостному каналу: «Я думаю, что у вас есть потенциал влиять на людей, подключающихся к интернету и наблюдающих за поведением других учащихся. Также я думаю, что вполне вероятно распространение влияния данного явления за пределы непосредственной контактной группы»[4].

Предчувствие доктора Лихтера, похоже, оправдалось, когда у Марджи Фитцсиммонс, 36-летней медсестры, которая не имела прямого контакта ни с одним из пострадавших школьников, начали проявляться те же симптомы, по-видимому передававшиеся через социальные сети, которые были основным средством доступа, получения и обновления информации о пострадавших. И снова, как сообщает Даймон, «*Facebook* не только увеличивал распространение болезни среди новых людей, но и усугублял стресс и, следовательно, симптомы у тех, кто уже пострадал»[5]. Размышляя об инциденте в Леройе и о том, как могут распространяться будущие вспышки МПР, доктор Роберт Бартоломью, социолог, специализирующийся на случаях МПР, обрисовал зловещую перспективу: одним из «гораздо более масштабных и глобальных эпизодов (если только мы быстро

---

[2] Abbott, M. (2014, June 26). *When social media makes something go viral in real life*". Retrieved from www.huffingtonpost.com/megan-abbott-/dont-look-now-social-medi_b_5534200.html

[3] Dimon, L. (2013, September 11). "What witchcraft is Facebook?" *The Atlantic*. Retrieved from www.theatlantic.com/health/archive/ 2013/09/what-witchcraft-is-facebook/279499/

[4] Admin wkbw. 2012. "Social Networking to Blame for Spreading LeRoy Illness?" February. www.wkbw.com/news/Social-Networking-to-Blame- for-Spreading-LeRoy-Illness-138821059.html

[5] Dimon, L. (2013, September 11). "What witchcraft is Facebook?" *The Atlantic*. Retrieved from www.theatlantic.com/health/archive/ 2013/09/what-witchcraft-is-facebook/279499/

не поймем, как социальные сети это делают) является их роль в качестве основного вектора и агента распространения конверсионного расстройства впервые за всю историю человечества»[6]. Как можно обрисовать такие возможности в будущем? Взгляд в прошлое может быть полезен для размышлений о вероятностных перспективах будущего.

Летом 1518 года множество людей в Страсбурге вышли на улицы для того, чтобы пуститься в пляс. Никакого особого случая или праздничной даты, которые могли бы вдохновить их на это, не было; они были просто необъяснимым образом вынуждены это сделать. Неизвестная сила довела некоторых до смерти, и эта внезапно и быстро поразившая людей зараза, привела город и его окрестности в ужас. Танцевальная чума 1518 года была не первой подобного рода пандемией, поразившей Европу в Средние века, но она является одной из самых известных и хорошо изученных. Что заставило 400 человек погрузиться в безумие танца? Как объясняет Уоллер[7],

Это была истерическая реакция. Но такое могло произойти только в культуре, пропитанной особым видом сверхъестественного. Жители Страсбурга *вытанцовывали* свои страданиями из-за непоколебимой веры в гнев Бога и Его святых: это было патологическое выражение отчаяния и благочестивого страха.

Предположения Уоллера о причинах Танцевальной чумы являются одними из самых известных, но автор, написавший две монографии об инциденте 1518 года, также не преминул упомянуть о том, что еще очень многое остается неизвестным и что современные диагнозы таких явлений продолжают носить явно спекулятивный характер. Опять же, отмечает Уоллер,

В эпоху, когда преобладают объяснения на основе генетики, Танцевальная чума напоминает нам, что симптомы психических заболеваний не являются постоянными и неизменными, но могут варьироваться через изменение культурной среды. В то же время феномен танцевальной мании во всей ее богатой извращенности обнаруживает крайности, к которым нас могут привести страх и сверхъестественность[8].

---

[6] Dimon, L. (2013, September 11). "What witchcraft is Facebook?" *The Atlantic*. Retrieved from www.theatlantic.com/health/archive/ 2013/09/what-witchcraft-is-facebook/279499/

[7] Waller, J.C. (2008). In a spin: The mysterious dancing epidemic of 1518." *Endeavour, 32*(3), 117–21. doi:10.1016/j.endeavour.2008.05.00.

[8] Waller, J. (2009b). A forgotten plague: Making sense of dancing mania. *The Lancet, 373* (9664), pp. 624-625.

В то время как Уоллес фокусируется на сверхъестественности как основе определения психосоциальных условий Танцевальной чумы, поразившей Страсбург, другие отмечают множество эпигенетических факторов и переменных. Однако каждый, кто пишет о разновидностях Танцевальной чумы, в конечном итоге возвращается к рассуждениям о психосоциальном состоянии пострадавших танцоров. Как отмечают Дональдсон, Кавана и Рэнкин[9],

Возможно присутствовало влияние диетических, токсикологических и инфекционных компонентов. Тем не менее, похоже, это было психологическое расстройство, возникшее на фоне предрасполагающих культурных особенностей, и вызванное неблагоприятными социальными обстоятельствами — признак давно минувших времен.

Если причиной возникновения подобных случаев является культурный контекст, то как это может помочь понять, что произошло в Леройе? Учитывая огромную популярность и растущее распространение социальных сетей, можно ли считать данный интерфейс культурным контекстом? Какие аффекты могут проявиться в инцидентах будущих перспектив?

Несмотря на стремительный рост популярности социальных сетей и оставшиеся без ответа вопросы, связанные с такими инцидентами, как в Леройе, многие, если не большинство, сценариев будущего Всемирной паутины (далее WWW) воздерживаются от включения в свое повествование аффективных явлений. Я намеренно выбрал реже используемое обозначение *WWW*, а не *интернет*, поскольку первое понятие определяет основные, но не единственные, средства доступа и обмена цифровой информацией, а не физическую инфраструктуру. Хотя одно явно нуждается в другом для существования. Также стоит отметить, что данный анализ не зависит от объемных технических выкладок, которые необходимы для загрузки видео на YouTube или для публикации статуса в Facebook с помощью смартфона. Как раз наоборот. Ни одно из этих действий не смогло реализоваться и не существовало бы без ускорения прогресса в материальной составляющей интернета, которая имеет свой собственный набор аффектов. При этом большинство тех, кто имеет доступ к WWW, как правило, входят в контакт с подобного рода механизмами только через освещенные экраны разного размера, стоящие перед ними. Как отмечает Гэллоуэй, «культура новых медиа с открытым исходным кодом сегодня действительно означает только одно — открытые интерфейсы»[10]. И именно сияющий экран перед нами оказывает наибольший *аффект* на нас. Это означает, что человечество само

[9] Donaldson, L. J., Cavanagh, J., & Rankin, J. (1997). The dancing plague: A public health conundrum." *Public Health, 111*(4), pp. 201–204.
[10] Galloway, A. R. (2012). *The interface effect*. Cambridge, uk: Polity.

по себе является открытым интерфейсом, связанным с целым рядом аффектов, включая заразительное подключение.

Предлагая полезную схему аффекта, в которой различаются эмоции, чувства и сам контекст заразительной подключенности, Массуми утверждает:

> Используйте термин «эмоция» для персонализированного контента, а «аффект» для расширенного. Эмоции контекстуальны. Аффект ситуативен. Событийно он не соответствует контексту. Так и должно быть: аффект транс-ситуативен. Находясь одновременно в нем и за его пределами, аффект доминирует в определенном моменте. Он как до-, так и постконтекстуален, как до-, так и постличностен. Он избыток непрерывности, вкладываемый только в текущее — в самого себя[11].

Аффект стал популярным понятием среди теоретиков, поскольку указывает на присущую нам пластичность как «пористо-открытых систем»[12]. Как поясняет Хеммингс, «[Аффект] передается другим и удваивается, увеличивая свою первоначальную интенсивность. Таким образом, можно сказать, что аффект помещает человека в круговорот чувств и реакций [...]»[13]. Бросая вызов гегемонии агентивности, аффект предполагает множество социальных и политических последствий. Наиболее глубоким из них является то, что наши мозг и тело настолько восприимчивы к целому ряду эпигенетических сил, что сами категории, используемые для обозначения индивидуальности — а порой они представляют собой основы прав и гражданства — в лучшем случае неоднозначны, если не совершенно произвольны. В нашем слишком современном мире эта пластичность является неотъемлемой составляющей как причины, так и следствия заразительных подключений. Для многих они выражаются в неотвязном желании проверить свою электронную почту, в желании нажать функцию обновления на своей страничке в соцсети, которую только что загрузили, или в ночной фрустрации, сопровождаемой ворочанием из стороны в сторону, когда успокоение наступает только от мягкого свечения знакомого экрана. Для других заразительное подключение представляет собой то, что случилось с Мардж Фитцсиммонс; нервно-соматический импульс жить вдали от современного мира; стремление к цифровому будущему, бремя прошлого всего человечества, или что-то среднее, что может и в состоянии сформировать то, что

---

[11] Massumi, B. (2002). *Parables for the virtual: Movement, affect, sensation*. Durham: Duke University Press Books.

[12] Dator, J. A., Sweeney, J. A., & Yee, A. M. (2015). *Mutative Media*. Lecture Notes in Social Networks. Cham: Springer International Publishing. http://link.springer.com/10.1007/978–3-319–07809–0

[13] Hemmings, Clare. 2005. “Invoking Affect: Cultural Theory and the Ontological Turn”. *Cultural Studies* 19 (5), pp. 548–567.

находится прямо за горизонтом. Таким образом, заразительная подключенность есть не что иное, как воплощенный аффект — транс-ситуативный контекст для наших слишком человеческих тел, взаимодействующих с «мутирующими» медиа в расширенном настоящем и в ряде альтернативных вариантов будущего[14].

Может ли аффект объяснить вспышку в Леройе? Может ли Всемирная паутина заразить кого-либо? Можно ли воспользоваться заразительной подключенностью или даже превратить ее в оружие? Ряд сценариев будущего развития интернета сосредоточены на электронном здравоохранении[15], большинство предполагает обширный ряд возможностей кибербезопасности[16], и очень немногие, если таковые вообще имеются, поднимают проблему последствий заразительной подключенности, даже несмотря на то, что данный вопрос является центральным для тех, кто стремится извлечь выгоду из нашего слишком проницаемого человечества. Как сообщает Сэмпсон: «Заразительные эмоции, чувства и аффекты, по сути, стали излюбленной точкой притяжения внимания опыт-дизайнеров и нейромаркетологов»[17]. От одобренного Facebook, но скрытого от пользователей эксперимента над их эмоциями[18] до появления интернет-лагерей для голодания в Японии[19], аффективное воздействие Всемирной паутины никогда еще не было столь ощутимым.

---

[14] Dator, J. A., Sweeney, J. A., & Yee, A. M. (2015). *Mutative Media*. Lecture Notes in Social Networks. Cham: Springer International Publishing. http://link.springer.com/10.1007/978–3-319–07809–0

[15] Burns, A., & McGrail, S. (2012). Australia's potential Internet futures: Incasting alternatives using a new technology images framework. *Journal of Futures Studies, 16*(4), pp. 33–50.

[16] См. Burns, A., & McGrail, S. (2012). Australia's potential Internet futures: Incasting alternatives using a new technology images framework. *Journal of Futures Studies, 16*(4), pp. 33–50; Creech, H., Andjelkovic, M., Vetter, T., MacLean, D., Rothman, D., & Vergragt, P.J. (2009). *Mapping the future of the Internet onto global scenarios: A preliminary view*. Winnipeg, Canada: International Institute for Sustainable Development; Rueda-Sabater, E., & Derosby, D. (2011). The evolving Internet in 2025: Four scenarios. *Strategy & Leadership,* 39(1), pp. 32–38. doi:10.1108/10878571111095402.

[17] Sampson, T. D. (2012). *Virality: Contagion theory in the age of networks*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

[18] См. Kramer, A. D. I., Guillory, J. E., and Hancock, J. T. (2014). Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences,* 111 (24), 8788–8790. doi:10.1073/pnas.1320040111; Meyer, R. (2014, June 28). Everything we know about Facebook's secret mood manipulation experiment. *The Atlantic*. Retrieved from www.theatlantic.com/technology/archive/2014/06/everything-we-know- about-facebooks-secret-mood-manipulation-experiment/373648/

[19] Samakow, J. (2013, August 28). "Japan Internet 'fasting camps' aim to treat screen-addicted kids." *Huffington Post*. Retrieved from www.huffingtonpost.com/2013/08/28/japan-internet-fasting- camp_n_3824697.html?

Используя объектив постпривычного времени для исследования заразительной подключенности в WWW, настоящая работа предлагает применение нового форсайт метода для изучения назревающих сил и проблем, которые будут подталкивать и определять развитие WWW в предстоящие годы. Разработанная в 2010 году Сардаром концепция постпривычного времени утверждает, что мы живем в «промежуточный период, когда старые ортодоксы умирают, новые еще не родились, и очень немногое, кажется, имеет смысл»[20]. Данный глобальный феномен переживается в каждом отдельном месте по-разному и не предполагает, что существует такая вещь, как «привычное» в абсолютном смысле. Скорее, он направлен на то, чтобы побудить критически взглянуть на нормативные конструкции и восприятия, при этом освещая часто неявное ощущение, которое многие, если не большинство, имеют в отношении текущих изменений в настоящем и того, что находится прямо за горизонтом.

Насколько постпривычно время?

В конце сентября 2013 года третий энергоблок АЭС Оскарсхамн в Швеции был вынужден прекратить работу. Внезапное закрытие Оскарсхамна, крупнейшего в мире кипящего ядерного реактора и крупнейшего ядерного объекта в Северном регионе, вызвало немало удивлений, особенно после продолжающегося, неурегулированного кризиса на Фукусиме. Хотя рабочие Оскарсхамна быстро исключили возможность аварии на Балтике, причина остановки на самом деле вызывает гораздо бо́льшее беспокойство: массовый рост популяции лунных медуз привел к засору водозаборного трубопровода, обеспечивающего охладительную воду для блока мощностью в 1400 мегаватт[21]. Хотя инцидент в Оскарсхамне привлек значительное внимание средств массовой информации, это был не первый случай, когда медузы, которые на самом деле представляют собой обводненную соединительную ткань и относятся к беспозвоночным, повлияли на работу третьего блока. В 2005 году атомный реактор, который вырабатывает примерно 10% энергии Швеции, был вынужден отключить подачу электричества по той же причине. Данное явление не ограничивается Оскарсхамном, поскольку массовое распространение медуз привело к аналогичным остановкам на ядерных объектах в Соединенных Штатах, Израиле, Шотландии и Японии. Медузы не только нанесли ущерб электросетям, но и стали причиной переноса месторасположения крупных кинокомпаний, а также вызвали головную боль у организаторов

[20] Sardar, Z. (2010). Welcome to Postnormal Times. *Futures,* 42(5), 435–44. doi:10.1016/j.futures.2009.11.028.

[21] Guilford, G. (2013, October 15). "Jellyfish are taking over the seas, and it might be too late to stop them". *Quartz*. Retrieved from http://qz.com/133251/jellyfish-are-taking-over-the-seas-and-it-might-be-too- late-to-stop-them/

морских спортивных мероприятий, включая Олимпийский комитет Сиднея. Эти непокорные беспозвоночные известны еще и тем, что подрывают крупнейшую в мире военную мощь и разжигают политическую напряженность.

В 2006 году американский корабль «*Рональд Рейган*», который в то время был самым передовым военно-морским судном в мире, испытал то, что командующий военно-воздушными силами США назвал «серьезным случаем обрастания», когда судно стояло в доке в Брисбене, Австралия[22]. Хотя этот корабль и его команда из 6000 человек обладали тактическими возможностями для поражения небольшой страны, возросшая популяция медуз забила систему охлаждения «*Рейгана*», вынудив прекратить все действия на борту и отправить корабль назад в море. В 1999 году назойливые беспозвоночные привели к закрытию угольной электростанции Суал в Лусоне, на Филиппинах. Кратковременное отключение электроэнергии оставило без электричества 40 миллионов человек и вызвало «опасения, что давно бродившие слухи о военном перевороте скоро сбудутся»[23]. Хотя отключение продлилось всего десять минут, президент Эстрада выступил с заявлением, в котором гарантировал общественности, что отключение электроэнергии «не является частью попытки дестабилизировать правительство»[24].

Возможно, больше всего беспокойства в этих странных явлениях вызывает то, что ожидается их увеличение по мере одновременного действия таких факторов, как чрезмерный вылов рыбы, загрязнение морской среды и повышение уровня кислотности и температуры в океане. Все это является результатом деятельности человека, создающей благоприятные условия для большего роста популяции медуз, особенно вблизи прибрежных районов, где расположены большинство из 430 коммерческих атомных электростанций мира[25]. В ответ на это нашествие ученые из Корейского института передовых технологий (Korea Advanced Institute of Science and Technology, KAIST) разработали плавающих роботов Jellyfish Elimination Robotic Swarm или JEROS. Эти автономные терминаторы медуз запрограммированы на поиск и уничтожение прибрежных

---

[22] Gershwin, L-A. (2013). *Stung!: On jellyfish blooms and the future of the ocean*. Chicago: The University of Chicago Press.

[23] Tucker, A. (2010, August). "Jellyfish: The next king of the sea." *Smithsonian Magazine*. Retrieved from www.smithsonianmag.com/ 40th-anniversary/jellyfish-the-next-king-of-the-sea-679915/

[24] "Dark days for Estrada." (1999, December 16). *The Economist*. Retrieved from www.economist.com/node/327446

[25] World Nuclear Association. (2015, February). "Nuclear power in the world today." February. www.world-nuclear.org/info/Current-and-Future- Generation/Nuclear-Power-in-the-World-Today/

популяций, которые только в Корее причиняют ущерб местному рыболовному промыслу примерно на 300 миллионов долларов в год[26].

Во всяком случае, эти странные события, а также некоторые реакции на них являются признаками того, что мы действительно живем в постпривычное время, эпоху, когда эскалация стала обычным явлением. Как отмечает Сардар, вдохновением для постпривычного времени является постпривычная наука, которая «характеризуется высокими ставками, неопределенными фактами, спорными ценностями и неотложными решениями, поэтому соотношение затрат и выгод неизменно вызывает ожесточенные споры. В такой ситуации признание со стороны коллег либо низкое, либо отсутствует, теоретические структуры основаны на статистической обработке и вводе данных, а неопределенность имеет тенденцию превратиться в невежество»[27]. В конце концов, постпривычное время требуют новых методов исследования и анализа, хотя бы для того, чтобы иметь дело с хаосом, противоречиями и комплексностью жизни в эпоху непокоряющейся неопределенности и ускоряющихся изменений. Как отмечает Сардар, «очевидно, что проблемы постпривычного времени не могут быть решены с помощью существующих инструментов. Они требуют нового мышления и нового образа действий [...]»[28]. Тем не менее легче сказать, чем сделать, т. е. найти новые и более эффективные способы навигации в постпривычное время, особенно когда многое нас окружающее, если не большая его часть, остается в пределах *сфабрикованного поля привычного*. Как поясняет Рао,

> Существуют действующие механизмы — сочетание естественных, возникающих и разработанных, — которые мешают нам осознать, что будущее действительно происходит в момент нашего говорения. Чтобы по-настоящему понять мир и то, как он развивается, вам нужно прорваться через это сфабрикованное поле привычного[29].

Для Рао сфабрикованное поле привычного представляет собой то, что удерживает человека от понимания постпривычного времени, хотя такие явления, как изменение климата и рост популяции медуз, делают все

---

[26] Gray, R. (2013, October 2). "Jellyfish shredding robot tested to control swarms." *Telegraph.co.uk*. Retrived from www.telegraph.co.uk/news/ newstopics/howaboutthat/ 10349839/Jellyfish-shredding-robot-tested- to-control-swarms.html

[27] Elahi, S. (2011). Here be dragons... Exploring the 'unknown unknowns.' *Futures,* 43(2), 196–201. doi:10.1016/j.futures.2010.10.008.

[28] Sardar, Z. (2010). Welcome to Postnormal Times. *Futures,* 42(5), 435–44. doi:10.1016/ j.futures.2009.11.028.

[29] Rao, V. (2012, May 9). "Welcome to the future nauseous." *Ribonfarm: Experiments in Refactored Perception*. Retrieved from www.ribbonfarm. com/2012/05/09/welcome-to-the-future-nauseous/

возможное, чтобы вызвать резкий сдвиг в нашем мышлении и действиях. На пересечении хаоса, противоречий и комплексности постпривычного времени лежит *постраннение*, присущее нашему историческому моменту. В этом пороговом состоянии невозможно вернуться к состоянию сфабрикованной привычности, т. е. нельзя просто перезагрузить настройку восприятия. Принимая во внимание вышеупомянутую структуру, Центр постпривычной политики и исследований перспектив будущего разработал новый метод анализа возникающих сил, подталкиваемых ключевыми концепциями, лежащими в основе постпривычного времени.

В традиционных работах по исследованиям перспектив будущего и стратегическому форсайту будущее часто делится на ближайшее, среднесрочное и отдаленное или, что еще хуже, на сценарии высокого, среднего и низкого будущего. Хотя в прошлом (и настоящем) данные подходы широко использовались для размышлений о будущем и для его моделирования, такое деления является слишком обширным, слишком общим и слишком простым. Ему не хватает необходимой комплексности самого мира, и поэтому оно не всегда в состоянии генерировать по-настоящему новые идеи и новые запросы. В постпривычное время нужно думать об альтернативных вариантах будущего с точки зрения конкретных кластеров взаимосвязанных завтра — сложной экологии возможностей того, что может ожидать нас впереди. Более того, вопросы гораздо важнее ответов, и исследования перспектив будущего страдают от непрекращающегося стремления к стратегической целесообразности, а не из-за критического и творческого анализа предположений, белых пятен и сфабрикованной привычности, которые оказывают огромное влияние здесь и сейчас, в расширенном настоящем и в ряде альтернативных вариантов будущего. Как утверждает Сардар,

> Уже недостаточно просто исследовать множество возможных вариантов перспектив будущего; нам также необходимо уделить серьезное внимание тому, как мы собираемся маневрировать в состоянии постпривычности [...], чтобы достичь разумного и жизнеспособного будущего. В целом футурологи всегда избегали обсуждения глубоких вопросов (обычно рассматриваемых как предмет философии) и сосредотачивались на анализе трендов, сканировании горизонта, построении глобальных моделей и создании сценариев, видений, образов альтернативного будущего[30].

Поскольку аффект указывает на то, что является наиболее хрупким в нашем пористо-открытом человечестве, степень, в которой мы продолжаем оставаться людьми в различных вариантах будущего, имеет

[30] Sardar, Z. (2015). Postnormal Times revisited. *Futures,* 67 (March), 26–39. doi:10.1016/j.futures.2015.02.003

решающее значение для этого анализа. Еще один вопрос, поднимаемый Сардаром, имеет решающее значение для понимания того, что может ожидать нас впереди: сегодня недостаточно говорить об альтернативных вариантах будущего, поскольку некоторые явления, такие как глобальное потепление, теперь должны быть включены во все сценарии, даже если они рассматриваются только в прошедшем времени в свете еще *немысленных* решений. Это намеренно неудобное обозначение сигнализирует о противопоставлении немыслимого и немысленного, или того, что заставляет нас мыслить за пределами наших текущих проблем, парадигм и предположений. Джим Дейтор недавно высказал аналогичное мнение относительно того, что он называет «НеСвятой троицей»[31] и «новой привычностью» для моделирования сценариев по методу школы Маноа[32]. Таким образом, данное исследование применяет намеренно *неудобное* будущее (и его варианты), чтобы способствовать двойному прочтению того, что грядет. С одной стороны, всегда есть перспективы будущего: множество возможных, но невероятных и неправдоподобных альтернативных вариантов будущего. С другой стороны, «конкретное будущее» предполагает необходимую соразмерность: общее пространство, определяемое коллективными проблемами и возможностями, прочно укладывающимися в динамику постпривычного времени. «Три завтра» (3З) являются методом для моделирования этой динамики и обеспечения более надежной основы и подхода для исследований перспектив будущего. Предоставляя средства для изучения взаимосвязанных альтернативных сценариев будущего различного масштаба и охвата, 3З использует какой-то феномен или тему (в нашем случае аффект и WWW), чтобы исследовать возможности, которые могут ожидать нас впереди. Таким образом, сценарии, созданные с использованием метода 3З, уделяют основное внимание назревающим проблемам и направлены на то, чтобы затронуть ранее *немысленные* проблемы и вопросы.

Моделирование *Трех завтра*

Первое завтра представляет собой всего лишь *расширенное настоящее*. Иными словами, это тренды и события, которые можно выявить сегодня, и которые будут определять будущее на следующие 10–15 лет. Это то, что имеет в виду большинство людей, когда использует слово «будущее». Однако это не означает, что расширенное настоящее не может попасть под влияние турбулентности постпривычного времени. Но в целом изменения в ближайшем будущем будут определяться динамикой настоящего. В этом сегменте, в котором преобладают тренды (мега- и другие) и

[31] Dator, J. (2009). The unholy trinity, plus one. *Journal of Futures Studies,* 13(3), pp. 33–48.
[32] Dator, J. (2014). 'New beginnings' within a new normal for the four futures. *Foresight,* 16(6): 496–511. doi: 10.1108/fs-09–2013–0046.

который наполнен слабыми сигналами, концепция Гупты о «черном слоне» улавливает суть данного горизонта. Он поясняет, что черный слон

> — это событие, которое с большой вероятностью широко предсказывается экспертами, но обычные люди пытаются выдать его за черного лебедя, когда оно наконец случается. Обычно эксперты, предсказавшие такое событие — от экономического кризиса до пандемии гриппа, — переходят из разряда маргиналов к испытывающим снисходительное к себе отношение, когда проблема, наконец, поднимает голову[33].

Таким образом, черные слоны, так сказать, уже находятся «в комнате», поэтому они являются неотъемлемой частью расширенного настоящего.

За пределами расширенного настоящего можно обнаружить *знакомое будущее* (его варианты), которое открывается в последующие 15–20 лет и тем не менее не имеет определенного временного горизонта. Знакомое будущее (его варианты) относится к сценариям, для которых у нас есть (зачастую опосредованные) желания (созданные доминирующими образами и метафорами вокруг нас), будущее, с которым мы, возможно, работали и/или соприкасались, и будущее, сформированное сознательно или неосознанно. Идея Инаятуллы об «отработанном» и/или «отвергнутом» будущем перекликается с этой концептуальной линзой, но знакомое будущее (его варианты) не обязательно подразумевает негативный или отчуждающий контекст[34]. Знакомое будущее (его варианты) — это то место, где сосредоточена большая часть работ по перспективам будущего и их исследованиям, особенно потому, что «образы» или «воображаемое» будущего остаются в центре исследований перспектив будущего[35]. Сценарии, разработанные для прогнозирования или создания представлений о будущем интернета (его вариантах), независимо от временного промежутка, попадают прямо в эту категорию. Популярное понятие Талеба о «черном лебеде» отражает суть этого завтрашнего дня[36]. В отличие от черных слонов расширенного настоящего, черные лебеди знакомого будущего (его вариантов) не заметны и не сформулированы даже экспертами, это означает, что они могут и скорее всего появятся, казалось бы, «неожиданно». Но, как отмечает Талеб, их смысл раскрывается в ретроспективе.

---

[33] Gupta, V. (2009, April 27). “On black elephants.” *Vinay.howtolivewiki. com*. Retrieved from http://vinay.howtolivewiki.com/blog/flu/on-black- elephants-1450

[34] Inayatullah, S. (2008). Six pillars: Futures thinking for transforming. *Foresight,* 10(1), 4–21. doi:10.1108/14636680810855991.

[35] Dator, J. (2009). The unholy trinity, plus one. *Journal of Futures Studies,* 13(3), pp. 33–48.

[36] Taleb, N. N. (2007). *The black swan: The impact of the highly improbable* (1st ed). New York: Random House.

Наконец, *немысленное будущее* (его варианты) составляет третье завтра. Эти варианты будущего остаются за рамками текущих представлений, и это завтра заставляет пересмотреть как сами предпосылки мировоззрения, так и допущения, лежащие в основании наших предпочтений относительно того, что может быть впереди. Таким образом, немысленное будущее (его варианты) представляет собой радикальное пространство чистой возможности. Оно не является немыслимым, как следует из названия, а скорее представляет собой пространство, заполненное, казалось бы, бесконечными альтернативными вариантами будущего. В немысленном будущем, так сказать, многое что происходит, и всегда есть вопросы, которые нужно задать об этих перспективах будущего. Чтобы учесть эту динамику, я разработал понятие «черная медуза», которое улавливает суть этого горизонта.

Как было проиллюстрировано вводными примерами, постпривычное время требует, чтобы мы уделяли внимание комплексности как больших, так и незначительных явлений. Как и в случае с черным слоном и черным лебедем, черные медузы обладают потенциалом высокого влияния, но это «привычные» явления, движущиеся к постпривычному состоянию в результате положительной обратной связью или в результате усиленного роста, что ведет к системной нестабильности. Как поясняет Сардар:

> Поскольку все со всем связано и переплетено, поломка в любом месте оказывает сильное влияние, нарушая работу других частей целого, и даже разрушает всю систему. Более того, огромен потенциал положительной обратной связи для быстрого и опасного роста явлений в геометрической прогрессии. Вот где начинают проявляться эти маленькие, незначительные первоначальные условия: они могут привести к серьезным потрясениям, и даже небольшое изменение может привести к коллапсу с неимоверной скоростью[37].

Если разместить рядом черных слонов, черных лебедей и черных медуз, они образуют ядро анализа в рамках 3Ч и составляют зверинец постпривычных возможностей, разработанный Центром поспривычной политики и исследований перспектив будущего. Следующие три раздела описывают некоторых черных слонов, черных лебедей и черных медуз, способствующих развитию WWW и сдерживающих его.

---

[37] Sardar, Z. (2010). Welcome to Postnormal Times. *Futures,* 42(5), 435–44. doi:10.1016/j.futures.2009.11.028.

Черные слоны *расширенного настоящего*

В 2013 году один сайт онлайн-купонов провел опрос среди 2.403 родителей об использовании гаджетов маленькими детьми. Интересным, однако неудивительным, стало то, что 86% респондентов признались, что использовали смартфон для успокоения плачущих детей или как няньку[38]. Примерно в то же время, когда проводился данный опрос, Американская академия педиатрии опубликовала программное заявление под названием «Дети, подростки и средства массовой информации». В нем рекомендовалось родителям «препятствовать детям младше 2 лет просматривать информацию на экране»[39]. Поскольку рост повсеместного использования смартфонов и планшетов — явление сравнительно новое, нет ни одного фундаментального исследования, которое могло бы подтвердить или просто выдвинуть предположение относительно далеко идущих последствий воздействия или аффекта, хотя было сделано множество призывов исправить это упущение. В статье, опубликованной в журнале «Педиатрия», Радски, Шумахер и Цукерман утверждают[40]:

> Необходимы новые рекомендации, поскольку мобильные средства массовой информации отличаются от телевизионных множеством модальностей (например, видео, игры, образовательные приложения), интерактивными возможностями и почти повсеместным присутствием в жизни детей. Особенно важны пользовательские рекомендации для младенцев, детей младшего и дошкольного возраста, потому что эффекты воздействия экранного времени потенциально более выражены в данных группах.

Хотя аффекты WWW остаются спекулятивными, не все эксперты сходятся во мнении о том, что несет с собой (для большинства, но не всех) детей растущая цифровизация игры, если не самой жизни. Как отмечают Холлоуэй, Грин и Ливингстон[41],

---

[38] Amodio, Mi. (2013, June 27). *High-tech babysitters: Gadgets as attention grabbers for little ones*. Retrieved from http://zone.tmcnet.com/topics/ articles/343806-high-tech-babysitters-gadgets-as-attention-grabbers- little.htm

[39] Council on Communications and Media. (2013). Children, adolescents, and the media. *Pediatrics*, 132(5), 958–61. doi: 10.1542/peds. 2013–2656.

[40] Radesky, J. S., Schumacher, J., & Zuckerman, B. (2015). Mobile and interactive media use by young children: The good, the bad, and the unknown. *Pediatrics*, 135(1), 1–3. doi:10.1542/peds. 2014–2251.

[41] Holloway, D., Green, L. & Livingstone, S. (2013). *Zero to eight: Young children and their Internet Usage*. eu Kids Online. London: London School of Economics. *Для* дополнительной информации см.: Ginsburg, K. (2007). The Importance of Play in Promoting Healthy Child Development and Maintaining Strong Parent-Child Bonds. Pediatrics, 119(1), pp. 182–191; McBride, D. L. (2012). Children and Outdoor Play. Journal of Pediatric Nursing, 27(4), pp. 421-422; Louv, R. (2005). Last Child in the Woods: Saving

Защитники прав детей и комментаторы СМИ склонны обвинять каждое информационно-техническое нововведение (телевидение, компьютеры, игровые платформы, сенсорные экраны) в размывании границ детского игрового времени, часто без упоминания других социальных и экономических изменений, которые в течение последних нескольких поколений постепенно сокращали время игры детей [Ginsburg, 2007]. Например, работающие родители, как правило, меньше времени тратят на игру с детьми на свежем воздухе [McBride, 2012]; в течение ряда поколений родители мало-помалу ограничивали пространство и границы места, где дети могут играть без присмотра [Louv, 2005; Тэнди, 1999]; наконец, спонтанная игра постепенно заменяется организованной взрослой деятельностью [Skår & Krogh, 2009]. Такое медленное, но верное сокращение детской игровой свободы поднимает вопрос о том, являются ли домашние развлекательные технологии единственной, или даже основной, причиной спада спонтанной игровой деятельности детей.

Учитывая ограничения цифрового разрыва, то есть того, что только половина мира получила доступ к Всемирной паутине, эффекты увеличения экранного времени кажутся явно периферийными, если только эксперименты Николаса Негропонте в Африке не станут более масштабными.

В 2012 году в рамках своей инициативы «Один ноутбук на ребенка» (далее «OLPC») Негропонте доставил коробки с предварительно загруженными планшетами на базе Android в две отдаленные деревни в Эфиопии. Как сообщает Тэлбот, «цель была выяснить, могут ли неграмотные дети, ранее не знакомые с письменностью, научиться читать самостоятельно, экспериментируя с планшетом и предварительно загруженными в него обучающими алфавиту играми, электронными книгами, фильмами, мультфильмами, рисунками и другими программами»[42]. Судя по всему, эксперимент Негропонте «сработал», и дети начали использовать устройства и получать доступ к программам для обучения, что было подтверждено техническими специалистами, которые собирали карты памяти устройств. К 2014 году, однако, оптимизм уступил место реализму, поскольку сообщения о резком падении использования устройств и плохих результатах в других регионах подорвали некогда бурную инициативу. В отчете исследователей Института экономики республиканского

Our Children from Nature-Deficit Disorder. New York: Algonquin Books; Tandy, C. A. (1999). Children's Diminishing Play Space: a Study of Inter-generational Change in Children's Use of their Neighbourhoods. Australian Geographical Studies, 37(2), pp. 154–164;

Skår, M., and Krogh, E. (2009). Changes in children's nature-based experiences near home: from spontaneous play to adult-controlled, planned and organised activities. Children's Geographies, 7(3), pp. 339–354.

[42] Talbot, D. (2012, October 29). "Given tablets but no teachers, Ethiopian children teach Themselves." mit *Technology Review*. Retrieved from www.technologyreview.com/news/506466/given-tablets-but-no- teachers-ethiopian-children-teach-themselves/

университета, посвященного OLPC проекту, распространившему 570 000 ноутбуков в Уругвае, говорилось, что эта инициатива не повлияла «на результаты тестов по чтению и математике». Данный результат согласуется с показателями для Израиля, Перу, Румынии, Непала и США (Северная Каролина)»[43]. Помимо отсутствия влияния на развитие образовательного уровня субъектов OLPC, существует мало свидетельств, если таковые имеются вообще, о том, что проект предполагал применение каких-либо мер предосторожности в отношении аффекта, который такие устройства могут вызывать в различных социокультурных контекстах. Какое «заразительное подключение» может возникнуть в результате такого вмешательства? Какие аффекты могут проявиться по мере взросления детей, участвовавших в этих экспериментах?

Черные лебеди перспектив *знакомого будущего*

Нет недостатка в сценариях будущего, касающегося интернета. На самом деле, легко доступен целый спектр исследований, представляющих череду правдоподобных, вероятных, возможных и предпочтительных вариантов будущего[44]. Однако многие, а возможно, и большая часть их, сосредотачиваются исключительно на интернете, то есть на инфраструктуре и различных устройствах и услугах, окружающих ее, а не на потенциальном влиянии WWW. Однако есть некоторые исключения, размышляющие о диффузных аффектах WWW. В докладе Оксфордского института исследований интернета «*О будущем интернета: взаимосвязь между технологическими, социальными и экономическими трендами*» предлагаются выводы о будущих потребностях и направлениях путем определения 11 основных движущих сил, в том числе: «Аффекты окружающей среды, положительные и отрицательные, как на личном, так и планетарном уровнях»[45].

---

[43] Mejía, F. (2014, September 19). "Laptops, children and Darth Vader." *Development That Works*. Retrieved from http://blogs.iadb.org/ desarrolloefectivo_en/2014/09/19/laptops-children-darth-vader/

[44] См. Blackman, C., Brown, I., Cave, J., Forge, S., Guevara, K., Srivastava, L., Tsuchiya, M., & Popper, R. (2010). *Towards a future Internet: Interrelation between technological, social and economic trends*. Oxford, uk: Oxford Internet Institute. Retrieved from www.internetfutures.eu/wp-content/ uploads/2010/11/tafi-Final-Report.pdf; Burns, A., & McGrail, S. (2012). Australia's potential Internet futures: Incasting alternatives using a new technology images framework. *Journal of Futures Studies, 16*(4), pp. 33–50; Creech, H., Andjelkovic, M., Vetter, T., MacLean, D., Rothman, D., & Vergragt, P. J. (2009). *Mapping the future of the Internet onto global scenarios: A preliminary view*. Winnipeg, Canada: International Institute for Sustainable Development; Rueda-Sabater, E., & Derosby, D. (2011). The evolving Internet in 2025: Four scenarios. *Strategy & Leadership,* 39(1), pp. 32–38. doi:10.1108/10878571111095402.

[45] Blackman, C., Brown, I., Cave, J., Forge, S., Guevara, K., Srivastava, L., Tsuchiya, M., & Popper, R. (2010). *Towards a future Internet: Interrelation between technological, social and*

Хотя в отчете неоднократно упоминаются услуги здравоохранения и медицинского обслуживания, в нем нигде не проводится явная связь между различными WWW интерфейсами и потенциальным разнообразием психосоциальных аффектов и тех, что связаны с развитием. Однако более всеобъемлющее прочтение упомянутого побудительного фактора может включить личностные контекстуальные эффекты. Аналогичным образом в отчете Международного института устойчивого развития отмечается:

> В то время как вопросы энергии и выбросов в атмосферу в настоящее время доминируют в дискуссиях о влиянии интернета, менее очевидными, но вызывающими серьезную озабоченность являются вопросы, связанные с расходом материалов при производстве различного оборудования, а также связанные с этим проблемы электронных отходов, включая наличие и утилизацию опасных веществ, содержащихся в электронных товарах[46].

Поскольку большинство, или практически все, образы будущего интернета сосредоточены на доступе, услугах и инфраструктуре, черные лебеди данного горизонта должны приземлиться где-то в области конвергенции потенциальных аффектов WWW и вышеупомянутой материальности интернета. Кроме того, учитывая широкий интерес к секьюритизации вертуального пространства — от сохранности личной конфиденциальной информации до ведения кибервойн — создание «козыря», который может стать толчком к знакомому будущему (и его вариантам), имеет решающее значение в данной области.

В работе Збигнева Бжезинского «*Между двумя эпохами: роль Америки в эру технетроники*»[47] представлен широкий взгляд на ряд будущих возможностей. Отмечая переход Америки к технотронному обществу, Бжезинский в общих чертах обрисовывает его появление, отмечая, что «оно формируется в культурном, психологическом, социальном и экономическом плане под воздействием технологий и электроники, особенно [изменений] в области компьютеров и коммуникации»[48]. Хотя в прогнозе Бжезинского действительно упоминаются сетевые коммуникационные технологии, его внимание к секьюритизации и милитаризации стоит упомянуть. Оно напрямую связано с интересом нашего исследования к аффектам. Цитируя Гордона Дж. Ф. Макдональда, Бжезинский пишет:

---

economic trends. Oxford, uk: Oxford Internet Institute. Retrieved from www.internetfutures.eu/wp-content/ uploads/2010/11/tafi-Final-Report.pd

[46] Creech, H., Andjelkovic, M., Vetter, T., MacLean, D., Rothman, D., & Vergragt, P.J. (2009). *Mapping the future of the Internet onto global scenarios: A preliminary view*. Winnipeg, Canada: International Institute for Sustainable Development.

[47] Brzezinski, Z. (1970). *Between two ages: America's role in the technetronic era*. New York: The Viking Press.

[48] Ibid.

Вполне возможно — и это заманчиво — использовать в стратегически-политических целях результаты исследований мозга и человеческого поведения. [...] “Можно было бы разработать систему, которая могла бы серьезно ухудшить работу мозга очень больших групп населения в определенных регионах на продолжительное время” [...][49].

Призыв Бжезинского к борьбе за окружающую среду прозвучал в то самое время, когда Соединенные Штаты участвовали в секретной миссии по применению технологии засеивания облаков во время своих боевых действий во Вьетнаме, чтобы вызвать обильные дожди и тем самым нарушить маршруты поставок повстанцев. Это говорит о дальновидном характере его работы и склонности к выявлению радикальных возможностей[50].

Одна такая радикальная возможность служит основой сценария, разработанного Дунаганом, который пишет: «Еще один разрушительный теракт ведет не только к победе политики отслеживания всей нейронной информации, но и легитимирует стратегию контроля сознания противника по законам военного времени. Изменяющие сознание наркотики и взятые на вооружение нейронные технологии становятся стандартами военных операций»[51]. Представить использование всего этого государственными акторами, и особенно военными, не составит большого труда для воображения, и может быть расценено как адекватное выражение черного лебедя, особенно с учетом довольно яркой истории экспериментов ЦРУ с тактиками и методами маргиналов, такими как проект МК-Ультра[52]. При этом возможность того, что какой-то негосударственный актор, владеющий современными технологиями медиации, может взять на себя такую инициативу, используя ряд интерфейсов WWW, определенно отвечает всем требованиям. Что если внимание негосударственных

---

[49] Brzezinski, Z. (1970). *Between two ages: America's role in the technetronic era*. New York: The Viking Press.

[50] Simons, P. (2001, September 23). “Controlling the weather.” *The Guardian*. Retrieved from www.guardian.co.uk/environment/2001/sep/24/ weather.climatechange

[51] Dunagan, Jake F. (2010). “Politics for the Neurocentric Age.” *Journal of Futures Studies* 15 (2): 51–70.

[52] **МК-Ультра** (англ. *Project MKULTRA*) — кодовое название секретной программы американского Центрального разведывательного управления (ЦРУ), существовавшей предположительно с начала 1950-х до конца 1960-х годов. Главной целью были поиск и изучение средств манипулирования сознанием, например, для вербовки агентов и для извлечения сведений на допросах, в частности с помощью использования психотропных химических веществ, оказывающих воздействие на сознание человека. — *Прим. пер.* См. Select Committee on Intelligence, and Committee on Human Resources (1977). *Project* mkultra, *the* cia*'s program of research in behavioral modification*. Washington, D. C.: 95th Congress. Retrieved from http://web.archive.org/web/ 20071128230208/www.arts.rpi.edu/~pellr/ lansberry/mkultra.pdf

субъектов переключится с использования ядерного, биологического и/или кибероружия на тайное нейросоматическое с использованием существующих интерфейсов WWW? А возможно ли использовать в качестве оружия социальные сети?

Черные медузы перспектив *немысленного будущего*

За последнее десятилетие население Грин-Бэнка в Западной Вирджинии увеличилось до 147 жителей. Хотя безмятежные окрестности городка являются достаточной причиной, чтобы манить сюда людей, ищущих останки «одноэтажной Америки», все последние переселенцы деревни попали сюда из-за того, что община находится в Национальной зоне радиомолчания (National Radio Quiet Zone, далее — НЗР). Учрежденная в 1958 году в рамках проекта Федеральной комиссии по связи для создания нейтральной среды для радиотелескопов, НЗР включает площадь в 13 000 квадратных миль и также имеет на своей территории объекты военной разведки. Как люди могут выживать без доступа к WWW? Зачем кому-то жить в обществе, где доступ к большей части средств электронной коммуникации строго регулируется? Хотя электромагнитная сверхчувствительность (далее — ЭСЧ) остается непризнанным медицинским симптомом, многие сообщают о физических недугах, таких как головные боли, усталость и чувство жжения, основанных на различной степени чувствительности к электромагнитным полям (ЭМП). Для многих жертв ЭСЧ не существует такого понятия, как радиация низкого уровня. Даже минимальной дозы, исходящей от смартфона, достаточно, чтобы вызвать у них ряд болезненных симптомов.

Однако, как сообщает Стромберг, «лучшим индикатором появления данных проявлений у сверхчувствительного человека является не присутствие рабочей радиочастоты, а вера в то, что поблизости включено устройство, ее испускающее»[53]. Более того, результаты различных провокационных исследований указывают на самую неуловимую причину — аффект. Как поясняет Майлд с соавторами,

> При проведении провокационных тестов с пищевыми продуктами, методами провокации/десенсибилизации в клинической экологии, бытовыми или промышленными химическими веществами, ароматизаторами и электромагнитными полями в методически обоснованных двойных слепых плацебо-контролируемых условиях, реакции симптомов не коррелируют с воздействием. Смысл очевиден: воспринимаемые реакции когнитивно опосредованы[54].

---

[53] Stromberg, J. (2013, April 12). “Refugees of the modern world.” *Slate*.Retrieved from www.slate.com/articles/technology/future_tense/2013/04/green_bank_w_v_where_the_electrosensitive_can_escape_the_modern_world.single.html

[54] Staudenmayer, Herman (2006). “Idiopathic Environmental Intolerance (iei): A Causation Analysis.” In Electromagnetic Hypersensitivity: Proceedings International

Если жертвы ЭСЧ на самом деле чувствительны не к самим ЭМП, а скорее к их предполагаемому присутствию, то патологическое состояние является проявлением острой нейросоматики. А это еще один способ сказать, что ЭСЧ представляют собой пример заразительного подключения, по-разному влияющего на разных людей, в том числе на некоторых детей. Как утверждают Маккарти с коллегами, «с учетом ограничения рамок исследования мы пришли к выводу, что у изучаемого объекта был продемонстрирован неврологический синдром. Вопрос о том, является ли гиперчувствительность к ЭМП серьезной проблемой общественного здравоохранения, в нашем случае не рассматривался»[55]. Невозможно проанализировать потенциал перерастания ЭСЧ в «серьезную проблему общественного здравоохранения» не прибегая к множественным теориям заговора. Тем не менее это именно то, чего требует немысленное будущее и его варианты.

Суть черных медуз в масштабе. Они требуют взять что-то маленькое и перевести это в гораздо большее, имеющее впечатляющий размер. Что было бы, если бы 10%, 20% или даже 30% населения во всем мире испытывали симптомы электромагнитной сверхчувствительности? Что если применить динамику и движущие силы, лежащие в основе компании по отрицанию изменения климата и совсем недавней борьбы с вакцинированием, к ЭМП? Короче говоря, что если возникнет положительная обратная связь, основанная на восприятии эффекта ЭМП, а не на самом его действии? Может быть, стоит расширить Национальную зону радиомолчания? Возможно ли превращение пострадавших в беженцев? Как национальные и международные интересы могут столкнуться и конкурировать в сфере общественного здравоохранения в таком случае? Совершенно очевидно, что подобного рода вопросы вполне вероятны, но их потенциальные последствия требуют от нас взглянуть в лицо немысленному.

Сценарии

Расширенное настоящее

То, что началось как выражение сетевого недовольства нескольких родителей, быстро превратилось в массовое движение по поиску ответов. Загадочная пандемия заставляет ученых ломать голову, пока тысячи детей в 27 странах демонстрируют ряд аномальных форм поведения: от

Workshop on emf Hypersensitivity, edited by Kjell Hannson Mild, Mike Repacholi, Emilie van Deventer, and Paolo Ravazzani. Prague, Czech Republic: World Health Organization. October 25–27, 2004.

[55] McCarty, D. E., Carrubba, S., Chesson, A. L., Frilot, C., Gonzalez-Toledo, E., & Marino, A. A. (2011). Electromagnetic hypersensitivity: Evidence for a novel neurological syndrome. *International Journal of Neuroscience,* 121(12), 670–76. doi:10.3109/00207454.2011.608139.

неконтролируемых спазмов до почти кататонических состояний. Единственным общим фактором, связывающим всех пострадавших, является использование ставшего всемирно популярным в 2018 году приложения для изучения языка в раннем детстве. К середине 2019 года было зарегистрировано миллион загрузок этого приложения, хотя медики сразу забили тревогу в отношении бесконтрольно втягивающего интерфейса и вызываемой игровым процессом зависимости. Многие уважаемые ученые представили свое мнение в разгар шумихи. Однако их опасения, основанные на исследовательском опыте, утонули в радостных возгласах родителей, воодушевленных небывалыми скачками в развитии собственных детей. Расследование, осуществляемое Центром по контролю за заболеваниями, пока не дало никаких убедительных результатов, и политическим лидерам приходится проводить многочисленные слушания, чтобы успокоить разгневанных избирателей. Протестные выступления все чаще сопровождаются насилием со стороны разъяренных родителей, выходящих на улицы в гневе. Несмотря на предстоящее обсуждение на высоком международном уровне мер по предотвращению распространения прецедента, некоторые уже ожидают следующего витка напряженности.

Знакомое будущее

Вслед за публикацией тысячи секретных правительственных документов после очередного скандала с разоблачениями, один отчет о секретной программе, финансировавшийся государством, вновь начинает подогревать гнев родителей, потерявших своих детей во время загадочной пандемии, разразившейся более десяти лет назад. Отмечая участие правительства в содействии исследованиям и разработке технологии нейроаффективных манипуляций через ряд интерфейсов сетевых СМИ, которые позже были использованы для создания инновационных приложений по обучению детей, в упомянутом отчете также отмечается, что указанная технология была частью кэша данных, потерянных во время масштабной кибератаки в 2028 году. Хотя эта подробность не была включена в первые новостные сообщения, медики и несколько групп ветеранов настаивали на получении дополнительной информации и быстрых действиях в свете загадочных неврологических симптомов, которые испытали на себе тысячи солдат, служивших в Африке во время ряда военных операций, проведенных ООН в 2030-х годах. Ситуация усугубляется тем, что известная в регионе экстремистская группировка провозгласила начало новой эры боевых действий, громогласно заявив, что «новое оружие» обеспечит им победу и позволит наносить крупномасштабные наступательные удары за рубежом.

Немысленное будущее

Когда новостные агентства начали сообщать о содержании восстановленного видео, принадлежавшего одной экстремистской группировке, заявляющей о готовящемся нападении на Нью-Йорк с использованием непобедимого, невидимого оружия, многие, включая высокопоставленных правительственных чиновников, сразу же начали преуменьшать значение угрозы. Правительство отреагировало спокойно, но общество объял страх. Подпитываемая безудержными спекуляциями и опасениями из-за подозрительных вспышек различных заболеваний в недавнем прошлом, а также вредоносной информацией из множества просочившихся документов, паника превратилась в фобию. Тысячи людей начали обращаться за медицинской помощью по поводу различных симптомов. Желая получить лечение по любому поводу, от легких, но повторяющихся головных болей до изнуряющей тошноты, больные отказывались верить, что у них нет никаких заболеваний, даже несмотря на тот факт, что многие, а практически все, были здоровы. Интернет-группы поддержки пострадавшим росли в геометрической прогрессии, движимые гипотезой о том, что самозащита от электроники, особенно от устройств с доступом в интернет, принесет облегчение. То, что начиналось как миграция нескольких семей, быстро превратилось в отъезд тысяч человек в поисках убежища. И правительство было вынуждено оказать помощь лагерям беженцев, которые намеренно создавались в сельской местности. Связь с этими лагерями была почти невозможна из-за строгих антиэлектронных правил и зоны безопасности по всему их периметру.

Подталкивая и сдерживание перспективы будущего

АФФЕКТЫ — ЭТО ТЕ ЖЕ СНАРЯДЫ, КАК И ЛЮБОЕ ДРУГОЕ ОРУЖИЕ; ЧУВСТВА ИНТРОЦЕПТИВНЫ, КАК ИНСТРУМЕНТЫ. [...] АФФЕКТЫ ЯВЛЯЮТСЯ ОРУЖИЕМ, А ОРУЖИЕ — АФФЕКТАМИ[56].

Публичное разоблачение вируса Stuxnet, который был разработан для подрыва ядерной программы Ирана, стало неожиданностью для многих и привлекло внимание международных средств массовой информации. Некоторые назвали его выход на международную арену «объявлением кибервойны»[57] и появлением «кибероружия массового поражения»[58].

---

[57] Gross, M. J. (2011, April). "A declaration of cyber-war." *Vanity Fair*, Retrieved from www.vanityfair.com/news/2011/04/stuxnet-201104.

Хотя первоначально Stuxnet разрабатывался под конкретную цель, впоследствии он был выпущен «на свободу» и с тех пор заразил российский ядерный реактор и Международную космическую станцию[59]. Описывая природу компьютерного вируса, Сэмпсон предполагает:

> Цифровой вирус, подобно кораблекрушению или авиакатастрофе, понимается как неотъемлемая часть технологии, из которой он появляется: материальная катастрофа. Соответственно, именно изобретение сети «провоцирует» катастрофу, потому что возможность поломки пресуществовала (доисторическая сила) в природе самого изобретения[60].

Подобно сетям, заражаемым компьютерным вирусом, впитывающее все и вся человечество также подвержено несчастным случаям. Однако интерпретация аффекта как благоприобретенного, является только одним из вариантов прочтения развития динамики вспышки массового психогенного расстройства в Леройе. Это вылилось в ряд возможных вариантов: доступ детей к интернет-интерфейсам и их использование, возможность развертывания негосударственными субъектами нейросоматического оружия, а также вероятность превращения ЭСЧ в серьезную проблему общественного здравоохранения. Есть и другие способы прочтения этих разрозненных, но в то же время взаимосвязанных феноменов.

Все вышеперечисленные явления представляют собой часть сферы динамичных махинаций заразительным подключением, и каждое из них опирается на нейросоматические действия, присущие нашему слишком человеческому интерфейсу в компании с современными технологиями на базе WWW/интернета, хотя бы для того, чтобы быть действительно аффективными. Люди всегда использовали различные инструменты для расширения границ своего существования в мире.

Но все чаще эти инструменты напоминают явные протезы, обещающие ряд радикальных, но, возможно, нежелательных вариантов. Таким образом, мы являемся, возможно, более точно «протезными существами», сама социальность которых стала зависеть от ряда вещей[61]. Как отмечает

---

[58] Langner, R. (2011, March). "Transcript of 'Cracking Stuxnet, a 21st-Century Cyber Weapon.'" ted. Retrieved from www.ted.com/ talks/ralph_langner_cracking_stuxnet_a_21st_century_cyberweapon/transcript

[59] Shamah, D. (2013, November 11). "Stuxnet, gone rogue, hit Russian nuke plant, space station." *The Times of Israel*. Retrieved from www. timesofisrael.com/stuxnet-gone-rogue-hit-russian-nuke-plant-space-station/

[60] Sampson, T. D. (2012). *Virality: Contagion theory in the age of networks*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

[61] Dator, J. A., Sweeney, J. A., & Yee, A. M. (2015). *Mutative Media*. Lecture Notes in Social Networks. Cham: Springer International Publishing. http://link.springer.com/10.1007/978–3-319–07809–0

Стоун, «протезная социальность подразумевает новые и часто странные определения пространства, объема, поверхности и расстояния; в протетической социальности средства связи определяют значение сообщества»[62]. А что, если средство взаимосвязи заражено? Что, если некоторые будут вынуждены подключиться, как некоторые были вынуждены танцевать на улицах Страсбурга в 1518 году? Нам еще предстоит стать свидетелями той степени, в которой аффект может действовать как двигатель, а не сдерживающий фактор будущего WWW/интернета. Одна из критических проблем данного анализа заключается в выяснении того, как такие события могут разворачиваться. А это требует более динамичного подхода к планированию альтернативных сценариев будущего. Хотя поставленные вопросы могут показаться слишком серьезными, комплексными и неразрешимыми, но именно этого требует постпривычное время.

[62] Stone, R. A. (1994). Split subjects, not atoms; Or, how I fell in love with my prosthesis. *Configurations: A Journal of Literature, Science and Technology*, 2(1), pp. 173–190.

НЕВЕЖЕСТВО, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И «А ЧТО, ЕСЛИ?»

Джером Равец

Сегодня почти повсеместно признано, что в основе научной деятельности больше не лежат открытия, некое триумфальное продвижение определенного знания в сфере неизвестного. Только представители «общественного понимания науки» до сих пор не осознают, что ее главные проблемы в настоящее время проистекают из вызовов (и угроз), представленных до сих пор слепым и неконтролируемым ростом всей нашей научно-технической и промышленной системы. Независимо от того, говорим ли мы о проблеме повсеместного выброса углерода, об изменении климата, антропогенных заболеваниях, инвазивных чужеродных веществах, таких как ксеноэстрогены, или даже о социальных и культурных последствиях нашей безудержной гонки в области информационных технологий, как данные проблемы, так и соответствующие методы их решения являются новыми. Они радикально отличаются от тех, что были у традиционного исследователя, движимого любопытством, или даже от тех, которыми пользуется группа по разработке определенных технологий, ориентированных на конкретный результат.

Рассмотрим следующее утверждение:

В таких сложных вопросах, как влияние человеческой деятельности на окружающую среду, поиск простых истин может скрыть неопределенность реальности. Практически все, что мы делаем, потребляем и с чем сталкиваемся, несет определенные риски. Мы должны решить, за какие риски необходимо взяться особенно решительно, в какой последовательности, каким образом, как глубоко и какой ценой. Наука об окружающей среде — не простая

вещь; описать технические данные и дать детальную оценку рисков сложно, но в ней отражается реальность тех выборов, которые общество должно сделать. Вопросы непростые, и науке принадлежит важная роль.

Те, кто знаком с моими критическими работами, узнают некоторые из тем, хотя, возможно, сам язык незнаком им. Это не моя цитата или высказывание какого-то другого критически настроенного ученого-эколога, а слова доктора Криса Фея, председателя и главного исполнительного директора «*Shell UK Limited*». Он произнес их в мае 1966 года, и эту цитату можно найти на сайте Shell под названием «brentspar»[1].

Однозначно, доктор Фэй имеет образование в сфере социальных проблем науки, которое сложно получить в университетах, но которое было ему предоставлено довольно неожиданным образом в ходе его трудовой деятельности.

Приведенная выше цитата напоминает нам, что потеря уверенности и выход на авансцену этики являются центральными проблемами в этом новом для науки состоянии. Это приводит к потере научными экспертами гегемонии в области обсуждения и оспаривания вопросов политики, связанных с наукой. Только сейчас формируется последовательное понимание этой новой ситуации. В данном процессе мы можем использовать некоторые элементы критической традиции научных исследований, сложившейся в последние десятилетия. Демистификация Фейерабенда, за которой последовали социал-редукционистские антропологические исследования, превратили «объективность» в проблему, а не в основу науки. Моя собственная работа изначально представляла собой смесь радикальной социальной критики «большой науки» с консервативной ностальгией по «малой науке». Совсем недавно, вместе с Сильвио Фунтовичем, я поместил традиционную науку в рамки, сочетающие методологию с эпистемологией. Мы используем термин «постпривычная наука»[2], делая ироническую отсылку к основополагающей работе Куна, чтобы указать историческое место для этого нового вида науки.

В основе концепции постпривычной науки лежит тройственное различие отдельных видов практик решения проблем, основанное на важности двух определенных атрибутов: системной неопределенности и цены решения. «Внутреннюю» зону, где оба значения находятся на низком уровне, мы называем «прикладной наукой» (традиционная «базовая» или «фундаментальная» наука может быть помещена в исходную точку диаграммы). При продвижении любого атрибута в «срединное» положение, у нас появляется

[1] www.shellexpro.brentspar.com

[2] Funtowicz, S., and Ravetz, J.R., Science for the Post-Normal Age. *Futures*, 25(7), pp. 735–755 (1993).

«профессиональный консалтинг», например, хирургическая практика или работа инженера-консультанта. Когда один из атрибутов получает высокое значение, мы попадаем в сферу «постпривычной науки», и утверждаем, что в таких обстоятельствах для обеспечения качества всего процесса требуется «расширенное коллегиальное сообщество», включающее всех представителей заинтересованных непрофессионалов. Они приносят с собой свои «расширенные факты», основанные на собственном жизненном опыте решения проблемы. Примеры постпривычной науки можно найти в современной медицине, например, в исследованиях СПИДа[3], а также в общественном здравоохранении, занимающемся вопросами загрязнения и окружающей средой. В последнем случае «расширенные факты», предоставляемые журналистскими расследованиями, могут иметь такое же значение, как и выборка из результатов исследования, официально ставшего достоянием общественности.

До сих пор мы с Сильвио Фунтовичем систематически не обсуждали различные стили исследований, подходящие для решения различных видов проблем. Эта тема стала предметом моего исследования в данной работе. Для этого я предлагаю тройную типологию, в некотором роде напоминающую типологию постпривычной науки. С ее помощью мы можем более ясно увидеть, почему необходимы новые взгляды, рождающие доверие к новым видам вопросов при условии, что наука хочет адаптироваться к своим новым, направляющим ее развитие, проблемам.

Разнообразие стилей исследования давно признано в науке. Всегда в дисциплинарной среде существовала иерархия. В последнее время предпочтение отдавалось тем наукам, которые изучают более абстрактные и простые аспекты внешнего мира. Согласно доминирующим критериям, используемые данные должны быть количественными, а модели аргументирования должны быть дедуктивными и, по возможности, формальными. Дисциплины, более близкие к нашей испытанной реальности, обычно рассматриваются как «мягкие» (или гибкие) и вынуждены переходить в состояние «на зависть физике». Стили исследования, соответствующие объектам и функциям (более интуитивные и неформальные), систематически вытесняются имитациями физики и обладают правдоподобием и эффективностью в той или иной степени (часто небольшой). Время от времени этот неудобный факт признается значительным количеством практиков, а затем общественность узнает о дегенерации в определенной научной области. Такова, видимо, ситуация в данный момент в экономической науке, где стиль абстрактных математических упражнений в настоящее время выставлен на всеобщее обозрение как бессмысленный[4]. Причины возникновения

[3] Epstem, S., The construction of lay expertise: Aids activism and the forging of credibility in the reform of clinical trials. *Science Technology and Human Values,* 1995, 20(4), pp. 408–437.

[4] Cassidy, J., The end of economics. *The New Yorker,* 2 December, pp. 50–60 (1996).

таких отклонений мало изучены; я обсуждал проблемы качества в одной из своих предыдущих книг[5]. Совсем недавно мне удалось рассмотреть способы, с помощью которых социальные аспекты научных дисциплин могут полностью доминировать над их критериями качества в ущерб собственному позитивному содержанию[6].

Наводящие вопросы

Принимая идею существования различных стилей исследования с разной степенью уместности, мы можем перейти к моей классификации, которая построена вокруг «наводящих вопросов». Мы можем начать с трех видов работ, которые обозначим как «исследование», «проектирование» и «поиск». Каждому из них соответствуют определенные вопросы: «что/как (каким образом)?», «как/почему?» и «а что, если?» соответственно. Эта классификация вопросов напоминает четыре типа объяснений Аристотеля, первоначально выражавшиеся через «что», «каким образом», «какой/который» и «почему», позже названные «материальными», «эффективными», «формальными» и «окончательными» причинами. Данная классификация была разработана Аристотелем для его общей теории обретения знания, включая принцип аналогии между «искусством» и «природой», так что каждое живое существо объясняется так, как если бы оно было создано. Моя классификация, напротив, построена вокруг различных функций научного исследования, поэтому мои категории будут пересекаться с категориями Аристотеля.

Данные «наводящие вопросы» есть не что иное, как абсолютная классификация, и их не следует воспринимать как определение совокупности какого-либо исследования. Они предназначены для просвещения, а не для дачи дефиниций. Сам термин «наводящий вопрос» позволяет нам представить, что в любом конкретном случае исследования все три вида вопросов появляются на своих местах. Для изучения, результатом которого является утверждение, основанное на фактах, главным вопросом будет «что/как?» В системе Аристотеля эти вопросы касаются субстанции и действия: «Из чего это сделано?», «Как это приводит к тому-то?». Наряду с вопросами «что/как?» не менее важны те, которые исключены. Они появляются в следующем наводящем вопросе «как/почему?», который приводит нас к «конечной причине», «функции» или даже «цели». Такие вопросы применимы к объяснению любого артефакта, средства или инструмента. В данном случае имеет значение не столько материальная субстанция или внутренняя работа, сколько то, как *конструкция* позволяет выполнять заданную *функцию*, выполнять свою работу. Конечно, между

---

[5] Ravetz, J. R., *Scientific Knowledge and its Social Problems* (with a new introduction). Transaction Press, New Brunswick, n j, 1996.

[6] Ravetz, J. R., Economics as an elite folk-science: the suppression of uncertainty. *The journal of Post-Keynesian Economics,* 1994/5, 17(2), pp. 165–184.

этими двумя видами запросов будет много пересечений. В исследованиях даже инструментализация включает в себя процесс проектирования, поэтому вопрос «как/почему?» задействован, хотя и в качестве вспомогательного, а не ведущего в исследовательском проекте. А в науках, объясняющих структуру (аристотелевское «почему?»), включая бо́льшую часть биологии, неизбежна риторика замысла, несмотря на строгое требование не выводить никакого Творца.

Наводящий вопрос «а что, если?» существенно отличается от двух других. В привычных видах научного исследования он появляется только на ранних, исследовательских этапах работы, до того, как проблемы будут четко сформулированы, а гипотезы станут более определенными. В таком контексте «а что, если?» выражает дух творчества, изобретательности, путешествие в неизвестное, являющееся пассивным и ожидающим. В контексте новых проблем, встающих перед наукой, вопрос «а что, если?» становится ведущим с новой остротой. Теперь наше невежество перестает быть благостным, превращаясь в угрожающее. А что, если патогенный агент крупного рогатого скота концентрируется в инфицированных кормах и, таким образом, становится более вирулентным и передаваемым? Что, если передние загрузочные ворота парома не пройдут проверку на безопасность до того, как он начнет движение, будучи по своей природе нестабильным? Что, если мы продолжим плодить микроорганизмы, устойчивые ко все большему количеству производимых нами антибиотиков? Что, если искусственные эстрогены попадут во все животные пищевые цепочки? Возможно, и ничего не произойдет, в большинстве, в части или во всех случаях. Но, возможно, что-нибудь «выстрелит» только один раз или два, или каждый раз.

Использование вопроса «а что, если?» в качестве ведущего уже закреплено в практике оценки рисков. В случае опасностей, связанных с химическими предприятиями, методология HAZOP[7] анализирует действия составляющих во всех их аспектах: существование, пространственно-временное местоположение и степень, а также количество и интенсивность. Проверяя списочно все параметры, методика как бы спрашивает: «что, если» любой из них выйдет за рамки ожидаемого диапазона? Тогда может произойти инцидент, авария или даже возникнуть условия для катастрофы. Путем проверки всех возможных «а что, если?», методология HAZOP обеспечивает эффективное управление данным аспектом, по крайней мере, сочетанием неожиданных, непредвиденных или неизвестных обстоятельств, из которых в конечном итоге складывается катастрофа. Не все опасности можно точно разбить на известные единичные события. Несмотря на использование методологии анализа опасностей HAZOP,

[7] Chemical Industries Association, *Hazard and Operability Studies.* Chemical Industries Association, London, 1992.

крупные аварии на химических предприятиях все еще происходят. Тем не менее, если мы обозначим «а что, если?» как главный вопрос, наряду с вопросами «что/как?» и «как/почему?», тогда мы будем в состоянии сформулировать достаточно эффективный научный ответ на новые вызовы и угрозы, возникающие в результате разрушения нами окружающей среды.

НАВОДЯЩИЙ ВОПРОС «ЧТО, ЕСЛИ?» МОЖЕТ ПОМОЧЬ ВСЕЙ НАШЕЙ КОНЦЕПЦИИ НАУЧНОГО РАЗВИТИЯ СТАТЬ ПЛОДОТВОРНОЙ. ИЗМЕНИТСЯ ПРЕОБЛАДАЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И КОМПЛЕКСНОСТИ.

В традиционной науке, в том виде, в котором ее популяризируют и преподают, неопределенность является проблемой. Обычно она упоминается только тогда, когда ее полностью «приручают», например, с помощью статистических процедур. До недавнего времени философы науки искали какую-нибудь простую методологию для объяснения успехов научных исследований, причесывая реальную исследовательскую работу в борьбе с неопределенностями разного рода. В исследовании «как/почему?», ориентированном на «миссию» или функциональные устройства, неопределенность уважается, но только как нечто, требующее управления, поскольку в данном случае задача состоит в том, чтобы гарантировать, что в рабочую среду системы неопределенности вторгаются только в допустимой степени. А во многих конструкторских и инженерных задачах неопределенности заранее отфильтровываются с помощью правил и стандартных кодексов практики, так что в действительности решение проблем имеет дело в основном с этими четко определенными заместителями для неопределенной реальности. Чтобы обеспечить систематическое сопоставление практики решения проблем с окружающим миром, нам нужен подход, основанный на вопросе «а что, если?».

Наряду с неопределенностью реального мира нам также необходимо эффективно обращаться с его комплексностью. На протяжении веков, со времен Галилея и Декарта, наша наука строилась на принципе изучения мира в упрощенных, изолированных фрагментах. Такой подход пронизывает всю нашу научно-техническую культуру, причем легче всего это заметить, когда данный подход оспаривается. Так, например, сегодня мы начинаем осознавать ограниченность медицинской практики, отождествляющей болезнь с микробами, а исцеление — с их уничтожением, тем самым игнорируя как индивидуальные различия, так и экологический и социаль-

ный контексты болезни в целом. Конечно, успешная повседневная практика любого рода требует простых задач с умеренной неопределенностью. Все, что нам нужно, — это осознать, что такого рода «редукционизм» является примером ограниченного взгляда. Поэтому нам нужно быть открытыми для других точек зрения, которые дополнят его. Действительно, если мы привыкнем задаваться вопросом «а что, если?» и как бы ожидаем неожиданного, мы начнем полностью осознавать, что ни одна точка зрения не может абсолютно объять любую реальную ситуацию. В этом суть настоящей сложности, а не простого усложнения.

Принятие «а что, если?» в качестве научного подхода также окажет важное влияние на процесс выстраивания правил работы. Сегодня мы знаем, что применение научного подхода при формировании политики сильно отличается от простого процесса «получения фактов». Ведь факты не просто «добываются». Чтобы их гарантированно получить, требуется изначальная установка на поддержку исследований, как приоритетную работу. Затем исследование должно выстраиваться вокруг соответствующих вопросов, поскольку каждый стратегический вопрос является комплексным, включая как природные, так и общественные аспекты. Поэтому и «причина» проблемы будет столь же комплексной. История катастрофы с ГЭКРС (коровьим бешенством) показывает, как исследования, проводимые слишком редко, слишком поздно и упускающие критические стратегические моменты, могут позволить кризису с годами достигнуть точки невозврата, несмотря на все усилия искренних и преданных своему делу ученых.

Подход «а что, если?» также является выражением *принципа предусмотрительности*, который становится все более важным в экологической политике. Он защищает ученых от скоропалительного выбора исследовательских проблем и поспешного закрытия текущих исследований. Можно представить себе непрерывный диалог между участниками разного рода исследований. Хотя вопрос «а что, если?» перестает быть центральным после начала исследовательской работы, его всегда следует поощрять в качестве важного дополнения к процессу решения головоломок, из которого в конечном итоге возникают соответствующие факты.

Есть веские причины, по которым наука, использующая подход «а что, если?», должна возникнуть именно сегодня. Вопрос «безопасности» становится важной задачей для науки, преемником двух целей — знания и власти, которые были сформулированы почти четыре столетия назад в ходе научной революции. Мы обнаруживаем, что попали в несколько парадоксальную ситуацию: с одной стороны, люди в самых разных обществах никогда не имели такой уровень безопасности, как сегодня; а с другой стороны, никогда еще не существовало такого сильного общественного осознания опасности. В некотором смысле парадокс находится в нашем сознании, поскольку, когда мы приходим к убеждению, что

(благодаря науке) наша жизнь может быть по-настоящему безопасной, мы требуем устранения любой опасности, с которой мы сталкиваемся (и часто обвиняем науку в ее присутствии). Однако в этом есть рациональное зерно. По мере того, как опасности уменьшаются, их характер изменяется. Это уже больше не разрушительные эпидемии и широко распространенные в прошлом стихийные бедствия. В них намечается тенденция становиться более изощренными, возможно, более коварными и даже угрожающими. Мы сталкиваемся с угрозами, которые являются совершенно новыми, такими как генетический ущерб от ядерной радиации, который будет бесконечно распространяться в будущем. Нам приходится противостоять новым болезням, происхождение которых столь же неопределенно и комплексно, как и способы их лечения. Перед лицом таких новых опасностей нет эффективной альтернативы научному подходу «а что, если?». Комплексное состояние безопасности не будет достигнуто упрощенной, редукционистской традиционной наукой, воплощенной в подходах «что/как?» и «как/почему?». Нам нужен «а что, если?» в качестве дополнения к ним, и этот подход необходимо развивать и применять надлежащим образом в соответствующих контекстах.

Наконец, есть социальные последствия научного подхода «а что, если?». Практика решения головоломок «привычной науки» или любой рутинной практики требует и поощряет «конвергентный» стиль, в котором необходимы стандартизированные знания, причем они доминируют. Подход «а что, если?» выходит за рамки такого рода знаний. В диалоге должны фигурировать идеи и предложения людей с разным уровнем опыта или даже совсем без него. В контексте постпривычной науки мы описали эту группу лиц как «расширенное коллегиальное сообщество». Тогда мы представляли данное понятие в связи с обеспечением качества научных материалов, вводимых в политический процесс. В случае этих расширенных сообществ подход «а что, если?» выполняет еще одну функцию, более решительно оправдывая необходимость присутствия их «расширенных фактов». Эти данные получены из источников, не относящихся к ортодоксальным исследованиям. Они могут быть связаны с личными историями, традиционными знаниями, неформальными исследованиями или журналистскими расследованиями. Поскольку множество вопросов «а что, если?» вызвано достаточно оригинальными данными, принятие подхода «а что, если?» неотделимо от признания расширенных фактов, расширенного сообщества коллег и самого подхода постпривычной науки.

Заключение: контексты «а что, если?»

В контексте сборника эссе на тему «Видения науки» данное исследование методологической идеи может показаться довольно бледным и скучным. А как насчет «критической науки» прошлого поколения[8]? Я отказался от такого политизированного подхода по двум причинам, во всяком случае на данный момент. Один из них — это состояние политики науки сегодня. Какое-то время, когда реальность «военно-промышленно-научного комплекса» стала новым открытием для широкой общественности (в связи с бомбардировками и Вьетнамом), казалось возможным, что радикальное движение может сформироваться вокруг самой науки. Американская организация «Наука для людей» и британское «Общество социальной ответственности в науке» были оптимистическими ответами на воинственные настроения в конце 1960-х годов.

Однако поддерживать этот энтузиазм не удалось, по крайней мере длительно. Акцент протеста сместился на «окружающую среду», в которой сама наука не рассматривалась как проблема. И действительно, разрушительная для науки критика, демистифицирующая ее претензии на объективное знание, активно продвигалась якобы как академическое занятие постфейерабендовскими критическими школами. Тем временем изменилась сама политика. Крах социализма как жизнеспособной альтернативной социальной системы серьезно ослабил радикальные силы в традиционных вопросах распределения. «Ведущее противоречие» индустриальной системы сменилось вопросом «устойчивости» или, другими словами, вопросом выживания. Если наука станет центральной проблемой в этом новом контексте, дебаты будут сосредоточены не столько на аспектах распределения (доступ к рабочим местам и использование результатов труда), сколько на его философских основаниях.

Этот новый фокус выражен в выступлениях Сардара за права «Других»[9]. По мере того, как его высказывания набирают вес, мы обретаем драгоценный дар «видеть себя такими, какими нас видят другие». На этой основе мы могли бы осуществить необходимую реформу науки относительно ее социальных функций, методов работы и концептуальных объектов. Это изменение могло бы стать столь же глубоким, как и то, что произошло четыреста лет назад во время научной революции. Однако эта новая реформа пока находится на очень ранней стадии, отчасти потому, что культурам, которые являются кандидатами на лидерство в статусе «других», все еще не хватает согласованности и уверенности в себе, что позволило бы им вступить в диалог друг с другом. Вполне вероятно, что

---

[8] Ravetz, J. R., Critical Science: politics and philosophy. In *Scientific Knowledge and its Social Problems.* Transaction Press, New Brunswick, NJ, 1996, pp. 422–436.

[9] Sardar, Z., Conquests, chaos, complexity. The Other in modern and post- modern science. *Futures,* 1994, 26 (6), pp. 665–682.

каждой из них потребуется пройти через фазу отторжения и враждебности (проявляющейся в религиозной сфере в форме «фундаментализма»), прежде чем может возникнуть какой-либо важный межкультурный диалог.

В настоящее время может происходить дополнительное развитие в рамках спонтанно возникающей культурной среды, которая, среди прочих трендов, обозначается по-разному: и «зеленой», и «феминистской», и «Нью-эйдж». Разнообразие названий указывает на большое разнообразие проблем и стилей, некоторые из которых совпадают, а некоторые несовместимы и взаимно противоположны. Любое последовательное видение науки, основанное на одной составляющей этого разнообразного движения, определенно так или иначе оттолкнет большинство других участников. Тем не менее данное движение, в основе которого лежит широко распространившееся разочарование в тех или иных претензиях на нашу современную индустриальную систему, все еще находится на ранней стадии своего роста. Едва ли одно поколение отделяет нас от «контркультуры» 1960-х годов, взорвавшей все это.

На данный момент мой подход заключался в разработке идей по конкретным частям заданной нам головоломки. К ним относятся мои предыдущие исследования неопределенности и постпривычной науки, проведенные с Сильвио Фунтовичем, а также исследования, проведенные с Сардаром или для него, ранее опубликованные в книге «*Слияние знания и власти*»[10]. Ни одно из этих исследований еще не получило (насколько мне известно) резонанса где-либо на Западе. Из этого я делаю вывод, что любой синтез, попытайся я провести его сейчас, будет либо намного опережать свое время, либо выходить за рамки общепринятого направления. Поэтому я предпочитаю не торопиться с работой, а вместо этого развивать свое понимание различных специальных проблем. Научный подход «а что, если?» — один из них; в то же время я работаю с Сильвио Фунтовичем над теорией «рефлексивных сложных систем». После этого последует изучение диалектики (насколько я понимаю эту идею), что должно углубить представления теории познания и практики, которые я впервые сформулировал в работе «*Научное знание и его социальные проблемы*»[11].

---

[10] Ravetz, J. R., *The Merger of Knowledge with Power*. Cassell, London, 1990.

[11] Ravetz, J. R., *Scientific Knowledge and its Social Problems* (with a new introduction). Transaction Press, New Brunswick, NJ, 1996.

«ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ ДРАКОНЫ»: ИССЛЕДУЯ “НЕПОЗНАННОЕ НЕИЗВЕСТНОЕ”

Шрин Элахи

Введение

На медной поверхности Глобуса Ленокса, одной из старейших известных моделей земного шара, датируемой примерно 1500 годом н. э., выгравированы памятные слова на латыни: HIC SVNT DRACONES. Эта фраза, переводимая как «Здесь обитают драконы», использовалась для обозначения опасных или неизведанных территорий. Ее история уходит корнями в греческую и римскую эпохи, когда отсутствие знаний приравнивалось к опасности. Картографы визуально иллюстрировали такую опасность, заполняя пустые области карт свирепыми морскими змеями, драконами или мифологическими существами, чтобы предупредить путешественников о рисках, с которыми они могут столкнуться, расширяя географические границы известного им мира. Для любого пользователя картами понимание границ знаний было почти так же важно, как и сами знания. Иллюзия знания была самой величайшей опасностью[1].

А где же обитают драконы в современном мире? Подозрительно, что они отсутствуют в практике управления рисками и неопределенностью.

---

[1] J. R. Ravetz, Usable knowledge, usable ignorance: incomplete science with policy implications, in: W. C. Clark, R. C. Munn (Eds.), *Sustainable development of the biosphere*, Cambridge University Press, New York, 1986, pp. 415–432.

Однако становится все более очевидным, что они притаились повсюду вокруг нас: на периферии институциональных границ, вне рамок академических дисциплин, за пределами столь тщательно рассчитанных показателей рисков... Они проявляют себя каждый раз в белых пятнах, касающихся научных, географических, временных и институциональных границ, которые остаются непризнанными из-за проблем, воплощенных в них, из-за нашего человеческого стремления к порядку и контролю.

Если невежество, неопределенности и риски лежат в границах спектра незнания, тогда в настоящей статье мы сосредоточимся на неизведанных проблемах, находящихся на дальнем конце этого спектра. Существует бесчисленное множество работ, определяющих и анализирующих различия между неопределенностью и риском[2], и любые попытки последовать за ними выходят за рамки данной статьи. Нас интересует, игнорируются ли интеллектуальные территории под названием «здесь обитают драконы», обозначающие неопределенную неопределенность, и почему.

Примеры «Здесь обитают драконы»

Сфера «здесь обитают драконы» не признана, поэтому исследований на эту тему мало. Настоящая статья выделяет три примера, а именно «*злободневные проблемы*», «*черные лебеди*» и «*посттривычная наука*», излагаемые ниже.

Злободневные проблемы или беспорядки — это не просто сложные проблемы. Они представляют собой неоднозначные, сильно ограниченные, тесно взаимосвязанные комплексные дилеммы. Из-за их переменчивого характера и сложных взаимозависимостей практически невозможно дать им единое определение, поскольку множество разных точек зрения и проблем сразу участвуют в игре[3].

Другая примета — *черный лебедь*, представляющий собой непредсказуемое, невероятное событие, для которого характерно огромное влияние на существующее положение[4]. Интересно то, что после появления «черного лебедя», такого события, как теракты 11 сентября 2001 г., совершенные Аль-Каидой, оно начинает рационализироваться и переосмысляться как

---

[2] G. M. Morgan, and M. Henrion, *Uncertainty: A Guide to Dealing with Uncertainty in Quantitative Risk and Policy Analysis*, Cambridge University Press, Cambridge, 1990; M. B. A. van Asselt, The complex significance of uncertainty in a risk era: logics, manners and strategies in use, *International Journal for Risk Assessment and Management* 5 (2/3/4) (2005): 125–58; R. E. Lofstedt, and M.B.A. van Asselt, A Framework for Risk Governance Revisited, in: O. Renn, K. D. Walker (Eds.) *Global Risk Governance: Concept and Practice Using the* irgc *Framework*, Springer, Netherlands, 2008, pp. 77–86.

[3] H. Rittel, and M. Webber, Dilemmas in a General Theory of Planning, *Policy Sciences* (4) (1973): 155–169; R. Ackoff, *Redesigning the Future: A Systems Approach to Societal Problems,* John Wiley & Sons, NJ, London, 1974.

[4] N. N. Taleb, *The Black Swan*, Allen Lane, London, 2007.

нечто более предсказуемое, с использованием ретроспективного анализа для доказательства существования способности предвидеть[5].

Третий вариант — это «*постпривычная наука*», используемая для обозначения спорных, часто новых форм технологий, таких как генная инженерия, нанотехнологии или ядерная энергия[6]. Постпривычная наука характеризуется высокими ставками, неопределенностью фактов, спорными ценностями и неотложными решениями, следовательно, соотношение затрат и выгод всегда будет предметом ожесточенных споров. В такой ситуации признание со стороны коллег либо низкое, либо практически отсутствует, теоретические структуры основаны на статистической обработке и вводе данных, а неопределенность стремится к невежеству.

Все эти примеры очень разные, но у них есть общие черты. В каждом случае мы имеем дело со сложными социальными проблемами со множеством величин. Все они имеют дело со взаимодействием между многочисленными взаимосвязанными и взаимозависимыми системами со множеством разных участников. Поэтому информация по ним всегда будет оставаться неполной. Политические, социальные и технологические системы подвержены рефлексии, что делает невозможным точное вычисление вероятностей. Еще одной общей отличительной чертой этих систем является их способность бросать вызов традиционному мышлению и статус-кво.

Признание области «здесь обитают драконы»

«НЕВЕЖЕСТВО ПОДОБНО “БЕЛЫМ ПЯТНАМ” НА НАШЕЙ КАРТЕ ЗНАНИЙ: ВНУТРИ НИХ НЕТ НИКАКИХ ПОДРОБНОСТЕЙ, НЕТ НИКАКОЙ ПОЛЕЗНОЙ ИНФОРМАЦИИ. НА КАРТАХ МИРА РЕНЕССАНСА ... КАРТОГРАФЫ ПОНИМАЛИ, ЧТО ХУЖЕ, ЧЕМ ЗАБВЕНИЕ ФАКТОВ, ЯВЛЯЕТСЯ ЗАБВЕНИЕ НЕВЕЖЕСТВА; ИЛЛЮЗИЯ ЗНАНИЙ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ ИХ ПРЯМИКОМ К БЕДСТВИЮ»[7].

[5] B. Fischhoff, Hindsight =/= Foresight: The Effects of Outcome Knowledge on Judgment under Uncertainty, *Journal of Experiential Psychology: Human Perception and Performance* 1 (1975): 288–299; B. Fischhoff, An Early History of Hindsight Research, *Social Cognition*, 25 (1) (1998): 10–13.

[6] S. O. Funtowicz, and J. R. Ravetz, *Uncertainty and Quality in Science for Policy*, Kluwer, Dordrecht, 1990; S. Funtowicz, J. Ravetz, Three Types of Risk Assessment and the Emergence of Post-Normal Science, in: S. Krimsky, D. Golding, (Eds.), *Social Theories of Risk*, Praeger Publishers, Westport, London, (1992) pp. 251–273; J.R. Ravetz, Science for the Post- Normal Age, *Futures*, 25 (7) (1993): 735–755.

[7] J. R. Ravetz, and S. O. Funtowicz, Usable Knowledge, Usable Ignorance: A Discourse on Two Sorts of Science, Paper presented at the International Congress: The Experts are

Успех любой попытки управлять неопределенностью или риском зависит от анализа, соответствующего данной проблеме. В случаях неопределенной неопределенности это означает признание незнания. Сократ утверждал, что он ничего не знает, кроме факта своего невежества[8], однако сегодня невежество не ассоциируется с мудростью.

Из-за отсутствия признания, сфера «здесь обитают драконы» обычно остается скрытой, нежелательной и нераспознанной. Это упущение может иметь определяющее значение при решении спорных вопросов, которые включают научную комплексность, внутреннюю неопределенность[9], множественные группы заинтересованных сторон, сложные взаимозависимые системы[10] и более длительные временные рамки. Последствия закрашивания территорий «здесь обитают драконы» могут также привести к неоптимальным решениям, ненадежным компромиссам, подрыву институционального доверия и серьезным последствиям для исследований[11]. Самое главное, учитывая, что мы живем в постпривычное время[12], не пора ли отказаться от идей «контроля и управления» и принять ценность сферы «здесь обитают драконы» как предупредительный сигнал, помогающий ориентироваться и адаптироваться перед лицом неопределенности?

Важнейший вопрос, который необходимо понять, заключается в том, почему существование территории «здесь обитают драконы» вызывает столь широко распространенное, полное отрицание. В данной статье отсутствие признания объясняется тремя факторами, а именно:

- психологией человека и его стремлением к контролю;
- институциональным давлением и ограничением;
- научными условностями и давлением рационального мышления.

Categorical: Scientific Controversies and Political Decisions Concerning the Environment, Arc et Senans, France, 11–13 September 1989.

[8] D. Laertius, trans. C. D. Yonge *The Lives and Opinions of Eminent Philosophers*, George Bell & Sons, London, 1895.

[9] National Research Council, *Science and Judgment in Risk Assessment*, National Academy Press, Washington dc, 1994; P. C. Stern, H. V. Fineberg, (Eds.), *Understanding Risk: Informing Decisions in a Democratic Society*, National Academy Press, Washington dc, 1996.

[10] A. Wilkinson, S. Elahi, and E. Eidinow, Riskworld, *Journal of Risk Research*, 6 (4–6) (2003): 289–579 (Special Issue); Joint United Nations Programme on hiv/aids, aids in Africa: Three Scenarios to 2025, unaids, Geneva, 2005.

[11] A. Finkel, *Confronting Uncertainty in Risk Management: A Guide for Decision Makers, Center for Risk Management*, Resources for the Future, Washington dc, 1990; J. Graham, and J. B. Wiener, *Risk vs. Risk: Tradeoffs in Protecting Health and the Environment*, Harvard University Press, Cambridge, 1996.

[12] Z. Sardar, Welcome to postnormal times, *Futures*, doi:10.1016/j. futures.2009.11.028, 2009.

Психология человека и стремление все контролировать

Все люди обладают врожденным желанием контролировать свое окружение. Некоторые исследователи утверждают, что чувство контроля, реального или иллюзорного, является одним из источников психического здоровья[13]. С точки зрения восприятия риска двумя критическими факторами, влияющими на человеческое суждение, являются следующие: фактор «страха», т. е. является ли риск управляемым, но при этом его нелегко уменьшить, и «неизвестный риск», т. е. известны ли данные риски науке, или другими словами, каков уровень неопределенности[14].

Необъяснимые и непонятные события обладают качествами, усиливающими и расширяющими их эмоциональное воздействие. Поскольку они кажутся необычными, мы с большой вероятностью будем продолжать думать о них, пытаясь объяснить и контролировать, а также избегать подобных событий в будущем.

«Как только мы объясним событие, мы можем сложить его, как свежевыстиранное белье, и положить в ящик памяти, чтобы перейти к следующему. Но если какое-то событие не поддается объяснению, оно становится загадкой или тайной ... которые обычно отказываются оставаться в глубине нашей души»[15].

В попытке понять и контролировать необычные события, люди опираются на свое воображение. Однако оно ограничено нашим опытом, культурой и мировоззрением. Например, в 1520 году Фердинанд Магеллан прибывает на Огненную Землю, расположенную в крайней точке Южной Америки. Он и его команда были удивлены, обнаружив, что местные индейцы не заметили, как корабли мореплавателей заходили в залив. Потом стало ясно, что индийская концепция судна представляла собой маленькое выдолбленное из дерева каноэ, и ничто в их прошлом опыте и понимании не подготовило их к восприятию больших парусных судов с убранными парусами[16]. Точно так же наш опыт ограничен собственными представлениями о реальности, и нам трудно вообразить потенциально разрушительные события, не имеющие исторического прецедента. Однако, отрицая такие невообразимые события, мы не просто игнорируем факты, но игнорируем собственное невежество[17].

---

[13] S. E. Taylor, and J. D. Brown, Illusion and Well-Being: A Social-Psychological Perspective on Mental Health, *Psychological Bulletin*, 103 (1988) pp. 193–210.

[14] B. Fischhoff, P. Slovic, S. Lichtenstein, S. Read, and B. Combs, How Safe is Safe Enough? A psychometric study of attitudes toward technological risk and benefits, *Policy Science* 9 (1978): 127–152; P. Slovic, B. Fischhoff, and S. Lichtenstein, Facts and fears — understanding risk, in: R. Schwing, W. A. Albers, (Eds.), *Societal Risk Assessment*, Plenum, New York, 1980, pp. 181–218.

[15] D. Gilbert, *Stumbling on Happiness*, Harper Press, London, 2006, p. 189.

[16] J. Diamond, *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*, W. W. Norton & Company, New York, London, 1997.

[17] O. Renn, and B. Rohrmann, (Eds.), *Cross–cultural Risk Perception*, Kluwer, Dordrecht, 2000; G. Hofstede, Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviours, Institutions and Organisations across Nations, second ed., Sage, Thousand Oaks, CA, 2001.

Существует различная степень ощущения обществом угрозы неопределенных и неизвестных ситуаций. Эта степень терпимости, проявляемая нами по отношению к неопределенности, зависит не только от культуры, достатка и социально-политических институтов, но и от мировоззрения. Несмотря на все различия, существуют форсайт-инструменты, например, сценарии, которые позволяют группам с различными, противоречивыми взглядами коллективно исследовать слабые сигналы потенциально разрушительных изменений и вместе оценивать неразрешимую неопределенность, таким образом преодолевая психологические барьеры, изложенные выше.

Институциональный ответ неопределенности

Хотя политики и институциональные органы четко поделены на составляющие, комплексных человеческих, технологических и экологических систем нет. Чаще всего анализ и принятие решений, влияющих на такие многогранные проблемы, происходит по частям, в рамках институциональных границ, используя призму одной проблемы. Это позволяет политикам быть совершенно правыми в рамках узкой модели, при наличии точных предположений, или абсолютно ошибаться, если какое-либо из предположений окажется неверным.

Современное постиндустриальное общество представляет собой такое общество, в котором озабоченность рисками и стремление избежать их чрезвычайно высоки в коллективном сознании. Как описывает создатель концепции «общества риска»: «Движение, инициированное обществом риска... выражается в утверждении: "я боюсь!"»[18]. Для институтов, ответственных за управление обществом и за риски, с которыми оно сталкивается, это создает реальные проблемы. Важнейший вопрос заключается в том, следует ли признавать неопределенность и доводить ее до сведения общественности. Понятно, что это желательно делать, учитывая, что прозрачность коммуникации является ключевым элементом общественного доверия. Признание неопределенности может повысить доверие к тому, кто о ней оповещает. Однако это также может усилить общественный страх и подорвать доверие, создавая впечатление некомпетентности в принятии решений[19].

Во многих случаях институциональной реакции ошибочно принимается решение оставаться на стороне знакомого и отрицать неопределенность, чтобы избежать институционального дискомфорта, который может спровоцировать признание риска типа «здесь обитают драконы». В результате аккуратно опускаются многие сложные политические, социальные и технологические вопросы.

---

[18] У. Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

[19] R. J. Bord, and R. E. O'Connor, Determinants of Risk Perceptions of a Hazardous Waste Site, *Risk Analysis*, 12(3), (1992), 411–415; B. Johnson, and P. Slovic, Explaining uncertainty in health risk assessments: Initial studies of its effects on risk perception and trust, *Risk Analysis,* 15, (1995), 485–494.

Есть несколько способов отрицания институциональной неопределенности. Конфликты более высокого уровня с высокой степенью научной неопределенности могут быть преобразованы в конфликты более низкого уровня, где имеется больше научной уверенности, и где научные эксперты могут дискутировать с бо́льшим авторитетом[20]. В качестве альтернативы институциональные организации могут передать ответственность за оценку риска тем, от кого рассматриваемый риск исходит, или, если эта стратегия не подходит, просто избегать бремени принятия решений и оставлять политический вакуум[21]. Результатом такого отказа от ответственности является то, что граждане, участвующие в дискурсе, вынуждены обсуждать проблемы, поднимаемые ими, в узких технократических рамках, опираясь на фактические аргументы. Это гарантирует, что опасения по поводу оспариваемых ценностей и мировоззрений рационализируются и в большинстве случаев не выражаются, что препятствует конструктивным дебатам и постепенно вызывает общественное отчуждение в процессе принятия решений[22].

«Здесь обитают драконы» игнорируются политиками по ряду причин. Иногда это делается для того, чтобы успокоить общественность, иногда потому, что эксперты не хотят демонстрировать свое невежество, иногда потому, что масштаб задачи настолько велик, что институциональные организации не могут выявить масштаба разрыва между регулятивными полномочиями и реальностью. Какова бы ни была причина, одно можно сказать наверняка:

ОТРИЦАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЕИ НЕ ЗАСТАВЛЯЕТ ИХ ИСЧЕЗНУТЬ. ЭТО ПРОСТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НЕТ МЕХАНИЗМОВ ДЛЯ МОНИТОРИНГА ИХ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ И ПОТЕНЦИАЛА СКРЫТОЙ В НИХ ОПАСНОСТИ.

Возможно, пора больше сосредоточиться на системном характере рисков и неопределенностей, признав сферу «здесь обитают драконы» и найдя инструменты для более эффективного выявления, отслеживания и управления наиболее серьезными из них.

---

[20] O. Renn, The role of risk communication and public dialogue for improving risk management, *Risk Decision and Policy*, 3 (1), (1998), 5–30.

[21] M.B.A. Van Asselt, E. Vos, Precautionary principle and the uncertainty paradox, *Journal of Risk Research*, 9 (4), (2006), 313–336.

[22] R. E. Löfstedt, and O. Renn, The Brent Spar controversy: An example of risk communication gone wrong, *Risk Analysis*, 17, (1997), 131–136; G. Cvetkovich, and R. Löfstedt, (Eds.), *Social Trust and the Management of Risk*, Earthscan, London, 1999.

Научное соглашение перед лицом неопределенности

В то время как средневековый мир признавал «здесь обитают драконы» и как концепцию, и как ценность, наука, основанная на принципах наблюдения и эксперимента, подходит к проблеме неустановленной неопределенности с других позиций. Сутью науки является идея гипотезы и проверки. Наука не может обеспечить определенность: в ее основе лежит лучшая на текущий момент рабочая гипотеза. В любое мгновение могут появиться новые данные, опровергающие существующие теории и требующие их модификации. В принципе, наука представляет собой динамичный процесс, допускающий и охватывающий возможность ошибок, развивающийся по мере того, как более точные теории заменяют предыдущие. Однако успех научного мышления в продвижении быстродействующих и радикальных технологических инноваций, а также сопутствующий им экономический рост, означает, что на практике стало почти невозможно бросить вызов направленности развития научных усилий и сопутствующим рискам, вытекающим из новых технологий, порожденных ими.

Наука в основном полагается на два процесса, а именно на абстрагирование и анализ. Абстрагирование используется для установления организационных принципов, позволяющих ученым иметь дело с большими группами идей и вещей на основе их общих черт, а процесс анализа позволяет исследователям фрагментировать предмет до минимально возможной единицы[23]. Такой узкий взгляд способствует восприятию современного мира как упорядоченного и предсказуемого. Кроме того, редукционистский характер обоих процессов основан на предположении, что анализируемая часть является репрезентативной для всего множества, тем самым игнорируется врожденная сложность многих человеческих и природных систем[24].

Данное научное соглашение привело к современному восприятию мира как рационального, измеримого и поддающегося количественной оценке. Существует масса подходов к работе с рисками и неопределенностью, основанных на различных базовых единицах, методологиях, показателях риска и целях. Среди них: анализ решений, количественный анализ рисков, психометрическая теория игр, коммуникация риска, ограниченная рациональность, страховые расчеты и исследование природных опасностей[25]. Все эти разные подходы объединяет основополагающее предположение о рациональности. При этом данная рациональная модель основана

---

[23] J. Barzun, *From Dawn to Decadence: 1500 to the Present: 500 Years of Western Cultural Life,* HarperCollins, London, 2000.

[24] L. H. Gunderson, and C. S. Holling, (Eds.), *Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural System*s, Island Press, Washington DC, 2002.

[25] C. Jaeger, O. Renn, E. Rosa, and T. Webler, *Risk, Uncertainty and Rational Action*, Earthscan, London, 2001.

на представлении о том, что неопределенность ограничена и что риски можно идентифицировать и контролировать. Следовательно, неудобное «здесь обитают драконы» успешно игнорируется или уничтожается.

По мнению Национального исследовательского совета, «анализ неопределенности — единственный способ бороться с "ложным чувством уверенности", вызванным отказом признать и (попытаться) количественно оценить неопределенность при прогнозировании рисков»[26]. Тем не менее до сих пор нет общепризнанного руководства по научно обоснованному и последовательному подходу к анализу неопределенности[27], в первую очередь потому, что даже эксперты могут использовать интуитивные процессы или предубеждения там, где есть неустановленная неопределенность[28]. Один из подходов представляет собой набор руководящих принципов NUSAP, разработанный для количественной оценки степени неопределенности, присущей постпривычной науке. Данная аббревиатура состоит из начальных букв пяти категорий, отражающих качество информации, представляющей неопределенность: «цифровая», «единица», «распространение», «оценка» и «происхождение»[29]. К другим возможностям относится так называема «социальная арена», где различные субъекты борются за мобилизацию социальных ресурсов и подтверждающих фактов для получения общественной поддержки под бдительным присмотром правительственного органа, обеспечивающего соблюдения правил, и средств массовой информации, а также при наличии «агоры», некоей публичной арены, где наука и общество, рынок и политика могут согласовывать контекст будущего научного знания и неопределенности, порождаемого им.[30] Все эти предложения включают в себя как «экспертные», так и «общественные» комментарии, вопросы и расширение базы знаний, а также явное признание сферы «здесь обитают драконы».

---

[26] National Research Council, *Science and Judgment in Risk Assessment*, National Academy Press, Washington DC, 1994, p.161.

[27] US Environmental Protection Agency, *Science Policy Council Handbook: Risk Characterization*, EPA 100-B-00–002, Washington DC, 2000.

[28] B. Fischhoff, S. Lichtenstein, P. Slovic, S. L. Derby,and R. L. Keeney, *Acceptable Risk*, Cambridge University Press, Cambridge, 1981; H. Otway, Public Wisdom, Expert Fallibility: Toward a Contextual Theory of Risk, in: S. Krimsky,and D. Golding, (Eds.), *Social Theories of Risk*, Praeger, Westport, London, 1992, pp. 215–228.

[29] S. O. Funtowicz, and J. R. Ravetz, *Uncertainty and Quality in Science for Policy*, Kluwer, Dordrecht, 1990. NUSAP представляет собой аббревиатуру английских слов Numeral (цифровой), Unit (единица), Spread (распространение), Assessment (оценка) и Pedigree (происхождение). — *Прим. пер.*

[30] O. Renn, The social arena concept of risk debates, in: S. Krimsky, and D. Golding (Eds.) *Social Theories of Risk*, Praeger, Westport, 1992, pp. 179–197; H. Nowotny, P. Scott, and M. Gibbons, *Re-thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty*, Polity, Cambridge, 2001.

Признание области «здесь обитают драконы»

В предыдущих разделах я утверждала, что человеческая психология, институциональные рамки и научное соглашение объединились, чтобы удалить «здесь обитают драконы» из коллективного сознания. Я также упомянула об опасностях, которые возникают из-за нежелания признать данную область неопределенности. В данном разделе я излагаю мысли по поводу того, как этому процессу можно противодействовать, используя новые цифровые инструменты и процессы, доступные для использования в более широких социальных рамках. Такой подход сможет объединить разрозненные культурные ценности и мировоззрения, чтобы добиться бо́льшей социальной легитимности, а также признания и локализации территорий «здесь обитают драконы».

Есть и другие потенциальные преимущества. В современном сетевом обществе существует беспрецедентный и, возможно, безграничный доступ к знаниям. Доступная обществу информация влияет на восприятие мира, а также открывающихся вместе с этим рисков и возможностей[31]. Без информационных ограничений прошлого сегодняшнее взаимосвязанное общество встает перед очевидным выбором из двух возможных вариантов: построение современной Вавилонской башни или, в качестве альтернативы, создание более широкой коллективной общественной мудрости.

Как избежать вавилонского исхода событий? Существуют определенные требования, предъявляемые к группе людей, желающей стать носителем «мудрости толпы»[32]. Важно отметить, что группа должна характеризоваться достаточным разнообразием для выработки различных мнений и независимого мышления, вместе со способностью оспаривать другие точки зрения и доступом к контекстно-зависимым знаниям, будь то специализированные или локальные. Однако для превращения множества индивидуальных суждений в агрегированные коллективные решения требуются подходящие инструменты, а цифровая эра породила их в великом множестве.

Некоторые примеры включают *Wikipedia*, онлайн-энциклопедию, представляющую собой коллективный проект; *Slashdot*, связанный с технологиями веб-сайт, новости которого публикуют читатели и оценивают редакторы; или проект *Open Directory*, в котором участвуют шестьдесят тысяч добровольцев. Ведомство США по патентам и товарным знакам недавно создало пилотный проект одноранговой патентной экспертизы, позволивший представителям широкой публики с определенным уровнем знаний стать общественными рецензентами и помогать патентному

---

[31] Y. Benkler, *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*, Yale University Press, New Haven, 2006.

[32] *Дж. Шуровьески*. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке. — М.: Издательство «МИФ», 2013.

ведомству в поиске информации, имеющей отношение к оценке притязаний находящихся на рассмотрении патентных заявок[33]. Во время президентских выборов 2008 года *TechPresident*, межпартийный групповой блог создал Форум личной демократии (*Personal Democracy Forum*), интерактивный веб-сайт, отслеживающий реакцию избирателей на кандидатов, а также то, как собранные ими материалы влияют на избирательную кампанию[34]. В каждом случае знания и таланты группы использовались для создания контента, прогнозирования проблем или их организации[35].

Толпа не всегда бывает мудрой, и при определенных условиях результат «Вавилонского столпотворения» является более реальным. Без достаточного разнообразия и способности оспаривать взгляды других существует вероятность «группового мышления», психологического стремления избежать несовпадающих мнений[36]. Например, *Digg*, интернет-сайт, использующий онлайн-технологии для оценки вопросов по получаемым ими голосам, подвергся манипуляции со стороны автора, стремящегося повлиять на мнение референтной группы. Он просто купил нужные голоса, чтобы добиться достаточно высокой популярности. Но, что интересно, как только он достиг определенного уровня, ему больше не нужно было заниматься подкупом, поскольку его вмешательство создало собственный импульс[37]. Человеческое желание представлять себя успешными и признанными группой привело к «переломному моменту» в нашей истории, когда идеи, продукты, сообщения и поведение распространяются так же, как и вирусы[38]. Это явление может привести к принятию неоптимальных решений и к изощренным манипуляциям со стороны определенных заинтересованных сторон.

В сегодняшней сетевой информационной экономике огромный объем и сложность доступной информации означает, что как правило имеет место некая форма редактирования открытых данных. Для выполнения такой редакционной функции есть множество сетевых инструментов и процессов, и данная функция связана с огромной властью. «Привратник»/редактор может контролировать поток информации и отфильтровывать ее содержи-

---

[33] Данный проект создал правовую, политическую и программную основу, что впервые открыло общественности дорогу для участия в процессе патентной экспертизы. См. www.peertopatent.org [Accessed: 30 April 2010].

[34] Refer to http://techpresident.com [Accessed: 30 April 2010].

[35] J. Howe, *Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business,* Crown, New York, 2008.

[36] I. Janis, *Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes*, Houghton Mifflin, Boston, 1982.

[37] A. Newitz, I Bought Votes on Digg, *Wired*, 2007. www.wired.com/techbiz/people/ news/ 2007/03/72832 [Accessed: 30 April 2010].

[38] M. Gladwell, *The Tipping Point: How Little Things can make a Big Difference*, Little, Brown and Company, London, 2000.

мое, тем самым влияя не только на доступную информацию, но и на восприятие сайтом мира и его территорию «здесь обитают драконы», или ее отсутствие.

Более строгий подход к изучению различных представлений о конкретном риске предоставляется методологией *CMU Mental Models*, первоначально разработанной для изучения общественного восприятия радона, опасного вещества, которое может ухудшить качество воздуха в помещении и вызвать рак легких. Методология была адаптирована для использования в других контекстах, обеспечивая теоретическую основу для систематического анализа установок, ценностей и восприятия общественности, а также способов, которыми она обрабатывают поступающую к ней информацию[39].

Другой способ сопоставить и найти область «здесь обитают драконы» – информационное картирование. Характерной чертой территории «здесь обитают драконы» является ее многомерный аспект, создающий трудную для понимания комплексность. Эту информацию можно представить как большую фреску, иллюстрирующую отношения и взаимосвязи со смежными проблемами, создавая тем самым визуальный лексикон и общую ментальную карту, которую можно как продублировать, так и изменить, и которая располагает область «здесь обитают драконы» там, где она и должна быть[40].

Есть много вопросов, которые необходимо решить, если мы хотим добиться желаемого более широкого социального участия. Один из них заключается в том, может ли сообщество свободно выбирать и менять своего «ответственного редактора», а если нет, то каковы могут быть уровни зависимости и варианты выбора. Вторая проблема касается уровня заинтересованности сторон, необходимого для их гарантированного участия в коллективном процессе, и формы подразумеваемого вознаграждения за это. Важнейший вопрос заключается в том, приведут ли эти новые цифровые инструменты и процессы к росту осознания существования и к признанию области «здесь обитают драконы» или давление человеческой психологии, институциональных рамок и научного соглашения продолжат удерживать нас от доступа к приемлемому знанию. Я лично считаю, что, будучи использованы в сочетании со сценарным планированием и форсайтом, эти инструменты могут гарантировать попадание территории «здесь обитают драконы» на наши коллективные ментальные карты.

---

[39] A. Bostrom, B. Fischhoff, and G. M. Morgan, Characterising Mental Models of Hazardous Processes: A Methodology and an Application to Radon, *Journal of Social Issues*, 48 (4), (1992), 85–100; G. M. Morgan, B. Fischhoff, A. Bostrom, and C. J. Atman, *Risk Communication: A Mental Models Approach*, Cambridge University Press, New York, 2002.

[40] R. E. Horn, What we do not know: Using information murals to portray scientific ignorance, *Futures*, doi:10.1016/j.futures.2005.07.009, (2005) 1–5; Refer also to www.stanford.edu/~rhorn/a/site/Horncv.html

Сценарии как анализ мета-рисков

Форсайт — процесс исследования будущего. Наша человеческая способность предвидения позволяет нам представить себе то, что еще не произошло, чтобы защитить себя от суровых реалий фактического опыта. Мы запускаем этот процесс, чтобы понять и сформировать направление, в котором может разворачиваться наше будущее, поскольку одни варианты будущего гораздо более предпочтительны, чем другие. Однако есть когнитивные процессы и эвристика, которые могут искажать информацию, используемую нами[41]. Это может помешать попыткам найти и понять область «здесь обитают драконы».

Сценарная методология является форсайт-методологией, позволяющей исследовать комплексность, а также противоречивые системы убеждений. Сценарии предлагают средства коллективного изучения неопределенностей, вырабатывая таким образом общее понимание лежащих в их основе динамики и проблем, которые могут повлиять на будущее. Поскольку сценарии предполагают более длительный временной горизонт, разработчики сценариев получают право на то, чтобы заглянуть за пределы краткосрочных интересов и проблем, характерных для большинства институциональных и политических решений. Тем самым разработчики сценариев получают «разрешение» на изучение территорий «здесь обитают драконы».

Хотя сценарии не являются самоцелью, они представляют собой полезный инструмент для понимания ряда возможных вариантов, а также для выявления вероятных рисков и благоприятных возможностей. Они создаются разнообразной по своему составу группой людей, объединяющих таким образом опыт широкого круга различных дисциплин, тем самым поощряя сотрудничество и взаимное обогащение и сводя к минимуму потенциальное групповое мышление. Сценарии представляют собой набор нескольких альтернативных, одинаково правдоподобных будущих состояний, что заставляет отличающиеся друг от друга группы признать определенную информацию, бросающую вызов их мировоззрению, но в то же время признающую их точку зрения. Этот процесс увеличивает вероятность распознавания возможной области «здесь обитают драконы» и в конечном итоге должен повысить осведомленность о нашем комплексном сегодняшнем мире и более активно реагировать на него.

---

[41] A. Tversky, and D. Kahnemann, Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases, *Science,* 185 (1974), 1124–1131; A. Tversky, and D. Kahnemann, The Framing of Decisions and the Psychology of Choice, *Science,* 211 (1981), 453–458; L. Festinger, *A Theory of Cognitive Dissonance*, Stanford University Press, Stanford, 1957.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ КАК ФОРСАЙТ-ИНСТРУМЕНТА ИМЕЕТ ВНУТРЕННИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ: КАЧЕСТВО РЕЗУЛЬТАТА БУДЕТ ЗАВИСИТЬ ОТ КАЧЕСТВА ПРИЛОЖЕННЫХ УСИЛИЙ.

Качество будет зависеть от процесса и наличия необходимого разнообразия умов участников, присутствующих при обсуждении, или тех, чьи интеллектуальные способности оказались каким-то образом задействованы в данном процессе. Хотя сценарии — несовершенный инструмент, они помогают подготовиться к будущему. Если не используешь стеклянный шар предсказателя, то лучше быть частично правым в широком диапазоне возможных предположений, чем полностью ошибаться.

Люди и их институты обычно сопротивляются изменениям. Почти пять веков назад Макиавелли сказал: «Следует помнить, что нет ничего более трудного для проведения, более опасного для осуществления и более неопределенного для успешного завершения, чем возглавить введение нового порядка вещей. Поскольку новатор будет иметь своими врагами тех, кто преуспел при старых порядках, а равнодушными защитниками — претендентов на успех при новых»[42]. Никогда раньше еще не было такой большой потребности в социальной адаптации перед лицом экспоненциальных изменений. Сегодня различные сообщества настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, что существует большая потребность в повышенной сопротивляемости. Однако это потребует признания существования территорий, где обитают драконы, и стратегий по их материализации. Именно поэтому я считаю, что сценарии представляют собой потенциальный инструмент для анализа мета-рисков системных проблем, с которыми сталкивается общество. Они могут помочь преодолеть иллюзию безопасности, возникшую в результате социальной близорукости, а также решить вопросы процессуальной справедливости и, возможно, справедливости результатов[43].

Заключение

Наука дала множество ответов миру, в котором мы живем. Результатом стал беспрецедентный технический прогресс и экономическое развитие. Однако невежество, двусмысленность и научная неопределенность слишком часто

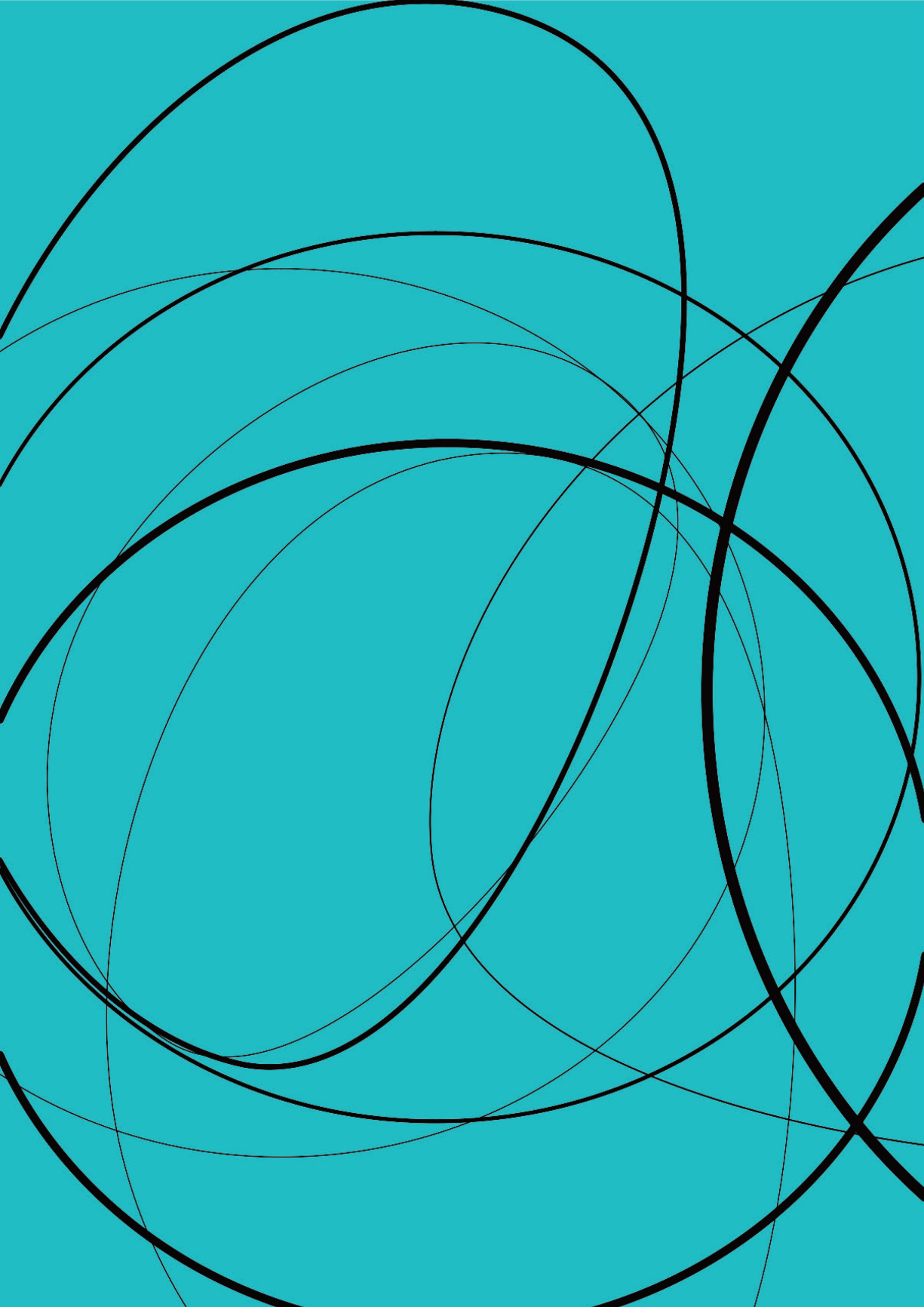
[42] N. Machiavelli, and P. Rodd, (Trans.) *The Ruler*, The Bodley Head, London, 1954 (original, 1532), pp. xx.

[43] S. Elahi, Conceptions of Fairness and Forming the Common Ground, in: R. Ramirez, J. W. Selsky, and K. van der Heijden (Eds.) *Business Planning for Turbulent Times*: New Methods for Applying Scenarios, Earthscan, London, 2008, pp. 223–241.

удачно стирались с наших карт знаний. «Надежная наука» обычно используется в качестве основы для принятия политических решений, но при наличии научных экспертов, которые могут выступать за или против, когда возникает необходимость, любое подобие нейтральности и рациональности недооценивается.

Пришло время признать существование земель, обозначаемых как «здесь обитают драконы», и выяснить, какие из них представляют наибольший риск для общества, в котором хотим жить мы и новое подрастающее поколение. Это обеспечит принятие краткосрочных решений без ущерба долгосрочным перспективам всего человечества. Это также должно привести к более справедливому и эффективному распределению ограниченных ресурсов.

Мир постоянно меняется. Единственно, в чем мы можем быть уверены в этом нестабильном мире, так это в том, что область «здесь обитают драконы» завтрашнего дня вряд ли будет похожа на сегодняшнюю. Сегодняшние драконы могут быть скрытыми, нежелательными и неузнаваемыми, но они никогда не должны оставаться вне рамок нашей коллективной ментальной карты. Принятые нами сегодня решения повлияют на мир завтрашнего дня, включая местонахождение, размер и масштабы сферы «здесь обитают драконы». Какими бы ни были выводы, к которым пришли лица, определяющие политику, и существующие институты, незнание увеличивает вероятность системной нестабильности и разрушительных изменений. Земли, где обитают драконы, окружают нас повсюду, но человечество, зависящее от сложной сети взаимосвязанных систем, игнорирует их на свой страх и риск.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

ПОСТПРИВЫЧНЫЕ АРТЕФАКТЫ

Зияуддин Сардар

Мы любим делить историю на четко обозначенные периоды. Это помогает нам видеть ее движение, какой прогресс был достигнут, и учесть сдвиги парадигм, если таковые имеются. Тенденция к категоризации истории имеет свою собственную историю и восходит к греческому поэту Гесиоду, который разделил предысторию на золотой, серебряный, бронзовый, героический и, наконец, железный века. Овидий, римский поэт, согласился с этим делением и создал аналогичные мифы в своих «Метаморфозах». Отличие состояло в том, что он видел только четыре периода: в его делении не было героев, которые улучшили бы печальное состояние человечества. Однако в Золотом веке царили справедливость и мир, возможно потому, что, как говорит нам Овидий, человек не мог ориентироваться, был ограничен той территорией, где он родился, и не встречал *другого*.

В отличие от историков, астрологи избегали металлов и выбирали знаки Зодиака. Поэтому у нас есть эпоха Тельца, Овна, Рыб и так далее, в том числе «Эпоха Водолея», которая была очень популярна в 1960-х и 1970-х годах, когда я тоже был среди «детей цветов» и присоединялся к толпе, чтобы прийти в восторг от «Волос», «американского любовного рок-мюзикла». Христианство определяет возраст мира в шесть веков, в то время как в индуизме есть «четыре юги» (Сатья-юга, Трета-юга, Двапара-юга и Кали-юга), в течение которых мы последовательно становимся все более и более безнравственными и жестокими!

В общем, деление истории рассматривается с трех основных точек зрения: космологической, геологической и исторической. Космологическая перспектива, как и следовало ожидать, восходит к Большому взрыву 13,8 миллиарда лет назад. Первоначально его продолжительность была в аттосекундах: Эпоха Планка (10–43 секунды после Большого взрыва), Эпоха Великого объединения (между 10–43 и 10–36 секундами

после Большого взрыва), Эпоха электрослабого режима (между 10–36 секунд и 10–12 секунд после Большого взрыва, когда Вселенная остывает), Инфляционная эпоха (от 10–36 секунд до 10–32 секунд после Большого взрыва, когда Вселенная сжимается). По истечении этих периодов мы полностью проходим через элементарные частицы (кварки, адроны, лептоны, фотоны). Дойдя до минут, мы вступаем в Эпоху нуклеосинтеза (от 3 до 20 минут после Большого взрыва), а затем нам придется ждать 377000 лет до наступления Эпохи рекомбинации и от 150 миллионов до одного миллиарда лет, когда начнут формироваться первые звезды в Эпоху реионизации. Геологическое деление включает кайнозойскую, мезозойскую, палеозойскую, неопротерозойскую, мезопотерозойскую и палеопротерозойскую эры, каждая из которых подразделяется на периоды, эпоха за эпохой, слой за слоем эволюционных событий.

Когда дело доходит до исторической перспективы, периодизация может быть простой или проблематичной, в зависимости от вашей точки зрения. Доминирующее деление начинается с древней истории (3600–500 гг. до н. э.), затем человечество исчезает на века, и на самом деле ничего не происходит (с западной точки зрения), пока мы не переходим к постклассической эре (500–1500 гг.), быстро вступая затем в современную историю (начиная с 1500 г.), которая делится на ранний модерн, средний модерн и современность. По сути, история в основном рассматривается как история западной цивилизации, считающейся вершиной достижений человечества, и ее периодизация отражает этот европоцентризм. Обычно мы начинаем с Греции и переходим к Средневековью, как будто между этими двумя периодами ничего не происходило. Исламу и Китаю не придается особого значения, а то про них и вовсе забывают, поскольку история и идеология редко расходятся. Конечно, в разных культурах, цивилизациях и нациях будет своя периодизация, а разные авторы создают свое собственное деление.

Мусульманский историк XIV века Ибн Халдун разделил историю только на две части: явную и сущностную[1]. Для Ибн Халдуна важна была не периодизация истории или реальные исторические события, а рассмотрение того, как история формировала общественную жизнь, локальную и глобальную среду. В книге «Закат Европы» (1981) немецкий историк Освальд Шпенглер отверг понятие линейности истории, с четко разделенными эпохами под заголовками «древнее / средневековое / современное»[2].

---

[1] Ibn Khaldun, *The Muqaddimah: An Introduction to History*, translated by Franz Rosenthal (Princeton: Princeton University Press, 1967), русский перевод: «Введение (ал-Мукаддима)». Составление, перевод с арабского и примечания А. В. Смирнова // Историко-философский ежегодник 2007. М., 2008. С. 187—217.

[2] Oswald Spengler, *The Decline of the West* (Sydney: Oxford University Press, 1991), русский перевод: *Шпенглер О.* Закат Европы. — М.: «Наука», 1993. — 592 с.

Шпенглер предположил, что историю следует рассматривать с точки зрения культур, которые органически вырастают в цивилизацию. Он выделяет восемь «высоких культур»: вавилонскую, египетскую, китайскую, индийскую, мексиканскую (майя/ацтеки), классическую (греческую и римскую), арабскую и западную. Американский историк науки Джордж Сартон разделял историю на периоды, приписывая каждые полвека доминирующей интеллектуальной личности[3]. Итак, мы начинаем с «эпохи Гомера» и систематически продвигаемся от греков к «временам Сюань Цзаня», «временам И-цзиня» и «временам Беде», т. е. к первой половине VIII века. С этого момента и далее наступает время мусульманских мыслителей: «время Джабира ибн Хайана», отца химии; «время аль-Хорезми», основателя алгебры; «время ар-Рази» и так далее, вплоть до Коперника и западных светил. Британский историк Арнольд Тойнби рассматривал историю с точки зрения взлетов и падений цивилизаций, описав таким образом 23 из них[4]. Конечно, еще историю можно делить по империям, монархам, войнам и завоеваниям, включая периоды империализма и колониализма, что и сделали многие историки. Совсем недавно британский историк-марксист Эрик Хобсбаум разделил постпросвещенческую историю на: эпоху революций (1789–1848 гг.), эпоху капитала (1848–1875 гг.), эпоху империй (1875–1914 гг.) и эпоху крайностей (1914–1991 гг.), что соответствует названиям книг его монументального четырехтомника[5]. В своей новой книге Генри Киссинджер[6] делит историю на четыре «мировых порядка»: исламский, китайский, европейский и американский.

Но не только историки и политологи разделяют прошлое на удобоваримые части. В эту игру играли и футурологи. Элвин Тоффлер представлял движение истории в виде трех волн. Первая начинается с земледельческого общества, заменившего охотников и собирателей на земледельцев и скотоводов. Вторая волна начинается с промышленной революцией в Европе, которая привела к массовому производству и массовому потреблению, а Тоффлер в свою очередь наивно верит в массовое образование. «*Третья волна*»[7] должна была привести к постиндустриальному обществу или, если хотите, обществу информационному. Менее оптимис-

---

[3] George Sarton, *Introduction to the History of Science* (New York: Robert E Krieger, 1975), 3 volumes.

[4] Arnold Toynbee, *A Study of History* (Oxford: Oxford University Press, 1961), 12 volumes. Русский перевод: *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001.

[5] Eric Hobsbawm, The *Age of Revolution 1789–1848* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1962); Eric Hobsbawm, *The Age of Capital 1848–1875* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1975); Eric Hobsbawm, *The Age of Empire 1875–1914* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1987); Eric Hobsbawm, *Age of Extremes 1914–1991* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1994).

[6] Henry Kissinger, *World Order* (London: Allen Lane, 2014). Русский перевод: Киссинджер Г. Мировой порядок. / Пер. с англ. Желнинов В., Милюков А. — М.: АСТ, 2014.

[7] Alvin Toffler, *The Third Wave* (New York: Bantam Books, 1980). Русский перевод: Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004.

тично настроенные футурологи видели, как недавняя история переходила от кризиса к кризису. Рональд Хиггинс предположил, что мы перешли от шести угроз — демографический взрыв, нехватка продовольствия, истощение ресурсов, разрушение окружающей среды, ядерная угроза и злоупотребление наукой и технологиями — к «*Седьмому врагу*»[8], представленному политической инерцией и индустриальной слепотой. И Тоффлер, и Хиггинс были частично правы. Возможно, недавние разработки в области синтетической биологии, трехмерной печати и «умного дома» выталкивают нас за пределы третьей и четвертой волны. И даже если мы не уловили шесть угроз Хиггинса, политическая инерция и полная слепота по отношению к глобальному хаосу очевидны.

Однако в периодизации истории произошли некоторые интересные перемены, подразумевающие, что мы движемся к смене парадигмы. Например,

БЫЛО ВЫСКАЗАНО ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, ЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ТАК ГЛУБОКО ВОВЛЕЧЕНО В ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И АТМОСФЕРЫ ЗЕМЛИ, ЧТО ЭТО СИГНАЛИЗИРУЕТ О НАСТУПЛЕНИИ ЕЩЕ ОДНОЙ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: АНТРОПОЦЕНА, НОВОЙ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ, НАЧИНАЮЩЕЙ СВОЙ ОТСЧЕТ С ТОГО МОМЕНТА, КОГДА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА НАЧАЛА ОКАЗЫВАТЬ ГЛОБАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОСИСТЕМУ ЗЕМЛИ.

Элизабет Колберт, ученая и писатель, утверждает, что скорость исчезновения видов растет так быстро, что мы сейчас движемся к «*Шестому вымиранию*»[9]. Предыдущие пять привели к серьезной потере разнообразия: «Первое [вымирание] произошло в поздний ордовикский период, около 450 миллионов лет назад, когда живые существа все еще были в основном ограничены водой. Самое разрушительное вымирание произошло в конце пермского периода, около 250 миллионов лет назад, и опасно приблизило

[8] Ronald Higgins, *The Seventh Enemy* (London: Hodder and Stoughton, 1978).

[9] Elizabeth Kolbert, *The Sixth Extinction* (London: Bloomsbury, 2014). Русский перевод: Колберт Э. Шестое вымирание. Неестественная история. Пер. Якименко А., Садыхова Э. — М.: Издательство Corpus, 2019.

нас к тому, чтобы полностью опустошить землю. (Это событие иногда называют "матерью массового вымирания" или "великой смертью".) Самое последнее из известных массовых вымираний произошло в конце мелового периода: оно уничтожило, помимо динозавров, еще и плезиозавров, мозазавров, аммонитов и птерозавров»[10]. Кольберт отмечает, что беглый взгляд на текущую скорость вымирания среди земноводных свидетельствует о скором приближении событий аналогичного катастрофического характера.

Но независимо от того, как вы делите историю, необходимо иметь возможность связать свою систему с какими-то артефактами, например, с записанными идеями, взглядами, достижениями, с документами, сайтами, объектами, которые подчеркивают специфический характер каждого подраздела. Например, основой археологии является изучение артефактов, а именно предметов, которые наши предки создавали из стекла, керамики, дерева, металла и камня, и которые что-то говорят нам о прошлом. Так, например, большие монументальные постройки связаны с периодом неолита. Артефакты бронзового века включают оружие, такое как кинжалы, утварь, украшения, в том числе кольца и ожерелья, горшки и вазы, миниатюры лошадей, тигров и людей, а также механизмы, сделанные из бронзы. Подобным же образом мы можем идентифицировать определенные артефакты и характеристики, например, объекты, идеи и изменения в политических и социальных институтах, с другими периодами.

С точки зрения постпривычного времени[11] возникает естественный вопрос: если постпривычность представляет собой особую историческую эпоху, знаменующую переход от предыдущих периодов истории, какие артефакты и уникальные особенности она создала или может создать? Какой «хлам», выражаясь жаргонным языком, определяет эту эпоху как отдельный период?

Прежде всего следует отметить, что шкала времени, о которой мы говорим, сильно отличается от крупномасштабных шагов истории. Ускоряющиеся изменения продолжают сокращать и сворачивать исторические периоды. Например, история технологий делит современный период на эпоху машин (1880–1945 гг.), эпоху нефти (после 1901 года), атомную эпоху (после 1945 года), космическую эпоху (после 1957 года) и информационную эпоху (с 1970 года по настоящее время). Обратите внимание, как эти периоды сокращаются, а также перекрывают друг друга.

---

[10] Elizabeth Kolbert, *The Sixth Extinction* (London: Bloomsbury, 2014). Русский перевод: Колберт Э. Шестое вымирание. Неестественная история. Пер. Якименко А., Садыхова Э. — М.: Издательство Corpus, 2019, p. 6.

[11] См. Ziauddin Sardar, 'Welcome to Postnormal Times' *Futures,* 42 (2010), pp. 435–444; Ziauddin Sardar, 'Postnormal Times Revisited' *Futures,* 67 (2015), pp. 26–39; Ziauddin Sardar and John Sweeney, 'The Three Tomorrows of Postnormal Times' *Futures,* 75 (2016), pp. 1–13.

Информационная эпоха привела нас к эпохе интернета (с 1985 года), эпохе мультимедиа (1987–2007 гг.) и эпохе больших данных (с 2007 года по настоящее время)[12]. Информационная эпоха породила постмодернизм, мировоззрение, доминировавшее с 1970-х по 2000-е годы, что само по себе было реакцией на излишества современности, периода, определяемого как «модерн». Конечно, это не четкое и точное деления; периоды значительно перекрываются. Постпривычное время наступает после десятилетий постмодерна, в период того, что мы можем назвать Современностью.

Период современности, как правило, охватывает историю, еще живущую в нашей памяти. Традиционно считается, что живая память насчитывает около 80 лет, поскольку большинство людей в возрасте 80 лет, здравствующих сегодня, все еще будут помнить свое детство (если они не страдают «чумой современности»: деменцией и болезнью Альцгеймера). Таким образом, это примерно период, начавшийся со Второй мировой войны, который знаменует собой начало атомной эры, отделяющей прошлые эпохи от того, что принято считать новейшим этапом мировой истории, «настоящим временем».

Если постпривычное время породило свои собственные артефакты, то мы сможем отличить их от артефактов других периодов современности, таких как модерн или постмодерн. Поэтому, для целей данного исследования, давайте разделим эпоху современности на четыре временных отрезка:

Классика (1920–1950 гг.)
Модерн (1950–1975 гг.)
Постмодерн (1975–2005 гг.)
Постпривычность (2005 — по настоящее время)

Это деление так же произвольно, как и любые другие попытки разбить историю на проименованные блоки. Однако теперь мы можем идентифицировать артефакты, связанные с периодами классики, модерна и постмодерна, и посмотреть, породило ли постпривычное время нечто совершенно новое. Но сначала давайте более тщательно определим наши три периода, предшествовавших постпривычному времени.

Период классики не следует путать с *классическим периодом*, который относится именно к результатам культуры Древней Греции и Древнего Рима. Когда мы изучаем классический период, мы изучаем язык и литературу классической античности (600 г. до н.э. – 600 г. н.э.). Понятно, что мы не говорим о Платоне или Филоне Александрийском. Но мы используем этот термин в смысле чего-то, имеющего непреходящую

[12] Daniel R Headdrick, The Tools of Empire (Oxford: Oxford University Press, 1981).

привлекательность и непреходящее и вневременное качество, например, как прилагательное (классический автомобиль), или существительное (литературный классик). Классика может быть чем-то старым, но это не антиквариат. Это нечто, что по-прежнему ценится и рассматривается как имеющее внутреннюю ценность. Это может быть идея, например, «прогресс», или социальный институт, например, «брак».

Но мы говорим именно о классических изделиях периода современности. Например, Cadillac V16 и Rolls Royce до 1940 года считаются классическими автомобилями. Когда мы думаем о классическом голливудском кино, то на ум приходят названия, используемые в киноведческих исследованиях: «Унесенные ветром» (1939) и «Гражданин Кейн» (1941). Это примерно период между 20-ми и 50-ми годами XX века.

Эпоху модерна определить сложнее. Период раннего модерна восходит к Колумбу, переходит в эпоху Возрождения и Просвещения и ведет к викторианской эпохе. Период позднего модерна начинается с промышленной революции и доходит до начала холодной войны. Ясно, что не это мы подразумеваем под модерном. Мы используем данный термин так, как он используется в истории искусства, где «поздний модернизм» — это период, который начинается после Второй мировой войны. (Следует отметить, что модернизм как направление в искусстве и модерн как концептуальное мировоззрение не одно и то же и не могут использоваться взаимозаменяемо.) В целях нашего исследования мы определяем, что эпоха модерна начинается в 1955 году, когда впервые появляются телевидение, атомные подводные лодки, музыкальные синтезаторы и телетрансляция президентских пресс-конференций.

По иронии судьбы, границы эпохи постмодерна определить легче. Их ознаменовала публикация Жана-Франсуа Лиотара «Состояние постмодерна»[13]. Хотя здесь тоже есть некоторая путаница из-за работы британского социолога Зигмунта Баумана, названная «Текучая современность»[14], которую другие именуют поздним модерном, который граничит с постмодернизмом и неотличим от него. Американский литературный критик Фредрик Джеймисон в подзаголовке своей знаменитой книги описывает постмодернизм как «Культурную логику позднего капитализма»[15]. Конечно, в первую очередь должно было что-то произойти, чтобы Лиотар представил своего рода «Отчет о состоянии дел». Таким образом, мы можем считать началом эпохи постмодерна 1975 год.

---

[13] Jean-François Lyotard, *The Postmodern Condition* (Manchester: Manchester University Press, 1978). Русский перевод: *Лиотар, Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. — М.: Алетейя, 1998.

[14] Zygmunt Bauman, *Liquid Modernity* (Oxford: Polity Press, 2000). Русский перевод: *Бауман, З.* Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008.

[15] Fredric Jameson, *Postmodernism: Or, the Cultural Logic of Late Capitalism* (London: Verso, 1992). Русский перевод: Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. — М.: Издательство института Гайдара, 2018.

К 2005 году постмодернизм был в значительной степени дискредитирован, хотя его все еще продолжают энергично защищать в определенных академических кругах. Таким образом, мы можем отнести начало постпривычного времени к 2005 году, когда глагол «*to google*», то есть использовать поисковую систему Google, получил широкое распространение.

Определенные характеристики можно связать с каждым из указанных периодов. Например, в классическую эпоху изменения были медленными, а то и квазистатическими. Они увеличились в эпоху модерна, набирали скорость в период постмодерна, ускоряясь и становясь хаотичными в постпривычное время. Политически мир был организован в империи в классическую эпоху и раздробился на национальные государства в период модерна. В то время как национальные государства продолжают существовать, региональные группировки и объединения, такие как Европейский Союз и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), становятся важными в период постмодерна. В постпривычное время власть начинает переходить к негосударственным коммерческим субъектам, таким как Google и Facebook, и даже террористическим группировкам, среди которых Аль-Каида, как один из примеров. В классические десятилетия на мировой арене доминировали конкурирующие колониальные державы: Великобритания, Франция, Голландия и США. Эпоха модерна ознаменовалась холодной войной и биполярным миром, в котором США и Советский Союз стали двумя противоборствующими сверхдержавами. Потом мы вошли в однополярный мир с распадом Советского Союза, когда США стали единственной сверхдержавой в эпоху постмодерна. Сегодня, в постпривычное время, мы движемся к миру, где ведущие партии принадлежат множеству держав, поскольку сила смещается в сторону Китая, России, Индии и Бразилии. Ключевыми понятиями классической эпохи были завоевание, превосходство и прогресс. Период модерна продолжал подчеркивать прогресс, но сместил внимание на эффективность и модернизацию. Постмодернизм объявил о ликвидации всех «великих нарративов», включая прогресс, идеологию и религию, выдвинув на первый план множественные истины и плюралистические голоса. Постпривычное время делает акцент на сложности и хаосе и подчеркивает неуверенность и невежество. Память играет важную роль как в классическую эпоху, так и в период модерна. Но для постмодернизма характерна амнезия. В 2003 году Тимоти Мелли отметил, что «Мнемонические средства снова вошли в моду. На воспоминаниях сформировалась новая литературная культура. Бесчисленные критики утверждали, что мы живем в “эпоху забвения”, и что Соединенные Штаты страдают “исторической амнезией”»[16]. Но постмодернизм затронул не только США.

---

[16] Timothy Melley, ‘Postmodern Amnesia: Trauma and Forgetting in Tim O’Brien’s “In the Lake of the Woods” *Contemporary Literature* Vol. 44, No. 1 (Spring, 2003), pp. 106–131.

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СТРЕМИЛСЯ СТЕРЕТЬ ПАМЯТЬ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ КУЛЬТУР. А ВОТ В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ УДАЛЕНИЕ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ИЗ ИНТЕРНЕТА СТАЛО БОЛЬШОЙ ПРОБЛЕМОЙ.

Можно привести и другие примеры. Но, возможно, было бы лучше представить различия между классикой, модерном, постмодерном и постпривычным временем в более сжатой форме. Учитывая, что мы находимся на самой начальной стадии постпривычного времени, мы можем представить только предварительные выводы. Более того, необходимо подчеркнуть, что ниже приводятся не «прогнозы» на будущее. Скорее, это продукт трендов, уже глубоко укоренившихся в «расширенном настоящем», и, будучи таковыми, они являют собой описание того, что на самом деле происходит.

Итак, вот мой примерный список нарождающихся постпривычных артефактов.

Смысл
Классика: «Я мыслю, следовательно, я существую».
Модерн: «Я развиваюсь, следовательно, я существую».
Постмодерн: «Я покупаю, следовательно, я существую».
Постпривычность: «Я делюсь, следовательно, я существую».

Истина
Классика: монолитна.
Модерн: монолитна.
Постмодерн: относительна и плюралистична.
Постпривычность: противоречива.

Идентичность
Классика: «Я — традиция и культура».
Модерн: «Я — наука и технологии».
Постмодерн: «Я — то, что я покупаю».
Постпривычность: «Я — моя страница на Facebook».

Изменения
Классика: квазистатичные, медленные.
Модерн: быстрые.
Постмодерн: более быстрые.
Постпривычность: темп все более ускоряется, хаотичные.

Системы

Классика: простые, закрытые.
Модерн: сложные, закрытые.
Постмодерн: комплексные, открытые.
Постпривычность: открытые, взаимосвязанные, комплексные, хаотичные.

Ключевые идеи

Классика: завоевание, превосходство, прогресс.
Модерн: прогресс, эффективность, модернизация.
Постмодерн: ликвидация больших нарративов (смысла), множественность истин, множественность голосов.
Постпривычность: комплексность, хаос, противоречия, неопределенность, невежество.

Мировой порядок

Классика: конкурирующие колониальные державы (Великобритания, Франция, Голландия, США).
Модерн: биполярный мир; «холодная война» (США — Советский Союз).
Постмодерн: однополярный мир (США).
Постпривычность: многополярный мир (США, Китай, Россия, ЕС, Индия, Бразилия).

Знание

Классика: проведение обоснованного исследования…
Модерн: …ставшего возможным благодаря научному прогрессу и развитию.
Постмодерн: социально сконструировано и относительно, Википедия.
Постпривычность: «расширенные факты», заложенные в неопределенности и незнании.

Наука

Классика: погоня за истиной, финансируется главным образом государством.
Модерн: научный метод как нейтральная, объективная правда; финансируется государством и корпорациями (военно-промышленный комплекс); рецензируемые публикации.
Постмодерн: социально сконструирована; финансируется главным образом комплексом военно-промышленных корпораций; рецензируемые публикации.
Постпривычность: «факты неопределенные, ценности спорные, ставки высокие, решения срочные»; управляется мегакорпорациями (Google, Microsoft) и миллиардерами-филантропами; «расширенные сообщества коллег», но все еще в значительной степени финансируется комплексом военно-промышленных корпораций.

Технологии

Классика: медленное внедрение науки для облегчения работы.
Модерн: идеологически ориентированы на «улучшение общества», антибиотики, а также ядерное оружие.
Постмодерн: встроены в политику; секвенирование генома, биотехнологии, информационные и коммуникационные технологии.
Постпривычность: слияние человека и машины, редактирование ДНК, дроны, киборги.

Медицина

Классика: без антибиотиков и необходимых анестетиков.
Модерн: «современная хирургия», антибиотики, мониторинг при помощи электрокардиограммы (ЭКГ), операции на сердце, трансплантация почек.
Постмодерн: электронный мониторинг пациентов, микрохирургия, пластика лица.
Постпривычность: дистанционная хирургия, терапия стволовыми клетками, синтетические органы.

Связь

Классика: телефон, телеграф, азбука Морзе, радио.
Модерн: микроволны, телевизор.
Постмодерн: мобильные телефоны, электронная почта, Интернет, World Wide Web.
Постпривычность: мгновенная, непрерывная, круглосуточные мировые новостные каналы, Facebook, Twitter, «интернет вещей».

Политическая организация

Классика: империи.
Модерн: национальные государства.
Постмодерн: региональные группы и союзы (ЕС, АСЕАН, ОИК).
Постпривычность: переход власти к негосударственным субъектам.

Правление

Классика: представительная демократия.
Модерн: демократия, основанная на учете интересов сторон (неолиберальная, гипер-современная).
Постмодерн: совещательная демократия (разнообразие, множественность, «политика различий»).
Постпривычность: комплексное, хаотичное, неуправляемое.

Экономика
Классика: классическая макроэкономика (Адам Смит).
Модерн: капиталистическая (свободный рынок), коммунистическая (централизованно управляемый).
Постмодерн: неолиберальная экономическая глобализация (крупномасштабная корпоративная торговля и приватизация ресурсов).
Постпривычность: цифровая, «подиумный» монетаризм.

Религия (разновидность)
Классика: монотеизм.
Модерн: монотеизм.
Постмодерн: Нью Эйдж, фундаментализм.
Постпривычность: эклектика, фундаментализм, политеизм.

Равенство
Классика: законодательно утвержданная дискриминация, «закон о бедных».
Модерн: государство всеобщего благосостояния, предполагается равенство всех перед законом, эффект просачивания благ для улучшения положения бедных.
Постмодерн: мультикультурализм, интеграция, ассимиляция.
Постпривычность: рост неравенства, богатые становятся богаче с молниеносной скоростью.

Границы
Классика: фиксированные.
Модерн: гибкие.
Постмодерн: прозрачные.
Постпривычность: исчезающие.

Природа
Классика: приручить и эксплуатировать.
Модерн: приручена, под контролем, но есть «пределы роста».
Постмодерн: социальное конструирование природы, эко-политика.
Постпривычность: дикая, изменение климата, исчезающие виды.

Окружающая среда
Классика: относительно благоприятная.
Модерн: загрязненная.
Постмодерн: токсичная.
Постпривычность: экологическая катастрофа, изменение климата.

«Божество»
Классика: «Бог везде и во всем».
Модерн: «богом является Истина» (ранний модерн); «Бог мертв» (поздний модерн).
Постмодерн: «бог — это машина» или «бог — это я».
Постпривычность: «богом является невежество».

Религия (роль)
Классика: религия объясняет мир.
Модерн: религия помогает нам понять мир.
Постмодерн: религия была ложью; либеральный секуляризм — новая теория спасения.
Постпривычность: религия — неопределенный феномен, поэтому должна быть открыта для множественных интерпретаций и стать комплексной.

Война
Классика: Первая мировая.
Модерн: Холокост.
Постмодерн: война в Персидском заливе (как ее показывали по ТВ).
Постпривычность: атаки дронов, кибервойна, милитаризованные роботы (война как игра, лишенная человеческой составляющей).

Протесты
Классика: акты гражданского неповиновения (движение за права чернокожего населения Северной Америки), ненасильственное противление (Ганди).
Модерн: анархическая подрывная деятельность, жестокие демонстрации («Черные пантеры»), мирные марши (компания за ядерное разоружение).
Постмодерн: массовая мобилизация («гей-парады», протесты против войны в Персидском заливе).
Постпривычность: стимулируются цифровыми СМИ, взаимосвязаны, сложные и хаотичные по своей природе («арабская весна», протесты дальнобойщиков в Великобритании, США и других странах, протесты работников общественного транспорта Аргентины).

Терроризм

Классика: городские банды, терроризм во имя независимости («Битва за Алжир»[42]).
Модерн: локальный, с конкретными целями (ИРА, баскские сепаратисты).
Постмодерн: глобальный, террористы-смертники, негосударственные субъекты (Аль-Каида).
Постпривычность: глобальный, взаимосвязанный, с привлечением социальных сетей, территориально ориентирован («Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), Талибан, Боко Харам).

Тело

Классика: мускулистое.
Модерн: спортивное.
Постмодерн: андрогенное.
Постпривычность: улучшенное.

Города

Классика: Миссисипи, Кейптаун (периода апартеида).
Модерн: Нью-Йорк, Лондон, Париж.
Постмодерн: Токио, Дубай, Путра-Джая (Малайзия).
Постпривычность: Багдад (после вывода союзников), Каир (после двух восстаний), Алеппо, Фергюсон, США.

---

[42] **«Битва за Алжир»** — военная кинодрама итальянского режиссёра Джилло Понтекорво, вышедшая на экраны в 1966 году и ставшая одним из самых громких киноскандалов десятилетия. В центре фильма — события алжирской борьбы за независимость в 1954-1960 годах. Фильм основан на книге мемуаров Саади Ясефа — одного из лидеров «Фронта национального освобождения», левой политической партии Алжира.

Фильмы

Классика: «Мистер Смит едет в Вашингтон»[43].
Модерн: «Вторжение похитителей тел»[44].
Постмодерн: «Секс, ложь и видео»[45].
Постпривычность: «Она»[46].

Телевидение

Классика: «Я люблю Люси»[47].
Модерн: «Миссия невыполнима»[48].
Постмодерн: «Звездный путь: Следующее поколение»[49].
Постпривычность: «Кремниевая долина»[50].

---

[43] **«Мистер Смит едет в Вашингтон»** (*Mr Smith Goes to Washington*) — фильм режиссёра Фрэнка Капры, снятый в 1939 году по рассказу Льюиса Р. Фостера «Джентльмен из Монтаны» (The *Gentleman from Montana*). Сюжет разворачивается вокруг борьбы героя-одиночки, преданного своей стране и ее идеалам свободы, с коррупцией и политиками-интриганами.

[44] **«Вторжение похитителей тел»** (*Invasion of the Body Snatchers*) — научно-фантастический фильм режиссёра Дона Сигела, снятый в 1956 году и ставший первой экранизацией романа Джека Финнея (псевдоним Уолтера Брейдена), американского писателя-фантаста. Основная тема — вторжение недружественного разума из других миров. Книга оказала влияние на творчество многих писателей и кинематографистов, и попытки ее экранизация продолжаются до сих пор. С каждым новым фильмом сюжет приобретает все более мрачные, сюрреалистические краски.

[45] **«Секс, ложь и видео»** (*Sex, Lies and Videotapes*) — американская психологическая драма, режиссёра Стивена Содерберга, вышедшая на экраны в 1989 году. Фильм повествует о взаимоотношениях женщины, разочаровавшейся в своей семейной жизни из-за постоянных измен мужа, и мужчины, отчаявшегося найти счастье в любви. Фильм поднимает проблему сути настоящей интимной близости

[46] **«Она»** (*Her*) — американская фантастическая мелодрама режиссёра и сценариста Спайка Джонза, мировая премьера которой состоялась в 2013 году. В основе сюжета — события, разворачивающиеся в недалеком будущем и описывающие отношения человека и искусственного интеллекта.

[47] **«Я люблю Люси»** (*I Love Lucy*) — американский комедийный телесериал, выходивший в 1951–1957 годах, о домохозяйке, мечтающей оказаться на сцене, но ее муж всячески этому противится. Сериал считается одним из самых популярных и влиятельных за всю историю телевидения.

[48] **«Миссия невыполнима»** (*Mission: Impossible*) — американский телевизионный сериал, снятый в 1966–1973 годах. В основе сюжета — работа специального отряда оперативников, которые борются с преступниками, шпионами и диктаторами. Часто операции проводятся в странах Восточного Блока, на фоне «ужасов коммунистической диктатуры».

[49] **«Звёздный путь: Следующее поколение»** (*Star Trek: The Next Generation*) — американский телевизионный научно-фантастический сериал, снимавшийся в 1987–1994 годах. Является частью фантастической саги «Звёздный путь», повествующей о приключениях космического корабля «Энтерпрайз NCC-1701-D».

[50] **«Кремниевая долина»** (*Silicon Valley*) — американский комедийный сериал, созданный в 2015–2019 годах о бизнесе в Кремниевой долине.

Музыка

Классика: джаз, биг-бэнд свинг.
Модерн: поп, рок-н-ролл, диско, тяжелый рок (хэви-метал).
Постмодерн: нью-эйдж, психоделика, смесь восточной и западной, панк, гранж и хаус.
Постпривычность: еще не появилась, но канадская экспериментальная группа «Post Normal» работает в этом направлении.

Голливудские герои

Классика: Кларк Гейбл — «Честно говоря, дорогуша, мне наплевать».
Модерн: Джеймс Дин — «Плохой мальчик из хорошей семьи».
Постмодерн: Арнольд Шварценеггер — «Hasta la vista, детка».
Постпривычность: Джонни Депп — «Честно говоря, нужно остерегаться честных людей. Никогда нельзя предсказать, когда они собираются совершить невероятную глупость».

Секс-символ

Классика: Мэй Уэст — «Это пистолет, или тебе просто приятно меня видеть?».
Модерн: Мэрилин Манро — «В джазе только девушки» (*Gentlemen Prefer Blondes*).
Постмодерн: Мадонна — «Я материальная девушка» (*I am a material girl*).
Постпривычность: Лаверн Кокс — «Подделка»[51].

Секс

Классика: «Кодекс Хейса» (никаких двуспальных кроватей, никаких поцелуев продолжительностью более десяти секунд, никакой обнаженки).
Модерн: «Трах-бах, спасибо, мэм».
Постмодерн: «Онлайн секс» — подключиться, выйти, отключиться.
Постпривычность: порнография не проблема.

Брак

Классика: моногамный.
Модерн: серийный моногамный.
Постмодерн: серийный, множественный, моногамный.
Постпривычность: гетеро, гомо, транс, серийный, множественный.

---

[51] **«Подделка»** (Faking It) — американский романтический комедийный телесериал (2014–2016 гг.), рассказывающий о том, как подросткам из либерального техасского сообщества приходится разбираться с проблемами сексуальной ориентации, терпимости и признания среди молодежи сегодня. Лаверн Кокс представляет трансгендерное (ЛГБТ) сообщество; первая женщина, открыто признавшая себя трансгендером и получившая ряд признанных международных артистических премий и номинаций.

Здания

Классика: Эмпайр-стейт-билдинг, Нью-Йорк.
Модерн: Музей Гуггенхайма, Нью-Йорк.
Постмодерн: отель «Бонавентура», Лос-Анджелес.
Постпривычность: Королевская часовая башня, Мекка.

Художники

Классика: Пабло Пикассо (1881–1973), испанский художник, основоположник кубизма.
Модерн: Джексон Поллок (1912–1956), американский художник, представитель абстрактного экспрессионизма.
Постмодерн: Энди Уорхол (1928–1987), американский основатель поп-арта.
Постпривычность: Бэнкси (р. 1974), псевдоним английского уличного художника.

Романы

Классика: Скотт Фицджеральд «Великий Гэтсби» (роман «века джаза»).
Модерн: Альберт Камю «Посторонний» (классика экзистенциализма).
Постмодерн: Салман Рушди «Дети полуночи» (историко-бытовое исследование с элементами мистики и волшебства).
Постпривычность: Дж. Уилсон «Алиф-невидимка» (городское фэнтези).

Глобальное постраннение

Джон А. Суини

КОГДА ВСЕ СТАНОВИТСЯ СТРАННЫМ, СТРАННОСТЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПРОФЕССИЮ.
Хантер С. Томпсон

Бандар Махшехру не привыкать к жаре. Летом в этом северо-иранском городке температура нередко держится выше 45 градусов выше нуля. Но когда температура поднялась выше 74 градусов по Цельсию (165 градусов по Фаренгейту), это стало вторым по величине показателем когда-либо зарегистрированным в истории. Вот тогда мир и обратил на это внимание. Жизнь Бандар Махшехра после этого стала неразрывно связана с крайне нежелательными последствиями глобального потепления. В течение многих лет отчеты предупреждали, что экстремальные явления начнут проявляться в мировой климатической системе, и что такая негостеприимная «привычность», знаменующаяся «тепловыми волнами, наводнениями, засухами и лесными пожарами», станет «новой реальностью глобального климата, в котором постоянно идет потепление». Однако факт наличия предупреждения об ожидающемся наплыве большого числа экстремальных явлений не означает, что у нас есть или будет возможность прогнозировать и/или смягчать их. Действительно, причинно-следственные связи, лежащие в основе глобальной климатической системы, достаточно комплексны, а изменение климата еще больше усложняет эту ситуацию. Как было отмечено в журнале «*Nature*»:

Экстремальная погода и меняющиеся погодные условия — очевидные проявления глобального изменения климата — не просто отражают легко идентифицируемые изменения в энергетическом балансе Земли, такие как повышение температуры атмосферы. Как правило, они имеют причины комплексного характера, включая аномалии

атмосферной циркуляции, уровня влажности почвы и тому подобное. Твердое понимание этих факторов имеет решающее значение, если исследователи хотят повысить эффективность климатических моделей, от которых зависят атрибуция событий и долгосрочные климатические прогнозы, а также повышение доверия к ним[1].

В отличие от небывалой жары в Бандар Махшехре, длившейся недолго, перспективы ограниченной уверенности, если не абсолютного невежества, относительно глобальной климатической системы являются слишком долгосрочными по размаху и масштабу. Короче говоря, климатическая система из той, какой мы ее знаем, которая процветала и к которой мы адаптировались, превращается в постпривычную, и любые попытки что-то обозначить заранее все больше и больше напоминают сизифов труд. Такова жизнь в антропоцене — эпохе крайних постраннений. Насколько странным станет то, что окружает нас? Данный вопрос может быть определяющим в XXI веке.

Погодная обсерватория на Мауна-Лоа, атмосферная станция у подножья одноименного вулкана на Гавайях (США), в мае 2013 года зафиксировала, что содержание двуокиси углерода в атмосфере достигло 400 частей на миллион впервые за «более чем 2,5 миллиона лет». Если взглянуть на эту тревожную символическую и чрезвычайную веху в исторической перспективе, то последний раз такой высокий уровень углерода в атмосфере был тогда, когда «температура на земном шаре в среднем была примерно на 3 градуса выше, а уровень моря поднимался над береговой линией на 5 метров и выше». При этом мир тогда был совершенно иным, и человечества тогда еще не существовало. Хотя по-прежнему ведутся споры о диффузных эффектах повышения уровня CO2 в атмосфере, о самой причине этого явления споров почти не ведется. А она кроется в человеческой деятельности, особенно энергоемких механизмах индустриального и постиндустриального капитализма. Мы *запутали* ход развития глобальной климатической системы, и поскольку этот процесс продолжается, мы живем в мире, подверженному *чрезвычайному постраннению*.

Глобальное постраннение, а не просто глобальное потепление, представляет собой больше, чем обычную игру слов. Это прогноз. Как я уже писал ранее, глобальное постраннение «является подходящим названием для зарождающейся сети

- растущего технологического прогресса, зависимости и повсеместной распространенности,
- надвигающейся экологической катастрофы/катастроф, и
- транснационального драйва и распространения постпривычных актантов».

[1] *Nature*, 'Extreme Weather', *Nature,* 489 (September): 335–36 (2012).

Под постпривычными актантами я имею в виду сетевые отношения, лежащие в основе и окружающие нас всех, что особенно очевидно в том феномене, который Зияуддин Сардар назвал постпривычным временем (далее ППВ). В ППВ то, что мы считаем само собой разумеющимся, становится неопределенным, наше понимание вещей может стать формой невежества, и окружавшая нас привычность, а то и сама идея привычного, рушатся на глазах. Во всяком случае, именно это и имеется в виду под глобальным постраннением, а крайние точки спектра постраннения указывают на растущую силу серьезного феномена, меняющего наше ощущение присутствия в мире. Выражаясь языком ППВ, конвергенция «комплексности, хаоса и противоречий» уже существует и будет продолжать приводить к системным сбоям, которые могут и должны начаться с субъектов различного масштаба и охвата.

Когда в 2010 году уличный торговец с лотка поджег себя в Тунисе, мало кто мог предвидеть последствия этого события. В эпоху крайнего постраннения Мохаммед Буазизи является типичным примером постпривычного актанта. Однако только тогда, когда мы поймем его самоотверженный акт протеста в свете сетевых сообществ, многие из которых использовали онлайн-платформы для организации своих действий вокруг политической критики в регионе, странная динамика ППВ становится наиболее очевидной. Благодаря сетевым СМИ протесты на Ближнем Востоке и в Северной Африке распространялись со скоростью лесного пожара. Данная метафора более чем уместна, особенно потому, что указывает на экстремальные последствия изменения климата как фактора распространения протестов по всему региону. Как отмечается в отчете о системных сбоях, лежащих в основе протестов в Египте, «зимняя засуха, случающаяся раз в столетие в Китае, сократила мировые поставки пшеницы, способствовала глобальному дефициту зерна и резкому росту цен на хлеб в Египте, крупнейшем в мире импортере пшеницы. Легитимность правительства и гражданское общество в Египте были расшатаны протестами, в основном сосредоточенными на бедности, нехватке хлеба и политическом недовольстве».

Хотя политическое недовольство определенно присутствовало во время деспотического правления президента Хосни Мубарака, резкое повышение цен на хлеб стало консолидирующей силой, объединившей различные интересы. Это буквально сделало политический ландшафт Египта *странным*. Конечно, человечество всегда было подвержено воздействию экстремальных явлений, но было бы глупо предполагать, что история является ключом к пониманию и продвижению в ППВ. Как мы можем продумывать подобного рода изменения? Какие концептуальные линзы могут помочь разобраться в том, что кажется неправдоподобным? Насколько окружающее нас *постраннеет*? Чтобы объяснить и предопреде-

лить экстремальные воздействия человечества на глобальную климатическую систему, два всемирно известных ученых, Пол Крутцен и Юджин Штёрмер, придумали термин антропоцен, «чтобы подчеркнуть центральную роль человечества в геологии и экологии»[2]. Учитывая крайнюю странность будущего, было бы полезно использовать перспективный взгляд, как назад, так и вперед, для понимания того, что может предвещать антропоцен.

В 1873 году итальянский геолог Антонио Стоппани использовал фразу «антропозойская эра», чтобы концептуализировать влияние деятельности человека в сфере геологии. Хотя Крутцен считается интеллектуальным предтечей концепта, степень проницательности Стоппани стала очевидной только недавно, по крайней мере, для англоязычной читающей аудитории. Выражая свое удивление по поводу наступления антропозойской эпохи, Стоппани восклицает: «Мы только в начале этой новой эры. Тем не менее, какой глубокий след человечество уже оставило на земле! Человек овладел ей совсем недавно; однако сколько геологических явлений мы можем исследовать на предмет их зарождения не в теллурических агентах, атмосфере, водных ресурсах или животных, а в человеческом интеллекте, в его вторгающейся и могущественной воле». В качестве одного из, возможно самых ранних, научных голосов, раздавшихся против непреходящего, а также крайне негативного влияния человеческой деятельности, пророческое заявление Стоппани было редкостью для своего времени, хотя бы из-за его внимательного отношения к масштабу этой деятельности. Но такие настроения вскоре стали обычным явлением среди тех, кто работает в набирающей силу экологии, как научной дисциплине.

Хотя эта новоявленная область научных исследований начала развиваться со второй половины XIX века, критическая концепция экосистемы получила широкое признание только в 1935 году с выходом книги Артура Тэнсли «*Использование терминов и концепций растительного мира и злоупотребление ими*». Появление концепции экосистемы во многом способствовало дальнейшему систематическому анализу деятельности человека в биосфере. Однако на рубеже веков многие мыслители уже стали делать громогласные заявления о роли и возможных последствиях антропогенных изменений в жизнедеятельности планеты. Это означает, что некоторые исследователи теоретизировали мир как одну единую систему, все больше и больше пытающуюся справиться с крайностями регулирования, осуществляемого человеком.

Однако менее чем через сто лет концепции управления и контроля, а то и самой стабильности, по отношению к глобальной климатической системе были поставлены под сомнение. В 1988 году Джеймс Э. Хансен из

[2] Paul Crutzen and Christian Schwägerl, 'Living in the Anthropocene: Toward a New Global Ethos.' *Environment 360*, January 2010.

НАСА дал показания на слушаниях в Конгрессе по вопросам изменения климата и намеренно использовал термин «глобальное потепление» для описания «причинно-следственной связи между парниковым эффектом и наблюдаемым потеплением». Публикация книги Билла Маккиббена «Конец природы»[3], которую многие считают «одной из первых книг о глобальном потеплении для широкой аудитории», подготовила почву для распространения концепции эпохи антропоцена. Многие стремились найти способ осмыслить крайности жизни в «антроцене», прототермин, использованный Эндрю Ревкиным, автором и журналистом, пишущим для *New York Times*. Он появился в его книге «Глобальное потепление: понимание прогноза»[4] для обозначения «геологической эпохи, созданной нами самими». К тому времени, когда Крутцен «экспромтом придумал данное слово»[5], что, возможно, приукрашивает обстоятельства его появления, учитывая богатую концептуальную историю термина, не говоря уже об «антропозое» Стоппани и «антроцене» Ревкина, идея о том, что деятельность человека оказывает экстремальное воздействие на биосферу планеты, хорошо зарекомендовала себя в научном сообществе. Но экзистенциальный смысл данного термина, предполагающего, что природы больше не существует, продолжает оставаться предметом споров для многих исследователей.

ТАК МНОГО ИЗ ТОГО, ЧТО МЫ СЧИТАЕМ САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩИМСЯ, «ПРИВЫЧНЫМ», ТЕПЕРЬ СТАЛО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ, А ПОЭТОМУ НЕЛЕГКО ПЕРЕДАТЬ ВСЕ ВАРИАНТЫ ЭКСТРАОРДИНАРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОДНИМ ТЕРМИНОМ.

Наши технологии стали экстремальными, современность приобрела экстремальные коннотации, наша экономическая система экстремальна, корпоративное поведение — экстремально, и почти все идеологии превратились в экстремальные. Неудивительно, что некоторые эксперты пытаются придумать термины, подчеркивающие конкретный аспект нашей экстремальной эпохи.

---

[3] Bill McKibben, *The End of Nature* (London: Bloomsbury, 2003; original 1989).

[4] Andrew Revkin, *Global Warming: Understanding the Forecast* (New York: Abbeville Press, 1992).

[5] Timothy Morton, 'This Biosphere Which Is Not One: Towards Weird Essentialism.' *Journal of the British Society for Phenomenology* 46 (2): 141–55 (2015).

В свете роли технологических достижений (от появления паровой машины до апофеоза алгоритмов) в ускорении и смягчении крайностей антропоцена, Пьер Бертон и Брайан Доннеллан, два эколога из Университета Бентли, Бостона и Национального университета Ирландии соответственно, предположили, что более подходящим названием эпохи могло бы стать слово «технопоцен». Этот термин, утверждают они, способствует «новому уровню внимательности людей к себе и результатам своей технологической деятельности»[6]. Человечество никогда не ограничивалось естественными процессами, хотя по-прежнему тесно и неразрывно взаимосвязано с окружающим миром. Таким образом, *технопоцен* обеспечивает более точный диагноз и, возможно, прогноз проблем в эпоху *антропоцена*. Тем более что многие считают: единственный способ предотвратить кризис — это удвоить, так сказать, разработку сложных адаптативных систем жизни на планете. Таким образом, технопоцен не следует понимать как крайнюю версию антропоцена, а, скорее, рассматривать как его концептуальный антецедент, поскольку человечество никогда не было свободно от технологий, что, к лучшему или худшему, продолжает определять нас как вид. В то время как технопоцену не хватает блеска и лоска антропоцена, многое можно сказать о выборе подходящего обозначения для того, что люди сделали и продолжают делать с планетой.

В качестве средства запечатлеть чрезвычайное антропогенное воздействие на планету, Юсси Парикка, финский ученый, специализирующийся на исследованиях в области СМИ, ввел термин «антробетический», чтобы обозначить «различные нарушения окружающей среды и жизни человека в корпоративной практике и технологической культуре, гарантирующие, что в будущей жизни самих людей останется мало». Утверждая, что единственным способом понять современную технокультуру является взгляд на нее через призму географии, Парикка подчеркивает неимоверную материальную составляющую нашей слишком современной жизни и, так сказать, перспектив будущего. Как и в случае с уровнем углерода в атмосфере, который будет продолжать расти в течение последующих 50 лет, даже если все выбросы прекратятся завтра, нет никакого способа отменить структурные изменения, которые технокультура произвела на планете. Эту крайность легко увидеть, если посмотреть на аэрофотоснимки шахт, используемых для добычи драгоценных минералов и металлов, необходимых для устройств, окружающих нас. А антропоцен заставляет нас сопротивляться тому, что «средства массовой информации возвращают нас к земной истории и будущим ископаемым временам». Короче говоря, Парикка напоминает нам, что принципы модерна слишком современны.

---

[6] Pierre Berthon and Brian Donnellan, 'The Greening of IT: Paradox or Promise?' *The Journal of Strategic Information Systems* 20 (1): 3–5 (2011).

В своей книге «Мы никогда не были современными» Бруно Латур, французский философ и социолог науки, резко критикует причины и следствия устойчивого, хотя и в значительной степени плодотворного, наследия модерна: отделения человечества от природы. С модернистской точки зрения задача наук, особенно физики, состояла в том, чтобы исследовать *природу* как объект и соответствующим образом сообщать о ней. Разделив политику и физику на два разных мира, модерн был строго ньютоновским в своей перспективе естественного и, как следствие, социального. Подтверждая сдержанность природных объектов, современность привела к патологической фиксации на прогрессе и росте, что привело к величайшему росту и, как следствие, концентрации богатства в истории человечества. Но у этой история вполне вероятно может и не быть счастливого конца. Как отмечает Латур: «Пока природа была далека и находилась под контролем, она все еще смутно напоминала конституционный полюс традиции, а наука все еще могла рассматриваться как простой посредник для ее обнаружения. Природа казалась резервным вариантом, трансцендентной, неисчерпаемой, достаточно далекой. Но к какой классификации отнести нам озоновую дыру, глобальное потепление или обезлесение?»[7] Подвергая сомнению пределы и деструктивность ложного представления модерна о природе, Латур утверждает, что глобальное потепление всегда было человеческим *и* естественным фактором, то есть *мы никогда не были современными* и никогда не были отделены от природы. Во всяком случае, именно это и призван передать антропоцен и его многочисленные варианты. Но может ли данная идея действительно подготовить нас к тому, что ожидает нас впереди?

Хотя многие изо всех сил пытаются положить конец кровавому конфликту в Сирии, некоторые попытались понять его истоки, и изменение климата стало ключевым подозреваемым в их расследовании. Согласно результатам исследования, опубликованным в Записке национальной академии наук США, «конфликт в Сирии демонстрирует влияние экстремального климатического явления в контексте неудач правительства, усугубляемого исключительным обстоятельством — большим притоком иракских беженцев. Многолетние засухи периодически случаются в регионе [Плодородного полумесяца] по естественным причинам, но маловероятно, чтобы недавняя засуха стала столь же сильной, если бы не столетняя тенденция к высыханию». Хотя некоторые исследователи, в частности канадская журналистка Гвинн Дайер, полагают, что в ближайшие годы вероятны климатические войны, недавний небывалый приток беженцев в Европу, в первую очередь из Сирии и Ливии, сигнализирует о том, что крайнее постраннение имеет и будет иметь

[7] Bruno Latour, *We Have Never Been Modern* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1993).

смертельные последствия[8]. Хотя и сегодня нам есть о чем беспокоиться, многие думают, что худшее еще впереди, хотя трудно игнорировать неимоверное постраннение, происходящее вокруг нас.

Точкой отсчета экстремальных странностей в Соединенных Штатах является Калифорния. Девизом штата является слово «Эврика!», восходящее к временам золотой лихорадки. Это восклицание переводится как «Я нашел это!» и связано с греческим изобретателем Архимедом, который, как говорят, произнес эту фразу после своего великого открытия. К сожалению, Калифорния открыла для себя только то, что мир стал неимоверно странным. В настоящее время 97% территории штата «испытывает определенную степень засухи», и в этом регионе выпадает настолько мало осадков, что снежный покров Сьерра-Невады находится на самой низкой отметке за «последние 500 лет». Такие условия идеальны для лесных пожаров. А недавно губернатор штата объявил чрезвычайное положение после того, как в северной части Калифорнии в результате крупного пожара было уничтожено «50 000 акров». Хотя многие жители могут приветствовать рекордный по силе шторм, ученые предсказывают, что осажденный штат столкнется с одним из самых сильных Эль-Ниньо[9] за всю историю наблюдений. Из-за высокой температуры воды океана, что является прямым результатом изменения климата, последствия «Годзиллы Эль-Ниньо»[10] могут быть катастрофическими, поскольку наводнения и оползни наверняка нанесут ущерб уже подвергшимся серьезной встряске системам реагирования. Поскольку ВВП Калифорнии превышает 2 триллиона долларов, что чуть выше валового дохода Бразилии, результаты масштабного явления Эль-Ниньо обязательно будут иметь глобальные последствия.

Небывалое постраннение, вызванное изменением климата, заставило некоторых задуматься о радикальных «решениях», которые остаются спекулятивными и содержат ряд неопределенностей. В 2012 году Мэтью Ляо с соавторами, группой ученых из Оксфордского и Нью-Йоркского университетов, с большой помпой опубликовали статью «Человеческая инженерия и изменение климата» (*Human Engineering and Climate Change*) в журнале «Этика, политика и окружающая среда». Утверждая, что

---

[8] Gwynne Dyer, *Climate Wars: The Fight for Survival as the World Overheats* (Oxford: Oneworld Publications, 2011).

[9] **Эль-Ниньо** (исп. El Niño — малыш, мальчик) — комплексное климатическое явление, возникающее нерегулярно в экваториальных широтах Тихого океана. Суть феномена состоит в значительном повышении температуры (на 4-5°С относительно среднего значения 26°С) поверхностного слоя воды на востоке Тихого океана. Появляется Эль-Ниньо, как правило, раз в три или семь лет и сохраняется в течение года. — *Прим. пер.*

[10] Данный феномен грозил западной части США, и прежде всего Калифорнии, осенью и зимой 2015 года, неся с собой небывалые за все последние десятилетия ураганы и циклоны. — *Прим. пер.*

«биомедицинская модификация человека» должна обсуждаться в свете грядущих невероятных постраннений, авторы предположили, что усиление чувства эмпатии, развитие фармакологической непереносимости углеродоемких продуктов, таких как красное мясо, и создание более низкорослых людей — более разумные и менее рискованные меры, по сравнению с крупномасштабными инициативами климатической инженерии[11].

Хотя Ляо и его коллеги ясно дают понять, что не занимаются защитой непроизвольной человеческой инженерии как образом действий, они твердо убеждены в том, что целенаправленные инициативы в области биоинженерии следует «рассматривать и дальше изучать», тем более что такой образ действий «может повысить шансы на успех поведенческих и рыночных решений». Несмотря на то, что люди всегда экспериментировали над собой, и не только в результате появления технологических инноваций, преднамеренная биофизическая модификация как средство смягчения последствий изменения климата представляет собой чрезвычайно странный ответ на серьезную проблему. Крайность порождает собой еще большую странность!

В мире, охваченном небывалым постраннением, людям, возможно, придется беспокоиться не только о новых угрозах, но и об опасностях из прошлого, которые, как ожидается, снова появятся, когда глобальная климатическая система превратиться в постпривычную. Данная динамика наиболее очевидна в тундре, где вечная мерзлота таит в себе отсветы грядущих кошмаров. Открытие в 2003 году вируса-гиганта, который все еще остается микроскопическим, потрясло научное сообщество, хотя ученые уверены, что ни один из обнаруженных на данный момент «древних» вирусов не представляет «угрозы для людей или животных». При этом те же ученые допускают возможность того, что «опасные вирусы, в состоянии анабиоза, действительно скрываются глубоко под землей», поскольку доисторическая вечная мерзлота создает условия сохранности инфекций. Хотя такой рода сценарий звучит как научная фантастика, нельзя недооценивать эффект чрезвычайного постраннения или считать это чьей-то прихотью. Во всяком случае, именно поэтому антропоцен — эпоха крайних странностей — может научить и уже учит нас: *немысленное* становится все более неизбежным.

---

[11] S. M. Liao, S. Anders and R. Rebecca, 'Human engineering and climate change' *Ethics, Policy & Environment* 15 (June (2)) (2012): 206–221.

ОТНОШЕНИЯ ВОСТОК — ЗАПАД В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ

Зияуддин Сардар

О, ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК,
И С МЕСТ ОНИ НЕ СОЙДУТ,
ПОКА НЕ ПРЕДСТАНЕТ НЕБО С ЗЕМЛЕЙ
НА СТРАШНЫЙ ГОСПОДЕНЬ СУД[1].

Когда Редьярд Киплинг написал эти строки «Баллады о Востоке и Западе», им аплодировали, они приобрели неимоверный успех, потому что в них точно выражалось представление о мире в период расцвета Империи. К сожалению, ментальные структуры надолго переживают творения человеческих рук. Идеи завоевывают намного бо́льшую территорию и пользуются бо́льшим авторитетом, чем все армии королевы-императрицы, восхваляемые Киплингом, который сам весьма неоднозначно относился к своим восточным англо-индийским истокам. Несмотря на свидетельства истории, политики, экономики и культуры, упрощенное суждение Киплинга по-прежнему остается предпочтительным подходом к пониманию мира.

Но все началось не со слов Киплинга. Восток и Запад различны, эти различия существенны и имеют непреходящее значение. Цивилизация,

культура и исторический опыт различают дискретное разнообразие, которое делает Восток восточным, а Запад — западным. Заблуждение проявляется в заключение: «и с места они не сойдут», по крайней мере, до Судного Дня! Именно в заключении скрывается сила и авторитет, а также мощь простой бинарной оппозиции. Проблема возникает не потому, что Восток и Запад действительно различны. Она возникает из-за того, что разница воспринимается как непреодолимый барьер: «и с места они не сойдут». Разница имеет силу отрицательного значения. То, что кодируется этой отрицательной оценкой, является основой страха и сомнения по отношению к Другому, чувством постоянной незащищенности и предубежденностью. В процессе работы отрицательное значение становится активным оценочным суждением, принципом ранжирования. В таких простых противостояниях *полюс другого* должен быть неполноценным, враждебным «нашему» благополучию, иначе разногласия были бы преодолимы и не было бы угрозы. Таким образом, непреодолимое различие становится доктриной сохранения дистанции, сохранения чистоты и обеспечения того, чтобы две стороны никогда не встретились. Формула воплощает свое собственное предсказание и поддерживает манипуляции мощью и властью с обеих сторон, чтобы поддерживать непримиримую вечную оппозицию. Истинность предпосылки о том, что Восток есть Восток, а Запад есть Запад, принимается за чистую монету, некритически, обосновывая последствия и конструкцию смысла, приписываемого очевидным различиям.

Несмотря на то, что Киплинг ошибался с самого начала, использовал неполные предпосылки и делал совершенно неправильные выводы, в награду он получил непреходящую стойкость своего упрощенного изречения. Распад простого бинарного противостояния соперничавших сверхдержав, конец «империи зла» в образе коммунизма, послужил поводом для того, чтобы гораздо более старший, более инстинктивный противник Киплинга вернулся и отомстил, чтобы спасти свои дела, политику, историю и все остальное от ужасной перспективы переосмысления в свете перемен. Мы достигли «конца истории», когда западный либерализм был объявлен бесспорным победителем, и наступило «столкновение цивилизаций», в котором Запад выступил против всех остальных цивилизаций мира. Скорость, с которой умер коммунизм и возник тезис Сэмюэля Хантингтона о «столкновении цивилизаций», ставший центром нашего обсуждения будущего, поистине удивительна. Безупречный сторонник безжалостной оппозиции времен холодной войны, Хантингдон продолжал анализировать посткоммунистическое будущее по тем же самым канонам. Линии разлома будущего противостояния, которое неизбежно, существенно и не подлежит сомнению, пройдут по семи «цивилизациям», определенных им в качестве противников Запада: конфуцианская,

японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская[2]. Важным является то, что в качестве стимула этих линий разлома выступает именно изречение Киплинга и его старые знакомые противопоставления. «Цивилизации» — это навевающее воспоминания архаично звучащее выражение действующей реальности: враждебное, непреодолимое различие. Не вся совокупность национальных государств, развития, глобализации и усвоенной современности может замаскировать конечную реальность и единственную значимую идею. Она заключается в том, что остальной мир является другим и поэтому будет действовать и бороться с Западом старым знакомым способом. Что бы мы ни думали о выражении «столкновение цивилизаций», оно становится широко распространенным, потому что весьма точно представляет, как мыслится прошлое, настоящее и будущее. Настроения, заменяющие разум, начали свою работу еще до того, как Хантингтон выдвинул их в качестве теории международных отношений.

ВОСТОК, ПРИ ВСЕЙ ЕГО СЛОЖНОСТИ, ПРОДОЛЖАЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ В КАЧЕСТВЕ ПОСТАВЩИКА ОСНОВНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ЗАПАДА: ИСТОЧНИКА «СТРАШИЛОК» И ЗЛОДЕЕВ; ВАРВАРСКИХ ОРД, МАРШИРУЮЩИХ К НАШИМ ГРАНИЦАМ, В ВИДЕ «МИГРАНТОВ» И «НЕЛЕГАЛОВ»; МУСУЛЬМАН, РАЗВОРАЧИВАЮЩИХ ПРОТИВ НАС ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ; СТАРЫХ И НОВЫХ ЗЛОДЕЕВ ПОД СТАТЬ ЗЛОДЕЯМ КОММУНИЗМА — ОТ ПУТИНСКОЙ РОССИИ ДО ГРОЗЯЩЕГО ВСЕМ КИТАЯ. ТАК БЫЛО И ТАК ПРОДОЛЖАЕТ ОСТАВАТЬСЯ.

Но сегодня настало время побороть эту пагубную бинарную логику. Говорить о четком разделении между Востоком и Западом в глобализированном, разнообразном, взаимозависимом мире общих проблем и общей человеческой судьбы опасно и абсурдно. Границы и разделительные линии

[2] Huntington, Samuel (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon and Schuster). Рус. перевод: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 603.

Востока и Запада не только изменились, но стали размытыми и плохо различимыми. Запад несет в себе столько же Востока, сколько Восток Запада. Запад не может продолжать воспринимать Восток как нечто совершенно отличное от себя; классическая тирада против Запада, пропагандирующая невиновность и хвастающаяся превосходством Востока, бессмысленна. Сила идей, породивших западный империализм, жива и продолжает здравствовать, и управляет Востоком внутри себя, сама по себе.

Поиск исходного злоумышленника и указание вины представляет собой способ продолжить игру, характерную для непримиримой оппозиции, в которой главенствуют подозрительность, военная готовность, манипулирование общественным мнением, двойные стандарты и пренебрежение насущными человеческими потребностями. Восток был причастен к увековечиванию этоса бинарных оппозиций. Вполне достаточно осудить Запад за совершенные им действия. Восток есть Восток, а Запад есть Запад. Чем больше Восток безоговорочно стремился подстроиться под Запад, некритически и рабски стать современным, тем выше его требования быть воспринимаемым как *другой*, и тем больше романтизирование высшего совершенства его собственных традиций и ценностей. Но независимо от того, насколько плохо обстоят дела, у Востока есть оправдание для немедленного отступления, благодаря преобладающему пониманию мира в духе Киплинга. Осуждения Запада за совершенные им действия (колониализм, неоимпериализм, политическое и экономическое господство) и бездействие (неспособность понять и оценить, а также непримиримое противодействие значимости восточных ценностей и идей) будет вполне достаточно. Таким образом самоуспокоением покрываются все непредвиденные обстоятельства, и Восток избегает потребности исследовать свои личные внутренние недостатки. Утверждение, что Восток есть Восток, а Запад есть Запад, устраивает всех.

Поскольку Восток и Запад являются результатами деятельности человека — человеческого общества, человеческой культуры, человеческой цивилизации, человеческих категорий мышления — обе эти категории содержат в себе добро и зло. Ни одно общество не является исключительно злым. Это просто невозможно. Но никакое общество не является и абсолютно добрым. Тогда оно было бы ангельским, а не человеческим. Любая попытка уйти от бинарных противопоставлений должна учитывать наличие доброго как на Востоке, так и на Западе, а также присутствие зла у обеих сторон. Только признав, что у всех «рыльце в пушку», можно согласиться с необходимостью найти новые способы очиститься от собственных недостатков, как на Востоке, так и на Западе. Чтобы понять, что не так в нашем мире, мы должны вычленить то, что одинаково неприемлемо как на Западе, так и на Востоке, и что хорошо и полезно везде, где бы мы не находились на планете.

Глобализированный мир — это мир, в котором у каждого есть проблемы, и ни у одного общества нет ответов на все вопросы. Мы должны учиться друг у друга, кем бы «мы» ни были. Различия между Востоком и Западом не являются непреодолимыми; они стали таковыми из-за извращенности человеческого понимания. Нам необходимо создать язык, понятный для всех, на котором можно было бы исследовать, как аналогичные принципы и общие ценности влияют на разнообразие наших систем мышления и социальной организации. Это очень сложный вопрос. Тем не менее есть ценности, принципы, императивы, рефлексы справедливости, равноправия, терпимости, права на личную свободу и ответственность перед обществом и многое другое в любом и каждом явно отличном от других обществе, людях и цивилизациях. Нам нужен язык, акцентирующий внимание на этих сходствах и выводящий их на первый план. Мы должны уметь продумывать свой путь к осознанию того, что Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и что это последняя наилучшая надежда для любых представлений о Востоке и Западе. Если мы не сможем осознать возможности истинно многопланового будущего, нам придется смириться с удручающим выводом о том, что современные проблемы не имеют решения, ни на Востоке, ни на Западе. Однако именно так оно и есть.

Необходимость сближения Востока и Запада выглядит еще более настоятельной, если учесть поистине глобальный характер многих проблем, которые нас преследуют: от изменения климата, угрозы пандемий, усиления конкуренции за энергоносители до растущей политической и финансовой нестабильности и усиления неравенства. Ни одну из этих проблем отдельно взятое государство не в состоянии «уладить», а проблемы эти влияют на каждого человека на планете. И они непростые: не так-то просто наладить экономику, обеспечить безопасность наших энергопоставок, бороться с пандемией, осуществлять нашу безопасность или даже сделать что-то существенное в решении вопроса изменения климата, которое только в 2012 году стало причиной наводнения в Маниле и засухи в нескольких штатах США. Это комплексные проблемы. Действительно, почти все, с чем нам приходится иметь дело в настоящее время, комплексно. Эта комплексность усугубляется тем фактом, что все наши проблемы взаимосвязаны, возникают одновременно, носят глобальный характер и подвержены быстрым изменениям.

Есть еще одно дополнительное измерение. Комплексные, взаимосвязанные проблемы часто приводят к хаосу. Хаотичное поведение проявляется не только на мировых рынках и в наших финансовых учреждениях, но также в нашей социальной, индивидуальной и институциональной деятельности. Благодаря мобильным телефонам, блогам, электронной почте и круглосуточным средствам массовой информации мы всегда в

курсе всего. Поэтому мы настроены на немедленную реакцию и оснащены средствами, позволяющими запускать новые модели цепных реакций. Все быстро преумножается и меняется в геометрическое прогрессии. Таким образом, небольшая пертурбация быстро приобретает глобальные масштабы. Поведение кучки беспринципных банкиров может привести к глобальному финансовому краху. Продавец овощей смог запустить движение за свободу и демократию, получившее название «арабская весна».

Когда комплексность и хаос сочетаются с ускоряющимися изменениями, единственным определенным результатом является неопределенность. Первые десятилетия XXI века со всей очевидностью показали, что мы живем в период неопределенности, быстрых изменений, двусмысленности, потрясений и перестановки сил. Это время, когда старые ортодоксии умирают, новые еще не родились, и кажется, что очень немногое имеет смысл, мало что вызывает доверие и вселяет в нас уверенность. В одной из своих работ я уже охарактеризовал этот период как «постпривычное время», промежуточную эпоху, когда все, что мы обычно считали привычным, потеряло смысл.

Что же такого особенного в постпривычном времени?

В привычное время сохраняется общее признание существующего распределения власти и иерархии интересов. В привычное время присутствуют разногласия и неудовлетворенность, но в подавляющем большинстве случаев изменения воспринимаются как проработка действительности и работа над тем, как обстоят дела. Социальный договор, скрепляющий общество, — это признание того, что заинтересованные стороны и держатели власти заботятся об общем благе. Следовательно, власть имущие и иерархический порядок вещей являются основой, на которой выстраивается лучшее будущее, и предпосылкой, направляющей наши усилия для воплощения этого будущего. В привычное время богатая мифология составляет основу понимания и поддержки общества, науки и экономики. При этом есть определенные предостережения и оговорки, которые допускают недостатки в системах, управляющих нашей жизнью. Но эти предостережения не подрывают коллективной веры и признанности наших институтов: интеллектуальных, академических, политических, социальных и культурных. Героическая наука, воля людей, героически воплощенная в законах и добросовестном управлении, благоразумие и честность как рутинные принципы, регулирующие экономику и правительство, вселяют уверенность в настоящее и надежду на будущее. Если что-то не так или даже далеко от совершенства, мы по-прежнему убеждены, что у нас есть средства, возможности и коллективное намерение, чтобы заставить это не просто работать, но работать лучше. Мифологические основы также создают самую востребованную роскошь привычного: время. Вещи могут быть взаимосвязаны, но есть уверенность, что

проблемы возникают не сразу, всегда есть время их решить. С проблемами можно справиться в упорядоченной эпизодической последовательности, когда последствиями, и даже непредвиденными, можно разумно управлять. В привычное время мы верим или, по крайней мере, принимаем способность общественных институтов, таких как политика и управление, наука и экономика, финансовые организации и социальные отношения, здравоохранение и благосостояние, находить решения. Для этого данные институты и существуют: для решения проблем, связанных с поддержанием функционирования общества, которое они представляют. Система может быть несовершенной, но она способна исправлять проблемы и сдерживать свои отклонения в пределах собственной компетенции.

В постпривычное времена проблему составляют сами институты и система. Более того, у нас нет роскоши «отложить решение на время»: проблемы требуют немедленного и безотлагательного внимания, и даже когда мы пытаемся их решить, они запутываются в сложную сеть и быстро, одновременно и опасно размножаются. Похоже, что все, что мы считали само собой разумеющимся, испаряется, и нельзя быть уверенным в том, что произойдет именно то, что мы ожидаем. «Короли», которым мы доверяли, — ученые, экономисты, бухгалтеры, банкиры, политики, правительства, рынки, финансовые учреждения, фармацевтические компании, технологические гиганты, — оказались голыми. И дело не в том, что мы когда-либо считали основание нашего общества совершенным. Скорее, это осознание того, что данные основы опасно шатки, неспособны устранить непреходящие недостатки нашего мирового порядка и могут фактически привести общество к потенциальному краху. Вся система направлена на непропорциональное вознаграждение немногих за счет большинства. Эгоистичные интересы правящей верхушки и сильных мира сего раскрываются как единственный работающий механизм и реальность, от которой зависят все. Контроль и управление становятся великими иллюзиями. Все всеобъемлющие объяснения, мифология, которая скрепляла и делала общество жизнеспособным, становятся отравленными, превращаются в носителей патогенов, заражающих общество недоверием и неуверенностью. В постпривычное время мы знаем, что у нас есть способности, но не системные, этические и организационные возможности для преобразования этих способностей в обеспечение устойчивых решений наших эндемичных, взаимосвязанных и растущих проблем. В привычное время неопределенности невелики и поддаются управлению. Но в постпривычное время неопределенность занимает центральное место. Поскольку все взаимосвязано, обладает комплексным и хаотичным характером и быстро меняется, поэтому на самом деле ничего нельзя описать с какой-либо достоверностью. Более того, учитывая сложность растущей системы проблем и скорость изменений, мы не

можем связать наши нынешние затруднения с чем-либо в прошлом. Таким образом, мы не можем извлечь уроки из прошлого, даже если знаем, что в истории были сопоставимые системные неудачи.

Ясно, что трудности постпривычного времени не могут быть решены с помощью существующих инструментов. Для этого требуются новые способы мышления и ведения дел, как на Востоке, так и на Западе. Однако есть уроки, которые следует извлечь из доминирующих характеристик самого постпривычного времени. Комплексность говорит нам о том, что понятия контроля и уверенности устаревают. Не существует единой модели поведения, образа мышления или метода, которые могли бы дать ответ на все наши взаимосвязанные комплексные недуги. «Свободный рынок» представляет собой такой же мираж, как и предположение, что наука и технологии, либеральный секуляризм или религиозный фундаментализм выведут нас из нынешнего тупика. Таким образом, глупо полагаться на единую идеологию или монолитное представление об истине. Разнообразие и множественность необходимы как для понимания сложности, так и для работы с ней. Хаос учит нас, что индивидуальная и социальная ответственность и подотчетность имеют первостепенное значение для нашего коллективного выживания. Действия любого человека или группы, от недобросовестных банкиров до небрежного социального работника, могут вызвать серьезную нестабильность и потрясение. С другой стороны, индивидуализм, представление о том, что человек может заниматься самореализацией и делать все, что пожелает, — верный рецепт катастрофы. В постпривычное время целый мир может быть разрушен действиями всего нескольких человек.

Когда хаос и комплексность переплетаются, конечным продуктом часто становится противоречие. В один год Лондон охвачен беспорядками, а мультикультурализм объявлен явной катастрофой, а на следующий — мультикультурализм провозглашается великим достижением, поскольку в городе чествуются разнообразие и олимпийские победы. Считается, что Индия является экономической сверхдержавой, но подавляющее большинство ее населения живет в крайней нищете. По мере того, как различные общества становятся все более разнообразными и плюралистическими, большие сегменты народонаселения становятся все более и более националистическими, фундаменталистскими и твердолобыми. В то время как некоторые части земного шара переживают беспрецедентные изменения, например, информационные технологии с каждым годом удваивают свою мощь, наша способность секвенировать генетические данные удваивается из года в год, большие регионы на планете и составляющие нашей социальной жизни остаются квазистатичными. В то время как технологии заставляют нас работать все быстрее и быстрее, скорость

авиаперелетов после «смерти» Конкорда[3] фактически снизилась. В то время как количество миллиардеров и миллионеров увеличилось во всем мире, ужасающая бедность в Африке остается на том же уровне, что и в колониальные времена, если не хуже. В мире, изобилующем продуктами питания, около 850 миллионов человек каждую ночь ложатся спать голодными. В то время как наши знания стремительно растут почти во всех сферах, наше незнание других культур просто удручает.

Не все очевидные противоречия вокруг нас являются продуктом постпривычного времени. Но постпривычное время вывило на первый план их определенные виды. Например, невежество. Многие современные проблемы, такие как борьба с глобальными эпидемиями, влияние генно-модифицированных пищевых продуктов и наноматериалов, имеют внутреннюю неопределенность, которую можно решить только когда-нибудь в будущем. Поэтому мы остаемся в неведении о последствиях в настоящем и ближайшем будущем. Быстрые изменения в среде, характеризующейся неопределенностью, также означают, что мы остаемся в неведении об альтернативах и теряем шанс получить новые знания. Невежество невозможно искоренить с помощью обычных исследований, поэтому мы не имеем представления о его существовании. Таким образом, мы попали под тройной удар невежества. Нам нужно выстраивать будущее в состоянии постоянной неопределенности и если не в полном неведении, то, по крайней мере, в условиях частичного или недостаточного знания. Или возьмем инновации. Нам кажется, что новые и инновационные продукты постоянно производятся по мере того, как технологии развиваются семимильными шагами. Фактически инновации радикально замедлились с 1970 года, как указывает Тайлер Коуэн в своей книге «Великий застой» (*The Great Stagnation*). Большинство «новых и улучшенных» продуктов, от бытовой электроники до товаров в супермаркетах, не представляют собой настоящие инновации, а только незначительно модифицированные образцы. Примерно 85–90% новых лекарств совсем не являются новыми, а содержат в себе незначительные изменения существующих, и практически не дают клинических преимуществ[4]. На смену

---

[3] **«Конко́рд»** (фр. *Concorde*, буквально — «согласие») — британо-французский сверхзвуковой пассажирский самолет, эксплуатировавшийся вместе с советским Ту-144 гражданской авиацией на дальние расстояния (до 10 000 км). «Конкорды» эксплуатировались авиакомпаниями British Airways и Air France. После катастрофы 2000 года, когда при вылете из парижского аэропорта «Шарль де Голль» погибло 113 человек, из них на борту 100 пассажиров, 9 членов экипажа и 4 человека на земле, эксплуатация данного типа самолетов была приостановлена на полтора года. В 2003 году полеты «Конкордов» прекратила Air France, а затем и British Airways в связи с повышением цены на топливо. — *Прим. пер.*

[4] Cowen, Tyler (2011) *The Great Stagnation* (London: Dutton Books).

инновациям пришел поиск ренты, как блестяще показал Джозеф Стиглетц в своей книге «Цена неравенства» (*The Price of Inequality*). Фактически погоня за рентой теперь стала нормой, поскольку она приносит гораздо большую прибыль крупному бизнесу и выгоду для руководителей, чем социально полезные инновации[5].

Противоречия тоже приготовили для нас свои уроки. Они фокусируют наш взгляд на том, что Амин Маалуф называет порогом «моральной некомпетентности». Резкие противоречия нашей экономической и финансовой системы, методы работы фармацевтической промышленности и корпораций, поведение политиков и многое другое, по сути, являются вопросами этики и морали, которые мы долгое время игнорировали[6]. В период постмодерна старомодная этика перемещается с периферии в центр. Противоречия также учат нас принимать и ценить разные точки зрения. Нет правильного или неправильного ответа при решении любой проблемы. Даже самое простое понимание этой проблемы требует обсуждения ее различных аспектов, включая целый ряд точек зрения и интересов, в том числе экспертов, рядовых граждан, взрослых, а также детей, людей разного социального и культурного происхождения, различных этических представлений и даже учет потребностей внечеловеческих видов. Противоречия нельзя разрешить, их нужно преодолеть. Это означает, что нам нужно отложить в сторону наши разногласия по поводу несовместимости Востока и Запада и управлять противоречиями и комплексностью посредством оговоренного консенсусного диалога, в котором всем участникам предоставляется равный голос. Для разрешения противоречий и комплексных проблем нельзя применять никакие средства насилия. Насилие только усложняет ситуацию и толкает нас на край хаоса, как это наглядно продемонстрировали Афганистан и Пакистан. Военные действия по устранению предполагаемой угрозы только порождают еще больший хаос, приводя к новым, невидимым угрозам.

Смирение, скромность, подотчетность, ответственность, разнообразие и диалог — это не дополнительные добродетели, а необходимые качества для выживания в постпривычное время неопределенности, хаоса, комплексности и противоречий. В постпривычное время нет места упрощенному суждению Киплинга о Востоке и Западе как о двух гладиаторах на ринге, сражающихся не на жизнь, а на смерть. Вместо этого Восток и Запад должны объединиться и использовать то лучшее, что могут предложить из своих традиций, истории и социума, чтобы выжить в наше неспокойное время и сохранить при этом здравый смысл и человечность.

---

[5] Stigletz, Joseph (2012) *The Price of Inequality* (London: Allan Lane).

[6] Maalouf, Amin (2011) *Disordered World: Setting a New Course for the Twenty-First Century* (London: Bloomsbury).

И на Востоке, и на Западе существует намного больше способов мышления, различных принципов для постановки исследовательских вопросов, формирования теорий и расширения понимания, чем мы когда-либо могли себе представить. Чтобы выйти из тупика, в который нас загнали трудности настоящего момента, нам нужны новые вопросы и новые идеи, которые подведут нас к новым более правильным ответам.

Это путешествие, достойное исследователей, в которое нам необходимо пуститься.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Джорди Серра

Призрак бродит по Европейскому Союзу (ЕС), призрак его собственных противоречий. Согласно этим противоречиям, ЕС превращается в поистине постпривычный институт. Они также указывают на то, что этот институт теряет свою актуальность. Данные противоречия являются продуктом экономической политики ЕС, той главной движущей силы, которая сформировала Союз. Однако именно его политические, социальные и даже культурные аспекты будут обеспечивать значимость ЕС в будущем.

Легко представить себе ситуацию в Европе после Второй мировой войны, когда в 1957 году были созданы «Европейское сообщество угля и стали» и «Европейское экономическое сообщество», два института, ставшие прародителями ЕС. Вряд ли можно сомневаться в том, что тогда замечательным достижением было то, что шесть стран, которые до недавнего времени были врагами (Бельгия, Франция, Италия, Люксембург, Нидерланды и Западная Германия), согласились создать таможенный союз, а некоторые из них осуществляли общую экономическую политику. Конечно, в то время начало совместной работы с экономических вопросов облегчало задачу, но заряд, поддерживающий ее и помогающий расширить этот основополагающий проект, должен был сочетать политическую волю и социальный прогресс.

По крайней мере, так казалось до 2004 года. В течение этого года члены сообщества должны были ратифицировать европейскую конституцию. Однако отрицательные результаты французского и голландского референдумов привели к преждевременному завершению процесса. Стоит выяснить, почему это произошло. Эволюция ЕС была основана на множестве

договоров, три из которых являются основными: Договор о функционировании Европейского Союза, Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (оба подписаны в Риме в 1958 году) и Договор о Европейском Союзе (подписан в Маастрихте в 1992 году). К 2001 году стало ясно, что Союзу нужно сделать качественно новый шаг вперед, и, таким образом, на Лакенском саммите в декабре 2001 года было решено разработать проект европейской конституции. Ее цель заключалась в унификации разноплановогo законодательства и придании ему политического импульса. Однако комиссия по ее написанию под председательством бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена вскоре столкнулась с серьезными ограничениями. Возможно, это было результатом того, что данный процесс возглавлял представитель наиболее развитой в плане госструктур страны. Но факт остается фактом: то, что должно было стать основой действительно надгосударственного образования, стало проектом клуба, членами которого могли быть только государства.

Европейская конституция стала первым противоречием, подрывающим стабильность ЕС: Союз не справляется с ролью международного органа и заходит слишком далеко в своих действиях как клуб государств. Откровенно говоря, ЕС зачастую не в состоянии развернуть совместные политические действия из-за нехватки сил, но у государств также часто нет достаточного влияния для защиты своих конкретных интересов. Эту ситуацию можно резюмировать, сказав, что часто члены хотят, чтобы политика ЕС защищала их интересы независимо от какой-либо общей точки зрения (или, точнее, за счет какой-либо совместной политики). В результате многие стратегии недостаточно амбициозны, чтобы решать серьезные проблемы, затрагивающие Европу. И это объясняет, почему европейская политика всегда запутана, сводит к минимуму количество компромиссов и на самом деле никогда не несет в себе ничего положительного, что могло бы удовлетворить большинство граждан Евросоюза.

Тем не менее, ЕС рассматривался как пример успешного международного управления, по крайней мере, до кризиса 2008 года. Специфика данного кризиса была в том, что он носил системный и глобальный характер. В целом финансовый кризис стал для ЕС как вызовом, так и возможностью. Но вызов оказался непринятым, а возможность была упущена. Если принять, что основной причиной кризиса было сохранение экономической модели, не отвечающей требованиям и потребностям постпривычного времени, тогда становится ясно, почему ситуация могла бы стать прекрасной возможностью для реформирования структуры Европейского Союза. Вместо этого европейские члены посчитали необходимым сделать ставку на решения, которые уже были частью проблемы. Ключевым словом в данном случае явилась «жесткость». Тем не менее

теперь, когда мы знаем, что экономическая основа законной жесткой экономии сомнительна, по меньшей мере, мы должны смириться с тем фактом, что это всего лишь политический вариант. А политические варианты открыты для обсуждения, исследования плюсов и минусов и требуют коллективного консенсуса, чтобы прийти к лучшей, доступной альтернативе. Вместо этого европейские институты ввели меры жесткой экономии, на которую они положились с верой новообращенных, и призвали население континента принять их без лишних вопросов, иначе все будут обречены.

Парадоксально, но резкое сокращение бюджета выглядит наиболее последовательным решением, учитывая ограниченные возможности европейской структуры. Например, европейская экономическая политика вращается вокруг евро, что ставит жесткие условия и ограничивает возможности ЕС. Евро был разработан в 1995 году, принят в 1999 году и превратился в монеты и банкноты, вошедшие в обращение в 2002 году. В то время он олицетворял политический толчок к достижению более высокого уровня интеграции: общая валюта для более сильного Союза. Но евро также стал метафорой недостатка политической воли. Евро был и продолжает оставаться слабым инструментом для выработки совместной экономической политики, а без такой единой политики он обречен. Воистину, евро родился лишенным необходимых условий для его истинного успеха. То же самое можно сказать и о Европейском центральном банке: ЕЦБ. Этот банк не может действовать как центральный банк, наподобие Федеральной резервной системы США или Банка Англии. Германия выдвинула к ЕЦБ требования, согласно которым он может действовать только как рычаг по удержанию инфляции на низком уровне, и ему прямо запрещено ссужать деньги государствам-членам (хотя данный конкретный аспект был облагорожен в 2012 году, когда ЕЦБ стал покупать суверенные долги государств, участников ЕС). Однако по многим аспектам ЕЦБ по-прежнему выглядит как банк донорской крови, управляемый свидетелями Иеговыми.

Таким образом, евро страдает двумя серьезными недостатками. Во-первых, он представляет собой общую валюту для стран с сильно различающимися экономическими условиями и динамикой. Во-вторых, он управляется учреждением, а именно Европейским центральным банком, которое полностью выведено из-под государственного контроля. Неудивительно и вполне понятно, что некоторые страны, например, Дания, Швеция и Великобритания, предвидели, что затраты на присоединение к еврозоне превысят преимущества нахождения в ней. Финансовый кризис показал, что еврокороль — голый. В отличие от США и Великобритании, где центральные банки смогли избежать ряда худших последствий рецессии, ЕЦБ был в состоянии только предложить дешевые деньги

европейским частным банкам в надежде, что эти банки помогут своим национальным государствам. Но что данные банки сделали? Пока ЕЦБ не начал покупать суверенные долги государств напрямую, частные банки использовали деньги ЕЦБ (с процентной ставкой 1%, уменьшенной с 2011 года) для скупки государственной задолженностей (по гораздо более высокой ставке), получая при этом чистую прибыль. В любом случае, чтобы уменьшить свой суверенный долг, странам ЕС оставалось только одно: сократить свои бюджетные расходы. Поэтому в конечном счете жесткая экономическая политика была скорее попыткой обеспечить сомнительную моральную основу для сокращения бюджета, чем реальным экономическим аргументом.

ОДЕРЖИМОСТЬ ЭКОНОМИЕЙ ПРИВЕЛА К ВОЗНИКНОВЕНИЮ ВТОРОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ: КАПИТАЛ СТАВИТСЯ ВЫШЕ ЛЮДЕЙ. ЧЛЕНАМ ЕС МОЖЕТ БЫТЬ ТРУДНО ДОСТИГНУТЬ СОГЛАШЕНИЯ ПО ОПРЕДЕЛЕННОМУ ВОПРОСУ, НО ЕСТЬ ОДНО ОТДЕЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ: ОНИ МГНОВЕННО СПЛАЧИВАЮТСЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ БАНКОВ.

ЕС вложил миллионы в программу по обеспечению жизнеспособности финансовых систем, но в очень немногих государствах кредитуются предприятия, находящиеся в затруднительном положении, или физические лица, нуждающиеся в ипотеке. При этом давайте не будем забывать, что источником такого финансирования (включая прямые вливания и дешевые кредиты от ЕЦБ) являются общественные деньги, то есть деньги, поступающие от налогообложения граждан, а в конечном счете из карманов каждого члена Евросоюза. Рациональное обоснование, данное таким действиям, заключалось в том, что падение банков может иметь системный эффект, который усугубит кризис и расширит его последствия. Трагедия в том, что кризис дал прекрасную возможность переосмыслить европейскую финансовую систему. Конечно, могли возникнуть возражения, что данная реформа может принести гражданам еще больше лишений и страданий. Но держу пари, что прямо сейчас многие греки, ирландцы, португальцы, итальянцы и испанцы без колебаний готовы пойти на такой риск. Мало того, учитывая контекст и все усилия, приложенные для укрепления европейской банковской системы, логическим завершением этого процесса было бы создание совместной банковской политики и совместной финансовой системы. Но ничего подобного не

случилось. Некоторые государства-члены, во главе с Германией, не допускают появления каких-либо значимых разговоров о данного рода реформах и альтернативах. Существующая система обслуживает немногих избранных, которые зарабатывают кучу денег, в то время как большинство впало в структурную нищету.

Конечным результатом попыток ЕС справиться с финансовым кризисом стали глубокие разломы внутри его границ, породившие еще больше противоречий. В настоящее время внутри Евросоюза есть граждане первого и второго сорта, то есть люди из спасенных стран (второй класс) в противовес тем, кто спасает (первый класс). Механизм финансовой помощи стал серьезным испытанием для сплоченности ЕС: северные страны обвиняют южные в небрежном отношении к статьям расходов, а южные кричат в ответ, что северные страны также получили выгоду от этих расходов и что некоторые из них нуждались и получали помощь в прошлом, как, например, Германия в период восстановления своего единства. Однако было бы несправедливо утверждать, что раскол существует между гражданами северных и южных государств. Фактически настоящее разделение внутри каждой страны происходит между теми, у кого все хорошо, и теми, у кого все плохо. Германия является прекрасным примером: хотя ее макроэкономические показатели положительны, правда в том, что многие ее граждане выживают за счет черной работы, которая едва может их поддержать на плаву. Все больше и больше европейцев приходят к выводу, что их дети и внуки могут никогда не достичь того уровня благосостояния, которым они наслаждаются сейчас. Опять же, трудно избежать вывода о том, что начиная с самого начала ЕС отдавал предпочтение тем, кто обладает капиталом, а не тем, кто для выживания полагается на свой интеллектуальный и физический труд. А это, в свою очередь, укрепляет представление о растущем противоречии между экономическими целями и социальными проблемами в ЕС.

В глобальном масштабе финансовая поддержка указала на хрупкость структуры Европейского Союза. Однако внутри самого Союза финансовая помощь укрепила представление о том, что ЕС предпочитает экономическую стабильность демократической легитимности. Рассмотрим пример Италии. Многое можно говорить о бессмысленной деятельности правительства во главе с Сильвио Берлускони, и я буду последним, кто станет его защищать. Но Берлускони избрали демократическим путем подавляющим большинством голосов. Тем не менее ЕС благословил назначение не избранного технического правительства. В действительности оно было полностью отвергнуто итальянскими избирателями. Кипрский кризис — еще один пример. Когда кипрское правительство запросило финансовую помощь от Европейского стабилизационного механизма в 2012 году, первоначальное европейское предложение заключалось в том, чтобы ввести сбор на все

депозиты и банковские счета (что противоречит собственному законодательству данного органа, гарантирующему все депозиты на сумму не более 100 000 евро). А для предотвращения массового изъятия средств из банков было учреждено *корралито*. Термин «*корралито*» был придуман в Аргентине в 2001 году, когда правительство заморозило все банковские счета и запретило снятие средств, чтобы избежать их массового изъятия. Таким образом, граждане Кипра лишились доступа к своим собственным накоплениям и вкладам. Даже когда кипрский парламент отклонил это предложение, *корралито* сохранилось. Поскольку недовольство на Кипре росло (а также рос страх среди большинства европейских вкладчиков), было наконец решено не трогать счета на сумму менее 100000 евро, а взимать сбор с депозитов, превышающие эту сумму. Причем размер сбора должен был составлять не менее 20% от общей суммы вклада (в некоторых случаях он мог доходить до 60%). А это уже не демократия по представлению кого-либо, а худший экономический авторитаризм. И вновь данный пример говорит нам о том, что некоторые граждане ЕС более равноправны, чем другие.

Так что же в итоге? ЕС должен принять судьбоносное решение. Это союз, основанный на логике позднего капитализма или на чем-то еще? В чем его цель? Объединить своих граждан, способствовать перемещению людей и рабочей силы между европейскими государствами, сблизить народы Европы, прославлять их интеллектуальную и культурную историю или обогащать банкиров и финансовые учреждения? ЕС должен заняться решением некоторых глубоких, ключевых проблем. По крайней мере, Европейское сообщество должно задаться вопросом, является ли оно:

- Рынком?
- Валютой?
- Незавершенным проектом по надгосударственному управлению?
- Всем вышеперечисленным?

От ответа зависит будущее ЕС и уместность его дальнейшего существования в постпривычное время.

Хочу отметить, что ограничение ЕС только экономическим измерением и предоставление экономической логике права диктовать, как Союзу функционировать, является большой ошибкой. Европа всегда представляла собой мозаичное панно, состоящее из различных территорий, народов, культур и всевозможных пристрастий. Ее действия никогда не отличались гармоничностью, и война, на самом деле, была нормой для европейской истории. Любая попытка воображения представить эту часть света как однородную единицу потерпит крах. Поэтому неудивительно, что заставить ее работать как единое целое настолько (чертовски) сложно. Но даже когда Европу заставляют работать как экономическую единицу, ее экономические

характеристики на самом деле не отражают реальную сущность ЕС. Настоящая причина сплоченности данного союза заключается в другом.

На ум приходят два примера: права человека и защита окружающей среды. Если мы рассмотрим нормативный корпус ЕС, так называемые «Правила Сообщества», мы можем признать, что это выдающийся сборник установлений, который принадлежит, возможно, самому демократическому региону мира. Возьмем, например, вопрос о правах человека: граждане Европы наделены правами, о которых люди в других частях мира могут только мечтать. Дело в том, что Европейский Союз является одним из основных действующих лиц в продвижении прав человека. Более того, эти права были одним из основных критериев при оценке соответствия любого нового государства требованиям быть членом Союза. Кроме того, роль Европейского суда является решающей в отстаивании и защите данных прав. Когда какая-нибудь страна пренебрегает защитой прав человека, граждане знают, что есть высшая инстанция, в которой они наконец могут добиться справедливости. Действительно, многие государства-члены, которые спустя рукава относятся к соблюдению прав человека, например Великобритания, свидетельствуют о том, что Европейский суд по правам человека постоянно подстегивает их к соблюдению этих прав.

То же можно сказать и об окружающей среде. Евросоюз разработал одно из самых передовых законодательств по вопросам окружающей среды. Конечно, некоторые могут возразить, что оно слишком мягкое и недальновидное, другие будут утверждать, что его недостаточно. Однако верно также и то, что большинство государств-членов ЕС сделали бы намного меньше без директив ЕС. Отчеты Европейской комиссии по вопросам здравоохранения, образования, гендерного равенства, условиям труда и правам меньшинств, побудили некоторые государства пересмотреть свои законодательства по данной тематике, чтобы соответствовать принципам ЕС.

Но эти подлинно важные достижения часто упускаются из виду из-за чрезмерного внимания экономике, которая захлестывает и рушит все остальное.

На мой взгляд, большинство граждан ЕС понимают, вольно или невольно, что возможности переломного момента были упущены.

ИСКУШЕНИЕМ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ ЯВЛЯЕТСЯ УКРЕПЛЕНИЕ ГРАНИЦ, СОХРАНЯЯ ПРИ ЭТОМ НЕТРОНУТЫМ ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. ДРУГИМИ СЛОВАМИ, ЧТОБЫ ВСЕ ОСТАВАЛОСЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ. НО ЭТО ОПАСНО УСТАРЕВШИЙ ВАРИАНТ.

ЕС необходимо углубить свой политический процесс, чтобы стать по-настоящему транснациональным образованием, а не просто сверхдержавой, создав инновационный план и структуру международного управления. Некоторые из его государств-членов представляют собой серьезное препятствие на пути к этой цели; они — часть проблемы, а не ее решение. Некоторые из них обладают серьезной силой и препятствуют значимым изменениям, а другие слишком слабы, чтобы инициировать и внедрять изменения. Наличие государств как таковых также способствуют размыванию должного восприятия граждан, заставляя тех чувствовать, что их интересы могут защищаться, но защищаться только их собственным национальным государством. А это тем самым предотвращает установление более прямой связи между европейскими институтами и гражданством.

Европейские выборы 2014 года были первой ласточкой. С ростом числа крайне правых партий в Европарламенте, там собрался самый высокий процент антисоюзных представителей за всю его историю. Проблема состояла в том, что помимо демагогии, в послании этих партий содержалась определенная доля правды: у ЕС есть проблема, он слишком перегружен противоречиями, слишком сложен, не может приспособиться к быстрым изменениям и поэтому просто не работает. Другими словами, он не идет в ногу с постпривычным временем. Для правых (и крайне правых) партий решение проблем заключается в ослаблении ЕС, а для других единственно логической альтернативой является прямая противоположность: усиление ЕС.

Тем не менее события 2015 года показали, что обе стороны и правы, и неправы. Тем летом сочетание определенных факторов спровоцировало одну из крупнейших волн миграции в Европе. Миллионы беженцев из Сирии и других стран начали прибывать в Европу через Грецию и Балканы. Поскольку они спасались от ужасающей (и все ухудшающейся) ситуации, немногие члены Евросоюза открыто противились их принятию. Но по мере роста числа прибывших росли и возражения. Очень немногие страны справились с проблемой приема и размещения беженцев, большинство просто закрыли свои границы, а некоторые даже построили вокруг себя заборы из колючей проволоки. Внутренние противоречия ЕС вырвались наружу. Союз показал себя с худшей стороны, проявив безудержное лицемерие и фанатизм. Некоторые государства-члены, такие как Венгрия, Словакия и Польша, открыто игнорировали европейские соглашения, не говоря уже о соблюдении в своих собственных границах прав человека.

С тех пор урегулирование этого гуманитарного кризиса стало причиной позора для многих европейцев. Какой бы ни была до этого моральная позиция ЕС, она утрачена. В общем, я бы сказал, что ЕС как проект транснационального сотрудничества мертв. На сегодняшний день

очень немногие считают, что ЕС служит их интересам и потребностям, поэтому неудивительно, что большинство рассматривает для себя возможность выхода из Союза. *Brexit*, ставший серьезным тревожным сигналом для европейских властей, является как минимум убедительным доказательством этого. Сегодня многие офицеры в Брюсселе с трепетом задаются вопросом, почему так много британцев считают, что ЕС является скорее сдерживающим фактором, чем стимулом для их процветания и благополучия. А правда заключается в том, что до определенного момента значения не имело то, проголосовали ли они за *Brexit* по ложной [или истинной] причине. Факт остается фактом: многие европейские граждане убеждены, что ЕС — всего лишь бюрократическая структура, отдающая предпочтение экономической власти перед благополучием обычных людей, и, что еще хуже, желающая заставить их принимать новичков из других стран. Британцы стали первыми, кто высказал свое недовольство и действовал соответственно. Они, скорее всего, будут не последними.

Вариантов развития дальнейшей истории на сегодняшний день несколько: либо ЕС приходит к своему цивилизованному и достойному концу, либо преодолевает внутренние противоречия и переходит в постпривычное время с полным пониманием и должным предвидением. Второй вариант требует выполнения как минимум трех условий. Во-первых, необходимо повысить осведомленность людей о важности регионального измерения во все более взаимосвязанном, комплексном и хаотическом мире. Политическая и экономическая власть все больше смещается в сторону взаимодействия наций, от господства отдельных государств (если, конечно, вы не сверхдержава). Во-вторых, ЕС нуждается в новом формате, подходящем для постпривычного времени, который учитывал бы как экономическое благополучие всего его населения, так и его структуру управления. В-третьих, Европейский Союз остро нуждается в новом руководстве. В постпривычное время этика играет очень важную роль: действительно, порой она представляет собой единственный компас, помогающий нам ориентироваться в неспокойное время. Нынешнее руководство, как это уже является достаточно очевидным, этически несостоятельно. Чтобы выжить в будущем, ЕС необходимо новое поколение этически ориентированных лидеров, способных двигаться вперед в условиях постпривычного времени, посвящающих себя строительству благополучия всех граждан Европы и воспитывающих в них подлинное чувство принадлежности Союзу.

Возможно, это слишком высокое требование. Но кто сказал, что преодолеть противоречия будет легко?

ПОСТПРИВЫЧНАЯ АМЕРИКА В КИНО

С. Скотт Джордан

В периоды ключевых преобразований американское кино использовало «другого», чтобы идентифицировать себя. В довоенной классике, например, в фильмах «*Певец джаза*» (1927) и «*Унесенные ветром*» (1939), использовались персонажи афроамериканского происхождения. Кинематограф после Второй мировой войны преследовал призрак коммунизма. «*Я вышла замуж за коммуниста*»[1] (1949) и «*Нашествие похитителей тел*» (1956) — лишь два из многочисленных примеров. Образы Востока вошли в моду в 1960-70-е годы, еще до того, как «арабский террорист» воплотил в себе полномасштабную вездесущую угрозу в таких фильмах, как «*Правдивая ложь*» (1994) и «*Исполнительное решение*» (1996)[2]. За последнее десятилетие произошел некоторый сдвиг. Страх перед «другим» уступил место страхам, порожденным угрозами нашего времени: страху в отношении изменения климата («*Водный мир*» (1995) и «*Послезавтра*» (2004))[3]; панике по поводу финансового кризиса («*Инсайдеры*» (2010), «*Уолл-стрит: деньги не спят*» (2010), «*Игра на понижение*» (2015)); тревоге, вызванной интернетом и WikiLeaks («Пятая власть» (2013), «Мистер Робот» (2015)); опасениям, связанным с автоматизацией, искусственным интеллектом и клонированием («*Из машины*» (2015), «*Она*» (2015),

---

[1] Первоначальное название фильма режиссёра Роберта Стивенсона, который позже стал известен как «Женщина на пирсе 13» (англ. *The Woman on Pier 13*). Фильм относится к числу антикоммунистических пропагандистских нуаров наряду с такими картинами, как «Красная угроза» (1949), «Я был коммунистом для ФБР» (1951), «Крепкая рука» (1951) и другие. — *Прим. пер .*

[2] См. Matthew Berstein and Gaylyn Studlar, editors, *Visions of the East: Orientalism on Film* (I. B. Tauris, London, 1997); and Ziauddin Sardar, *Orientalism* (Open University Press, Buckingham, 1999).

[3] E. Ann Kaplan, Climate Trauma: *Foreseeing the Future in Dystopian Film and Fiction* (Rutgers University Press, 2015).

сериал «*Люди*» на канале Channel 4, сериал «*Мир дикого Запада*» на канале HBO). Учитывая, что кинематограф и телевидение часто отражают дух времени, не удивительно, что их новый продукт имеет дело с различными аспектами поспривычного времени.

Я хотел бы обсудить два фильма, которые, как мне кажется, отражают комплексность, хаос и противоречия постпривычной Америки. Это «*Американский снайпер*» (или «Снайпер» в русскоязычном прокате. — *Прим. пер.*) Клинта Иствуда (2014) и «*Выживший*» Алехандро Гонсалеса Иньярриту (2015). При поверхностном просмотре, они имеют мало или не имеют никакого отношения к постпривычному времени. Но мы можем вычленить в них метафоры[4], которые очевидны не сразу, но которые проливают яркий свет на тревоги Америки, ее невежественные страхи и опасения, связанные с неопределенностью.

Фильм «Американский снайпер» частично основан на одноименной книге, рассказывающей историю покойного снайпера спецподразделения «морских котиков» Криса Кайла, человека, который прославился убийствами людей. Когда я думаю о других подобных американцах, мне приходят на память Тимоти Маквей и Чарльз Мэнсон. Однако этот человек превратился в культовую знаменитость. Американский герой. По его собственному выражению из «Автобиографии самого смертоносного снайпера в истории США»[5], Крис Кайл — средний американец, родившийся в Техасе, рубаха-парень и хороший друг. Он родился в типичной американской семье в стиле «*Оставь это Бобру*»[6] и мечтал стать ковбоем. Автобиография состоит из 377 страниц безжалостного высокомерия вперемешку с любвеобильными письмами к его почившим товарищам-сослуживцам. Фильм выстроен более тонко и показывает нам развитие персонажа на контрасте. Что же касается книги, то с первых же предложений, перед нами раскрывается чудовищный продукт американского разума. Развитие остановилось, наступает период разрушения. Обучение завершено, своей человечности он лишился. Удивляясь тому, насколько хорошо Крис стрелял с большого расстояния, возникает сомнение, что этот человек был способен видеть что-то за пределами прицела, чтобы обнаружить, что в этом мире существует еще кое-что. Его волонтерство после дежурств, которые создавали у него ощущение, что он — настоящий герой, является лишь второстепенным упоминанием в конце книги, и выглядит скорее чем-то отвлеченным,

---

[4] Trevor Whittock, *Metaphor and Film* (Cambridge University Press, 1990).

[5] Chris Kyle, *American Sniper: The Autobiography of the Most Lethal Sniper in U.S. History* (Harper Collins Publishers, New York, 2012).

[6] «Оставь это Бобру» (англ. *Leave It to Beaver*) — американский телевизионный ситком, транслировавшийся между 1957 и 1963 годами о пытливом и часто наивном мальчике Теодоре Тесаке, по прозвищу «бобер», и его приключениях дома, в школе и в пригороде, где он живет.

отличным от основной деятельности, т. е. войны. Война и убийство были его единственными способами решения проблем. К сожалению, он встретил свою смерть от рук другого ментально извращенного продукта современной Америки. Порочный круг остается открытым.

Фильм Клинта Иствуда берет данный трагический американский сплав и превращает историю этого человека в сюрреалистическую метафору постпривычной Америки. Бо́льшая часть фильма передает вам очень знакомые ощущения типичного антиутопического военного фильма американской войны, развернувшейся после событий 11 сентября. Он начинается со знакомого всем клише: каравана американских войск, движущегося через типичную ближневосточную «городскую зону боевых действий». Появилась предыстория, значение которой не стоит преуменьшать, передающая определенное ощущение неизвестности игры в кошки-мышки, свойственной триллерам Роберта Ладлама. Зрителям также предлагается изящный взгляд на посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и потерю наивной молодежью своих невинных представлений перед лицом современной войны. По мере развития сюжета фильма раскрывается его глубокое смысловое значение.

Брэдли Купер играет Криса Кайла, нашего снайпера. В фильме использована идея наследия Кайла. В последних кадрах он остается, по крайней мере, метафорой «доброй старушки Америки». Метафорой того, во что превратились Соединенные Штаты с момента их прихода к мировому господству, оставляя аудитории выбор в отношении траектории будущего курса. Мы встречаем молодого Кайла в Америке, давно запятнанной событиями новейшей истории. Вот отец берет его на первое дело: мальчик подстрелил самца оленя. Происходит рождение «отличного стрелка», который отбрасывает ружье, чтобы погреться в лучах собственной славы. Но отец тут же отчитывает его, потому что он никогда не должен оставлять свое оружие на земле. Мы видим, как он спасает своего младшего брата от хулигана, в то время как отец представляет нам старую добрую романтическую идею мира, где есть жертвы, есть хищники, а есть — высшие существа, которыми являются стражи. Он любит Техас, любит оружие и хочет стать ковбоем. Что еще более важно, он обладает классическим американским небывалым чувством справедливости. Задир всегда нужно останавливать. Отец использует интересный выбор слов, чтобы преподать урок своим детям. Используемая метафора напоминает бесчисленное множество других пустых метафор о волках и овцах, основанных на фундаментальном мировоззрении, не связанном с реальностью, и существующем в сознании радикальных американских реалистов.

Затем Кайл обретает более высокое призвание, равносильное призванию Америки защищать мир. Хотя потребность США стать глобальным щитом от мирового зла, возможно, возникла еще до обнародования

доктрины Монро, в эпоху президентства Джорджа Буша этот призыв обретает статус божественного. В фильме Кайл воспринимает новостной репортаж о взрывах в посольстве США в Кении в 1998 году, как если бы он видел своего младшего брата, избиваемого хулиганами. Этот небольшой эпизод изящно запечатлел поворотный момент. Общество, столь склонное к фундаменталистскому индивидуализму, внезапно начинает воспринимать чужаков только тогда, когда те привязаны к нему эпитетом «американское». Данное чувство всплывает позже в фильме, когда Кайл и его жена наблюдают за ужасом событий 11 сентября на экране своего телевизора. Слишком знакомое воспоминание для американцев, переживших тот день.

Новостной комментарий пропитан первозданным страхом и глубинной неуверенностью в отношении нового врага. Этого врага не так легко идентифицировать, в отличие от наших предыдущих врагов. Коммунист, японец, немец — все обладают отличительными характеристиками, которые легко можно вывести в карикатурном свете. Но теперь они поглощены тенью.

ВРАГОМ ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО РАНЬШЕ МОЖНО БЫЛО СВЕСТИ НА НЕТ, ПРОПУСТИВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛИЗМА И РАСИЗМА. ОТНЫНЕ ВРАГ — ПРИЗРАК, ПОЧТИ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО.

Поэтому Америка также должна потерять свое человеческое лицо. Мы наблюдаем за спецтренировками Кайла, которые, как ожидается, явят нам его человеческую сущность, но вместо этого процесс больше похож на отрегулированное онлайн-обучение, неудобство, которое всем нам приходится терпеть за дополнительный час зарплаты в неделю. А потом реальность возвращается в свои привычные рамки.

На первый взгляд кажется, что у Кайла есть все: идеальная невеста, ребенок на подходе — настоящая «американская мечта», но мы узнаем, что убийство оленя или стрельба по стендовым мишеням не готовят к убийству живых людей. Враг — не просто мужчина призывного возраста. На самом деле, враг — это злая сила, которая может вселиться также в детей и женщин. Противоречия усугубляются по мере того, как великий долг воина превращается в исторически невежественный эвфемизм для обозначения убийцы и душегуба. Америка наблюдает за миром сквозь зеркальное отражение, и чтобы быть той защитой, в которой мир нуждается, она должна решать через этот ложный буфер, кому жить, а

кому умереть. Настоящая трагедия начинается тогда, когда мы узнаем простой факт: Кайл действительно отлично делает то, что он делает.

Дело защиты величайшей страны на земле превращает его в легенду. Американцы хотят иметь в своем арсенале некий символ, например, «Капитан Америка»[7], но щелкнуть по носу Гитлера недостаточно. Враг жесток, свиреп и беспощаден. Война для американцев — это не борьба людей против людей, добра против зла, это то, что напоминает о противостоянии святых мужей самому Люциферу. Так мы оправдываем собственную жестокость. Они наносят нам смертельный удар, когда мы меньше всего этого ожидаем, и поэтому мы должны быть всегда наготове. Приходится верить, что враг — больше не человек. Как и пришельцы в научно-фантастических фильмах, он — просто зверь, и его без проблем можно убить. Образы других солдат из окружения Кайла передают идеи американской исключительности и расистского отношения к народам Ближнего Востока, а всеобщая жажда крови окружает вопросы добра и зла, природы Бога и святости жизни. Все это — дымка белого шума, окружающая холодный всеведущий глаз, которым становится Кайл.

Он даже сталкивается с «другим» в образе вражеского снайпера. Это американский стереотип сегодняшнего террориста. В нем воплощены и Аль-Каида, и ИГИЛ, и следующее публичное злодеяние против Запада. Он одет во все черное, чисто выбрит, в нем смешаны неземная молодость и дьявольская сексуальность. Этот вражеский снайпер, прыгающий с крыши на крышу, представляет собой некоего ниндзя, отличающегося безупречной точностью и меткостью. Он даже носит головную повязку. Он бросает вызов Кайлу и становится воплощением микрокосма зла, поскольку его игра с Кайлом перекликается с войной с террором, как если бы это было разовое мероприятие, за просмотр которого нужно заплатить, но никто не захочет его пропустить.

С самим термином «герой» обращаются как с футбольным мячом на поле, подавая его туда и сюда, трансформируя на глазах у зрителей. Крис Кайл — наш герой. Он не просто человек, стремящийся преодолеть трудности и перерасти их. Война, которую ведет Кайл, многогранна и комплексна. У него есть внутренняя задача — сохранить рассудок перед лицом полного разрушения. Проблема сохранения человечности и собственной семьи ложится на плечи Кайла, поскольку он должен выдержи-

---

[7] ***Капитан Америка*** (англ. *Captain America*) — супергерой комиксов издательства Marvel Comics. Один из самых известных персонажей в данном жанре. «Капитан Америка» — целенаправленно созданный патриотический персонаж. Был самым популярным героем в период Второй мировой войны, его часто изображали сражающиеся с гитлеровской коалицией государства. После окончания войны популярность персонажа уменьшилась, и к 50-м годам его перестали использовать. — *Прим. пер.*

вать хаотическую смену персонажей, формирующих его на протяжении всего фильма. Его долг — убить любого, кто попытается убить его самого или его товарищей, прежде чем они смогут выполнить свою миссию. Мы наблюдаем за тем, как простой мальчик из Техаса становится сложным человеком, оказавшимся на линии, отделяющей машину для убийств от супергероя-хранителя. Все ясно показанные ценностные противоречия Кайла тянут его в глубокую неопределенность постпривычного времени. В результате получается самоотстранившийся герой донкихотского типа, за которого аудитория постоянно переживает, то надеясь, что он победит, то рассчитывая, что он потерпит неудачу, так что сможет просто вернуться домой, и никому больше не придется умирать.

Но все уже не так просто. Мы живем в мире, где комплексность является нормой, для которой характерно множество независимых составляющих, взаимодействующих друг с другом самыми разными способами. Все связано со всем остальным в сетях сетей, которые генерируют положительную обратную связь, усиливающую происходящее в геометрической прогрессии, ведущей к хаосу. Таким образом, мы получаем множество логически непоследовательных и противоречивых позиций. Конечный результат — это неопределенность и невежество. В постпривычное время вас не может спасти Супермен, летящий быстрее пули, или Нео из «*Матрицы*», признающий себя избранным и победивший агентов. Герой постпривычного времени не может просто победить плохого парня или обезвредить бомбу, потому что в постпривычное время нельзя прийти к определенному решению. Герой постпривычного времени — прежде всего штурман. Перед ним вырастает проблема комплексности мира и множественности нашего «я», он находится во власти полного хаоса и подавлен бесчисленными противоречиями. Постпривычный герой сталкивается с необходимостью взять наши старые концепции, подвергнуть их испытанию и потребовать перевоспитать самих себя, в противном случае мы обречены пасть от рук истинного врага — нас самих. Он не антигерой, как говорят, но он ни в коем случае и не тот, кого можно легко превратить в культовую фигурку.

Первый тип данных героев почти наверняка обречен превратиться в трагические личности, поскольку незнание постпривычного времени будет таить в себе смертельные испытания. Я не исключаю, что постпривычные герои будут представлены самыми разными формами и габаритами. Одни признают комплексность и противоречия, царящие вокруг нас, другие будут стремиться преодолеть их, а третьих это убьет. Тот конкретный тип, исследуемый мною здесь, — это персонажи, сталкивающиеся с возрастающей комплексностью, которая представляет собой все более хаотические проблемы, выявляющие, в свою очередь, противоречия в их собственных фундаментальных ценностях.

Данные персонажи будут поглощены окружающей их неопределенностью, а их возможности ограничены тем, как они справляются с собственным невежеством. Конечно, подлинные американские персонажи застрахованы от этого. Выбор, который они теперь должны сделать, состоит в том, чтобы либо оставаться приверженцам своих старых путей, либо принять новый подход к собственному невежеству.

И Кайл лицом к лицу сталкивается с этим выбором. Одна из сцен фильма показывает нам Кайла наверху на крыше, когда он поддерживает свое подразделение на земле. И тут из-за угла появляется безликий мужчина с ручным противотанковым гранатометом (РПГ), нацеливая его на сослуживцев Кайла. Кайл замечает его. БАХ! Это человек выведен из игры. Легко, классически, наш герой побеждает зло. И тут мы видим какого-то местного мальчика, наблюдающего с близкого расстояния за всем этим, потрясенного, задумчивого. Мальчик пробирается к мертвому безликому мужчине. Он подбирает РПГ. Кайл наблюдает, начинает молиться вслух, чтобы тот положил его на землю. Идеальная метафора для Америки! Мы наблюдаем через снайперский прицел, как история превращается в хаотическую колыбель, приводящую к месиву из убийств и страха. «Положи!» — Кайл стоит перед принятием неимоверного решения. Женщин и детей нужно щадить любой ценой. Американцев, борющихся за справедливость, нужно любой ценой уберечь от зла. Со всеми хулиганами нужно покончить. Неопределенность и противоречия превращаются в постпривычный взрыв по мере того, как увеличивается частота пульса аудитории.

После многочисленных переходов камеры туда и обратно между Кайлом и Мустафой, сверхчеловеческой тенью, Кайл наконец-то ловит Мустафу в своем прицеле, чтоб произвести беспрецедентный выстрел за полторы тысячи метров. Кайл знает, что в состоянии застрелить его и тем самым закончить свою личную войну. Человека, убившего нескольких американцев, можно самого убить. Справедливость. Другие солдаты призывают его не делать этого. Если он выстрелит, то выдаст их позицию, и тогда они будут окружены со всех сторон. Но убей он этого человека, и Кайл положил бы конец своей войне, персональной войне.

Убить одного, чтобы спасти тысячу. Но, убивая одного этого, вы обрекаете всех своих людей, людей, которых вы поклялись защищать, столкнуться с верной смертью. Надвигается песчаная буря. Кайл делает выстрел, и потоки песка поглощают здание, в котором расположены американские военные. Кайл кладет винтовку сбоку, на землю, и достает радиотелефон. Он звонит жене, песок окутывает его со всех сторон. Он клянется жене, что теперь он готов вернуться домой. Он оказывается буквально в эпицентре буквального постпривычного события, и его попытки контролировать конвергенцию комплексности, хаоса и противоречий

приводят в неудержимую бездну неопределенности. Их нее он сможет выбраться только благодаря навигации. Старые методы и старый образ мышления больше не работают. Его разум возвращается к примитивному детскому представлению о потребности в безопасности. Человек, который никогда не желал окончания своего путешествия, который хотел только одного — быть со своими боевыми товарищами, убивать монстров, теперь больше всего хочет вернуться домой. Криса Кайла ожидает процесс долгого психического восстановления после ухода с военной службы. Истории из нашего детства, которые переносят нас в какие-то страшные места, но всегда имеют счастливый конец, несмотря ни на что, всего лишь выдуманные истории.

Теория постпривычного времени не знакома создателям фильма «Американский снайпер». Однако именно постпривычная реальность формирует повествование фильма. И конечно же, фильм не дает ответов на вопрос о том, как мы собираемся двигаться вперед в постпривычное время. Тем не менее совершенно бессознательно фильм изображает основные дилеммы, внутренние противоречия и глубокое невежество Америки постпривычного времени. Но я подозреваю, что метафоры слишком неочевидны, чтобы убедить моих соотечественников-американцев задуматься о нелепом состоянии, в котором мы находимся. Мы по-прежнему придерживаемся «Законов Американа», как обозначили их Зияуддин Сардар и Меррил Вин Дэвис, законов, характеризующих американский разум в нынешнюю эпоху[8]. «Страх — основополагающая сущность», «Война необходима» и «Невежество есть блаженство». Мы живем в Америке, где оружия больше, чем людей (примерно 350 миллионов единиц), стрельба в университетских городках — норма, а экспорт войны называется внешней политикой. Мы делаем кумира из человека, которые легко расправляется с жизнью других людей, и наша политика определяется тем, чего мы боимся: мы хотим носить оружие, чтобы никто не стрелял в нас, мы выступаем против различий, потому что не хотим раствориться в них, мы поддерживаем действия иностранных партнеров, чтобы убить их, прежде чем они убьют нас.

АМЕРИКА, ПРЕСЛОВУТАЯ «ВЕЛИЧАЙШАЯ СТРАНА НА ЗЕМЛЕ», ПОСТРАДАЛА ОТ ЛОЖНОЙ ВЕРЫ В ПОСТОЯНСТВО, ВРОЖДЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО СВОИХ ЦЕННОСТЕЙ И ОТ НЕСПОСОБНОСТИ АДАПТИРОВАТЬСЯ К БЫСТРО МЕНЯЮЩЕМУСЯ МИРУ.

[8] Ziauddin Sardar and Merryl Wyn Davies, *American Dream, Global Nightmare* (Icon Books, Cambridge, 2004) pp. 20–26.

Несмотря на все свои недостатки, «Американский снайпер» рисует нам портрет, остро нуждающийся в осмыслении и доработке. Этот фильм — зеркало, показывающее наше полусвободное мышление, которое толкает нас к непрекращающемуся насилию. Расизм, необдуманные решения и попытка спрятаться от доверия человечеству соседствуют с надеждой на то, что мы наконец перестанем жить в темноте. Продолжающаяся война Америки с тенью, подпитываемая глубокой неопределенностью и приверженностью невежеству в отношении мира за ее пределами, всегда будет означать трагедию для нашего постпривычного героя. И согласно метафоре, для самой Америки.

Постпривычное время неспокойно и неудобно. Намек на то, как Америка может примириться с ним, делается в фильме Иньярриту «Выживший». Режиссер предлагает нам свой опыт навигации по этим тревожным временам. На первый взгляд может показаться, что это история Хью Гласса, человека, который выжил после жестокого нападения на него медведя, чтобы потом отомстить тем, кто убил его сына, а его самого бросил умирать. Хотя последний фильм Иньярриту «*Бёрдмэн*» (2014), получил широкое признание критиков, становится любопытно, почему мексиканский режиссер выбрал тему, связанную с Хью Глассом. Гласс — американский переселенец-колонист XIX века, которого, как известно, его компаньоны оставили умирать после нападения на него медведя на территории современной Южной Дакоты. Но он выжил и смог доползти до безопасного места. Его чудесное приключение стало предметом фольклора американского Запада и увековечено в одноименном романе Майкла Панке, вышедшем в 2002 году[9]. Фильм Иньярриту примерно следует сюжету романа. Книгу Панке провозгласили классической историей о жестокой мести, идеальным образцом американского вестерна. Это не совсем то, что называется искушенным и сложным стилем Иньярриту. До «*Бёрдмэна*» большинство американцев, вероятно, путали Иньярриту с Альфонсо Куароном[10] и Гильермо Дель Торо[11]. До «*Бёрдмэна*»

---

[9] Michael Punke, *The Revenant: A Novel of Revenge* (Carroll and Graf, New York, 2002).

[10] ***Альфонсо Куарон Ороско*** (исп. *Alfonso Cuarón Orozco)* — мексиканский кинорежиссер, сценарист и монтажер. Лауреат двух премий «Оскар» за работу над фильмом «Гравитация» (2013); обладатель награды Венецианского кинофестиваля за сценарную работу (2001); обладатель премии «Золотой лев» Венецианского кинофестиваля (2018), а также премии «Золотой глобус» за лучшую режиссуру за фильм «Рома». С 2000 года живет в Лондоне. — *Прим. пер.*

[11] ***Гильермо дель Торо Гомес*** (исп. *Guillermo del Toro Gómez*) — мексиканский кинорежиссер испанского происхождения, сценарист, продюсер, писатель. Номинант на премию «Оскар» 2007 года за фильм «Лабиринт Фавна» в категориях «лучший оригинальный сценарий» и «лучший фильм на иностранном языке». Лауреат двух премий «Оскар» 2018 года за «Лучшую режиссерскую работу» и «Лучший фильм» («Форма воды»). — *Прим. пер.*

его работы имели международную перспективу, затрагивая такие вопросы, как вера и христианство или борьба за справедливость с точки зрения латиноамериканцев. С «*Бёрдмэна*» начинается радикальный отход, а «*Выживший*» его продолжает. Но во всех фильмах Иньярриту присутствует одно: необходимость глубоких размышлений со стороны зрителя. Итак, на новом карьерном этапе Иньярриту мы видим мир в беде. «*Бёрдмэн*» представляет нам реальность, погибающую от комплексности, пронизанную хаосом, отражающую собственные противоречия. Постпривычное время выходит на большой экран. В «*Выжившем*» Иньярриту представляет нам собственную попытку справится с этими тревожными временами. Антураж может соответствовать XIX веку, но проблемы взяты из нашего постнормального времени.

Чтобы настроить нас на предстоящее путешествие, фильм начинается в странном месте. Бегущая вода. Вода как ключевой элемент жизни — подходящее место для начала. Из нее поднимаются деревья, Земля и два человека. Отец и сын. Почти неузнаваемый Леонардо Ди Каприо изображает сурового Хью Гласса, а Форрест Гудлак дебютирует в роли Хоука. Затем возникает нечто, скажем так, не от мира сего — их пистолеты. Олень с огромными ветвистыми рогами: древо жизни стало плотью. БАХ! Неестественный звук запускает наше путешествие, которое будет изобиловать естественными звуками жизненной борьбы.

Рядом мы видим стоянку людей, живущих на природе, но медленно разрушающих ее, горящие костры, разделка туш и вязка меха. Наступление утра прервано оружейным выстрелом. Джон Фицджеральд (Том Харди) выражает капитану Эндрю Генри (Домналл Глисон), властной фигуре, обеспокоенность по поводу неестественного шума. Зловещий Другой притаился повсюду.

Вдруг одиночный неестественный звук превращается в бесчисленные стрелы, перерастая в отдаленный топот табуна жеребцов. Бесконечный, повторяющийся боевой клич переходит в мучительные крики и мольбы людей, подвергшихся нападению. Камера взлетает и парит, давая панораму в 360 °. Зрителю показывают весь окружающий мир, но при этом ничего не видно. Внезапно маленького глаза камеры, передающей картинку, становится недостаточно. Стрелы летят со всех сторон, во всех направлениях. Все превращается в безумную круговерть, потому что люди стремятся использовать Землю, чтобы спрятаться, по-видимому, от самой Земли, которая предприняла эту жестокую атаку против них. Гласс и Хоук бегут к месту событий. Цель — добраться до лодки: Глассу нужно защитить сына. Становится очевидным, что нападение совершено туземцами, а Хоук — сам один из них. Этот мир слишком сложен для упрощенного расизма. Капитан Генри не может спасти своих людей, находящихся под его защитой. Он потерялся, утонул в неопределенности. Вода поднимается,

пока они пробираются к лодкам. Бесконечный боевой клич звучит все громче, поток стрел увеличивается, дыхание учащается, перекрывая все другие звуки. Здесь важно отметить, что Гласс ведет своего сына в безопасное место, но все время прикрывает его сзади.

По сути, данная история — путеводитель отца по постпривычному времени. По фильму остается непонятно, существует ли биологическая взаимосвязь между Глассом и Хоуком, является ли тот его отцом. Можно было бы принять идею, что Гласс — просто опекун Хоука, но это не умаляет его преданной заботы о благополучии мальчика. Роль Гласса как отца довольно сложна. Лицо Хоука обезображено шрамами от ожогов, причина которых постепенно начинает проясняться. Простая метафора заключается в том, что Гласс, подобно ложной американской политической идеологии, стремится привести поверженный нецивилизованный мир к процветанию. Гласс не в состоянии увидеть свет в конце этого путешествия. Он просто пытается доставить людей в безопасное место, в ближайший форт. Он вынужден стать отцом этой группе «белых», надеющихся только на него в спасении от повсеместной опасности нового нападения со стороны племени арикара. Хоук из пауни, более миролюбивого, но, к сожалению, вымирающего племени. Гласс, которому чуждо «бремя белого человека»[12], пытается спасти культуру пауни, которую он сам принял. Квест имеет высокую вероятность провала, даже если добраться до форта. И что тогда? Гласс должен принять неопределенность постпривычного времени, пытаясь преодолеть невежество, ибо оно может быть фатальным.

Точно так же и Фицджеральд — своего рода отец. Назовем его отцом невежества и постпривычного отставания. Фицджеральд принимает молодого Бриджера (Уилл Поултер) как своего сына, развращая его старыми парадигмами, которые медленно рушатся в конце эпохи. Для Фицджеральда все туземцы, будь то арикара или пауни, одинаковые. Они — дикари. Он рассматривает труд не как процесс становления человечества, а как простое средство зарабатывания денег, единственный шанс, который есть у человека, чтобы обрести власть над своей судьбой. Его философия заключается в том, что каждый сам за себя, страдания совершенно не нужны, а ложь оправдана. Все эти идеи рухнут перед лицом неопределенности. Бриджер, отчаянно нуждающийся в проводнике и наставнике, стоит как вкопанный во время атаки арикаров. Он цепляется за

---

[12] **Бремя белого человека** (англ. *The White Man's Burden*) — изначально являлось названием стихотворения английского поэта Редьярда Киплинга, написанного в период Филиппино-американской войны (1899—1902), впервые опубликованное в 1899 году. Позднее это выражение стало нарицательным, обозначающим колонизатор¬скую политику европейских держав, в первую очередь Великобритании, в Азии, Африке и Америке, прикрытую гуманистическими соображениями. — *Прим. пер.*

Фицджеральда и попадает в зависимость от грехов этого невольного отца. Затем Бриджер становится причастным к преступлениям Фицджеральда и разделяет его мировоззрение. Бриджер должен «почитать своего отца»[13] и отказаться от хрупкости парадигмы Фицджеральда, с чем тот столкнулся. А это погрузит их обоих в пучину невежества.

Капитан Генри — ложный отец. Такого отцовства мы требуем от наших правительств и различных членских организаций. Трагедия заключается в том, что они находятся во власти экспертов и общественного мнения, и их ждет ужасающая участь погрузиться в хаос и неизбежные противоречия. Генри не может спасти своих детей, своих людей. Его вера в собственное руководство и преданность военной системе не в состоянии позволить ему исправить то, что произошло. Он сталкивается с той же проблемой «ложных отцов» в реальном мире. Правительствам и организациям сложно принять изменения, поскольку это ведет к признанию недостатков в их собственной системе и демонстрирует хрупкость их положения у власти. Вождь племени арикара представляет собой своего рода антитезу капитану Генри. Он, а следовательно, и его племя, стремится к определенной цели: найти свою дочь. Он остается верен своей идентичности, но пользуется преимуществами мощи оружия белых людей. Он даже пытается выучить их язык. Его вызов невежеству превращается в возможность для всех ложных отцов перед лицом завтрашней неопределенности.

Фильм представляет собой историю слияния этих различных приемов отцовства и предлагает нам интересный эксперимент в постпривычном времени. Это сближение происходит в результате противостояния, наиболее заметным из которых является столкновение Гласса с Отцом-гризли.

Представление моего собственного отца о медведях сформировалось под сильным влиянием событий времен холодной войны. Медведь всегда был самым удивительным пушистым клубком силы в лесу. Советы. Красный. Пусть орел демократии убьет коммунистического медведя! За время моей собственной жизни медведи из милого мультипликационного героя превратились в силу природы. Я вырос с Винни-Пухом, Медведем Йоги и Балу. Все они игривые, недалекие и в общем-то безобидные существа. Мечта Теодора Рузвельта о дружелюбном мишке осуществилась. Они были частью природы, и их нужно было спасать вместе с тропическими лесами и забитыми домашними животными. Затем наступила очередь «Человека-гризли» Вернера Херцога (2005). Этот документальный фильм был наполнен духом спасения природы и уважения к ее красоте, но он преподал нам и ценный урок. Природа — дикая, и все, кто попадает

[13] Намек на библейский текст пятой заповеди Декалога «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Книга Исход 20:12). — *Прим. пер.*

на ее территорию, должны подчиняться ее правилам. Медведь — царь американских джунглей. Так почему бы не позволить ему стать настоящим отцом в фильме Иньярриту?

Гласс двигается вперед как разведчик, ища путь сквозь неопределенность, возникающую перед людьми, руководить которыми он был выбран. Его дыхание напоминает дыхание дикого зверя, который всегда настороже. Затем мы слышим странный шум, за которым следует шелест листьев. Это играют два молодых медвежонка. Гласс замирает. Он знает то, что далеко от неопределенности, и аудитория также знает, что будет дальше. Потому что рядом с играющими малышами всегда находятся их родители. Судя по размеру винтовки Гласса, его будет сложно не воспринимать как угрозу. Камера снова показывает нам перспективу на 360°. Наши глаза отчаянно стремятся проникнуть во все эмпирические данные. Где же оно? А потом мы слышим пронзительное, но грозное рычание. Гласс стоит как вкопанный. Мы не являемся хозяевами мира, как мы когда-то думали. Деревья спешно расступаются на пути медведей по мере их приближения. Как только медведь видит Гласса, наступает момент защитной атаки. Эта атака представляет собой две фазы агонии, напряжения и разрушения тела. Она буквально воплощает в себе классический конфликт между человеком и природой. Но этот фильм не о противостоянии человека и природы. У любой битвы всегда есть цель, она настроена на победу. Но в этой битве не выиграет ни человек, ни природа. Скорее этот фильм наблюдает за конфликтом человека внутри него самого. По мере того как человек уничтожает природу, природа становится странной и изобретает способы уничтожить его в ответ. Природа остается на заднем плане, но продолжает быть активной силой, своего рода персонажем. Природа неизменна, потому что находится в постоянном движении.

Трагедия этого фильма заключается в том, что конфликт разгорается между отцами. Подобно пикнику отца и сына на выходных, победа в этом соревновании не зависит от того, кто любит больше, у кого больше отцовского мастерства или какого-либо другого чувства романтизированной родительской связи. По большей части это результат неопределенности и невежества. Гласс, Фицджеральд, Генри, вождь индейцев и медведь — герои этой истории. Но они также не являются антигероями друг друга. Их конфликт — ненужное дополнение, он совершенно случаен. Конвергенция этих персонажей происходит только в результате невежества, присущего всем им, и из-за их подхода к неопределенному будущему. Если бы дочь вождя арикаров не похитили, нападения племени не были бы такими жестокими. Если бы Фицджеральд не стал жертвой попытки скальпирования (возможно, уцелевшей после него), его невежество не было бы таким безудержным. Эти основные действия, подпитываемые невежеством,

продвигают повествование. Действительно, они являются начальным толчком для рассказа. В постпривычное время герои (или близкие к ним люди) не являются теми персонажами, которым предстоит преодолеть конфликт, проверяющий их на прочность. Вместо этого они являют собой тех, кто сталкивается с определенной разрушительной силой, против которой мы выступаем. В «*Выжившем*» она воплощена в концепции дыхания.

Призрак жены Гласса общается с ним во сне. Она говорит: «И вот идет буря. И ты стоишь перед деревом. Если посмотришь на его ветви, можно поклясться, что оно упадет. Но если смотреть на ствол, то ты увидишь, что оно устоит». Ветер и дыхание — эти те невидимые силы, у которых, кажется, есть собственный разум. Они представляют собой непрерывность времени в эпоху постпривычности. Хотя оба феномена способствуют прекрасному микшированию звука в фильме, они дают нам подсказку о том, что истина действительно присутствует в фильме.

ДЫХАНИЕ ЧАСТО ИГРАЕТ ВАЖНУЮ РОЛЬ В БОГОСЛОВИИ. НАПРИМЕР, ЯХВЕ, ЕВРЕЙСКОЕ ИМЯ БОГА, ТАКЖЕ ФОНЕТИЧЕСКИ ПРИБЛИЖЕНО К ЗВУКУ ДЫХАНИЯ. СУФИИ ПРОИЗНОСЯТ «ХУВА, ХУВА» — ДЫХАНИЕ, ОЗНАЧАЮЩЕЕ «ОН ЕСТЬ ОН». БОГ ВДОХНУЛ ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ В АДАМА. В ПЕСНОПЕНИИ ИУДАИЗМА И ХРИСТИАНСТВА, А ТАКЖЕ В ЗИКРЕ (ПОМИНАНИИ БОГА) В ИСЛАМЕ, БОГ ПРОСЛАВЛЯЕТСЯ В ФОРМЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО РЕЧЕНИЯ. В ЭТОМ ФИЛЬМЕ, КАК И В РЕАЛЬНОСТИ, ЭТО ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ. ЭТО ПРОЯВЛЕНИЕ СИЛЫ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОЙ ВЕТРУ ЗЕМЛИ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, НЕВЕЖЕСТВО — ЭТО ИСПОРЧЕННОЕ ДЫХАНИЕ, СИЛА, ПОВЕРГАЮЩАЯ ДЕЙСТВОВАТЕЛЯ В ГЛУБОКУЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ВЕРОЯТНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ.

В фильме есть место мести. К отмщению стремятся. С определенной точки зрения все получается. Но это не история мести. Скорее, это деконструкция концепции мести. Месть предполагает справедливость и нравственность. В других повествованиях месть преподносится как пустая победа. Здесь месть рассматривается через более возвышенную призму. Различные персонажи ссылаются на отмщение от Бога и только от Бога. Эта ссылка проливает свет на цитату Ганди об ослепляющем результате принципа «око за око». В конце концов, это просто баланс прихода и расхода, не людей, а Земли в целом. Ветер против дыхания.

Один из заключительных кадров фильма вновь оставляет нас наедине с бегущей водой, мчащейся через пейзаж тундры, но теперь массивное пятно крови расплывается по берегу. Яркий образ. Ужасающее непостоянство. Поскольку ветер, вода и свежий снег вернут месту красоту, присутствовавшую в начале фильма. Такова ставка постпривычного времени. Старые концепции сохраняют все меньше смысла в повседневной жизни. Парадигмы замков на песке, которые были построены для защиты от всемогущего ветра, раскрывают свою подлинную природу. Надо глубже задуматься о том, как мы дышим. Никакое количество панорам на 360 ° не в состоянии раскрыть всю правду. Истина не просто эмпирична, она требует от разума подняться на новый уровень в размышлении. Дыхание невежества будет подавлено ветром природы.

Как Америка будет дышать в постпривычное время?

ПОСТПРИВЫЧНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Джорди Серра

Даже беглый взгляд на последние мировые события показывает, как политика и управление быстро выходят за привычные рамки. Но прежде чем мы рассмотрим, как меняется правление, скажем несколько слов о самой категории. В данном случае выбор ярлыка действительно является актуальным. «Постпривычное» связывает два подходящих друг другу понятия: оно указывает на то, что-то, что мы переживаем, непривычно для нас или, по крайней мере, это не то, что мы могли бы ожидать. Условности, по которым мы жили в течение последних десятилетий, становятся все более неактуальными. Но данный термин также означает, что то, что мы переживаем, не совсем привычно. Скорее, происходит то, что мы выходим за пределы обычного значения привычного и попадаем на неизведанную территорию, в область «постпривычного». Но в каком смысле мы выходим за рамки привычного? Краткий ответ будет носить современный индустриальный смысл.

Модерн стал ответом на запрос о новом виде власти, которому требовался новый легитимный источник, порвавший со средневековыми традициями и структурами. Следовательно, он стал свидетелем появления нового типа лидера, «Государя» Макиавелли, который управлял новой концепцией — государством или, если быть более точным, «национальным государством». Наука служила полезным инструментом для избавления от остатков приверженности старой феодальной системе; она заложила новые основы для новой структуры. Наука и (колониальная) политика объединились, чтобы произвести промышленную революцию с акцентом на модерн, который стал главным критерием регулирования нашей жизни. Модерн, индустриальное мировоззрение и наука находились в симбиозе, поскольку все три выступали за стандартизацию, навязывая своего рода среднее статистическое значение в качестве эталона привычного. Существовали стандартные правила, применявшиеся ко всем

и служившие всему. Они решали все наши проблемы. Эти стандарты традиционно считались «универсальными». А западная цивилизация с ее отличительными чертами «демократии» и «правами человека» проектировалась как будущее всех культур и обществ.

Но допущение о том, что мир монолитен и имеет единый источник правящей силы, в виде западной культуры во главе с США и Европой, больше не является действительным в многополярном, многокультурном мире. Модерн переживает кризис, и его преемник, постмодерн, просто оказался «новым империализмом западной культуры»[1]. Даже наука, которая является его основой, оказывается не такой объективной и нейтральной, как нам хотелось бы думать. В своей основополагающей работе о постпривычной науке[2] Фунтович и Равец постулируют, что нам нужно выйти за рамки обычного научного спектра, который фокусируется на результатах или продуктах, и включить в наш анализ процедуры, цели и людей. То есть ценность научного исследования не может зависеть только от его выводов, но также и от выбора метода, преследуемой цели, а также от политики и мировоззрения людей, отвечающих за его проведение. Другими словами, наука перестает быть абсолютом и становится контекстуальной, как и большинство человеческих усилий.

То, что применимо к науке, также применимо к управлению и обществу. Общепринятые способы управления опасно устаревают, общество находится в состоянии полного замешательства. В результате большинство людей потеряло всякий интерес к политике. Например, разногласия между республиканской и демократической партиями в Соединенных Штатах сейчас превратились в пропасть, преодолеть которую, кажется, невозможно. Не менее глубокие разногласия царят внутри отдельных партий: консервативная партия в Великобритании раскололась на про- и антиевропейские фракции, а республиканцы осудили своего кандидата в президенты Дональда Трампа на всеобщих выборах 2016 года. В самом деле, сам факт того, что воротила бизнеса с нездоровыми взглядами и весьма сомнительной позицией, которого почти все ненавидят в республиканской партии, может получить назначение на пост президента, уже указывает на то, что с американской политической системой происходит что-то совершенно не то. Это система, которая часто заводит в тупик признаками беспрецедентного сбоя, проявившимися в работе Федерального правительства США в октябре 2013 года. Как заявил в интервью *BBC Newsnight* П. Дж. О'Рурк, консервативный американский обозреватель и убежденный сторонник республиканской партии: «Трамп — пример разочарования в современном государстве, в массовом порядке проявляю-

[1] Ziauddin Sardar, *Postmodernism and the Other*, Pluto, London, 1998.

[2] Silvio O. Funtowicz and Jerome R. Ravetz, "Science for the post-normal age," *Futures,* 25 (7), 1993. P. 739.

щемся во всевозможных вспышках по всему миру. Такой феномен, как Трамп, является довольно комической версией этого. Марин Ле Пен, скорее, менее комична. А если хотите по-настоящему трагический вариант, — это Путин. Путин тоже является популистом. Таким же, как и [инициаторы] Brexit. К этой же категории относится и отказ колумбийцев от мирного договора». Лучшим вариантом для Америки является кандидат от демократической партии Хиллари Клинтон, которая «ошибается во всем», но «ошибается в рамках обычных параметров неправоты»[3]. Проблема в том, что «привычные параметры» стремительно испаряются.

ДУХ ВРЕМЕНИ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И БЕСПОКОЙСТВА, СПРОВОЦИРОВАННЫХ НАШЕЙ НЕСПОСОБНОСТЬЮ ПОНИМАТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ.

Люди хотят цепляться за то немногое, что у них есть, что дает уверенность: ностальгия по славному прошлому, неприкрытый национализм и протекционизм. По мере того, как ускоряющиеся изменения усиливают чувство неуверенности, на первый план выходит невежество. Правда и факты теряют свою ценность. Пустые лозунги, вроде трамповского «Сделаем Америку снова великой» или брекситовского «Мы хотим вернуть нашу страну», стимулируют страсти и негодование. Обычные и цифровые СМИ разжигают безумие. Устанавливается положительная обратная связь. Популизм — естественный результат постпривычного времени. Политические события происходят и распространяются такими темпами, что нам с трудом удается за ними поспевать. Мы постоянно находимся в состоянии непонятного хаоса и противоречий.

Рассмотрим случай Украины. Все началось с демонстраций в Киеве против властей. Правительство под руководством президента Виктора Януковича действительно было коррумпированным, но оно было избрано демократическим путем. Однако его главное преступление заключалось не в том, что его глава был коррумпированным политиком, а то, что он хотел присоединить Украину к России. С западной точки зрения для него было лучше вступить в НАТО, и хуже — находиться в союзе с Россией. Вскоре вооруженные протестующие в Киеве захватили правительственные здания и потребовали смены правительства и конституции. Политики из США и Европы встали бок о бок с демонстрантами, в том числе лидерами

[3] BBC, *Newsnight*, Monday 10 October 2016.

крайне правой партии «Свобода», чтобы заявить о своей поддержке. Когда парламент проголосовал за отставку Януковича, политический порядок в Украине сделал разворот на сто восемьдесят градусов за один день. Янукович бежал в Россию, и не менее коррумпированная экспремьер-министр Юлия Тимошенко была освобождена из тюрьмы, чтобы выступить перед демонстрантами.

Примерно десять лет назад на этом, вероятно, все бы и закончилось. Западные державы создали бы в Украине правительство по собственному усмотрению, как они поступали на протяжении всего XX века во многих других местах, от Ирана, где США свергли демократию, чтобы посадить на трон шаха в 1963 году, до Чили, где демократически избранное марксистское правительство было свергнуто в 1973 году. Но в многополярном постпривычном мире все не так однозначно, как раньше: общепризнанное традиционного распределения власти и иерархии интересов недействительны. Возрожденная Россия поиграла мускулами и быстро захватила Крым. Скорость, с которой был захвачен полуостров, была столь же поразительна, как и скорость, с которой было свергнуто правительство в Киеве. Помимо угроз санкций и фактического введения некоторых их них, западные державы показали свое бессилие в данной ситуации. Не потому, что, как это широко пропагандировалось, воли нет, а потому что средства испарились. Реальность того, что власть действительно перешла в другие руки, трудно понять, не говоря уже о том, чтобы принять это.

Обратите внимание на комплексность и вытекающие из нее противоречия в украинском деле. На карту поставлены не только интересы двух конкурирующих держав: в Украине проживает 120 различных национальных меньшинств, и у каждого есть свои обоснованные и необоснованные требования. Есть демократические устремления крупных сообществ, таких как украинцы, русские, русские Восточной Украины и татары-мусульмане в Крыму, у которых есть исторические причины ненавидеть Россию.

Недемократические цели националистов и крайне правых групп как украинского, так и российского толка. Беспомощность поддерживаемого Западом режима в Киеве. Воинственность ностальгирующих пророссийских сообществ индустриального востока. Гражданская война. Опасность глобального конфликта, который должен беспокоить всех нас. Противоречия были абсолютно очевидны. Запад ставил свои интересы превыше всего, а интересам России не придавал значения. Смена демократически избранного президента была полностью неконституционной и недемократической. Демократические требования киевской толпы рассматривались как законные, а демократические требования толпы в Крыму, где проводился референдум, были признаны «незаконными». Наши фашисты, которые являются неотъемлемой частью нового правительства в Киеве, добрые; их фашисты — расистские звери. Подобного рода риторика и основанная на ней политика сегодня опасно устарели.

ЕСЛИ ВЫ ЗАЖЖЕТЕ СЕНСОРНУЮ БУМАГУ В ПОСТПРИВЫЧНОМ МИРЕ, ТО ВЫ ГАРАНТИРОВАННО ОБОЖЖЕТЕСЬ ТАК ЖЕ СИЛЬНО, КАК И НАМЕЧЕННЫЙ ОБЪЕКТ.

Это хорошо видно и на примере Египта, где другое демократически избранное правительство было свергнуто демонстрантами, поддержанными военными. Правительство президента Мухаммеда Морси не было коррумпированным. Но представляемая им египетская конституция сделала шариат (общепринятый исламский закон) верховным и провозгласила Египет суннитским государством, которое отдает предпочтение мусульманам-суннитам. Первые выступления против правительства Мубарака были организованы через *Facebook* и быстро переросли в хаотическое явление, которое привело к свержению режима. Выступления против правительства Морси пошли по тому же сценарию: та же группа демонстрантов теперь требовала установление светской власти и использовала те же средства для свержения демократически избранного правительства, при полной поддержке военных. Вполне возможно, что многие секуляристы, участвовавшие в антимурсистских демонстрациях, хотели подлинно плюралистической демократии, признания разнообразия и подлинной свободы мысли и действий.

На самом деле они получили совсем иное. Но положительная обратная связь, которая быстро превращается в хаотическое явление, может привести либо к краху, либо к полной трансформации. Антимурсистские выступления привели к коллапсу. Всемогущие египетские военные воспользовались хаосом, а доверчивые секуляристы сыграли им на руку. Конечный результат: законное, демократически избранное правительство, хотя и автократичное, было заменено военным правлением. «Переворот» не был переворотом на самом деле. Целый сегмент населения, поддерживавший «братьев-мусульман», теперь стал считаться «террористами». Выносились массовые смертные приговоры. Никто на Западе не выступил против этих казней; никаких демонстраций в поддержку жертв переворота, который не был переворотом, не проводилось. Отнюдь не продвинув Египет к большей демократии, секуляристы превратили страну в жуткое полицейское государство, стоящее на грани гражданской войны.

Или рассмотрим постпривычное положение моей родной Испании. После «золотого века» в сфере недвижимости, который превратил Испанию в своего рода «экономическое чудо», последовал взрыв жилищного мыльного пузыря, что привело к хаотичному коллапсу. Хотя формального спасения Испании, как в случае с Грецией, Португалией или Ирландией, не последовало, стране пришлось попросить помощи у Европейского

Союза, чтобы подлатать свою банковскую систему. И, как и ожидалось, взамен ЕС получил высокий уровень контроля над экономикой Испании. Чтобы соответствовать европейским директивам, Испании пришлось пережить серьезные урезания бюджета и ряд структурных реформ, которые, по сути, привели к резкому сокращению расходов на систему социального обеспечения в стране. В целом уровень безработицы в Испании вырос более чем на 20% (пик составил 27,2% в первом квартале 2013 года), оставив не менее пяти миллионов человек без работы за этот период, включая большую группу пожилых граждан, которые, скорее всего, никогда больше не вернутся в сферу занятости и, выйдя на пенсию, будут получать мизерные суммы. Ситуация усугубилась еще и тем, что суверенный долг Испании в июне 2016 года подскочил выше суммы ВВП страны[4]. Это вынудило испанское правительство отдавать прирост национального бюджета в счет выплаты процентных ставок по долгу, и данная доля больше той, что предназначена для борьбы с безработицей. Причем, похоже, так будет продолжаться еще долгое время.

Политическая ситуация столь же мрачна, как и экономическая реальность. На протяжении ряда лет испанская политика прекратила свое развитие из-за безвыходного положения по всем направлениям. Выборы в декабре 2015 года были проведены для выхода из тупика, но они только выдвинули на первый план сложность формирования работоспособного правительства. Различия между позициями четырех доминирующих национальных партий — консервативной Народной партией (НП), умеренной Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), либеральной Гражданской партией и прогрессивного «Подемос» («Мы можем!») — слишком глубоки и закреплены в обществе, чтобы их можно было разрешить. Таким образом, формирование коалиции между этими партиями представляет собой достаточно трудную задачу. Из-за этого тупика Испания на несколько месяцев оказалась парализованной. Ситуация частично разрешилась благодаря созданию хрупкой коалиции. Но ее распад является лишь вопросом времени.

Найденное решение вернуло Испании статус-кво, дав ей переходное правительство во главе с исполняющим обязанности премьер-министра консерватором Мариано Рахоем. Но начав работу, правительство Рахоя погрязло в коррупционных скандалах, подобно старому и новому правительствам Украины. В глазах большинства населения оно так же эгоистично и заинтересовано только в получении прибыли за счет общества, как и правители-деспоты в других странах! Консервативное правительство Рахоя победило на выборах 2010 года, пообещав, что преодолеет кризис и

[4] Sarah White and Carlos Ruano, “Spanish public debt jumps above 100 percent of gdp in June,” *Reuters*, August 17, 2016, accessed October 3, 2016, www.reuters.com/article/spain-economy-debt-idusl8N1AY1QN

вернет страну на путь экономического роста. Но после четырех лет пребывания у власти стала проясняться одна истина: управление национальной экономикой в постпривычное время — дело сложное. Фактически консервативное правительство в конечном итоге сделало прямо противоположное тому, что утверждало: оно не только не снизило, но повысило налоги, а безработица не только не уменьшилась, но произошло ее резкое увеличение. Однако не экономика была главной проблемой. Ею стала Каталония. По разным причинам, начиная от экономических и заканчивая культурными проблемами и вопросами идентичности, Каталония хотела отделиться от Испании и стать независимым государством. Как неизменно показывают опросы, независимое движение пользуется массовой поддержкой в каталонском сообществе. Поистине, не лучшие времена настали для управления Испанией.

Итак, что же сделало испанское консервативное правительство, как действующее, так и предыдущее, для решения этих проблем? Оно решило отвернуться от будущего и возвратиться к истории. Во-первых, оно наделило католическую церковь авторитетным правом, мало чем отличающимся от Конституции бывшего президента Мурси, выносить решения по ряду социальных вопросов. Закон об абортах был реформирован с учетом позиции церкви, что не должно вызывать удивления, поскольку министр юстиции в то время являлся членом *Opus Dei*[5]. Католическая религия снова стала обязательным предметом в школьной программе. В свою очередь, католическая иерархия выступила против сепаратистского каталонского движения, назвав его «аморальным». Таким образом, стремление к суверенитету становится одновременно религиозным и моральным вопросом!

Но самым странным было вручение Министром внутренних дел золотой медали за полицейские заслуги Деве Марии. Если быть более точным, он был подарен Деве Марии Святейшей Любви (*Virgen María del Santísimo Amor*), потому что «она разделяет ценности самоотверженности, бдительности, солидарности и самопожертвования, которых придерживается испанская полиция». Очевидно, что Дева регулярно участвует в патрулировании вместе с полицейскими. Это решение было опротестовано в суде некоторыми светскими организациями[6]. Однако это не помешало министру вручить вторую

---

[5] ***Opus Dei*** (лат. — дело Божие) — организация, официальное название которой «*Персональная прелатура Святого Креста и Дела Божия*». Представляет собой объединение клириков и мирян Римско-католической церкви на основании особого типа духовной жизни. В это понятие входит реализация евангельского призыва к личной святости, следование Христу и апостольское свидетельство о вере в повседневной жизни (см. https://opusdei.org/ru/article/dukh-opus-dei/). — *Прим. пер.*

[6] Ashifa Kassam, "Spanish government to face court after policing award given to the Virgin Mary," *The Guardian,* April 29, 2014, accessed October 3, 2016, www.theguardian.com/world/2014/apr/29/spanish-govt-court-after-award-given-to-virgin-mary

медаль другой Деве, Пресвятой Богородице Скорбящей (*Santísima Virgen de los Dolores*), в то время как иск о первой медали все еще находился в суде![7] Позднее оказалось, что все это было частью более масштабного плана получения Божьей помощи, поскольку, видите ли, святая Тереза совершала «важное ходатайство в Испании в эти тяжелые времена»[8]. Итак, перед лицом очень сложной и противоречивой экономической и политической ситуации, там, где жизнеспособную политику трудно осознать, не говоря уже о том, чтобы сформулировать, правительство обратилось за помощью к святым и религиозным догмам!

Во-вторых, оно урезало или просто отменило многие демократические права. Право на демонстрации было ограничено так называемым «Законом-кляпом». Стратегическая цель заключалась в том, чтобы превратить уличные митинги и демонстрации в административные нарушения. Поэтому они были выведены из-под юрисдикции судов и переданы в руки бюрократов и администраторов. Таким образом, аннулируются некоторые юридически гарантированные права, такие как *habeas corpus* или обязательное присутствие адвоката. Все это упрощает взимание штрафов с организаторов и сторонников публичных выступлений. Данное положение вызвало еще один судебный процесс против правительства Испании, на этот раз в Европейском суде по правам человека[9].

В-третьих, правительство слилось с «вольными капиталистами». Наиболее ярким примером этого является его противодействие реформе регулирования ипотечного кредитования. Сегодня ипотека в Испании на самом деле не является ипотекой, а представляет собой личный кредит с реальными, то есть жилищными, гарантиями. В отличие от других стран, в которых отсутствие обязательных платежей влечет за собой потерю имущества и окончание кредита, в Испании потеря собственности влечет за собой прекращение кредита только тогда, когда продажная стоимость покрывает всю сумму кредита. В противном случае прежние владельцы все равно будут должны оставшуюся часть заемных денег. Поскольку стоимость недвижимости значительно упала, многие люди потеряли свои дома. Было подсчитано, что к 2015 году более 100 000 семей были

---

[7] Óscar López, "Fernández Díaz entrega una medalla a otra virgen mientras la primera sigue pendiente de fallo judicial," *Vozpópuli*, October 30, 2015, accessed October 3, 2016, www.vozpopuli.com/actualidad/nacional/Jorge_Fernandez_Diaz-Ministerio_del_Interior-Medallas- Virgen-ministro_del_Interior-medalla_0_848615163.html.

[8] Ashifa Kassam, "Spanish government questioned over claims of divine help in economic crisis", *The Guardian*, January 30, 2014, accessed October 3, 2016, www.theguardian.com/world/2014/jan/30/spanish-government-saint-teresa-economic-crisis.

[9] Ashifa Kassam, "Journalists take fight against Spanish 'gag law' to European court", *The Guardian*, December 15, 2015, accessed October 3, 2016, www.theguardian.com/world/2015/dec/15/journalists-take-fight- against-spanish-gag-law-to-european-court

выселены из своих домов. Настоящая трагедия состоит в том, что большинство из них не имеют работы, но до сих пор должны банкам огромные суммы. А это те же самые банки, которые получили 41 000 миллионов евро в рамках европейского пакета мер по спасению в дополнение к огромным государственным вливаниям для покрытия своих убытков!

Все эти политические действия, если их можно назвать таковыми, являются рецептом катастрофы в постпривычное время, когда крошечное возмущение в системе, например, любая демонстрация против экономической несправедливости, митинг в Каталонии за независимость, бойкот школ, в которых философия и музыка были исключены из учебных программ, а католические догматы стали обязательными для всех, может иметь большие непредвиденные хаотические последствия. Как мы видим на YouTube, именно такие искры вызвали серьезные волнения в Турции и Венесуэле, а также в Египте и Украине. И конечно же, не только Испания, но и другие западные страны сталкиваются с аналогичными проблемами. *Brexit* и мыльный пузырь на рынке жилья в Великобритании неизбежно приведут к катастрофе. Кроме того, Соединенное Королевство перестанет быть соединенным и королевством вообще, если Шотландия обретет независимость. Италия попадает в один политический тупик за другим. То же самое с Грецией, Бельгией, Норвегией, Ираком, Афганистаном... Фактически политические тупики представляют собой новую привычную реальность постпривычного времени!

Мне кажется, что правительства по-прежнему действуют, исходя из своего обычного предположения, что их действия вызовут именно тот эффект, которого они намереваются достичь.

РЕГУЛИРУЮЩИЕ УСТАНОВКИ СТРОЯТСЯ НА ОБЩЕПРИНЯТОЙ ПРЯМОЛИНЕЙНОЙ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ: ДЕЙСТВУЯ НА А МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЖЕЛАЕМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ Б. НО В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ПРЯМОЙ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ. В НАШИ ДНИ ФЕНОМЕНЫ ЯВЛЯЮТСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ СЛОЖНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПРИЧИНОЙ И СЛЕДСТВИЕМ, В КОТОРЫХ ПЕРЕМЕШАНЫ МНОГИЕ КАЗУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ. ПОЭТОМУ В ДАННОЙ

СИТУАЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЕ ТОЛЬКО НА ОДИН ЭЛЕМЕНТ НЕ ТОЛЬКО БЕСПОЛЕЗНО, НО ЧАСТО И ВЕСЬМА ОПАСНО. ДЕЙСТВИЕ НА А ВЫЗЫВАЕТ МИРИАДЫ РЕАКЦИЙ НА Б, В, Г, Д И ВПЛОТЬ ДО Я. И МНОГИЕ ИЗ ЭТИХ РЕАКЦИЙ МОГУТ ПРИОБРЕТАТЬ ХАОТИЧЕСКИЕ ПРОПОРЦИИ СО СКОРОСТЬЮ СВЕТА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ КАЧЕСТВЕННЫЙ РЫВОК, ЧТОБЫ НАЧАТЬ ИГРАТЬ ЗНАЧИМУЮ РОЛЬ В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ.

На самом деле мы не знаем, как формировать жизнеспособную политику для постпривычного времени. Но есть три основных принципа, которыми мы можем руководствоваться. Во-первых, необходимо признать, что никто не контролирует ситуацию, по крайней мере, в демократическом обществе. Суть в том, что те, кто думают, что только правительства могут выполнить, инициировать или достичь того, что необходимо, заблуждаются. Действительно, масштабы любого государственного вмешательства постепенно сокращаются, поэтому оно всегда будет неполным, намного меньше, чем думает большинство политиков. Все больше и больше аспектов управления выпадают из сферы исполнительной компетенции или возможностей. В некоторых случаях для достижения желаемой цели требуется сотрудничество нескольких администраций, а для этого часто необходимо вмешательство множества различных социальных агентов. Итак, по определению, разработка политических установок должна учитывать и включать множество разнообразных точек зрения, а также конкурирующих и даже противоречащих друг другу интересов. В сфере международных отношений «нашим интересам» не служит сосредоточение внимания на том, «что мы желаем»; наши цели будут оспариваться, как мы оспариваем «их цели». И только через процесс переговоров, в конструктивной дискуссии, может быть достигнут положительный результат.

В постпривычном научном дискурсе переговоры с критическим обсуждением происходят в рамках так называемого «расширенного коллегиального сообщества». Помимо ученых и академиков, оно включает в себя множество других членов социума, от защитников окружающей среды, критиков, скептиков, писателей до домохозяек и рабочих-вахтовиков. Фактически каждый, кого затрагивают результаты научной деятельности, присоединяется и участвует в обсуждении и оценке любой работы в данной сфере. Понятие расширенного коллегиального сообщества сегодня

должно применяться при решении всех вопросов управления, а также социальных вопросов в целом. В одной из своих предыдущих работ я уже показал, как эту идею можно использовать в интеллектуальных сообществах[10]. Данный подход одинаково актуален и важен для политических, административных, культурных и корпоративных институтов. Конечно, для этого требуется расширить нашу концепцию участия. Большинство руководителей настороженно относятся к увеличению состава участников и считают, что это слишком раздражает и ничего полезного в этом нет, кроме определенной степени легитимации. Таким образом, многие администраторы стремятся приручить и ограничить участие конкретными масштабами. Однако для целей постпривычного управления участие должно быть обогащено и диверсифицировано, не только предоставляя доступ самому широкому кругу участников, но и устанавливая множество различных способов и процедур для формирования политики. С технической точки зрения это не проблема. Главное препятствие — это соблюдение современного идеала контроля, который абсолютно контрпродуктивен в постпривычное время.

Во-вторых, мы должны принимать во внимание, что для комплексной среды управляющий механизм сам по себе должен быть комплексным. Данное положение известно как Закон необходимого разнообразия Эшби. Другими словами, чтобы демократии выжили, в основе управления должны лежать плюрализм и разнообразие, присутствующие во всех государственных учреждениях. Когда этого не происходит, даже самые успешные государства сталкиваются с серьезными хаотическими препятствиями. В-третьих, достойная политика должна учитывать влияние положительной обратной связи. Как мы собираемся справиться с множеством непредвиденных последствий? Как мы должны преодолевать хаотические потрясения? Хотя мы не можем предсказать результат политических событий, нам необходимо иметь некоторое представление об их потенциальных последствиях.

Ответом на постпривычные проблемы является не возвращение к некоторым привычным (или до-привычным) реакциям, что так хорошо продемонстрировано ситуацией на Украине, падением президента Мурси и подъемом военной диктатуры в Египте, а также бессмысленными религиозными сантиментами консервативного правительства в Испании. Ответ заключается в стремлении понять и принять динамику постпривычного времени и в соответствующих действиях. Мы потеряли способность контролировать изменения и управлять ими. Можно оплакивать эту потерю. А можно максимально использовать постпривычное состояние.

---

[10] Jordi Serra, "Los retos de la inteligencia en un mundo postnormal," in *Cultura de inteligencia: un elemento para la reflexión y la colaboración internacional* edited by Fernando Velasco and Ruben Arcos, 143–156. Madrid: Plaza y Valdes, 2012.

ПОСТПРИВЫЧНАЯ ЯПОНИЯ

С. Скотт Джордан

В Японии нет ничего «привычного». Привычность никогда не была образом жизни Японии. Однако есть ряд признаков того, что данная тенденция изменится в будущем. Действительно, страна десятилетиями сталкивается с внутренним хаосом, неопределенностью и противоречиями, и это довольно редкое состояние для мировых наций. Движение к постпривычному времени в Японии, поспешно превратившееся в его поддержку, было не уничтожением традиции, а, скорее, систематическим избавлением от классических элементов общества. Эта упорядоченная очистка происходила постепенно. Впервые о ней открыто было заявлено в период индустриальной революции, с наступлением века, приведшего ко Второй мировой войне, а ускорение началось с 1951 года, когда был заключен мирный договор в Сан-Франциско[1]. Экстраполяция японской политики и действий показывает, как страна на практике прошла через постпривычное время.

Путь развития системы ориентирования [в постпривычном времени] дает необходимое понимание идеи перемен. В прошлом изменения представляли собой концепцию, за которой пристально следили государства, прикладывая усилия для поддержания контроля и порядка. Например, Китай находится в постоянном поиске революционных изменений, чтобы использовать их для сохранения неизменной правящей власти. Наоборот, Северная Корея делает вид, что не существует даже самой концепции, делая выбор в пользу застывшего состояния, которое не

[1] **Сан-Францисский мирный договор** — договор между частью стран антигитлеровской коалиции и Японией. Был подписан в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года. Договор прекратил состояние войны между подписавшими его союзниками и Японией, закрепив порядок выплаты репараций союзникам и компенсаций пострадавшим от японской агрессии странам. По ряду причин представители Советского Союза, Чехословакии и Польши, участвовавшие в конференции, отказались его подписывать. — *Прим. пер.*

может растопить даже глобальное потепление. Большинство западных государств придерживаются чувства любви/ненависти к переменам, что стало стандартной операционной моделью с тех пор, как европейские державы перешли из эпохи Просвещения в современность. Япония, напротив, применила радикально иной подход к изменениям: Японская Республика, в настоящее время не имеющая национального девиза, двигаясь в завтрашний день, смело облеклась в КХП постпривычного времени: комплексность, хаос и противоречия.

При исследовании постпривычного времени с точки зрения политики и государства необходимо помнить об одной важной предпосылке. Метод старого мира показывает, что у каждого государства (то же самое можно сказать и о межправительственных и неправительственных организациях) есть свои собственные правила, согласно которым решаются бытовые проблемы.

РАНЬШЕ ЖИТЬ БЫЛО ЛЕГКО: ДЛЯ КАЖДОЙ ПРОБЛЕМЫ X НАХОДИЛОСЬ РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЛЕГКО ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЕ РЕШЕНИЕ Y. В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ ЭТО ПРОСТОЕ УРАВНЕНИЕ ДАЕТ МНОЖЕСТВО РАЗЛИЧНЫХ ОТВЕТОВ: ДЛЯ КАЖДОГО РЕШЕНИЯ Y ЭКСПОНЕНЦИАЛЬНО УВЕЛИЧИВАЕТСЯ ПРОБЛЕМА X. ПРИ ЭТОМ ПОЯВЛЯЕТСЯ МНОЖЕСТВО ЗАДАЧ А, Б, В, Г, Д И Т. Д., КАЖДАЯ С НЕИЗВЕСТНЫМ, КОТОРОЕ ЕЩЕ НУЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ.

Благодаря удобству и безопасности подхода, характерного для старого мира при решении проблем, начальный толчок в постпривычное время выглядит так, как если бы кто-то отважился погрузиться в опасные воды, скрывающие рифы и скалы. Это те обстоятельства, которые нельзя контролировать и победить. Япония поняла это в свое время, и данное понимание, возможно, является ее величайшим вкладом в изучение постпривычного времени.

С тех пор, как государство открыло свои границы для западного мира, особенно с подписанием Канагавского договора в 1854 году[2],

[2] ***Канагавский договор*** — подписан 31 марта 1854 года между США и Японией, по которому были открыты японские порты Симода и Хакодате для американской торговли. Договор также гарантировал обеспечение безопасности лиц, потерпевших кораблекрушение, и позволил США создать постоянное консульство. Таким образом, политическая изоляция Японии, длившаяся двести лет, подошла к концу. — *Прим. пер.*

общество в стране стало намного сложнее по своей структуре. В результате появились возможности для возникновения хаоса и безудержных противоречий в политической и культурной жизни, что стало явным признаком наступления постпривычного времени в Стране восходящего солнца. Японский художник Кацусика Хокусай нарисовал картину «Большая волна в Канагаве» между 1830 и 1833 годами, в конце периода Эдо. Это его самая известная и знаменитая работа. На ней изображена огромная волна — или «цунами перемен», — угрожающая лодкам у берегов префектуры Канагава. Со времен событий в Канагаве история Японии раскрывалась в частых сменах парадигм, одна влекла за собой другую, что в конечном итоге превратило исторически укорененную традиционную Японию в искусственно созданное дитя западной мощи и культуры. Но блудный сын вернулся, чтобы победить отца. Япония вышла на мировую арену благодаря индустриализации, колонизации, мировой войне и, наконец, глобализации в такой степени, какой в то время не было ни у какой другой незападной страны. Она даже сыграл в миротворческую игру, на которую отваживались немногие западные государства. Этот опыт быстрых изменений и принятия неопределенности дает нам ключ к пониманию того, почему Япония может быть в состоянии преодолевать постпривычное время более успешно, чем большинство других стран.

Кацусика Хокусай. Большая волна в Канагаве.
1831 год. Частное собрание.

Чтобы понять, почему Япония лучше всех подготовилась к постпривычному времени, мы должны сначала увидеть, как в исторической перспективе страна справлялась с КХП.

Начнем со комплексности. Конечно, где бы вы ни находились сегодня, легко сказать, что мир в 2015 году намного сложнее, чем в 1954 году. Но комплексность может проявляться в различных формах. Ее можно проиллюстрировать на примере кубика Рубика. Если один из них, представляющий собой устройство с перемешанными цветными квадратиками, дать обычному человеку, то он покажется ему довольно сложным. Но, как раз за разом демонстрировали любители головоломок из средней школы, существует шаблон, по которому можно быстро и просто собрать куб, выстроив каждую из его шести граней в сплошном цвете. На самом деле кубик Рубика не такая уж сложная, а довольно простая вещь. А теперь давайте немного изменим правила. Во-первых, представим, что вы — дальтоник, во-вторых, при каждом сделанном вами повороте кубика, выполняется еще один автоматический и случайный сдвиг. Внезапно простое решение, придуманное нашими учениками средней школы, оказывается устаревшим.

Комплексность отнюдь не чужда японскому обществу. Скорее она всегда была неотъемлемой чертой его истории. Жизнь и структура общества в Японии пронизаны жесткими правилами, подразумевающими иерархию, лояльность, уважение и ритуалы. Даже беглый взгляд на японскую историю являет сложную феодальную систему в имперском государстве, включая самураев, которые должны были вести жизнь, подчиненную строгой дисциплине. Внедрение и принятие конфуцианских идеалов, пришедших из Китая, помогло установлению определенного свода правил иерархии и морали. Япония, попав под влиянием Запада, только усугубила свою комплексность, поскольку к уравнению были добавлены идеи роста, промышленного развития, завоеваний и демократии. История Японии — это скорее история слияния нового, внешнего с тем, что было местным и родным, чтобы создать что-то новое, но сохранив при этом свои старые, традиционные ценности. Комбинация традиционного и ритуально закрепленного, в сочетании с западной рациональностью и инновациями, образуют гармоничное слияние, когда элементы каждого дополняют друг друга, создавая прагматический результат для японской культуры и жизни[3].

Такая ситуация сформировала замысловатую ткань, состоящую из множества различных нитей, до сих пор пронизывающих японскую мысль. После каждого дополнительного уровня сложности Япония переживала новый ренессанс. Всегда новый и при этом всегда полностью японский.

---

[3] Brian McVeigh, *The Nature of the Japanese State* (London: Routledge, 1998).

Элегантно выстроенные системы образования, управления и вооруженных сил были реформированы, чтобы стать новыми продуктами, признающими старое, но с характерным западным отпечатком. Образование по-прежнему имеет первостепенное значение, однако в учебную программу добавляются новые концепции, и учащиеся получают образование, составляющие которого пришли из-за границы. Абсолютное правление императора дополняется очень западным парламентом, но этот парламент практикует ритуальное почтение наряду с идеей демократии. Позднее мы начинаем видеть, что правительство становится все более олигархическим по своей природе, поскольку власть императора уменьшается, и страной правит многоголосый институт. Еще позже кумовство и политические династии закрепляются в японской политической системе[4]. Но, несмотря на все это, демократическая по сути идея равного представительства воспринимается самим парламентом как строго единый японский голос. Верные, специально обученные группы воинов и стражей, поклявшиеся защищать императора, постепенно заменяются военно-промышленным комплексом, при этом новая формация не оставляет приверженности древнему обету «верности до смерти»[5]. В конечном итоге все элементы военизированного общества вытесняются, но только для того, чтобы спустя годы превратиться в армию, преданную «миру и безопасности всего человечества».

Японцы постепенно стали воплощать в себе органический синтез Востока и Запада. Но хаос всегда соседствует с комплексной системой. А Япония почти постоянно находится на грани хаоса в своих попытках управлять ходом событий. Давайте добавим дополнительный уровень сложности к нашему кубику Рубика. Представьте, что все 54 квадратика сторон внутри куба могут сообщаться. При каждом повороте кубика, который вы делаете, случайным образом изменяется один из девяти квадратиков на каждой грани. Теперь хаос берет бразды правления в этом постпривычном путешествии, и малейшие изменения приводят к радикальным результатам.

Комплексные изменения, внутренняя и внешняя динамика и смешение идеалов означали, что всплески хаоса создали каменистое русло, по которому должна протекать река переходного этапа Японии. Хаос в Японии в значительной степени проявился в ее борьбе за власть. Отдельные лица и небольшие группы несли все бо́льшую и бо́льшую ответственность за радикальные изменения в политике и направлении развития Японии. Объект власти и те, кто стремился к ней, привели национальную армию к бурной эволюции, что в конечном итоге завершилось ее

---

[4] Mohammed Moussa, 'Kith and Kin in Japanese Politics', *Critical Muslim 21: Relations* (Hurst, London, 2017).

[5] Kenneth B. Pyle, Kenneth, *Japan Rising: The Resurgence of Japanese Power and Purpose* (Public Affairs, The Century Foundation, New York, 2007).

исчезновением. Западная мысль, возможно, приносила экономические дивиденды, но она также приводила к периодическим проявлениям националистического пыла и ожесточенной хаотической внутренней борьбе. Националисты двигали государство к борьбе за контроль над Азией и Тихим океаном и его установлению, подтолкнув тем самым страну к вступлению во Вторую мировою войну. Одновременно, образованные советники стремились искоренить самурайские традиции и сосредоточиться на создании современных высокооснащенных вооруженных сил. Эта внутренняя динамика достигла апогея со взрывом двух атомных бомб, что привело к самой ужасной гибели людей в истории человечества. Послевоенная Япония находилась под сильным влиянием иностранных идей, и такие воспринятые ею идеалы, как эффективность и развитие, серьезным образом контролировали японскую политику. Принимались во внимание даже внешние конфликты, такие как холодная война и война с терроризмом. Совсем недавно была выявлена тесная связь между экономическим господством и экономической катастрофой, технологическим лидерством и разрушением окружающей среды, а также гармоничным миром и враждебной безопасностью. Завтрашняя стоимость иены определяется тем, насколько «крутым» сегодня будет восприниматься новейший гаджет, новый комикс в стиле «*манга*»[6] или анимационный фильм в промышленно развитых странах. Японское государство усердно стремится идти в ногу с последними разработками в области технологий, пренебрегая техническим обслуживанием инфраструктур и игнорируя угрозы экологической катастрофы. Небольшая скалистая гряда, отделяющся Японию от Китая, может не удержать баланса сил в данном регионе. Частота хаотических событий, вызванная комплексностью структуры новой Японии, привносит опасные иррациональные моменты в фатальный танец с неопределенностью.

На фоне этого комплексного и хаотичного состояния закономерным результатом являются противоречия. Вернемся к нашему кубику Рубика. Ранее мы уже ввели элемент случайных изменений: на каждый ваш поворот делается другой случайный поворот, и случайный квадратик может менять свой цвет с каждым вашим новым движением. Такая ситуация позволяет открыть новую возможность. Случайное изменение цвета маленьких квадратиков позволяет кубу, например, сохранять десять квадратиков красными.

---

[6] ***Манга*** — японские комиксы, иногда называемые *комикку*. Современная форма начала развиваться после овончания Второй мировой войны, испытав сильное влияние западных традиций. Однако манга имеет глубокие корни в раннем японском изобразительном и литературном искусстве и популярна среди людей всех возрастов. Существует множество произведений разных жанров и на самые разнообразные темы: приключения, романтические истории, спорт, история, юмор, научная фантастика, ужасы, бизнес и другие. — *Прим. пер.*

При наличии десяти красных квадратиков цель игры не может быть достигнута.

В нашей картине Японии уже присутствует проблемное противоречие между новой западной «мудростью» и старой, преданной традициям, тоталитарной империей[7]. Этот конфликт перерос в два несовместимых и разрушительных противоречия: иностранное влияние узурпировало власть императора, в то время как сами японцы оставались полностью лояльны монарху. Действительно, это противоречие всплывает даже сегодня, когда проявляется давление внешних сил (особенно Соединенных Штатов, Китая и России), пытающихся взять верх над конституционным законом и управлением парламентом.

Парадоксальная структура власти в Японии проявилась во время Второй мировой войны. Различные группы военных оказывали влияние на политику, что привело к противоречивой военной стратегии. Сухопутная армия объявила Советский Союз злейшим врагом Империи, в то время как военно-морской флот сделал то же самое в отношении США. Это не только разделило политическую доктрину и, как следствие, цель военной стратегии, но также привело к тому, что Японии пришлось сдаться одновременно на милость двух могущественных врагов[8]. Примеры, подобные этому, привели Японию к поражению и истощению сил. Однако другие примеры показывают, как изменения, направленные на преодоление противоречий, работают сегодня в сфере формирования японской политики.

Послевоенный парламент должен был стать одним из величайших достижений демократии. К сожалению, его работа быстро превратилась в кошмар[9]. Хотя в стране было много оппозиционных партий, только одна, Либерально-демократическая партия (ЛДП), была явно правящей. Это противоречие было исправлено в пользу демократии реформами середины 1990-х годов. Их результаты продолжают проявляться в нынешних переменах в политике Японии. В настоящее время ведутся дискуссии о противоречии между безопасностью государства и строгим мандатом, изложенным в статье 9 Конституции Японии, запрещающим формирование и содержание постоянной армии. В ходе этой недавней истории Япония стала более комплексной и хаотичной структурой, разрываемой противоречивыми политиками. И данные маркеры постпривычного времени до сих пор пронизывают деятельность государства.

---

[7] David Matsumoto, *Unmasking Japan: Myths and Realities About the Emotions of the Japanese* (Stanford University Press, Sanford, 1996).

[8] Ichiro Ozawa, *Blueprint for a New Japan: The Rethinking of a Nation* (Kodansha International, Tokyo, 1994).

[9] См. Joji Watanuki, *Politics in Postwar Japanese Society* (University of Tokyo Press, Tokyo, 1997); Kevin Cooney, *Japan's Foreign Policy Since 1945* (Sharpe, M. E., Armonk: NY, 2007).

Даже в деловом мире подход Японии к капитализму западным бизнес-профессионалам кажется противоречивым. Капитализм подпитывается конкуренцией, которая, как гласит теория, создает бесконечную борьбу за производство лучших продуктов наилучшими возможными способами. Японская традиция не считает соревнование добродетелью. Японский деловой мир [в отличие от западного] состоит из меньшего количества предприятий, удовлетворяющих более высокие потребности. Монополия для японцев — не ругательство. Наоборот, если один бизнес начинает контролировать определенный рынок, японцы относятся к этому с уважением, поэтому другие компании ищут себе другие рынки. Внутренняя конкуренция практически отсутствует, а малому бизнесу трудно устоять. Вместо того, чтобы нагнетать внутреннюю конкуренцию, японские компании конкурируют на мировом рынке с другими всемирными корпорациями. Да и Япония, как нация, рассматривается как корпорация, конкурирующая с другими корпорациями в глобальном масштабе. Трудно судить, насколько успешен данный подход, поскольку Япония принадлежит к ведущим экономикам мира, однако испытывает те же боли от кризиса, потрясшего экономики всего мира в последние годы.

Несмотря на все эти проблемы и противоречия,

ЯПОНИЯ УСПЕШНО ПРЕОДОЛЕВАЕТ КОМПЛЕКСНОСТЬ И ХАОС СОБСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА, А ТАКЖЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.

За последние семьдесят лет в Японии была проделана поистине неимоверная работа. Токио можно назвать одним из самых противоречивых и хаотичных городов на планете, но он по-прежнему является мировым лидером по технологическим инновациям. Я бы не сказал, что Япония представляет собой своего рода ориентир или образец, которому мы должны подражать и к которому следует стремиться. Но недавняя история Японии открывает нам несколько ключевых уроков о том, как можно справиться с постпривычным натиском в будущем.

Три компонента японского плана лавирования предоставляют важные знания о постпривычном времени. Первый — простой, касается японского парламента. Хотя на первый взгляд данный политический институт кажется лишь одним из огромного числа парламентов, существующих по всему миру, на самом деле он развился и превратился в нечто совершенно уникальное, способное к проявлению такой силы, которой не хватает многим другим законодательным органам. То, что начиналось как Совет

мудрецов при императоре, переросло в собрание ученых, обладающих чувством гражданского долга, и борющихся за сохранение глубоко укоренившегося японского ритуала. То, что когда-то выглядело как своеобразный совет директоров некоей корпорации, наконец стало правящим многоголосым органом, силой в мировой экономике и важным участником мировых событий. В то время как другие законодательные органы, как правило, состоят из двух противоборствующих сторон, надеющихся достичь золотой середины, парламент Японии был реформирован таким образом, чтобы перестать быть однопартийной или даже двухпартийной системой и обеспечить максимальное представительство различных голосов японцев. Такое положение, сложившееся в условиях жесткого соблюдения традиций, требует, чтобы каждая фракция использовала разные подходы к мышлению, выражению мнений и представлению своих идей для реализации собственных инициатив[11]. Японский парламент также привлекает особое внимание зарубежных государств, что характерно для органов управления лишь небольшого количества других стран, за исключением случаев, когда в воздухе витает потенциальный конфликт.

Это внешнее внимание сочетается со вторым элементом японской постпривычной навигации — глобальным сознанием. Япония осознает, что она не одинока в этом мире, и знает, что не только она сама влияет на то, что происходит на остальной части планеты, но и происходящие события влияют на нее. Возможно, данное осознание пришло недавно, но оно важно, поскольку меняет не только игру, которую Япония ведет в политике, но и сам образ мышления японских политиков. От этого зависит само их выживание. В военном отношении Япония должна постоянно пристально наблюдать, особенно после Второй мировой войны, за структурой безопасности своего региона, а с ростом глобального терроризма, и в остальном мире. Быв свидетелем в экономической сфере как хорошего, так и плохого, особенно постоянно витающих призраков финансового краха в постпривычное время, японская политика должна отражать тщательное понимание и оценку мировой экономики.

Третий элемент — перспективное мышление. Звучит просто, но в попытке сбалансировать внутреннюю и внешнюю политики не исключено, что правительство быстро увязнет в непосредственном настоящем и не сможет заглянуть дальше неотложных текущих событий. Однако положение Японии в настоящее время требует дальновидного мышления. Япония должна быть на несколько шагов впереди всех остальных государств в своей политике, чтобы выжить. Будучи нацией, не имеющей постоянной армии, в окружении соседей, которые быстро стали крупными военными держа-

---

[11] Steven R. Reed, Kenneth Mori McElwain and Kay Shimizu, *Political Change in Japan: Electoral Behavior, Party Realignment, and the Koizumi Reforms* (Stanford: The Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Research Center, Stanford, 2009).

вами, и существуя в условиях вновь нагнетаемой исторической напряженности, страна вынуждена отдавать приоритет построению мира во всем мире. В последний раз, когда Япония находилась в подобных обстоятельствах, у нее была самая сильная армия в регионе. Сегодня она должна полагаться в своей безопасности на Соединенные Штаты, которые уже вовлечены в собственные конфликты и будут серьезно колебаться по поводу ведения войны против Китая и потери своих солдат для достижения чужих целей.

Япония также поднялась с нуля в мировых экономических сравнительных показателях до места в первой пятерке, которое она стабильно занимает. Чтобы стать ведущей экономической державой, требуется нечто большее, чем простое понимание международных рынков и финансов. Японии нужно было иметь дальновидность не только для того, чтобы быть конкурентоспособной на мировом рынке, но и для того, чтобы разрабатывать наиболее эффективные по цене и привлекательные по своим характеристикам продукты. Это помогло ей быть на вершине успеха в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Для поддержания такого уровня инноваций необходимо уметь думать и планировать на десятилетия вперед.

По мере того, как феномен постпривычного времени становится все более очевидным, будет интересно наблюдать за тем, как японские руководители формируют свою государственную политику и приспосабливаются к становящейся все более нестабильной мировой обстановке. Новый кубик Рубика невозможно собрать методом случайного подбора, но из этой процедуры можно многое узнать о себе и о том, как нам следует жить на этой планете. Радикальные изменения, произошедшие в Японии с момента ее открытия для западного мира в середине 1800-х годов, и особенно после окончания Второй мировой войны, дают важные подсказки и уроки, которые помогут понять, как другие государства могут справиться с постпривычным временем. Конечно, Япония — не единственная страна, переживающая постпривычные времена, но она дает нам пример того, как современное государство приспосабливается к переменам и неопределенностям. Изучая Японию, мы можем глубже понять постпривычные явления, и, возможно, наметить ориентиры в постпривычных изменениях на личном, региональном и глобальном уровне, чтобы подготовиться к миру, который расстилается перед нами, и принять его.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ

Зияуддин Сардар

За последнее десятилетие на Ближнем Востоке произошли беспрецедентные изменения. С началом так называемой «арабской весны» было много надежд на демократию и жизнеспособное будущее региона. «Революции», начавшиеся на Ближнем Востоке, были не просто результатом недовольства и ярости против диктатур. Вообще-то, арабы выступают против своих правителей уже более полувека. Арабская весна также была порождением определенного периода времени, времени, когда глобализация, взаимопереплетение и мгновенная связь являются нормой, а власть и политическая легитимность находятся в постоянном движении. Среди факторов, спровоцировавших события, были также экономические: изменение климата серьезно повлияло на регион, а засуха и нехватка продовольствия были повседневными проблемами наиболее бедных арабских стран. Но всего через пару лет «арабская весна» превратилась в «арабскую зиму». Погромы и контрреволюции последовали с той же поразительной скоростью, с какой первоначальные выступления распространились в регионе. Египет вернулся к еще более жесткому военному правлению. Ливия оказалась раздробленной между враждующими племенами. Ирак рухнул как жизнеспособное государство. А Сирия погрязла в бесконечной гражданской войне. Все изменилось. Но в целом все стало еще хуже.

Чтобы оценить реальность современного Ближнего Востока, важно осознать, что проблемы любого арабского государства, как и проблемы всех сообществ, являются комплексными. Политика демократии, вопросы экономических реформ, надежды и чаяния разнообразного, плюралистического общества, закостенелость традиционных институтов, таких как полиция и вооруженные силы, — все это комплексные вопросы, на которые нет простых и однозначных ответов. Комплексность усугубляется

еще и тем, что все существующие проблемы взаимосвязаны, имеют прямое отношение друг к другу, возникают одновременно и могут быстро увеличиваться. При вовлечении международных акторов, а они всегда вовлечены, комплексность может еще возрасти. Ближний Восток занимает второе место в мире по количеству мобильных телефонов, а число пользователей смартфонами удваивается каждый год. На данной территории проживает самое молодое население мира: почти 65% жителей региона моложе 30 лет. И три четверти этих юношей и девушек не отрывают своих взглядов от смартфонов: твиты, блоги и использование социальных сетей для загрузки фотографий, комментариев, новостей, а также для организации подписания петиций, демонстраций и участия в различной политической деятельности. Крыши большинства крупных городов арабского мира скрыты пологом из спутниковых антенн. Существует более 300 спутниковых станций, транслирующих свои передачи 24 часа в сутки, в основном пропаганду того или иного рода. Но есть также несколько настоящих новостных каналов, таких как «Аль-Джазира». Это всепроникающее взаимосплетение часто может генерировать положительную обратную связь. Разгневанная и неугомонная молодежь настроена на мгновенное реагирование и запускает новые формы цепной реакции. Неудивительно, что Ближний Восток постоянно находится на грани хаоса. Таким образом, проблемы Ближнего Востока не могут решаться изолированно. Мало что можно скрыть от глобального взора. Для решения какой-то одной проблемы требуется выслушать множество точек зрения, но сама она может быть связана с массой других проблем.

Авторитарное государство в состоянии войны представляет собой еще более запутанную комплексность. Рассмотрим поля сражений в Сирии и Ираке, где нелегко разобраться, кто с кем воюет. Сирийские демократические силы (СДС), в которых доминируют курды, поддерживаются ЦРУ и Пентагоном. Но группировка от ЦРУ выступает против подразделения от Пентагона, при этом и те и другие борются с ИГИЛ или так называемым Исламским государством, Фронтом ан-Нусра, режимом Башара аль-Асада, а также с русскими. В СДС также есть группировки, которые не пользуются поддержкой США и воюют с группировками, поддерживаемыми ЦРУ и Пентагоном. «Ан-Нусра», первоначально связанная с «Аль-Каидой» и иногда поддерживаемая Саудовской Аравией и Катаром, борется со светской СДС, но затем присоединяется к объединенным силам для защиты Алеппо от режима Асада. Турция сражается против ИГИЛ, а также бомбит курдов, хотя курды тоже воюют против ИГИЛ. Россия якобы воюет с ИГИЛ, но на самом деле бомбит всех, кто считается противником Асада, включая мирных жителей. США и Великобритания поддерживают светских боевиков и суннитские группировки против шиитских алавитов и шиитского же ополчения «Хезболла» из Ливана, но никогда не бомбят силы Асада, несмотря на то, что выражают озабоченность по поводу жертв среди гражданского населения.

В Ираке ситуация обратная: здесь США и Великобритания поддерживают шиитское правительство против суннитского повстанческого движения. Иранские шиитские ополченцы и «Хезболла» повсеместно воюют с суннитами. Пристрастия и сторонники часто меняются, а затем происходит новая перемена! Такой уровень комплексности нельзя легко разрешить.

Помимо хаоса и комплексности, которые взаимосвязаны и подпитывают друг друга, Ближний Восток пронизан противоречиями. Слишком уж видны противоречия театра военных действий в Ираке и Сирии. В равной степени видны и противоречивые устремления граждан и их политических лидеров, имеющих разнонаправленные тенденции. Традиции и современность постоянно противоречат друг другу. Существует постоянное, извечное столкновение противоречивых точек зрения, таких как «религиозная» и «светская», «либеральная» и «фундаменталистская», «национальная» и «этническая», «сектантская» и «лингвистическая». Племена, борющиеся за власть и влияние, со своими особыми и часто противоречивыми планами, вцепившиеся друг в друга не на жизнь, а на смерть. Налицо вопиющее неравенство между богатыми и бедными внутри арабских стран и между самими государствами, желание сохранить местную культуру, пользуясь финансовыми преимуществами глобализации, и тот факт, что некоторые сегменты общества и культуры претерпевают беспрецедентные изменения, в то время как другие аспекты социальной жизни остаются квазистатичными. А отсутствие языка для обсуждения разногласий и преодоления противоречий усиливает гнев и разочарование граждан, которые требуют мгновенных решений насущных проблем, таких как безработица, обеспечение базовыми коммунальными услугами и безопасность. В комплексном и хаотичном контексте такие противоречия усиливаются и становятся более заметными.

Таким образом, понимание природы постпривычного времени в целом и комплексности в частности необходимо для приведения Ближнего Востока к стабильному миру. Реальное решение проблем данного региона требует долгосрочной политики и серьезных усилий. А также лидеров, которые имеют некоторое представление о том, как приручить тигра постпривычных изменений.

ВОЛНА АРАБСКОЙ ВЕСНЫ САМА БЫЛА ПРОДУКТОМ ПЕРИОДА ГЛОБАЛИЗАЦИИ, КОМПЛЕКСНОСТИ, ХАОТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЙ И БЫСТРЫХ ПЕРЕМЕН[1], КОГДА НЕБОЛЬШИЕ

[1] Ziauddin Sardar, 'Surprise, Surprise!', *Critical Muslim 1: The Arabs Are Alive*, (Hurst, London, 2012), pp. 3–18.

ВОЗМУЩЕНИЯ В ЛЮБОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МОГУТ ПОРОДИТЬ БОЛЬШУЮ РАЗНИЦУ И ПРИВЕСТИ ОБЩЕСТВО НА ГРАНЬ ХАОСА, ВКЛЮЧАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ПОЛНОГО КРАХА ИЛИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВОГО ПОРЯДКА[2].

Таким образом, разгневанный и отчаявшийся продавец-самосожженец с лотка в Тунисе стал глобальным телевизионным событием и смог начать революцию, быстро перешагнувшую национальные границы и распространившуюся по всему региону. Специалист по программному обеспечению, работающий в Goggle, смог инициировать массовую демонстрацию на площади Тахрир в Каире, опубликовав сообщение в *Facebook*. Но как только хаотическое событие инициировано, трудно предсказать, к чему оно приведет.

Чтобы оценить особый характер постпривычного времени, стоит сравнить его с тем, что мы можем назвать «привычным временем», то есть временем до «арабской весны». В привычное время поддерживается всеобщее принятие существующего распределения власти и иерархии интересов. Наверху может быть коррумпированный диктатор, но большинство людей знают свое положение по отношению к властной пирамиде. Привычное время не лишено инакомыслия и выражения неудовлетворенности, в том числе попыток бунта, но подавляющее большинство воспринимает изменения как происходящие в соответствии с текущим положением дел. Политический и социальный договор, удерживающий общество вместе, заключается в признании того, что корыстные интересы и власть имущие, какими бы коррумпированными и жадными они ни были, в конечном итоге что-то совершат для благополучия нации и общества. Действительно, некоторые из них так и поступали. Следовательно, правители и иерархический порядок вещей являются основой, с позиций которой предвидится лучшее будущее, и той предпосылкой, которая направляет усилия общества для реализации будущего. В привычное время богатая мифология лежит в основе популярного понимания и поддержки общества и экономики. Эта мифология может прославлять армию, «нацию» или верховного лидера. Она может быть даже основана на инакомыслии, своего рода альтернативной идеологии, которая однажды возвестит о построении утопии, такой как «исламское государство», основанном на шариате. Присутствуют предостережения и оговорки, допускающие несовершенство системы управления, но они не подрывают коллективную веру и признание

[2] Ziauddin Sardar, *Introducing Chaos* (London: Icon Books, 1999; and several editions since).

национального нарратива. Мифологические основы также создают самую желанную роскошь эпохи привычного: время. Ситуации могут быть сложными, правители могут быть деспотами, но есть некоторая уверенность в том, что проблемы в конечном итоге будут решены, если будет достаточно времени.

В период постпривычного нет роскоши времени: граждане, освобожденные от оков диктатора и испытывающие все возрастающие надежды и ожидания, требуют немедленного внимания к своим проблемам и безотлагательного их решения. Но попытки удовлетворить их требования и решить проблемы ведут только к дальнейшему запутыванию в сложной паутине обстоятельств, при этом сами проблемы быстро, одновременно и опасно размножаются. Имеющиеся проблемы усугубляются. Недовольные граждане и группы с корыстными интересами, получившие новые полномочия, снова захватывают улицы, создают положительную обратную связь, что быстро приводит к хаотичному поведению и новому тупику. Важно отметить, что протесты в постпривычное время работают не как обычные демонстрации с определенным лидером, например, политиком, профсоюзным лидером или первопроходцем из числа студентов, а как сети без лидеров. Сеть — это неуловимая сущность, которой манипулируют узлы связи. Таким образом, уличная политика приобретает новое мощное измерение: наличие мгновенной связи означает, что огромные толпы могут появиться неимоверно быстро, а глобальные СМИ гарантируют превращение национального вопроса в международное событие. Вероятность возникновения хаоса, как мы видели на примере демонстраций в парке Гези 28 мая 2013 года в Стамбуле, исключительно высока. Влияние этого хаотического события будет ощущаться в турецкой политике еще долгие годы.

Более того, в постпривычное время нет доверия к общественным институтам. Все основные институты государства — бюрократия, судебная система, полиция, армия — презираются и отождествляются со старым режимом. Но, по крайней мере, они добились своего, сдерживая враждующие племена и секты, которые теперь могут свободно вымещать свой накопившийся гнев друг на друге. Все, что граждане считали само собой разумеющимся, кажется, испаряется, и не факт, что получится то немногое, на что можно было бы рассчитывать. Нет нового повествования, которое бы заменило мифологию привычного времени. Утописты победили, демократия восторжествовала, и нет альтернативных нарративов надежды. Так что в постпривычное время проблема кроется в самом обществе, и она является сложной, повторяющейся, и не имеет простых и немедленных решений. При этом, граждане требуют мгновенных, быстрых действий.

В привычное время неопределенности незначительны и они управляемы. Но в постпривычное время неопределенность занимает централь-

ное место. Поскольку все взаимосвязано, сложно, хаотично и быстро меняется, ничто нельзя точно описать и ничему нельзя доверять с какой-либо толикой уверенности. Граждане совершенно сбиты с толку: прошлое так радикально отличается от настоящего, что нет истории, на основании которой можно чему-то научиться. Противоречия новой политики кажутся неразрешимыми, и эйфория революции уступает место новым тревогам.

С этой точки зрения неудивительно, что арабская весна превратилась в зиму. Избранные правители Египта, Туниса и Ливии обнаружили, что для того, чтобы стать процветающими демократиями, им необходимо иметь дело со сложными системами управления, а в некоторых случаях и создать их для начала. В демократическом государстве правительства состоят из множества людей и групп с различными корпоративными интересами, некоторые из которых вооружены, внутри укоренившихся институциональных структур, таких как бюрократия, судебная система и армия, которые обладают собственными привилегиями, нуждающимися в сохранении, все регулируется до-демократическими нормами, процедурами и прецедентами. Вопрос не только во множественности и разнообразии составляющих, но и в том, как эти части взаимодействуют, образуя сложное целое. Более того, лидерам новых демократий приходится иметь дело с этим разнообразием и комплексностью в быстро меняющихся условиях, растущих ожиданиях и при наличии постоянной угрозы хаотического поведения со стороны недовольных граждан и групп, имеющих собственные интересы.

ВЫСОКОСЛОЖНЫЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПЛАНЕ И УСПЕШНЫЕ СИСТЕМЫ НЕ ВОЗНИКАЮТ В ОДНОЧАСЬЕ. ОНИ РАЗВИВАЮТСЯ ПОСТЕПЕННО, НА ПРОТЯЖЕНИИ ЦЕЛОГО ПОКОЛЕНИЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ БУДЕТ ДОСТИГНУТО СТАБИЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ.

Но чтобы стать успешными, они должны уметь справляться с некоторыми основными характеристиками постпривычного мира. Возьмем, к примеру, глобальные рынки, которые обслуживают только тех, кто платит, или демократическую политику, в основе которой лежит баланс сил. Таким образом, любая экономика, возникающая в послевесенний период, и основанная исключительно на рынке, будет не в состоянии обслуживать тех, кто систематически подвергается маргинализации в основных финансовых и экономических секторах. И любое государство, не являющееся инклюзивным и плюралистическим, не будет стабильным. Если в

управлении доминирует определенный сегмент общества, как в Сирии и Ираке после войны в Персидском заливе, или некоторые национальные участники чувствуют себя совершенно бессильными, или если предпринимаются попытки навязать волю определенного сегмента общества другим, политика останавливается. Почувствовавшие силу граждане выходят на улицы, и хаос перетекает в свое естественное русло. Один из основных принципов выживания в комплексной среде состоит в том, что механизм управления ею сам по себе должен быть комплексным. Это известно как закон необходимого разнообразия Эшби[3]. Другими словами, плюрализм и разнообразие должны лежать в основе управления и быть составляющей всех государственных институтов, чтобы новые демократии выстояли. Если этого не происходит, даже самые успешные государства сталкиваются с серьезными проблемами.

Хороший пример — Турция. Она представляет собой одну из самых успешных экономик мусульманского мира, возглавляемую прагматичной и умеренной исламской партией, Партией справедливости и развития (ПСР). ПСР не только улучшила экономическое положение подавляющего большинства граждан. Ей даже удалось заставить военных, защитников турецкого секуляризма, отказаться от всякого интереса к политике. Действительно, это самое популярное, демократически избранное правительство в истории Турции. Тем не менее, как показали акции протеста в мае-июне 2013 года против сноса парка Гези, находящегося рядом с площадью Таксим в Стамбуле, Великая Порта — подходящий термин для описания современной Турции, стремящейся заново открыть для себя свое османское наследие и культуру, — плохо понимает постпривычное время. Несмотря на популярность правительства ПСР, страну постоянно разрывают между собой секуляристы, камалисты, курды и сторонники различных исламских взглядов. Учитывая, что в Стамбуле уже есть множество торговых центров, некоторые сочли, что еще один не нужен, особенно если это означает потерю столь любимого исторического парка. Торговые центры — неизбежный результат развития рыночной экономики, общественного «прогресса» и потребительского спроса на право выбора. Однако парк Гези — это не просто парк: это метафора особого понятия «турецкости», которое продвигает ПСР, но которое отвергают другие группы в стране. Другими словами, речь идет не столько о рынках, сколько о политике идентичности. ПСР гордится своей исламской идентичностью, и это правильно. Но идентичность нельзя сфабриковать, не говоря уже о том, чтобы навязать. И ценности, которые она порождает, должны быть внутренними, а не навязанными извне. Те, кто принимает

[3] Alexander S. Gard-Murray, Yaneer Bar-Yam, 'Complexity and the Limits of Revolution: What Will Happen to the Arab Spring?' *arXiv*:1212.3041, December 11, 2012.

исламские ценности ПСР в Турции, делают это охотно, а те, кто отвергает их, также должны быть в равной степени свободны в своем выборе.

Тип светского национализма, который пытается продвигать ПСР, основан на консервативных в социальном плане исламских ценностях, которые не могут быть единодушно приняты всеми слоями общества, да и не будут. План запрета алкоголя также является метафорой посягательства на личную свободу. Никто не может никого заставить пить. Но в условиях плюралистической демократии тот, кто хочет выпить, имеет на это право. Более того, навязывать разнородному обществу единое понятие идентичности — значит идти против сил комплексности и постпривычного времени со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это, пожалуй, самое трудное для понимания всеми многочисленными группами мусульман Ближнего Востока. В современном мире множественность имеет весьма специфическое значение: она включает всех членов общества, объединенных в общую структуру нации, включая даже тех, кто отвергает ваши ценности и исповедует ценности, к которым вы питаете отвращение. Конечно, можно не одобрять, но нельзя запрещать, исключать или маргинализировать.

Существует негласное предположение, что исламское мышление является источником исламским ценностям, как бы вы их не определяли, которые являются «естественными» и приносящими пользу обществу и его гражданам. Дилемма для любого правительства с исламским уклоном состоит в том, чтобы обеспечить лидерство и продвигать эти исламские ценности, не подрывая общую свободу, т. е. соблюдая баланс между продвижением и соблюдением таких ценностей. Именно политика, основанная на данном предположении, привела к тому, что тогдашний премьер-министр Реджеп Тайиб Эрдоган столкнулся с обвинениями в «тоталитаризме». Конечно, это совсем не так: совершенно нелепо обвинять демократически избранного премьер-министра, который выигрывал выборы за выборами, в «тоталитаризме». Но его можно обвинить в совершении категориальной ошибки: он перепутал популизм с плюрализмом. Комплексность постпривычного времени означала, что, столкнувшись с требованиями протестующих в парке Гези, Эрдоган не был готов к их реакции: они не хотели «вмешательства» в их образ жизни. Ожан предполагает, что Эрдогану необходимо преодолеть свой позитивизм XIX века, чтобы «избавиться от обвинений в тоталитаризме»[4]. Я бы даже сказал, что ему также необходимо выйти за пределы исламской мысли IX века и осознать постпривычную реальность и ее комплексность.

---

[4] Taha Ozhan, 'The protests and Erdoğan', *Hurriyet Daily News*, 14 June 2013; www.hurriyetdailynews.com/the-protests-and-erdogan.aspx?pageID=449&nID=48757&NewsCatID=436

По иронии судьбы, и популизм, и постпривычность пришли на помощь Эрдогану во время военного переворота 15 июля 2016 года. В подстрекательстве к нему обвинили последователей Фетхуллаха Гюлена, учителя, ставшего уважаемым лидером, бывшего союзником (к тому времени) президента Эрдогана[5]. Хотя движение Гюлена якобы имеет суфийскую направленность и проповедует любовь и добрую волю к человечеству, оно имеет исторические корни, глубоко проникающие во все сферы турецкого общества. Турции не привыкать к военным переворотам, а переворот 15 июля осуществлялся по знакомой исторической схеме. Руководители переворота отдали приказ заблокировать один из мостов, соединяющих азиатскую и европейскую части Стамбула, окружить аэропорт Стамбула танками, а солдаты захватили телевизионную станцию и начали выдвигать свои требования. Но в постпривычное время каналы связи не ограничиваются одним только телевидением. Более того, учитывая, что благодаря социальным сетям граждане готовы действовать мгновенно, для успеха переворота необходим определенный уровень народной поддержки. Президент Эрдоган смог подключиться к другому каналу: он обратился к нации, используя *Facetime* на своем iPhone, и призвал своих сторонников выйти на улицу. Что может быть более постпривычным? Но на призыв Эрдогана откликнулись не только легионы его сторонников. Члены всех прочих партий, а также секуляристы и кемалисты (это при том, что Мустафа Кемаль Ататюрк, основатель современной Турции, сделал военных блюстителями секуляризма и кемализма[6]), включая людей из разных этнических групп и придерживающихся разных убеждений, вышли на улицы. В отличие от либералов и секуляристов Египта, турецкие коллеги предпочли демократию, пусть ущербную и скомпрометированную, военному правлению. Как только улицы были заняты горожанами, старомодная модель переворота достигла своего неизбежного постпривычного завершения: краха.

Напротив, военный переворот в Египте получил широкую народную поддержку. Демонстрации на площади Тахрир в 2011 году привели к свержению Хосни Мубарака и передаче власти президенту Мохамеду Мурси. Мурси, человек с благородными намерениями, принадлежал другому веку и другому месту. То, что его традиционная исламская мысль была совершенно не в состоянии осмыслить множественность, стало очевидным в новой египетской конституции, которую он пытался сформулировать[7].

---

[5] Sophia Pandya, 'Gazi Warrior Vs Sufi Mystic: Turkey's Erdoğan-Gülen Breakup', *Critical Muslim 16: Turkey*, edited by Ziauddin Sardar (Hurst, London, 2015), pp. 45–62.

[6] Edip Asaf Bekaroglu, 'The Ambiguity of Turkish Secularism', *Critical Muslim 16: Turkey*, edited by Ziauddin Sardar (Hurst, London, 2015), pp. 25–44.

[7] Egypt's Morsi Constitution can be downloaded from: www.worldcrunch. com/world-affairs/egypt-039-s-new-constitution-in-its-entirety-in-english/egyptian-constitution-egypt-constitution-mohammed-morsi- morsy-/c1s10493/

Большинство членов комитета по разработке конституции принадлежали к правящей исламистской партии, Партии свободы и справедливости (ПСС) и ультраконсервативной партии «Ан-Нур». Статья 1 Конституции описывала «Арабскую Республику Египет» как «независимое суверенное государство, единое и неделимое, с демократическим строем». Статья 2 провозглашала, что «ислам является государственной религией, а арабский язык — ее официальным языком», что достаточно справедливо, учитывая, что Египет является арабско-мусульманской страной. Но затем в статье 2 говорилось: «Принципы исламского шариата являются основным источником законодательства». Учитывая, что шариат означает разные вещи для разных людей, даже среди мусульман, не говоря уже о немусульманах, это был путь к росту инакомыслия, к неизбежной катастрофе и явной попыткой подавить разнообразие и множественность. Как только шариат вступил в игру, Египет вряд ли мог оставаться, как показали последующие события, «единым и неделимым». Чтобы обеспечить нетронутость традиционных представлений о гендере, немусульманах и других составляющих традиционного шариата, часто носящих несправедливый характер, Статья 4 предоставила право их толкования «Высшему совету ученых Аль-Азхара», с которым «необходимо консультироваться по вопросам, касающимся исламского права». Это, конечно, мало чем отличалось от Конституции Ирана, которая наделяет подобными полномочиями Верховного лидера и Совет стражей. Основное предположение, заложенное в этих статьях, заключалось в том, что людям нельзя доверять. Тем самые людям, которые возглавили революцию. Они не компетентны в вопросах общественной морали или знания того, что значит быть мусульманином в XXI веке. Их должна наставлять и пасти избранная элита. Наконец, в случае каких-либо сомнений в статье 219 разъяснялось, что «принципы исламского шариата включают в себя общие данные, основополагающие правила, правила юриспруденции и достоверные источники, приемлемые как для суннитских доктрин, так и в более широком сообществе». Таким образом, шииты, суфии, исмаилиты и прочие группы мусульман, которые не придерживаются суннитского течения, могут не обращаться за получением гражданства. Женщины должны оставаться дома, а их обязанности по отношению к семье и обществу закреплены в Конституции. Что же касается немусульман, то их попросили на выход. Кроме того, Президент назначает одну десятую в представительстве Совета Шуры, члены которого должны избираться тайным голосованием (статья 128). Он назначает глав всех национальных учреждений, включая центральный банк и аудиторское бюро, что явно ставит под сомнение их определение как «независимые». Это значит, что Президент практически полностью контролирует законодательный процесс.

В Конституции был ряд других не менее одиозных статей. В то время как статья 45 заявляла о предоставлении гражданам свободы мысли и выражения мнений в абсолютных терминах, предыдущая статья 44

запрещала клевету на посланников и пророков, тем самым открывая дверь для закона о богохульстве в духе Пакистана, где многие невинные люди пострадали от такого законодательства, и даже мальчики-христиане были приговорены к смертной казни. Ведь дело было не только в пророках: согласно статье 31, нельзя выказывать никакого презрения ни к какому другому человеку. Учитывая, что президент тоже человек, любая критика в его адрес грозит привести любого гражданина прямо в тюрьму по обвинению в «оскорблении президента». А если бы вы оскорбили армию, скажем, обвинив ее в коррупции, жестокости или бесхозяйственности, вас бы судили в военном суде за «преступления, наносящие ущерб вооруженным силам».

Неудивительно, что исламисты и ультраконсерваторы были более чем довольны предложенной Конституцией. Ахмад Тахер отмечает: «Сторонники утверждали, что конституция принесет стабильность, и, следовательно, обеспечит развитие и иностранные инвестиции, необходимые для реализации амбиций и чаяний египетского народа. Они также утверждали, что статья 2 и статья 219 будут работать на смягчение исламского шариатского правления»[8]. Проблема в том, что «исламское шариатское правление» редко бывает мягким, не приносит стабильности, развития и иностранных инвестиций. Оно всегда приводило, где бы оно ни навязывалось, к несправедливости, угнетению и раздорам. Это монолитная конструкция, возвышающаяся в мире, который требует комплексности для решения сложных проблем. Она ограничивает свободу и равенство в мире, нуждающимся в них. Она отбрасывает общество назад, в древнюю историю, в то время как сам мир движется вперед. Возможно, именно поэтому часть египетского населения, не питающая особого пристрастия к «исламскому шариатскому правлению», содрогнулась от самой мысли его введения. «Противники утверждали, что конституция приведет к новой тирании, наделив президента абсолютной властью и широкими полномочиями, не оставляя места для подотчетности и надзора. Считалось, что она уменьшит права граждан и наложит ограничения на свободу до такой степени, что противники потребовали восстановления Конституции 1971 года вместе с новым Учредительным собранием», — писал Тахер[9]. Другими словами, половина населения Египта была настолько напугана, что предпочла законы, разработанные предыдущими диктаторами! Стало очевидным, что революции удалось сломить лишь внешний слой деспотизма: она оставила нетронутыми бюрократические, полицейские и военные структуры, а также ментальный авторитаризм. Вскоре стали нарастать требования свержения Мурси.

---

[8] Ahmed Taher, 'The New Egyptian Constitution: An Outcome of a Complex Political Process' *Insight Turkey* 15 1 (Winter 2013), pp. 25–37.
[9] Ibid.

Испытав силу интернета для мобилизации людей и создания хаотических событий, недовольные слои общества снова вышли на улицы. Демонстрации против Мурси на площади Тахрир включали в основном тех же людей — секуляристов, либералов, модернистов, — которые отстранили Мубарака от власти. На этот раз у них был сильный союзник: военные. Действительно, военные не только использовали социальные сети для мобилизации толпы, но также использовали обычные средства массовой информации, чтобы разжечь антимурсистское безумие. Снова хаотичные события стали набирать свой привычный оборот. Захват власти в Египте 3 июля 2013 года, в результате которого к власти пришел генерал Абдель Фаттах ас-Сиси, что привело к приостановке действия Конституции Мурси, был расценен многими внешними наблюдателями как переворот против демократически избранного президента. Но сама армия отвергает такой вывод. В конце концов, данный результат был достигнут при полноценном участии большинства граждан, которые призывали военных вмешаться и приветствовали армию и полицию, когда те выступили и начали убивать. Тысячи последователей Мурси были безжалостно истреблены. Но никто не протестовал: ни в Египте, ни на Западе. Сотни сторонников Мурси предстали перед судом и были массово приговорены к смертной казни. И вновь — никто не возразил.

События в Египте преподают нам важные уроки о постпривычном времени: изменения происходят быстро и могут перевернуть систему несколько раз в течение нескольких лет; хаос может привести как к освобождению, так и к подчинению; постпривычное время не может быть успешно преодолено ни с помощью традиционной исламской мысли, ни при участии автократии и авторитаризма. Кроме того, работа в условиях множественности требует комплексного подхода.

Когда в январе 2015 года король Салман бин Абдель Азиз аль Сауд стал главой династии Саудов в Саудовской Аравии, он унаследовал разваливающееся королевство и экономику, полную противоречий. Цена на нефть, единственный источник дохода королевства, резко упала со 100 долларов до примерно 30 долларов за баррель. Дефицит бюджета достиг астрономической суммы в 100 миллиардов долларов. Экономика с суверенным инвестиционным фондом, которому завидует весь мир, вынуждена была обратиться за пятилетним кредитом в размере 10 миллиардов долларов на открытом рынке. Население, которое никогда не платило налогов, должно было принять немыслимое и начать платить налоги. Страна, богатая энергоресурсами, население которой считало субсидии на электроэнергию и воду своими основными правами, столкнулась с реальностью жесткой экономии.

ДОМ САУДОВ ПОЧУВСТВОВАЛ, ЧТО СТРАНЕ НУЖНО ВИДЕНИЕ.

В документе «Видение Саудовской Аравии 2030»[10] говорится, что оно основано на твердом убеждении, что Саудовская Аравия является уникальным даром Бога человечеству. Сухая, односторонняя и деспотичная ваххабитская интерпретация ислама будет господствовать, а Саудовская Аравия станет «сердцем арабского и исламского мира», которые послужат трамплином для превращения Королевства во «всемирный инвестиционный центр» и «глобальный хаб, соединяющий три континента: Азию, Европу и Африку».

Социальные взгляды нельзя ни купить в готовом виде, ни навязать сверху. Они возникают в результате полноценного участия граждан, через дебаты и дискуссии, а данного рода деятельность все еще нуждается в развитии на территории Королевства. Беспорядки и нестабильность в регионе в постпривычное время вряд ли оставят Королевство незатронутым.

Напротив, Тунис продемонстрировал бо́льшее понимание постпривычной реальности. «Эн-Нахда» (Возрождение), доминирующая политическая партия в Тунисе, как и «Братья-мусульмане» президента Мурси, является продуктом исламского движения. В 2011 году она победила на всеобщих выборах, последовавших за падением правительства Зина аль-Абидина Бен Али, что стало первым крупным достижением «арабской весны». И, как и Египту, Тунису пришлось пройти через сложный процесс создания новой Конституции[11], появившейся после рассмотрения ряда различных проектов. Но, в отличие от «Братьев-мусульман» Египта, «Эн-Нахда» поняла, что исламская мысль IX века плохо подходит для преодоления сложностей постпривычного времени. Тунис является столь же «исламским», как Египет или Турция, о чем говорится в преамбуле Конституции, и «останется верным учению ислама». В статье 1 говорится, что «религия Туниса — ислам, его язык — арабский», но страна доверяет своему народу, а в статье 3 объявляется, что «суверенитет принадлежит тунисскому народу» (не Богу, Который в любом случае является высшим Властелином, что является требованием большинства мусульманских фундаменталистов и занимает почетное место в Конституции Пакистана, источнике бесконечной путаницы и научных насмешек). Более того, в тексте Конституции Туниса совершенно не упоминается шариат, но

[10] Kingdom of Saudi Arabia, *Vision 2030*, can be accessed from: vision2030. gov.sa/en

[11] Tunisia's new constitution is available from: http://confinder.richmond.edu/admin/docs/Tunisiaconstitution.pdf

акцент делается на правах человека, праве на труд, здравоохранение и образование, а также подчеркивается разделение властей. Таким образом, законодательная власть принадлежит не Президенту, а Палате депутатов, «избираемой всеобщим, свободным и тайным голосованием» (статья 18), которая советует и уполномочивает Президента «на установленный срок и с определенной целью издавать указы, представляемые им, в зависимости от обстоятельств, для ратификации Палатой депутатов» (статья 28). Более того, существует формула обеспечения того, что Палата депутатов будет представлять общество в целом с соответствующим присутствием регионов, работодателей, фермеров и рабочих. При этом, депутаты озвучивают не свои интересы, а интересы всей нации. Судебная власть независима и выбирает судей из числа своих членов, а местные органы власти имеют автономию в вопросах ведения своих дел.

Стоит отметить, что *в то время как «Эн-Нахда» настаивала на создании парламентской системы с системой сдержек, противовесов и полной подотчетности, светские партии боролись за полупарламентскую систему с активным президентом с гораздо большими полномочиями*. Эти неразрешимые (и ироничные) противоречия между различными позициями в конечном итоге *были разрешены путем диалога и переговоров. Цель «Эн-Нахды» состояла не в том, чтобы разработать конституцию, посвященную* управлению и контролю, а представляющую взгляды и чаяния разнообразного общества Туниса, вовлекая все слои в национальное строительство. Помимо большей открытости и инклюзивности, Конституция Туниса признает множественность и разнообразие самого общества, которым она стремится руководить. Она обеспечивает комплексную систему управления для комплексного общества и времени. Несмотря на это, в Тунисе не обошлось без протестов. В основном они были вызваны высокой безработицей среди молодежи и экономической депрессией, в отношении которых данное правительство, как и любое другое, не может предложить мгновенных решений. Но единственным протестом, принявшим хаотичный характер, стали беспорядки, инициированные салафитами в июне 2012 года после того, как они напали на художественную выставку. Также в июне 2015 года в курортном городе Сус были совершены теракты боевиками, связанными с ИГИЛ.

Однако, несмотря на такую турбулентность, Тунис, похоже, в состоянии осторожно прокладывать свой путь для движения вперед. В отличие от священнослужителей Саудовской Аравии, которые обеспечивают соблюдение законов, преследующих и унижающих достоинство женщин, или «Братьев-мусульман», которые с удовольствием были готовы применять репрессивные предписания «исламского шариата», «Эн-Нахда» отстаивала права женщин и закрепила равные для них возможности в Конституции 2014 года. Почти треть парламента состоит из женщин-депутатов. В 2010 году треть судей и пятая часть адвокатов в стране были женщинами. В 2013

году треть инженеров в стране составляли женщины. Более 700 организаций гражданского общества работают над формированием этого общества, включая гендерные вопросы, сексуальные домогательства и насилие в отношении женщин[12]. В 2016 году «Эн-Нахда» представила в парламент инновационный законопроект об усилении законодательства о сексуальных домогательствах и насилии в отношении женщин, охватывающий как психологический, так и экономический вред в общественной и бытовой сферах. В отличие от привнесенного видения Саудовской Аравии, навязываемого обществу, Тунис формирует видение своего будущего через процесс, который идет снизу, вовлекает все слои, стремится выйти за пределы противоречий, признает комплексность и разнообразие, и поэтому является лучшим инструментом для навигации в неспокойных водах постпривычного времени.

Разница между Тунисом и Египтом, отражающаяся в их попытках сформировать новые конституции, по существу является разницей в способе мышления и понимании постпривычной реальности. Египет снова во власти тоталитаризма, и ему грозит гражданская война именно потому, что лидеры «Братьев-мусульман» находились в закостенелых рамках исламской мысли, которая была не в состоянии никоим образом иметь дело с разнообразием и множественностью. Это линейная структура, избегающая комплексности. Саудовская Аравия глубоко утвердилась на схожем пути, который сегодня усугубляется опасной дозой неолиберальной экономики. Стабильность Туниса, хотя, возможно, и шаткая, проистекает из того самого факта, что он принял разнообразие и множественность своих граждан, и поместил комплексность в основу управления.

Трудности постпривычного времени просто не могут быть разрешены без подлинного плюрализма и преодоления глубоко укоренившихся различий в обществе. По иронии судьбы, для тех, кто больше всего озабочен и одержим «исламом», бьет себя в грудь и громче всех кричит о «защите ислама» и «шариата», сам ислам представляет наибольшую опасность. Комплексность говорит нам о том, что ни один способ мышления, модель поведения или какой-то метод не могут дать ответ на все наши взаимосвязанные комплексные недуги. Неолиберальный «свободный рынок» — такой же мираж, как и предположение, что либеральный секуляризм или некие идеализированные монолитные представления об исламе вызволят нас из нынешнего тупика. Таким образом, глупо полагаться на единую идеологию или монолитное представление об истине. Разнообразие и множественность необходимы как для понимания комплексности, так и для преодоления ее, а также для решения наших взаимосвязанных проблем.

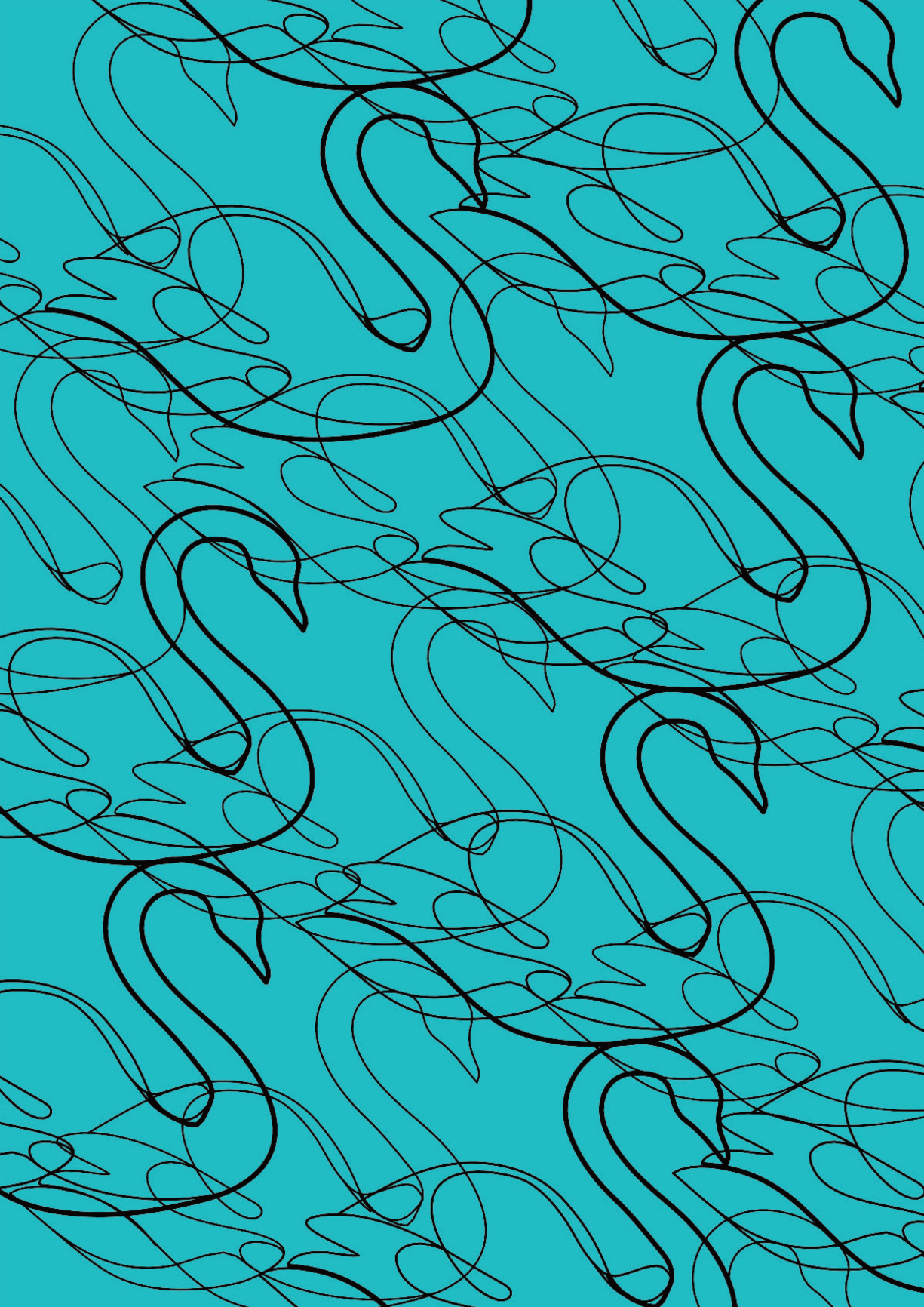
---

[12] Harriet Sherwood, 'Women in Tunisia Take Gender Fight to Legislature', *The Guardian,* 24 October 2016.

В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ НЕТ ИНОГО СПОСОБА ВЫСТРОИТЬ НРАВСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК, КРОМЕ КАК ЧЕРЕЗ РАВЕНСТВО И ДИАЛОГ.

Противоречия учат нас принимать и ценить разные точки зрения и быть скромными. Не существует абсолютно правильных или абсолютно неправильных ответов на любую заданную проблему. Даже самое базовое понимание проблемы требует диалога по ее различным аспектам, представление целого рядя точек зрения и интересов, включая граждан разных вероисповеданий, мусульман разных убеждений, мужчин, женщин, а также детей, людей разного социального и культурного происхождения и разных этических убеждений. Поскольку противоречия нельзя разрешить, нам нужно отложить в сторону наши разногласия и управлять противоречиями и комплексностью через переговоры и диалог на основании консенсуса, в котором все участники имеют равные права голоса. Не существует авторитарных или насильственных средств разрешения противоречий и решения комплексных вопросов.

Практически все ближневосточные государства стоят на краю хаоса. Они либо окончательно рухнут (если уже этого не сделали), либо трансформируются в новый порядок существования. Все зависит от того, как каждое государство справляется с комплексностью и хаосом постпривычного времени в своей конкретной ситуации.

ЖИЗНЬ И РАБОТА

ИГРА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕСТОЛОВ

С. Скотт Джордан

Независимо от того, верим мы во что-то или нет, когда дело доходит до защиты нашей маленькой священной территории, похоже, мы начинаем занимать радикальную позицию. Кто подпитывает этот огонь перемен? Кто стоит за идеологией с самого начала, чтобы затем стать ее Брутом? Одно слово, одно имя. Произносимое через пение, прозу, образы и практики, восходящее к древним временам и остающееся широко известным сегодня. Бог. Какой-то определенный Бог? Нет. Это религия, со всем ее многообразием представлений, пронизывающих общество, сознание и жизнь вообще. Вопреки мифам просвещения и постмодернизма, Бог жив и здоров. Он на наших деньгах, в нашем правительстве, в нашей политике, в нашей культуре и в наших сердцах. Бог является такой же частью нашей личности, как и наш номер социального страхования, идет ли речь о самом набожном человеке или самом закоренелом атеисте.

На первый взгляд это не проблема. Ведь мы живем в искушенном XXI веке. У вас свое мнение, а у меня свое. Пока я не решаю убить вас. Это абсолютное противоречие прослеживается в политических убийствах, нападениях на религиозные центры, в стрельбе в школах, войнах, летних лагерях, терактах смертников, ИГИЛ и политических выборах. Старая поговорка гласит: «Величайшим трюком дьявола было убедить мир в том, что его не существует». В наше время этот самый трюк провернула религия. Мы думаем, что живем в светскую эпоху, однако Бог везде.

Есть определенная школа мысли, которая считает, что вся художественная литература должна быть бегством от суровой повседневности. Но иногда «бегства от действительности» художественной литературы достаточно, чтобы раскрыть глубокое понимание той реальности, в которой мы живем сегодня, но к которой остаемся слепы. Этот момент хорошо иллюстрируется популярным телесериалом «Игра престолов», вышедшем на

канале *HBO,* и серией книг Джорджа Р. Р. Мартина, на которых он основан[1]. Мир, созданный Мартином, с уважением представляет и исследует религию в том виде, в котором она существует в реальном мире, а не убирает ее в дальний ящик, как это делает большинство других произведений жанра фэнтези[2]. Мартин не навязывает христианство, ислам или индуизм своему миру, а скорее создает мир конкурирующих религий, мифологических и политических идеалов, подверженных иллюзиям богатства, семьи и власти. При этом он остроумно намекает на взаимодействие религий в нашем собственном мире и возникающие при этом противоречия.

В эпизоде под названием «То, что мертво, умереть не может» из второго сезона сериала особенно подробно исследуются темы данного взаимодействия. С самых первых кадров и до титров в конце нам демонстрируют замечательные примеры событий, изменяющих нормы, которые раскачивают весь ход повествования, направляя его в непостижимое русло по мере того, как сериал продолжает развиваться. Мы видим женщину побеждающую одного из величайших рыцарей-мужчин страны, в значительной степени основанной на патриархальной иерархии; младшего брата, заявляющего о своем праве на трон, зиждущемся на этой самой иерархии, а также религиозные и мистические явления, начинающие проникать в мир, который, как известно сегодня, лишен магии (будь то боги, живущие среди людей, люди, управляющие животными, или возможность нового появления на земле драконов). Отсюда возникли темы, демонстрирующие, что Вестерос[3] и остальной мир Мартина движутся к постпривычному времени.

В одном конкретном эпизоде одному из главных героев, Тириону Ланнистеру, карлику, который в данный момент также является Десницей короля Вестероса, или главным советником, загадывают загадку, заключающую в себе корни власти в мире Мартина. Эту загадку задает Варис, мастер шпионажа и еще один член Королевского совета. «Трое великих мужей сидят в комнате: король, священник и богач. Между ними стоит вооруженный наемник. И каждый муж требует у наемника убить двух других. Кто останется в живых? Кто умрет?» Задав свою загадку, Варис ждет ответа от Тириона с нетерпением, но без результата. Вместо того, чтобы отвечать, Тирион все больше раздражается, поскольку у него есть

---

[1] George R. R. Martin, *A Game of Thrones (A Song of Ice and Fire, Book 1),* (Harper Voyager, New York, 2014); Home Box Office, New York, 2012.

[2] George R. R. Martin, Elio M. Garcia, Jr. and Linda Antonsson. *The World of Ice & Fire: The Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. (Bantam Books: New York, 2014).

[3] ***Вестерос*** — один из четырех известных континентов вымышленной вселенной, созданной американским писателем Джорджем Мартином, в которой происходит основная часть событий саги «Песнь льда и огня». — *Прим. пер.*

более насущные дела, но он уступает Варису. Но ответ самого Вариса преподает мудрый урок: «Власть находится там, где, по мнению людей, она находится. Она — уловка, тень на стене, и очень маленький человек может отбрасывать очень большую тень».

Этим утверждением Варис обрисовал постпривычное состояние Семи Королевств их новой Деснице, но также дал нам важную пищу для размышлений о месте религии в наше время. Конечно, религия и власть идут рука об руку на протяжении всей истории. Эпоха Просвещения, модерн, секуляризм и, совсем недавно, постмодернизм отправили «великий нарратив» религии на свалку истории. Но сегодня религия снова заняла центральное место: и как сила, и как система действий и принятия решений. Но произошло и нечто странное: благодаря социальным сетям, круглосуточным новостным каналам и другим формам мгновенного общения

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ОТБРАСЫВАТЬ ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ, ГЛОБАЛЬНУЮ ТЕНЬ

Рассмотрим пример преподобного Фреда Фелпса и его последователей, известных как Баптистская церковь Вестборо (*Westboro Baptist Church*). Они известны своими экстравагантными акциями протеста на похоронах и других мероприятиях в поддержку военнослужащих и ЛГБТ-сообщества. В результате применения буквального толкования Библии они пришли к выводу, что быть ЛГБТ-индивидуумом или посвятить свою жизнь военной службе — это оскорбление Бога и прямой билет в ад. Они даже зашли так далеко, что указали на присутствие таких людей, как на непосредственную причину стихийных бедствий (таких как ураган Катрина в 2005 году) и общую опасность для Америки (например, теракты 11 сентября 2001 года). Сообщалось, что на момент смерти Фелпса в его церкви было всего 40 членов[4]. Община Фелпса ни в коем случае не является единственной радикальной христианской церковью в Америке, но, в отличие от своих современников, она сумела привлечь к себе много внимания как в самой Америке, так и во всем мире. Таким образом эта группа обрела огромную власть. Каждое их действие мгновенно становилось мегасобытием благодаря *Twitter*, *Facebook* и средствам массовой информации, жаждущим заполнить свои страницы сенсационными сообщениями. Их выходки создали в мире общее впечатление, что все христиане, насчитывающие около двух миллиардов человек по всему миру, ведут себя подобным образом. Даже в самом христианстве, особенно в Америке, пример этой

[4] Michel Paulson, 'Fred Phelps, Anti-Gay Preacher Who Targeted Military Funerals, Dies at 84.' *The New York Times*. March 20, 2014.

Баптистской церкви Вестборо отбросил мрачную тень на всех последователей конкретной баптистской деноминации и высшего руководства данного протестантского направления. Баптистам по всей стране пришлось приложить немалые усилия, чтобы отделить свою баптистскую веру от заявлений преподобного Фелпса. Все эти происшествия ужасно сбивают с толку нехристиан, а разрушение структуры системы становится более очевидным. Однако это равносильно сравнению преданности гражданству США исключительно на основании оценки президентского правления Уильяма Генри Харрисона (которое длилось всего тридцать дней).

Пастор Терри Джонс является еще одним примером для нас. Он был служителем внеденаминационного Информационно-просветительского центра «Голубь мира» (*Dove World Outreach Center*) в Гейнсвилле, Флорида. Джонс был одним из тех многочисленных христиан, которые являются носителями антиисламских настроений, и однажды он заявил, что собирается сжечь Коран[5]. Его намерение мгновенно превратилось в глобальное событие: кадры, на которых пастор делает свое заявление, бесконечно крутили по новостным каналам. Ленты Twitter безумствовали. Через несколько часов начались демонстрации в Египте, Пакистане и Малайзии. Жгли автобусы, громили Макдональдс; было убито даже несколько человек. Хиллари Клинтон, тогдашний госсекретарь, вынуждена была позвонить пастору Джонсу и умолять его не претворять свои намерения в жизнь. В результате действий Джонса, у которого было не более двух десятков последователей, и скорости, с которой коммуникационные технологии превратили его замысел в глобальный феномен, антиисламизм стал не только христианской идеей, но и американской, европейской и вообще западным настроем в глазах остального мира. В конце концов Джонс Коран не сжег, и неясно, было ли намерение совершить данный акт серьезным.

Наблюдаемые нами события — это не просто смена парадигм, но фундаментальная перестройка того, что является привычной нормой, а что нет для религии. Деятельность экстремистов, ярых фанатиков, пуритан и приверженцев насилия, которые обычно существуют на периферии, расширилась: она стала глобальной по своим масштабам и размаху. Всего два десятилетия назад для этих людей было практически невозможно высказывать свое мнение. Сегодня у них есть собственные телеканалы, и они могут загружать свой контент на YouTube для мгновенного транслирования его по всему миру.

По иронии судьбы, пока мы постоянно сидим в виртуальных сообществах, реальные сообщества практически исчезают. Вместо того, чтобы разговаривать друг с другом лицом к лицу, люди все чаще предпочитают

---

[5] Paul Harris and Paul Gallagher. "Terry Jones defiant despite murders in Afghanistan over Qur'an burning." *The Guardian*. April 2, 2011.

общаться с помощью текстовых сообщений, Facebook, Twitter и других социальных сетевых платформ. Молодые люди становятся все более разобщенными в условиях отсутствия живого общения. Перед лицом растущей неопределенности, вызванной ускорением изменений, они жаждут определенности. В мире дискутируемых и оспариваемых ценностей они стремятся к абсолюту и возвращаются к нему. В эпоху упразднения смысла, они ищут его в своей отстраненной, неопределенной и неоднозначной жизни. Противоречия постпривычного бытия сегодняшних молодых людей раскрываются в заголовках, которые перекликаются с загадкой Вариса. Посмотрите вот на эти:

МИСТЕР ЯКЕН ХОТЕЛ СТАТЬ ФИТНЕС-ИНСТРУКТОРОМ. ОН НЕУСТАННО ТРЕНИРОВАЛСЯ, НАДЕЯСЬ, ЧТО ЕГО УСИЛИЯ ПРИНЕСУТ ЕМУ УСПЕХ, ДЕВУШЕК И БОГАТСТВО[6].

ОНА СЛУШАЛА *«COLDPLAY»*, ЧИТАЛА РОМАНЫ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ И ПИЛА *«IRN BRU»*, ШОТЛАНДСКИЙ БЕЗАЛКОГОЛЬНЫЙ НАПИТОК.

ОНА БЫЛА ЛИДЕРОМ ГРУППЫ ПОДДЕРЖКИ, ОТЛИЧНИЦЕЙ, ДОЧЕРЬЮ ПОЛИЦЕЙСКОГО И ЧЛЕНОМ ШКОЛЬНОГО КОММИТЕТА ВЫПУСКНИКОВ, КОТОРАЯ ХОТЕЛА СТАТЬ ВРАЧОМ; ОНА СТРЕМИЛАСЬ СТАТЬ ФАРМАЦЕВТОМ ИЛИ ВРАЧОМ...[7]

ОН БЫЛ ТИХИМ, НО СПОСОБНЫМ СТУДЕНТОМ ПСИХОЛОГИИ[8].

---

[6] Mona El-Naggar. 'From Cairo Private School to Syria's Killing Fields.' *The New York Times*, February 19, 2015.

[7] Kimiko De Freytas-Tamura, 'Teenage Girl Leaves for isis, and Others Follow.' *The New York Times*, February 24, 2015.

[8] Richard Fausset, 'Disbelief in Mississippi at How Far isis' Message Can Travel.' *The New York Times*, August 14, 2015.

Это довольно типичные описания подрастающего поколения, также известного как «миллениалы». У них общие амбициозные цели на будущее, участие в школьной жизни, принадлежность к среднему классу и очевидные интеллектуальные способности. Отличие состоит только к том, откуда они родом. Первое высказывание описывает г-на Ислама Якена, выходца из Каира, Египет. Второе — г-жу Аксу Махмуд из Глазго, Шотландия. Два последних касаются г-жи Джейлин Янг и г-на Мухаммада Дахлалла из штата Миссисипи в США. У всех них есть еще одна важная общая деталь: они хотели уехать из дома в Сирию, чтобы присоединиться к ИГИЛ. Но эти ученики не одиноки. Данное явление характерно не только для угнетенных, потерявшихся в удаленных уголках Земли. Это глобальный феномен. И это особый продукт нашего постпривычного времени, когда дыра в форме Бога, образовавшаяся в сознании людей, может быть заполнена только чем-то впечатляющим.

Как правило, тренды, которым следуют богатые и образованные общества, должны показывать снижение уровня влияния со стороны религии и религиозных институтов. Классические определения религии сделали ее желанным плодом для бедных и необразованных, формой расширения прав и возможностей. Однако по мере того, как общество становилось более «продвинутым», традиции и принципы искажались во имя прогресса. Бог в некотором смысле стал «испытываться на прочность», когда человек взял под контроль свою судьбу и создал для себя мир робототехники, искусственного интеллекта, виртуальной реальности, медицинских достижений и *Twitter*. Там, где ранее Бог служил средством примирения человечества со своей смертной природой, теперь наука и техника заполняют эту пустоту, вызванную беспокойством и познанием[9]. Бог, по всем подсчетам и во всех смыслах, должен был исчезнуть, как любая старая теория, парадигма или модная тенденция. Но Бог вернулся для того, чтобы отомстить. И действия, предпринятые этими молодыми людьми, просто непонятны большинству людей. Данный феномен не имеет отношения только к исламу. Он относится ко всем религиям. Обратите внимание, как готовы убивать и быть убитыми молодые индуистские фундаменталисты в Индии. Или правая религиозная молодежь в Восточной Европе. Или христианские фундаменталисты в Африке и вооруженные евангелисты в США. Все они так же стремятся создать собственные религиозные государства в своих странах.

Неопределенность раздробила религии помимо традиционного конфессионального деления. В «Игре престолов» в Вестеросе есть несколько религий, начиная с доминирующей в Семи Королевствах — это Вера Семи, согласно которой, подобно Троице христианства, верующие молятся семи сущностям одного бога. До того, как Вера Семи была привнесена иностран-

[9] Mathew Burrows, *The Future Declassified: Megatrends that Will Undo the World Unless We Take Action* (Palgrave MacMillan, New York, 2014). pp. 65–80.

ными захватчиками, жители Вестерос в основном были многобожниками, подобно последователям религий коренных народов Америки и синтоистам, видящим бога во всех проявлениях природы, от неба до земли и морей. Этим «старым» богам в истории Мартина все еще молятся древние семьи Севера, такие как Старки. Утонувшего бога Железных островов восхваляют в битвах, в отличие от Бога бури с родины короля Роберта, метко названной «Грозовыми землями». Выясняется даже, что один из братьев короля Роберта обратился в радикальную религию Востока, Веру Владыки Света, Р'глора. Это радикальная религиозная группа, построенная вокруг одного бога, освещающего мир и изгоняющего тьму, и с помощью насилия создающего новый мировой порядок. На Востоке упоминаются и другие боги, возникшие в своей культурной и географической среде. Почти в шутку или для того, чтобы привлечь внимание к спорному вопросу о религии в целом, Мартин описывает нам Безликих Людей, слуг Многоликого Бога. В отличие от других религий в вымышленном мире Мартина, Безликие люди представляют собой молчаливых убийц, а не евангелистов того или иного рода. Последователи Многоликого Бога не противостоят никому из других богов. На самом деле их храм заполнен борцами против других богов. В их представлении все поклоняются одному и тому же богу — единому многогранному божеству. Этот бог часто упоминается под именем Смерть.

В реальном постпривычном мире разделение между религиями и их комплексность выглядят не менее устрашающе. В мусульманском мире многие события происходят из-за раскола между шиитами и суннитами. Но, как показывает Фредерик Вери в антологии, редактором которой он является, межконфессиональные разногласия на Ближнем Востоке стали гораздо более комплексными[10]. Политическая экономика, социальные сети, государственные и негосударственные акторы, харизматичные священнослужители и трайбализм породили поистине сбивающую с толку сектантскую идентичность. Религиозная группа, имеющая глубокие исторические корни, а не гражданская принадлежность, служит пропускными воротами между личностью и государством. В США многочисленные христианские группировки и ответвления множатся изо дня в день: от христианских сионистов, которые жаждут наступления апокалипсиса и хотят этого СЕЙЧАС, до множества старых и новых евангелических общин. Посмотрите на список христианских конфессий в Википедии и удивитесь! Он включает в себя такие «странности», как саентология, нувобианство, Церковь эвтаназии (которая требует, чтобы мы убивали себя ради спасения планеты), Церковь СубГения, Церковь Всех Миров, Нацию Яхве, Движение Творчества и Твой Храм Психической Молодости (*Thee Temple ov Psychick Youth* или *TOPY*), посвященный безвинной сексуальности. Почти каждый, у кого есть немного харизмы и учетная

[10] Frederic Wehrey, editor, Beyond Sunni and Shia: Sectarianism in a *Changing Middle East* (Hurst, London, 2017).

запись на *Facebook*, может основать новую религию, и у него (поскольку это обычно мужчина) не будет недостатка в последователях.

Религия — забавное слово, доставляющее много хлопот, дать определение которому непросто. Является ли саентология религией? Можно ли сказать, что последователи определенной знаменитости, которой они поклоняются без лишних вопросов, исповедуют какую-то религию? Религиозны ли те, кто убивает во имя религии? Это комплексные вопросы, на которые нелегко дать ответ. Неудивительно, что современные религиоведы избегают спрашивать «что такое религия?» или «что такое *религиозное*?» Само слово стало слишком сложным, опутанным предвзятыми представлениями, что делает любые попытки его анализа тщетными и, вероятно, бесплодными[11]. Возьмем, к примеру, спор о том, что такое буддизм. По словам Дэвида Брейзера, британского психотерапевта и мастера дзен, *буддизм — это одна из религий*, такая же, как христианство или ислам: «В него можно верить»[12]. Но, по словам Стива Хагена (он же Роши), американского дзен-буддиста, буддизм не является религией: он «за гранью веры», его суть – видение мира в каждый момент[13]. Оба автора одинаково положительно отзываются о буддизме, но ни один из них не может убедительно ответить на поставленный вопрос. Ловушка дефиниционных подходов заключается в том, что исследуемая религия изолируется, помещается в вакуум, но, как и все остальное в мире, религия не существует в таком контексте. Альтернативный подход поднимает вопросы о сущности религии. Например, вслед за Мартином Крейгом можно было бы спросить, является ли религия сама по себе насилием[14]? Но и такая формулировка не приведет к удовлетворительному ответу. Некоторые версии религии вполне могут быть жестокими в определенное время, но в другое время и в другом месте эта жестокость исчезает.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ, ГОСУДАРСТВОМ И ВЛАСТЬЮ СТАЛИ НАСТОЛЬКО ПЕРЕПЛЕТЕННЫМИ, НАСТОЛЬКО СЛОЖНЫМИ, ЧТО ТРУДНО, А ТО И ВООБЩЕ НЕВОЗМОЖНО, РАЗГЛЯДЕТЬ ЗА ДЕРЕВЬЯМИ ЛЕС.

---

[11] Caroline Schaffalitzky de Muckadell, 'On Essentialism and Real Definitions of Religion', *Journal of the American Academy of Religion,* Vol. 82, No.2. June 2014. pp. 495–520.
[12] David Brazier, *Buddhism is a Religion: You Can Believe It* (Woodsmoke Press, Malvern, 2014).
[13] Steve Hagen, *Buddhism is Not What You Think: Finding Freedom Beyond Beliefs* by Steve Hagen (Penguin, New York, 2012).
[14] Craig Martin, 'What is Religion?' *Political Theology*. Vol. 15, No. 6. November 2014. pp. 503–508.

Современные мыслители исследуют религии в перспективе их исторического и социокультурного контекста. Швейцарский католический священник и теолог Ганс Кюнг классифицировал религию во многом так же, как Томас Кун классифицировал науку, т. е. как серию эпох[15]. Каждая эпоха существует до тех пор, пока революция не отбросит старую идею и не придет новая, для заполнения объяснительного вакуума. Кюнг определял религию как простой набор верований, правил и этики, которые приводят его к заключению, что следующим шагом будет всемирная этика, когда фундаментальные принципы всех религий выберутся из «постмодернистского упадка»[16].

Постколониальный ученый Талал Асад придерживается более антропологического подхода в вопросе религии. В своей работе «*Генеалогии религии*» (*Genealogies of Religion*) Асад исследует «трансисторическую» и «транскультурную» природу религии. Он придерживается скептической позиции по многим направлениям. Асад устал от современных подходов к истории (представленных в основном походом западных капиталистов к Мир-Системе), викторианской идеи религии как эволюционного источника передовой мысли (например, политики и науки) и современного представления о том, что религия — это примитив, который был заменен цивилизованными с точки зрения права, политикой и наукой[17]. Асад сосредотачивает свое определение религии вокруг исследования феноменологического подхода, предложенного антропологом Клиффордом Гирцем, отдававшего основное предпочтение символам и ритуалам. Конечный продукт — это своего рода вопрос о курице и яйце по поводу смысла и практики или смысла и самой вещи. Проще говоря: порождает ли религиозный символ смысл или смысл вызывает к жизни символ? Точно так же является ли ритуал практикой смысла или ритуал создавал смысл посредством своей практики[18]? Эти вопросы кажутся второстепенными, но на самом деле являются ключевыми при изучении возникновения фундаментализма в современном исламе и христианстве. Они указывают на врожденный парадокс между практикой и верой, а также на историческое смешение политики, культуры и религии. Вероятно, что одинаковые исторические процессы привели к возникновению индуистского, буддийского, иудейского и других религиозных фундаментализмов.

---

[15] Hans Küng, *Theology for The Third Millenium: An Ecumenical View.* Translated by Peter Heinegg (Doubleday, New York, 1988).

[16] Hans Küng, *Global Responsibility: In Search of a New World* Ethic (Crossroad Publishing Company, New York, 1991).

[17] Talal Asad, *Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam.* (The Johns Hopkins University Press, Baltimore, md, 1993) pp. 2–27.

[18] Ibid, pp. 28–55.

Карен Армстронг использует тот же исторический подход в своей книге «*Великая трансформация*» (*The Great Transformation*), начиная с религий так называемого «осевого времени» (900–200 гг. до н. э.). Для Армстронг фундаментальной концепцией религии является сострадание. Как только люди почувствовали друг друга, родились осевые религии. Ключевым открытием, которое она представляет, является то, что, когда более новые формы этих религий столкнулись с определенными проблемами, они откатились к все еще нетронутым осевым основаниям. Армстронг указывает на стремление к установлению империй и политической власти как на переломный момент для этих религиозных парадигм. Ее рецепт движения вперед состоит в том, чтобы размышлять об осевых религиях (греческом разуме, индуизме/буддизме, даосизме/конфуцианстве и иудаизме), искать общие знаменатели (например, «Возлюби ближнего своего») и находить фундаментальные принципы, лежащие в основании этих ключевых религий[19]. Данное предложение можно рассматривать как метод навигации в условиях нынешнего постпривычного времени для религиозной мысли. Но он требует преодоления представления о том, что «Моя религия — единственная истинная религия».

Анализ, проведенный Кунгом, Асадом и Армстронг, предполагает, что религия часто выражается в убежденности наличия сверхъестественного: не только в вере в сверхъестественное, но и в вере в свою убежденность в обладании Абсолютной Истиной. Убеждения в сверх-я выражаются как движения сверх-я, предназначенные для формирования мира. Таким образом, религия выходит за рамки веры и становится процессом принятия решений и неизбежно вступает в конфликт с другими процессами принятия решений, такими как политика, наука, государство и секуляризм. В привычных обстоятельствах может существовать разделение на «церковь» и «государство» — то, что достаточно хорошо работало в течение нескольких столетий в западной цивилизации. Но все радикально меняется в эпоху турбулентности, неопределенности, комплексности и хаоса. Сегодня религия становится единственным источником уверенности для верующих. В конкретной религиозной группе стремятся найти не просто религию в ее всеобъемлющем смысле, но определенность. И если все существующие течения не обеспечивают требуемой определенности, для заполнения пробелов создаются новые секты, основанные на племенных, общественных, исторических связях, политических убеждениях, а также поводах для недовольства, инопланетянах и харизматических лидерах. «Я» и Вера становятся единым, поскольку «я» глубоко укореняется в религии. Нападки на религию воспринимаются как нападки на «я», а отказ от религиозных принципов в обществе рассматривается как

[19] Karen Armstrong, Karen. *The Great Transformation: The Beginning of Our Religious Traditions,* (Random House, New York, 2006) pp. 3–48.

потеря этого «я». Поэтому потерять собственное «я» — опасная штука. Это то, что приводит к возникновению экстремистских группировок на Ближнем Востоке или фундаментализму в Соединенных Штатах и Европе.

Вот что постпривычное время сделало с религией. Когда события, являющиеся результатом противоречий и комплексности, сводятся к хаосу, возникает состояние сбивающей с толку неопределенности и глубокого невежества. Традиционные религии не могут с этим справиться. Действительно, начинают распадаться их основополагающие принципы и ключевые догмы, их парадигмы. Возникает кризисное состояние, которое подпитывается само по себе, порождая череду других кризисов. Таким образом, сложность внутри религии становится такой же комплексной, как и *самость*. Даже идентификация становится проблематичной. Кто является мусульманином или христианином? Типичные последователи, называющие себя мусульманами или христианами, могут попасть под осуждение со стороны «более» верующих, которые заклеймят их как «либералы», «умеренные», «секуляризованные» или даже как «еретики». Последователь А утверждает, что исповедует религию, которую также исповедует последователь Б, но на самом деле оба могут основывать свои убеждения на радикально отличающихся теологических или интерпретационных основаниях. Естественно, когда появляются лидеры, заявляющие о догматических истинах, комплексность взрывается сама собой, что приводит к шквалу хаоса.

Путешествуя по небольшим городкам Среднего Запада США, вы заметите, что границы между ними определяются оживленной улицей, на которой расположены всевозможные церкви и бары. На самом деле, в некоторых из этих городов на каждом углу перекрестка будет своя церковь. Как правило, это все христианские церкви, но они различаются по деноминациям, и, если вам повезет, у них могут быть даже разные мотивационные призывы. Поэтому Первая баптистская церковь может сильно отличаться от Второй баптистской церкви или Первой методистской церкви, хотя все они могут находиться на одном и том же перекрестке. У каждой будет своя уникальная община, расположенная по соседству от других. Все они будут согласны с тем, что Иисус Христос — Сын Божий, но отличие будет заключаться в приверженности и степени преданности другим второстепенным принципам. Когда главный пастор одной церкви говорит из-за своей кафедры, его притязания на выражение воли Божьей вступают в противоречие с заявлениями в проповедях других пасторов. Чаще всего конфликты остаются незамеченными. Но иногда небольшие возмущения могут привести к серьезным инцидентам. В постпривычное время один человек или небольшая группа могут иметь огромную силу, чтобы спровоцировать хаотические события. Вспомните преподобного Фелпса или пастора Джонса. Или тот факт, что всего 19 человек, совершив самое ужасное злодеяние в истории Соединенных Штатов, запустили цепь реакций, которые привели к «войне с террориз-

мом», к охоте на бен Ладена, к вторжению в Афганистан и Ирак и их крушению, к дестабилизации Пакистана и множеству ужасов, наблюдаемых нами сегодня на Ближнем Востоке. Теория хаоса в действии!

ЛЮБАЯ ЦЕРКОВЬ ЛЮБОЙ ДЕНОМИНАЦИИ НА УГЛУ ЛЮБОЙ УЛИЦЫ ОБЛАДАЕТ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТЬЮ ЗАПУСТИТЬ ЦЕПОЧКУ СОБЫТИЙ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ЧЕМУ-ТО ВАЖНОМУ.

Заявление поместного пастора может быть опубликовано в *Twitter*, может стать «популярным» и стремительно распространяться. Круглосуточные новостные каналы подхватят этот тренд и превратят бурю в стакане в глобальное событие с потенциально серьезными последствиями. Хаотическое событие. Даже если это «происшествие» не станет глобальным, оно окажет серьезное влияние на то, как конкретная вера или религиозная группа будет восприниматься другими. Фелпс и Джонс серьезно изменили восприятие баптистов, многочисленной деноминации американского протестантизма, преобладающего на юге Америки. Они стали олицетворением баптизма, и многим людям, совершенно не согласным с их мнением, приходится извиняться за то, что они баптисты, протестанты, христиане, и даже просто американцы, мужчины и люди!

В постпривычное время подобные явления многократно умножаются: это цикл потерянного «я», делающего неприятное заявление, подхваченного другими, а затем бесконечно повторенного в социальных сетях, пока оно наконец не преодолевает определенный порог, превратившись в тренд, и не выходит из-под контроля. Следовательно, именно так большая часть религиозной ненависти будет увековечена в постпривычное время. Это будет причиной вечной обидой в будущем. Так будут увековечены ложные стереотипы и будут разрастаться поверхностные представления о других. Медийная платформа, разработанная для объединения людей, соединяет нас только для того, чтобы оттолкнуть друг от друга еще дальше, подчеркнуть наши различия и разрушить по ходу наше «я».

Но это еще не все: определенный феномен может существовать даже без первоначального инициатора. Яркий тому пример — «красная кружка» 2015 года. Все началось, когда в социальных сетях стали распространяться новости о решении компании Starbucks продолжить традицию ежегодного розыгрыша красных кружек, но без надписи «Счастливого Рождества», что было расценено как преднамеренная атака на христиан и Рождество[20].

[20] Emma Green, 'The Insanity of the Starbucks Christmas Cup "Controversy"'. *The Atlantic.* November 10, 2015.

Ужас реальности этого события заключался в том, что никто не знает, кто запустил этот тренд. Он просто возник — спонтанно! Нечто подобное произошло летом 2016 года. 12 июня того года американец Омар Матин устроил стрельбу в ночном клубе в Орландо, убив сорок девять человек[21]. 14 июля Мохамед Лауэж-Булель, француз, направил свой грузовик сквозь толпу в Ницце, убив 84 человека[22]. 18 июля Риаз Хан Ахмадзай, афганский беженец, живущий в Оксенфурте, Германия, напал на несколько человек с топором и ножом в поезде, идущем в Вюрцбург[23].

Это лишь небольшое количество примеров многочисленных атак, совершенных в 2016 году. То, что делает эти атаки, совершенные во имя ислама, или как дань приверженности ИГИЛ, такими странными, так это отсутствие причинно-следственной связи с делом, которое они якобы провозглашают, или за которое якобы выступают нападавшие. В то время как теракты в США в 2001 году, в Лондоне в 2005 году и даже теракты в Париже 2015 года представляют собой довольно веские доказательства сложного планирования, заговора и связей с более крупными группировками, хотя и с запутанными причинами, нападения лета 2016 года были актами увековечивания отдельных потерянных «я», не имеющих никакого отношения к делу ислама. Поразительное сходство заключается в том, что эти нападения осуществлялись не явными «спящими ячейками» или засланными солдатами-диверсантами, а обычными жителями Запада. Кроме того, абсолютно очевидно, что эти нападения были спровоцированы скрытыми мотивами, выходящими за рамки общепринятого предположения и заявлений о том, что они стали проявлениями знаковых сражений Исламского халифата. Даже если Исламское государство берет на себя ответственность за случившееся, с трудом верится, что оно приложило руку к этим хаотическим событиям, кроме как снабдив их силой, порождаемой влиянием религии на действия. Я мог бы сделать безупречный бутерброд и провозгласить его [существование] во имя Исламского государства, но вывернуть все наизнанку и сказать, что Исламское государство приложило руку к изготовлению моего бутерброда, — это настоящий скачок веры.

В постпривычное время действия отдельных людей превращаются в сложную постановочную пьесу, состоящую из ложных стереотипов и вопиющего невежества. При этом сами люди могут существовать в изолированном коконе: открываться только для взглядов, которые отражают их

---

[21] Mark Mazzetti, Mark, Eric Lichtblau and Alan Blinder. 'Omar Mateen, Twice Securitized by F.B.I., Shows Threat of Lone Terrorists.' *The New York Times.* June 13, 2016.
[22] Sophie Sassard, Michael Bernouin and Tom Bergin. 'With 84 dead, France investigates whether truck driver acted alone.' *Reuters.* July 17, 2016.
[23] Philip Oltermann, Philip and Kevin Rawlinson. 'Teenager shot dead after attacking passengers on train in Germany.' *The Guardian.* July 19, 2016.

собственные, полагать, что все остальные разделяют их убеждения, что они могут приобретать все нужные навыки и оборудование, необходимое для реализации их планов, одним щелчком мыши. Все, что было нужно Андерсу Берингу Брейвику, было с комфортом обеспечено ему в его мирекоконе. Летом 2011 года он взорвал начиненный взрывчаткой фургон, убив восемь человек в Осло, а затем поехал на остров Утойя, где целенаправленно застрелил 69 отдыхающих. До этих событий Брейвик опубликовал ряд электронных сообщений, пронизанных правыми, фундаменталистскими христианскими настроениями против социализма, мультикультурализма и ислама в Европе. Являясь продуктом общества, считающегося миролюбивым, идущим в авангарде прогресса, которое неизменно занимает первые места в мировых рейтингах по образованию, социальной помощи и экономической стабильности[24], Брейвик воспринимал себя наследником рыцарей-тамплиеров. В пятую годовщину резни, устроенной Брейвиком, Али Сонболи, немец иранского происхождения, пошел по стопам Брейвика и устроил стрельбу в Мюнхене, в результате которой девять человек погибли и двадцать два получили ранения. 18-летний умный и застенчивый мальчик смог приобрести с помощью *WhatsApp* не только большую часть необходимых для этого случая книг и документов, но и 9-мм пистолет Glock и 300 патронов без особых проблем. Эти примеры демонстрируют, что отзвуком социальных сетей является не только взращивание и подпитывание религиозного экстремизма, но также и возможность предоставления средств для реализации экстремистских фантазий.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ДАЮТ ВАМ ИМЕННО ТО, ЧТО НУЖНО. ВСЕ ЭТИ ФИЛЬТРЫ, ПОИСКОВИКИ, ЛАЙКИ И ДИСЛАЙКИ, ПИТАЮТ ВАШИ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ: ВЫ ЧИТАЕТЕ НОВОСТИ, КОТОРЫЕ ХОТИТЕ ЧИТАТЬ, ВИДИТЕ БЛОГИ, КОТОРЫЕ УСЛАЖДАЮТ ВАШИ ВЗГЛЯДЫ, ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ — СНОВА И СНОВА — ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИОБРЕТАТЬ ТОВАРЫ И УСЛУГИ, КОТОРЫЕ БУДУТ УДОВЛЕТВОРЯТЬ ВАШИ ЖЕЛАНИЯ.

[24] Max Fisher, 'A Different Justice: Why Anders Breivik Only Got 21 Years for Killing 77 People.' *The Atlantic.* August 24, 2012

Таким образом, вы существуете в *сфабрикованной нормальности*: создается пространство, создающее у вас впечатление, что все верят, как вы, думают, как вы, ведут себя, как вы и хотят быть такими же, как вы. А если вы верующий, то небольшой шаг отделяет вас от вывода, что на то воля Бога. Это то, что Бог хочет, чтобы вы делали. В ноябре 2015 года Роберт Л. Дирмладший пронес полуавтоматическую штурмовую винтовку в здание Центра планирования семьи в Колорадо, убил из нее трех и ранил девять человек. Он утверждал, что делает божью работу[25]. Дир, торговец произведениями искусства, вырос в семье баптистов, хотя и не посещал церковь регулярно. Он жил сам по себе, в отдаленной хижине в Колорадо, проводя большую часть своего времени в интернете в поисках партнеров для садомазохистского секса. Он любил свою Библию, которую читал от корки до корки, но знания о выполнении работы божьей он получил онлайн.

Конечно, всегда находились люди, готовые опорочить религию или использовать ее в своих целях. Но дело в том, что постпривычное время дало им огромные возможности и силу, а также средства для поощрения других и распространения своих идей. Таким образом, в ближайшие годы число подобных происшествий будет увеличиваться. А это оставляет всех тех, кто верит в христианского Бога, проповеданного Иисусом Христом в Священной книге, Библии, кто верит «в любовь превыше всего», в подвешенном состоянии. Даже любовь к Богу стала, по выражению Зигмунта Баумана, «текучей любовью»[26]. Она может легко мутировать в крайнюю степень любви к крайнему насилию, что так хорошо демонстрирует ИГИЛ. Великая сила, накопленная и порожденная этими насильственными хаотическими событиями, ведет только к усилению невежества по отношению к религии и всему тому, что авраамические веры отстаивали веками. Таким образом,

БЫТЬ ИСТИННО РЕЛИГИОЗНЫМ, В ЛУЧШЕМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ЗНАЧИТ СТРЕМИТЬСЯ К НЕВОЗМОЖНОМУ. БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ ИЛИ МУСУЛЬМАНИНОМ — ВЫЙТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ ЛИНЕЙНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА, К КОТОРЫМ СЕГОДНЯ ВСЕ СВОДИТСЯ.

---

[25] Richard Fausset, 'For Robert Dear, Religion and Rage Before Planned Parenthood Attack.' *The New York Times.* December 1, 2015.

[26] Zygmunt Bauman, *Liquid Love*: *On the Frailty of Human Bonds* (Polity, Oxford, 2003).

ЭТО ВСЕ РАВНО ЧТО ПЫТАТЬСЯ ДЕЛИТЬ НА НОЛЬ НА СВОЕМ КАЛЬКУЛЯТОРЕ. ЭТО ПОСТОЯННО ПОЯВЛЯЮЩЕЕСЯ СООБЩЕНИЕ ОБ ОШИБКЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕЛИГИОЗНОЙ МЕТАФОРОЙ НАШЕГО ПОСТПРИВЫЧНОГО ВРЕМЕНИ.

Противоречия, сложность и хаос постпривычного времени порождают чувство беспомощности у людей с религиозными и духовными наклонностями. В мире, где очень мало смысла, значения улетучиваются. Но наше стремление к смыслу увеличивается, и мы часто находим его везде, где ищем. А верования часто передают как идентичность, так и смысл. Эта безумная погоня за самоидентификацией не только не дает истинного чувства принадлежности и смысла, но на самом деле усиливает отчужденность. Чем отчаяннее мы пытаемся найти смысл в наших убеждениях о сверх-Я, тем более отчужденными мы становимся. Во многих отношениях постпривычное время представляет собой эпоху потерянных «я», лихорадочно стремящихся к самотрансляции через *Facebook, Twitter, YouTube* и множество других цифровых каналов. Неудивительно, что в это время неопределенности, изменения климата, войн и глобальных перемещений апокалиптические верования получают широкое распространение. Основной посыл ИГИЛ заключается в том, что конец света близок. Почти половина населения Ирана ожидает прихода Махди в ближайшее время. Посмотрите, сколько христианских групп проповедуют о близком конце света. Даже попытка классификации их — сложная задача, поскольку они варьируются от миллениализма, премиллениализма, диспенсационализма, постмилленаризма до амилленаризма! И у всех у них есть собственные телеканалы, каналы на *YouTube*, страницы на *Facebook*, веб-сайты, ленты в *Twitter* и прочее. Все лихорадочно участвуют в тайном восхищении в своих изолированных сообществах, копят комментарии, ретвиты и лайки.

Тем не менее никогда раньше не было такой большой потребности в людях и сообществах с подлинными религиозными и духовными ценностями. Для преодоления многих противоречий постпривычного времени требуются старомодные религиозные добродетели, такие как смирение, терпение, любовь, сострадание и готовность идти на компромисс. Технология одновременно соединяет и разделяет человеческое сообщество, как никогда раньше. Данное напряжение не может быть разрешено без любви к «другому». Скоро большинство наших решений будет приниматься машинами. Как мы сможем сохранить нашу человеческую сущность в мире, где доминируют машины, генная инженерия и искусственный интеллект? В самом деле, что значит быть человеком в это бурное время, в

эпоху неопределенности и глубокого невежества? Религия не может отмалчиваться перед лицом таких комплексных этических вопросов, монументальных изменений и проблем.

Неоднократно указывалось, что постпривычное время нельзя контролировать и им нельзя управлять. В нем только можно пытаться ориентироваться. Так как же религия может преодолеть постпривычное время и привести нас к более разумному, ответственному, плюралистическому и подлинно просвещенному будущему? Конечно же, простых решений не бывает. Но есть пара заветных идей, которые монотеистическим религиям необходимо усвоить, чтобы должным образом подготовиться к грядущим временам.

Я бы предположил, что цель религии должна состоять не столько в том, чтобы увековечить веру в сверхчеловека, а в том, чтобы проявлять любовь, сострадание и служить другим. Несомненно, любовь к Богу, подчеркиваемая авраамическими религиями, лучше всего выражается в любви ко всем остальным, включая любовь к природе и планете — всему тому, что не является «нами». Кроме того, в качестве элементарной вежливости стоит предположить, что многие другие имеют определенные представления о Божественной Истине, и что наша вера не является единственной истинной верой. Справиться с разнообразием и множественностью постпривычного времени можно только признав, что вера других так же важна для них, как наша вера для нас. И каждый должен иметь право принимать то, что он считает истинным, и отвергать то, что таковым не кажется, в том числе в рамках определенной веры. Представление о единой, монолитной религиозной истине опасно устарело в постпривычное время и служит лишь источником раздора и насилия.

Разделение между государством и церковью как двумя самостоятельными концепциями и сферами существования столь же неуместно. В постпривычное время все связано со всем: ничто не существует в гордом одиночестве, отдельно от всего остального. Дело в том, что оба эти понятия [государство и церковь] по сути — одно и то же, и отличаются только названием. И государство, и религия стремятся упорядочить и объяснить мир. Обе концепции являются формой процесса принятия решений. И то и другое может превращаться и превращается в различные виды власти: националистические и религиозные страсти часто приводят к одним и тем же последствиям. Мы восхваляем, воздаем должное и сражаемся за «нашу нацию» точно так же, как восхваляем, воздаем должное и сражаемся за Бога. Как религия, так и государство обладают способностью завладеть нашими сердцами и разумом. Конечно, это не означает, что мы обязаны принять теократическую форму правления. Но это означает, что религия должна иметь полный доступ к публичному пространству и открыто участвовать в демократических процессах. Это

лучший способ уменьшить противоречия и справиться с комплексным многообразием наших сообществ. И религия, и государство должны признать собственную ограниченность и невежество, а также комплексность и истинную неопределенность нашего времени. Необходимо поощрять оба института обретать новые формы бытия.

Нам также необходимо преодолеть череду ложных дихотомий, от которых страдает наше общество. Например, напряжение между индивидуальным и коллективным, между «я» и сообществом, правыми и левыми, капитализмом и социализмом, Востоком и Западом. Подобные противоречия не имеют большого смысла в мире множественных личностей, требующих плюралистических решений и разнообразия точек зрения. Нелепое предположение о том, что нужно склоняться больше к индивидуализму, чем к коллективизму, разжигает войны, ненависть и несет смерть. Истина в том, что и индивидуум, и общество одинаково важны, и одно не может существовать без другого. Жизнеспособная экономика, которая обслуживает как рынок, так и общество, зависит от сбалансированной дозы как капитализма, так и социализма. Делать акцент на одной конкретной концепции, идеологии или мировоззрении за счет других — значит поощрять невежество, которое привело человечество к одной из самых продолжительных и разрушительных фаз его истории. Я бы сказал, что функция религии состоит в том, чтобы подчеркивать холизм, уменьшать неуместные и опасные дихотомии и приводить заблудшие «я» к здравомыслию.

И прежде всего, религия должна противостоять невежеству всех типов и рассматривать неопределенность не как угрозу, а как возможность сформировать более привлекательные варианты будущего. В постпривычное время, как мы видели, незначительные действия могут иметь большие последствия и привести к серьезным изменениям. Действия Папы Франциска I, пытающегося преобразовать католическую церковь, чтобы подготовить ее к предстоящим постпривычным турбулентным событиям, даруют определенную надежду. Есть также надежда и в многочисленных движениях за реформы в исламе, стремящихся переосмыслить исламское право, отношения между исламом и политикой, а также представить новое прочтение религии. Прекрасный оптимизм отличает инициативу, распространившуюся в Дании, и известную как «обними террориста», когда граждане, вместо того, чтобы подвергать остракизму молодых людей, бежавшей в Сирию, чтобы присоединиться к ИГИЛ, доброжелательно приветствуют их и помогают вновь адоптироваться в обществе[27]. Такие инициативы могут показаться малозначимыми и изолированными, но они являются «странными аттракторами»: они помогают примирить

[27] Hanna Rosin, 'How A Danish Town Helped Young Muslims Turn Away From ISIS.' NPR. July 15, 2016.

противоречия, притягивают другие положительные инициативы, вливающиеся в них, и, таким образом, могут стать катализаторами монументальных изменений. Кроме того: они показывают, что Бог не собирается отсиживаться на задворках.

В одном из последних эпизодов «Игры престолов» Тирион оказывается в тюремной камере в ожидании суда. Его обвиняют в убийстве бывшего короля Вестероса. Его судьба будет решена в ходе судебного разбирательства-поединка, в ходе которого обвиняемая сторона может сражаться против обвинителя или избранных защитников каждого из них. Победитель боя явно обладает благосклонностью богов, которые фактически решают, виновен или нет обвиняемый. Вместе с Тирионом в камере находится его брат Джейме, известный как Цареубийца, поскольку ранее он был помилован за совершенное им самим убийство бывшего Безумного короля Вестероса. Они сидят и обсуждают разнообразие существующих слов, обозначающих тех, кого убивают. Например, отцеубийство — это убийство отца, а детоубийство — это убийство детей. Джейме шутит, что нет слова для убийства двоюродного брата. Тирион спрашивает, а что это должно говорить о богах, и какой вывод мы можем сделать из этого о людях. Затем Тирион начинает обсуждать с Джейме их двоюродного брата, Орсона, жившего с ними. В детстве Орсона уронили вниз головой, и всю юность он целыми днями занимался тем, что давил жуков. «Я хочу давить жуков», — кричал он снова и снова. Действия Орсона сильно беспокоили Тириона, и он изо всех сил пытался найти удовлетворительный ответ на поведение своего кузена. Есть ли какая-то причина, мотив его действиям? Но Тирион так и не смог найти приемлемого ответа. И Джейме тоже не может дать достойного ответа. Затем Тирион делает предположение, что, вероятно, боги используются для оправдания человеческого поведения. Он задается вопросом, есть ли более высокое призвание для человечества, чем просто давить друг друга снова и снова.

Постпривычное время придало 140 вымышленным героям сериала не меньшую силу, чем выражению «Иисус заплакал»[28] или любой цитате из религиозного текста по вашему выбору. Мы возвращаемся к загадке Вариса, и нам остается только гадать: кто остается в живых, а кто умирает. И мы вынуждены задаться вопросом: в чьих руках религиозно настроенные люди хотят видеть власть в будущем?

[28] Ссылка на Евангелие по Иоанну 11:35 (Перевод РБО). — *Прим. пер.*

ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО ИСЛАМА В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ

Зияуддин Сардар

Прелюдия

Сегодняшний исламский дискурс по большей части можно обозначить как зону, свободную от размышлений о будущем. Практически все, что написано об исламе, относится либо к прошлому, либо к настоящему. Учитывая, что мир переживает период быстрых изменений, действительно ускоряющихся перемен, когда трансформируются ценности, взгляды, и даже давние, лелеемые веками убеждения меняются почти с той же скоростью, с какой появляются новые изобретения и инновации, наше внимание должно быть направлено в будущее. Каждый из нас делает определенные инвестиции в будущее: от того, что связано с изменениями в нашей личной жизни и окружающей среде под воздействием новых достижений науки и техники, экономического развития или отсутствия экономического прогресса, до смены власти в мире и того, какое общество и планету мы хотим оставить в наследство нашим детям и внукам. Будущее — тема, которая должна волновать каждого мусульманина. Тем не менее, разговоры о будущем в мусульманских кругах явно отсутствуют.

Почему такое происходит? То, что практически нет научных работ о будущем ислама и мусульманских сообществ, которые можно было бы обсуждать, отнюдь не помогает делу. Есть книги, в названии которых встречается слово «будущее»: Реза Аслан «*Нет бога, кроме Бога. Истоки,*

эволюция и будущее ислама»[1], Тарик Рамадан «*Мусульмане Запада и будущее ислама*»[2], Ганс Кюнг «*Ислам: прошлое, настоящее и будущее*»[3], а книга Джона Эспозито, озаглавлена более прямолинейно — «*Будущее ислама*»[4]. Но термин «будущее» выступает как придаток; в этих работах нет признания того, что «будущее» — развитая и сложная область исследований и изучения. Превосходная во всем остальном книга Аслана, последняя глава которой посвящена «исламской реформации», не содержит даже в «Указателе терминов» ссылку на будущее. Книга Рамадана в основном посвящена взаимодействию мусульман с Западом, анализу различных попыток проведения реформ. В монументальном и великолепном исследовании Кунга четверть книги посвящена «возможностям будущего». Но опять-таки: анализ в этих работах бесповоротно сосредоточен на современных проблемах, таких как права человека, равенство женщин, отношения между религией и государством и экономические реформы. Хотя последние разделы указанных работ, посвященные надежде, рисуют потенциальную картину будущего. Больше всего разочаровывает «*Будущее ислама*» Дж. Эспозито. Учитывая название книги, мы ожидаем, что она будет посвящена грядущим проблемам, которые могут возникнуть в следующие несколько десятилетий. Однако в работе мало что говорится о будущем. В ней подчеркивается разнообразие и множественность мусульман, вопросы джихада и государства, наведения мостов между Америкой и мусульманским миром, обсуждаются вопросы реформ, а также включается обсуждение проблем «гендерного джихада» и телеевангелистов. Будь у книге другое название, она была бы великолепной.

В поисках работы, чье содержание соответствует названию, следует обратиться к книге Уилфрида Скауэна Бланта «*Будущее ислама*»[5], первоначально представлявшей собой собрание эссе, написанных для *Fortnightly Review,* и опубликованных в виде книги в 1882 году. Будучи близким другом мусульманского возрожденца Джамалуддина Афгани, Блант был обеспокоен определенными тенденциями в мусульманских сообществах. Они указывали на развитие определенного будущего. При этом Блант не был «футурологом» в современном понимании, или «специалистом по форсайту», как этот термин сегодня воспринимается в правительственных

---

[1] Reza Aslan, *No God But God: The Origins, Evolution and Future of Islam*, William Heinemann, London, 2005 (Рус. перевод: Аслан Р. Нет бога, кроме Бога. Истоки, эволюция и будущее ислама. М.: КоЛибри, 2019).

[2] Tariq Ramadan, *Western Muslims and The Future of Islam*, Oxford University Press, Oxford, 2004.

[3] Hans Kung, *Islam: Past, Present and Future*, One World, Oxford, 2007.

[4] John Esposito, *The Future of Islam*, Oxford University Press, Oxford, 2010.

[5] Wilfred Scawen Blunt, *The Future of Islam*, London, 1882; reprinted by Sind Sagar Academy, Lahore, 1975. Все цитаты в работе даются по данному изданию.

и деловых кругах. Но у него было достаточно проницательности, чтобы понять, что исторические тренды можно остановить и изменить, и что альтернативное будущее для мусульманских сообществ может быть сформировано посредством определенной политики. Другими словами, не существует такого понятия, как «будущее», априорно данное и рассматриваемое как неотвратимая судьба. Есть множество перспектив будущего, и желаемое будущее можно формировать.

Тенденции, которые беспокоили Бланта, включали вторжение в Тунис французов, что, как он писал, ускорило появление «мусульманского движения» в Северной Африке; национальные и религиозные реформы в Египте; упадок Османской империи; появление «прогрессивной мысли в исламе» и «арабское богословие» Аль-Азхара. Куда могут привести все эти тренды? Ответ Бланта состоял в том, что их необходимо продвигать, чтобы «либерализирующий» ислам и «либеральное мусульманское правительство свободного мусульманского народа прочно утвердились на берегах Нила», что затем послужит «основой социальной и политической реформации для ислама в целом»[6]. Таким образом, ряд тенденций объединяется, чтобы произвести серьезную трансформацию в долгосрочной перспективе. Учитывая время, когда были написаны указанные эссе, собранные затем в книгу «*Будущем ислама*», Блант демонстрирует впечатляющее понимание того, как можно анализировать политические и интеллектуальные тренды. Однозначно, автор преследовал определенную политическую цель. Он яростно и неоднократно предсказывает конец Османской империи, зная, что «такие пророчества часто сбываются». Он предсказывает перенос «метрополии» ислама из Константинополя в Мекку и некий «триумф ее оружия», ведущий к восстаниям против колониальных держав. И, подобно хорошему футурологу, он стремиться превратить свой анализ и прогнозы в стратегии. Он утверждает, что Англия должна подготовиться к падению Османской империи и обеспечить политическое руководство для различных исламских народов. После османов мусульмане Индийского субконтинента будут самыми многочисленными и богатыми (он делает данный вывод на основе анализа статистики паломничества). И это новоприобретенную выгоду следует использовать для укрепления Британской империи. Q.E.D.[7]

Блант мыслил как минимум на 50 лет вперед. За это время многие из его предсказаний сбылись: Османская империя действительно распалась, Махди появился в Судане, мусульмане в различных регионах подняли

---

[6] Wilfred Scawen Blunt, *The Future of Islam*, London, 1882; reprinted by Sind Sagar Academy, Lahore, 1975, p. vii.

[7] Q.E.D. — аббревиатура от лат. *Quod Erat Demonstrandum*. Выражение переводится как «что и требовалось доказать» и используется в печатных публикациях, чтобы указать, что доказательство или аргумент является полным. — *Прим. пер.*

вооруженные восстания против колониальных держав, египетские улемы провели либеральные реформы, центр власти действительно перешел из Стамбула в Мекку после распада Халифата, а Британия (наряду с другими державами) вмешивалась в происходящие события и в результате стала сильнее. Прогнозы и стратегический курс Бланта стали неотъемлемой частью британской колониальной политики. Он предвидел наступление определенного будущего для мусульманского мира и помог создать механизм для его формирования.

Наше понимание того, как разворачивается будущее, сильно изменилось со времен Бланта. Однако Блант смог проиллюстрировать основные составляющие анализа, основанного на перспективах будущего. Речь идет о понимании изменений и скорости, с которой они происходят. В данном случае говорится не столько о текущих проблемах, сколько о долгосрочных угрозах, возможностях и перспективах. Суть заключается в понимании трендов и их экстраполяции, чтобы увидеть, какое будущее они могут сформировать. Речь идет не об одном каком-то будущем, а о спектре его альтернативных вариантов. Мы говорим о прогнозировании, но также и о формировании. Речь также прежде всего идет о разработке политики и совершении определенных действий в настоящем, которые способствуют достижению желаемого будущего[8]. Кроме того, Блант иллюстрирует еще один ключевой момент: если мусульмане не будут думать и формировать собственное будущее, другие с радостью сделают это за них. И тогда они с головой погрузятся в чужое будущее[9].

Причем именно это и произошло в течение последующих столетий. Колонизация мусульманского мира в XVIII и XIX веках означала, что будущее *уммы* определялось колониальными державами. На заре XX века Джамалуддин Афгани призывал к возобновлению *иджтихада*. Он призвал мусульман принять науку и технологии и «модернизировать ислам» через создание глобального панисламского союза. К середине XX века возникло множество новых независимых государств. Но вскоре мусульмане обнаружили, что их политическое и экономическое будущее все еще определяется бывшими колониальными хозяевами. В 1970-х и 1980-х годах было много разговоров об «исламском возрождении», но вскоре они сошли на

---

[8] См. Ziauddin Sardar, *Future: All that Matters*, Hodder, London, 2013, где дается общее представление о том, как мы подходим к изучению будущего.

[9] Более подробно о том, как будущее может быть колонизировано см. Ziauddin Sardar, 'Colonising the Future: The 'Other' Dimension of Future Studies', *Futures* 25 (3) 1993 and 'Other Futures: Non-Western Cultures in Futures Studies' in Richard A Slaughter (editor), *The Knowledge Base of Future Studies: Directions and Outlook* (volume three), ddm Media Group/Futures Study Centre, Hawthorn, Victoria, 1996; and Ziauddin Sardar, editor, *Rescuing All Our Futures: The Future of Future Studies*, Adamantine Press, London; Praeger Publishers, Westport, CT, 1998.

нет, когда реальность десятилетий «вестернизации» и «развития» показала, что мусульманское будущее формируется западным видением и планированием. И вот «арабская весна» возвестила новую надежду, но и она, кажется, снова сворачивает в тупик. Судьба подавляющего большинства мусульман, погрязших в нищете и неурядицах, кажется, выглядит безысходной. В быстро меняющемся мире структуры угнетения и подавления все больше укрепляются.

То отчаяние, которое сейчас испытывают мусульманские сообщества, хорошо иллюстрирует Ясмин Алибхай-Браун в ее наполненной болезненными переживаниями колонке в британской газете *The Independent*. Угнетение и тирания, пишет Алибхай-Браун, распространены и в немусульманских странах, но в мусульманском мире они «свидетельствуют о некоей закономерности, широко распространенной культурной болезни». Насилие носит эндемический характер и рассматривается как «легкий ответ на все проблемы мусульман»; во всем мире «самое ужасное насилие совершается мусульманами, чаще всего против единоверцев. Обещания демократии исчезают быстрее, чем летний загар; свободы искоренены, права растоптаны, слово “равенство” исключено из официального лексикона. Нищета, повсюду нищета». Это не конкретное, а общее ощущение. Как отмечает Алибхай-Браун, некоторые мусульмане сегодня верят, что «наступил период мрачного Средневековья, в котором правит ярость, и нет места интеллекту, человечности, любви, гражданской ответственности и сотрудничеству, ощущению, что мы все являемся частью нашей великой цивилизации прошлого»[10].

Мало что можно сделать с данной ситуацией в краткосрочной перспективе.

НЕТ БЫСТРЫХ И МГНОВЕННЫХ РЕШЕНИЙ. МНОГОВЕКОВЫЕ НЕДОСТАТКИ И ПРОБЛЕМЫ, НЕСПОСОБНОСТЬ ОСОЗНАТЬ СОВРЕМЕННУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, УКОРЕНИВШЕЕСЯ НЕУМЕНИЕ ПРИСПОСОБИТЬСЯ К БЫСТРО ПРОИСХОДЯЩИМ ПЕРЕМЕНАМ НЕ МОГУТ БЫТЬ ПРЕОДОЛЕНЫ ЗА СЧИТАННЫЕ ГОДЫ.

[10] Yasmin Alibhai-Brown, ‘In Muslim lands there was a dream of democracy. But now it has died’, *The Independent*, 10 August 2013.

Действительно, попытки быстро решить проблемы порождают собственные трудности: вы вынуждены реагировать на вызовы, следующие один за другим. Вы оказываетесь в ловушке цикла повторяющихся задач и попадаете из одного тупика в другой. Действительно, мне кажется, что мусульманские сообщества во многом являются реакционными, т. е. реагирующими на один кризис за другим, и в основном безуспешно.

Единственный выход из нынешнего тупика — начать смело мыслить категориями долгосрочных перспектив будущего. Нам необходимо наметить путь к желаемому будущему, разобраться в способах управления и прогнозирования изменений и систематически работать для достижения желаемых целей. Нам нужно двигаться вперед от устаревших и закостенелых моделей мусульманской мысли к свежему, более глубокому, футурологическому пониманию ислама и сознательной коллективной воле, желающей выйти из нынешнего тупика. Больше всего нам нужны интеллектуальная смелость и воображение. Воображение нам нужно для того, чтобы представить себе то, что невозможно было до этого представить, разработать идеи, которые до сих пор считались еретическими или существовали лишь на периферии сознания, и предвидеть альтернативные пути того, что в ближайшие десятилетия и века может определить, что значит быть мусульманином. Другими словами, нам нужно развивать яркое сознание, настроенное на будущее.

В поисках будущего

Что именно я подразумеваю в виду под «сознанием, настроенным на будущее»? Я имею в виду признание ускоряющихся изменений, осознание потенциальных возможностей и ловушек, маячащих на горизонте недалекого будущего, и стремление формировать желаемое будущее. Понимание изменений и управление ими — это событие, происходящее в настоящем, а это, естественно, требует знания современной действительности, о чем я вскоре буду говорить. Но, во-первых, как нам узнать о будущих возможностях и работать над формированием желаемого будущего?

Думать о будущем непросто. В отличие от прошлого с его историями, традициями, воспоминаниями и идентичностью, будущее не имеет «фактов», которые мы могли бы связать или на которые могли бы сослаться. Будущее неизвестно, и многие мусульманские течения относили его в значительной степени к сфере «Божьей воли». (Но, как говорит нам Коран в 13:11: «Воистину, Аллах не меняет положения людей, пока они не изменят самих себя». — *Пер. Э. Кулиева*). Трудность усугубляется тем фактом, что на самом деле будущего не существует: это всегда то время, которое еще должно наступить. Но будущего не будет существовать даже в будущем, ибо оно существует только тогда, когда оно становится настоящим, и в этот же самый момент оно перестает быть будущим.

Однако тот факт, что будущее не существует и не может существовать в действительности, не означает, что мы не можем изучать его, развивать идеи, образы и метафоры о нем, а также пытаться понять и сформировать его направленность. Идеи и образы будущего так же важны, как идеи и представления о прошлом, потому что на наши мысли и действия влияет не только наше понимание того, что произошло в истории, но и то, что еще может произойти в будущем. Будущее может быть иллюзорным и неопределенным, но это та сфера, над которой мы можем получить определенную власть. Мы не можем изменить прошлое. Мы можем изучать и интерпретировать историю, но мы не можем ее изменить. Мы также не можем изменить настоящее: для этого требуется мгновенное изменение, что невозможно. Но наша неспособность иметь определенные знания о будущем уравновешивается нашей способностью формировать его. Индивидуумы и сообщества в состоянии формировать свое собственное будущее[11].

Заявление, что человек может формировать свое собственное будущее, звучит немного претенциозно. Однако большинство людей, имеющих жизненные цели, на самом деле работают над формированием собственного будущего. Например, если вы хотите стать хирургом или юристом, вы должны сознательно работать над достижением своей цели. Вы начнете с представления о том, каково это быть хирургом или юристом в будущем. Затем вы получите соответствующее образование в профильном учебном заведении. Вы будете искать возможности, где бы они не появлялись, и вы будете искать тех людей, которые помогут вам достичь вашей цели.

Возьмем более конкретный пример. Рассмотрим мусульманина, который впервые собирается в хадж. Такой человек знает, как совершается хадж, даже если он никогда раньше не совершал его и сейчас не находится в Мекке. Для этого образа нет места ни в прошлом, ни в настоящем; но есть место для этого заветного образа совершения хаджа в будущем. Будущее — это единственное пространство, в котором человек способен воспринимать как «возможный» тот образ, который в настоящем выглядит как «ложный». И будущее, в которое сейчас помещается заветный образ, стремится воплотить этот образ в реальность. Чтобы превратить этот будущий образ в реальность, потенциальные хаджи начинают копить средства. А если человек беден, ему, возможно, придется копить в течение

---

[11] Для более подробного обсуждения см. классические исследования Bertrand de Jouvenel, *The Art of Conjecture*, Basic Books, New York, 1967 and Frederik Polak, *The Image of the Future*, Elsevier, Amsterdam, 1973; оригинальное датское издание 1968 года. См. также Wendell Bell, *Foundations of Futures Studies*, Transaction Publishers, New Brunswick, 1997, в двух томах. Более общее введение представлено в следующих работах: Allen Tough, *Crucial Questions About the Future*, University Press of America, New York, 1991 и Eleonora Barbieri Masini, *Why Futures Studies*, Grey Seal, London, 1993.

нескольких лет, прежде чем у него будет достаточно денег, чтобы отправиться в Мекку. Но планы нашего будущего хаджи связаны не только с финансовыми ресурсами: он также должны принять меры к тому, чтобы о семье и бизнесе заботились, пока он отсутствует, возможно, в течение месяца. Если потенциальным паломником является женщина, то, учитывая характер исламского права, ей, возможно, придется принять во внимание ряд других факторов, например, взять с собой *махрама*[12]. Могут возникнуть и другие непредвиденные обстоятельства. Учитывая, что в большинстве мусульманских стран паломники выбираются посредством лотереи, потенциальному хаджи, возможно, придется ждать несколько лет, прежде чем падет выбор на его имя. Несмотря на все неопределенности, паломник формирует желаемое будущее, стремится к нему, и, наконец, — даст Бог! — оно становится реальным настоящим.

Обратите внимание, сколько непредвиденных обстоятельств и неопределенностей есть даже в простом примере нашего предполагаемого паломника. Все еще есть возможность, что, несмотря на всю подготовку, наш потенциальный хаджи не доберется до Мекки. Несмотря на горячее желание, финансовых средств может и не хватить. Имя может не фигурировать в национальной лотерее хаджа. Человек может не дожить до осуществления своей мечты. Или, например, когда имя будет объявлено, семейные обстоятельства могут сложиться так, что хадж не может быть совершен в этом году. Потенциальный хаджи может заболеть в Мекке или даже умереть там. Таким образом, хотя мы рисуем себе определенное желаемое будущее, на самом деле существует несколько его возможных вариантов. Термин «будущее» в единственном числе фокусирует наше внимание только на одном будущем, закрывая нам возможность того, что будущее преднамеренно множественно. Данный факт также имеет серьезные политические последствия: если есть только одно будущее, то мы все, независимо от того, согласны мы с этим или нет, нравится нам это или нет, становимся частью одного и того же будущего. И как правило, этот вариант основан на желаниях сильных мира сего. Подумайте о тоталитарных государствах, и вы поймете, что я имею в виду. Говорить о едином, всеобъемлющем будущем — значит колонизировать будущее.

---

[12] ***Махрам*** (от слова харам) — для женщины махрамом является ее муж, а также мужчины за которых ей запрещено выходить замуж согласно шариату: по причине родственных связей (отец, брат, сын, ее дяди по отцовской и материнской линиям, ее брат и сыновья ее братьев и сестер и т. д.), по причине молочного родства (молочный брат или муж ее кормилицы), или по причине брачного родства (муж ее матери, отец, дед, прадед и т. д. ее мужа, а также сын, внук, правнук и т. д. ее мужа). Махрам должен сопровождать женщину во время путешествий и находиться с ней рядом, когда она общается с посторонними (особенно с мужчинами). — *Прим. пер.*

То, что верно для отдельных людей, также в значительной степени верно и для сообществ. Чтобы сформировать жизнеспособное будущее, обществу нужен образ, видение своего будущего. Затем оно должно наметить путь к реализации этого желаемого будущего: как оно планирует двигаться «отсюда» к «туда»? Эта дорожная карта должна включать множество вопросов «а что, если?»: переменные, которые могут начать развиваться неожиданно; препятствия, которые могут появиться почти из ниоткуда; различные доступные пути; а также различные альтернативы и варианты, которые порождают различные возможности выбора, которые необходимо будет сделать. То, что нам тогда представляется, — это не просто одно будущее, а целый ряд альтернативных вариантов будущего.

Вот почему акцент всегда делается на будущем, с особым ударением на его множественном числе. Мы не изучаем «конкретное будущее», а различные перспективы будущего. Академическое исследование вариантов будущего называется «исследованием перспектив будущего». Журнал, редактором которого я являюсь, называется *Futures*[13]. Множественность будущего открывает территорию для многочисленных перспектив и возможностей с точки зрения различных мировоззрений, культур и ценностей, когда мы можем представить и создать альтернативные и предпочтительные варианты будущего. Вместе с тем данная ситуация делает будущее весьма спорной территорией.

Временные горизонты будущего простираются от настоящего момента до бесконечности. Так что говорить расплывчато, не имея представления о периоде, с которым мы имеем дело, не имеет особого смысла. Необходимо сосредоточиться на более значимой временной шкале, периоде, который мы можем изучить и попытаться понять.

НАСТОЯЩЕЕ СОСТОИТ ИЗ «СЕЙЧАС»: ЭТОГО МОМЕНТА, ЭТОГО ЧАСА, ЭТОГО ДНЯ. НО ЭТО НАСТОЯЩЕЕ ТАКЖЕ ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ БУДЕТ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ПОДОБНО ДАННОМУ НАСТОЯЩЕМУ.

Если не произойдет что-то из ряда вон выходящее, завтра будет очень похоже на сегодня. Действительно, за исключением неожиданного события радикального характера, следующий год будет более или менее

[13] Ведутся серьезные споры о том, является ли изучение будущего дисциплиной или нет и как ее следует называть. Подробный анализ этой дискуссии см. Ziauddin Sardar, 'The Namesake: futures, futures studies, futurology, futuristic, foresight — What's in a name?' *Futures* 42 (3), pp. 177–184, April 2010.

таким же, как нынешний, и ничего особо не изменится. Это то, что я называю «ближайшим будущим», которое на самом деле является «расширенным настоящим». Его период действия — до пяти лет. Именно на такой период делаются экономические прогнозы, инициируется государственная политика и строятся планы развития. Многие технологические инновации появятся «в ближайшем будущем», но в целом они будут продолжением существующих технологий. В этот период в государствах с демократическим устройством будут проходить выборы. Но обычно новое правительство продолжает политику предыдущего в течение первых двух лет своего срока. Это будущее — или *расширенное настоящее* — достаточно стабильно и характеризуется различными трендами, которые можно определить. Наиболее содержательные предсказания и прогнозы (а это две разные вещи) делаются именно на этот период.

Однако, если мы заинтересованы в преобразовании общества, мы должны смотреть за пределы пятилетнего периода расширенного настоящего, туда, где мы мало что можем изменить. Десятилетний период дает нам больше возможностей. А вот через двадцать лет мы можем изменить почти все. Выбор и решения, которые мы принимаем сегодня, возможно, не изменят наше общество в ближайшие пять лет, но они могут радикально изменить мир в ближайшие двадцать лет, период, чреватый социальными, культурными, технологическими и политическими преобразованиями.

Двадцатилетний горизонт — это также период, в течение которого вырастает и взрослеет целое поколение. Мусульманский историк Ибн Халдун (1332–1406) изучал, как одно поколение сменяет другое. В своей блестящей работе он предсказал, что культуры и цивилизации возникают и исчезают в течение четырех поколений[14]. Первое поколение создает и изобретает, а второе производит, наблюдая за первым. Третье поколение подражает и не добавляет ничего ценного. Четвертое поколение живет за счет богатства, которое оно считает своим законным наследием предыдущих поколений. Богатство испаряется, творчество и инновации исчезают, а культура переживает стагнацию. Для возрождения культуры, цикл должен повториться, и новое поколение должно творить и вводить новшества. Можно утверждать, что в мусульманской истории так и не появились новые поколения, творившие и внедрявшие новшества так, как это делали поколения периода становления ислама.

В современную эпоху изменения в поведении поколений изучаются с помощью так называемого анализа возрастной когорты[15]. Возрастная когорта — это поколение, выросшее в одном и том же месте в одно и то

---

[14] Ibn Khaldun, *The Muqaddimah: An Introduction to History*, Routledge and Kegan Paul, London, 1967 (original, circa 1380).

[15] Основное исследование по возрастному когортному анализу см. William Strauss and Neil Howe, *Generations: The History of America's Future*, William Morrow, New York, 1991.

же время. Люди, принадлежащие к данному поколению, как правило, разделяют одни и те же идеи и убеждения о мире. Но представления и убеждения разных возрастных групп сильно отличаются друг от друга. Например, мировоззрение поколения, выросшего в 1990-х годах в определенном городе, скажем в Куала-Лумпуре, будет сильно отличаться от мировоззрения поколения, выросшего в том же городе в 2010-е годы. Когда одна возрастная когорта отходит от власти или отстраняется от нее, а ее политическая и экономическая власть переходит к новой возрастной группе с иным мировоззрением, то мир и будущее меняются. Новая возрастная когорта реализует иную политику, и распространение получают иные идеи и убеждения. Таким образом, изучая поведение, идеи и мысли новой возрастной когорты, мы можем получить хорошее представление о том, как будет выглядеть будущее, когда данная возрастная группа станет доминирующей в обществе. Более того, воздействуя на подрастающее поколение, внедряя определенные идеи, способы мышления и действия, мы можем оказывать прямое влияние на будущее, и подготовиться к нему. Но если мы хотим двигаться к желаемому будущему, мы должны проявлять инициативу.

Как мы можем активно формировать перспективы будущего одного или двух грядущих поколений мусульманских сообществ сегодня, на период ближайших 20–40 лет?

Нам необходимы два важных инструмента. Нам нужно иметь понимание, картину того, какое будущее нас ждет, если все будет продолжаться так, как есть. И нам нужен образ, видение альтернативных возможностей, такого будущего, которое мы желаем и предпочитаем видеть. Оба варианта требуют применения творческого подхода и воображения, при этом для каждого типа существуют разные методы.

Чтобы получить некоторое представление о том, как формируется будущее, мы можем, например, экстраполировать тренды недавнего прошлого в настоящее и изучить, как они будут развиваться в будущем. Для более сложного анализа можно принять во внимание, как различные тренды соотносятся друг с другом, вероятности их взаимозависимости и возникновения, т. е. заняться тем, что называется морфологическим анализом. Или можно поинтересоваться мнением экспертов, которые профессионально изучают тренды: этот метод получил название «Дельфи», когда эксперты систематически опрашиваются до тех пор, пока среди них не появляется консенсус. Можно также создавать компьютерные модели мира, экономики или города и использовать их для изучения того, что происходит в предполагаемом будущем при изменении конкретных переменных. Мы можем использовать эти и многие другие методы, чтобы составлять прогнозы и делать достаточно уверенные заявления о будущем положении дел. Можно также заняться прогнозированием, то есть сделать более осторожное заявление о возможном результирующем будущем. На

случай, если определенная тенденция сохранится и будут выполнены ряд условий, то мы можем ожидать определенного результата с определенным уровнем уверенности. Картины и образы, созданные такими предсказаниями и прогнозами, могут быть превращены в сценарии, представляющие собой описания будущих ситуаций, дополненные последовательностью событий, которые ведут нас в описываемое будущее.

Предсказания и прогнозы информируют о потенциальных угрозах и опасностях, ожидающих нас впереди. Они служат ранними предупреждающими сигналами, чтобы мы могли изменить курс, разработать планы на случай непредвиденных обстоятельств, подготовиться к противостоянию назревающим проблемам. Но у таких догадок есть и ограничения. Поскольку они опираются на историческую динамику и современные тенденции, то в них нет трансформационного потенциала. Они говорят нам, как может выглядеть будущее, а не то, каким мы хотели бы его видеть. Чтобы изобретать и формировать наше предпочтительное будущее, нам нужно обратить взоры в другом направлении.

Процесс формирования желаемого будущего очень похож на путешествие. Вам нужно иметь некоторое представление о пункте назначения: куда вы на самом деле хотите добраться. Вам необходимо определиться с видом транспорта, что на самом деле сможет доставить вас туда. И вам нужно иметь некоторое чувство направления, своеобразный внутренний навигационный инструмент, который поможет вам ориентироваться в правильном направлении, чтобы вы не оказались на железнодорожной станции, когда вам на самом деле нужно быть в аэропорту. Поэтому в стремлении к желаемому будущему пунктом назначения является видение; итерационный процесс планирования, называемый ретроспективным анализом (в отличие от прогнозирования), представляет собой вид транспорта; а чувство направления исходит из консенсуса, который строится вокруг видения жизнеспособного будущего и коллективных усилий, прилагаемых для достижения этого видения.

ВИДЕНИЕ — ЭТО ОФОРМЛЕННЫЙ ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО. НО, В ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО, ВИДЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ТОЧНО ВЫСТРОЕННУЮ КАРТИНУ, С ЧЕТКО ПРОРАБОТАННЫМИ КОНТУРАМИ И ДЕТАЛЯМИ, А ТАКЖЕ С БУДУЩЕЙ ИСТОРИЕЙ, ЖЕЛАЕМОЙ ОПРЕДЕЛЕННЫМ СООБЩЕСТВОМ, И ИЗЛОЖЕННОЙ СОВЕРШЕННО КОНКРЕТНО.

Видение должно иметь две ключевые характеристики: быть реальным, то есть достижимым, и убедительным, чтобы мотивировать людей к действию. Наши образы будущего, как индивидуальные, так и коллективные, играют важную роль в его определении. Таким образом, видение обладает преобразующей силой: оно стимулирует мышление и направляет поведение отдельных людей и групп к желаемому будущему. Видение подобно магниту, притягивающему настоящее к воображаемому будущему. Подобно компасу, оно может указать будущее направление, в котором мы хотим двигаться. Культуры и общества вырываются из своего кокона благодаря хорошо сформулированным видениям, выводящим их за рамки ограничений, трансформируя их существование, подобно бабочке, на более высоком уровне. Вспомните, как современная Европа была сформирована видением эпохи Просвещения. Или как «арабская весна» родилась из идеи светской демократии (даже несмотря на то, что исламисты, за редким исключением, имеют слабое представление о том, как на самом деле функционирует демократия, и приравнивают секуляризм к атеизму).

Однако у видения есть и обратная сторона. Видения могут стать утопиями, то есть стать воображаемым местом, где все идеально. Причем настолько идеально, что превращается в «место, которого нет» (буквальный перевод слова «утопия» с латинского) или в место, где не может существовать несовершенный человек! Утопии часто становятся антиутопиями: тоталитарными кошмарами. И утопии, и антиутопии обладают огромной силой визионерства и мотивации. Обратите внимание на то, что послереволюционный Иран создавался как теократическая утопия, под которой подписалось большинство мусульман во всем мире, пока не стало очевидно, что это был тиранический кошмар. Взгляните на исламскую утопию, созданную салафитами и их различными ответвлениями — «Талибаном» в Пакистане и Афганистане, «Аш-Шабабом» в Сомали и различными филиалами «Аль-Каиды». Она побудила целое поколение молодых мусульман стать джихадистами.

По иронии судьбы, можно сказать, что салафиты — единственные мусульмане, знающие будущее, хотя и бессознательно. При этом их утопия находится не в будущем, а в Аравии VII века, в эпоху жизни Пророка и его преемников, но она выстроена как романтический идеал и совершенное общество. Это вполне полноценная утопия, укомплектованная законами, кодексами морали и гендерных отношений, системой управления, ведения войных действий, политикой по отношению к чужакам и даже международными отношениями. Салафиты работают над осуществлением своей утопии без колебаний, сопровождая эту работу жестоким и бесчеловечным насилием и безошибочной верой в себя. Такие традиционные утопии, как указывал известный индийский интеллектуал и философ Ашис Нанди, по своей природе тираничны и тоталитарны.

Но утопия не обязательно должна вырождаться в антиутопию и закрытую авторитарную систему. Чтобы избежать этой реальной возможности,

ДЛЯ УТОПИИ ДОЛЖНО СУЩЕСТВОВАТЬ УСЛОВИЕ «РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА»: ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ ОТКРЫТОЙ, ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЙ И ПОЗВОЛЯТЬ ТЕМ, КТО НЕ РАЗДЕЛЯЕТ УТОПИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ, ВЫРАЗИТЬ СВОЕ НЕСОГЛАСИЕ И УЙТИ. ОНА ДОЛЖНА «ПРОЯВИТЬ НЕКОТОРУЮ СПОСОБНОСТЬ ОСВОБОДИТЬ УТОПИСТА ОТ ЕГО СОБСТВЕННОЙ СМИРИТЕЛЬНОЙ РУБАШКИ».

Она должна быть открыта для критики — со стороны других видений и утопий. Она не может претендовать на «монополию на сострадание и социальный реализм»; или на истину, закон и мораль; или претендовать на обладание «универсальным ключом к социальной этике и опыту»[16]. Если утопия обладает этими характеристиками, она может служить полезным инструментом для улучшения нашего понимания пространства будущего. Практически все представления об устойчивости или демократии носят утопический характер.

Мусульмане исторически строили такие открытые и самокритичные утопии. Хорошим примером является «Совершенный город» аль-Фараби[17], где хороший и добродетельный город сравнивается с функционирующим, здоровым человеческим телом. И работа Ибн Туфайля «*Повесть о Хайе, сыне Якзана*»[18], и история «*Авадж ибн Анфак*»[19], написанная в XIII веке врачом и астрономом Закарией аль-Казвини, предлагают универсальное видение человеческого совершенствования, основанного на исламских идеалах.

---

[16] Ashis Nandy, *Traditions, Tyranny and Utopias*, OUP, Delhi, 1987, pp. 6–13.

[17] Al-Farabi, *On the Perfect State*, translated by Richard Walzar, Great Books of the Islamic World, Cambridge, 1997 [Рус. перевод: Трактат о взглядах жителей добродетельного города // *аль-Фараби*. Философские трактаты. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 193–377].

[18] См. Ibn Tufayl, "The Story of Hayy ibn Yaqzān" (1169–79) in *Two Andalusian Philosophers*, translated by Jim Colville (Kegan Paul International, London, 1999); можно загрузить [английский] перевод Симона Оклея 1708 года с сайта: www.muslimphilosophy.com/books/hayy.pdf [Рус. перевод: «*Повесть о Хайе, сыне Якзана*» // Ибн-Туфейль. «Повесть о Хайе, сыне Якзана». / Перевод и вступительная статья А. В. Сагадеева. М.: Книга, 1988].

[19] К сожалению, работа «*Авадж ибн Анфак*» существует только в манускриптах.

Действительно, «*Повесть о Хайе сыне Якзана*» является одновременно и защитой рациональности, и утопическим видением лучшего общества. В работе «*Авадж ибн Анфак*», опубликованной около 1250 года, пришелец с далекой планеты прибывает на Землю, где его заинтриговывает человеческое поведение. Цель этого повествования, считающегося первым в истории настоящим научно-фантастическим романом, состоит в том, чтобы исследовать всеобщие стремления к построению справедливого общества. В совсем недавно вышедшем романе «*Путешествие Ибн Фаттума*» Нагиба Махфуза[20] описывается, как главный герой, ищущий свою пропавшую жену и сына, проводит время в двух разных религиозных утопиях, в одной из которых превыше всего ценится свобода, а в другой царит справедливость.

Таким образом, утопии не обязательно должны превращаться в антиутопии. Они могут функционировать как видения, а также дополнять их, создавая общий образ возможного будущего, к которому может стремиться общество. Однако разработка коллективного видения, в котором участвуют все заинтересованные стороны общества, — непростая задача.

Когда у нас появляется видение, нам необходимо определиться с возможной датой, к которой видение должно быть реализовано. Нужно время для достижения нашей цели. Мы должны быть в состоянии добраться до определенного нами пункта назначения за период жизни одного-двух поколений, скажем, за сорок лет. В отличие от прогнозирования, которое предполагает взгляд из настоящего в будущее, работа с видением, нацеленным на будущее, предполагает взгляд из этого будущего в настоящее. Поэтому вместо прогнозирования мы проводим ретроспективное проектирование (ретрополяцию). Мы начинаем из будущего, в котором находится наше видение, и идем в обратном направлении, задавая соответствующие вопросы. Если, например, речь идет о будущем города в 2050 году, мы спрашиваем о следующем: что должно произойти в городе в 2049 году, чтобы в 2050 году наша мечта осуществилась? Что должно произойти в 2048 году, чтобы вызвать соответствующие желаемые результаты в 2049 году? И так далее. Но мы не должны двигаться по отдельным годам. Необходимо провести ретроспективный анализ за два, три или пять лет. Целью упражнения является определение вех, которых необходимо достичь на каждом отрезке, и определение шагов, которые нужно предпринять для достижения каждой вехи. Таким образом, можно выстроить временную шкалу, связывающую настоящее с видением будущего, при этом необходимо разработать политики, программы и действия, помогающие в достижении указанных основных этапов. Конечным продуктом является подробный план, который можно использовать для

[20] Naguib Mahfouz, *The Journey of Ibn Fattouma*, Anchor Books, New York, 1993 [Рус. перевод: Махфуз Н. Путешествие Ибн Фаттумы. М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2009].

продвижения вперед, шаг за шагом, от этапа к этапу, к желаемому видению. Качество ретрополяции, а также окончательный план, зависит от того, насколько тщательно определены условия достижения на каждом конкретном этапе; от механизмов, которые мы создали для работы с непредвиденными обстоятельствами или «джокерами», неожиданными событиями, которые могут сбить нас с курса; а также от того, насколько активным был весь процесс.

Позвольте мне проиллюстрировать это на простом примере. Рассмотрим, например, видение города, с которым многие из нас хорошо знакомы. Представим себе Карачи через 40 лет, каких-то два поколения, от сегодняшнего дня. Каким я вижу Карачи в 2040 году? Я представляю себе Карачи свободным от этнических и межобщинных раздоров, загрязнения окружающей среды и пробок на дорогах; большинство жителей там имеет оплачиваемую работу, адекватное жилье, чистую воду и электричество, а также хорошую инфраструктуру общественного транспорта. В моем Карачи 2040 года бизнес процветает благодаря порту, ставшему центром судоходства в Южной Азии; там существуют закон и порядок, а также ответственное и подотчетное местное правительство. А теперь стоит отметить, что, хотя данное видением Карачи может быть реалистичным в будущем, оно далеко от сегодняшнего положения дел в этом городе.

Чтобы превратить данное видение в осуществимый план, мы приступим к нашей ретроспективе и будем работать в обратном порядке, начиная с 2040 года. Какие условия должны быть созданы в 2038 году, чтобы мое видение Карачи воплотилось в жизнь к 2040 году? Ну, для того, чтобы большинство жителей имели оплачиваемую работу, должна активно проводиться определенная политика трудоустройства, существовать базовая инфраструктура в городе, включая систему общественного транспорта, находящуюся в рабочем состоянии, должно быть построено достаточное количество единиц недорогого жилья, предназначенного для городской бедноты, и т. д. А теперь, чтобы все это имело место в 2038 году, что должно произойти к 2036 году? И к 2034, 2032, 2030... и так до настоящего времени.

Мы также должны изучить отрицательные варианты возможностей. Что может помешать успешной реализации определенных целей? Что может пойти не так? По завершении выполнения задания у нас на руках будет два продукта: в*и*дение Карачи в 2040 году и подробный план, разработанный в обратном порядке от 2040 года, намечающий ежегодные цели и задачи, обеспечивающий пошаговый процесс выполнения действий по реализации моего видения. Такой вид планирования является мощным инструментом. Он помогает перевести то, что кажется недостижимой и далекой целью, в сферу реальной, возможной альтернативы. Чем детальнее и реалистичнее в*и*дение, чем тщательнее предыстория, тем

податливее будущее! Конечно, мое личное видение и ретроспективные упражнения неадекватны и сами по себе не способны сформировать жизнеспособное будущее Карачи. Чтобы обрести смысл, выстраивание предполагаемых картин будущего и ретрополяция должны быть коллективными, социальными усилиями, поскольку формирование будущего — это работа широких масс[21].

В то время как видение сообщает обществу будущую цель, ретрополяция предоставляет ему пути, способы и средства, чтобы добраться «туда» из «здесь и сейчас». Она всегда заканчивается первыми шагами, которые нужно сделать в настоящем. Более того, ретроспективный анализ — это не разовый процесс. Он должен быть непрерывным, повторяющимся и мотивировать все заинтересованные стороны к активной работе. Он предлагает участие как в формулировании, так и в разработке путей достижения желаемого будущего. И, превращая то, что кажется «невозможным», в доступное для систематических действий, ретрополяция делает возможной веру в подлинное преобразование общества. Изучение и формирование альтернативного будущего по самой своей природе является оптимистичным начинанием.

Существует множество других методов, как простых, так и сложных, для изучения перспектив будущего[22]. Я сосредоточился на нескольких наиболее примечательных из них, которые применяю в своей работе. Но какой бы метод ни использовался, главная цель создания образов будущего — улучшить наши процессы принятия решений в настоящем. Большинство наших современных проблем не возникли внезапно, а существовали в течение десятилетий, если не столетий, медленно тлея до тех пор, пока пламя не вырвалось наружу. Многие из них можно было решить раньше, когда они были более-менее управляемыми. Прошлое входит в будущее не только в виде трендов, но и исторических импульсов, который часто трудно, а иногда просто нельзя игнорировать.

Определяя место прошлого

Наши варианты будущего также являются продуктом решений, принятых нашими предшественниками в прошлом. История не только рассказывает нам кое-что о нашем прошлом, она также влияет на наше настоящее и формирует наше будущее. У всех обществ есть живая история, часто описываемая как традиции, формирующие их идентичность. Будущее без

---

[21] Данный пример взят из моей статьи «What do we mean by Islamic Futures?», которая была напечатана в сборнике *The Blackwell Companion to Contemporary Islamic Though,* под редакцией Ibrahim M. Abu-Rabi, Blackwell, Oxford, 2006, pp. 562–586.

[22] Новые методы изучения будущего постоянно разрабатываются. Комплексный обзор см. Jerome Glenn and Theodore Gordon, *Futures Research Methodology*, The Millennium Project, Washington DC, 2009, version 3.0.

идентичности — вообще не будущее. Однако не вся наша прошлая история имеет отношение к нашим перспективам будущего; если бы это было так, мы бы жили в истории. Есть аспекты прошлого, которые становятся невыносимым бременем и фактически исключают будущее. Нас интересуют не исторические факты, которые сами по себе не имеют смысла. Они приобретают смысл лишь в рамках идей. И именно идеи в истории и об истории играют положительную или отрицательную роль в формировании перспектив будущего.

Чтобы понять, как история может помешать появлению жизнеспособного будущего, рассмотрим идею о том, что идеальная модель общества существовала во времена Пророка Мухаммеда и праведных халифов. Это идея максимально приближена к исламскому представлению о совершенном обществе. Суть данной парадигмы для большинства богобоязненных мусульман заключается в том, что отклонение от совершенства, отказ от идеальной модели может означать только одно — упадок. Более того, если мы следуем по стопам «*салафов*», первого поколения мусульман, то получается, что мы следуем за людьми, которые планомерно удаляются от воображаемого совершенства, то есть приходим к упадку. Я хочу сказать о том, что воссоздавать общество первых трех поколений мусульман в качестве утопии — значит поместить мусульманскую цивилизацию в рамки теории упадка. Или, если мы думаем, что единственными действительными толкованиями Корана являются те, которые были созданы в истории классическими учеными, а они вполне единообразны и единодушны в своем толковании, то никакие радикально новые толкования не могут появиться. Все подобного рода идеи на самом деле являются замаскированными теориями упадка. Никакой прогресс невозможен, если все уже достигнуто в истории.

Задумайтесь также об идее того, что «ислам — совершенный образ жизни». Опять-таки, данное утверждение представляет собой парадигму веры для большинства мусульман, независимо от их конфессиональной направленности. Данное заявлении утверждает, что все вопросы этики, морали, закона, управления, да и вообще всей человеческой жизни, уже были урегулированы на протяжении истории. Если бы так оно и было, то этическое и моральное развитие, развитие права и других важнейших областей человеческой мысли полностью остановились бы. Даже поверхностное рассмотрение показывает, что данное утверждение является ложным: ислам не нужен, чтобы, например, стать хирургом, или инженером-программистом, или бухгалтером; вам нужно пойти в соответствующее учебное заведение. Ислам ничего не говорит о правилах дорожного движения, бюрократических процедурах, генной инженерии, комплексности и многих других аспектах современной жизни. Но если вы думаете, что все ответы уже даны в «совершенном образе жизни», то вас не будут слишком беспокоить насущные проблемы, скрывающиеся за горизонтом, не говоря

уже о поиске нестандартных, инновационных решений. Более того, если на все вопросы уже даны ответы, а проблемы решены, то какой смысл в человеческой жизни. Мы могли бы просто существовать, как скот на ферме.

Аналогичный аргумент можно привести и в отношении шариата. Если шариат божественен, то о чем спорить? Правовые предписания, разработанные для решения проблем ушедшей эпохи на основе социальных и культурных обстоятельств и понимании средневекового общества стали законом и моралью мусульманских обществ на все времена — в прошлом, настоящем и будущем. А это означает, что мораль не может развиваться, наши представления о равенстве не могут быть расширены, наши идеи о множественности не могут измениться, а наши усилия по созданию справедливого и равноправного общества в быстро меняющемся мире застыли в истории.

ИСТОРИЯ МУСУЛЬМАН ПЕРЕПОЛНЕНА ИДЕЯМИ, КОТОРЫЕ НЕ ОТКРЫВАЮТ, А СКОРЕЕ ЗАКРЫВАЮТ БУДУЩЕЕ ДЛЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ВАРИАНТОВ.

И такие идеи разделяют не только ваххабиты, салафиты, исламисты, исламские движения вроде «Братьев-мусульман» и «Джамаат-и-ислами» (Исламское братство), но и большинство верующих, принадлежащих к господствующим мусульманским течениям. Они (мы) ответственны за то, что мусульманские сообщества веками дрейфовали от одного нежелательного будущего к другому. Такое движение представляет собой наиболее серьезную угрозу для построения жизнеспособных и наиболее плодотворных вариантов будущего для нас самих. Эти идеи выступают в роли фиксированных границ, как рельсы у поезда, и гарантируют, что будущее будет двигаться в одном заданном направлении с одним априорным пунктом назначения. Мало кто пытается изменить курс: путь зафиксирован, а движение направлено не так далеко. Это фатализм в действии. Поэтому нет ничего удивительного, что поезд мусульманского будущего часто движется в обратном направлении. Вот почему мусульмане живут в истории, а не творят ее.

Коран дает нам достаточно много предупреждений о подобного рода безрассудстве. В одном замечательном стихе говорится: «*Когда им говорят: "Бойтесь того, что перед вами, и того, что после вас, чтобы вы были помилованы", — они не отвечают*» (36:45)[23]. В этом аяте предполагается, что

[23] Текст аятов Корана дается в переводе Э. Кулиева. https://quran-online.ru/36. — *Прим. пер.*

нам нужно некоторое осознание того, что находится «перед нами», то есть в ближайшем будущем, и «позади» нас, то есть импульс истории, чтобы достичь милости Всевышнего, заключающейся в процветании в этом мире и в награде в жизни грядущей. Связь прошлого с будущим осуществляется двумя способами и при участии слова «бойтесь»: когда угнетающие аспекты истории проецируются на будущее, оно задыхается, и милость Божия отрицается; но когда проецируются жизнеутверждающие идеи, будущее вспыхивает яркими красками и открывается для всех традиционных, а также диссидентских вариантов, и даруется милость Божья. Этому аяту в суре «*Йа Син*» предшествует отрывок, в котором говорится о законах природы («*Солнце плывет к своему местопребыванию. Так предопределил Могущественный, Знающий*» 36:38), предполагая, что это также естественный закон, согласно которому определенные аспекты истории будут формировать только определенные типы будущего. Более того, отрывок, следующий за 36:45, также проливает свет на связь прошлого и будущего: «*Они говорят: "Когда сбудется это обещание, если вы говорите правду?" Им нечего ожидать, кроме одного только гласа, который поразит их тогда, когда они будут препираться*» (36:48-49). Обещание, о котором идет речь, — это обещание яркого, динамичного будущего, в котором «*горницы, расположенные одна над другой, под которыми текут реки*» (39:20). Но этого обещания не исполнить, если ничего не делать, а просто «ожидать» «трубного зова» Судного дня или спорить о пустяках и спекулятивных вопросах веры. Цель достигается за счет активного формирования будущего.

Мусульманская история также изобилует концепциями, обладающими освободительным потенциалом, которые открывают множество альтернатив для будущего. Возможно, самой активизирующей идеей, предполагающей постоянное взаимодействие с настоящим, а также с будущим, является *иджтихад*, обычно переводимый как «независимое суждение/размышление». Совершенно ясно, что размышление — это не то, что можно сделать раз и остановиться на этом. Именно оно часто приводит к инновациям. Тем не менее по той или иной причине «врата иджтихада» были закрыты, как будто вопросы веры, этики, морали, права и управления не нуждаются в рассуждениях. Используется иджтихад, о чем иногда хвастливо заявляют так называемые «ученые», для решения в основном невероятных вопросов с очевидными ответами, например, где находится *кибла* в космосе, могут ли мусульмане лечить бесплодие, могут ли женщины стать членами *Меджлис аш-Шура*! Тем не менее иджтихад, представляющий собой основную идею приспособления к изменениям в мусульманской истории, касается великих понятий и оспаривания общепринятой мудрости. Он связан с переформулированием шариата, разграничением центров толкования и религиозного авторитета,

открывает ислам для плюралистических и будущих возможностей. В стихотворении под названием «Иджтихад», которое появилось в антологии «*Зарб-и-Калим*»[24], Мухаммад Икбал, один из самых глубоких мыслителей XX века, делает несколько верных выводов:

Где в Индии можно найти мудрость веры?
Где сильные люди, где достойные мысли?
Где те, кто смеет сомневаться?
Увы! Это рабство, верность полученной мудрости,
Отсутствие вопрошающего ума.
Вместо того, чтобы принять изменения, они неверно читают Коран.
О! смерть воображения у толкователей веры.
Эти рабы верят, что Коран несовершенен,
Ибо он не обучает Верующего правилам нахождения в рабстве.

Суть иджтихада заключается в том, чтобы задавать вопросы, принимать перемены и превращать достоверность истории в сомнения. Он освобождает нас от рабства истории и от положения жертв ее «правил нахождения в рабстве». Речь идет о смелом и творческом размышлении о возможных, вероятных и желательных вариантах будущего. Речь также идет о критическом мышлении, в теоретическом смысле деконструкции структур власти и знания во всех возможных формах.

Возьмем в качестве другого примера концепцию *халифа*, доверенного управителя, сыгравшей столь важную роль в истории мусульман. По самой своей сути это концепция, ориентированная на будущее. Как доверенные лица Бога мы обязаны управлять вверенным нам: Землей, окружающей средой, почвой, ресурсами, а также культурной и исторической собственностью, и делать это этически и социально ответственным образом. Все вверенное нам должно быть передано будущим поколениям, по крайней мере, в таком же, если не намного лучшем, состоянии, чем оно есть в настоящее время. Определенные исламские социальные институты были разработаны специально для решения данной задачи. Например, на протяжении всей истории мусульмане стремились создавать *вакфы* (благочестивые фонды) как для социальных, так и для индивидуальных целей. *Вакфы* по своей сути ориентированы на будущее. Как? Они финансируют образовательные учреждения, которые могут воспитывать грядущие поколения; они финансируют исследования и разработки, которые могут облегчить страдания и улучшить жизнь будущих поколений; они занимаются кормлением и снабжением водой нуждающихся и путешествен-

[24] Sir Muhammad Iqbal, Zarb-e-Kaleem, Lahore, 1936; текст можно загрузить в PDF формате на сайте http://urdupunch.blogspot.co.uk/2012/08/Zarb-e- Kaleem-By-Allama-Iqbal.html.

ников, сегодня и завтра. Та же логика, ориентированная на будущее, очевидна в создании *харамов*, неприкосновенных зон, застройка которых запрещена исламским законом, и в создании *хима*, заповедников для сохранения дикой природы и лесов. Мусульмане возводили города, такие как Фес и Алеппо, учитывая их пропускную способность и наличие неприкосновенных зон вокруг них, где строительство было запрещено. Застройка также не допускалась вокруг водотоков, колодцев, посевов и поселений. Другие земли находились под защитой ради общественного блага: выпас скота, рубка деревьев и охота были запрещены в лесных массивах и лесах вокруг городов. Оба института, *харам* и *хима,* носят по своей сути футурологический характер: их главной целью было сохранение природных ресурсов на все времена. Дополнительным источником шариата, которым часто пренебрегают, является *истислах* (общественный интерес), который направлен на сохранение хорошего и полезного в обществе для будущих поколений.

Мы также можем видеть сознательное отношение к будущему в жизни пророка Мухаммада. Например, он запретил рубку деревьев и охоту на диких животных в лесах вокруг городов, потому что они обеспечивают пропитание людям и животным и защищают города зеленым поясом. Он постоянно предвосхищал будущие возможности, прежде чем начать действовать. Хиджра, переселение из Мекки в Медину, была совершена в ожидании более жизнеспособного будущего для тогдашней небольшой мусульманской общины. Она была тщательно спланирована, а путь миграции систематически уточнялся в течение нескольких месяцев. Пророк, ожидая восстание курайшитов против него, подготовился заранее и встретил наступающую армию за пределами Медины, в месте, которое, как он знал, даст небольшой мусульманской армии стратегическое преимущество: это были колодцы Бадра. Похожий случай, когда Пророк отправился из Медины в Ухуд, чтобы получить военное преимущество: он разместил группу лучников на вершине горы во время битвы при Ухуд. За несколько месяцев до Битвы у рва Пророк предвидел грядущий конфликт и приготовился защищать Медину, вырыв траншею вокруг города, тем самым фактически предотвратив крупный конфликт. Эти примеры показывают, что Пророк занимался стратегическим планированием и постоянно предвосхищал то, что скрывалось за горизонтом.

Мусульмане видят в Пророке образец для подражания, но сосредотачивают свое внимание на мелочах его жизни: от того, как он ел, сидел, ходил, до того, как одевался, цвета его одежды, стиля его тюрбана и, да, длины его бороды. Но все это контекстуальные и конкретные вопросы истории: Пророк мог вести свою повседневную жизнь только в соответствии с предписаниями и ситуацией того периода времени, в котором он жил. У этих мелочей нет универсального значения. Такое подражание

может дать чувство праведности отдельным людям и группам, но оно не играет никакой роли в формировании будущего в соответствии с исламскими принципами и моралью. То, что действительно является универсальным в Сунне (примерах из жизни Пророка), так это то, *как* он вел себя в определенные ключевые моменты своей жизни, и моральные принципы, порожденные его действиями. Именно эти принципы имеют прямое отношение к формированию более позитивных вариантов будущего мусульманских сообществ.

В жизни Пророка есть три поворотных момента, которые требуют нашего внимания. После хиджры одним из первых действий Пророка было учреждение Мединской конституции. Следует отметить, что в ее вводной части не упоминается ни Бог, ни откровение. Если бы Пророк рассматривал Коран как «конституцию», как сейчас утверждают многие мусульмане, он бы использовал его именно так. Скорее, его действия предполагают, что конституции создаются заинтересованными сторонами в обществе, а не спускаются свыше. Более того, Мединская конституция является инклюзивным документом, включающий не только мусульман Медины и мусульман, мигрировавшие из Мекки, но также евреев и многобожников. В нее включены некоторые статьи, адресованные специально мусульманам, но она отдает должное и другим религиозным общинам. Она обеспечивает правовую основу для управления Мединой, многоконфессиональным сообществом, где ко всем относятся одинаково на основании закона и не ссылаются на какие-либо другие внесудебные органы. Гарантами Конституции являются граждане Медины, которые «составляют единый народ». Ближе к концу в Конституции представлен Бог как «защитник праведного и богобоязненного»[25].

В Худайбии Пророк предвидел, что будущее зарождающейся мусульманской общины Медины, истощенной после двух крупных сражений и третьего, которого удалось избежать только благодаря его предвидению, зависит от заключения мира через переговоры. Худайбийское соглашение является образцом компромисса: даже имя Аллаха и тот факт, что Мухаммад — Его Посланник, кардинальные утверждения для мусульманских верований, были вычеркнуты из него. Неудивительно, что мусульмане считали это соглашение поражением и позором, однако Коран описывает это как «*явную победу*», которая приведет к прощению грехов, «*которые были прежде и которые будут впоследствии*» (48:1-2). В данном случае Пророк показывает, что иногда компромисс, даже если он может быть болезненным и может подорвать ваши заветные

[25] Информацию по «Мединской конституции» см. Muhammad Hamidullah, *The First Written Constitution in the World* (Ashraf, Lahore, 1970); и Michael Lecker, *The 'Constitution of Medina': Muhammad's First Legal Document* (Darwin Press, Princeton, 2004), у которых можно найти полный текст документа.

убеждения, является жизненно важным инструментом для построения более продуктивного и процветающего будущего. Те, кто уверен в своей правоте и отказывается объединяться, когда компромисс становится необходимым, губят свое настоящее и свое будущее.

И наконец, при завоевании Мекки Пророк одерживает победу над своими заклятыми врагами. Он обращается к собранию, в котором находятся те, кто пытался убить его, кто убивал и пытал его последователей, изгнал его из родного города и вел против него войны. Что он говорит? «Идите своей дорогой, потому что вы освобождены»[26]. Он объявляет всеобщую амнистию, прощая своим врагам любые преступления, совершенные ими в прошлом, тем самым демонстрируя, что несправедливости истории должны быть оставлены этой самой истории. Если в настоящем использовать в качестве источника исторические несправедливости, они будут увековечены и в будущем. Прощение — это, пожалуй, самый возвышенный урок, который мы можем извлечь из жизни Пророка. Это важная добродетель для работы над любым будущим, которое не должно погрязнуть во внутренних конфликтах и раздорах.

И после Пророка традицию мышления и действий, ориентированных на будущее, продолжали праведные халифы. Абу Бакр, первый халиф, предвидел расширение мусульманских земель и понимал, что будущие потребности не могут быть удовлетворены при существующей системе управления. Поэтому он разработал новую и чрезвычайно гибкую систему администрирования и управления, которая могла приспосабливаться к будущим потребностям. Умар, второй халиф, понял, что будущее выживание мусульманской общины зависит от доступности ресурсов, и одно поколение не может израсходовать все ресурсы. Вопреки явному желанию своих соратников и даже рискуя породить конфликт, он отказался раздать завоеванные земли Сирии, Ирака, Ирана и Египта их завоевателям. Заявив, что они предназначены для «последующих поколений», он отделил их в качестве ресурсов на будущее для быстро растущей мусульманской общины.

Таким образом, в мусульманской истории нет недостатка в ориентированных на будущее идеях. Воистину,

Я БЫ СКАЗАЛ, ЧТО ИСЛАМ ИЗНАЧАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАН НА БУДУЩЕЕ;

и настаивает на том, чтобы верующие активно формировали собственные перспективы будущего. По самой природе своей веры мусульмане

[26] Ibn Ishaq, *The Life of Muhammad*, translated by A. Guillaume, Oxford University Press, Karachi, 1955, p. 553.

обязаны как взаимодействовать с миром, так и изменять его. Коран неоднократно призывает мусульман не только изменить себя, но и постоянно стремиться изменять мир, чтобы он стал более справедливой, равноправной и мирной обителью для человечества: «*Человек получит только то, к чему он стремился. Его устремления будут увидены, а затем он получит воздаяние сполна*» (53:39–41). Таким образом, мусульмане, как отдельные личности, так и сообщества, должны «трудиться» и «работать для» будущего, которое они желают построить. Жизнеспособные, желаемые варианты будущего не возникают случайно. Их появление требует усилий, идей, размышлений, стратегического планирования, дальновидности и упорного труда.

Итак, прошлое играет важную роль в будущем. Но прошлое, состоящее из преклонения перед людьми ушедшего века, обремененное предметами, достойными только того, чтобы находиться в музее, и идеями, не имеющими актуальной ценности, не улучшает жизнь, а ведет нас назад, но никак не вперед. Традиция — важная составляющая нашей идентичности. Но традиция также может стать отравляющей, губительной силой, убивающей новшества и критическое мышление. Действительно, традиции остаются традициями только через перемены. В противном случае они превращаются в окаменевшие обычаи, которые душат и высасывают жизнь из живой культуры. Только когда прошлое придает нам смысл, оно превращается из мешанины фактов и событий, обрядов и благочестия, великих деяний тех, перед кем благоговеют, из тщетной борьбы за власть, а также славы и поражений в историческое сознание, формирующее и ведущее нас к жизнеспособному будущему.

Поэтому мы должны критически исследовать наше прошлое. Не все в нашей истории представляет ценность в настоящем или будет иметь значение в будущем. В частности, мы должны исследовать и переосмыслять наши самые заветные исторические убеждения, которые на самом деле предопределяют будущее, и двигаться вперед благодаря тем идеям и концепциям, которые открывают альтернативные горизонты для различных вариантов мусульманского будущего. Когда прошлое соединяется с настоящим в качестве исторического сознания, история превращается в живую реальность. История в форме идей и концепций формирует настоящее и будущее. Действительно, как только сформированы понятия, формируются идеи, и они начинают изменять мир и влиять на него. Они сливаются с современной реальностью и становятся ее неотъемлемой частью. Они усваиваются культурами и сообществами и продолжают оставаться эффективными. Таким образом, мы переживаем историю как осознание, а также творим историю. Следовательно, история выходит за пределы времени, она выходит за рамки нашего прошлого и настоящего, устремляясь в будущее. Именно поэтому ислам уделяет так много внимания истории.

Давая место настоящему

Вот этот данный момент истории — сегодня — и есть настоящее, и он играет свою естественную роль в определении нашего будущего. Однако настоящее не статично. Сегодня превращается в завтра, настоящее изменяется. В действительности настоящее меняется постоянно. Более того, настоящее включает в себя будущее, которое грядет. Ближайшее будущее, т. е. последующие несколько лет, как мы отмечали ранее, представляет собой «расширенное настоящее». Оно включает в себя будущее, которое уже было запущено, например, новыми технологиями. Таким образом, мы должны воспринимать настоящее как динамичный, изменяющийся, постоянно включающий в себя новые элементы и ситуации современной реальности феномен. Есть пять различных элементов такого подвижного настоящего, которые нам необходимо учитывать при формировании стабильного будущего: глобализация, комплексность, хаос, противоречия и неопределенность.

Во-первых, очевидный факт состоит в том, что мы живем в глобализированном мире. Это взаимосвязанный мир без границ, в котором вещи не существуют изолированно, а многие проблемы не ограничиваются национальной сферой. Изменение климата, экономические и финансовые вопросы и инфекционные заболевания являются очевидными примерами проблем международного масштаба. Но даже то, что мы можем рассматривать как специфические локальные проблемы, такие как безработица в определенной области или культурно обусловленные гендерные проблемы, имеет глобальное измерение. В глобализованном мире у каждого общества есть проблемы, и никакое общество не имеет ответы на все вопросы. Более того, глобализация также означает, что все сообщества в настоящее время внутренне неоднородны: разнообразие верований и способов мышления, разные традиции, культуры и образ жизни сосуществуют бок о бок. Таким образом, мусульманам приходится иметь дело с многообразием в своих сообществах и действовать в разных культурах и обществах, чтобы решить некоторые из своих насущных проблем.

Однако это будет невозможно, если по определению другие культуры рассматриваются как антагонистические, неполноценные и лишенные моральных устоев. Мусульмане никогда не чувствовали себя комфортно с Другим — будь то внутренний Другой, такой как женщины, люди, состоящие в однополых отношениях, члены других сект, атеисты, или внешний Другой, такие как христиане, индуисты или «секуляристы». Действительно, большая часть исламского права, кажется, унижает Другого, а культурные предрассудки и взгляды подпитываются шариатом. Поэтому, у мусульман нет языка для изучения аналогичных принципов и общих ценностей различных систем мышления и социальной организации[27].

[27] О влиянии глобализации на ислам см. Mushirul Hasan, editor, *Islam in a Globalised World: Negotiating Faultlines*, Imprint One, Delhi, 2010 and Nevzat Soguk, *Globalisation and Islamism*, Rowan and Littlefield, New York, 2011.

В условиях глобализации, когда различные культуры и мировоззрения борются за власть и положение, во всем мире возникает много критики и контркритики. Точно так же, как мусульмане имеют право критиковать других, например называя США «великим шайтаном», другие имеют такое же право критиковать мусульман. Но мусульманские сообщества в целом не очень хорошо воспринимают критику, особенно если она направлена против наших священных символов, таких как пророк Мухаммад. Примерами являются законы о богохульстве, которые можно найти как в конституции Мурси, так и в конституции Пакистана, включая законы, запрещающие насмехаться над президентом, которые приняты, между прочим, в светской Турции. Эта неспособность воспринимать критику и иметь дело с разнообразием и множественностью предполагает, что мусульмане не смогли приспособиться к новой динамике глобализированного мира, и эти нынешние проблемы и тенденции будут только умножаться, поглотив и задушив их будущее.

Во-вторых, проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, не являются простыми. Совсем не просто создать жизнеспособную демократию в государстве со множеством политических партий и многочисленными группами интересов, восстанавливая экономику, обеспечивая бесперебойное энергоснабжение, борясь с пандемиями, обеспечивая безопасность, устраняя безработицу среди молодежи или преодолевая последствия изменения климата, которое привело к хаосу в Пакистане, Бангладеш и в странах Субсахарной Африки. Ни одна из указанных проблем не может быть «решена» изолированно от других или «решена» одной единственной группой, партией и отдельным государством. Это комплексные проблемы. Действительно, почти все, с чем нам приходится иметь дело в наши дни, многопланово. Акцент в настоящее время делается на комплексности.

Комплексность — это естественный побочный продукт того факта, что большинство наших проблем носят глобальный характер[28]. Глобализация порождает комплексность не только потому, что делает нас взаимозависимыми, но и за счет увеличения наших взаимосвязей. В глобализованном мире все связано со всем остальным. Самый очевидный пример — это, конечно же, интернет и социальные сети. Но есть также круглосуточные глобальные новостные сети, которые транслируют картинки любого события в любом месте в любое время всем, живущим на планете. Обратите внимание, как эпидемия, которая может начаться в отдаленной деревушке, например свиной грипп, быстро распространяется и стано-

[28] О комплексности см. Roger Lewin, *Complexity: Life at the Edge of Chaos*, Macmillan, New York, 1992; Mitchell Waldrop, *Complexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Chaos*, Simon and Schuster, New York, 1992; что касается анализа комплексности с точки зрения будущего см. в специальном выпуске *Futures,* 26 (6) August 1994, 'Complexity: Fad or Future' edited by Ziauddin Sardar and Jerome R. Ravetz.

вится глобальной пандемией благодаря международным путешествиям. Или как «дымка», возникшая в результате лесных пожаров в Индонезии, быстро распространяется, заставляя задыхаться население Малайзии и Сингапура. Или как террористическая атака на Соединенные Штаты приводит к войне и беспорядкам в Ираке и Афганистане, что затем начинает подпитывать терроризм от севера Англии до севера Нигерии. На самом деле, ничто не существует и не происходит изолированно.

Есть еще один тренд, повышающий уровень комплексности: скорость изменений. Дело не только в том, что все быстро меняется, но и в том, что скорость изменений сама по себе ускоряется. Информационные технологии, например, каждый год удваивают свою мощь, измеряемую ценой, производительностью и пропускной способностью. Через 25 лет они увеличатся в миллиард раз, поскольку мы переходим от транзисторов к более мощным технологиям, таким как молекулярные вычисления или нанотехнологии. И все это, как всегда бывает с технологиями, быстро изменит социальное поведение. То же самое можно сказать о наших возможностях секвенировать генетические данные, которые удваиваются каждый год. В то время как секвенирование ВИЧ заняло 15 лет, вирус SARS был секвенирован всего за месяц. За определенную цену вы сегодня можете секвенировать свой геном в течение одного дня. Раньше на планирование и осуществление революций уходили годы: для осуществления французской революции потребовалось одиннадцать лет, а для серии революций 1917 года в России потребовалось всего девять месяцев, чтобы достичь цели. На совершение иранской революции ушло чуть больше года и годы планирования. В наши дни подобные революции могут возникать стихийно. Диктаторов свергают за несколько недель. А мировая экономика может рухнуть в считанные дни, как это произошло 13-14 сентября 2008 года.

То, что еще затрудняет понимание комплексности, так это одновременность происходящих изменений наряду с ускорением их темпов. Так, например, одновременно: мощь Америки уменьшается, Китай облачается в мантию новой сверхдержавы, Индия напрягает свои экономические мускулы, Бразилия становится новым экономическим центром, Россия восстанавливает свои позиции, влияние Японии ослабевает, Европа закрепляет свой опыт совместного суверенитета, негосударственные субъекты (от транснациональных корпораций до террористических организаций) набирают силу и влияние, относительное богатство и власть движется с Запада на Восток. Весь этот геополитический ландшафт меняется быстро и одновременно.

Это означает, что ислам и мусульмане сталкиваются с особой дилеммой. С комплексностью нельзя справиться, используя простые схемы. Сложные проблемы требуют таких же сложных решений. Однако

то, что мы называем «исламом» сегодня, представляет собой не более чем набор простых утверждений. Закон в исламе сведен к списку того, что можно и чего нельзя делать. Следовательно, мусульмане пытаются управлять и контролировать мир с помощью упрощенных вековых формул, закостенелых традиций и обычаев, мракобесных правил, благочестивых высказываний и пустых лозунгов. Покойный известный пакистанский ученый Фазлур Рахман назвал это «минималистичным ислам», который просто не в состоянии справиться с современной комплексностью.

Комплексность также предполагает, что опасно устарели упрощенные представления об «исламском государстве», управляемом «принципами шариата» и возглавляемым автократичным правителем. Такого рода государство, по сути, пытается уменьшить комплексность за счет изгнания любого рода разнообразия и множественности, и, следовательно, оно по своей сути нестабильно. При пытке разорвать все связи с внешним миром, его выживание становится сомнительным, как это хорошо иллюстрирует пример теократического Ирана. Действительно, единственный способ выжить якобы монолитному исламскому государству — стать подчиненным сверхдержавы, которая поддерживает его, как в случае с Саудовской Аравией. Комплексность ни коим образом не может быть исключена, это основной компонент современности. Это означает, что любое государство с прилагательным «исламское» в его названии имеет ограниченный срок действия.

В-третьих, мы постоянно находимся на грани хаоса[29]. Взаимосвязанные, комплексные проблемы вызывают положительную обратную связь. События быстро множатся, и изменения происходят в геометрической прогрессии. Благодаря мобильным телефонам, блогам, электронной почте, круглосуточным средствам массовой информации, *Facebook, Twitter* и другим видам социальных сетей мы постоянно в курсе событий. Это значит, что мы подготовлены к мгновенному реагированию, вооружены средствами запуска новых моделей цепных реакций, кульминацией которых является хаос. Когда комплексность сочетается с сетями и взаимосвязями, это быстро приводит к хаотичному поведению. Это видно повсюду: от того, как функционируют рынки и финансовые институты, до коллапса экосистем, флешмобов, хаоса в Европе 2010 года, возникшего в результате выброса вулканического пепла в Исландии, и вплоть до

[29] Для более аналитического объяснения того, что происходит на «грани хаоса», см. Ziauddin Sardar, *Introducing Chaos*, Icon Books, Cambridge, 1998. См. также 'What Chaos? What Coherence? Across the River I Called' in Mika Mannermaa, Sohail Inayatullah and Rick Slaughter (editors), *Coherence and Chaos in Our Uncommon Futures: Visions, Means, Actions*, Finland Future Studies Centre, Turku, 1994 and 'Conquests, Chaos, Complexity: The Other in Modern and Postmodern Science', *Futures* 26 (6), pp. 665–682, (July/August) 1994.

«арабской весны». Действительно, даже внезапное восхождение к всемирной славе Малалы Юсуфзай, подростка, расстрелянного талибами, является продуктом хаоса.

Хаос всегда начинается с мелких возмущений, которые быстро приобретают глобальные масштабы. Самоубийство безработного продавца овощей в Тунисе спровоцировало Арабскую весну, преступления небольшой группы банкиров привели к финансовому краху 2007-2008 годов, новый штамм гриппа появляется в небольшой деревне в штате Веракрус, Мексика, и быстро становится пандемией свиного гриппа в 2009 году. Таким образом, маловажные, казалось бы, незначительные события, а также отдельные люди способны запускать реакции, которые могут быстро привести к хаотичному поведению. Хороший пример — Мухаммад Тахир-уль-Кадри, пакистанский профессор права и суфийский ученый. Он был малоизвестным лидером неправительственной организации «Минхадж-аль-Коран» (Путь Корана), жил в изгнании в Канаде. Он вернулся в Пакистан в декабре 2012 года и начал агитацию за политическую реформу, призвав к маршу «миллиона мужчин» против коррупции в правительстве. Только 10 000 человек собрались в Лахоре на протесты. Но непрерывное освещение по телевидению, ажиотаж, нагнетаемый в социальных сетях, превратили протест в крупное хаотичное событие. Тахир-уль-Кадри организовал сидячую забастовку в Исламабаде, находясь в пуленепробиваемой кабине, а десятки телеканалов транслировали и освещали каждое его слово. Работа правительства была парализована, нация была потрясена. Спектакль закончился, когда правительство пообещало провести реформу избирательной системы и было подписано соглашение между Тахир-уль-Кадри (который, по сути, не представлял никого, кроме самого себя) и правительством.

Пастор Терри Джонс представляет собой еще одну иллюстрацию того, как люди могут инициировать и продвигать события хаотического масштаба. Неизвестный священник незначительного внеконфессионального христианского информационного центра в Гейнсвилле, штат Флорида, пастор Джонс пригрозил сжечь Коран в сентябре 2010 года. Его угроза, транслировавшаяся по всемирным телеканалам, выглядела как бесконечный цикл. Весь мусульманский мир отреагировал моментально и необдуманно: прошли демонстрации, были сожжены посольства, погибли невинные люди, поджигались магазины и общественный транспорт. Все это привело к еще большему освещению событий на телевидении и вызвало безумие в социальных сетях. Пастор Джонс стал готовой всемирной знаменитостью. Тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон вынуждена была сказать: «Прискорбно, что пастор из Гейнсвилла, штат Флорида, из церкви, насчитывающей не более пятидесяти человек, может осуществить этот возмутительный, причиняющий столько страданий, позорный план и привлечь, между прочим, внимание всего мира».

Президент умолял пастора не реализовывать свое намерение. Несмотря на то, что план остался неосуществленным, во взаимосвязанном и глобализированном мире хаос взял верх. Еще один пример — «Чайная партия», крошечное меньшинство республиканцев, которое в октябре 2013 года практически взяло в заложники правительство США целиком, вынудило его подать в отставку и чуть не навлекло на планету экономическую катастрофу.

Хаос, комплексность, глобализация и информационные технологии создали новое настоящее, радикально отличающееся от всего нашего недавнего прошлого. Мы вступили в период, когда всегда есть быстрые изменения, неопределенность и двусмысленность, а у человека есть огромная сила творить как добро, так и зло. В это постпривычное время наши традиционные и общепринятые способы решения проблем не работают. А в том, что продолжает оставаться привычным, все меньше и меньше сохраняется смысла.

В постпривычное время общепринятые институты, понятия, идеи и мировоззрение общества становятся составляющими проблем. Мало того, что они рассматриваются как совершенно неправильные, но их провал в работе, иногда впечатляющий, совершенно очевиден. Например, несостоятельность рынков, присущая капитализму неспособность содействовать равенству и его естественная склонность к поощрению монополий, неуемная жадность руководителей и менеджмента. Более того, общее ощущение, что мало чему можно доверять, а система сдержек и противовесов в обществе не работает. Чем больше политики занимаются законотворчеством, реформированием и вносят различные поправки, тем менее значимыми и эффективными кажутся законы в достижении или обеспечении заметной социальной пользы, и тем больше появляется непреднамеренных и нежелательных последствий. Кроме того, запаса времени нет: проблемы требуют немедленного и безотлагательного вмешательства, и даже когда мы пытаемся их решить, они запутываются в сложную паутину и размножаются быстро, все вместе, обретая опасное направлении. Все, что мы считали само собой разумеющимся, кажется, испаряется и теряет наше доверие в отношении ожиданий. Короли, которым мы доверяли — ученые, экономисты, бухгалтеры, банкиры, политики, правительства, рынки, финансовые институты, фармацевтические компании, технологические гиганты — оказались голыми. Дело не в том, что мы когда-либо считали основы нашего общества совершенными. Скорее, пришло осознание того, что эти основы опасно шатки, они неспособны справиться с неизменным несовершенством нашего миропорядка и могут заразить общество, привести к потенциальному коллапсу. Вся система направлена на непропорциональное вознаграждение немногих за счет большинства. Эгоистичные корыстные интересы власти и сильных мира сего раскрываются как единственный работающий механизм и реальность, от которой зависят все.

Контроль и управление становятся большими иллюзиями. Все всеобъемлющие объяснения, включая мифологию, связывавшую и делавшую общество жизнеспособным, становятся опасными, превращаются в своего рода носителей болезнетворных микробов, заражающих общество недоверием и подозрительностью. В постпривычное время мы знаем, что у нас есть способности, но не возможности — системные, этические и организационные — для преобразования наших способностей в поддержку устойчивых решений наших эндемичных, взаимосвязанных и множащихся проблем. В привычное время неопределенности малы и управляемы. Но в постпривычное время они выходят на первый план и занимают центральное место. Поскольку все взаимосвязано, комплексно, хаотично и быстро меняется, нельзя ничему дать точного описания. Более того, учитывая сложность растущего переплетения проблем и скорость изменений, мы не можем связать наши нынешние затруднения с предыдущим опытом. Таким образом, мы не можем извлечь уроки из прошлого, даже если знаем, что в истории были сопоставимые системные неудачи. Кроме того, отдельные лица и группы обладают огромной силой генерировать хаотичные реакции, что еще больше усложняет текущую ситуацию.

Многие из приведенных выше аргументов применимы к исламу, как бы мы его ни трактовали. Совершенно очевидно, что исторические примеры успехов и неудач ислама не имеют особого отношения к постпривычному состоянию.

НЕБОЛЬШИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СЕТИ НЕ ТОЛЬКО ПРИНИЗИЛИ ИСЛАМ, СДЕЛАВ ЕГО САМОЙ НЕНАВИДИМОЙ РЕЛИГИЕЙ В МИРЕ, НО ТАКЖЕ ДЕРЖАТ ВЕСЬ МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР В ЗАЛОЖНИКАХ.

Как правило, мы считаем, что сам по себе шариат хорош, и тем не менее везде, где он применяется, шариат не производит ничего, кроме несправедливости и неравенства. Действительно, шариат настолько неадекватен в решении проблем женщин, что женщину, подвергшуюся изнасилованию, часто обвиняют в прелюбодеянии и сурово наказывают. Детей-христиан могут обвинить в богохульстве и приговорить к смертной казни. Мы считаем само собой разумеющимся, что «исламские ценности» естественны и моральны, но они не соответствуют этике и морали мира, где свобода выбора и совесть имеют первостепенное значение. Мы радуемся, когда кто-то обращается в ислам (даже если этот человек может быть преступником), но стремимся казнить тех, кто хочет выйти из ислама и перейти в другую

веру. Система религиозной власти направлена на предоставление невероятных полномочий и сопутствующих ей выгод немногим избранным за счет подавляющего большинства простых мусульман. Эгоистичные, корыстные интересы, самодовольство и жадность священнослужителей, ведущих себя зачастую наподобие банкиров, руководителей корпораций и авторитарных правителей, как мы видим на примере Саудовской Аравии и Ирана, обрушивают несчастье за несчастьем на верующих. Идеалы ислама, справедливости и равноправия, которые он должен продвигать, стали великой иллюзией. Все это означает, что существует мало доверия к традиционным исламским институтам и к способностям тех, кто выступает за исламские альтернативы, решать комплексные проблемы нашего времени. Это на свой страх и риск обнаружили в Египте президент Мурси и «Братья-мусульмане». Действительно, при наличии свободного выбора подавляющее большинство верующих мусульман не выбрало бы жизни в обществе, регулируемом общепринятыми правилами и нормами ислама. Конечно, мы можем вернуться к вековой позиции и заявить, что ислам совершенен, что большинство мусульман заблуждается, а весь остальной мир абсолютно неправ. Или же мы можем со всей серьезностью воспринять постпривычность и признать, что ортодоксия и конвенциональная система, которую мы всегда считали нормой, непоправимо разрушены.

В-четвертых, настоящее наполнено противоречиями. Действительно, противоречия являются естественным продуктом сложного, взаимосвязанного мира с бесчисленными конкурирующими интересами и идеологиями, замыслами и желаниями, ведущими себя хаотичным образом. Конечно, не все очевидные противоречия вокруг нас представляют собой продукт постпривычного времени. Но постпривычное время выявляет противоречия более остро и порождает специфические типы противоречий. Например, в то время как некоторые части земного шара переживают беспрецедентные изменения, другие большие территории на планете и области нашей социальной жизни квазистатичны. В то время как технологии заставляют нас работать все быстрее и быстрее, скорость авиаперевозок после прекращения эксплуатации «Конкордов»[30] на самом деле снизилась. По мере того как нации обретают черты большего разнообразия и плюральности, сегменты населения с националистическими, фундаменталистскими и узкими взглядами фактически растут. В то время как правительства и администрации пытаются повысить эффективность учреждений, например Национальная служба здравоохранения Великобритании, эта самая

---

[30] **«Конко́рд»** (фр. *Concorde*, буквально — «согласие») — британо-французский сверхзвуковой пассажирский самолет, одна из двух (вместе с Ту-144) моделей гражданских сверхзвуковых самолетов с дальностью полёта до 10 000 км, находившихся в коммерческой эксплуатации до 2003 года. — *Прим. пер .*

эффективность на деле снижается (это известно как «парадокс Джевонса»)[31]. В один год Лондон охвачен беспорядками, а мультикультурализм объявлен настоящей катастрофой, но на следующий тот же мультикультурализм приветствуется как огромный успех, поскольку город наслаждается своим разнообразием и олимпийскими победами. Считается, что Индия является экономической сверхдержавой, однако подавляющее большинство ее населения живет в условиях крайней нищеты. Этот момент прекрасно иллюстрируется названием книги Амартии Сен и Жана Дрезе «*Неопределенная слава: Индия и ее противоречия*»[32]. Китай стал ведущей экономической сверхдержавой мира, несмотря на то, что его командная экономика и коммунистическое государство представляют собой противоречие, выявленное в книге Рональда Коуза и Нин Вана «*Как Китай стал капиталистом*»[33]. Соединенные Штаты являются самой богатой страной в мире, но их внешний долг превышает 16 триллионов долларов. В Египте в один год народная революция заменяет диктатуру демократией, а в следующий год другая народная революция заменяет демократию военным правительством. Так что противоречий предостаточно.

Противоречия нельзя разрешить, их можно только преодолеть. Они указывают на тот факт, что прогресс, как бы он ни воспринимался, всегда имеет пагубные побочные эффекты. Или, как выразился философ Джерри Равец, «невозможно достичь добра без производства порции зла»[34]. Противоречия также помогают нам предотвратить слишком упрощенный анализ проблем и ситуаций. Мы вынуждены учитывать противоречивые тренды, противоположные точки зрения, противоречящие друг другу факты, диаметрально противоположные гипотезы и теории и понимать, что мир не поддается наивным одномерным решениям. И сложности, и противоречия предполагают, что любая возникшая проблема имеет множество измерений, и что никакое конкретное частичное представление не может охватить целое. Как правило, у задач нет «правильных» и «неправильных» ответов. В действительности, ответы могут быть одновременно и правильными, и неправильными. Единственный способ уладить противоречия — это дебаты, обсуждения и консенсусный диалог.

В-пятых, неопределенность является нормой[35]. Когда противоречия, комплексность и хаос соединяются с ускоряющимися изменениями,

---

[31] См. John M. Polimeni, Kozo Mayumi, Mario Giampietro and Blake Alcott, *The Myth of Resource Efficiency: The Jevons Paradox*, Earthscan, London, 2009.

[32] Amartya Sen and Jean Dreze, *An Uncertain Glory: India and Its Contradictions*, Allan Lane, London, 2013.

[33] Ronald Coase and Ning Wang, *How China Became Capitalist*, Palgrave Macmillan, London, 2013.

[34] Jerome R. Ravetz and Silvio Funtowizc, 'Emergent complex systems' *Futures* 26 (6) 568–582, 1994.

[35] См. Gabriele Bammer and Michael Smithson, editors, *Uncertainty and Risk: Multidisciplinary Perspectives*, Earthscan, London, 2008.

единственным определенным результатом является неопределенность. В привычное время неопределенности малы и управляемы. Но в постпривычное время неопределенность занимает центральное место. Поскольку все взаимосвязано, комплексно, хаотично и быстро меняется, ничто нельзя описать с какой-то долей определенности. Постпривычное время, как ясно демонстрируют недавние события на Ближнем Востоке, представляет собой жизнь в условиях неопределенности.

Так что настоящее — подвижное и изменяющееся, комплексное и хаотичное, противоречивое и полное неопределенностей — во многом формирует наше будущее. Это та точка, где мы находимся, когда смотрим за горизонт в сторону далекого будущего. Если нынешние тренды в мусульманских сообществах сохранятся, будущее будет продолжением окостеневшего прошлого и современных тупиков. Это будет *вероятное будущее* — будущее, которое, скорее всего, осуществится. Оно будет содержать весь авторитаризм, неравенство, угнетение, сектантские разногласия, социальные раздоры и насилие, которые мы наблюдаем сегодня в мусульманских сообществах, но выведенные на новый уровень. Вероятное будущее — это также колонизированное будущее: это будущее, в котором мусульманские сообщества находятся в фактически подчиненном положении и существуют в будущем, созданном другой культурой и цивилизацией в соответствии с ее собственными ценностями, взглядами и мировоззрением, а также ее собственными экономическими, культурными, технологическими и политическими потребностями и требованиями. Варианты вероятного будущего служат предупреждением. Они подчеркивают потенциальные опасности и угрозы, ожидающие нас впереди. Однако будущее не обязательно должно быть предопределенным или просто являться продолжением прошлого и настоящего. Есть и другие варианты: *возможные перспективы будущего* — сочетание различных вероятностей, которые мы можем себе представить; *правдоподобные варианты будущего* — перспективы, которые мы определяем с учетом текущих условий и исторической динамики, которые имеют высокую вероятность реализации; и *предпочтительные варианты будущего*, те, которые мы действительно желаем видеть и к которым стремимся. Предпочтительные варианты будущего могут включать компоненты правдоподобного будущего, сочетающие то, что мы на самом деле желаем, с тем, что на самом деле возможно.

Какими могут быть предпочтительные варианты будущего для ислама и мусульманских сообществ? И что нам нужно сделать, чтобы их реализовать?

Готовясь к различным перспективам будущего

Предположим, мы опрашиваем случайную выборку мусульман о том, каким они видят будущее своих сообществ. Несомненно, большинство из них захотят такого будущего, которое свободно от сектантства и граждан-

ских беспорядков, насилия и террора, пыток и жестокости, в котором их дети могут расти здоровыми и успешными, в котором общество будет находится в мире с самим собой. Они, возможно, также захотят жить в мире и взаимном уважении с людьми разных вероисповеданий, христианами, мусульманами, индуистами, буддистами, с людьми маловерующими или неверующими вообще, то есть с секуляристами, агностиками и атеистами. Более того, большинство мусульман захотят видеть будущее, в котором не будет разницы между «арабами и неарабами», как сказал Пророк в своей прощальной проповеди, и не будет различия между «верующими мужчинами и верующими женщинами», как сказано в Коране. Таким образом, все, независимо от расы, пола и убеждений, имеют равный статус в обществе, а к пожилым и инвалидам относятся с уважением и почтением. Все, богатые и бедные, правители и подчиненные, мужчины и женщины, равны перед законом, и богатство не накапливается в руках избранной элиты. Несогласие и критика не только допускаются, но и поощряются, плюрализм и разнообразие признаются и активно поддерживаются. Нет сомнения, что некоторые члены нашей случайной выборки вспомнят лучшие времена эпохи Аббасидского халифата или Аль-Андалус на пике его расцвета и пожелают, чтобы наука, техника, философия, теоретическая мысль и знания всех видов процветали. И чтобы искусство и культура, от литературы, архитектуры, музыки, танцев до театра и кино, пережили свой расцвет и стали основой мирового экспорта. Таким образом, мусульмане становятся не только потребителями, но и производителями товаров, услуг, инноваций, а также новых идей и знаний. Более того, большинство мусульман скорее всего будут мечтать о будущем, в котором существует подотчетность на всех уровнях общества: от власть имущих до бюрократии, государственной службы, полиции, секретных служб, местных органов управления и бизнеса вплоть до рядового гражданина. Это своего рода подотчетность, которую Омар, второй халиф, пытался институционализировать в классический период.

Конечно, это видение не является утопией. Это просто картина предпочтительного будущего. По-прежнему будут несогласные с варьирующимися интерпретациями ислама, разные люди будут подчеркивать разные аспекты, некоторые будут считать что-то халяльным, а что-то харамным. Но в целом люди уважают разные толкования и разные способы быть мусульманином. Сунниты могут быть суннитами, шииты и другие секты могут определять себя как угодно, а суфии могут делать все, что хотят. Никто не будет обвинен в том, что он еретик или вышел за пределы ислама. Проблемы и споры, возникающие как внутри сообществ, так и между ними, могут решаться путем дебатов и дискуссий при взаимном уважении. Будут существовать необходимые механизмы, и сильный лидер решит часть их проблем и разберется в их спорах.

Хотя это будущее и предпочтительное, и правдоподобное, оно не особенно амбициозно. Однако для реализации даже такого будущего через поколение или два, через 20–40 лет, нам пришлось бы довольно радикально переосмыслить ислам.

ОЧЕВИДНО, ЧТО ТРАДИЦИОННАЯ ИСЛАМСКАЯ МЫСЛЬ, ОСНОВАННАЯ НА АВТОКРАТИИ И АВТОРИТАРИЗМЕ, НЕ СОБИРАЕТСЯ ОБЕСПЕЧИВАТЬ НАМ БУДУЩЕЕ, ОТМЕЧЕННОЕ РАВЕНСТВОМ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬЮ. В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ОНА ДАЖЕ НЕ В СОСТОЯНИИ СПРАВИТЬСЯ С РЕАЛЬНОСТЬЮ ПОСТПРИВЫЧНОГО ВРЕМЕНИ.

Негласное допущение об исламских догмах и ценностях, как бы они ни определялись, что они являются «естественными» и переданными Самим Богом, является заведомо ложным[36]. Если бы традиционная мысль была способна решить наши проблемы, мусульманские сообщества не оказались бы в таком плачевном состоянии. И если бы «исламские ценности» были такими же естественными, как законы физики, тогда мусульманские сообщества были бы свободны от подавления, угнетения, неравенства, дискриминации, насилия и бесчеловечности, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Наше традиционное восприятие и понимание ислама просто не в состоянии вписаться в комплексный и противоречивый характер нашей беспорядочной постпривычной реальности.

Таким образом, нам нужна новая стартовая площадка, чтобы двигаться вперед к желаемому, предпочтительному будущему.

НАМ НУЖНО РАССМАТРИВАТЬ ИСЛАМ НЕ ТОЛЬКО КАК УСТОЯВШУЮСЯ РЕЛИГИЮ, НО И КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ДОПУСКАЮЩЕЕ ИЗОБИЛИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК И ПЕРЕЖИВАНИЙ В РАМКАХ СВОИХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ЭТИЧЕСКИХ ГРАНИЦ.

---

[36] О том, как мы держимся за явно ложные убеждения, см. Solomon Schimmel, *The Tenacity of Unreasonable Beliefs*, Oxford University Press, New York, 2008.

Комплексность говорит нам о том, что ни один способ мышления или модель поведения не могут дать ответы на наши взаимопереплетающиеся проблемы. На социальном уровне, в глобализованном и взаимосвязанном мире, мы действуем не с точки зрения верований, а с точки зрения этики. Более того, мы взаимодействуем с миром, изменяем и трансформируем его идеями и концепциями. Таким образом, наша «интерпретация» ислама должна включать в себя мировоззрение, основанное на определенных концепциях, взятых из Корана, и этику, которая может иметь дело со сложной социальной, культурной и технологической реальностью постпривычного времени. Концептуальная матрица мировоззрения служит не только методологией решения проблем, поднимая вопросы этики и морали, которые можно обсуждать до бесконечности, но и порождает будущие выборы и возможности для мусульманских сообществ.

Отчасти для этого требуется, чтобы мы вернули человеческую личность в исламский дискурс, признав при этом традиционную мысль и теологию. Так, Пророка рассматривают не как человека, борющегося с серьезными трудностями в конкретном историческом контексте. Вопреки тому, что говорит Коран, его провозглашают сверхчеловеком, каждое действие которого безупречно, и его следует копировать во всех мелочах, независимо от исторического, социального, культурного и технологического контекста. [Утверждается, что] Шариат имеет божественную природу и не может быть изменен. Проблема в том, что если все дано Богом, то какую роль играют люди в развитии религиозной мысли и морали в процессе выстраивания новой этики для нашего постпривычного времени?

Кораническое заявление о том, что Мухаммад — «Посланник Аллаха и Печать пророков» (33:40) является решающим в данном случае. Это говорит не только об отсутствии Божественного Откровения после Мухаммада, но и о том, что бремя создания хорошего общества теперь помностью возложено на человеческие плечи. Но было бы категорической ошибкой предполагать, что все знания, мораль и религиозная мысль резко обрываются вместе с Кораном и Пророком. Скорее, это знаменует собой начало приложения человеческих усилий по постоянному обновлению и переосмыслению Божественных учений в соответствии с меняющимися обстоятельствами, при соблюдении руководства Корана и Сунны.

В быстро меняющейся обстановке постпривычного времени, где постоянно присутствуют комплексность, неопределенность и хаос, моральный порядок может быть построен только на основе равенства и диалога, с учетом различных точек зрения. Представительное правительство, например, не может функционировать, если оно не принимает во внимание заботы и ощущения всех своих граждан: мусульман разных убеждений, немусульман разных вероисповеданий, людей неверующих, а

также людей разного социального и культурного происхождения и с разными этическими представлениями. В глобализированной среде с противоречивыми взглядами нельзя предполагать, что символическое проявление ислама не вызовет возбуждающего других беспокойства. Поскольку противоречия не могут быть устранены, мусульманам необходимо научиться договариваться о спорных вопросах путем консенсусного диалога на основе равенства.

По иронии судьбы те, кто больше всего печется об «исламе» и одержим им, кто бьет себя в грудь и громче всех кричит о «защите ислама» и «исламского шариата», кто настаивает на политизации своей идентичности и ее резком и заметном выражении (например, через никаб, хиджаб или длинную бороду), представляют наибольшую угрозу для ислама и его будущего[37]. Эти представляемые ими монолитные и жесткие конструкции ислама легко могут довести хаос до катастрофических масштабов. Более того, как указывает на то комплексность, ни один способ мышления или модель поведения не могут дать ответ на наши взаимосвязанные, многогранные проблемы и вопросы. Комплексность можно укротить только посредством охвата разнообразия и множественности.

Есть две предпосылки для подготовки и работы в направлении построения вариантов предпочтительного, правдоподобного и жизнеспособного будущего. Обе требуют отказа от основных столпов традиционного мусульманского богословского мировоззрения и давно стоят на повестке дня, но постпривычное время усиливает их неотложный характер. Во-первых, цель, которой мусульмане дорожат превыше всего: навязать единую истину разнообразному обществу и многообразному земному шару. Это выражается в вере в то, что ислам не только истинен, но и является единственной Истиной; что все другие религии не только ложны, но и ниже ислама; что все другие способы оценить Божественное, чувство благоговения и восхищения Вселенной не только ошибочны, но и определенно аморальны. Представление о том, что ислам является единственной истиной, создает ложное противостояние как внутри мусульманских сообществ, так и между мусульманами и немусульманами. Если истина одинакова для всех во все времена, тогда, если я прав, вы должны быть неправы. И, если мне действительно интересна истина, я должен обратить вас, путем убеждения, законодательства или силы, если это необходимо, в мою точку зрения. Или, по крайней мере, я должен сделать так, чтобы моя правда каким-то образом оставалась доминирующей в обществе.

---

[37] О том, как мы держимся за явно ложные убеждения, см. Solomon Schimmel, *The Tenacity of Unreasonable Beliefs*, Oxford University Press, New York, 2008.

Действительно, есть мусульмане, как мы все знаем, которые думают, что их версия ислама и есть единственная Истина, и у них есть Божественный мандат навязать этот вариант прочим мусульманам, а также всем другим людям насильственными средствами. Такой подход к Истине породил неисчислимые войны и раздоры в мусульманской истории, а также сектантство, терроризм и кровопролитие в наше время. Следовательно, крайне важно, чтобы мусульмане перешли от старого представления, согласно которому «ислам чрезвычайно важен, и поэтому все мужчины/женщины должны иметь один истинный ислам», к новой формуле, что «ислам в высшей степени важен, и поэтому каждому мужчине/женщине должно быть позволено жить согласно исламу, который кажется ему/ей верным, или отвергать то, что ему/ей не кажется истинным». Это то, что набожным и консервативным людям будет трудно проглотить. Но реальность такова, что их исторические и традиционные представления об «исламской истине» опасно устарели в постпривычное время и служат лишь источником раздора и насилия.

Во-вторых, мы должны понимать, что шариат — это человеческий конструкт, созданный в исторической перспективе человеком, которому свойственно ошибаться. Наше понимание Священных источников может выражаться только через человеческую интерпретацию, попытку понять Божественное в конкретном историческом контексте. Именно поэтому бо́льшая часть шариата на самом деле состоит из *фикха* или юриспруденции, представляющего собой не что иное, как юридическое заключение классических юристов. Нам нужен шариат, подходящий для постпривычного времени, учитывающий взаимосвязи и сложности глобализированного мира, открывающий ислам как инклюзивное мировоззрение, способствующее равенству и плюрализму на всех уровнях общества и объединяющий мусульман и немусульман для совместной работы во имя устойчивого мира и жизнеспособного будущего для всех. Таким образом, шариат должен быть переформулирован, но не в закон, а в современную мораль и методологию решения этических проблем. Возможно, этого можно добиться на основе *макасид*, или целей шариата, с упором на общественные интересы, права человека, равные возможности для женщин, свободу совести, право на инакомыслие, критику и контркритику, взаимность, уважение к другим религиям и универсальность[38].

Основной валютой в постмодернистском мире и важным источником власти является культура. Даже скромное предпочтительное будущее, которое мы себе представляем, требует, чтобы мы начали с продвижения

[38] См. Mohamad Hashim Kamali, 'Maqasid Al-Shariah, Ijtihad and the Civilisational Renewal', Occasional Paper Series No. 20, IIIT, London, 2012; а также другие публикации Международного института мусульманской мысли по вопросам *макасид аш-шариа'*.

культуры во всех ее различных проявлениях в мусульманских сообществах. Или, говоря иначе: нам нужно научиться ценить красоту во всех ее формах, в проявлении всех человеческих усилий, признав ее необходимость для человеческого выживания. А чтобы будущее было прекрасным, мы должны сделать так, чтобы красота была воплощена в настоящем[39].

Кода

В нашем стремлении к предпочтительному, достойному будущему для ислама и мусульманских сообществ нам необходимо обеспечить открытость будущего для всех потенциальных и диссидентских возможностей. Без перспективного мышления мусульмане могут стать лишь придатком к другим культурам и цивилизациям, навсегда остаться в зависимости от щедрости и добродушия других. Однако, как показывают нынешние тенденции, мусульмане могут просто существовать изолированно, не внося реального вклада в формирование мира. Мусульманам не нужно становиться людьми без истории и традиций. Если история будет присутствовать как отчетливое сознание, а не как мракобесные верования, мы будем двигаться вперед к предпочтительному будущему без оглядки назад на эту историю, а переживать ее как живую реальность настоящего. Мы не ждем, когда что-то изменится, но сами активно меняем окружающий мир и тем самым творим историю.

БЕЗУСЛОВНО, САМАЯ БОЛЬШАЯ ПРОБЛЕМА В РАЗМЫШЛЕНИЯХ О БУДУЩЕМ С ИСЛАМСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ — ОТСУТСТВИЕ ПОДХОДЯЩЕГО ЯЗЫКА. БУДУЩЕЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННОЙ ОБЛАСТЬЮ, ГДЕ ВОЗМОЖНЫ ЛЮБЫЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ. МЫ ДОЛЖНЫ ИЗМЕНИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ЧТОБЫ СОЗДАТЬ БУДУЩЕЕ — ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ, ОТЛИЧНОЕ ОТ НАСТОЯЩЕГО.

Учитывая, что мы понимаем мир и взаимодействуем с ним посредством дискурса, предполагается, что исламский дискурс должен быть способен решать проблемы мира, каков он есть, и способствовать изменениям к

[39] Интересно отметить, что Халед Абу эль-Фадл рассматривает вопросы реформы как «Поиск красоты в исламе». См. *The Search for Beauty in Islam*, Rowan and Littlefield, New York, 2005.

лучшему в будущем. Язык — это не просто средство общения; это также инструмент, с помощью которого обсуждаются социальные и культурные потребности, необходимые для выживания. Таким образом, существует настоятельная необходимость наполнить исламский дискурс — его предположения, заявления, идеи, рамки социальных и культурных знаний — сознанием, ориентированным на будущее, и разработать язык, который мотивирует нас смотреть вперед, а не назад. Нам крайне необходимы метафоры и образы исламского будущего, создающие новый смысл.

В прекрасном аллегорическом эссе, написанном более двадцати лет назад, Гулзаром Хайдером, канадский архитектор и теоретик эстетики пакистанского происхождения, автор отправляется на поиски имени для своего еще не родившегося внука. Он хочет дать ему имя, значение которого сын может воплотить. Сидя в своем любимом месте между собором Святой Софии и Голубой мечетью в Стамбуле, он размышляет о том, что имена заложены в самой космогонии Корана как изначальное средство знания, которое Бог дает Адаму. «Именно “имена сущностей”, записанные в памяти Адама, поставили его и его детей в положение несравненно более высокое, чем то, которое занимают ангелы. И разве это были не “Прекрасные Имена”, через которые Творец решил представить Себя Своему любимому творению, человечеству?» Под сенью высоких минаретов, «парящих между детством и отрочеством, пытаясь справиться с семейной радостью и общим ощущением планетарной обреченности», он обнаруживает себя в состоянии невесомости и парения. Перенесенный на два десятилетия в будущее, то есть в наше настоящее, он прибывает в Мекку, в день Арафата. Он смешивается с паломниками со всего мусульманского мира, переходя от палатки к палатке, подслушивая разговоры между разными типами мусульман: ортодоксами, суннитами, шиитами, ваххабитами, салафитами, джихадистами, модернистами, традиционалистами, консерваторами, либералами разного происхождения и национальности. Он обнаруживает, что будущее не изменилось; в то время как мир изменился и прошел мимо них, язык и риторика мусульман остались статичными, как если бы они были погребены «на кладбище камней на северной стороне Софии». Никакого развития или эволюции не произошло. Он обнаруживает своего внука, сидящего и смущенно слушающего эти разговоры. Он возвращается в реальность Голубой мечети, «грандиозный перекресток времен, где память сливается с воображением, а прошлое и будущее подчиняются капризному чувственному настоящему», огорченный и разочарованный. И решает написать письмо своему внуку:

Это правда, что я молился об имени для тебя, которое ты мог бы воплотить. Но теперь я знаю, что, дав тебе имя, я превращу твое будущее в каменный монолит. Позвольте мне быть просто любящим наблюдателем, который будет стараться отвечать на твои вопросы и поможет тебе сделать твой внутренний и внешний мир дружелюбным и красивым. Будущее, как ты узнаешь позже, — это пространство, в котором мы обдумываем последствия наших нынешних действий. И не знание будущего, а его этически дисциплинированное видение, как, впрочем, и не его контроль, а его разумное созерцание вызывает по отношению к нам зависть ангелов. Я видел просторы мусульманского будущего, и они выглядели подобно раздробленному, ограниченному, контролируемому городу, состоящему из отдельных палаток. Есть те, кто жив и бодрствует, но изгнан из этого города. Они находятся в своем поиске Медины, а до тех пор продолжают читать, писать и говорить не боясь никого и ничего, кроме своего Бога и Его Пророка. Но ни у кого из них нет имени[40].

[40] Gulzar Haider, 'An "Islamic Future" without a name' in Ziauddin Sardar, editor, 'Islam and the Future', special issues, *Futures* 23 (3): 311–316 (April 1991).

НАУКА И УЧЕНЫЕ В ПОСТПРИВЫЧНУЮ ЭПОХУ

Джером Р. Равец

Хорошо известно, что новые информационные технологии коренным образом меняют работу многих сфер, включая сегодняшнее дешевое производство материальных товаров. Возможности исследовательской науки во многих областях расширяются и даже трансформируются. Как правило, эти изменения в технической практике происходят в рамках социальных и концептуальных структур, унаследованных от предшествующих научных эпох. Возникают новые важные разработки, но не обязательно «новые формы науки». В данной статье мы рассматриваем практики и структуры, которые вызывают удивление и беспокойство, попадая в поле нашего зрения, и которые обладают внутренним импульсом для продолжения быстрых изменений. Как правило, они демонстрируют влияние новых информационных технологий в сочетании с идеями и практиками, заимствованными из более широкой политической сферы. Поскольку все это стало происходить сравнительно недавно и довольно быстро, вряд ли существует какая-либо рефлексивная научная литература по данному вопросу. Таким образом, мы вынуждены черпать информацию из стандартных современных источников, игнорируя их более спекулятивные выводы.

Но прежде чем мы рассмотрим, как радикально меняется структура научной деятельности, влияя на людей, процедуры, свойства, публичность, обеспечение качества и последствия научной деятельности, необходимо вспомнить кое-что из истории.

Экскурс в историю

Около полувека назад ученые осознали, что все изменилось. Этот переход описан в основополагающей работе Дерека Прайса «Маленькая наука, большая наука»[1], в которой он размышляет над быстрым расширением научной сферы, особенно в США, и ее использованием для производства в военных целях, например, в Манхэттенском проекте[2]. В последующие десятилетия эта новая ситуация стала поводом для многочисленных размышлений, наряду с новыми вопросами для обсуждения, которые всплывали постепенно. Нынешняя ситуация в науке характеризуется очень быстрыми изменениями. Позиции и действия, которые трудно было представить себе всего десять лет назад, теперь прочно утвердились в научной сфере. Мало кто мог представить, например, что видные ученые устроят бойкот ведущему научному издателю. Но именно это крупнейший математик Тимоти Гауэрс сделал в отношении издательского дома *Elsevier* при поддержке тысяч людей под лозунгом «академической весны».

Изменяющееся самосознание науки в течение того предыдущего периода является напоминанием о том, что в социотехнической системе научного мира интеллектуальные и материальные аспекты глубоко взаимосвязаны друг с другом. По мере того, как мы движемся вперед, возможно стремглав, к новым видам отношений между материальным и концептуальным, полезно расширить перспективу, углубившись в прошлое, и выйти за рамки «большой науки». Поскольку именно «цифровые» медиа наиболее явно трансформируют средства коммуникации, можно вспомнить влияние книгопечатания на науку в эпоху Возрождения. Оно позволило распространять знания очевидными способами, подпитывая их количественный и качественный рост. Именно тогда появились самые ранние публикации в сфере современной науки и техники, например, книги Григория Агриколы (1494–1555), Ванноччо Бирингуччо (1480–1539) и Андреаса Вазалия (1514–1564). Они подвигли независимых практикующих ученых заявлять во всеуслышание о своих талантах и, таким образом, получать наилучшее покровительство, доступное на то время. Галилей (1564–1642) применил этот подход: сначала свой труд *Sidereus Nuncius* («Звездный вестник») он использовал в качестве инструмента для повышения заработка в Венеции, а потом это помогло ему занять желанную должность «главного математика и философа» при дворе Медичи на родине во Флоренции.

---

[1] Price, D. J., 1963. *Little science, big science*. Columbia University Press, New York.

[2] «**Проект Манхэттен**» (англ. *Manhattan Project*) — кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, осуществление которой формально началось 13 августа 1942 года. Привлечение лучших научных сил мира и огромных производственных возможностей США позволило создать первые в мире образцы ядерного оружия менее чем за три года. — *Прим. пер.*

К концу XVI века великая национальная индустрия завоеваний, войн и королевских выставок как никогда прежде давала работу специалистам-практикам, обладавшим математическими способностями. Традиционные статусные барьеры между «свободным» знанием и «механической» практикой были снижены, по крайней мере, на несколько поколений. Симон Стевин (1548/49–1620) был гением-практиком, но проявлял философские амбиции, в то время как Галилей находился по другую сторону водораздела между классами и культурами и был полон решимости остаться там. Уильям Гилберт (1544–1603) был первым, кто объединил «философию» и экспериментирование в своем трактате *De Magnete* («О магните»). В нем он также подробно сообщал, какие эксперименты сработали, а какие нет! Риторика Фрэнсиса Бэкона (1561–1626) об «истязании природы» стала успешной практикой среди «философов-экспериментаторов», особенно в рядах великих представителей английской школы, таких как Роберт Бойль (11627–1691), Роберт Гук (1635–1703) и Исаак Ньютон (1642–1727). К XVIII веку союз теории и практики полностью утвердился, и философы «горных зон» Британии сочетали идеологию и усовершенствование (с прибылью там, где это было возможно) весьма эффективно.

По мере того как в XIX веке возможности технологий росли, ученые (которые именно тогда получили этот титул!) могли изучать естественные силы в искусственно контролируемых ситуациях, особенно электричество и магнетизм, а также старые и новые химические соединения. Перекрестное плодотворное взаимодействие тяжелой промышленности с целенаправленными научными исследованиями было установлено сначала в Германии (начиная с Юстуса фон Либиха (1803–1873)), а затем и в других странах, особенно в крупных лабораториях США, где доминировали такие культовые изобретатели, как Томас Эдисон (1847–1931) и Чарльз Протеус Штейнмец (1865–1923), а также квазимагический Никола Тесла (1856–1943). На примере Германии университетская система в конечном итоге была вынуждена включить исследования в свою традиционную практику обучения и социализации молодой элиты. Одним из более поздних результатов этого объединения стала коллективная амнезия среди ученых и исследователей в отношении роли этих организованных, индустриализированных исследований и разработок в период «малой науки» — недоразумение, которое привело к большой путанице, когда «большая наука» обрела всю полноту силы.

В эпоху, которая началась с Манхэттенского проекта и только-только завершилась, наука стала «индустриализированной» по ряду параметров: в своем объеме вообще, в масштабе отдельных предприятий и в своих отношениях с промышленностью, которые стали более тесными. Она также обрела черты «инкорпорированности»[2], то есть участия в делах

[2] Rose, S. and Rose, H., 1969. *Science and Society*, Allen Lane, London.

государства, выходящего далеко за рамки традиционного сотрудничества в военной сфере. Ученые до некоторой степени наивно полагали, что их просят «сказать правду властям», тогда как их клиенты часто хотели получить «политически обоснованные доказательства». Традиционные стабильные предметно-специализированные исследования были вытеснены «Режимом II», согласно которому ученые являются взаимозаменяемыми единицами продукции, которые могут быть задействованы или вычеркнуты в зависимости от потребностей проектов, ориентированных на определенные задачи. Если брать общество в целом, то манипуляции и искажения исследований, ставшие привычными в прибыльных отраслях (например, в производстве табачных изделий, продуктов питания и фармацевтических препаратов), находят свое отражение в менее известной, но не менее важной деятельности министерств и ведомств. Исследовательские сообщества по типу *Gemeinschaft*[3] прошлых лет продолжают существовать только где-то на периферии, хотя Стивен Шапин утверждал, что они воссоздаются по мере необходимости в быстро развивающихся областях инновационной предпринимательской науки[4].

Структуры научной деятельности

Очень кратко проанализировав исторический фон, мы можем теперь обрисовать соответствующие структуры научной деятельности. После этого мы будем готовы понять влияние новых технологий на новые формы научной практики. Сегодня широко признано, что старое представление об «ученом», который делает открытие, а затем передает его «обществу», является слишком упрощенным. Во-первых, варианты мотивов для участия в исследованиях или в их поддержке весьма разнообразны. Помимо традиционного «любопытства», есть также «ориентированность на задачу», «уполномоченность», «нормативность», «любительский интерес» и (мы должны добавить сегодня) «критический взгляд». Взаимосвязь с обществом в целом, внутренняя социальная структура и господствующие критерии адекватности и ценности зависят от этой исходной мотивации. Приняв во внимание базовое разнообразие систем производства научного знания, мы можем затем рассмотреть цикл деятельности, ведущий к получению знания.

---

[3] ***Gemeinschaft*** — один из двух идеальных типов социальных организаций, системно разработанных немецким социологом Фердинандом Тоннисом в его основополагающей работе «Gemeinschaft und Gesellschaft» («Сообщество и общество», 1887). В сельских, крестьянских обществах, типичных для *Gemeinschaft*, личные отношения определяются и регулируются на основе традиционных социальных правил. Люди выстраивают простые, непосредственные отношения друг с другом, общаясь лицом к лицу, определяемые *wesenwille* (естественной волей), т. е. естественными и спонтанно возникающими эмоциями и выражениями чувств. — *Прим. пер* .

[4] Shapin, S., 2008. *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*, The University of Chicago Press, Chicago.

Та первоначальная мотивация — всего лишь первый шаг в многоэтапном цикле. Его можно было бы назвать «задачей», поскольку именно здесь берет свое начало политически ориентированная наука. Далее идет «стратегия», которая выражает ожидаемое решение и определяет параметры разработки проекта. Это легче всего увидеть в исследованиях, посвященных рискам, поскольку «риск» сам по себе всегда комплексное явление. Поэтому необходимо упростить конструктивный выбор предстоящих объектов изучения, и характера опасностей, испытываемых ими (например, взрослые, дети, беременные женщины, хронические или острые дозы, среднее или пиковое воздействие и т. д.). И вскоре после этого возникает «проблема», придающая большую конкретику исследованию и, возможно, формулирует статистическую гипотезу, которую необходимо проверить. Среди самых важных шагов раннего этапа исследования находится [отбор] «личностей». Всякий раз, когда на карту поставлены правила действий, они могут сыграть решающую роль; скорее, как судьи, даже если все ученые обладают честностью, не мешающей им склоняться в ту или иную сторону, когда они сталкиваются с неопределенностью и ценностными конфликтами. Этот шаг в последнее время стал проблематичным по нескольким причинам и тесно связан с новой политикой в науке. Затем следуют «процедуры», которые необходимы, потому что исследование никогда не бывает прямым, а скорее является «прокси»-изучением для концептуальных вещей и событий, представляющих интерес. Во всех данных ситуациях существует множество стандартов и соглашений, определяющих приемлемую передовую практику, разработанную и внедренную для того, чтобы избежать известных ловушек при сборе данных, их интерпретации и последующих выводах. Любая качественная научная статья содержит подробное описание данных процедур, тем самым убеждая читателей в надежности полученных результатов. В основе исследования лежит своего рода «производство», когда кто-то взаимодействует с оборудованием (или респондентами) для получения первичных данных, которые будут предположительно представлять собой определенный объект исследования. Из этого возникает «продукт», воплощенный в «письменном документе», который может функционировать как «статья», отчет или патентная заявка. Кроме того, есть «собственность», которая также включает в себя контроль над «публичностью». Когда-то считалось, что, в отличие от изобретения, именно публичный обмен результатами определяет науку. Но недавно выяснилось, что публикация данных ни в коем случае не является универсальной характеристикой, несмотря на формальные требования многих спонсоров и журналов. Конечно,

КОГДА ДАННЫЕ СКРЫВАЮТСЯ, НЕВОЗМОЖНО ОПЕРИРОВАТЬ НОРМАМИ «КОММУНАЛИЗМА» И «ОРГАНИЗОВАННОГО СКЕПТИЦИЗМА», СЧИТАВШИМИСЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМИ ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ НАУКИ.

Ближе к концу цикла находятся традиционные «применения» и недавно признанные «последствия». В настоящее время они иногда оцениваются как важные компоненты исследования и будут включать «плохие» или «непреднамеренные последствия», возникающие в результате применения научных результатов. В данном контексте соответствующие научные сферы имеют практически диаметрально противоположные характеристики по сравнению с традиционными лабораторными дисциплинами. Происходит это потому, что проблемы, как правило, являются «постпривычными» из-за высокой неопределенности и высоких ставок принятия решений, политизированных дебатов о распределении бремени доказательств, плюс дисбаланс престижа и традиционного институционального финансирования, а также придания важности информаторам наряду с исследователями, и открытого конфликта, вспыхивающего между группами давления и корыстными интересами.

Данный цикл помогает объяснить комплексность и путаницу, сопровождающую дебаты на стыке науки и политики. Без общего понимания различных фаз рабочего цикла споры могут безрезультатно блуждать по лабиринту тем. Более того, каждая из перечисленных фаз цикла имеет свой собственный «цикл контроля качества». Эта особенность указывает на истинную сложность процесса. Ибо каждый раз, когда в рамках организованной системы совершается какое-либо действие, его качество подлежит «контролю». Эта операция будет включать определенных агентов, действующих по определенным стандартам качества и применяющих определенные процедуры. Всякий раз, когда регулирующий орган предстает перед общественностью, будет видно, что он имеет указанные элементы, агентов, критерии и процедуры. Более того, цикл контроля качества сам подчинен определенным циклам контроля! Чтобы такая ситуация не казалась парадоксальной, напомним латинское крылатое выражение: «Quis custodiet ipsos custodes?» или «Кто устережет самих стражей?» Шейла Джасанофф обращает внимание на этот феномен в научном мире в своей новаторской работе «Пятая ветвь»[5]. Такое повторение известно в связи с отправлением

[5] Jasanoff, S., 1990. *The Fifth Branch: Science Advisors as Policymakers*, Harvard University Press, Cambridge.

правосудия, с последовательностью апелляционных судов, вплоть до какого-то высшего суда, у которого нельзя исключить некую политическую подоплеку.

Что касается наших текущих проблем, то качество подменило истину как основной эффективный руководящий принцип науки. Постоянное повторение «*quis custodiet*» является напоминанием о том, что нельзя поддерживать качество принудительно. Необходимо наличие этических обязательств, которые должны соблюдаться на самом высоком уровне в любом учреждении. Если этого нет, обязательно возникает коррупция и бессмысленные исследования. Ранее мы уже отмечали парадокс, заключающийся в том, что успешное производство объективного научного знания в решающей степени зависит от этого субъективного этического обязательства[6].

Личности

Теперь мы можем более подробно рассмотреть цикл производства научного знания, выделив важные моменты новизны. В последние десятилетия растет признание того, что политически значимая наука улучшится, если на ранних стадиях, таких как «Задачи» и даже «Проблемы», используется более широкий опыт, а не только опыт политиков, научных консультантов и экспертов. Некоторое время назад был придуман термин «расширенное коллегиальное сообщество»[7], и с тех пор, под разными именами, участие граждан все чаще воспринимается как желательное и полезное. Очевидные конституциональные проблемы таких попыток «участия» почему-то не оказались непреодолимыми. В частности, в области вопросов общественного здравоохранения установилось более широкое участие заинтересованных сторон в определении проблем, начиная с активистов по борьбе со СПИДом. Такие нововведения ослабили изначальный смысл самой идеи «ученого», поскольку круг лиц, вовлеченных в исследовательский цикл, становится все шире. В стандартных научных исследованиях существует давняя непрерывная традиция привлечения любителей, вносящих свой вклад. Однако в последнее время им чаще отводилась роль низкостатусных помощников. Таковы были забытые сестры астрономов прошлого и многочисленные орнитологи настоящего. Подход, утверждающий более широкое участие, представляет наименьшую угрозу для установленных порядков, и именно он послужил мотивом для создания

---

[6] Ravetz, J. R., 1971. *Scientific Knowledge and its Social Problems*, Oxford University Press, Oxford.

[7] Funtowicz, S. O. and Ravetz, J. R., 1993. *Science for the Post-Normal Age*, *Futures*, 25/7, pp. 739–755.

новаторского «Галактического зоопарка»[8]. Там группы любителей даже могут предложить темы для более подробного изучения. Но все большая активность развивается, например, на сайтах для сворачивания молекул и даже для решения сложных математических задач. Если посмотреть в другом направлении, можно увидеть «кустарную биологию», еще очень слабую и маргинальную, но с большим потенциалом. Более серьезным феноменом является параллельная вселенная неофициально обученных хакеров, всех, от шутников и либертарианцев до профессиональных «взломщиков» и государственных агентов. В результате традиционный статус «ученого» постепенно размывается: больше не нужно проходить процесс отбора и длительного обучения, кульминацией которого является получение докторской степени на пике умственных способностей, чтобы быть принятым в качестве члена в признанное сообщество, производящее знания.

Еще быстрее размывается статус «эксперта», того, кто имеет полномочия решать частные проблемы на основании своей научной подготовки.

С РОСТОМ СПОРОВ ПО ВОПРОСАМ НАУКИ И ПОЛИТИКИ (ОТ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ДО ВАКЦИНИРОВАНИЯ), А ТАКЖЕ В СВЯЗИ СО ВСЕ БОЛЕЕ ШИРОКИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРАУДСОРСИНГА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ, ЭКСПЕРТИЗА СТАНОВИТСЯ НЕБЛАГОДАРНЫМ ЗАНЯТИЕМ.

Одним из наиболее важных недавних событий стала утрата презумпции «незаинтересованности» в том, кто является сертифицированным ученым. От авторов статей теперь обычно требуется заявление о любых потенциальных конфликтах интересов при условии, что они имеют отношение к их утверждениям. Кроме того, качество исследования, проведенное при поддержке промышленной организации, обесценивается на основании предполагаемого систематического отклонения, подтверждаемого резуль-

[8] ***Галактический зоопарк*** (анг. *Galaxy Zoo*) — интернет-проект, основанный в 2007 году астрофизиками Кевином Шавински и Крисом Линтоттом из Оксфорда, в который привлекаются волонтеры и любители космоса без профессиональной подготовки, и участвуя в котором непрофессиональные астрономы и вообще все, кому интересен космос, могут внести собственный небольшой научный вклад, помогая ученым распознавать объекты на сделанных автоматическими телескопами фотографиях. — *Прим. пер.*

татами обследований[9], до такой степени, что некоторые фирмы отказываются от спонсирования государственных исследовательских программ. Поскольку очень большая часть якобы общедоступных научных исследований поддерживалась промышленными корпорациями и военными, это новое веянье может дестабилизировать давно установившиеся шаблоны.

Процедуры

Подобного же рода процесс изменений, оцениваемый то как эрозия, то как демократизация, протекает в области процедур. В течение длительного времени существовала универсальная вера в научный метод, в те процедуры, посредством которых наука безошибочно дает правильные ответы на разрабатываемые проблемы. Задачей истории науки было показать, что наука всегда поступает правильно, а задача философии науки состояла в том, чтобы показать, как это происходит на самом деле. С ростом неопределенности, а затем и комплексности знаний и стратегий эта мотивирующая вера постепенно теряла убедительность. Невозможность выделить метод, не являющийся логически ошибочным, усугубила трудности. Философия «фальсификационизма» Карла Поппера, столь ценная в качестве морального предписания, оказалась бесполезной в процессе накопления знаний. Когда в научной практике доминирует статистика, не может быть и речи об «истине» в ее традиционном понимании, поскольку результаты зависят от нелогичных и туманных рассуждений о нулевых гипотезах и доверительных границах. Даже стандартные статистические методы, бездумно применяемые во всей «привычной» науке, подвергались резкой критике, пример чего мы находим у Зилиака и Макклоски[10].

Что же касается моделей, которые поглощают все больше исследовательских усилий во всех областях и вытесняют более дорогие и трудоемкие традиционные методологии, лучшим высказыванием может стать классическое «все модели ошибочны, но некоторые из них полезны». Повторяющийся принцип «*quis custodiet*» наиболее отчетливо можно применить к процедурам. Исследуемые объекты подвергаются прямому тестированию, каким бы несовершенным оно ни было. Однако проверка процедур имеет абсолютно иной порядок комплексности и сложности.

---

[9] Lundh, A. *et al.*, 2012. *Industry sponsorship and research outcomes*, Cochrane Database of Systematic Reviews 2012, Issue 12. Art. No.: mr000033. doi: 10.1002/14651858.mr000033.pub2. Miedema, F. 2012. Science 3.0 / Real Science, Real Knowledge. Amsterdam University Press, Amsterdam.

[10] Ziliak, S. T. and McCloskey, D., 2008. *The Cult of Statistical Significance / How the Standard Error Costs Us Jobs, Justice, and Lives,* University of Michigan Press, Ann Arbor.

Неудивительно, что один автор[11] нашел множество примеров низкопробной и некачественной работы, ведущей к неблагонадежной и недостойной науке. Невозможно сказать, какая часть этого удручающего факта действительно является новой. Конечно, низкопробная наука всегда была с нами, и в прошлом о ней говорили, в том числе. Но похоже, что в научных сообществах действительно наблюдается рост острого осознания данных проблем. А это может привести к одновременному возникновению противоположных эффектов: стимулировать реформы и усилить цинизм.

Правообладание

В предыдущую эпоху социальные отношения в сфере собственности не менялись с большой скоростью; происходило постоянное вытеснение традиционных «общедоступных знаний» тем, что мы могли бы назвать «корпоративным ноу-хау». Однако в последние годы появилось признание глубоко парадоксальной ситуации в управлении интеллектуальной собственностью. В новых нарождающихся технологиях, особенно в нанотехнологиях, существует беспорядочное смешение систем интеллектуальной собственности. Бо́льшая часть работы выполняется на государственные средства и в общественной сфере, в то время как другая больш*ая* часть является частной собственностью. И это деление не ограничивается результатами исследований, но включает в себя и вспомогательную информацию, необходимую для них. Недавно прозвучало предупреждение о том, что прогресс в данной области серьезно замедляется из-за множества прав собственности, которые защищают различные знания и техники, необходимые для исследований. Таким образом, непосредственно в сфере научной деятельности мы имеем пример, описанный Марксом в «Манифесте коммунистической партии», по замене одного способа производства другим: «Феодальные отношения собственности уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты»[12]. В этом отрывке можно увидеть своего рода параллель с наукой, в которой небольшой полунезависимый исследователь-ремесленник недавно был вытеснен работником умственного труда в промышленно развитой науке («Режим II»). Маркс рассматривал цикл подъемов и спадов современного промышленного капитализма как признак подобного же глубокого системного кризиса для него самого и предполагал, что вскоре вмешается революционный пролетариат. Этого не должно было случиться, по крайней мере, в его временно́м промежутке.

---

[11] Ionnides, J. P. A., 2005. *Why Most Published Research Findings are False,* PLoS Med 2(8): e124. doi:10.1371/journal.pmed.0020124.

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Госполитиздат, 1950. С. 33. — *Прим. пер.*

Однако в настоящее время широко признано, что для сохранения импульса научных инноваций самоуничтожающуюся гибридную систему интеллектуальной собственности необходимо заменить новыми общественными производственными отношениями, которые характеризуются как «открытый исходный код» или «творческое достояние» по типу систем интеллектуальной собственности (ИС) некоторых ключевых информационных отраслей[13]. Не вдаваясь в риторику о «разрыве» оков прав на ИС, закрепленных в патентах, мы видим, что глубокие изменения неизбежны и уже происходят. Даже *Big Pharma*[14] начала придерживаться данной точки зрения, как, например, и Фонд Гейтса в отношении туберкулеза, а также и «*GlaxoSmithKline*»[15] в работе своего фонда Tres Cantos Open Lab Foundation[16]. В этих новых обстоятельствах «могильщиками (научного) капитализма» будут не пролетариат Маркса, «которому нечего терять, кроме своих цепей», а скорее обладатели упомянутого Клэйем Ширки «когнитивного излишка, распространяющего творческий подход и щедрое отношение в связанный век» цифровых знаний[17].

Публикации

Инновации развиваются еще более быстрыми темпами на стадии появления публикаций, что в конечном итоге является жизненной силой научной деятельности и включает в себя информацию. Важным для самосознания науки является внезапное открытие, что на самом деле существует насущная и глубоко проблематичная политэкономия публикаций. Ранее считавшиеся беспроблемной нормой с редкими отклонениями, публикация результатов научной деятельности быстро стала предметом беспокойства, а то и недовольства. Данная проблема даже в большей степени, чем правообладание, может стать рычагом, с помощью которого идеалистические этические допущения «малой науки» станут восприниматься скорее как свобода в политической сфере, не допускаемая, а требующая бдительности и борьбы за ее сохранение. Известного выдающегося математика, воспользовавшегося площадью Тахрир для организации выступления против издателей *Elsevier*, можно рассматривать как знаковую фигуру в назревающих спорах по поводу общедоступности знаний в науке.

---

[13] Igoe, T. and Mota, C., *A Strategist's Guide to Digital Fabrication*, *Strategy + Business*, 64.

[14] ***Big Pharma*** — это термин, используемый для обозначения мировой фармацевтической промышленности. — *Прим. пер.*

[15] ***GlaxoSmithKline*** (GSK) — британская фармацевтическая компания, одна из крупнейших в мире, имеющая отделения в различных странах. Имеет три подразделения, занимающиеся исследованием, разработкой и производством инновационных лекарств, вакцин и потребительских товаров для здоровья. — *Прим. пер.*

[16] Nathan, C. F., 2012. *Let's Gang up on Killer Bugs, New York Times*, 9 December.

[17] Shirky, C., 2010, *Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age*, Penguin Group.

Проблема секретности и публичности возникла почти случайно во время довольно бурного эволюционирования вполне себе благонамеренной науки о глобальном потеплении. Ведущие ученые данной области почувствовали себя оскорбленными, когда неквалифицированные, критически настроенные аутсайдеры, в частности Стив Макинтайр (Steve McIntyre), потребовали предъявить широкой общественности их рабочие данные. В конце концов дело дошло до процессов о свободе информации против отдельных лиц и учреждений в США и Великобритании, чтобы разблокировать данные, которые были получены на государственные средства. Критиков не удалось изолировать и нейтрализовать, как в случае предыдущих прений (особенно с «коровьим бешенством»), поскольку они сформировали «расширенное коллегиальное сообщество» в «блогосфере», на самом популярном сайте с миллионами читателей и наградами за качество (см. www. wattsupwiththat.com). Проблема секретности данных, полученных при государственном финансировании, стала настолько актуальной, что Лондонское королевское общество в качестве официального ответа сформировало рабочую группу под председательством профессора Джеффри Бултона (Geoffrey Boulton) (The Royal Society Policy Centre 2012)[18]. В своем отчете оно настоятельно рекомендовало разработку процедур для обеспечения общедоступности такого рода данных, хотя эти рекомендации не распространялись на компьютерные коды, с помощью которых такие необработанные данные преобразовывались в пригодную для использования информацию.

В ходе последующих обсуждений выяснилось, что многие правила обнародования материалов уже существовали, но они, как правило, игнорировались всеми сторонами публикационного процесса. Осознание наличия проблемы вскоре перешло с исследовательских данных на данные, используемые в процессе регулирования. Стало понятно, что государственные регуляторы обычно принимают решения на основе секретных материалов. В атмосфере взаимных подозрений сработал принцип: «Если что-то скрывают, значит, им есть что скрывать». В самых авторитетных кругах прозвучали обвинения в возможных злоупотреблениях со стороны ведущих фармацевтических компаний и в серьезной некомпетентности европейских регуляторов в управлении данными[19]. Вполне естественно, что таким образом переплетаются вопросы публикации данных и их качества. Самый эффективный способ добиться морального превосходства в научно-политических дебатах — призвать к прозрачности и открытости, тем самым ссылаясь на традиционные нормы науки в сочетании с современными императивами коллегиальной демократии.

---

[18] The Royal Society Policy Centre, 2012. *Science as an open enterprise*. The Royal Society, London.

[19] Goldacre *et al*., 2012. *Drug companies must come clean*, Letter about Roche. *The Times*, 29 October 2012, London.

На другом крыле военных действий внезапно стали актуальными этические вопросы справедливости доступа к информации. Научные публикации не бесплатны и являются не очень-то дешевыми. Как компенсировать издержки издателей? Проблема затрат и компенсаций в цифровую эпоху, уже затронувшая креативные индустрии, внезапно появилась и в науке. Предыдущие, устраивавшие всех договоренности, согласно которым академические библиотеки субсидировали публикации через свою подписку (а также приносили тем самым изрядную прибыль), больше не срабатывают. Кроме того, внезапно появилось осознание, что есть много достойных «людей со стороны», которым нужен доступ к номинально общедоступной информации, но которые не могут или даже не должны платить большую плату за привилегию пользоваться ею.

ВСЯ ЭТА ИНФОРМАЦИЯ, ОЖИДАЮЩАЯ СВОЕГО ЧАСА В ИНТЕРНЕТЕ ИЛИ ОБЛАКЕ, ОКАЗЫВАЕТСЯ БЕСПЛАТНОЙ ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕХ, КОГО СУБСИДИРУЕТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКАЯ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ОПЛАТУ ЗА РАСШИРЕННУЮ ЛИЦЕНЗИЮ.

Без членства в таком богатом учреждении потенциальный исследователь должен внести немалые суммы за каждую единицу важной информации в сектор номинально «общественных знаний», в том числе за исследования, в которые он уже внес свой вклад за счет собственных налоговых отчислений. Сегодня издатели внезапно начинают выказывать возмущение, поскольку ученые обвиняют их в том, что они получают все свои редакционные услуги бесплатно, а затем получают сверхприбыли за счет своего квазимонопольного контроля над престижными изданиями. Вся социальная система научных публикаций, которая была образцом успеха в течение поколений, выполняя самые разнообразные функции (распространение, архивирование, контроль качества, оценка и распределение ресурсов), внезапно потребовала переосмысления. И этот кризис происходит в связи с появлением новых публикационных технологий, которые поставили под угрозу монополию бумажных изданий со всеми их весьма полезными структурами и ограничениями. Нельзя недооценивать серьезность этого вызова общественному институту науки в том виде, в каком мы его знаем.

Итак, «статья» воплощалась в застывшем тексте, напечатанном в нескольких одинаковых экземплярах на бумаге. Это был результат

определенного оригинального исследования «автора» (или, в индустриальных условиях, определенной группы авторов). В статье сообщалось, что это исследование имело свой собственный замкнутый цикл от начала до конца. Даже контроль качества был раздробленным, а анонимные рецензенты отчитывались перед одним редактором, определяя судьбу «статьи». Социальные условия поставленного на поток производства знаний, особенно в отношении системы вознаграждения, которая определяла возможности карьерного роста, никак не способствовали размеренным исследованиям, таким как традиционное естествознание или даже рефлективная натурфилософия, характерная для «джентельменско-любительской» науки. Соответственно, атомизированный проект, рассчитанный на быструю отдачу, стал доминировать во всех аспектах цикла производства знаний. Этому стилю соответствует параллельное развитие того, что можно назвать практической онтологией науки: прилагались усилия к изучению простых и упрощенных систем с использованием концептуальных объектов и инструментов, обычно статистических и математических, позволяющих выводить простые суждения. Таким образом, среди биологов основное внимание стало уделяться как можно более мелким масштабам, начиная с биохимии и до генетики. Цельные, комплексные системы считались непригодными для научного изучения, каковыми они и были в соответствии с таким определением науки.

Этот процесс в его крайней пародийной форме можно увидеть в господствующей экономической теории, где абстрактные математические модели решений мифических разнородных акторов служили для подкрепления политически мотивированных предположений данной дисциплины[20]. Наоборот, благодаря публикации в цифровом формате, текущее исследование теперь может быть в центре непрерывного потока коллективного диалога и развития, в котором может происходить временная кристаллизация «продукта» для удобства. Ведущие журналы во всех областях теперь ведут блоги на своих веб-сайтах, обеспечивая тем самым альтернативные и неформальные каналы общения и диалога. Итак, все прежние разрозненные социальные структуры качества, социального контроля, публичности и доступа, а также, в более широком смысле, практическая онтология науки пришли в замешательство. Наряду с «междисциплинарностью», комплексность сегодня становится ключевым словом во всех науках, имеющих отношение к политике. И здесь мы видим, как все различные аспекты производства научного знания являются взаимововлеченными в эту трансформацию. Поговорив о публикационной деятельности, мы показали, что происходит с исследовательской практикой и даже практической онтологией.

---

[20] Ravetz, J. R., 1994/5. Economics as an Elite Folk-Science: the Suppression of Uncertainty, *The Journal of Post-Keynesian Economics*, 17/2, Winter 1994/5, pp. 165–184.

Гарантия качества

Более драматичным является влияние новых технологий на цикл обеспечения качества. Традиционно системы обеспечения качества науки работали в основном неформально и в значительной степени конфиденциально. Сам факт публикации статьи считался знаком ее качества. Весь процесс критического рассмотрения и улучшения держался в секрете. Атомарная единица установленного знания, воплощенная в документе, не несла полутени неопределенности или качества. Конечно, эта система в целом работала хорошо, но она очень чувствительна к качеству хранителей качества. Экспертная оценка слишком легко может превратиться в «дружескую рецензию». В течение достаточно долгого времени недостатки системы рецензирования прощупывались и обсуждались, и вывод всегда состоял в том, что, как и в случае с демократией, это наихудшая из возможных систем, если не считать всех остальных. Однако функция публикации в оценке деятельности ученых привела к чрезвычайной нагрузке на систему, поскольку принцип «опубликовать или погибнуть» становится правилом в эпоху ограничения ресурсов и потери гарантий занятости[21]. Традиционные информационные технологии способствовали этому застою и перегрузке: огромное количество статей, содержащих обзоры, отчеты и исправления по одной публикации, было бы неудобно и дорого предоставлять для более широкого изучения. Открыть файлы документов по всем публикациям было бы просто невозможно. Но благодаря новым информационным технологиям у нас появились новые устройства. Возможно, самым революционным из всех недавно изобретенных «приложений» является Wiki. Как показала сама Википедия, все редакционные процессы с Wiki могут быть не только удобными, но и прозрачными. В Википедии каждая статья появляется со своего рода родословной, и соавторы приглашаются внести свой вклад в общедоступный процесс обеспечения качества. Конечно, этим процессом можно и злоупотребить, что часто и происходит. Но тогда злоупотребления обычно быстро обнаруживаются, и начинается оживленная открытая дискуссия. Во многих отношениях данный подход внедряется и в исследовательскую науку. То, что раньше было на удивление закрытым объектом, не привлекавшим широкого общественного внимания к своей работе, при почти полном отсутствии журналистских расследований, теперь начинает открываться. Мы можем надеяться, что переход к эффективной «открытости и прозрачности» в управлении наукой, начиная с обеспечения качества, будет плавным. Это должно наступить и наступит.

---

[21] Harley, D. and Acord, S. K., 2011, *Peer Review in Academic Promotion and Publishing: Its Meaning, Locus, and Future*, Center for Studies in Higher Education, UC Berkeley. Permalink: http://escholarship.org/uc/ item/1xv148c8

Последствия

Ближе к концу цикла нас поджидают последствия. Традиционно предполагалось, что они не имеют никакого отношения к научным открытиями. Последствия научной деятельности считались по существу хорошими и чрезвычайно благоприятными в практическом плане, и поэтому ученый мог с чистой совестью передавать результаты своей деятельности обществу для их развития и контроля. В течение XX века, сначала а период войн, а затем в сфере обеспечения безопасности, здравоохранения и окружающей среды, научные последствия проявляли себя все более заметно. Естественной реакцией было начать осуществлять научный контроль над всеми этими проблемами, при этом «риск» стал доминирующим понятием, вытеснив термины «безопасность» и «опасность» в научном дискурсе. Такую ситуацию определили как произведение величин вероятности и ущерба (всегда подразумевая, что их можно точно измерить). Нашлось даже этическое применение: если новый риск количественно не превышает тот, который уже принят, тогда только заблуждающиеся или злонамеренные люди отвергнут новый риск. Подобного рода анализ применялся в первых дебатах о гражданской атомной энергетике и был дискредитирован вместе с самой отраслью катастрофами, произошедшими в США и СССР. К концу века неизбежное присутствие риска (но еще не «опасности») вместе с характерной для него политикой было проанализировано в классической работе «Общество риска»[22]. Сегодня вопрос последствий признан решающим в дискуссиях по вопросам политики в сфере новых технологий, будь то генетически модифицированные культуры или нанотехнологии. Однако науке, которую все признают необходимой, очень трудно развить силу, адекватную ее задачам.

Чтобы понять этот дисбаланс, мы можем увидеть научную цель в том, чтобы работать с Плохим, а не с Хорошим, что традиционно являлось ее задачей. Такие проблемы, как правило, будут «постпривычными» в связи со значительной неопределенностью и ценой принятия решений. Даже когда научная неопределенность незначительна, корыстные интересы могут сдерживать действия, манипулируя всеми соответствующими процессами. «Производственные сомнения» табачной промышленности США — классический случай. Много подобных примеров можно найти в основополагающей работе под названием «Поздние уроки ранних предупреждений»[23]. Таким образом, получается, что плохие результаты, как правило, являются непреднамеренными последствиями господствую-

---

[22] Beck, U., 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity*. SAGE [Рус. перевод: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000].

[23] European Environment Agency, 2002. *Late lessons from early warnings: the precautionary principle 1896–2000*, European Environment Agency, Copenhagen.

щей науки/технологии, осуществляемых стандартным господствующим атомическим способом. И их изучение, этих соответствующих областей, обычно будет второстепенным, слабым в институциональном и политическом плане, а возможно, даже и в научном отношении. Без какого-либо сознательного намерения правила общепринятой научной игры сфальсифицированы против тех, кто занимается наукой о плохом.

Все это быстро меняется в новых условиях научной практики. Во-первых, существует асимметрия у противоборствующих сторон любых дебатов о возможном зле. Авторы предположений сосредоточены и организованы институционально и лично. Оппозиция, как правило, представляет собой коалицию разрозненных обиженных граждан, объединившихся с плохо финансируемыми неправительственными организациями. Но точно так же, как печатный станок и ротационная копировальная машина способствовали росту протестных настроений в прежние времена, мобильные телефоны и социальные сети делают то же самое сегодня. Кроме того, поскольку защита плохого предполагает секретность, способность новых информационных технологий проникать в записи и раскрывать секреты устраняет дисбаланс знаний и, следовательно, власти. Кроме того, в современном обществе есть много хорошо образованных и обладающих соответствующими навыками протестующих, поэтому традиционные классовые различия растворяются. Техника «общественного аудита», при которой данные, методы и парадигмы сторонников развития научно исследуются учеными-гражданами и гражданами-учеными, работающими вместе в рамках подготовки к диалогу, является ценным вкладом в науку плохого[24]. Мы поймем, что наука действительно вступила в новую эпоху тогда, когда *наука плохого* будет признана предметом, достойным преподавания в рамках гуманитарного образования для естественников. Хорошее начало было положено провозглашением «Оксфордских принципов» ответственности в управлении геоинженерными исследованиями[25]. Они могли бы сослужить такую же службу постпривычной науке плохого, какую «мертоновские нормы»[26] научной честности сослужили традиционным исследованиям.

---

[24] Tattersall, P., 2010. What is Community Based Auditing and how does it work? *Futures* 42, pp. 466–474.

[25] Oxford Geoengineering Programme, 2012. *The Oxford Principles*. Oxford Geoengineering Programme, Oxford.

[26] В 1942 году Роберт К. Мертон представил четыре набора институциональных императивов, составляющих этос современной науки, куда вошли коммунизм, универсализм, бескорыстие и организованный скептицизм. См. Merton R. K. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science /Ed. B. Barnes. L.: Penguin

Роль постпривычной науки

В процессе изменения мира, уровень развития сознания всегда отстает от практики. Старшее поколение выдающихся ученых в основном по-прежнему находится в ловушке старого представления о науке как о независимом благородном занятии, поставляющем блага для человечества и говорящем правду властям. В самом деле, мы только-только начали разрабатывать идеологию, с помощью которой моральный дух ученых и, следовательно, качество науки могли бы поддерживаться в этих новых условиях. Эта задача является неотложной, ибо коррупция научной деятельности продвинулась далеко.

НЕТ НИКАКИХ ГАРАНТИЙ, ЧТО НАУКА, КАКОЙ МЫ ЕЕ ЗНАЕМ, С ЦЕНТРАМИ ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА, ПРОИЗВОДЯЩИМИ НАСТОЯЩИЕ ИННОВАЦИИ, ВЫЖИВЕТ.

Даже в современной Европе наука прошла через национальные циклы накопления передового опыта, длиной примерно в три поколения: сначала Италия с Галилеем, затем Англия с Ньютоном, потом Франция с Лавуазье, Лапласом и другими, следом Германия с Либихом, Эйнштейном и другими, и совсем недавно Америка с помощью переселенцев. Сегодня еще предстоит выяснить, сможет ли Китай принять эстафету «западной» науки и соединить количество с качеством, или же европейская цивилизация, как и другие до нее, уже исчерпала свои творческие резервы.

В моей книге «*Научное знание и его социальные проблемы*»[27], написанной довольно давно, я обратился к данной проблеме, представив себе «критическую науку», которая возникнет в противовес «поставленной на поток науке», становящейся, как я видел, доминирующей. Это была намеренно умозрительная работа, в которой я осмыслил множество контркультурных тем 1960-х и завершил ее молитвой Фрэнсиса Бэкона о милосердии в знаниях. Более поздняя концепция постпривычной науки была первой попыткой сформулировать идею «критической науки». В своем роде она была, и до некоторой степени остается, еретической: я представляю себе класс проблем с научной постановкой, но с серьезными неопределенностями и ценностной нагрузкой. Так как в процессе получения научного образования студенты полностью ограждены от подобных проблем, при

Books, 1972; P. 65–79; и Merton R. K. The Sociology of Science. Chicago: Chicago University Press, 1973. P. 267-278. — *Прим. пер.*

[27] Ravetz, J. R., 1971. *Scientific Knowledge and its Social Problems*, Oxford University Press, Oxford.

первом же столкновении с ними на практике они чувствуют себя дезориентированными. Хуже того, когда они пытаются поделиться своими тревогами с коллегами, их часто сторонятся как носителей неудобных знаний. Во многих случаях освобождение приносит конкретный тезис постпривычной науки: грязные тайны все-таки имеют свое название, а также и почетное место в публичном обсуждении.

Некоторое время я задавался вопросом: «Не устареет ли понятие постпривычной науки, когда научное сознание догонит практику?» В конце концов, основной посыл мантры «факты сомнительны, ценности спорны, ставки высоки, а решения неотложны» довольно прост. В нем нет упоминания ни о комплексности (которая была введена в оборот несколькими годами позже), ни об объединенной науке, непредвиденных последствиях, коррупции и небрежной научной практике (на одном, негативном полюсе), ни о «науке плохого» или активистах, гражданах, любительских экспериментах и Creative Commons[28] (на противоположном полюсе). Но, возможно, это простое утверждение способно обеспечить основу для новых, обогащенных идей, которые нам необходимо сформулировать и развить.

Размышления об истории подтверждают этот вывод. Наше современное видение науки восходит к пророческим трудам Декарта и Галилея. Их видение было простым, легким для понимания, в отличие от бэконовского, содержавшего нюансы и сложности. От Декарта мы получили уверенность и свободу от сомнений, а от Галилея объективность и свободу от ценностей и суждений. Стоит полностью процитировать оба важнейших отрывка, поскольку они являются фундаментальными для современного европейского научного мировоззрения.

Декарт говорит нам об источнике своей веры:

> Те длинные цепи выводов, сплошь простых и лёгких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности. Таким образом, если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдалённых, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было

[28] ***Creative Commons*** (CC) — международная некоммерческая организация, предоставляющая бесплатные лицензии авторам для использования при публикации своих работ. Эти лицензии помогают создателям дать заранее разрешение другим на использование продукта при соблюдении определенных условий. — *Прим. пер.*

их раскрыть. Мне не составило большого труда выявить то, с чего следовало начать, так как я уже знал, что начинать надо с простейшего и легко познаваемого. Приняв во внимание, что среди всех искавших истину в науках только математикам удалось найти некоторые доказательства, то есть некоторые точные и очевидные соображения, я не сомневался, что и мне надлежало начать с того, что было ими исследовано, хотя и не ожидал от этого другой пользы, кроме той, что они приучат мой ум питаться истиной и никак не довольствоваться ложными доводами[29].

Галилей более ограничен в своих возможностях, но является столь же убежденным:

Если бы предметом нашего спора было какое-нибудь положение юриспруденции или одной из других гуманитарных наук, где нет ни истинного, ни ложного, то можно было бы вполне положиться на на тонкость ума, ораторское красноречие и большой писательский опыт в надежде, что превзошедший в этом других выявит и заставит признать превосходство защищаемого положения. Но в науках о природе, выводы которых истинны и необходимы и где человеческий произвол (**l'arbitrio humano** – *Прим. Дж. Р.*) ни при чем, нужно остерегаться, как бы не стать на защиту ложного, так как тысячи Демосфенов и тысячи Аристотелей восстанут против всякого заурядного ума, если даже ему посчастливится открыть истину[30].

Я оставил ключевую фразу в оригинале: слово «arbitrio» двусмысленно и относится к волеизъявлению («произвольному») или суждению («арбитражному суду»). Так или иначе, смысл ясен: знание не имеет ничего общего с нами, простыми людьми. Что касается классического обучения, которое гуманистическая культура ценила как истинное образование культурного человека, Декарт систематически развенчивает его в своих «Рассуждениях» (Часть 2), а Галилей отвергает одним предложением. Как стало считаться позднее, это сциентистское видение превратилось в движущую силу всех последующих технократий, от основателей метрической системы в

---

[29] Descartes, R., 1638, *Discourse on Method* [Рус. перевод: Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. — Перевод на русский язык Г. Г. Слюсарева и А. П. Юшкевича. // Рене Декарт. Сочинения в 2 т. — Т. 1. — М., «Мысль», 1989. Электронная публикация: https://gtmarket.ru/library/basis/3698].

[30] Galileo, G., 1632. *Dialogue Concerning the Two Chief World Systems*, translated Stillman Drake, Berkeley: University of California Press [Рус. перевод: Галелей Г. Диалог о двух главнейших системах мира: птолемеевой и коперниковой. — Перевод на русский язык А. И. Долгова. — М.-Л.: ГИТТЛ, 1948. С. 55].

революционной Франции до пророков бихевиористской психологии, математической микроэкономики, теории игр ядерного сдерживания и недавней вероятностной теории финансовых продуктов. В том же духе те, кто утверждал, что «наука (о глобальном потеплении) утвердилась», не могли себе представить, как модели глобального климата, столь успешно предсказывавшие температурные изменения прошлых столетий, могут когда-либо ошибиться в отношении будущего.

В сравнении с этой основополагающей верой современной европейской науки постпривычная наука действительно радикальна, еретична и революционна, в зависимости от вашей интерпретации современной истории. Она открывает путь к множественности точек зрения, к пониманию права на ошибку, к осознанию своего невежества и к смирению. Благодаря своим простым ключевым идеям, она позволяет нам увидеть, как сложившийся образ науки способствует ограниченности, нетерпимости и гордыне.

В чем же состоит синтез всех этих новых форм научной практики, рассмотренных выше? В некотором смысле указанные проблемы существовали во все времена, но сегодня они обостряются, и их уже нельзя отрицать. В этой связи наука как институт вынуждена смотреть на себя реалистично, а не через идеологические очки. Мы могли бы назвать это процессом взросления, в котором основные идеи постпривычной науки играют свою роль до тех пор, пока научное самосознание не трансформируется и не станет всего лишь очевидным здравым смыслом. Возможно, в будущем до этого момента придется идти еще долго.

ТВОРЧЕСТВО И ЛИДЕРСТВО В ПОСТПРИВЫЧНОЕ ВРЕМЯ

Альфонсо Монтуори и Габриэль Доннелли

Введение

Мир переживает родовые муки великой трансформации[1]. Комплексность, плюрализм и неопределенность жизни кажутся ошеломляющими. От Пекина до Рио, от Каира до Лос-Анджелеса скорость изменений не снижается. Действительно, кажется, что та скорость, с которой мы принимаем какую-то радикальную перемену и радикальные изменения вообще как должное, также ускоряется. В недавно вышедшем мультфильме, показывающем эволюционное развитие людей, в последней части, относящейся к нашему времени, прямая осанка уступает место уже знакомой сгорбленной позе людей, проверяющих свои смартфоны. Стоит помнить, что смартфон-технологиям меньше 10 лет: первый iPhone вышел в 2007 году, но в 2014 году для значительной части людей жизнь без него кажется уже почти немыслимой. Тем не менее изменения, вызванные новой технологией, и относительная легкость, с которой она была принята, скрывают факт того, что мы говорим о совершенно неведомых доселе явлениях, а, следовательно, потенциально слепы к последствиям нашей новой сгорбленной позы.

---

[1] См. Macy, J., and Johnstone, C. (2012). *Active hope: How to face the mess without going crazy*. Novato, CA: New World Library; Morin, E., and Kern, B. (1999). *Homeland Earth: A manifesto for the new millennium*. Cresskill, NJ: Hampton Press; Ogilvy, J. (1989). This postmodern business. *The Deeper News*, 1(5), pp. 3–23; Slater, P. (2008). *The chrysalis effect*. Brighton & Portland: Sussex Academic.

Зияуддин Сардар утверждает, что мы живем в постпривычное время, «когда старые ортодоксии умирают, новые еще не родились, и кажется, что очень немногое имеет смысл»[5]. Новые технологии позволяют следить за каждым нашим шагом через интернет, видеонаблюдение, спутники и прочие технические средства. Драматические новости об изменении климата, терроризме, злоупотреблениях властью и безудержно нарастающем неравенстве в сочетании с нашей кажущейся неспособностью разобраться во всем этом, означают, что «Шок будущего», описанный Элвином Тоффлером[6] несколько десятилетий назад, приближается. Выпажение «шок будущего», предложенный Тоффлером, был обыгрыванием термина «культурный шок»: будущее так же дезориентирует и шокирует, как культура чужой страны, где самые обыденные вещи делаются иначе, дезориентирующе странно, абсолютно ... непривычно, и мир действительно кажется бессмысленным.

Социолог Зигмунд Бауман пишет, что современность превратилась из «твердой» в «текучую»: все течет и изменяется, нет предсказуемости, определенности, стабильности, и люди должны стать гибкими, приспосабливающимися, способными работать в условиях большой неопределенности[7]. Военные США описывают современный мир аббревиатурой VUCA: Volatile (неустойчивый), Uncertain (неопределенный), Complex (комплексный), Ambiguous (двусмысленный). В мире бизнеса аббревиатура FUD используется для описания состояния страха (fear), неуверенности (uncertainty) и сомнений (doubt)[8]. Сардар утверждает, что в этом сложном, текучем и неопределенном межвременье творчество и воображение необходимы для преодоления «комплексности, противоречий и хаоса» постпривычного периода:

ВООБРАЖЕНИЕ — ГЛАВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ, И МЫ БЫ ПРЕДПОЛОЖИЛИ, ЧТО ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ, КОТОРЫЙ ВЕДЕТ НАС ОТ ПРОСТОГО АРГУМЕНТИРОВАННОГО АНАЛИЗА К БОЛЕЕ ВЫСОКОМУ СИНТЕЗУ.

---

[5] Sardar, Z. (2010). Welcome to postnormal times. *Futures*, 42(5), pp. 435–444.

[6] Toffler, A. (1984). *Future shock*. New York: Bantam [*Тоффлер, Э.* Шок будущего. — М.: АСТ, 2008].

[7] Bauman, Z. (2005). *Liquid life*. London: Polity Press; Bauman, Z. (2007). *Liquid times. Living in an age of uncertainty*. London: Polity Press; Bauman, Z. (2008). *The art of life*. London: Polity Press.

[8] Winograd, M., and Hais, M. D. (2011). *Millennial momentum: How a generation is remaking America*. New Brunswick, nj: Rutgers University Press.

Хотя воображение неосязаемо, оно создает и формирует нашу реальность. Будучи умозрительным инструментом, оно влияет на наше поведение и ожидания. Нам необходимо представить себе выход из постпривычного времени. Наше представление о будущем, наступающем после постпривычного времени, будет зависеть от качества нашего воображения. Учитывая, что наше воображение полностью зависит от нашей собственной культуры и ограничено ею, нам придется дать волю широкому спектру воображений, присущих как богатому разнообразию человеческих культур и множественным способам альтернативного воображения, так и традиционным, ортодоксальным способам бытия и деятельности[9].

Для Сардара воображение и его более широкое понятие, творчество, необходимы, чтобы «представить себе выход из ситуации постпривычного времени». Поскольку старые способы мышления и действия терпят неудачу, творчество становится жизненно важным ресурсом для представления и разработки альтернатив, будь то технологические, экономические или социальные. Творчество превратилось из увлекательного, маргинального, странного и необъяснимого явления в двигатель социальных изменений и преобразований. Оно стало центральным в переходе от промышленно-машинного мировоззрения к новому, еще не сформулированному, миру. При этом само творчество кардинально меняется. В то время как 20 лет назад гений-одиночка все еще был культовой моделью творчества, сегодня оно все чаще рассматривается как процесс отношений, совместных будней, всех и везде. И такое положение не ограничивается искусством, наукой и «большой идеей». Изменения в творчестве обусловлены и в свою очередь сами движут социальными тенденциями и социальными изменениями.

Есть два ключевых аспекта старого мировоззрения, которые мы можем назвать «машинами Гоббса». Это своеобразное сочетание ньютоно-картезианской парадигмы мышления[10], метафоры часового механизма и индустриального взгляда на мир[11], с предположением, что мир в основе своей сформирован иерархией безжалостной конкуренции и менталитетом «мы против них», «Homo homini lupus» Гоббса (человек человеку

---

[9] Winograd, M., and Hais, M. D. (2011). *Millennial momentum: How a generation is remaking America*. New Brunswick, nj: Rutgers University Press.

[10] ***Ньютоно-картезианская парадигма*** — система мышления, основанная на трудах британского естествоиспытателя Исаака Ньютона и французского философа Рене Декарта. Основана на стихийном материализме. Особое влияние оказала на развитие физики и точных наук в целом. — *Прим. пер.*

[11] См. Capra, F. (1984). *The turning point: Science, society, and the rising culture*. New York: Bantam; Russell, D. W. (1983). *The religion of the machine age*. London: Routledge & Kegan Paul; Scott, A. (1997). Modernity's machine metaphor. *British Journal of Sociology*, pp. 561–575; Toulmin, S. (1992). *Cosmopolis. The hidden agenda of modernity*. Chicago: University of Chicago Press.

волк)[12]. В совокупности это создает то, что Слейтер называет «культурой контроля», а Эйслер назвал культурой доминирования[13]. Альтернативная точка зрения говорит о том, что Вселенная в своей основе представляет творческий процесс[14], и что *люди* могут — хотя и не намерены — развивать сотрудничество или «партнерство», то есть взаимовыгодные отношения.

Эдгар Морин утверждал, что сегодня необходима мысль, являющаяся *радикальной*. Под ней он подразумевал такую мысль, которая добирается до сути наших предположений и проблем, мысль, которая соединяет и различает, а не разделяет и фрагментирует[15]. В переходное время, подобное нашему, мы считаем, что необходимо последовать его совету и сделать шаг назад, посмотрев на картину в целом, расположив себя в пространстве и времени. Мы должны быть в состоянии понять силы, которые сформировали наше старое мировоззрение, и то, как оно повлияло на наш выбор. Нам необходимо понять, откуда мы пришли и как нас сформировало наше время, чтобы двигаться к другому будущему. В нашей работе мы прослеживаем эволюцию творческой деятельности и лидерства и исследуем, как и почему они изменились в зарождающемся сетевом обществе. Мы даем описание этих изменений, а в конце предлагаем краткое обсуждение того, как творчество и лидерство могут решить некоторые из наиболее проблемных аспектов недавних изменений.

Исторические корни

На Западе концепция творчества в том виде, в каком мы ее знаем сегодня, возникла в XV веке в эпоху Возрождения[16]. Ее появление совпало с рожде-

---

[12] См. Slater, P. (2008). *The chrysalis effect*. Brighton & Portland: Sussex Academic; Eisler, R. (1987). *The chalice and the blade*. San Francisco: Harper Collins; Montuori, A. (1989). *Evolutionary competence: Creating the future*. Amsterdam: Gieben; Rifkin, J. (2009). *The empathic civilization. The race to global consciousness in a world in crisis*. New York: Tarcher/Penguin; Slater, P. (1991). *A dream deferred. America's discontent and the search for a democratic ideal*. Boston: Beacon.

[13] Slater, P. (2008). *The chrysalis effect*. Brighton & Portland: Sussex Academic; Eisler, R. (1987). *The chalice and the blade*. San Francisco: Harper Collins.

[14] См. Ceruti, M. (2008). *Evolution without foundations*. Cresskill, nj: Hampton Press; Davies, P. (1989). *The cosmic blueprint. New discoveries in nature's creative ability to order the Universe.* New York: Simon and Schuster; Kaufman, G. D. (2004). *In the beginning... creativity*. Minneapolis, mn: Augsburg Fortress Publishers; Peat, F. D. (2000). *Blackwinged night. Creativity in nature and mind.* Cambridge, ma: Perseus/Helix Books; Peat, F. D. (2002). *From certainty to uncertainty. The story of science and ideas in the 20th century*. Washington, DC: Joseph Henry Press; Swimme, B., and Tucker, M. E. (2011). *Journey of the universe*. New Haven: Yale University Press.

[15] Morin, E., and Kern, B. (1999). *Homeland Earth: A manifesto for the new millennium*. Cresskill, NJ: Hampton Press.

[16] Tonelli, G. (1973). Genius from the Renaissance to 1770. In P. P. Wiener (Ed.), *Dictionary of the history of ideas* (pp. 293–297). New York: Scribner.

нием гуманизма и индивидуализма[17], а также реакцией против теократии. Она расцвела вместе с гениальным мифом романтизма в конце XVIII века[18]. До 1980-х годов творческая деятельность на Западе исследовалась в основном в рамках дисциплины психологии. Основное внимание уделялось тому, что мы знаем как «3П»: персона, процесс и продукт[19]. В романтической мифологии, лежащей в основе этого атомистического, индивидуалистического взгляда, творческий человек был в основном одиноким, часто эксцентричным гением[20]. Единицей анализа был почти исключительно необыкновенный или, другими словами, «выдающийся» человек[21].

Творческое «как» возникало исключительно «внутри» этого индивидуума, творческой личности. Классический образ творческого процесса представлял собой лампочку, загорающуюся над головой творца в момент «эврика!». Творческий процесс рассматривался как деятельность одиночки, сначала с мистическими или божественными истоками, а затем все чаще связываемый с необычными психическими состояниями и психопатологией[22].

«Что» или продукт творчества ассоциировался с «большим взрывом», потрясающими идеями и продуктами[23]. «Где» творчества было ограничено конкретными областями, почти полностью относящимися к искусству и науке. Мы можем видеть это на примере великих классических образцов творчества, почти все до одного созданных мужчинами и почти полностью состоящих из художников и ученых, таких как Ван Гог, Эйнштейн, Моцарт и Фейнман[24].

Меняющееся лицо творчества и лидерства

В начале XXI века меняется то, как мы понимаем, воплощаем и выражаем наше творчество. Эти новые теденции, в свою очередь, влияют на то, как меняется общество[25]. Творческая деятельность ведет к переменам, а пере-

---

[17] Wittkower, R. (1973). Genius: Individualism in art and artists. In P. P. Wiener (Ed.), *Dictionary of the history of ideas* (pp. 297–312). New York: Scribner.

[18] Goehr, L. (1992). *The imaginary museum of musical works*. New York: Oxford University Press.

[19] Runco, M. (2007). *Creativity. Theories and themes: Research, development, and practice*. Amsterdam: Elsevier.

[20] Montuori, A., & Purser, R. (1995). Deconstructing the lone genius myth: Towards a contextual view of creativity. *Journal of Humanistic Psychology*, 35 (3), pp. 69–112.

[21] Glaveanu, V. P. (2010). Paradigms in the study of creativity: Introducing the perspective of cultural psychology. *New ideas in psychology*, 28, pp. 79–93.

[22] Andreasen, N. C. (2006). *The creative brain: The science of genius*. New York: Plume.

[23] См. Montuori, A., and Purser, R. (Eds.). (1999). *Social Creativity* (Vol. 1). Cresskill, NJ: Hampton Press; Runco, M. (2004). Creativity. *Annual Review of Psychology*, 55, pp. 657–687; Runco, M. (2007). *Creativity. Theories and themes: Research, development, and practice*. Amsterdam: Elsevier.

[24] Barron, F., Montuori, A., and Barron, A. (Eds.). (1997). *Creators on creating. Awakening and cultivating the imaginative mind*. New York: Tarcher/Putnam.

[25] Montuori, A., and Donnelly, G. (2013). Creativity at the opening of the 21st century. *Creative Nursing: A Journal of Values, Issues, Experience & Collaboration*, 19(2), pp. 58–63.

мены — к творчеству. Три основных тренда включают: а) рассмотрение творчества как более сетевого, коллективного процесса, б) восприятие творчества как повседневного, повсеместного, всеобщего процесса, а не чего-то ограниченного исключительно деятельностью гениев[26], и в) артикуляция творчества как формы лидерства, а лидерства как формы творчества[27].

Неудивительно, что дискурс и практика лидерства в постпривычное время тоже меняются. В двух наиболее важных общественных движениях последних нескольких лет, в «арабской весне» и движении против неравенства «Захвати!», не было ни героического, «великого человека», ни даже медиагеничного отдельного представителя[28]. Современные концепции лидерства и творчества уходят своими корнями в одни и те же теоретические предположения и исследовательские подходы. Мы кратко проследим их историю, а затем укажем на различные пути их изменения в начале XXI века. Новые предположения и теоретические основы, а также конкретные практики лидерства и творчества могут дополнять друг друга и отражать более распределенный, реляционный взгляд на них.

Лидерство и креативность переходят от «Героя», «Великого человека» к более реляционному, распределенному «для всех/везде/каждый день» процессу. Особую актуальность в постпривычное время приобретает формирующийся взгляд на лидерство как на творческий процесс и на творчество как на процесс лидерства. Лидерство может быть формой самосотворения в контексте социальной ответственности, а также развития различных возможностей и альтернатив в мире. Если творческие идеи и процессы могут изменить мир, то как мы хотим, чтобы это произошло для нас самих и других? На что направлена наша творческая деятельность? Креативность все чаще применяется к социальным проблемам в движениях, цель которых — социальные инновации, социальное предпринимательство и социальные лаборатории, в широком смысле

---

[26] См. Montuori, A. (2011a). Beyond postnormal times: The future of creativity and the creativity of the future. *Futures*: The Journal of Policy, Planning and Future Studies, 43(2), pp. 221–227; Montuori, A. (2013). Creativity and the Arab Spring. *East West Affair*, 1(1).

[27] Burns, J. M. (2004). *Transforming leadership: The pursuit of happiness*. New York: Grove; Csikszentmihalyi, M. (2004). *Good business: Leadership, flow, and the making of meaning*. New York: Penguin; Gardner, H. (1995). *Leading minds*. New York: Basic Books; Hooker, C., and Csikszentmihalyi, M. (2003). Flow, creativity, and shared leadership. In C. L. Pearce and J. A.; Conger (Eds.), *Shared leadership: Reframing the hows and whys of leadership* (pp. 217–234). Thousand Oaks, CA: Sage; Montuori, A. (2010). T*ransformative leadership for the 21st century. Reflections on the design of a graduate leadership curriculum*. ReVision, 30 (3–4), pp. 4–14; Simonton, D. K. (1984). *Genius, creativity, and leadership: Historiometric inquiries*. Cambridge: Harvard University Press; Sternberg, R. J. (2007). A systems model of leadership: wics. *American Psychologist*, 62 (1), p. 34.

[28] См. Castells, M. (2012). *Networks of outrage and hope. Social movements in the internet age*. Malden, ma: Polity Press; Montuori, A. (2013). Creativity and the Arab Spring. *East West Affair*, 1(1).

определяемые как генерация и реализация новых идей о социальных отношениях и социальной организации[29]. Превращение возможностей в реальность требует, чтобы творцы также стали лидерами. Руководители должны быть подотчетны и ответственны за направление и применение человеческого творческого потенциала, а творческий подход должен дать им новые шансы и возможности для выхода за пределы постпривычного времени. Взаимосвязанный дуэт творчества и лидерства может начать решать проблемы старого мира, развивать и направлять нас к альтернативным, более гуманным, более справедливым и более сознательным временам.

Исторические и концептуальные истоки творчества и лидерства

Современные концепции творчества и лидерства на Западе восходят к романтическому герою, мифу об «одиноком гении»[30] и образу «великого человека»[31]. До второй половины XX века лидерство в основном изучалось через отдельных личностей, а изучение креативности представляло собой изучение людей творческих профессий[32]. Основное внимание уделялось тому, что делало конкретных людей исключительными, и, следовательно, в обеих областях основное внимание уделялось чертам характера, личности и когнитивным аспектам[33]. Данный подход, основанный на таких классических противопоставлениях модерна, как творчество/конформизм, гений/массы (и, конечно же, гений/безумие), а также лидер/последователи, был «исключительным». Лидеры и творцы считались исключительными личностями с необычными способностями в ограниченном числе областей, таких как политика, бизнес, искусство и наука, а также военное дело. Исторический обзор лиц, считающихся великими творцами и лидерами на Западе, показывает преобладание среди них белых мужчин, в то время как люди другой этнической и расовой принадлежности, а также женщины в целом явно

---

[29] См. Hassan, Z. (2014). *The social labs: A new approach to solving our most complex challenges*. San Francisco: Berrett-Koehler; Howaldt, J., Schwarz, M., Henning, K., and Hees, F. (2010). *Social Innovation: Concepts, research fields and international trends*: ima/zlw.

[30] Montuori, A., & Purser, R. (1995). Deconstructing the lone genius myth: Towards a contextual view of creativity. *Journal of Humanistic Psychology*, 35 (3), pp. 69–112.

[31] Western, S. (2008), *Leadership. A critical text*. Thousand Oaks: Sage.

[32] См. Montuori, A. (2011b). Social psychology. In M. Runco and S. Pritzker (Eds.), *The encyclopedia of creativity*. Amsterdam: Elsevier; Western, S. (2008). Leadership. A critical text. Thousand Oaks: Sage; Runco, M. (2007). *Creativity. Theories and themes: Research, development, and practice*. Amsterdam: Elsevier.

[33] См. Western, S. (2008), *Leadership. A critical text*. Thousand Oaks: Sage; Western, S. (2008). Leadership. A critical text. Thousand Oaks: Sage; Pope, R. (2005). *Creativity. Theory, history, practice*. New York: Routledge.

отсутствуют[34]. Только недавно в данный дискурс начали включать женщин, при этом количество возможных примеров растет в геометрической прогрессии, а Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Нельсон Мандела и Малкольм Икс стали иконами незападного, небелого лидерства.

Тенденции XX века

Ряд возникших в XX веке интеллектуальных направлений привел к тщательному анализу и критике доминирующих атомистических взглядов на лидерство и творчество:

- Социальные конструкционисты утверждали, что то, что мы называем «творческим» или те, кого мы называем «лидерами», представляют собой результат суждений, и поэтому творчество и лидерство социально сконструированы: нет «сущности» лидера, есть общественное представление, делающее людей лидерами и определяющее их поведение как «лидерское». Отношения между «я» и обществом следует рассматривать более релятивистски, а эссенциалистские взгляды на себя («прирожденный лидер», «у тебя либо есть это, либо нет») подвергаются критике[35].
- Интеллектуальное движение, широко известное как постмодернизм, подвергло критике понятия индивидуума, эссенциализма, «субъекта» и «автора», а также продемонстрировало коммерческие и политические интересы, заложенные в дискурсе творчества и лидерства[36].

---

[34] См. Bordas, J. (2007). *Salsa, soul, and spirit: Leadership for a multicultural age*. San Francisco: Berrett-Koehler; Chin, J. L., Lott, B., Rice, J.K., and Sanchez-Hucles, J. (Eds.). (2007). *Women and leadership. Transforming visions and diverse voices*. Malden, ma: Blackwell Publishing.

[35] См. Fairhurst, G. T., and Grant, D. (2010). *The social construction of leadership: A sailing guide*. Management Communication Quarterly, 24 (2), pp. 171–210; Gergen, K. J. (1994). *Realities and relationships, soundings in social construction*. Cambridge: Harvard University Press; Gergen, K. J. (2000). *The saturated self: Dilemmas of Identity in contemporary life*. New York: Basic Books; Gergen, K. J. (2009). *An invitation to social construction*. Thousand Oaks: Sage; Kasof, J. (1985). Explaining creativity: The attributional perspective. *Creativity Research Journal*, 8 (4), pp. 311–366; Mockros, C. A., and Csikszentmhalyi, M. (1999). The social construction of creative lives. In A. Montuori and R. Purser (Eds.), *Social Creativity* (Vol. 1, pp. 175–218). Cresskill, NJ: Hampton Press; Sampson, E. E. (2008). *Celebrating the other: A dialogic account of human nature*. Chagrin Falls: Taos Institute Publications.

[36] См. Barthes, R. (1977). *Image-music-text*. London: Fontana; Boje, D., Gephart, D., and Joseph, T. (Eds.). (1996). *Postmodernism and organization theory*. Newbury Park: Sage; Grint, K., and Jackson, B. (2010). Toward 'socially constructive' social constructions of leadership. *Management Communication Quarterly*, 24 (2), pp. 348–355; Hare-Mustin, R. T., and Marecek, J. (1988). The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology. *American Psychologist*, 43, pp. 455–464; Foucault, M., & Rabinow, P. (1984). *The Foucault reader* (1st ed.). New York: Pantheon Books; Kearney, R. (1988). *The wake of imagination: Towards a postmodern culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press;

- Системный и комплексный подходы подчеркнули важность перспективы открытых систем, в частности, взаимодействия между человеком и обществом, а также роль контекста. Они указывают на «самоорганизацию» природных и социальных явлений, происходящую снизу вверх, а не сверху вниз, — с восходящим, распределенным, а не нисходящим подходом, и, таким образом, значимость рекурсивных, причинно-следственных взаимодействий, оказывающих определенное влияние как на творчество, так и на лидерство[37].
- Зарождающееся сетевое общество, появившееся благодаря социальным сетям, интернету и относительно дешевой глобальной транспортной системе, привело к повышению осознания важности роли взаимодействия, сетей и процессов сотрудничества, подводя к большей открытости для более реляционного, взаимосвязанного понимания агентивности и единицы анализа[38]. Это особенно заметно у так называемого поколения «миллениалов»[39].

Stigliano, T. (1999). Creativity, Romanticism, and the rise of consumerism. In A. Montuori and R. Purser (Eds.), *Social Creativity* (Vol. 1). Cresskill, NJ: Hampton Press.

[37] См. Borgo, D. (2006). *Sync or swarm: Improvising music in a complex age*. London: Continuum; Brafman, O., and Beckstron, R. A. (2008). *The starfish and the spider: The unstoppable power of leaderless organizations*. New York: Portfolio Trade; Contractor, N. S. (1999). Self-organizing systems research in the social sciences: Reconciling the metaphors and the models. *Management Communication Quarterly*, 13 (1), pp. 154–166; Johnson, S. (2001). *Emergence: The connected lives of ants, brains, cities, and software*. New York: Scribner; Luhmann, Niklas. (2013). *Introduction to systems theory*. Cambridge, UK: Polity; Montuori, A. (2011c). Systems approach. In M. Runco and S. Pritzker (Eds.), *The encyclopedia of creativity* (Vol. 2, pp. 414–421). San Diego: Academic Press; Morin, E. (2008). *On complexity*. Cresskill, NJ: Hampton Press; Wheatley, M. (2006). *Leadership and the new science*. San Francisco: Berrett-Koehler.

[38] См. Anderson, W. T. (2001). *All connected now. Life in the first global civilization*. Boulder: Westview Press; Barabasi, A. (2003). Linked. *How everything is connected to everything else and what it means for business, science, and everyday life*. New York: Plume; Castells, M. (2000). *The rise of the network society* (New Edition). New York: Wiley-Blackwell; Christakis, N. A., and Fowler, J. H. (2009). *Connected: The surprising power of our social networks and how they shape our lives* (1st ed.). New York: Little, Brown and Co.; Leadbeater, C. (2009). *We-think: Mass innovation, not mass production* (2nd ed.). London: Profile Books; Nielsen, M. (2012). *Reinventing discovery: The new era of networked science*. Princeton: Princeton University Press; Taylor, M. (2003). *The moment of complexity. Emerging network culture*. Chicago: University of Chicago Press.

[39] Pachucki, M. A., Lena, J. C., and Tepper, S. J. (2010). Creativity narratives among college students: Sociability and everyday creativity. *Sociological Quarterly*, 51, pp. 122–149; Pew, Research Center. (2007). *Millennials. A portrait of a generation. Confident. Connected*. Open to Change: Pew Research Center; Winograd, M., and Hais, M. D. (2011). *Millennial momentum: How a generation is remaking America*. New Brunswick, nj: Rutgers University Press.

Атомистические, индивидуалистические взгляды «великого человека» на творчество и лидерство стали представлять собой проблему: становилось ясно, что как творчество, так и лидерство были гораздо более сетевыми и совместными, чем предполагалось изначально, не в последнюю очередь потому, что исключительное внимание к отдельным личностям не учитывало роли и важности взаимодействия, социального контекста, организационных структур, политических интересов, динамики расовой и половой принадлежности, а также множества других факторов[40].

Нарождающаяся практика и признание возможности объединить творчество и лидерство[41] совпадает с появлением миллениалов, нового поколения, достигшего совершеннолетия в 2000 году и значительно превосходящего количественно даже бэби-бумеров стремлением поставить на поток творчество в исследованиях и разработках, привлекающих к активным действиям большое число женщин, представителей различных этнических и расовых групп, отдавая им должное и признавая их право на руководящие должности и творческие позиции[42].

Преобразующее творчество

Недавние исследования привели к появлению новых способов концептуализации себя, общества, производства, искусства, науки и творчества, подчеркивая социальное конструирование личности, встроенной в отношения, и существующей в культурном и политическом контексте[43]. В искусстве и индустрии развлечений мы видим это в переходе к тому, что

---

[40] Montuori, A., & Purser, R. (1995). Deconstructing the lone genius myth: Towards a contextual view of creativity. *Journal of Humanistic Psychology*, 35 (3), pp. 69–112.

[41] См. Montuori, A. (2011a). Beyond postnormal times: The future of creativity and the creativity of the future. *Futures*: The Journal of Policy, Planning and Future Studies, 43 (2), pp. 221–227; Sawyer, K., and DeZutter, S. (2009). Distributed creativity: How collective creations emerge from collaboration. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 3 (2), p. 81.

[42] См. Eisler, R., and Montuori, A. (2007). Creativity, society, and the hidden subtext of gender: A new contextualized approach. *World Futures. The Journal General Evolution*, 63 (7), pp. 479–499; Winograd, M., and Hais, M. D. (2011). *Millennial momentum: How a generation is remaking America*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

[43] См. Csikszentmihalyi, M. (1999). A systems perspective on creativity. In R. Sternberg (Ed.), *Handbook of creativity* (pp.313–335). Cambridge: Cambridge University Press; Gergen, K. (2009). *Relational being: Beyond self and community*. New York: Oxford University Press; Kearney, R. (1999). The narrative imagination. In A. Montuori and R. Purser (Eds.), *Social Creativity*. Volume (Vol. 1, pp. 61–79). Cresskill, NJ: Hampton Press; Rosenau, P. M. (1992). *Post-modernism and the social sciences. Insights, inroads, and intrusions*. Princeton, NJ: Princeton University Press; Sardar, Z. (1999). P*ostmodernism and the Other*. London: Pluto Press; Foucault, M., & Rabinow, P. (1984). *The Foucault reader* (1st ed.). New York: Pantheon Books; Kearney, R. (1988). *The wake of imagination: Towards a postmodern culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press; Pope, R. (2005). *Creativity. Theory, history, practice*. New York: Routledge.

было названо «культурой участия», предполагающей стирание границ между «художником» и аудиторией[44]. Казалось бы, тривиальный пример караоке дает представление о том, как сегодня развлекательный процесс предполагает более широкое и активное участие аудитории. Это уже не пассивные зрители, слушающие музыку. Зрители также являются исполнителями. *Википедия* — еще один пример заведомо противоречивой «мудрости толпы», где есть коллективные статьи и такой же процесс редактирования. В видеоиграх пользователи создают свои собственные серии уровней. В исследованиях и разработках участие конечных пользователей в процессе проектирования становится все более приемлемой нормой. Согласно Дженкинсу, культура сопричастности отражает переход от индивидуального самовыражения к более активному участию сообщества, к эмерджентным, восходящим и даже низовым процессам и отходу от традиционной зависимости от нисходящего подхода.

Исследования в области психологии творчества сегодня включают пристальное внимание к *повседневному творчеству*, а не только к «выдающимся творческим людям» и их великому вкладу. Творчество ни в коем случае не ограничивается искусством и наукой[45]. Концепция повседневного творчества предполагает, что творчество может проявляться в повседневной жизни, в менее возвышенных областях, и не обязательно должно принимать форму шедевра в искусстве или открытия в науке. Это дает возможность признать творчество явлением, способным пронизывать все измерения жизни. *Место* для творчества теперь потенциально находится *везде*. Растет также признание группового и совместного творчества. Об этом говорят новые исследования инноваций, группового творчества, джаза, а также растущее признание «мудрости толпы», творческого потенциала «открытых инноваций», когда в сложные проблемы посвящается общественность, что помогает генерировать нужные решения[46].

---

[44] Jenkins, H. (2008). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: NYU Press.

[45] См. Richards, R. (Ed.). (2007). *Everyday creativity and new views of human nature: Psychological, social, and spiritual perspectives*. New York: American Psychological Association Press; Runco, M., and Richards, R. (Eds.). (1997). *Eminent creativity, everyday creativity, and health*. Westport, ct: Ablex/Greenwood.

[46] См. Barron, F. (1999). All creation is a collaboration. In A. Montuori and R. Purser (Eds.), *Social Creativity* (Vol. 1, pp. 49–60). Cresskill, NJ: Hampton; Stigliano, T. (1999). Creativity, Romanticism, and the rise of consumerism. In A. Montuori and R. Purser (Eds.), *Social Creativity* (Vol. 1). Cresskill, NJ: Hampton Press; Christakis, N. A., and Fowler, J. H. (2009). *Connected: The surprising power of our social networks and how they shape our lives* (1st ed.). New York: Little, Brown and Co.; Montuori, A. (2003). The complexity of improvisation and the improvisation of complexity. Social science, art, and creativity. *Human relations*, 56 (2), pp. 237–255; Montuori, A., & Purser, R. (1995). Deconstructing the lone genius myth: Towards a contextual view of creativity. *Journal of Humanistic*

ТРЕНДЫ ПОКОЛЕНИЙ СТАНОВЯТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ОЧЕВИДНЫМИ И ВЛИЯТЕЛЬНЫМИ.

Исследование, проведенное в 2010 году, показало, что студенты-миллениалы связывают творчество с повседневной деятельностью и социальным взаимодействием[47]. В то время как для бэби-бумеров творчество ассоциируется с «выдающимися творческими личностями», такими как Эйнштейн, Ван Гог или отдельные знаменитые художники, в сегодняшней «культуре сопричастности»[48] основное внимание уделяется не столько «выдающимся творческим людям», сколько процессам участия, отношениям со сверстниками и семьей, где «создание — это соединение»[49].

То, что может показаться великим участием, также может превратиться в массовое манипулирование и эксплуатацию. Как отмечает Дуглас Рашкофф в своем документальном фильме *«Поколение лайков» (Generation Like)* из телевизионного шоу *Frontline*, у фильма «Голодные игры» есть вебсайт, на котором проводится конкурс на лучшего и самого преданного фаната. По сути, это означает, что фанаты теперь используют социальные сети для продвижения фильма, а наградой за это является титул «Фанат № 1» и, возможно, упоминание этого человека одной из звезд фильма. Таким образом, проект получает постоянную популяризацию среди широких масс, а фанаты обретают социальный статус за счет «ретвитов» или ответных реакций звезд фильма, что повышает положение фаната в своей группе. Кроме того, растет количество «лайков», получаемых такими людьми в социальных сетях. Произошел значительный сдвиг в сторону гораздо более интерактивных отношений между аудиторией и «поставщиками контента». Очевидно, что деловые круги научились использовать это в своих интересах. Но хотя данный факт, пожалуй, самое очевидное выражение этого перехода, он ни в коем случае не является единственным.

Psychology, 35 (3), pp. 69–112; Montuori, A., and Purser, R. (Eds.). (1999). *Social Creativity* (Vol. 1). Cresskill, NJ: Hampton Press; Paulus, P. B., and Nijstad, B. A. (Eds.). (2003). *Group creativity: Innovation through collaboration*. New York: Oxford University Press; Schrage, M. (1999). *Serious play: How the world's best companies simulate to innovate*. New York: Harvard Business School Press; Surowiecki, J. (2005). *The wisdom of crowds*. New York: Anchor.

[47] Taylor, M. (2003). *The moment of complexity. Emerging network culture*. Chicago: University of Chicago Press.

[48] Sardar, Z. (1999). P*ostmodernism and the Other*. London: Pluto Press; Jenkins, H. (2009). *Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century*. Boston: The Mit Press.

[49] Gauntlett, D. (2013). *Making is connecting*. New York: John Wiley & Sons.

Многие из самых интересных инноваций в социальной сфере за последние примерно 20 лет были связаны с созданием сетевых сообществ, расширением состава участников и инициативами, идущими снизу. Эти инновации возникли благодаря появлению интернета, социальным сетям, росту сетевых сообществ, изменению роли женщин и ценностям поколения миллениалов. Спектр примеров более активного творчества на низовом уровне включает (и он ограничен в основном примерами из США/Великобритании): *YouTube, Etsy*[50], *Facebook, Википедию, WebMed*[51], *World of Warcraft*[52], фермерские рынки, продукты питания, произведенные кустарным образом, движение *Slow Food*[53], *MySpace*, блоги, влоги[54], *Twitter*, флешмобы, шоу *Britain's Got Talent*[55], независимые музыкальные лейблы и фильмы, культуру «сделай сам», включая «выбери сам» образование[56], *Yelp*[57], *Garage Band*[58], *TripAdvisor*[59], *Craigslist*[60], «Танцы со звездами»,

---

[50] **Etsy, Inc.** — американская компания электронной коммерции, глобальный онлайн-рынок, на котором собираются те, кто создает, продает, покупает и собирает уникальные предметы ручной работы. — *Прим. пер.*

[51] **WebMD** — американская корпорация, известная прежде всего как онлайн-издатель новостей и информации, касающейся здоровья и благополучия человека. На сайте размещена информация о медицинских препаратах. Является одним из лучших медицинских сайтов. Основан в 1998 году. — *Прим. пер.*

[52] **World of Warcraft** – глобальная многопользовательская ролевая онлайн-игра (MMORPG) разработанная Blizzard Entertainment. Вышла в 2004 году и является самой популярной MMORPG в мире. — *Прим. пер.*

[53] **Slow Food** — движение, противостоящее системе быстрого питания, возникшее в Италии в 1986 году и затем распространившееся на многие другие страны. За время своего существования *Слоуфуд* превратилось в глобальное движение, объединяющее миллионы единомышленников в более чем 160 странах. В основе создания организации Slow Food лежало создание заведений общественного питания, не похожих на фастфуд, — предоставляющих более здоровое питание, а также сохраняющих традиции национальной и региональной кухни, поддерживающих культуру традиционного застолья. — *Прим. пер.*

[54] **Влог** — личный веб-сайт или учетная запись в социальной сети, где пользователь регулярно публикует короткие видеоролики. — *Прим. пер.*

[55] **Britain's Got Talent** — транслируемое по телевидению британское шоу талантов и часть глобальной франшизы Got Talent, созданной Саймоном Коуэллом. — *Прим. пер.*

[56] Kamenetz, A. (2010). *DIY U: edupunks, edupreneurs, and the coming transformation of higher education*. White River Junction, Vt.: Chelsea Green Pub.

[57] **Yelp, Inc**. — разрабатывает веб-сайт Yelp.com и мобильное приложение Yelp, которые публикуют отзывы о компаниях из краудсорсинга. Он также управляет Yelp Reservations, службой бронирования столиков. Штаб-квартира находится в Сан-Франциско, Калифорния. — *Прим. пер.*

[58] **GarageBand** — линейка цифровых аудио рабочих станций для устройств macOS, iPadOS и iOS, которые позволяют пользователям создавать музыку или подкасты. Разработана Apple для macOS и когда-то был частью программного пакета iLife вместе с iMovie и iDVD. — *Прим. пер.*

«Американский идол» и прочие реалити-шоу. Явление «краудсорсинга» для сбора средств через социальные сети также открыло новые возможности финансирования предпринимательской деятельности. Зарождающееся движение *Makers* является еще одним признаком[61], как и связанная с ним концепция Тоффлера «потребителя-производителя» в одном лице, чтобы проиллюстрировать, как традиционное противопоставление между двумя ролями становится размытым[62].

Это новое массовое участие низов не является беспроблемным, как показывает пример «*Голодных игр*». Критики также утверждают, что наблюдается движение в сторону дилетантства: непонятно, указывает ли на улучшение тот факт, что искусствоведы и путешественники подменяются блогами с обзорами и комментариями пользователей сайта TripAdvisor, а газетные и журнальные критики теряют работу. Любое подобие стандартов и высокой культуры, любая оценка опыта и мастерства заменяется вульгарными, дилетантскими незнайками в определенной сфере[63]. Предполагаемый процесс демократизации также может быть уравниловкой, когда традиционные ценности и стандарты качества практически утрачены. Угроза манипулирования со стороны правительств и крупного бизнеса всегда присутствует, а низовые сетевые группы могут также включать террористов и группы хейтеров[64].

Сегодня возникают вопросы о том, приведет ли то, что мы называем творчеством «для всех/везде/каждый день», к росту нарциссизма (и одержимостью своими 15 минутами славы), потребительского эгоцентризма и сглаживанию всех ценностных ориентиров, вследствие чего «Мне-поколение» будет выглядеть позитивно альтруистическим («Необходимо идти в ногу со временем, даже если это всего лишь новая операционная

---

[59] **Tripadvisor, Inc**. — американская туристическая компания, работающая в интернете, управляет веб-сайтом и мобильным приложением с пользовательским контентом, а также веб-сайтом сравнительных цен. Предлагает онлайн-бронирование отелей и бронирование транспорта, жилья, путешествий и ресторанов. — *Прим. пер.*

[60] **Craigslist** (или каталог **Крейга** по имени основателя Крейга Ньюмарка) — сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей Интернета. Возник в Сан-Франциско (США) в 1995 году, когда интернет получил более широкое распространение среди населения. — *Прим. пер.*

[61] Anderson, C. (2012). *Makers: the new industrial revolution*. New York: Random House.

[62] Toffler, A., and Toffler, H. (2006). *Revolutionary wealth*. New York: KNOPF.

[63] См. Carr, N. (2010). *The shallows: What the internet is doing to our brains*. New York: W. W. Norton; Keen, A. (2008). *The cult of the amateur: How blogs, MySpace, YouTube, and the rest of today's user-generated media are destroying our economy, our culture, and our values*. New York: Crown.

[64] См. Rushkoff, D. (2010). *Program or be programmed: Ten commands for a digital age*. New York: Or Books; Rushkoff, D. (2011). *Life Inc. How corporatism conquered the world and how we can take it back*. New York: Random House.

система, без которой не будет работать ни одно из моих приложений») или можно ли направить ее на достойные человеческие устремления. На данный момент суд присяжных отсутствует, а прогнозы разнятся[65]. Вопрос сейчас не столько в том, имеем ли мы творческие таланты, сколько в том, что мы будем делать со своим творчеством? Куда и каким образом мы будем его направлять?

Переосмысление лидерства

Давайте вернемся назад и посмотрим на лидерство более внимательно. Лидерство — это устоявшаяся область академических исследований со своими факультетами и научными степенями. Литература по этой тематике обширна, запутана и часто противоречива: например, Келлерман писал о конце лидерства[66]. Как мы видим, его концептуальные корни аналогичны исследованиям креативности и посвящены изучению исключительных личностей.

Уже в 1985 году Беннис и Нанус писали, что

> Буквально тысячи эмпирических исследований лидеров были проведены только за последние семьдесят пять лет, но нет четкого и однозначного понимания того, что отличает лидеров от нелидеров, и нет понимания того, что отличает эффективных лидеров от неэффективных[67], что, возможно, является более важным.

За последние 25 лет мало что изменилось[68]. В том же году появилась критика лидерства, которая поставила под сомнение «романтичность» образа героического лидера[69]:

> Похоже, что как наблюдатели и члены организаций мы, вероятно, выработали в высшей степени романтизированные, героические взгляды на лидерство: что делают лидеры, каких высот они могут достичь и какое общее влияние они оказывают на нашу жизнь.

---

[65] См. Toffler, A., and Toffler, H. (2006). *Revolutionary wealth*. New York: KNOPF; Greenberg, E., and Weber, K. (2008). *Generation We: How Millennial youth are taking over America and changing our world forever*. Emeryville: Pachatusan; Twenge, J. M., and Campbell, W. K. (2010). *The narcissism epidemic: Living in an age of entitlement*. New York Free Press.

[66] См. Kellerman, B. (2012). *The end of leadership*. New York: Harper Collins; Maccoby, M. (2001). Making sense of the leadership literature. *Research-Technology Management*, 44 (5), pp. 58–60; Rost, J. C. (1993). *Leadership for the twenty-first century*. Westport, CT: Praeger.

[67] Bennis, W., and Nanus, B. (1985). *Leaders: The strategies for taking charge*. New York: Harper.

[68] Western, S. (2008). Leadership. A critical text. Thousand Oaks: Sage.

[69] Bligh, M. C., Kohles, J. C., and Pillai, R. (2011). Romancing leadership: Past, present, and future. *The Leadership Quarterly*, 22 (6), pp. 1058–1077.

Одним из основных элементов этой романтизированной концепции является представление о том, что лидерство является центральным объединяющим процессом и главной силой в системе организационных событий и действий. Это равносильно своеобразной вере в потенциальную, если не реальную эффективность тех людей, которые занимают элитарные позиции формальной организационной власти.

Эта критика героического Великого человека совпала с переходом из одной эпохи в другую[70]. В этот переходный, постпривычный период мы наблюдаем упадок одной руководящей модели лидерства и рождение его новых форм[71].

В целях нашего исследования мы начнем обсуждение лидерства с очень простого вопроса: «Кто может быть лидером?» Краткий обзор истории великих мировых лидеров показывает, что широко признанными, прославленными, а также презираемыми лидерами были в подавляющем большинстве мужчины, представители господствующей культуры, воплощавшие в себе характеристики, которыми можно обобщить (но, конечно, не ограничить таковыми) как «модель героя». В настоящее время становится все более очевидным, что сегодня появляются лидеры из традиционно слабо представленных групп, таких как женщины и различные меньшинства. Президент США Обама, пожалуй, самый драматичный пример. В глобальном «социальном воображении» теперь есть афроамериканский президент Соединенных Штатов. Однако это не значит, что возможности лидерства теперь открылись для всех и каждого. Скорее это сигнализирует о начале перехода к большей открытости по отношению к традиционно плохо представленным на руководящих должностях группам.

Сдвиг в представлении «кто является лидером» распространяется и на другие области: теперь это не только положение, возможно, самого влиятельного человека в мире. Так, например, «*Экологическая премия Голдмана*» ежегодно вручается в Сан-Франциско тем, кого называют «активистами защиты окружающей среды из широких масс» со всего мира, кто внес значительный и зачастую связанный с проявлением мужества вклад в защиту окружающей среды. Победителями становятся не те, кто кажется «героическими лидерами» наподобие драматического образа генерала

---

[70] См. Montuori, A. (1989). *Evolutionary competence: Creating the future*. Amsterdam: Gieben; Morin, E., and Kern, B. (1999). *Homeland Earth: A manifesto for the new millennium*. Cresskill, NJ: Hampton Press; Slater, P. (2008). *The chrysalis effect*. Brighton & Portland: Sussex Academic; Sardar, Z. (2010). Welcome to postnormal times. *Futures*, 42 (5), pp. 435–444; Montuori, A., and Conti, I. (1993). *From power to partnership. Creating the future of love, work, and community*. San Francisco: Harper San Francisco.

[71] Wren, J. T. (2007). *Inventing leadership. The challenge of democracy*. Northampton, MA: Edward Elgar.

Паттона[72]. Они не напоминают великих воинственных лидеров, организующих армии солдат или устраивающих поглощения корпораций. Это обычные мужчины и женщины, доказавшие, что могут быть *весьма* необычными личностями, когда того требуют обстоятельства.

Хотя такие люди видят и представляют себя не совсем привычным образом, они *действительно* являются героями в том смысле, что регулярно вступают в бой с транснациональными корпорациями или правительствами, а то и с теми, и другими, часто подвергая свою жизнь большому риску. Они участвуют в борьбе с вырубкой лесов, приватизацией источников водоснабжения и другими проектами, которые влияют на благосостояние их сообществ или связаны с уничтожением природы. Один из таких лидеров и лауреатов премии Голдмана, Кен Саро-Вива из Нигерии, был повешен коррумпированными властями по сфабрикованным обвинениям, потому что его работа поставила под угрозу их многомиллионные сделки. Лауреаты премии Голдмана — это не те, кто стремится стать генеральными директорами, главнокомандующими или выборными чиновниками. Они не считали себя в традиционном смысле «лидерами нации». Они просто страстно и вдумчиво реагировали на то, что считали несправедливостью. Они чувствовали, что должны сделать что-то большее, чем их личное выживание и благополучие. Они практически стали лидерами [в общепринятом смысле], потому что чувствовали, что должны создать коалицию сподвижников для борьбы с несправедливостью.

Это послание звучит вполне четко. Представление «кто является лидером» изменилось: если лидерство заключается в том, чтобы внести вклад в глобальные изменения, поспособствовав этому через взятие на себя инициативы, то для этого открыто широкое поле деятельности. И по мере того, как члены традиционно слабо представленных групп становятся лидерами, мы можем с уверенностью сказать, что концепция лидерства начнет процветать под воздействием нового потока ценностей, творческих порывов и культур, открывающих новые перспективы и потенциальные возможности. В конце концов, не должно случиться того, чтобы нынешние меньшинства просто присоединились к существующему клубу лидеров и продолжили играть в ту же игру. Само определение лидерства, сами правила игры будут меняться и уже меняются.

---

[72] **Джордж Смит Паттон-младший** (1885–1945) — американский военачальник, один из главных генералов американского штаба, действовавшего в период Второй мировой войны; командир танкового корпуса, принявшего участие в военных действиях во Франции, активный участник кампаний в Северной Африке, на Сицилии, во Франции и Германии в период 1943–1945 годов. Газета «Нью-Йорк Таймс» написала о Паттоне в некрологе: «Генерал Джордж Смит Паттон-младший был одним из самых выдающихся солдат в американской истории. … Нацистские генералы признавались, что из американских военачальников его боялись больше всех». — *Прим. пер.*

Представление «кто является лидером» также напрямую связано с центральной задачей постмодернизма: самосозиданием[73]. Наше предположение не состоит в том, что лидерство — это врожденная черта, которая либо есть, либо ее нет. В переходную эпоху мало в чем можно быть уверенным, при этом существуют широкие возможности для творчества. Мы не связаны фиксированными ролями или судьбами. Можно создать себя и как личность, и как лидера. Новое лидерство не предполагает, что нужно быть руководителем постоянно. Лидерство также все чаще рассматривается как гетерархическое, основанное на способности действовать в конкретном контексте, исполнять специфическую задачу и разрешать определенную ситуацию.

Исследователи творчества различают Творчество с большой буквы и творчество с меленькой, то есть выдающееся и повседневное творчество[74]. Кажется, что идея различения «Лидерства» и «лидерства» может стать отправной точкой для проведения различия, скажем, между президентом Соединенных Штатов, чья роль является формальной и фиксированной и рассматривается как центральный символ лидерства для всей страны, и повседневной «лидерской» деятельностью людей, участвующих в движениях и организациях, направленных на осуществление социальных изменений или повседневной деятельности, которые могут как принимать на себя, так и оставлять лидерскую деятельность в более гетероархическом режиме.

Кланы и фабрики

Существенное и главное напряжение в изучении как лидерства, так и творчества заключается в двух противоположных точках зрения с двумя разными и противоположными единицами анализа. В философии социальных наук эти взгляды известны как атомизм и холизм[75]. В процессе изучения лидерства атомизм представляет Карлейль, сопоставляющий его с теорией великого человека и сосредотачивающий внимание на личности (за исключением социальных факторов), а холизм артикулируется Толстым, который упоминает силы истории и общества, а личность — просто представитель этих сил[76]. В творчестве данные противоположные точки зрения представлены в психологии, являющейся доминирующей

---

[73] McCracken, G. (2008). *Transformations: Identity construction in contemporary culture*. Bloomington: Indiana University Press.

[74] Runco, M. (2007). *Creativity. Theories and themes: Research, development, and practice*. Amsterdam: Elsevier.

[75] Fay, B. (1996). *Contemporary philosophy of social science. A multicultural approach*. New York: Blackwell Publishers.

[76] Wren, J. T. (Ed.). (1995). The leaders' companion: Insights on leadership through the ages. New York: Free Press.

исследовательской дисциплиной, которая ориентирована на творческую личность, и в связанной с ней социологической перспективе, сосредоточенной на роли социальных факторов и общем духе времени (*zeitgeist*), причем обе эти точки зрения рассматривают фокус друг друга как эпифеноменальный[77].

Джеймс Огилви неоднократно и убедительно обращался к этому вопросу, формулируя радикально плюралистическую социальную философию *некоторых*[78]. Его аргументация, слишком сложная, чтобы ее можно было обобщить здесь каким-либо образом, кроме как дав весьма краткое описание. Тем не менее она предполагает доведение как индивидуализма, так и коллективизма до их диалектических крайностей, и демонстрацию, в какой степени оба феномена являются человеческими конструкциями, возникающими в противовес друг другу. Следовательно, нет признания, в какой степени, с одной стороны, индивидуумы существуют в социальном контексте и благодаря ему, и что коллективы существуют как собрания более или менее организованных индивидуумов. Социальная философия *некоторых* предлагает радикальный внутрипсихический, межличностный и социальный плюрализм, не связанный фиксированным дизъюнктивным разделением, отстраненный от логики «или-или». Это более подвижный, сложный процесс, который признает постоянную взаимосвязь и взаимозависимость этих терминов и их выражение в человеческом мышлении и действии.

В популярной книге Сета Година «Кланы» есть два полезных образа, которые помогут нам сориентироваться в формирующемся новом понимании лидерства[79]. Его довод заключается в том, что из «эпохи фабрик» мы переходим в «эпоху кланов». «Клан, — пишет Годин, — это группа людей, связанных друг с другом, связанных с лидером и связанных идеей»[80]. Термин «клан» может показаться аморфным, из области «до-современности», в то время как слово «фабрика» кажется квинтэссенцией «современности». Так вот, ключевое отличие заключается в слове «связанных». Новые социальные сети объединили людей по всему миру. В то время как в досовременные времена клан был локальным явлением, сильно определяемым физической близостью, сегодня можно быть частью планетарного клана — будь то фанаты какой-нибудь малоизвестной инди-группы, собравшиеся вместе, чтобы поддержать жертв землетрясения в Абруццо, или, как обратная

---

[77] Simonton, D. K. (1999). The creative society: Genius vis-a-vis the Zeitgeist. In A. Montuori and R. Purser (Eds.), *Social Creativity* (Vol. 1, pp. 237–264). Cresskill, NJ: Hampton Press.

[78] См. Ogilvy, J. (1977). *Many Dimensional Man*. New York: Harper; Ogilvy, J. (2002). *Creating better futures*. New York: Oxford University Press.

[79] Godin, S. (2009). Tribes. We need you to lead us. New York: Portfolio.

[80] Ibid.

сторона данного явления, примеры организаций «Аль-Каида» и «Арийское братство». Кланы могут возникать и исчезать: в поиске самолета малазийской авиакомпании рейс MH 370 участвовал «клан» людей, сканировавших на своих компьютерах регулярно обновляемые изображения Тихого океана в поисках следов крушения. Можно сказать, что работу *Википедии* выполняет клан пользователей, занимающихся написанием, оценкой и исправлением статей. И кланы — это не только самая важная новая форма социальной организации и изменений, они также коренным образом меняют то, кто, что, где и как является лидером. В рамках нашего исследования, можно думать о кланах как об указателе на плюралистическую философию *некоторых* Огилви.

Фабрики большие, иерархичные, громоздкие, негибкие; они, как правило, не склонны к инновациям. Руководство фабрики состоит из ограниченного количества людей. Командование и контроль — центральные особенности руководства на фабриках. Там все как в армии. Войска США разгромили иракскую армию за считанные дни, но вряд ли об этом можно сказать, что «миссия выполнена». Нелепость ситуации, конечно, заключалась в том, что Ирак не имел никакого отношения к событиям 11 сентября. Далеко не ясно, в чем именно заключалась выполненная «миссия», больше походившая на «ползучую миссию», в попытках переформулировать, оправдать и рационализировать вторжение, отражающее умонастроения, уходившие корнями в другую эпоху. Предполагалось, что на нацию нападут, что является актом войны, и это может сделать только другая нация. Это требует возмездия той нации. Такое понимание обладает и логикой, и ясностью, и простотой. В постпривычное время рассредоточенная сеть террористов, живущих по всему миру, не может быть побеждена армией в лобовом противостоянии на поле боя. Это не враждебная нация в традиционном понимании. Смертники, взорвавшие себя 7 июля в Лондоне жили в Англии, а пилоты-террористы, совершившие атаки 11 сентября, жили в США. Они были «группой людей, связанных друг с другом, связанных с лидером и связанных идеей».

Кланы — явление сетевое, гибкое и гетероархичное, что позволяет лидерству проявляться во множественности источников[81]. Фактически, если в мире современной фабрики акцент делается на одном лидере для каждой системы и подсистемы, то в мире кланов каждый может быть лидером, и это точка зрения Година. Демократизация лидерства становится все более популярной перспективой. Джозеф Най обобщает новый взгляд[82]:

---

[81] См. Ogilvy, J. (1989). This postmodern business. *The Deeper News*, 1 (5), pp. 3–23; Nielsen, M. (2012). *Reinventing discovery: The new era of networked science*. Princeton: Princeton University Press.

[82] Nye, J. S. (2008). *The powers to lead*. New York: Oxford University Press.

Почти каждый может стать лидером. Лидерству можно научиться. Это зависит как от воспитания, так и от врожденных качеств. Лидерство может существовать на любом уровне, с формальными полномочиями или без них. Большинство людей одновременно являются лидерами и последователями. Они «ведут из среднего положения».

Такое положение далеко от героического образа лидерства «великого человека», капитана промышленности Джека Уэлча, генерала Паттона, Наполеона и классических фигур, связанных с лидерством, или фигур «ботаников», но не менее авторитетных Билла Гейтса и Стива Джобса с их преданными последователями. Очевидным кажется перемена как в лидерстве, так и в творчестве, то есть отход от модели Великого человека к модели «для всех/везде/каждый день», с новым акцентом на роли последователей и даже «организаций без лидера»[83]. Более распределенные модели лидерства, опирающиеся, как в случае с исследованиями креативности, на различные источники, включая теории комплексности и хаоса, и недавнее исследование стай начинают предлагать альтернативные модели, признающие центральное значение совместного творческого потенциала[84].

Заключительные размышления

Мы живем в постпривычное время. Старый мир умирает, а новый еще не возник. Творчество и воображение необходимы для того, чтобы представить этот новый мир, изобрести и сформулировать альтернативы старому. Творчество *руководит* нашим движением вперед к этому новому миру; благодаря ему мы представляем себе различные варианты. Это означает, что творчество в данный конкретный момент времени требует большей *ответственности*, чем когда-либо прежде. Творцы являются лидерами. Мы видели, как новые тенденции предполагают, что творчество теперь становится более относительным и более сосредоточенным на повседневных, для всех и везде явлениях. В этом есть свой смысл: альтернативы формулируются и разрабатываются совместно кланами, «некоторыми» людьми по всему миру, касательно всех аспектов их жизни. Генеративные, совместные процессы становятся все более популярными. Несмотря на различия, люди учатся работать вместе для разработки творческих решений старых проблем. Очень часто эти проблемы сами по

---

[83] См. Brafman, O., and Beckstrom, R. A. (2006). *The starfish and the spider: The unstoppable power of leaderless organizations*. New York: Penguin; Meindl, J. R. (1995). The romance of leadership as a follower-centric theory: A social constructionist approach. *The Leadership Quarterly*, 6 (3), pp. 329–341; Riggio, R. E., Chaleff, I., and Lipman-Blumen, J. (2008). *The art of followership: How great followers create great leaders and organizations* (Vol. 146). New York: John Wiley & Sons.

[84] Rolling, J. H. (2013). *Swarm intelligence: What nature teaches us about shaping creative leadership*. New York: Macmillan.

себе когда-то были решениями, но сегодня те решения превратились в проблемы.

Мы предположили, что новое творчество и лидерство отличаются от старых по многим показателям. Но этих изменений, хотя они сами по себе и интересны, недостаточно. Если мы хотим двигаться вперед в постпривычное время к новому миру, нам нужно знать о корнях, ветвях и плодах «дерева старого мира» и предоставлять им альтернативы.

Мы завершаем наше исследование кратким описанием некоторых более крупных вопросов. Постпривычная эпоха есть результат исчерпанности «старой парадигмы» или мировоззрения модерна. Это истощение видно в ряде сфер. Как мы указывали ранее, можно видеть, что многие решения, предлагаемые модерном, в основном связанные с контролем над природной средой, теперь сами стали проблемой. Как предположил Огилви, «чуждая среда», с которой мы теперь должны столкнуться, — это уже не естественная среда, привычная для нас, а технологии и политика[85]. То, с чем нам приходится сталкиваться, находится не столько «вне», сколько в нашем собственном творении и нашем собственном способе мышления, чувствования и бытия, будучи институционализированным и став «реальным».

Переход к этому нарождающемуся новому мировоззрению будет во многом зависеть, как подчеркивает Сардар, от творческого потенциала и воображения и, в частности, от того, как те отношения, которые в рамках старого мировоззрения считались проигрышными, можно превратить в отношения, выгодные для обеих сторон. Другими словами, как конфликты и различия могут быть опосредованы, использованы и, возможно, даже преодолены благодаря творчеству. Стимулирование и использование творчества повсеместно, каждый день и всеми не станет легким и быстрым процессом, но такого рода сетевое творчество с «открытым исходным кодом», кажется, необходимо, чтобы преодолеть ограничения материалистического мировоззрения из области «Гоббс и машина».

Учитывая остроту глобальных проблем, такая задача кажется в лучшем случае сложной. Но мы предполагаем, что новое глобальное сетевое творчество, направленное на коллективное решение проблем и создание альтернатив, также может предоставить нам замечательный потенциал и возможности, которые были невообразимы каких-то 20 лет назад[86]. Возможно, жизнь никогда больше не станет «привычной», но если в результате мы вырвемся из оков материализма, нам действительно есть что ожидать и к чему стремиться.

---

[85] Ogilvy, J. (1977). *Many Dimensional Man*. New York: Harper.

[86] См. Montuori, A. (2013). Creativity and the Arab Spring. *East West Affair*, 1(1); Montuori, A., and Purser, R. (1996). Ecological futures: Systems theory, postmodernism, and participative learning in an age of uncertainty. In D. Boje, D. Gephart and T. Joseph (Eds.), *Postmodernism and organization theory* (pp. 181–201). Newbury Park: Sage.

ОБ АВТОРАХ

Габриэль Доннелли, писатель и эксперт по социальным изменениям и инновациям, получила докторскую степень в области исследований преобразований в Калифорнийском институте интегральных исследований. Она является партнером компании *Collective Wisdom Solutions*, консультационной службы, занимающейся воплощением идей в жизнь и работающей с государственными, частными и некоммерческими организациями, со штаб-квартирой в Галифаксе, Новая Шотландия (Канада).

Шрин Элахи, эксперт по рискам, неопределенности, изменениям и сценарному планированию. Она часто выступает с лекциями, в том числе в *Said Business Center*, Оксфордский университет; бизнес-школе *HEC* (*École des hautes études commerciales de Paris*), Париж; в Международном институте прикладного системного анализа (IIASA), Лаксенбург; и в исследовательском центре рисков им. Бенфилда Грейга при Университетском колледже Лондона (UCL). Она является управляющим директором *Scenarios Architecture*, консалтинговой компании по стратегическому планированию для сетевых специалистов, работающих со сложными глобальными рисками.

Сильвио О. Фунтович, преподавал математику, логику и методологию исследований в Буэнос-Айресе (Аргентина). В течение многих лет он был приглашенным ученым в Объединенном исследовательском центре Европейского сообщества в Испре (Италия), где занимался аналитической философией в области исследований науки и технологий. Вместе с Джеромом Равецом он создал NUSAP, систему обозначений, характеризующих неопределенность и качество в количественных выражениях, и представил концепцию постпривычной науки. В настоящее время он является профессором Центра изучения естественных и гуманитарных наук (SVT) в Университете Бергена (Норвегия).

Скотт Джордан, философ и политолог, писатель, редактор и автор многочисленных подкастов, в настоящее время активно работает в Малайзии и Юго-Восточной Азии. Специалист в области исследований Востока и Запада, он много пишет о постпривычном времени, политике, культуре, философии и образовании. Он является автором книги «Совершенно британский мусульманский активист: жизнь Гаясуддина Сиддики»,

а также является соавтором и редактором различных работ вместе с другими сотрудниками Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего. Скотт работает в Азиатском мировом центре при университете Крейтон в Омахе, штат Небраска. Он является членом Международного консорциума против насилия *(Nonkilling Consortium International)*, работал с Фондом Сун Чинг Лин в Китае. Скотт регулярно публикуется во влиятельном ежеквартальном журнале *Critical Muslim,* в котором занимает пост заместителя главного редактора, и ведет радиошоу и подкаст *Tea Talk Asia*. Его исследовательская работа сосредоточена на постпривычном компоненте международных отношений, политики и управления, которые он часто исследует через призму кинематографа. Скотт является исполнительным помощником директора Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS).

Альфонсо Монтуори, профессор кафедры исследований преобразований Калифорнийского института интегральных исследований; является автором нескольких книг о творчестве, комплексности, социальных изменениях, управлении и образовании, в том числе соредактором двухтомника «*Social Creativity*» («Социальная креативность», изд-во Hampton Press, 1999) и не так давно вышедшей книги «*Journeys in Complexity*» («Путешествия по комплексности», Лондон: Routledge, 2015). Он является главным редактором журнала *Advances in Systems Theory, Complexity, and the Human Sciences,* издательства Hampton Press, и помощником редактора в журнале *World Futures: The Journal of General Evolution*.

Джерри Р. Равец, известный философ науки, прославившийся своими неординарными работами о рисках, научной объективности и истории науки. Его книга «*Scientific Knowledge and Its Social Problems*» («Научное знание и его социальные проблемы», OUP, 1971) считается основополагающей работой. Среди других его книг: «*The Merger of Knowledge with Power*» («Слияние знаний с властью», Лондон: Cassell, 1990), (совместно с С. О. Фунтовичем) «*Uncertainty and Quality in Science for Policy*» («Неопределенность и качество науки для политики», Kluwer, Dordrecht, 1990), (с Зияуддином Сардаром) «*Cyberfutures*» («Перспективы кибербудущего», Лондон: Pluto, 1997) и «*Introducing Mathematics*» («Введение в математику», Кембридж: Icon, 1998). Его считают отцом постпривычной науки. Вместе с Сильвио Фунтовичем Равец разработал NUSAP, систему обозначений, характеризующих неопределенность и качество в количественных выражениях. В настоящее время он является научным сотрудником Института науки и цивилизации им. Джеймса Мартина при Оксфордском университете.

Зияуддин Сардар, писатель, футуролог и просветитель, является всемирно известным общественным интеллектуалом. Он опубликовал более 50 книг, в том числе «*Rescuing All Our Futures*» («Спасая все варианты нашего будущего», Нью-Йорк: Adamantine, 1998), «*Islam, Postmodernism and Other Futures: A Ziauddin Sardar Reader*» («Ислам, постмодернизм и другие перспективы будущего: хрестоматия Зияуддина Сардара», Лондон: Pluto, 2003) и «*Future: All That Matters*» («Будущее: все, что важно», Лондон: Hodder, 2013). С 1999 по 2012 год он был главным редактором *Futures*, ежемесячного журнала исследований политики, планирования и перспектив будущего, а с 2006 по 2009 год занимал должность уполномоченного в Комиссии Великобритании по вопросам равенства и прав человека. Сардар является директором Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS).

Джорди Серра, футуролог, консультант и просветитель, академический директор Наблюдательного центра социальной экономики (OES21) в Барселоне; ассоциированный профессор факультета коммуникации и международных отношений Бланкерны (Universitat Ramon Llull), в котором преподает теорию постпривычного времени и форсайт. Ранее он возглавлял отдел форсайт-исследований Центра управления рисками Автономного университета Барселоны. Он входит в состав редакционного совета журналов *Futures, World Future Review* и *Revista IAPEM*. Джорди также занимается интенсивной публикационной работой на английском, испанском и каталонском языках, опубликовал ряд статей для академических журналов, множество публицистических заметок и несколько книг, среди которых «*Inteligencia y análisis prospectivo: La gestión de la incertidumbre*» (Secretaria de Inteligencia, Quito, 2014). В качестве консультанта Джорди сотрудничал с различными государственными, частными и международными организациями в Европе, Южной Америке и по всему миру. Он является заместителем директора Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS), а также координирует работу барселонского офиса CPPFS.

Джон Суини, футуролог, консультант и просветитель. Он сотрудничает с университетами, агентствами международного развития и гуманитарной помощи, некоммерческими фондами, образовательными и культурными организациями, включая ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Глобальный центр передового опыта государственной службы ПРООН, Объединенный исследовательский центр Европейской комиссии и Международную федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Джон является соавтором книги «*Mutative Media: Communication Technologies and Power Relations in the Past, Present, and Futures*» («Мутационные СМИ: коммуникационные

технологии и соотношения властей в прошлом, настоящем и будущем» Springer, Dordrecht, 2015). Джон занимал должность заместителя директора Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего (CPPFS) с 2014 по 2018 годы.

Центр постпривычной политики и исследований перспектив будущего (**CPPFS**): международная исследовательская и консультативная сеть, уделяющая особое вниманием людям и сообществам, занимающим далеко не ведущее положение. Центр способствует повышению уровня знания в вопросах, касающихся будущего и понимания постпривычного времени, делая акцент на новые средства ориентации в контексте противоречивых, комплексных и хаотичных ситуаций и явлений. Работа Центра направлена на продвижение критических исследований, обучение через действия и развитие этического воображения для формирования деколонизированного, альтернативного и предпочтительного будущего. Официальный сайт Центра: https://www.cppfs.org/.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Ряд статей из данной «Хрестоматии» первоначально появился в ежемесячном журнале «*Futures*», публикующем исследования о политике, планировании и исследовании перспектив будущего. В 1990-е годы «*Futures*» стал пионером в области постпривычной науки, и многие ключевые статьи из этой области впервые появились в этом журнале, в том числе статья «Наука постпривычной эпохи» С. О. Фунтовича и Дж. Р. Равеца (*Science for the Post-Normal Age*, Futures 25 (7), 1993) и «Наука о том, "а что, если?"» Дж. Р. Равеца, (*Science of "What if?"*, Futures 29 (6), 1997г.). Так что вполне естественно, что ранние работы о постпривычном времени также публиковались в «*Futures*», в частности: «Добро пожаловать в постпривычное время» (*Welcome to Postnormal Times*, Futures 42 (5), стр. 435–444, 2010) и «Еще раз о постпривычном времени» (*Postnormal Times Revisited*, Futures 67, стр. 26–39, 2015) Зияуддина Сардара; «Здесь обитают драконы»: исследуя "неизвестное неизвестное" Шрин Элахи (*Here be Dragons: Exploring the 'Unknown Unknowns'*, Futures 43 (2) 2011); и «Три завтра постпривычного времени» Зияуддина Сардара и Джона Суини (*The Three Tomorrow of Postnormal Times*, Futures 75 (1–13) 2016). Все эти статьи были перепечатаны с любезного разрешения издательства *Elsevier*.

Статья Зияуддина Сардара «Постпривычные артефакты» (*Postnormal Artefacts*) впервые появились в журнале *World Future Review* (7 (4), стр. 342–350), в 2016 году; а его статья «Ближний Восток в постпривычное время» (*The Middle East in Postnormal Times*) представляет собой переработанную версию «Будущее арабской весны в постпривычное время» (*The Future of the Arab Spring in Postnormal Times*), опубликованную в журнале «*American Journal of Islamic Social Sciences*» (30 (4), стр. 125–136) осенью 2013 года. Статья Дж. А. Суини «Заразительная взаимосвязанность: иллюстрация "трех завтра"» (*Infectious Connectivity: Illustrating the Three Tomorrow*) была первоначально опубликована в журнале «*Futures of the Internet*», под редакцией Дж. Винтера и Р. Оно (Springer, Dordrecht, 2015). Его вторая работа

«Глобальное постраннение» (*Global Weirding*) появилась в ежеквартальном журнале «*Critical Muslim: Extreme*», под редакцией Зияуддина Сардара (No.17, Hurst, London, 2016). Статья Скотта Джордана «Постпривычная Америка в кино» (Postnormal America at the Movies) представляет собой комбинацию двух статей, опубликованных в журналах «*Critical Muslim 17: Extreme*» и «*Critical Muslim 19: Nature*» (Hurst, London, 2016). Мы благодарим все эти издательствам за разрешение перепечатать перечисленные статьи.

Ранние работы Центра постпривычной политики и исследований перспектив будущего были опубликованы в журнале «*East-West Affairs*», который просуществовал недолго. Именно в этом журнале впервые появились статьи Зияуддина Сардара «Отношения Восток — Запад в постпривычное время» (*East-West in Postnormal Times*), исследования Джорди Серры «Противоречия Европейского Союза» (*European Union's Contradictions*) и «Постпривычное правление» (*Postnormal Governance*), а также статья Джерома Р. Равеца «Наука и ученые в постпривычную эпоху» (*Science and Scientists in Postnormal Age*). Остальные статьи были написаны специально для данной «Хрестоматии».

ХРЕСТОМАТИЯ ПОСТПРИВЫЧНОГО ВРЕМЕНИ

Под редакцией
ЗИЯУДДИНА САРДАРА

Переводчик и редактор
Елена Музыкина